Борис Лавренев

5

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1984

Борис Лавренев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Борис Лавренев

Собрание сочинений

ТОМ ПЯТЫЙ

ПЬЕСЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1984

Р2
Л 13

Составление и подготовка текста
А. Ю. Лавренева

Примечания
Е. В. Стариковой

Оформление художника
Ю. Алексеевой

Л $\frac{4702010200-027}{028(01)-84}$ подписное

Пьесы

ДЫМ

(МЯТЕЖ)

Драма в четырех действиях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Липеровский Константин Андреевич, главком Южной республики.

Виктория, его жена.

Оленька, ее племянница.

Павлик, юнкер, брат Виктории.

Словцов Лев Сергеевич, отец Виктории.

Офицеры войск Директории:
- **Поручик Отрошкевич**
- **Поручик Соловьев**
- **Подпоручик Марочка**
- **Прапорщик Былинский**

Ирина Николаевна, легкомысленная дама.

Бот Сергей Иванович, адъютант Липеровского.

Полковник Руднев, начальник штаба Директории.

Мухамеджанов, сартский богач.

Член Директории.

Рузаев, командир партизанского полка.

Члены совета обороны Республики:
- **Волынский**
- **Стеценко**
- **Пазухин**

Фомин, предчека.

Зайцев, матрос.

Неизвестный.

Девушки:
- **Лидочка**
- **Тамара**

Марютка, доброволица, партизанка.

Офицеры, юнкера, партизаны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Столовая в квартире главкома Липеровского. Большой стол, уставленный бутылками и снедью. Направо рояль. У рояля Павлик, вокруг него Лидочка, Тамара, Ирина Николаевна, Отрошкевич, Марочка, Былинский, Соловьев. При поднятии занавеса Павлик наигрывает одним пальцем минорную мелодию. Все мужчины в военной форме, без погон.

Лидочка. Ну, что это, Павлик, в самом деле? Одним пальцем тренькаешь! Спой еще что-нибудь.

Тамара. Да, да, спойте, Павлик!

Павлик. Милые девушки, не могу же я вечно петь на голодный желудок. Мне шамать хочется, а новорожденная не идет.

Тамара. А все-таки спойте, Павлик. Ну, последнее.

Павлик. Что ж спеть?

Ирина Николаевна. Что-нибудь грустненькое, грустненькое.

Отрошкевич. Ирина Николаевна, что это с вами? Грусть не в вашем плане.

Соловьев. А ты откуда знаешь?

Ирина Николаевна. Поручики-голубчики, не ссорьтесь. Я веселая и добрая, а от грустненьких песенок становлюсь еще веселее и добрее.

Соловьев. Тогда пойте, Павлик, и погрустнее.

Павлик. Вот это так! Петь-то буду я, а выгода вам? Ну да ладно, спою. *(Берет аккорд, поет.)*

В этот маленький город, где вы жили ребенком,
Из Парижа весной к вам пришел туалет...
В этом платье печальном вы казались Орленком,
Бледным тоненьким герцогом сказочных лет...

После первого куплета Соловьев отводит Отрошкевича на другую сторону сцены, разговор между ними идет под пение Павлика.

Соловьев. Отрошкевич, я тебе серьезно говорю, не приставай ты к Ирине Николаевне.

Отрошкевич. А она у тебя что? На положении водочной монополии?

Соловьев. Идиот! Ты понимаешь, что я безумно ее люблю.

Отрошкевич. Понимаю. Ума у тебя никогда не было. Но зачем же быть таким монополистом? Может быть, завтра тебя убьют. Надо же подготовить себе заместителя. Ты полевой устав забыл.

Соловьев. Оставь паясничать. Почему должны убить меня, а не тебя?

Отрошкевич. Голубчик, это вопрос философский, а я философией никогда не занимался. Помимо же всего, у меня железный затылок, а у тебя размягченный, интеллигентский. По моим наблюдениям, пули очень любят такие затылки.

Соловьев. Пошел ты к черту! *(Отходит к роялю.)*

Отрошкевич смеется ему вслед и закуривает папироску.

Павлик *(заканчивая петь)*.

Так весной в бутафорском, смешном экипажике
Вы поехали к господу богу на бал.

Лидочка. Браво, браво, ужасно хорошо!

Ирина Николаевна. Боже, как грустненько! Хочется плакать и целоваться.

Отрошкевич. Соседняя комната свободна. Можете забирать Соловьева и отправляться туда.

Ирина Николаевна. Отрошкевич, вы пошлый марксист. Самое лучшее в жизни это — неосуществимая мечта.

Отрошкевич. Ну, эта мечта чрезвычайно легко осуществима. От этого она теряет ценность.

Павлик *(встает из-за рояля)*. О, господи! Вот моя мечта, очевидно, неосуществима.

Тамара. Какая мечта, Павлик?

Павлик. Пожрать и выпить! Это же ужасно. Битый час на столе стоят бутылки и яства, и к ним нельзя прикоснуться.

Отрошкевич. А вы дерзайте, юнкер Словцов. Жизнь — дерзание.

Павлик. Хоть одну рюмашечку пропустить. Эге, кажется, мечта исполняется. Слышу голос новорожденной.

Дверь открывается, входит Виктория, за ней семенит Лев Сергеевич.

Виктория. Здравствуйте, господа.

Общий гул приветствия.

Отрошкевич. Глубоко уважаемая Виктория Львовна, как старший в чине, приветствую вас от имени

собравшихся фендриков и желаю рождаться еще бесчисленное множество раз.

Виктория. Спасибо, Отрошкевич.

Былинский. А я, Виктория Львовна, поздравляю вас, как младший в чине.

Лев Сергеевич. А старика-то все забыли и обижают. Нехорошо ж,— если кого-нибудь поздравлять в первую очередь, так это меня, потому что я непосредственная причина сегодняшнего торжества.

Марочка *(заикается)*. Так как я здесь средний в чине, то я первый вас и поздравляю, Лев Сергеевич.

Отрошкевич. Марочка вообще среднего рода. Умен, как мерин, и стыдлив, как меринос.

Павлик. Витя, садимся за стол. Ужасно хочется выпить за твое здоровье.

Виктория. Конечно, садитесь, господа. Константин не звонил?

Павлик. Звонил. Он просил сказать, что задержится на заседании. Там у него какая-то неприятность с Рузаевым.

Виктория *(тревожно)*. С Рузаевым? Разве он здесь?

Павлик. Не знаю, должно быть, здесь. Впрочем, Константин сам тебе расскажет.

Все уселись за стол, разливают вино.

Ирина Николаевна. Ай, ай, какая роскошь! Даже заграничный портвейн.

Лев Сергеевич. Это я вчера словчился в комиссариате. С утра пришел на доклад к моему кожаному, а сам страшные рожи корчу и за живот держусь. Он спрашивает, что с вами? А я пошел ему плести, что, дескать, страдаю катаром желудка, а вина достать невозможно. Ну, он размяк. «Помилуйте, говорит, что ж вы сразу не сказали? Для такого ценного работника»,— и вмиг мне записочку в Наркомздрав на целую полдюжину.

Отрошкевич. А здорово вы научились совдеповской дипломатии!

Лев Сергеевич. Жизнь научит. Иногда только странно как-то становится. Подумаю: ведь был я когда-то губернатором. Сам мог портвейны раздавать. Да что портвейны — уезды раздавал, а теперь хожу и у бывшего кучера полдюжины выпрашиваю для домашнего праздника.

Отрошкевич. А вы не унывайте, Лев Сергеевич. В этом суть земного бытия. Первые да станут последними, а ставшие последними, опять, по закону перемен, должны вознестись горе.

Лев Сергеевич. Вашими бы устами да мед пить.

Павлик. Ну, что это, господа, опять сухие разговоры! Начнем, благословясь.

Тамара. Тост! Тост Виктории Львовне!

Ирина Николаевна. Соловьев, скажите! Вы так хорошо умеете говорить.

Соловьев встает, держа бокал в руке.

Отрошкевич. Встать! Смирно! Господа офицеры!

Виктория. Отрошкевич, вы обезумели? Что вы кричите? Ведь кругом же люди. Вы об этом подумали?

Отрошкевич. Виноват, Виктория Львовна. Но ведь все равно двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Виктория. Вы сумасшедший мальчишка, вас на привязи держать надо.

Отрошкевич. Привяжите, Виктория Львовна, я за вами готов болонкою бегать.

Соловьев. Отрошкевич, заткни фонтан.

Отрошкевич садится.

Господа! Вы требуете от меня тоста? Хорошо. Господа, мы живем в исключительное время. В неповторимое время. Россия разделилась на два лагеря. Один — красный, другой — белый. Первый живет силой кулака, второй — силой духа. Революция, в которую все мы верили, как в невесту...

Отрошкевич. Виноват, я с самого начала считал ее шлюхой.

Ирина Николаевна. Ах, не мешайте же! Я так люблю хорошие трогательные слова.

Соловьев. Я говорю о большинстве. Революция обернулась к нам страшной рожей, испачканной в братской крови. Она насилием заставила нас служить ее братоубийственному делу. И мы ненавидим ее. У нас только один выбор — прямая и честная борьба против силы кулака, за свободу духа, равную для всех. Эту свободу даст нам Учредительное собрание.

Отрошкевич *(вполголоса)*. Да здравствует государь император!

Ирина Николаевна. Уймитесь, бешеный!

Соловьев. К Учредительному собранию приведет Россию белая армия, армия рыцарей духа, долга и чести. Господа, перед решительным шагом, перед началом борьбы, в которой многим из нас суждено лечь костьми, я подымаю бокал за настоящую нашу вдохновительницу, за прекрасную и стойкую русскую женщину, самое имя которой обещает нам успех. Ибо Виктория — значит «победа». Виктория Львовна, ваше здоровье.

Виктория. Благодарю и принимаю.

Тамара. Отлично, очень хорошо.

Лев Сергеевич *(через стол Отрошкевичу)*. Красиво, красиво, а вот только вижу я, молодой человек, что одни мы с вами понимаем, где настоящая красота. Эх, плохо жить без государя. То ли дело при нем, дорогом, было. Как вспомню одни парады на Марсовом поле,— слеза прошибает. Не видать больше такой красоты. А Учредительное собрание — сие есть мрачный туман, видимый через либеральные очки.

Виктория. Папа, не говори глупостей.

Отрошкевич. Верно, Лев Сергеевич! Учредительное собрание — это примочка для мягких затылков. Выпьем потихоньку за его величество.

Чокается со Львом Сергеевичем.

Павлик. А я хочу выпить за всех женщин вообще, за всех, кого мы любим.

Тамара. Ура, ура, спасибо!

Все пьют.

Марочка. Господа, что же мы сидим и не видим! А где же фея этого дома? Где Оленька?

Виктория. Оленьке нездоровится. У нее сегодня опять кровь горлом пошла.

Марочка. Что вы, что вы? Какое несчастье!

Виктория. Ее надо отправить в санаторий. Но куда же отправить, когда мы отовсюду отрезаны? Мне страшно смотреть на нее.

Марочка. Виктория Львовна! Да я жизнь свою с радостью отдам за то, чтоб Оленька выздоровела.

Былинский. Ты, Марочка, не очень. А то Бот тебе голову оторвет.

Марочка. Глупо! Я знаю, что Оленька невеста Сергея Ивановича. Я люблю Сергея Ивановича и желаю ему счастья. Предлагаю выпить за здоровье Оленьки.

Павлик. Ура!

Все пьют. Звонок телефона.

Виктория *(встает, подходит к телефону)*. Да... Костя? Ну, что же ты не едешь? Ага. Так, так. Но, ради бога, скорей кончай и будь осторожен. А где Сергей? Да, хорошо. Мы? Сидим, ужинаем. Хорошо. До свиданья. *(Возвращается к столу.)*

Соловьев. Что, Константин Андреевич приедет?

Виктория. Да, но только не раньше, как часа через два. *(Берет бокал.)* Господа, если вы пили за мое здоровье, то я предлагаю выпить за того, кто является вождем нашего дела и несет за него огромную и тяжелую ответственность. За Константина Андреевича Липеровского.

Все. Урра! *(Пьют.)*

Лев Сергеевич. Господа, а не захватить ли нам бутылочки и пойти в беседку? В столовой что-то душно становится.

Былинский. Верно. В саду сейчас хорошо. Луна, цветами пахнет.

Отрошкевич. Кошачья романтика.

Виктория. Только просьба ко всем и к Отрошкевичу в особенности, в саду не шуметь и не говорить опасных глупостей.

Отрошкевич. Виктория Львовна, за кого вы меня принимаете? «Клянусь четой и нечетой. Клянусь мечом и правой битвой». Видите, даже стихи вспомнил.

Виктория. Ну хорошо, тогда идем.

Все шумно встают, захватывают бутылки и бокалы и выходят в среднюю дверь. Лев Сергеевич, выходя, гасит свет. Соловьев удерживает Ирину.

Соловьев. Ирочка, посидим немножко здесь, погрустим.

Ирина Николаевна. Ах, оставь, пожалуйста, все вы какие-то нытики, только и умеете жаловаться и скулить на жизнь. А жизнь нужно принимать весело. Вот вчера мой сеттер Лоби слопал мой хлебный паек за два дня. Что же, мне от этого в обморок падать? Истерику закатить? Я только посмеялась — пусть лопает. Когда придется его съесть — жирней будет.

Соловьев. Лоби съесть? Ира, какой ужас!

Ирина Николаевна. Что? Ужас? Вадька, ты утверждал, что будешь безумно обожать меня, пока существует Советская власть. Я словам не верю. Вот если ты согласишься вместе со мной скушать ростбиф из Лоби, тогда поверю.

Соловьев. Я тебя обожаю, а Лоби есть не стану...

Ирина Николаевна. Вот как... Какая же это любовь?..

Соловьев. Пусть Отрошкевич ест твоих собак...

Ирина Николаевна. Что? Он ревнует к Отрошкевичу... Дурашка!.. Почему же ты не ревнуешь меня к мужу?

Соловьев. Муж не в счет... Ирочка! Пойдем туда, в кабинет, там никого... темно... хорошо.

Ирина Николаевна. Послушай, но ты сейчас занят Учредительным собранием.

Соловьев. Ирочка, Учредительное собрание подождет. Для обыкновенной любви, как сказал какой-то греческий мудрец, нужно не более десяти минут. Пожалей меня, Ирочка. Страшная ведь наша жизнь. «Солдатский отдых краткий, солдатская любовь», — и все трын-трава.

Ирина Николаевна. Мальчишка шалый! Смешняк!

Обнимает и целует Соловьева и быстро уходит с ним в левую дверь.

Виктория *(входит с Львом Сергеевичем)*. Папа, я не могу больше ждать.

Лев Сергеевич. А ты не бузи, Витенька. Хорошее это слово, я его в своем комиссариате узнал. Мой кожаный всегда так говорит. Как только кто занервничает, он ему сейчас: «Ты, миляга, не бузи». Вот я и тебе говорю: не бузи.

Виктория. Ах, папа! Если бы я была уверена в Константине, я была бы спокойна. Константин весь какой-то мятущийся.

Лев Сергеевич. Перемелется, мука будет.

Звонок телефона.

Виктория. Наконец! *(Берет трубку.)* Слушаю, здравствуй, Сергей. Да. Заседание кончается? Ты думаешь, благополучно? Что? Что ты говоришь? Прекрасно. Я страшно волнуюсь. Ну, ну, приезжайте.

Лев Сергеевич. Что говорит?

Виктория. Слава богу, папа. Сергей говорит, что все благополучно. Константину удалось провести этих хамов.

Лев Сергеевич. Вот видишь. А ты бузишь попустому, миляга.

Виктория. Папа! Я боюсь верить. Неужели? Завтра? Завтра новое солнце, новая жизнь?

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Заседание совета обороны Южной республики. За столом наркомы: Волынский, Стеценко, Пазухин, предчека Фешин, Рузаев, Липеровский, секретарь (без слов).

Пазухин. Но ведь вы сознаете, что тревога растет?

Стеценко. А! Без всяких оснований.

Волынский. Все это разводят паникеры и шкурники.

Пазухин. Сеются дурацкие слухи об англичанах.

Фешин. Никаких англичан. Откуда они могут взяться?

Волынский. К порядку, товарищи, главком не кончил доклада. Прошу внимания.

Стеценко. Продолжай, Липеровский.

Липеровский *(стоит с указкой у стенной карты)*. Таким образом, вы видели общее положение. Вот здесь горный хребет Той-Тюбэ, здесь долина Айсава. Мы были отрезаны от центра, от руководства. Долина была перерезана противником. Коммуникационные линии порваны. Грозил голод. Наспех собранным кулаком мы бросили конницу в тылы противника. Семьи повстанцев были взяты заложниками, тогда они дрогнули, рассыпались. Мы прорвались к хлебу, к жизни. Враг распылился, мелкими шайками бежал в горы. Победа была за нами.

Стеценко. Ты говоришь, победа?

Фешин. Была?

Липеровский. Да, была. Но условия изменились. Мы отошли. Вот эта линия. Откат на триста верст. И снова у нас клочок экзотической окраины. Мы предоставлены самим себе и окружены врагами.

Фешин. Совершенно необъяснимо.

Стеценко. Ведь это же нелепость!

Фешин. Мы требуем объяснений. Почему отступаем? Вы ответственны за поражение.

Липеровский. Перед кем?

Фешин. Перед нами и революцией. Вы ответите полностью.

Липеровский *(вспыхнув)*. Иными словами — угроза подвала? Кому? Мне? Коротки руки!

Фешин. Однако.

Стеценко. По какому праву ты так разговариваешь?

Липеровский. По какому праву? Мое право — в боях моей армии, в крови моих бойцов, в моей воле, в моей работе. Вы еще говорите о праве? Да вы обязаны мне головами! И тем, что сидите здесь, тоже обязаны мне. Моей армии.

Волынский. Липеровский, не нервничай.

Липеровский. Кто вы, обвиняющие? Кто вы, требующие ответа? Вам легко. Тыл, проекты, заседания, собрания, разговорчики, декреты и манифесты. А фронт — это пули, голод, холод, на каждом шагу смерть. И я держу фронт. Уже год держу. Только я, моя армия.

Рузаев *(поднимает голову, в упор смотрит на Липеровского и говорит тихо)*. Твоя? Врешь, не твоя. Наша! Кровная, чумазая наша босячня. Голота наша. И сам ты наш с потрохами. Нужен — держим. Пройдет нужда — выбросим.

Липеровский *(тоже в упор, взглянув на Рузаева, после паузы)*. Я не хотел никому личной обиды. Не хотел. Тяжело. Тяжко, товарищи! Это огромная тяжесть быть в ответе за каждое дело, за каждый шаг, за каждую мысль. А вы пугаете подвалом. Как можете? Как решаетесь?

Фешин. Излишняя мнительность.

Липеровский. Может быть. Этому есть оправдание. Целый год нервы натянуты, как струны. Минуты кажутся годами, годы столетиями. У меня в висках седина, товарищи, а мне тридцать два года. Но не в этом дело. Вам нужны причины? Почему поражение? Хорошо. Главная причина недалеко. Она здесь, рядом с нами. Сидит за одним столом.

Рузаев настораживается, придвигается ближе к столу.

Да, за этим столом. Эта причина... товарищ Рузаев.

Р у з а е в *(вскочив)*. Врешь, гад! Врешь, язва!

В о л ы н с к и й *(становится между Рузаевым и Липеровским)*. Что? Что такое? Садись на место. Что орешь?

Ф е ш и н. Рузаев, садись.

Р у з а е в *(вырываясь у удерживающего его Стеценко)*. Врет прохвост! Знаю я тебя! Насквозь вижу студень твой. На меня сваливаешь, чтоб свои шашни замазать. Ты... Ты... ждешь дня только, чтоб в спину ударить. Когда надумал? Сегодня? Завтра? Почем братнюю кровь продаешь? Что ж ты опустил бесстыжие свои гляделки? Что ж ты молчишь, главком? А?

П а з у х и н. Рузаев, оставь. Очумел, что ли?

Л и п е р о в с к и й. Волынский, прекрати эту идиотскую сцену. Или я отказываюсь разговаривать.

Р у з а е в. Слабо? Селезенка занемогла? Сдаешь, главком?

Л и п е р о в с к и й. Прошу мне не тыкать.

Р у з а е в. Коробит? Черная кость вашей милости тыкает?

П а з у х и н. Рузаев, да успокойся, нельзя же так.

С т е ц е н к о. Безобразие!

В о л ы н с к и й. Рузаев, если не будешь вести себя прилично, я тебя удалю с заседания.

Р у з а е в. Он мне в рожу плюет, а я молчи?

В о л ы н с к и й. Получишь слово для ответа.

Р у з а е в. Ладно, пущай. Пусть треплет собачьим своим брехом.

Л и п е р о в с к и й. Меня не трогает злоба Рузаева, не задевают его оскорбления, говорю без обиняков. Рузаев на фронте сорвал работу, разрушил дисциплину, развел бандитизм.

Рузаев хочет вскочить, его удерживают.

Рузаевские методы — разнузданная партизанщина, его отряды не признают командования. Живут грабежом населения. Разрушают транспорт. Этого мало: грабят соседние части. Был случай — рузаевцы захватили транспорт патронов, отправленный на опаснейший участок. Люди остались в окопах лицом к лицу с противником, с голыми руками.

Р у з а е в. Да, отбил. А тебе не по нраву? Ты отправил патроны противнику. Без конвоя. Все приготовил, чтоб патроны к белым попали, а я тебе музыку испортил.

В о л ы н с к и й. Товарищ Рузаев, в последний раз

делаю тебе предупреждение, ты говоришь гнусности. Липеровский наш. Он нам товарищ. Год душа в душу и рука об руку мы делаем одно дело. Мы верим ему. Мы здесь на окраине отрезаны от всего, мы должны быть одной семьей, и я запрещаю тебе.

Фешин *(угрюмо, вполголоса)*. Ничего, пусть говорит, это интересно, где дым, там и огонь.

Липеровский. Не раздражайся, Волынский, он меня не оскорбит.

Рузаев. Ты рад не оскорбляться.

Волынский. Продолжай, Липеровский.

Липеровский. Рузаев натравил части армии друг на друга. Красногвардейцев на комсостав. В ряде частей разнузданные вспышки. Лучшие боевые командиры подняты на штыки. Это работа Рузаева.

Рузаев. На штыках твои шпионы. Пощупали их.

Липеровский. Комсостав подбирался с огромным трудом. Недоверие, ирония, страх — все это приходилось преодолевать убеждениями и уговорами, и все же удалось подобрать основной кадр. Лучшие специалисты пошли не за страх, а за совесть. А после эксцессов начались перебежки к противнику. Плоды творчества Рузаева.

Рузаев. Скатертью дорога.

Стеценко. Да помолчи же, дай договорить.

Пазухин. Что за хамство! Криком не оправдаешься.

Липеровский. Начальник штаба Руднев — талантливый, спокойный, прекрасный стратег. Но с чудачествами старого военного. Смешные привычки. Работает для нас честно, а вот с научным значком академии генерального штаба никак расстаться не может. Ну, и пусть, кому мешает побрякушка? А ему обязаны славой прошлогодних боев, великолепным разгромом белых. И вот Рузаев является в штаб. Вырвал знак вместе с материей, а начальника штаба нагайкой. И это на виду у всех. С извозчичьей руганью.

Рузаев. У него под тужуркой ордена на рубаху надеты. На ночь царским портретам молится.

Липеровский. А вам что? Какое вам дело? Хоть бы чертову шабашу молился, лишь бы честно работал. Весь план кампании разработан Рудневым. Мы имели блестящие дела. И вот на фронт прибывает великий самородок Рузаев. И мы катимся на триста верст назад. Назад в голод, в бездорожье.

Р у з а е в. Нарочно катишься. Чтоб меня выжить, на пятьсот откатишься. Оборотень!

В о л ы н с к и й. Рузаев, замолчи!

Л и п е р о в с к и й. Все это взятое вместе заставляет меня поставить вопрос ребром. Я — или Рузаев. Двоим нам нет места. Пока он на фронте, я отказываюсь. Вот вам пример. Сегодня он прибыл с фронта со всей своей разбойничьей бандой, не имея на это никакого разрешения. Вернее, вопреки запрещению. Приволок весь свой самогонный полк. Две тысячи людей. А там на счету каждая винтовка. И я предлагаю: особый партизанский полк немедленно и окончательно разоружить, наименее зараженный элемент мелкими партиями разослать в надежные части. Отъявленных головорезов расстрелять. Иначе ни за что не могу отвечать. Я ценю личную храбрость Рузаева, но как вождь он гибелен для дела.

Р у з а е в. Иудино целование?

Л и п е р о в с к и й *(после небольшой паузы, медленно)*. А так как я имею причины опасаться за поведение особого партизанского, я считаю для успеха дела и бескровного исхода операции необходимым подвергнуть товарища Рузаева временному аресту на сегодняшнюю ночь.

Р у з а е в *(встав)*. Ну, это маком! Ручки обожжешь.

Л и п е р о в с к и й. На этом я положительно настаиваю.

Ф е ш и н. А я считаю это излишним.

Л и п е р о в с к и й. Вы принимаете на себя ручательство за последствия?

Ф е ш и н *(резко)*. Принимаю!

Л и п е р о в с к и й *(волнуясь)*. Хорошо, тогда предлагаю решить первую часть вопроса.

В о л ы н с к и й. Я думаю, товарищи, положение ясно.

П а з у х и н. Конечно! Бандитствовать не позволим.

С т е ц е н к о. Разлагать фронт не позволим.

П а з у х и н. Ставь на голосование. Партизанщину нужно вырвать с корнем.

В о л ы н с к и й. Перед голосованием предоставляю слово для ответа товарищу Рузаеву.

Р у з а е в. Мне? Что же говорить? Не поверите ведь. Хитро стачено, не распорешь. Партизан! Бандит! Говорить мне, ребята, непривычно. Руки мои видали? Во!.. Сорок лет натирал. И в башке такие же мозоли. Думать трудно. Говорить того пуще. Легко сказать, долой Рузаева.

А в армии, а на фронте сплошная контра. Одна лавочка! Заговор! Продадут вас гуртом, как баранье. Попомните, други сердечные.

Стеценко. Да откуда ты взял? Плетешь голословщину, где у тебя факты?

Пазухин. Сумасшедший.

Стеценко. Чего там сумасшедший? Просто допился до чертиков.

Рузаев. Пью, говоришь? Ну да, пью. Пью, с бабами блужу. Дело мое такое. Не в гимназиях меня обучали. Вот он говорил — дело его тяжкое, а мое и того тяжче. Грузную долю на плечи принял. К земле давит. Раздавит, а не сброшу — раз принял. Плечи у меня дубовые. А вы сами лисе в рот лезете.

Липеровский. Надоело! Требую, если он подозревает меня, пусть скажет прямо. Я не позволю.

Стук в дверь.

Волынский. Войдите.

Быстро входит Бот.

Бот. Простите, товарищ Волынский, у меня срочный доклад Константину Андреевичу.

Липеровский. Ты? В чем дело? Я занят.

Бот. Второй полк...

Липеровский. Что второй полк?

Бот. Хулиганит...

Липеровский. Из-за чего?

Бот. Да дело простое. Рузаевцы с собой цистерну спирта привезли, ну, и лижут, как свиньи, а эти тоже разохотились. Приперли к штабу. Командира полка заперли. Давай спирт, а то на машинку. Нужно тебе ехать уламывать.

Липеровский. Вот! Видели рузаевские цветочки? А ягодки впереди. Не успел появиться — разложение. В лучшем полку. Сейчас надо ехать.

Волынский. Товарищи, положение выяснилось совершенно. Мы не можем рисковать армией. Кто за предложение товарища Липеровского?

Во время голосования Липеровский и Бот отходят в сторону.

Бот *(тихо)*. Руднев ждет в машине. Все готово.

Липеровский. Хорошо. Поезжай домой, я еду вслед за тобой.

Бот уходит.

Волынский. Кто против? Кто воздержался?

Фешин поднимает руку.

Чего же ты хочешь?

Фешин. Воздерживаюсь.

Волынский. Почему?

Фешин. По-моему, нужно убрать обоих. Когда верхушка грызется, а не занимается делом, верхушку нужно срезать начисто.

Волынский. Ты вносишь новое предложение? Нет? Тогда ясно. Товарищ Липеровский, предложение принято большинством при одном воздержавшемся. Можешь приводить в исполнение.

Липеровский. Иного решения я и не ждал.

Фешин. А что там в полку?

Пазухин. Бунтуют?

Липеровский. Пустое, не серьезно. Побушуют и перестанут. Приеду, поговорю, успокою. Не впервой. Ну, а теперь поеду.

Волынский. Счастливого пути. Немедленно позвони, как дела.

Липеровский. Обязательно! До свиданья. *(Уходит.)*

Рузаев. Та-ак! Прогакали революцию, значит? За сладкие речи, за лисьи повадки? Побоку Рузаева! В шею бандита! Ну, ваша воля, ребята, потом поздно каяться будет. А покаетесь.

Фешин. Да ты что раскаркался? Юродивый! Есть у тебя подозрение? Есть факты? Выкладывай. Может, при нем не хотел говорить? Говори сейчас.

Рузаев. Факты? Эх, Фомы неверные! Персты вкладывать, без того не поверите? Какие факты? Лиса, говорю. Зверь хитрый. Бежит, хвостом след заметает. А я нутром чую. Штаб набрал: офицерье, полковники, генералы. Козыряют, шаркают, звенят. А ночами пьянка, богатеи сартские их поят. Баба Липеровская с ними шушукается. Конвой личный из юнкеров набрал. Ой, глядите, ребята!

Стеценко. Слова! Языком треплешь, Рузаев. Липеровскому можно верить. Показал себя парень за год. Крепкий товарищ, честный друг.

Пазухин. Поди проспись, Рузаев... Очухаешься. Утро вечера мудренее.

Рузаев. Гляжу на вас, не пойму. Вместе работали, вместе заваруху начали, из одного гнезда вылетали.

Та же нищета босоногая. Кто ж глаза вам застил? С чего ослепли? Не видите, что ворона в павлиньих перьях ловчится глаза вам выклевать? Эй, попомните товарищи комиссары, вспомните корявое мое горькое слово. Как поставят вас к стенке, как начнете брызгать мозгами по кирпичам, вспомянете Рузаева, да поздно будет. Не хотите глядеть в оба — дело ваше. Сам все сделаю, сам вас оберегу, стеречь буду, как пес дворовый. Прощайте! *(Стремительно уходит.)*

Волынский. Что с ним такое?

Пазухин. Совсем обалдел человек. Допартизанился.

Фешин. А что, если?..

Пазухин. А, какое там «если». Вздор! К дисциплине не может привыкнуть, вот и дурит.

Волынский. Товарищи, заседание продолжается. На очереди вопрос о дополнительной эмиссии денежных знаков Южной республики. Прошу внимания.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сад дома главкома Липеровского. Ночь. Слева крыльцо и открытое из комнаты в сад окно. Справа цветочная клумба, за ней в заборе калитка. В центре глубина сада. При поднятии занавеса Виктория сидит на крыльце. У окна в комнате стоит Лев Сергеевич. Из глубины сада доносится пение Павлика.

Павлик *(поет)*:

И слышался голос Тамары,
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух.
. . . .

Песня прерывается взрывом смеха.

Виктория. Как они могут веселиться? Как могут петь?

Лев Сергеевич. Что ж делать? Молодость! Одно и занятие — веселиться. А возвращаясь к нашему раз-

говору насчет разницы психологии, я тебе скажу вот что. Я, душа моя, эту самую разницу психологии Европы и Азии впервые в Швейцарии понял, когда еще юнцом в Давос попал. Помню, переночевавши в отеле после приезда, вышел утром на террасу: смотрю, у каждой двери горшочек глиняный стоит, накрыт тарелкой, а на тарелке денежка. Любопытно мне стало. Я и спросил у портье: что же это? Оказывается, для молочницы выставлено. Придет молочница, нальет молока и денежку возьмет. Вот я и подумал тогда: а что, ежели бы у нас в городе горшочек на лестницу за двери с денежкой выставить? Так наши богоносные интеллигенты уперли бы и горшочек с тарелкой, и денежку, а на этом самом месте такое бы сделали, что и сказать неудобно. А ты от большевиков сразу культуры хочешь.

Виктория *(улыбнувшись)*. Чудак ты, отец! Выдумываешь всякие небылицы для собственного облегчения. Живешь ложью во спасение. А я не могу! Не могу! Тоска! Черное небо, золотые гвозди звезд. Душно! Какая тяжелая ночь! Какая беспросветная жизнь! Пайки, плакаты, декреты... Все по пайкам. Сама жизнь дается золотниками по ордеру. Скорее бы! Больше не выдержу!

За забором лошадиный топот, слышно, как кто-то соскакивает с лошади.

(Поднявшись.) Кто-то приехал?!

В калитку входит Бот и быстро подходит к крыльцу.

Бот. Виктория, ты? Здравствуй! Поздравляю. Прости, что с пустыми руками. За мной будет. Потом сквитаемся.

Виктория. Что там, Сергей? Там что? Как решили?

Лев Сергеевич отходит от окна в глубину комнаты.

Бот. Все в порядке. Еду в полк. Заехал на секунду. Константин сейчас будет. Я только на минутку, чтоб успокоить тебя. А теперь обратно, некогда.

Виктория. Я позову Оленьку. Попрощаешься? Неизвестно, что будет.

Бот. Нет! Наполеон сказал, что нельзя тратить силы перед боем на женщину. Нервы должны быть как железо. Женщина расслабляет. Ничего не говори Оленьке. Пусть даже не подозревает. Она боится крови.

Виктория. Ты жесток, Сергей! Это хорошо. Нужно быть беспощадно жестоким. Только тогда придет победа. Я боюсь за Константина. Романтик, неврастеник, идеалист.

Бот. Знаешь, Виктория, я иногда думаю, что я должен был бы быть твоим мужем, а Константина женить на Оленьке.

Виктория. Не ерунди! Иди лучше. *(Крестит Бота, он целует ей руку.)*

Бот. Прощай! *(Быстро уходит в калитку.)*

Виктория. Ушел. Мальчик, а настоящий мужчина. Как бьется сердце. Что будет завтра?

Лев Сергеевич *(снова появляясь у окна)*. Вот не люблю я этого фрукта.

Виктория. Почему?

Лев Сергеевич. Какой-то машинизированный зверь. Мне так и кажется, что он готов весь мир оскальпировать. И делает это так — без вдохновенья, без восторга, без любви, а с таким каким-то обывательским равнодушием, будто не живую кожу сдирает, а апельсин чистит.

Виктория. Что ж, может быть, так и нужно. Он из породы завоевателей.

Лев Сергеевич. Ну их, этих завоевателей! Забраться бы от них подальше да полежать на хорошем диване... Константин приедет?

Виктория. Конечно...

Лев Сергеевич. Там Мухамеджанов явился.

Виктория. Мухамеджанов? Что он говорит?

Лев Сергеевич. Ничего не говорит, молчит, как настоящий мусульманский баран.

Автомобильный рожок, пыхтение машины.

Виктория. А, Константин! Иди, папа, скажи Мухамеджанову, чтоб подождал минуту.

Лев Сергеевич уходит вглубь. Калитка открывается, входят Липеровский и Руднев. Виктория бросается к Липеровскому.

Костя! Наконец-то! Я совершенно изнервничалась.

Липеровский *(целует Викторию)*. Добрый вечер, добрый вечер. *(Рудневу.)* Николай Николаевич, пройдите в кабинет, через минуту я буду к вашим услугам.

Руднев, поклонившись Виктории, входит в дом.

Виктория. Ну, говори!

Липеровский *(злобно швырнув фуражку на крыльцо)*. Что ну? Проклятый!

Виктория. Кто?

Липеровский. Рузаев!

Виктория. Что случилось?

Липеровский. Дьявол! Какое-то собачье чутье. Сегодня утром примчался с фронта и приволок всю свою вшивую банду. Словно знает. Остальных вожу вокруг пальца. Он — как камень. Вся подготовка, все напряжение, нервы, все может пойти насмарку. Из-за кого? Мужик! Вахлак! Безграмотная скотина!

Виктория. Не волнуйся. Ты не имеешь права нервничать.

Липеровский. Тебе хорошо говорить. Сейчас в заседании он выбросил мне все прямо в лицо. Будь среди них один толковый человек, я бы погиб. Счастье, что все глупы и доверчивы, кроме Фешина. Из-за Фешина я не смог добиться главного — ареста Рузаева. *(Пауза.)* Не знаю. Может быть, отложить, пока уберется обратно на фронт?

Виктория. Ты с ума сошел? Нельзя откладывать! Я не позволю!

Липеровский. А если провал? Если гибель? Он один может поднять рабочую слободу, железнодорожников. Что тогда?

Виктория. Не смей! Трус! Брошу тебя, пойду одна. Надоело!.. Надоела грязь, теснота, придавленность. Уходят дни. Где моя молодость? Жизнь моя где?Не вернуть. Смотри — руки мои. На них кора, раны,царапины. Вся загрубела, кухней пахну, разве можно любить такую?

Липеровский. Ты все о себе?

Виктория. Да! О себе! Для себя живу. Для себя хочу света, солнца, радости, свободы.

Липеровский. А напрасные жертвы? А мертвецы?

Виктория. Нужно переступить. Женщина! Истеричка! Смотри — Бот мальчишка, а тверд. Ты же кисель. Противно. Не могу больше жить под ярмом, в страхе, в постоянной тревоге. Улыбаться, когда душит злоба. Говорить вежливые слова, когда хочется ударить. Каждый хам вправе измываться, грозить. Никто не считается. Можно это терпеть?

Из сада взрыв хохота и крики.

Л и п е р о в с к и й. Что это там?

В и к т о р и я. Это молодежь. После ужина забавляются.

Л и п е р о в с к и й. Кто?

В и к т о р и я. Павлик, девушки и офицеры.

Л и п е р о в с к и й. Они еще здесь? Им пора по местам. Я их сейчас погоню. *(Делает движение по направлению глубины сада.)*

В и к т о р и я. Погоди, тебя ожидает Мухамеджанов.

Л и п е р о в с к и й. Мухамеджанов? Где он?

В и к т о р и я. Сидит с отцом.

Л и п е р о в с к и й. Позови сюда. Очень нужен, вовремя.

Виктория уходит в дом, Липеровский в глубину сада. Оттуда слышен его голос: «Здравствуйте, господа»,— и ответные голоса приветствий. Из дома по ступеням сходит в сад М у х а м е д ж а н о в, оглядывается и садится на скамейку. Из глубины сада выходят Л и п е р о в с к и й, П а в л и к, О т р о ш к е в и ч, Б ы л и н с к и й, М а р о ч к а, И р и н а Н и к о л а е в н а и д е в у ш к и.

Л и п е р о в с к и й. Милые дамы, простите, что я лишаю вас приятного общества, но мне нужны мои подчиненные. Господа, прошу вас немедленно отправляться по местам.

И р и н а Н и к о л а е в н а. Ай, какая жалость! Но это же не навсегда!

Л и п е р о в с к и й. Все в руках судьбы, но надеюсь, что не навсегда.

Вся компания, разговаривая, уходит в дом, Липеровский замечает Мухамеджанова. Мухамеджанов встает, кланяется.

М у х а м е д ж а н о в. Салям алейкюм! Кош кильды, тюря Константин [1].

Л и п е р о в с к и й. Здравствуй, садись. Что так долго не возвращался?

М у х а м е д ж а н о в. Далеко бул. Атсюд нэ видно. Многа видал, многа знал.

Л и п е р о в с к и й. Генерала видал?

М у х а м е д ж а н о в. Гэнэрал видиль, радом сидиль, шурпа кушаль.

Л и п е р о в с к и й. Не шути, не время. Дело говори.

---

[1] Здравствуйте! Здравствуйте, господин Константин!

Мухамеджанов. Сердит много будишь,— здоровье портишь. Шутка здоровью полезна. А дэло большое есть. Бамага привез от гэнэрал.

Липеровский. Бумагу? Постой, погоди. *(Подымается на крыльцо и зовет.)* Николай Николаевич! Пожалуйте сюда! *(Обращаясь к Мухамеджанову.)* Где бумага?

Мухамеджанов вынимает из-под халата пакет и подает Липеровскому. Руднев спускается в сад.

Николай Николаевич, пакет от генерала Джонса.

Руднев. А, отлично. Что он пишет?

Липеровский *(разрывая пакет)*. Сейчас, сейчас узнаем. Так, так. Ну, тут дипломатические любезности. А, вот отсюда дело. «Начинайте выступление в условленный срок. Мы одновременно готовим удар по фронту. Предводитель туркменов, Ораз-Сердар, направляется в кавалерийский рейд, в глубокий тыл. Связь с момента выступления буду поддерживать летчиками. Желаю успеха. Генерал Джонс». Ну, слава богу!

Руднев. Примем к сведению.

Липеровский. Что видал, Мухамеджанов? Как дела у генерала?

Мухамеджанов. Гэнэрал якши дела. У гэнэрал сарбаз многа, пушка многа, сарбаз кушает якши, халат — сукно якши. У гэнэрал мусульман много. Добровольса идет. Тисяча. Сто тисяч.

Липеровский. Врешь, врешь! Всех мусульман ста тысяч нет. Хорошо, если полк наберется.

Мухамеджанов. Адын полк есть — десять полк будет. Алла акбар [1]. Твоя ярым — падишах будет. На бэлую лошадь сядешь. Баальшой мэдаль надэнэшь, Мухамеджанову маленький дашь.

Липеровский. Дам, дам. Большую даже дам.

Мухамеджанов. Твоя ярым-падишаха,— моя солнце греет. Якши жить Мухамеджанов. Товар на Москва возить, покупать, продавать. Свободный торговля. Люди Мухамеджанов кланяются. Рабочий плетка любит.

Липеровский *(с порывом)*. Мухамеджанов! Скажи, победим?

Мухамеджанов. Зачем твоя сомневался? Ходи прямо, тюря. Алла прамой дорога лубит. Слушай сказку, якши сказка. Ишан рассказал, святой человек. Жил

---

[1] Бог велик.

в благословенном Самарканде глупый мыш. Маленький мыш. И жил балшой кошка, по-нашему — мушук. Кошка хотел кушать мыш. Мыш был нахалный, но глупый. Кошка стал думать, как ловить мыша. Думал, придумал. Надел золотой халат, чалма, пашел в амбар, сел на мешок. Сел, запел коран. Мыш нос высунул, увидал кошка. «Уй-бай,— говорит мыш,— дорогой мушук, кошка, родной брат святости, зачем так богато надевался?» Кошка глазом повел, усом шевелил, на небо смотрел. «Мая,— говорит,— тепер ходжа стал. Скоро в Мекка пойду. Аллаха за всех мыша молить буду. Болше мяса не кушаю, скажи всем мышам, чтоб прыгал, не боялся». Глупый мыш с ума скакал от радости, на амбар танцевал, на хвост красный трапочка навесил. Кричал: «Яшасын адалет!» [1] Бежал к самый кошка. Один миг на часах аллаха. Крак... Мышин кости на зуб кошка. Я сказал. Праведный разумеет.

Липеровский. Что же значит твоя сказка?

Мухамеджанов. Мыша — байгуш, нищий, большак... кошка — падишах, гэнэрал, апицер. Большак скакал, кричал: «Здрастуй, свобод», крак... нэт большака.

Липеровский. Один миг на часах аллаха? Праведный разумеет?

Маленькая пауза, из дома тихо долетают звуки рояля и пение Павлика:

Видел он, что Русь святая
Угасает с каждым днем
И, как свечка восковая,
Бледным теплится огнем.

Так, спасибо, Мухамеджанов! Теперь иди.

Мухамеджанов. Сегодня начинал, тюря?

Липеровский. Да.

Мухамеджанов. Аллах над твоей головой, тюря! Будь счастлив! *(Кланяется и уходит.)*

Липеровский. Николай Николаевич, как вам нравится эта восточная мудрость? Хорошая ведь сказка?

Руднев. М-да-а.

Липеровский. Вам не нравится, неужели?

Руднев. Отчего не нравится? Нравится. Только я эту восточную мудрость знаю досконально. Она всегда на две стороны силу имеет.

---

[1] Да здравствует свобода!

Липеровский. Как так?

Руднев. А так, всегда ее можно перелицевать без ущерба. «Мыша — байгуш, нищий, большак. Кошка генерал, апицер». А может быть, и наоборо-от... Вот это мне и не нравится.

Липеровский. Откуда эта мрачность?

Руднев. Я птица стреляная, Константин Андреевич, семь раз примерь — один раз отрежь.

Липеровский. Ну, будет вам беду накликать. Не разыгрывайте пифию.

Стук в калитку. Липеровский подходит, открывает, впуская Члена Директории.

Член Директории. Господин капитан? Очень рад, что застал. Я сейчас встретил Сергея Ивановича. От него узнал, что вы еще здесь, и заехал на минутку. У вас все подготовлено?

Липеровский. У меня все. Как у вас?

Член Директории. О, у нас как нельзя лучше. Мы нарезали полторы тысячи трехцветных ленточек для нарукавных нашивок. Кроме того, мы выработали проект манифеста к населению и списки кандидатов в Учредительное собрание и расширили Совет Директории.

Липеровский. Нашивки, проект манифеста... Поймите — все это вздор, бирюльки! Бумажный блуд! Рабочие! Как рабочие?

Член Директории. Наши пропагандисты работают в слободке. Рабочие подготовлены. Железнодорожники остаются нейтральными. Большевики сидят у них вот где. Надоело кормиться идеями Маркса и отапливать дома коммунизмом. Но как только обозначится военный успех, пойдут за нами.

Липеровский. А сейчас не пойдут?

Член Директории. Запуганы чекой.

Липеровский. Это не ложь?

Член Директории. Господин капитан!

Липеровский. Не обижайтесь. Поймите, вы люди штатские. Вся ответственность за жизни тысяч людей на мне. Положение осложнилось. Здесь Рузаев. Среди этого грабительского сброда — единственный человек. Человек-камень! Достойный противник. При таких условиях нужна твердая уверенность. Если рабочие не за нас, игра полетит к черту. Спросите свою совесть.

Член Директории. Господин капитан! Мы демократы. Мы знаем народ.

Липеровский. Хорошо, теперь оставьте меня. У меня последние дела дома. Через полчаса Комитет Директории должен быть в полку, принимать присягу. Прошу не опаздывать.

Член Директории. Ни в коем случае. До свиданья! *(Уходит.)*

Липеровский *(Рудневу)*. Болтуны. Адвокатишки... Однако пора. Николай Николаевич, захватите в кабинете, в левом ящике, приказы и дислокацию, а я сейчас поговорю по телефону.

Оба входят в дом. Липеровский появляется в окне, вынимает из кобуры маузер, закладывает обойму и мгновение стоит в нерешительности.

Липеровский. О, если бы только знать, если бы только знать наверное! Чтобы не даром. *(Берет телефонную трубку.)* Станция? Совет Обороны. Да, да, скорей.

За Липеровским появляется Виктория и прислушивается. Липеровский говорит взволнованно, рвущимся голосом.

Совет Обороны? Скорее Волынского. Как кто? Липеровский! Да! Волынский? Еще раз здравствуй. Еще не кончили заседать? Бросайте немедленно. Что? Бросайте, говорю. Положение грозно. Да. Рузаевские штучки. Полк бунтует всерьез. Я один ничего не могу, мне не верят. Вот плоды партизанщины. Да, да. Именно в полном составе. Все приезжайте. Обязательно Фешина. Председатель чека. Придется произвести аресты. Сейчас отправляю конвой на квартиру Рузаева для захвата. Как не нужно? Именно его. Хорошо, поговорим. Не задерживайся ни минуты. Нужна одна-две хороших речи. Я говорить не умею. Да, да. Минут через десять, не позднее. До свиданья. *(Кладет трубку, оборачивается, видит Викторию.)* Ты была здесь?

Виктория *(подходит, кладет руки ему на плечи)*. Значит, решено? Никаких отступлений?

Липеровский молча наклоняет голову.

(Целует его в лоб.) Будь тверд! Будь жесток! Иди прямо, переступи! Завтра свет! Слава! Настоящая жизнь. Благословляю тебя.

Липеровский *(тихо)*. Виктория, а вдруг?

Виктория. Молчи, молчи. Не смей! Никаких «вдруг». Ступай!

Липеровский. Ну, прощай! *(Крепко целует Викторию.)* Николай Николаевич!

Голос Руднева. Иду!

Липеровский спускается в сад с крыльца, за ним сходит Руднев, неся портфель. Виктория останавливается в дверях.

Липеровский *(Виктории)*. Да где же Павлик? Пошли его сюда.

Виктория уходит.

Николай Николаевич, вы спокойны?

Руднев. Я всегда спокоен. С тех пор как я решил не жениться, я на всю жизнь перестал волноваться.

Липеровский. Счастливый характер.

Павлик быстро сбегает по ступеням и вытягивается перед Липеровским, с рукой у козырька.

Павлик. Честь имею явиться, господин капитан.

Липеровский. Едем! Будешь находиться при мне. И никуда не отлучаться без моего приказания, а то я знаю, что ты по мальчишьей дурости обязательно полезешь на рожон. Ну, марш!

Павлик бросается вперед, распахивает перед Липеровским и Рудневым калитку, выпускает их и сам выходит вслед. Звук сирены, шум уходящего автомобиля.

Виктория *(стоя на ступеньках)*. Уехал... Господи, помоги!

Оленька *(показываясь в дверях)*. Тетя Витя, я не могу спать. Мне душно и страшно. Сейчас в коридоре я встретила Мухамеджанова. Он засмеялся и говорит: «Спокойной ночи, Оленька. Завтра большая барыня будешь». Почему он это сказал? Куда уехали Костя с Павликом? Где Сергей? Что у нас делается?

Виктория. Молчи! Молчи и слушай! Сейчас разорвется звездная тишина. Слышишь, по верхушкам тополей уже идет ветер. Он разрастется в бурю. Эта буря освободит нас. Идет ветер восстания.

Оленька. Восстание? Восста... Вот что! Так вот почему я боялась! Вот откуда эта нестерпимая тревога!

Как вы смели молчать? Опять кровь? Опять смерть? А я здесь! Пусти меня!

Виктория. Стой! Глупая девчонка!

Оленька. Пусти! Пусти меня! Он ушел умирать, а я...

Виктория. Не кричи, или я заткну тебе рот.

Оленька. Тетя Витя! Камень в твоем сердце. Мне страшно, тетя Витя. Куда ты смотришь? Чего ждешь?

За сценой раскат пушечного выстрела.

(В ужасе оседая на ступеньки.) Ай, что это?

Виктория *(выпрямившись и торжествующе указывая пальцем в сторону выстрела, кричит радостно).* Это начало конца!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сцена разделена на две части тонкой дощатой перегородкой с дверью. Слева большое казарменное помещение с нарами. Горит слабым огнем керосиновая лампочка. На нарах спят партизаны. Справа — крошечная комната-кабинка. На столе полевой телефон, хлеб, вобла, за столом постель. У стола на скамье сидит в красной черкеске Рузаев, опустив голову на руки, против него Зайцев наливает в кружку спирт.

Зайцев *(выпивает спирт, закусывает воблой).* А ты, слухай, начихай на них, братишка! Горького хрена в них с республикой. Заберем весь кош и подадимся к морю, там хоть побузить вволю можно. Ну, как же? А? *(Пауза.)* Рузаев! Василь! Братишка! Да ну тебя к черту! Прямо вот на кишки ты мне действуешь.

Рузаев *(медленно подняв голову).* Зайцев! Друг ты мой! Брат кровный! Эх, не понять тебе, не понять! Возьми в толк. Ведь нутро мне все этим выжгли. Ведь какую обиду сделали! Несносимую.

Зайцев. Ну и начихай, говорю. Что в самом деле? Места на свете нет, кроме этой тараканьей республики? Нас, браток, повсюду примут с музыкой.

Рузаев. Да ведь жизнь же отдал. Душу вклал без остатка. А они меня — разоружить...

Зайцев. Да не ной ты, как теща под праздник. Ей-ей, душа у меня отшвартовывается, на тебя глядя.

Чи ты баба? Хвати лучше бешеного спотыкача. *(Наливает Рузаеву спирт. Тот выпивает залпом.)* Вот так оно лучше. Да расскажи теперь толком, из-за чего волынка вышла.

Рузаев *(встает, кладет руку на плечо Зайцеву. Смотрит в глаза)*. Веришь мне? Веришь? Брат, дружок ты мой!

Зайцев. Что ж ты, Николай Второй, что ли? С чего это мне тебе не верить?

Рузаев. Так вот, знаю, чую — а доказать не могу. Чем докажешь? Тонко шьет гадюка. Нигде стежка не видать. А чую. Все приготовил. Нож наточил по нашу шкуру. Когда? Говорю — может, сегодня, может, завтра — скоро.

Зайцев. Да и я его на заметке держу.

Рузаев *(быстро)*. А что? Что знаешь? Что видел?

Зайцев. Вот то-то, братишка, что не больше твоего видел, а только гляну я на этого Липеровского,— так, брат, руки и чешутся, так и чешутся.

Рузаев. Угорь, так и вьется, так и вьется. Всюду без мыла влазит, язва треклятая.

Зайцев. А баба у него занозистая. Королевна не трожь меня.

Рузаев. Баба? В бабе вся суть и есть. Она им командует. От нее все качества. От нее он на стенку и лезет. Ей наша власть, что кость в горле. Губернахторской породы. Прежде Рузаев за два квартала шапку ломал, сторонкой обходил, а нынче ей пришлось Рузаевым кланяться. Стерпеть не может. Нет обиды злей бабьей. Живьем съест.

Зайцев. Оно, конечно, обидно. Из князей да в грязи.

Рузаев. В угоду ей и винтит, хитер, как муха. Цельный год вертелся, для показу своих почем зря лупил, чтоб не заподозрили. По уговору. А как мы пришли — тут ему невтерпеж стало. Из-за нас вовсю пошел. Фронт сорвал. Геройство свое в грязь вляпал. Только чтоб меня доконать. Ну и доконал.

Зайцев. А ты что ж сдал?

Рузаев. Сдашь. Говорить не силен. Слова, как камни, ворочаю. А из него они, как вода с сахаром, льются. И так и этак — не ухватишься. Парни в комиссарах душевные, тоже простота, уши развесили, носы на квин-

ту. Такой-сякой Рузаев, убрать Рузаева, разоружить партизан.

Зайцев. Ох-хо-хо! Ах-ха-ха!

Рузаев. Чего заржал?

Зайцев. Смешно стало. А пулеметной кормежки не хотят?

Рузаев *(тихо)*. Напрасно это ты. Я против Совета не пойду. Раз приказали — разоружусь.

Зайцев. Да ты болен, браток.

Рузаев наливает еще спирту и выпивает.

Рузаев. Вот обвиняют: партизан, разнуздался, дисциплины нет. И ты удивился. Скажу тебе одно: революция, брат, она там тебя или меня не знает. Пешки мы. Махонькие этакие гвоздики. Куда забьет, там и сидеть должны, дальше своей ямочки не прыгнешь. Прикажет — умрем, прикажет — жить будем. Он, Липеровский, сказал нынче «моя армия». Брешет. Армия-то общая. Революции армия. Нет своих армий. И все мы не свои. Потому и разоружусь.

Зайцев. Запарился ты, братишка, вали домой. Глафира небось по тебе изныла.

Рузаев. Нет, нет, домой не пойду. Сегодня не пойду. Сосет вот тут. Будто сердце пальцами сдавили. Как бы беды не было. А если так, так он же меня первого съест. Я лучше здесь сосну.

Зайцев. Ну, спи. А я тут к бабенке похряю. Не могу без нежных чувств.

Рузаев. Далеко не уходи.

Зайцев. Куда далеко? За забором она меня ждет. Я до бабы хоть и лют, а дела не забываю. Был у меня один такой случай, знаешь. Когда из Питера на фронт уходили, зашел я с матросиками в кафе на Невском из чайника самогошки дернуть. А там, конечно, музыка, фри разные. Поют, ногами босыми дрыгают. А потом вышел худущий такой, стихи читать. Глаза блестят, как уголья, и фамилия такая, как его? Что-то такое с канатом... Эх ты, черт, вот ведь из памяти вылетело... Постой, вспомнил — Блок. Ну конечно, в стихах-то я черта смыслю, а одно накрепко запомнил:

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!..

Хоть и ученый леший, а правильно сказал. Верно! Не спит враг, в десять глаз смотрит. Ну, вот и я теперь бабенку обхаживаю, а сам кругом гляжу... «Неугомонный не дремлет враг». Ну, отдыхай, братишка. Скоро вернусь.

Зайцев уходит. Рузаев наливает спирт, выпивает, снимает шашку, расстегивает черкеску и ложится на скамью. Небольшая пауза. Из угла, где сидят трое партизан, разговаривавших шепотом во время беседы Зайцева с Рузаевым, начинают слышаться отдельные фразы.

Первый партизан. Прилипли тоже, «самогонщики». А по-моему, отчего не выпить? Дело наше тяжелое. Зальешь — легче станет. Ежели в меру, даже пользительно. В ладную злость придешь — на стену полезешь.

Второй партизан. Это ты, паря, верно.

Третий партизан. Ежели бы трезвые на Каратегин лезли — в жисть не долезли бы, на такую кручу только выпимши и можно.

Первый партизан. Командир и говорит: пей, ребята, сколько каждому надо для прыти.

Третий партизан. На это он у нас орел!

Второй партизан. Чего он вернулся нынче сумный такой? Прямо к Зайцеву шасть, а у самого ус так и дрожит.

Третий партизан. У него, как ус задрожит — плохо дело. Не попадайся.

Первый партизан. Стало быть, опять самогоном попрекали.

Второй партизан. Большевики энти самые сивушного духу не выносят, хлипки больно.

Первый партизан. Городской народ, грамотен больше, а от грамоты чахотка в грудях заводится.

Четвертый партизан *(поднимает голову с нар из другого угла)*. Робя, а у кого часы есть?

Второй партизан. Балуемся этим. А тебе что?

Четвертый партизан. Да полагаю так, что пора сменять караул. Сколько на твоих?

Второй партизан. Пол одиннадцатого.

Четвертый партизан *(кричит)*. Эй, вторая смена. Вставай.

Поднимаются пять человек партизан, застегиваются, надевают шапки, разбирают винтовки из стойки.

Третий партизан. И не могу я, братцы, понять, с чего это такая свара между народом пошла? Ну, вот одно понятно мне. Господ бить надо. Так это я с полным нашим удовольствием, кажный день. А вот партии-то на какой леший? В башке у меня от этих партий словно цепами на току молотят. Большевики, меньшевики, эсеры, левые, правые, социал-предатели, социал-приятели. А глядишь, такая хреновина, сам черт не разберет, кто кого дерет.

Четвертый партизан. Вторая смена, выходи.

Уводит смену. Пауза. Откуда-то из угла тихий звон гитары и голос под сурдинку начинает петь «Шарабан». Это пение продолжается всю последующую сцену.

Второй партизан. И то правда. Прямо уж и не знаешь, кого бить-то надо.

К группе разговаривающих подходит вставший с нар Неизвестный.

Неизвестный. Про что беседа?

Второй партизан. Да так, гуторим. Вот про партии никак понять не можем. Почему такая драка промеж всеми идет?

Неизвестный. Драка? А очень даже просто: все оттого, что большевики одни всю власть забрали, а больше никого не допускают.

Второй партизан. Верно баешь, паря. И то поглядеть,— повсюду большевики засели, как мухи.

Третий партизан. А, ляд с ними, пущай сидят, лишь бы господ не было.

Неизвестный. Плохое твое понятие, товарищ.

Третий партизан. А твое какое?

Неизвестный. Мое маленькое, а все ж скажу кой-что. Вот есть у нас много народу, скажем, рабочие, служащие, крестьяне.

Третий партизан. Ну?

Неизвестный. Вот тебе и ну. Посчитай. Крестьян сто сорок миллионов, служащих мильонов шесть, а рабочих и на два мильона не наберется. А большевики для рабочих все захватили. Чтоб рабочим только лафово жилось. Вот и посуди. Рабочий в городе баклуши бьет, а жрать ему хочется — ну с кого шкуру дерут? С мужика.

А мужику взамен хлеба что? Шиш без масла. Служащих тоже, к слову, в бутылку загнали. Значит, неравенство. Значит, насилие... А нужно по уговору, чтоб всем хорошо было. Учредительное собрание надо.

Первый партизан. А на кой оно шут?

Неизвестный. Как на кой? Темные твои речи, товарищ. Пропорция нужна. Сойдутся делить — мужиков много, им и мест первое число, потом служащим, после уж рабочим. Сколько кому полагается, столько и возьмем по общему уговору. А большевики дубиной царствуют. Мужика давят. Тот же царь.

Третий партизан. Не умер Данило — болячка задавила.

Со двора входит четвертый партизан, вводит смененный караул, среди вошедших Марютка. Она подходит к группе разговаривающих.

Марютка. Эй вы, полунощники! Нет ли у кого огоньку? Натерпелась на посту без курева.

Первый партизан. Княгине Казанской, наше с кисточкой.

Марютка. Здоров был. *(Прикуривает.)* О чем разговор?

Третий партизан. А тебе к чему? Твое дело — вот... *(Хочет обнять Марютку.)*

Марютка *(отстраняясь)*. Отойди, батюшка, не срамись, а то, вот те крест, наганом как смажу,— три дня зубы искать будешь.

Второй партизан. Ишь ты, ероиня! Миликтриса Кирбитьевна.

Третий партизан. И что это тебя, Марюта, на войну понесло? Сидела бы дома, махоньких партизанят рожала б. А то зазорно женскому полу в штанах.

Марютка. Молчи, батюшка. Знаю, чего тебе штаны мои не по праву. Юбку снимать легче.

Общий смех.

Второй партизан. Во поддела! Язва-девка, в самую точку.

Третий партизан. Смешки вам. Я всерьез. Не бабье дело война. А ежели пошла, так по крайности сполняй женское дело, пользу приноси.

Марютка. Какую еще пользу?

Третий партизан. Емнастерка вот у меня в дырьях. Зашить некому, поштопала бы.

Марютка. Что ж, коль по-хорошему просишь, давай.

Берет снятую партизаном гимнастерку и усаживается чинить. Партизаны смолкают. Голос под гитару поет:

Порвитесь, струны моей гитары,
А я девчонка из-под Самары.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, да хулиганка.
Я гимназистка шестого класса,
Пью самогонку заместо кваса.

Припев подхватывается всеми партизанами, в конце припева отдаленный удар пушки.

Первый партизан. Стой, братцы, что это?

Второй партизан. Будто пушка ударила.

Третий партизан. Что бы это значило?

Первый партизан. Не знаю.

Неизвестный. Сигнал это, братцы.

Первый партизан. Какой сигнал?

Неизвестный. Точно не знаете?

Третий партизан. А коли ты знаешь — говори.

Неизвестный *(таинственно)*. Дак это ж нас разоружать едут.

Третий партизан. Что порешь? Зачем разоружать?

Неизвестный. Э!.. Да вижу, вы и впрямь ни черта не знаете. Сегодня ведь решение вышло в Совете. Разоружить нас за то, что бандиты мы.

Первый партизан. Что врешь-то?

Неизвестный. А вот и не вру. Большевикам наш полк поперек горла стал. Приказано в ночь разоружить. А ежели не поддадимся, так есть приказ баб наших и детишек в слободке захватить и в чеку посадить заложниками.

Второй партизан. Как же это так? Постой, постой. Баб, говоришь, захватить?

Неизвестный. Ну да. А ежели мы сопротивление окажем, там наших баб и кокнут.

Второй партизан. Да ты отколе знаешь?

Неизвестный. Сами видали — какой командир приехал. Досадно ему, старался, старался за революцию, а тут — на тебе. Звания лишили, полк отнимают.

Третий партизан. Погоди! Полк отнять,— кто еше позволит, мы за Василь Петровича горой встанем.

Неизвестный. Как встанешь, коли бабу твою к стенке поставят?

За входной дверью шум, голос: «Пропустите, пропустите же,— я вам говорю».

Другой голос: «Сказано тебе — пароль! Без пароля не можно».
Первый голос: «Да не знаю же. Рузаева мне. Измена, восстание».
Другой голос: «Да ты где зенки налил? Ишь на ногах не держишься, все хайло искровенил».
Первый голос: «Да бежал ведь! Ранен!.. Пропусти, товарищ, или сам сведи к Рузаеву».

Четвертый партизан. Кто бы это? *(Выходит.)*

Разбуженные партизаны приподнимаются, настораживаются. Четвертый партизан возвращается с Фешиным. Платье на Фешине изорвано, лицо окровавлено.

Второй партизан. Эге, кто это тебя, браток?

Фешин. Измена! Измена! Где Рузаев, товарищи?

Третий партизан. А ты кто будешь?

Неизвестный. А это, братики, предчека. Главный наш разоружатель и есть.

Первый партизан. Ты большевик, браток?

Фешин. Да.

Первый партизан. Хм! Народец. Как все хорошо, так партизан под ножку, как подмокло, так к партизанам.

Фешин. Товарищи, не время. В слободке бой идет.

Неизвестный. Ага, говорил я ведь вам, добрались уже до наших баб. Должно быть, это его в слободке и саданули.

Второй партизан. Ах ты ж, сволочь! Пошто на баб злобишься?

Фешин. Что за вздор? Где Рузаев?

Второй орудийный удар, партизаны оглядываются. Фешин увидел дверь в перегородке, бросается в нее.

Фешин. Рузаев! Товарищ Рузаев! *(Вбежав в комнату, шатается и в обмороке падает на пол.)*

Неизвестный. Говорил я вам, говорил?

Второй партизан. Братики, что ж это? Доколь терпеть? У меня в слободке ведь Соняшка с детишками.

Неизвестный. Не терять времени. Разбирай винтовки! Беги по ротам! Подымай людей!

Второй партизан. Верно, ребята!

В комнате начинается суета и беготня, которая продолжается всю последующую сцену.

Фешин *(приподымаясь на полу, кричит)*. Товарищ Рузаев!

Рузаев *(вскочив)*. Что? Кто?

Фешин. Я! Беда! Восстание.

Рузаев. Восстание? Где? Ты откуда?

Фешин. Из второго полка... Бежал... ранен.

Рузаев. Как началось?

Фешин. Приехали с заседания в полк... У штаба всех захватили.

Рузаев *(яростно)*. Всех?

Фешин. Всех, кроме меня.

Рузаев. Волынского? Стеценко? Пазухина?

Фешин. Да.

Рузаев. Та-ак.

Фешин, обессилев, опять валится ничком на пол. В наружную дверь казармы вбегает Зайцев с револьвером в руках, видит суетню и ералаш.

Зайцев. Что за буза? Бабушку вашу в Христа! Где это стрельба?

Первый партизан. Баб наших бьют в слободке большевики.

Зайцев. Перепился, сволочь? Где Рузаев?

Третий партизан. Там, в канцелярии. Комиссар у него битый.

Зайцев. Комиссар... А!.. *(Бросается в канцелярию.)*

Рузаев *(укладывая обессилевшего Фешина на кровать, видит вбежавшего Зайцева)*. Гляди!

Зайцев. Значит, правда?

Рузаев. Правда.

Зайцев. У, стерва! В клочья разорву.

Рузаев. Без шума. Сейчас за дело! *(Открывает дверь в большую комнату.)* Караульный начальник! Командиров рот и батальонов сюда! Караул в цепь по ограде. Никого к казармам не подпускать! Марш!

Первый партизан. Это зачем такое?

Второй партизан. За кого драться-то?

Рузаев *(выходя в помещение казармы)*. Что тут за кабак? Что это за вопросы?

Первый партизан. За кого драться будем, спрашиваем? Ежели за большевиков,— сам дерись.

Рузаев *(подходя вплотную)*. Это что? Ты что это глотало раззявил?

Второй партизан. Василь Петрович, да что ж такое деется? За что большевики наших баб бьють?

Рузаев. Каких баб?

Второй партизан. Да наших же. Опять-таки, за что ж нас-то разоружать?

Первый партизан. Не дадимся, дудки.

Третий партизан. Буде большевикам гулять. Буде измываться. Сами собой управимся.

Рузаев. Тихо! Каких баб? Кто вам сказал? Составь винтовки! Часовые к дверям! Никого не выпускать!

Первый партизан. Ого!

Неизвестный *(сзади)*. Продали! Рузаев с большевиками стакнулся, не верь, ребята.

Второй партизан. Бить большевиков!

Рузаев. Полоумные! Олухи! Кто вас споил? Дурацкие ваши головы! Слушайте. Главком Липеровский поднял мятеж против Совета. Против нас, против дурачья мозольного.

Третий партизан. Брось заливать, отец! Все нам понятно. Обвели тебя вокруг пальца большевики.

Рузаев. Кто говорит? Ты, Сапутин? Большевики? Верно. Большевики — наши друзья.

Второй партизан. Хороши друзья! От этих друзей дышать нечем стало.

Рузаев. И ты, Журов? Эх ты, слепота кротовья. Сидел ты при Керенском в каталажке за дезертирство? А кто тебя выпустил? Стеценко! А кто Стеценко? Большевик... А сейчас за тебя, дурака, жизнь положил.

Второй партизан. Нешто убили товарища Стеценко?

Рузаев. Нешто? Эх, ты! Смог бы встать товарищ Стеценко, поглядел бы на тебя, сказал бы: Иуда ты, Журов,— не товарищ.

Второй партизан. Да я что ж, я ничего. А только насчет слободки как же? Жена у меня там, детишки опять же.

Р у з а е в. Жена? Софьей звать, что ли? Знаю молодайку твою. Исчахла, иссохла на чужой работе. В гроб краше кладут. Для кого?.. Ты Липеровского бабу видел?

В т о р о й п а р т и з а н. Видел.

Р у з а е в. Хороша?

В т о р о й п а р т и з а н. Хороша Маша, да не наша.

Р у з а е в. А твоя чем хуже? Что ж,— иди, бей большевиков. Пусть дальше так. Пусть жиреет барская корова. Пусть сохнет твоя, как былинка в засуху. Иди, доконай жену свою своими руками.

Молчание.

В т о р о й п а р т и з а н. Да мы ж... люди мы, действительно, темные, а только зачем на миру такая разруха пошла? Договориться бы по-хорошему, по-любовному. Землю поделить в Учредительном.

Р у з а е в. Вон что? Учредительное? Эге? Это ты, браток, не сам придумал. Кто тебе набрехал? *(Бешено.)* Кто? Говори!

Второй партизан оглядывается и указывает на Неизвестного, пробирающегося к двери.

В т о р о й п а р т и з а н. Эвона! Энтот вон!..

Р у з а е в *(разбросав толпу, хватает Неизвестного за плечо)*. Стоп! Куда, соловей залетный? Кто такой?

Н е и з в е с т н ы й. Красногвардеец... Третьей роты.

Р у з а е в. Документы!..

Н е и з в е с т н ы й. Документы?.. Сейчас... *(Роется в карманах.)*

Р у з а е в. Скоро?

Н е и з в е с т н ы й. Н-не знаю... Должно быть, забыл д-дома...

Рузаев притягивает Неизвестного в упор к себе, тот опускает голову.

Р у з а е в. Забыл? *(Отталкивает Неизвестного и, вырвав из-за пояса револьвер, стреляет в него.)*

Общее движение.

По местам! Каждого, кто пикнет, в гроб без пересадки. *(Распахивает наружную дверь, кричит.)* Пожди, угорь!.. Пожди, змеюка! Рано обрадовался.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Штаб восставших частей. Раннее утро. В начале действия сумерки, под конец рассвет. Справа в разрезе комната, переделенная аркой. За аркой в заднике дверь, на ней табличка «Начальник штаба»; слева большая открытая терраса-площадка с перилами, какие бывают на гауптвахтах. Сзади за террасой глубина двора, окруженного глинобитным забором, за забором крыши домов, деревья. При поднятии занавеса на террасе сидят и стоят юнкера без погон, но с трехцветными ленточками-нашивками на рукавах. Тут же составлены винтовки. В комнате у арки письменный стол, за ним у телефона поручик Соловьев. Ближе к рампе маленький столик, за ним прапорщик Былинский. Соловьев, смеясь, слушает что-то по телефону, Былинский пишет. У задней двери в кабинет начальника штаба на стене большой план города.

Занавес поднимается под шум разговора и смех юнкеров.

Первый юнкер. Здорово это вышло! Тот от него через забор, да только полез, а Корольков его прикладом по черепу и накрыл.

Второй юнкер. Да ну?

Первый юнкер. Честное слово. Так треснул, что мозги во все стороны пеной брызнули.

Третий юнкер. Корольков может, он у нас в третьей роте первым силачом был. Четыре пуда одной рукой выжимает.

Первый юнкер. Ну, это ты, брат, врешь. Четыре пуда одной рукой никому не выжать.

Третий юнкер. Ей-богу.

На террасу вбегает офицер. Юнкера вытягиваются.

Прапорщик. Поручик Соловьев в штабе?

Четвертый юнкер. Так точно, господин прапорщик.

Прапорщик вбегает в комнату.

Прапорщик. Поручик Соловьев! Поручик Соловьев!

Соловьев. Имею удовольствие быть им.

Прапорщик. Пулеметных лент не хватает, господин поручик. Где пулеметные ленты?

Соловьев. Послушайте, вьюноша, а почему я это должен знать? При чем я?

Прапорщик. А кто же при чем?

Соловьев. Обратитесь в казарму номер два к начбоеснабу, полковнику Кранцу.

Прапорщик. Фу, бестолковщина, дребедень какая. Да где ж эта казарма?

Соловьев. А это уж где вам будет угодно. Я вам не провожатый, прапорщик.

Прапорщик. А, черт!.. Ни от кого толку не добьешься. *(Убегает через террасу.)*

Первый юнкер. Ишь носится. Словно пятки перцем намазаны.

Юнкера смеются. Из двери начальника штаба выходит Павлик с бумагами, подает поручику Соловьеву.

Павлик. Господин поручик, начальник штаба приказал просмотреть донесения и составить сводку для командующего.

Соловьев. Былинский, идите сюда, вдвоем разберемся.

Былинский подходит к Соловьеву. Оба начинают разбирать бумаги. Павлик выходит на террасу.

Первый юнкер. А, Павлик! Здорово! Как самочувствие?

Павлик. Отлично. То есть, господа, не знаю, как у вас, а я вот чувствую такое, что слов даже нет. Такой подъем духа, такая радость, такая свежесть, что вот так бы и расцеловал весь мир.

Второй юнкер. Батюшки, какая институтская восторженность!

Третий юнкер. Врет он. И вовсе ему не весь мир целовать хочется, а один только атом в этом мире. А сей атом во святом крещении прозван Лидочкой.

Павлик. Ну, а что ж, если и так? *(Горячо.)* А знаешь, я когда с Лидочкой прощался, она мне и говорит: «Иди в бой за Россию, за свободу, когда вернешься победителем, я тебе ни в чем не откажу».

Первый юнкер. Хо-хо-хо! Здорово! Ни в чем не откажет, слыхали?

Второй юнкер. Ай да Павлик! Ну, ну! Захомутай девочку, дай тебе боже.

Павлик. Дурак!

Второй юнкер. А что ж ты, серенады петь будешь? Да издали любоваться? А то уступи мне. Я невинненьких обожаю.

Третий юнкер. Это Лидка-то невинненькая? Олухи! Все лето в парке под кустами хороводилась.

Павлик *(наступая)*. Не с тобой ли?

Третий юнкер. А хоть и со мной.

Павлик *(замахиваясь)*. А в морду хочешь?

Юнкера растаскивают противников.

Четвертый юнкер. Бросьте, не время из-за девчонки.

За сценой звуки гармошки. Юнкера оборачиваются на звук, из-за кулисы выходит, шатаясь, пьяный солдат с гармошкой.

Пьяный *(поет)*.

Мой милой проворен был,
Камунистку полюбил,
И у самого крыльца
Лам-ца дрица оп-ца-ца...

Первый юнкер. Это что еще за ананас?

Второй юнкер. Вот сволочь, с утра нализался.

Пьяный. Господа юнкаря, проздравляю вас с праздничком. Поминаем каммунию в господа бога. Эх, ходи голова, танцуй ноги. *(Поет.)*

Пятый юнкер. Да уберите его отсюда. Что за свинство возле штаба!

Четвертый юнкер. Ты, пьяная морда, проваливай!

Подталкивает пьяного в спину прикладом. Пьяный вылетает за кулисы. Навстречу четвертому юнкеру из-за кулисы выходит маленький гимназистик, робко сжимая фуражку.

Гимназистик. Господа, простите, пожалуйста, я очень извиняюсь, господа, вы не подумайте чего-нибудь плохого. Где здесь записывают добровольцев?

Третий юнкер. А вы что, мистер «от полу не видно»? Папашу вашего хотите добровольцем записать?

Гимназистик. Нет, извините, пожалуйста, простите за беспокойство... я сам хочу записаться.

Первый юнкер. А вам сколько лет?

Гимназистик. Мне? Пятнадцать... Через два месяца будет.

Первый юнкер. Нельзя. Моложе шестнадцати не берем.

Гимназистик. Господин полковник, ну, пожалуйста, ну, возьмите. Я уже могу, честное слово. Я из монте-кристо воробьев без промаха.

В т о р о й ю н к е р. Нельзя, нельзя. Моложе шестнадцати нельзя.

Г и м н а з и с т и к *(отходит, плача)*. Все равно, я сам пойду, не записавшись.

Юнкера хохочут ему вслед. За сценой крик: «Держите, держите, это большевик, я его знаю, он у нас обыск делал». Юнкера бросаются на крик. На террасе остается только юнкер-часовой у двери. К нему приближается с т а р у ш к а в платочке.

Ч а с о в о й. Стой, бабка! Ты куда?

С т а р у х а. Мне бы, батюшка, самого главного повидать.

Ч а с о в о й. Зачем?

С т а р у х а. На большака пожалиться.

Ч а с о в о й. Ну, для этого главного тебе видать нечего. Входи в комнату, там офицерам скажешь.

Старушка входит в комнату и истово крестится на все углы. Соловьев и Былинский поднимают глаза и с удивлением смотрят на старуху.

С о л о в ь е в. Ты как сюда попала, карга старая? В трубу влетела, что ли?

С т а р у х а. Зачем в трубу? Я, батюшка, ваше благородие, крещеная. А ты мне скажи,— издеся, что ли, противу большаков бунтуют?

Б ы л и н с к и й. Здесь, бабушка, здесь. А тебе что? В добровольцы хочешь?

С т а р у х а. Не, батюшка, пожалиться я пришла.

Б ы л и н с к и й. На кого?

С т а р у х а. На Леньку Пантюхова, на комиссара, на ирода треклятого, антихриста... Ты его, батюшка, обязательно повесь, обязательно.

С о л о в ь е в. А за что ж твоего Леньку вешать?

С т а р у х а. Да как же! Черт он, сатанинское отродье, икону у меня стопил на самовар. Николая-угодника Мирликийского. Топором, подлец, святителя на кусочки. Отцы святые. Как господь допустил за грехи мои! *(Плачет.)*

Соловьев и Былинский хохочут.

С о л о в ь е в. Вот так бабушка! Ну, ладно, не реви, повесим Леньку. Уж будь спокойна.

С т а р у х а. Спасибо, батюшка, спасибо, родимец, утешил.

Б ы л и н с к и й. Иди, иди, бабка! *(Подводит старуху к дверям, выталкивает ее на террасу и говорит часовому.)* Никого не пускать!

Ч а с о в о й. Слушаю, господин прапорщик.

Старуха уходит, Былинский возвращается к столу.

С о л о в ь е в. Ну, сводка готова, давайте отметим на плане занятые пункты.

Оба подходят к карте и начинают отмечать красным карандашом занятые пункты города. Из-за кулисы на террасу вваливаются ю н к е р а, таща растерзанного ч е л о в е к а в к о ж а н о й к у р т к е.

П е р в ы й ю н к е р. Еле догнали. Быстроногий, сукин сын.

В т о р о й ю н к е р. Дайте ему еще раз по рылу, пусть знает, как комиссарить.

Ч е л о в е к в к у р т к е. Товарищи, да, ей-богу ж, я не комиссар. Никогда комиссаром не был. Отпустите, прошу вас.

Т р е т и й ю н к е р. Товарищи? Вот мы тебе покажем «товарищи». Товарищи вчера были, сегодня сдохли.

Ч е т в е р т ы й ю н к е р. А ну, господа, берите его в приклады.

Ч е л о в е к в к у р т к е *(кричит)*. Ай, ай, не троньте! За что ж, господи?

На террасу быстро взбегает п о р у ч и к О т р о ш к е в и ч. Он в лакированных сапогах, розовых галифе с серебряным галуном, щегольском френче и голубой фуражке с розовым околышем. На плечах новехонькие погоны, на груди ордена.

О т р о ш к е в и ч. Смирно, что за гвалт? Почему драка?

П е р в ы й ю н к е р *(козыряя)*. Большевика поймали, господин поручик.

О т р о ш к е в и ч. Молчать! Без побоев — мы не красные. Большевик?

Т р е т и й ю н к е р. Так точно, господин поручик.

О т р о ш к е в и ч. Отведите в тир и кокните.

Ч е т в е р т ы й ю н к е р. Слушаюсь, господин поручик.

Юнкера уволакивают кричащего человека в куртке за сцену. Отрошкевич проходит в комнату.

О т р о ш к е в и ч. Здравия желаю, господа!

Былинский и Соловьев оборачиваются.

Соловьев. Отрошкевич, вы что же это? В своем уме? Вы зачем ордена нацепили? Ведь у нас же приказ — ни погон, ни орденов.

Отрошкевич. Плевал я на ваши приказы. Я иду умирать за моего государя.

Былинский. Да ведь мы же за эсеров, за Учредительное...

Отрошкевич. Что кому нравится. Я за его императорское величество.

Соловьев. Да ведь он убит.

Отрошкевич. Мой государь великомученик, он теперь в светлом раю, и если мне судьба пасть в бою, я, по крайней мере, представлюсь ему, как честный офицер, в той форме и с теми наградами, которые он милостиво мне даровал.

Соловьев. Тьфу, вот идиот! Вас не в штаб, а в сумасшедший дом надо бы.

Отрошкевич. Заткнитесь, лакей эсеровский.

Дверь в кабинет начальника штаба распахивается, быстро входит Бот с винтовкой в руке, за ним Член Директории.

Бот. А до сих пор вы что делали? Листовки должны были быть готовы к трем утра, а сейчас пять. Что? Потрудитесь не возражать. Получите двуколку у полковника Кранца и немедленно развезти листовки по всему занятому району города.

Член Директории. Но, позвольте господин поручик...

Бот. Брысь к собакам! *(Стремительно проходит через террасу и исчезает за кулисами.)*

Член Директории, что-то бормоча, вприпрыжку бежит за ним. На террасу возвращаются юнкера, щелкая затворами.

Отрошкевич *(показывая на убегающего Члена Директории)*. Кому служите, господа офицеры? Штрюцкой сволочи, брехунам? Погодите, мы вам покажем. *(Уходит в дверь начальника штаба.)*

Былинский. Вот дурак! Совершенно мозги набекрень.

Соловьев. А ну его, продолжаем!

Размечают план.

Часовой *(к возвращающимся юнкерам)*. Ну, что?

Первый юнкер. Кокнули! Пять пуль вляпали. И не пискнул.

Часовой. Эх, жалость, не видал. Стой тут, как приклеенный.

Первый юнкер. Встать! Смирно!

Из-за кулис входит Липеровский.

Липеровский. Здравствуйте, юнкера!

Все. Здравия желаем, господин командующий.

Липеровский проходит в комнату.

Соловьев *(обернувшись, подходит и рапортует)*. Господин командующий, за время дежурства в штабе войск Директории происшествий не случилось.

Липеровский *(показывая на план)*. Что это у вас?

Соловьев. Сводка, Константин Андреевич, размечаем занятые пункты.

Липеровский. Ага!.. А Николай Николаевич у себя?

Былинский. Так точно.

Липеровский. Попросите его сюда.

Липеровский подходит к плану, Соловьев вполголоса объясняет ему, сверяясь со сводкой, которую держит в руках.

Липеровский. Так, так. Да, понимаю. Отлично!

Входит Руднев в сопровождении Былинского.

Николай Николаевич! *(Берет Руднева под руку и отводит к рампе.)* Николай Николаевич, в чем дело? Где же туземный конный полк? Почему его нет до сих пор? Почему его нет?

Руднев. Как нет? Давно должен быть здесь. Вероятно, задержались в дороге.

Липеровский. Как в районе вокзала?

Руднев. Захвачен без выстрела.

Липеровский. Артсклады?

Руднев. Тоже захвачены.

Липеровский *(медленно)*. А рабочая слобода? А особый партизанский? Ну, что? Что же вы молчите? *(В бешенстве.)* Я приказываю вам отвечать, Николай Николаевич.

Руднев. Константин Андреевич, ради бога, спокойствие, там небольшая заминка.

Липеровский *(отшатнувшись)*. Заминка? А, заминка? В самом опасном пункте заминка? Вокзал, арт-

склады, город — все это пустяки, а слобода, партизаны — единственная опасность, и там заминка?

Руднев. Мы не хотели излишних жертв. Партизаны окружены. Они сдадутся без боя. Полк разложен агитаторами.

Липеровский. С каких пор вы стали сентиментальной актрисой? Немедленно атаковать всеми силами. Где Бот?

Руднев. Сергей Иванович формирует части.

Липеровский. Вызвать Бота немедленно, сию минуту.

Руднев *(открыв дверь на террасу)*. Найти поручика Бота! Вызвать к командующему!

Павлик. Приказано найти поручика Бота и попросить к командующему.

Юнкера убегают, Липеровский стоит у рампы с опущенной головой и нервно мнет пальцы.

Руднев. Константин Андреевич! Нельзя же так.

Липеровский. Подите к черту!

С террасы входит Член Директории, видит Липеровского.

Член Директории. Господин капитан, Комитет Директории просит вас на экстренное заседание.

Липеровский. Зачем? Что нужно Комитету? Опять прения? Не до этого.

Член Директории. Господин капитан, чрезвычайно неприятное осложнение.

Липеровский. Осложнение? Какое осложнение, где? Да не мямлите же.

Член Директории. Рабочие... Они не сдержали слова... Один из комитетских связистов едва прорвался с донесением. Рабочая слобода поднята Рузаевым. Она присоединилась к партизанам. С нами отказались разговаривать.

Липеровский *(вскрикивая)*. Что такое? *(Пауза.)* Так я и знал! Так и чувствовал! *(С презрением передразнивая.)* «Мы демократы, мы знаем народ...» У, рвань, прохвосты!..

Член Директории. Как вы... Я не позволю. Комитет призовет вас к порядку!

Липеровский. Скажите вашим учредительным языкотрепам, что я буду разговаривать с ними только после боя. И тогда я всех вас публично высеку на площади.

Член Директории *(в испуге)*. Это неслыханно! Это не демократично! Я экстренно поставлю на обсуждение Комитета. Мы отрешим вас.

Липеровский *(надвигаясь на него и поднимая кулак)*. Вон отсюда, дрянь!

Член Директории в панике бросается в дверь начальника штаба. С террасы входит Бот.

Бот. Ты меня звал, Костя?

Липеровский. Да, да!.. На тебя одного можно положиться. Бери сейчас же, сию минуту конвой. Поезжай! Прими командование боем за слободу и не возвращайся до тех пор, пока не кончишь с Рузаевым, с бандой, дотла, до одного человека. Не щади никого.

Бот. Да что на тебе лица нет? Далась тебе рузаевская банда. Она совершенно не опасна. Когда весь город будет в наших руках, сами придут на поклон. Грабить они мастера, а воевать — извините.

Липеровский *(кричит)*. Кто здесь начальник, ты или я? Я тебе приказываю, слышишь? Боевой приказ.

Бот. Что же ты орешь? Институтка! Здесь же люди. Возьми себя в руки. Хочешь покончить сейчас? Покончим сейчас! Иду! *(Направляется к выходу.)*

Липеровский. Постой! Вот что. Предложи сдаться без боя. Пригрози расстрелом заложников.

Бот. Каких заложников?

Липеровский. Волынского... Стеценко... Пазухина... Остальных...

Бот *(свистнув)*. Фью, хватился.

Липеровский. Как? Что ты хочешь сказать?

Бот. Да я их всех ликвидировал после бегства Фешина.

Липеровский. Что? Да как ты осмелился? Кто тебе разрешил? Я прикажу тебя расстрелять.

Бот. Брось чушь пороть. Если ты хочешь нюни пускать и благодушествовать, тогда зачем ты затеял все это? Зачем ты бросил тысячи людей в авантюру, которую не можешь твердо вести? Ведь это...

Липеровский *(кричит)*. Замолчи!..

За кулисами оглушительный удар разрыва снаряда. Юнкера заметались по террасе. По двору за террасой с криком бегут люди. Липеровский бросается к дверям и выскакивает на террасу.

Что такое, что случилось?

П е р в ы й ю н к е р. Граната, господин капитан.

Л и п е р о в с к и й. Откуда?

П е р в ы й ю н к е р. Не могу знать, господин капитан.

Второй разрыв заволакивает дымом террасу; суета и паника усиливаются.

Л и п е р о в с к и й *(Рудневу)*. Николай Николаевич, прекратите базар. Почему люди шляются, как на толкучке? Убрать всех с плаца. Прикажите батарее открыть огонь.

Руднев уходит в глубину двора.

(Юнкерам.) Господа, уходите с террасы, размещайтесь за прикрытиями, без паники, ничего не случилось. Шальные снаряды.

За кулисой слышится женский крик: «Да пропустите же меня, что вы, в лицо меня не знаете?» Липеровский оборачивается в сторону голоса с недоумением, видит вбегающих В и к т о р и ю и О л е н ь к у.

В и к т о р и я. Где Константин Андреевич? *(Видит Липеровского.)* Костя!

Л и п е р о в с к и й. Виктория, зачем ты здесь?

В и к т о р и я. Несчастье!

Л и п е р о в с к и й *(быстро)*. Какое, где?

В и к т о р и я. Рузаев!

Л и п е р о в с к и й. Что, что Рузаев? Да говори же.

В и к т о р и я. Рузаев с партизанами. Мы сидели дома. Вдруг — топот. Бросаюсь к окошку... На улице конные, впереди Рузаев. В красном бешмете, как черт... К нашему дому... Я поняла. Успела захватить Оленьку... Отец остался... Бежали через сады мимо патрулей, еле добрались.

Л и п е р о в с к и й. Рузаев! Рузаев! Я знал, я говорил, что он. А, проклятый. Все пропало, пропало!

Р у д н е в *(вернувшийся на террасу)*. Константин Андреевич, не кричите. Люди слышат. Впечатление...

Л и п е р о в с к и й. К черту впечатление! К собачьей матери впечатление!

Р у д н е в. Да ведь ничего не потеряно. Он попадется, как цыпленок. Район наводнен нашими частями.

Л и п е р о в с к и й. Частями? Вы не знаете Рузаева, а я его знаю. Я не боюсь никого, а его боюсь. Это провал!..

Р у д н е в. Я прикажу сейчас...

Л и п е р о в с к и й. Не нужно. Я сам... *(Виктории.)* Оставайся здесь... При тебе будет Павлик... Где он? *(Юнкерам.)* Позвать юнкера Словцова.

Замешательство среди юнкеров, молчание.

Ну, что же, от страха очумели?

В т о р о й ю н к е р. Господин капитан! Разрешите доложить: юнкер Словцов убит осколком первой гранаты.

О л е н ь к а *(вскрикивая)*. Павлик убит! Тетя Витя! *(Прижимается к Виктории. Виктория выпрямляется с каменным лицом.)*

Л и п е р о в с к и й. А-а! Хорошо же!.. Кровь за кровь. Я сам поведу против него, сам, один на один. Он или я. Нам тесно вдвоем на земле. Лицом к лицу,— он или я.

Сбегает с террасы за кулисы, оттуда слышна его команда: «По коням! Садись!»
Новый грохот разрыва.

Р у д н е в. Виктория Львовна... В штаб... скорей... Здесь опасно.!.

Беготня, суматоха, звук горна. Виктория, Оленька и Руднев уходят в кабинет Руднева. Сцена пустеет. Голос Липеровского: «Шагом марш!» Топот ног. Мгновенная тишина. На сцену вываливается п ь я н ы й с гармошкой, растягивает меха и орет во все горло.

П ь я н ы й. До победного конца
Лам-ца дрица оп-ца-ца...

Спотыкается и катится с гармошкой по ступенькам.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет начальника штаба. Большая комната, вся в коврах. На стенах карты, в окнах желтый закат, крыши строений, голубой купол мечети. Три стола, заваленных бумагами. В углу несколько винтовок, на столах полевые телефоны, за столами Р у д н е в, М а р о ч к а и Б ы л и н с к и й. Все время действия слышится отдаленный грохот боя.

М а р о ч к а *(говорит по телефону)*. Ну, да! Ну, да! Ну, слушаю! Слушаю, говорят вам... Оперативный отдел штаба... Из вокзального района? А кто говорит? Ага. Что ж, потерпите — везде наседают. Да, ну? Так вам же отправлена поддержка. Два взвода... Как не пришли?

Не может быть! Что? Что? Ни в коем случае! Держитесь до последней возможности. Вы отвечаете за участок! Никаких разговоров. *(Кладет трубку.)*

Былинский. Опять что-нибудь случилось?

Марочка *(выскочив из-за стола)*. Это же невозможно. Взводы шли на подкрепление вокзального участка... Самый тяжелый. Партизаны там лезут, как черти. Железнодорожники не сдержали слова, тоже поперли на нас. Свикжелили прохвосты. Вооружились поголовно, до детей. Держаться трудно. И вдруг по дороге налетает Липеровский. Захватывает людей и кидается ловить Рузаева... А участок остался без поддержки.

Былинский. Черт возьми! Да что ж это такое в самом деле?

Марочка *(подходя к Рудневу)*. Господин полковник, так же нельзя! Уговорите его. Он помешался на Рузаеве. Срывает весь план операции... Что же это? Ведь это пахнет разгромом! Гибелью!

Руднев *(поднимает лицо от бумаг, говорит устало, спокойно)*. Слушайте, друг милый, вы чего волнуетесь? Все там будем. Плакать не стоит.

Марочка *(сильно заикаясь)*. Но тогда... к чему было выступать? Если нет никакой организации? Скандал.

Руднев *(после паузы)*. Пушкина читали? Знаете?

Марочка. Ну, читал. А при чем?..

Руднев. А при том самом... Историю Пугачевского бунта изволите помнить?

Марочка. Не очень, господин полковник.

Былинский. Что это вам, господин полковник, Пугачев к ночи вспомнился?

Руднев. А я вот хорошо помню. Так есть там местечко одно. Словцо этакое убойное, про нас с вами на века напророчествовано.

Марочка. А что именно?

Руднев. Про наши дела с вами, голубчик. Здорово сказано: «Русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Приклеено — не оторвешь. Так и живем. И ни черта толком делать не умеем. Вы поглядите,— мы вот даже слово «восстание» не любим, все у нас больше бунт, мятеж. Вскую мятетеся языцы? Не восстали, а взбунтовались. Не идем к своей цели, а мятемся. Каждый по-своему, каждый за свое. Один за учредилку, другой за потребилку, третий за горилку, четвертый за милку,

а Отрошкевич — тот всех перепрыгнул — за покойничка сражается, собирается в рай к нему на прием. Бестолковые, шалые, неприкаянные.

Б ы л и н с к и й. Мрачно, господин полковник. Разрешите спросить, зачем же вы приняли участие в этой, по-вашему, бессмыслице?

Р у д н е в. Черного кобеля не отмоешь добела, прапорщик. Привычка, ангел мой, привычка. Я, голубчик мой, историческую перспективу отлично понимаю. Мы с вами в этой перспективе — упраздненная фикция, дым, в небо улетающий. Нас с вами из списков жизни история вычеркивает. Обернулась она лицом к чумазым. Ну, вот. Так я знаю, что нам погибать, а все ж с вами помирать мне легче, чем с чумазыми жить. А потом — привычка к дисциплине. Приказало начальство бунтовать, ну я и бунтую. Исполнительность! Помните, как в строю нам внушали! Ешь глазами начальство. Ну, вот мы едим, и нас за это едят.

М а р о ч к а. Правда, господин полковник. Дурь, ералаш, смятение... Вторые сутки порядка ни на грош. Боевые участки только в воображении, плана никакого,снабжения никакого, живем, что дадут жители. А не дают — сами берем. Мятеж и грабеж. А вождь по городу носится, истерики закатывает и привидения ловит.

Б ы л и н с к и й *(у окна)*. Легок на помине! Изволил прибыть.

Пауза. Дверь распахивается. На пороге появляется Л и п е р о в с к и й, очень возбужденный, без фуражки, с перевязанной головой. Стоит и пристально смотрит на офицеров.

Р у д н е в. Константин Андреевич, что с вами?

Липеровский делает шаг вперед. Возбуждение сразу спадает с него. Он оседает, как под невыносимой тяжестью, и мешком валится на стул.

Л и п е р о в с к и й. Неуловим... Неуязвим... Как болотный огонь... Двадцать, тридцать раз... В ста, пятидесяти шагах... проклятая черкеска... вспыхнет, как огненный язык... мелькнет и пропал... Сам стрелял — мимо. Залпами — мимо... Не человек, а дьявол... Заговорен от пуль...

Былинский за спиной у Липеровского щелкает себя по лбу и пожимает плечами.

Руднев. Константин Андреевич, отдохните, успокойтесь. Вы начинаете делать губительные вещи. Вы забрали поддержку, шедшую на вокзал. Лишили резерва важный участок. Люди выдыхаются... не в силах держать линию.

Липеровский. Вокзал взят.

Руднев *(в ужасе)*. Кем взят?

Липеровский *(мертвым голосом)*. Им... Рузаевым!..

Все бросаются к нему.

Руднев. Немыслимо!.. Невозможно!.. Единственный путь связи. Единственный путь отступления. Как вы могли? Надо сейчас же брать обратно. Все силы туда.

Липеровский. Дайте еще водки. Я хочу залить все это. Горит у меня внутри.

Былинский *(тихо Рудневу)*. Да он пьян ведь.

Марочка. Господи, только этого не хватало!

Липеровский. Берите ваш вокзал! Делайте, что хотите! Я больше не могу... Не хочу!..

Руднев. Хорошо, господин капитан. Раз вы не можете — попытаюсь я. Не для себя, не для вас, для спасения тех жизней, которые зависят от вашей истерики. Прощайте. Прапорщик Былинский, отправляйтесь со мной. Положение ясно. Раз нет командующего, на кой черт штаб. Поручик Марочка, останьтесь почетным караулом при прахе бывшего главковерха. Берегите останки Константина Андреевича. Так сказать, знамя нашего... *(пауза)* бунта. Идем!

Липеровский, вздрогнув, хочет вскочить, но бессильно опускается. Руднев и Былинский уходят. Пауза. Звонок полевого телефона. Марочка берет трубку.

Марочка. Да... Оперативный отдел... Полковника Руднева нет. Ушел. Телефонограмма? Хорошо, диктуй, приму.

Марочка садится за стол с трубкой у уха и принимает телефонограмму, изредка говоря: «Да, да, так, так». За его спиной Липеровский, шатаясь, встает, подходит к стенному шкапчику, открывает его, достает бутылку коньяку, стакан, наливает и жадно выпивает.

Да, записал... Кто передал? Так. Принял поручик Марочка. Что? Куда наклеить? Меня наклеить? Что ты шутишь, дурак? Тут у нас такие дела,— не до шуток. Нашел время играть словами.

Липеровский *(швыряя бутылку)*. Пустота!.. Провал!.. Черная дыра!.. Как жжет, как жжет... *(Закрывает лицо руками.)* И эти мертвецы... Эти мертвецы... Зачем я допустил?.. Как я мог допустить?.. Волынский, Стеценко, Пазухин. Только вчера... только вчера верили мне. Жали мне руку... а сейчас Волынский лежит за караулкой, и у него такие стеклянные глаза... А-а-а.

Марочка делает движение к нему. В комнату быстро входит Виктория. На ней поверх платья офицерский френч, на голове фуражка.

Виктория. Полковник Руднев!

Марочка. Господин полковник уехал на линию.

Виктория. Почему здесь никого нет? *(Замечает сидящего Липеровского.)* Константин!

Липеровский. Виктория! *(Бросается к ней, хватает за руку.)* Виктория!

Виктория. Что с тобой? Ты ранен? Как дела? Неужели это еще не кончено? Что за жалкая возня?

Липеровский *(не слушая)*. Не знаю... Виктория, Витя, ты пришла? Успокой меня... Я не могу больше... Они смотрят... смотрят мертвыми глазами... Я не могу видеть их глаз. От них просыпается совесть... Она обжигает расплавленным свинцом, Виктория!

Виктория наклоняется к нему и с гневом отшатывается.

Виктория. Боже мой, ты пьян? Ты напился, Константин?

Липеровский *(не выпуская ее руку)*. Пьян, пьян, только не водкой, я пьян болью, мукой, мне теперь все равно, он победил... они победили... мертвые... Зачем ты приказала мне стать убийцей? Отчего у тебя тоже *(кричит)* мертвые глаза?

Виктория *(резко вырвавшись)*. Пусти! Прочь! Как ты смел? Негодяй!

Липеровский. Сколько жизней!.. Сколько жизней...

Виктория. Не тронь меня. Мразь! *(Отталкивает Липеровского, он шумно падает на стул.)*

Марочка. Виктория Львовна!

Виктория. Молчите! Смотрите за ним и не выпускайте никуда. Вы ответите за него жизнью. *(Взглядывает на Липеровского.)* Слизняк! Червь! Ничего еще не потеряно. Только продержаться до подхода англи-

чан. Они должны быть к утру. Скорей за Ботом. Бот примет командование, крепкий, не ломкий, жестокий,— тогда спасены. *(Быстро уходит.)*

Л и п е р о в с к и й *(пытаясь подняться)*. Виктория, Виктория!.. Я сам... я сейчас... *(Делает несколько неровных шагов и валится на тахту у стены.)* А, к черту! К черту! Все равно конец.

М а р о ч к а *(зло)*. Да сидите вы уж. Главком тоже...

Л и п е р о в с к и й. Что? Кому сидеть? Мне? Как ты смеешь, сопляк? Я тебе... *(Вскакивает. Марочка толчком валит его на тахту.)*

М а р о ч к а. Сидите, говорю. Нюни распустили! Из-за вас всех угробят.

Л и п е р о в с к и й *(закрывает лицо руками, стонет)*. Кончено, кончено...

Стук в дверь.

М а р о ч к а. Кто там? Входите.

Входят М у х а м е д ж а н о в, сопровождаемый ч а с о в ы м-ю н к е р о м.

Ю н к е р. Господин поручик, вот эта обезьяна требует свидания с капитаном Липеровским.

М а р о ч к а. Тебе чего надо?

М у х а м е д ж а н о в. Салям алейкюм, тюря. Бек Константин здеся?

М а р о ч к а. А тебе зачем?

Юнкер выходит.

М у х а м е д ж а н о в. Бамага принес... Инглис апицер воздух летал, старый город бамага бросал. Тюря Константин бамага. Баальшой бамага.

М а р о ч к а *(вырывая пакет)*. Давай... *(Вскрывает конверт.)* Что? Что? Не может быть! *(Бросается к Липеровскому, кричит.)* Константин Андреевич, Константин Андреевич, беда!

Липеровский поворачивает голову, смотрит неподвижными глазами.

Л и п е р о в с к и й. Беда? Конечно!.. Все беда! Сплошная... Ошибка... вздор.

М а р о ч к а. Придите в себя на минутку. Читайте.

Л и п е р о в с к и й. Не могу... Голова...

М а р о ч к а. Тогда слушайте... «Штаб войск Директории. Капитану Липеровскому, срочно. Посланный в тыл красным частям кавкорпус туземной конницы изме-

нил, передавшись противнику. Операция прорыва фронта сорвана, оказать поддержки не могу. Генерал Джонс».

Л и п е р о в с к и й *(мгновенно протрезвев, вырывает лист)*. Как? Что вы мелете? Это вам приснилось. *(Читает.)* «Поддержки оказать не могу, справьтесь сами»... *(Комкает и швыряет бумагу.)* Предатели! Подлецы!..

М у х а м е д ж а н о в. Бида, тюря Константин, баальшой бида. Што дэлать будым? Скольки люди померло. Жена плачит, дэти плачит.

Л и п е р о в с к и й *(вплотную подойдя к Мухамеджанову, сквозь зубы)*. Да, да... одна минута на часах аллаха. Крак, и нет мыша?.. Та-ак ты сказал? Мыша — байгуш, нищета, большак? Кошка — генерал, офицер? Да? А если наоборот? *(Хватает Мухамеджанова за горло.)* Наврал? Наврал, грязная морда? Один полк? Два полк? Тысяча, сто тысяч мусульман? Где они? Где твои добровольцы, мерзавец?

М у х а м е д ж а н о в. Мусульман деньги дает, хлеб дает, мусульман воевать не хочет. Урус воюет — мусульман воевать не надо. Худо будет. Бальшак побьет — мусульман режит. Апицер побьет — мусульман режит. Одна конец.

Л и п е р о в с к и й. Один конец? *(Кричит.)* Я прикажу задрать тебя, собаку, шомполами. Изменник, предатель!

М у х а м е д ж а н о в. Алла акбар! Человек помирать все одно надо. Мая помрет, твоя помрет — все помрем.

Л и п е р о в с к и й. Я? Не-ет, я не умру, я жить хочу, а вот ты, я тебя сейчас... *(Вынимает из кармана револьвер.)*

М у х а м е д ж а н о в *(сложив руки на груди и склонив голову)*. Алла акбар!

За сценой шум, двери распахиваются, вбегают несколько человек о ф и ц е р о в и ю н к е р о в. Все в погонах.

П е р в ы й о ф и ц е р. Константин Андреевич!

В т о р о й о ф и ц е р. Липеровский! Где командующий?

Л и п е р о в с к и й *(повернувшись)*. Я... Кто вам разрешил?.. Зачем вы? Почему все в погонах?

В т о р о й о ф и ц е р. Господин капитан... Мы пришли... Депутация... от господ офицеров и юнкеров... господин капитан... нужен порядок... Мы за порядок... мы большинство.

Липеровский *(пожав плечами)*. Ничего не понимаю.

Третий офицер *(отталкивая второго)*. Погоди, Миша... Ты пьян, как сволочь. Я скажу. Господин капитан, мы за что воюем? За Учредительное собрание? А что такое Учредительное собрание? Ересь, блуд, болтология. Зверинец шпаков. Мы не хотим! Нас большинство — господа офицеры, юнкера, кадеты. Надоели нам демократические сказки. Мы требуем, чтоб твердая власть, единовластие, так сказать, основа государственного строя...

Липеровский. Ну?

Второй офицер. Монархическое правление является по-нашему...

Первый офицер. Что тут разводить? Короче! Мы предлагаем вам от лица офицеров и армии диктаторскую власть. Никаких комитетов, никаких правительств.

Юнкер. И просим принять чин полного генерала.

Второй юнкер. Да, да! Это необходимо, господин капитан. Для представительства. Для встречи наших союзников-англичан. Мы принесли вам генеральские погоны, вот...

Липеровский *(отступив на шаг, смотрит на пришедших широко раскрытыми глазами и вдруг разражается хохотом)*. Генерал? Ха-ха-ха... Полный? Хо-хо-хо... Замечательно придумано. Для встречи союзников... Для представительства?.. Самодержавная власть?.. Хорошо! Прекрасно! Ехал чижик в лодочке в генеральском чине... Благодарю вас, господа офицеры.

Двое офицеров бросаются надевать Липеровскому генеральские погоны.

Первый офицер. Смирно! Господа офицеры!

Все становятся смирно. Берут под козырек.

Второй офицер. Да здравствует диктатура! Да здравствует монархия!

Общее «ура».

Липеровский. Погодите, господа. Уж коли ехал чижик в лодочке в генеральском чине, — не выпить ли водочки по этой причине? *(Открывает шкап.)* Не идет всухую. Нужен хороший спич. Берите бутылки, господа офицеры, наливайте.

Офицеры расхватывают из шкапа бутылки, стаканы, наливают.

Итак, за твердую диктатуру!

Все. Ура...

Липеровский. За наших союзников-англичан!

Все. Ур-ра...

Липеровский *(медленно подчеркивая)*. За хороший конец.

Все. Ура...

Липеровский *(с иронией)*. Садитесь, господа офицеры. У нас масса времени, на позиции все идет хорошо. Можно отдохнуть, повеселиться... *(Замечает Мухамеджанова.)* Ты, сто тысяч мусульман. Может, повеселишь нас? Расскажешь еще какую-нибудь сказку святого человека?

Мухамеджанов. Приказывай, тюря.

Липеровский. Один полк мусульман, два полк мусульман, так ведь? Ну, что ж, расскажи нам о храбрых мусульманах. Ха-ха-ха...

Мухамеджанов *(тихо)*. Якши, тюря Константин. Умирать надо веселым, рай пойдешь — смеяться надо.

Липеровский. Пшел вон, пока я тебя в рай не отправил.

Мухамеджанов уходит, рассевшиеся офицеры шумно пьют, смеются.

Марочка *(тихо Липеровскому)*. Константин Андреевич! Это сумасшествие... Вы не имеете права обманывать людей, я скажу все.

Липеровский. Не смейте! Тяжелые операции делаются под общей анестезией, поручик. Так легче.

Марочка. Я... я не могу. Я поеду за Рудневым. *(Уходит.)*

Липеровский *(встает)*. Господа офицеры, давайте споем лихую русскую, так, чтобы ноги заходили. Поручик Волошинов, родной, затяните камаринского.

Второй офицер. Слушаю, господин капитан. *(Начинает петь.)*

Вдоль по улице Варваринской,
Шел, пошел мужик камаринский.

Песня идет, разрастаясь, под звон бутылок и стаканов и притоптывание ногами. Два юнкера пускаются в пляс. Шум, свист. В разгаре песни входит Оленька. Бледная, растеряна, в руках у нее бинты, на рукаве повязка с красным крестом. Пение и пляска обрываются.

Л и п е р о в с к и й. Оленька!.. Ты что? Зачем ты сюда пришла?

О л е н ь к а. Дядя Костя, где Сережа? Я его не вижу второй день. Я боюсь за него, дядя Костя.

Л и п е р о в с к и й. Оленька, Сережа в бою. Ты не беспокойся, все хорошо. Уходи, скорей уходи... Или нет, впрочем, погоди. Выпей вина. Ты бледна, устала. Вино подкрепит. Господа офицеры, поднесите портвейна.

О л е н ь к а. Дядя Костя, я не хочу.

Л и п е р о в с к и й. Оленька, выпей! Так лучше.

В т о р о й о ф и ц е р. Выпейте, сестрица, за наше здоровье, очень просим...

Оленька нерешительно берет стакан, подносит ко рту.

Господа офицеры, здравицу! *(Запевает цыганскую здравицу, все офицеры подхватывают.)*

Оля, Оля, Оля, Оля,
Оля, Оля, Оля, Оля,
Оля, Оля, Оля, Оля,
Оля, Оля, Оля, Оленька.

Дверь распахивается, на пороге показывается Р у д н е в, за ним с о л д а т ы с винтовками.

Р у д н е в *(одно мгновение стоит ошеломленный)*. Встать! Смирно!

Л и п е р о в с к и й *(обернувшись)*. Что? Это кто такой? Здесь я начальник. Я... Генерал Липеровский. Извольте рапортовать как следует.

Р у д н е в. Господа, немедленно в бой. Положение катастрофично, мы теряем улицу за улицей. Люди падают сотнями.

Л и п е р о в с к и й. Не слушайте, он лжет.

Р у д н е в. Молчать! Комитет Директории постановил сместить капитана Липеровского. Командование перешло к поручику Боту.

Л и п е р о в с к и й. Взять его! Расстрелять! Мигом...

Офицеры бросаются к Рудневу.

Р у д н е в. На руку!

Солдаты берут винтовки на руку, офицеры отшатываются.

Господин капитан, вы арестованы... остальные по своим частям. Кто отлучится на секунду, будет расстрелян на месте. Дело еще не погибло. Еще не поздно.

Во время последней реплики Руднева в дверях появляется Виктория, она тяжело дышит и стоит, опираясь рукой на косяк при последней фразе Руднева говорит резко и коротко.

Виктория. Поздно... Поручик Бот... убит!

Общее движение. Оленька с криком роняет стакан, который держала.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первой картины третьего действия. Рассвет. На террасе у стены и в комнате, где в первой картине третьего действия сидели за столами Былинский и Соловьев, лежат и сидят несколько раненых. На столе сидит раненый, которому Оленька перевязывает спину. По двору за террасой с криком бегут люди. Грохот стрельбы.

Первый офицер *(с окровавленным лицом, на террасе)*. Стойте! Куда? Куда, мерзавцы? Трусы паршивые! Бараны! Застрелю...

Пробегающий солдат. Дудки! Повоевали! Ослобонили народ, мать вашу в Христа.

Второй солдат. Не слухай офицеров, тикай, робя, уноси ноги.

Первый офицер *(хватая за шиворот бегущего юнкера)*. Юнкер, как не стыдно! Удираете, как мужик!

Юнкер. Все бегут, господин поручик... С тылу обошли. Тысячи рабочих дерутся, как звери, удержаться нельзя.

Первый офицер *(озверев)*. Нельзя? Нельзя? Я вам покажу, как нельзя! Встать, как следует! Шляпа! Шпак!

Юнкер вытягивается.

Кругом марш!

Юнкер сходит с террасы, оглядывается на офицера и убегает, бегство за террасой продолжается.

Боже, какая сволочь! Какая сволочь! Разве можно драться с такими людьми? *(Машет рукой, уходит.)*

Один из сидящих на террасе раненых солдат приподнимается и окликает пробегающего мимо.

Раненый. Алеха, а Алеха? Что там деется, скажи, ради бога?

Пробегающий солдат *(остановившись у террасы)*. Э, брат, что деется, не расскажешь, так нас лупят, что дым идет. Давеча только пушку мы установили, поручик командует: «Прицел... Трубка...» А он к-эк саданет из шестидюймовки! Снаряд по самому лафету,— все вдрызг. Поручиковы кишки на дереве повисли.

Второй солдат. Ах ты ж, черт!

Первый солдат. Тут мы и пушку бросили, давай бог ноги, кто куда.

Раненый. А навалило ж их! Думали, только партизаны и побузят, а тут,— на тебе, вся слобода встала. Всем миром пошли.

Второй солдат. Да и то, какая охота стражаться? Еще пока за Учредительное, так это ничего, а тут, как господа офицеры да юнкаря погоны понадевали, так нехай за свои погоны сами и стражаются, а нам эти погоны в затылке сидят.

Первый солдат. Запутались мы с тобой, братец, в кашу по дурости.

Второй солдат. Снявши голову, по волосам не плачут. *(Оба убегают.)*

Совсем близко тарахтит пулемет, бегство и крики усиливаются, из-за кулисы на террасу входят Руднев и Виктория с группой офицеров и юнкеров. Среди них Соловьев и Марочка, у всех в руках винтовки, у Виктории короткий кавалерийский карабин.

Руднев. Как старый офицер, как генштабист, говорю вам, что дело кончено.

Виктория. Все трусы! Заячьи души. Цепляетесь, за жизнь, за какую? Жизнь рабов! Мечтаете о хамской плети по вашим спинам.

Руднев. Виктория Львовна!

Виктория. Что, Виктория Львовна? Был один человек, Бот, не трус, и он убит, а вы... жалкие рабы! Ну, что ж, идите под палку!

Руднев. Слова, барынька! Умереть все сумеем, больше вас видели.

Второй офицер. Да вы что раскомандовались? Этого еще только не хватало. Мадам командир.

В и к т о р и я. Да, командир! Женщина! Потому что мужчины — трусливая мразь.

Гул протеста. Голоса: «Сократитесь... Чего разоралисьʔ.. Подумаешь, цаца какая...»

Негодяи! *(Быстро уходит в комнату.)*

Р у д н е в. Господа! Господа офицеры, сдержитесь. Женщина — женщиной.

Уходит за Викторией и, подойдя к ней в комнате, начинает в чем-то убеждать ее. Часть офицеров остается на террасе, часть тоже входит в комнату. К террасе со двора подбегает п о ж и л а я д а м а.

П о ж и л а я д а м а. Господи, боже мой, господи! Скажите, не видал ли кто-нибудь моего Володечку, мальчика моего бедного?

С о л о в ь е в. Все мы, сударыня, бедные мальчики. Кто ваш Володечка?

П о ж и л а я д а м а. Внук. Володечка Кучугуров, кадет, шестнадцатый год ребенку. Говорила ведь дома: «Не пускайте, не нужно». Вы не видали?

В т о р о й о ф и ц е р *(злобно)*. Что мы, сторожа, что ли, вашего Володечки? Ступайте к вокзалу. Там таких Володечек сотнями навалили. Может, и найдете.

П о ж и л а я д а м а. Ай... *(Хватается за голову и с криком убегает.)*

Второй офицер дико хохочет ей вслед. По двору проносится новая волна б е г у щ и х с криками.

С о л о в ь е в. Ну и драпают, ну и драпают! На автомобиле не угонишься.

М а р о ч к а. Эх, все пропало! И зачем только мы кашу заварили? Чем такие порядки, так лучше было у большевиков служить и не рыпаться.

В т о р о й о ф и ц е р. Ну и идите к большевикам. Авось помилуют.

М а р о ч к а. И пойду! Что вы думаете — не пойду? У большевиков хоть какой ни на есть, а порядок. Хоть знают твердо, за что дерутся. А вы — наемники, холуи английские! Помойка неделимая! Подыхайте сами. *(В ярости швыряет револьвер, срывает с рукава трехцветную нашивку и сбегает с террасы.)*

В т о р о й о ф и ц е р. Остановите!.. Сволочь, дезертир!

Соловьев. Э, чего там останавливать. Единственный умный человек нашелся.

Близкий разрыв снаряда. Все шарахаются.

Второй офицер. В дом, в дом, господа! Сейчас они начнут садить по двору.

Все с шумом вбегают в дом.

Виктория *(видя вбегающих, Рудневу)*. Полковник, ну, будьте тверды, будьте солдатом, прикажите, остановите это стадо, расстреляйте беглецов. Надо драться до конца, другого выхода нет.

Руднев *(после паузы)*. Нет, есть другой. Прекратить эту бессмыслицу. Бой проигран. Паника непобедима. Мы просчитались. Комитет не учел рабочих, а они — главная фигура в игре. Нужно кончать.

Виктория. Как кончать? Как? Что вы хотите сделать?.. Ах...

Руднев. Да! Сдача! На милость победителю.

Виктория. Милости ждете? Рузаевскую десницу лобызать? Не вы первый, полковник. Ваши предки пугачевскую, Емелькину лапу лизали. Да только толку не было. Вешал Емелька, и Рузаев не помилует.

Руднев. Я не о себе. Не о вас. О них... об обманутых солдатах, об этих вот мальчишках, юнкерах, кадетах, гимназистах. Их нужно спасать. А нас с вами не пощадят. Да и не стоит щадить. Мы дым... марево.... морок и мороком развеемся.

За сценой вспыхивает пулеметный треск и крики.

Второй офицер. Господин полковник, господин полковник, они уже атакуют двор.

Руднев. Слышу, знаю.

На террасу вабегает поручик Отрошкевич с обнаженной шашкой в левой руке и с револьвером в правой. Кидается в комнату, подбегает к Рудневу.

Отрошкевич. Господин полковник, патронов больше нет, люди обороняются штыками. Позвольте доложить, что я могу продержаться еще десять минут, после этого ни за что не отвечаю. Но живым с поста не уйду. Желаю вам счастья, а я ухожу навек к моему государю. *(Поворачивается и убегает во двор.)*

Руднев. Вот кретин!

Второй офицер. Господин полковник, нужно торопиться начать переговоры.

Общий гул. Голоса: «Довольно, нечего канителить».

Виктория. Не смейте, я запрещаю вам!

Руднев. Оставьте! Надо же уметь смотреть в глаза правде.

Виктория, шатаясь, отходит на задний план. К ней подходит Оленька и поддерживает ее.

Поручик Соловьев, отправляйтесь парламентером, заявите, что мы прекращаем сопротивление немедленно при условии, что всем рядовым участникам будет обеспечена неприкосновенность и жизнь.

Соловьев. Да они не согласятся, господин полковник. Какой же им смысл? Они нас и так голыми руками заберут. Какие мы можем ставить условия?

Руднев. Пытайтесь.

Соловьев, козырнув, убегает. От группы офицеров отделяется третий офицер и подходит к Рудневу.

Третий офицер. Господин полковник, есть одна возможность. От нее зависит наше спасение. В вашем кабинете находится арестованный капитан Липеровский. Его немедленная выдача обеспечит...

Руднев *(смотрит на него в упор)*. И вам не стыдно?

Офицер опускает голову. Из группы позади него раздаются голоса: «Чего там стыдно... Своя шкура дороже... Он все провалил... Из-за него погибать не стоит...»

Господа, я надеюсь, что это ваш бред, иначе нам нет названия.

Виктория, потрясенная, вырывается из рук Оленьки и становится перед дверью кабинета.

Третий. А, что там! Жизнь дороже названия.

Виктория. Подлецы, какие подлецы!

Второй. Довольно тянуть. Выводите его оттуда, пойдем с белым флагом и его поведем.

Юнкер. Правильно, тащите!

Офицеры бросаются к дверям кабинета, Виктория распахивает дверь и, повернувшись, вскрикивает: «Костя!» Из кабинета доносится голос Липеровского: «Виктория». Виктория вскидывает карабин и стреляет внутрь кабинета. Выстрел, крик, общее оцепенение.

Р у д н е в *(подбегая)*. Виктория Львовна, что же, что ж вы сделали!

В и к т о р и я *(обезумев, трясет карабином)*. Не подходите, не трогайте! Мерзавцы! Жизнь ценою братской крови? Теперь не спасете своей подлой шкуры! Дохните, собаки! *(Прислоняется к стене, стоит, как мертвая.)*

Р у д н е в *(взглянув в кабинет)*. Наповал! В голову! *(Крестится.)*

В и к т о р и я *(отскочив от стены)*. Довольно! Кто хочет умереть, как люди, за мной! *(Бросается наружу, за ней выбегают два офицера и несколько юнкеров.)*

Совсем близко залп и крики: «Ура».

Р у д н е в. Конец! *(Отходит, становится в пролете двери, ведущей на террасу и, вынув из кармана платок, надевает его на штык. Высоко подымает винтовку в воздух.)*

Офицеры и юнкера торопливо срывают погоны и нашивки и жмутся к стенам. Оленька скрывается в кабинет начальника штаба. Из-за кулис с криками и винтовками наперевес врываются п а р т и з а н ы и ж е л е з н о д о р о ж н и к и. Впереди З а й ц е в.

Остатки войск Директории сдаются. Бой кончен!

З а й ц е в. Не слушай, братки, в штыки... Коли до единого!

Красногвардейцы бросаются вперед. В это мгновение на гребне забора сзади появляется Р у з а е в. Он окидывает взглядом двор и кричит.

Р у з а е в. Не трожь! Опусти штыки!

Все замирает.

Кто главный?

Р у д н е в. Я.

Р у з а е в *(спрыгнув с забора и взбежав на террасу)*. А, здорово! Старый приятель как будто. *(Бешено.)* Где Липеровский? Где язва?

Р у д н е в. Капитан Липеровский убит.

Р у з а е в *(хватая Руднева за грудь)*. Врешь! Врешь! Подавай мне его, сукиного сына, живого. Подавай, говорю. Я его сам в клочья порву!

Р у д н е в *(отстраняя его руку)*. Я слишком стар, чтобы лгать. И не солгу перед смертью. Капитан Липеровский убит, труп там в кабинете.

Рузаев *(стремительно отбрасывает Руднева, вбегает в комнату и заглядывает в раскрытую дверь кабинета, за ним входят Зайцев и несколько партизан, в числе их Марютка)*. А, ушел, улизнул, опять увернулся, угорь проклятый, не хочешь сосчитаться? Дьявол! *(Опять бросается к Рудневу.)* Кто? Кто его вырвал у меня? Говори, кто?

Руднев. Он застрелен женой.

Рузаев *(отшатнувшись)*. Кем?

Руднев. Женой. Господа офицеры хотели выдать его живым для спасения своих жизней, тогда она сама застрелила его.

Шепот изумления среди красногвардейцев.

Первый партизан. Вот так баба, едят ее мухи!

Рузаев. Сама? Застрелила? Ах ты ж, стерва! Где она? Подавай ее сюда. С нее две жизни возьму.

Руднев. Она ушла с господами офицерами пробиваться за город...

Рузаев *(после минутной паузы, нежданно усмехнувшись)*. Ушла драться? Ай да женка, вот это молодец! Этто я люблю. *(Внезапно меняет тон.)* Врешь, не уйдешь!!! Догнать! Живо! Без нее на глаза мне не соваться.

Партизаны направляются к выходу,

Стой... Сам с вами пойду. Сам хочу сцапать ее своими руками. Видеть хочу, как шипеть будет, гадюка.

Зайцев. А с этими что?

Рузаев *(обернувшись, смотрит на пленных)*. С этими? Обезоружить! Запереть! Стеречь, глядеть в оба. Мое дело теперь маленькое. Чека разберет. Каждому по заслуге. Старичка особенно стерегите. Мы с ним старые знакомцы. Опять довелось свидеться.

Рузаев с частью партизан уходит. Зайцев с остальными подходит к пленным.

Зайцев. Ходит птичка весело по тропинке бедствий,
Не предвидя от сего никаких последствий.

Ну, эй, вы, которые недорезанные. Выкладай шпалеры, у кого есть. *(Вынимает из рук Руднева винтовку.)* Давай, давай, старичок. Негоже тебе с этим баловаться.

Тебе с костылем в могилку идти, а ты за винтовку хватаешься. Бузотер тоже! Елки зеленые! Ну, поживей, поживей.

Партизаны отбирают револьверы у офицеров.

Второй офицер *(показывая на лежащих раненых)*. Доктора сюда нужно. Валяются люди без помощи.

Зайцев. Сами лезли, никто не упрашивал. Ты насчет этого не тревожься. Пришлем и доктора в свое время. Ты об себе теперь пораздумай.... Ну, братишечки, уводи-ка их.

Партизаны выводят пленных.

(Оглядев помещение.) Стоп, братки, так не годится. Ишь сколько здесь оружия валяется. Нельзя без призора оставить. Пусть кто тут на вахте побудет.

Первый партизан. Да вот Марютка пущай постерегет, дело легкое, женское.

Зайцев. И то! Марютка, побереги, а ежели кто сунется, сади в печенки навылет.

Зайцев уходит с пленными. Марютка садится на стул лицом к рампе, ставит между коленями винтовку и скручивает козью ножку, тихонько напевая: «Во субботу, день ненастный».

Раненый *(поднимаясь, смотрит на Марютку воспаленными, безумными глазами)*. Что, кончилось?

Марютка *(вполоборота)*. Кончается. Чичас мороженое подают. А тебе что, дураку, не терпится?

Раненый. Доктора бы. Жжет, умираю.

Марютка. Погоди, сейчас и доктор придет.

Раненый опять опускается на пол. Из двери кабинета тихо, крадучись, выходит Оленька, она пробирается вдоль стены, стараясь быть незамеченной, но, зацепив за стол, с грохотом роняет на пол лежавшую на столе шашку и в испуге замирает.

(Вскочив и вскинув винтовку.) Стой! Не подходь! Ты кто такая?

Оленька, прислонившись к стене, стоит, закрыв глаза, и не отвечает. Марютка подходит осторожно к ней, трогает за руку.

Господи ты боже мой, никак, совсем сомлела? Ты кто, девоня?

Оленька молчит.

Да не бойся, девонька, баба я, красногвардейка. Марюткой кличут. Я тебе худого не сделаю. Ты откуда сюда затесалась?

О л е н ь к а *(открыв глаза)*. Я?.. Я Оленька.... Не тронь... не убивай меня, я не виновата.

М а р ю т к а. Что ты, господь с тобой! Нешто можно тебя убивать, цыпленок ты злосчастный!.. Ну, чего ты сюда полезла?

О л е н ь к а *(хватая Марютку за руку)*. Кровь! Кровь зачем? Я не хотела, я говорила — не нужно крови. Я не хочу крови.

М а р ю т к а *(погладив ее по голове)*. Полно, что ты, дурочка! Кровь зачем? А как же? Жизнь рожают. Нашему брату, бабе, родить, и то вся кровью-мукой изойдешь, болью истомишься. А тут подумай. Земля новую жизнь рожает. Как же без крови? Пройдет кровь — жизнь будет крепкая.

О л е н ь к а *(склоняясь головой на плечо Марютке)*. Жизнь? Нет у меня больше жизни. Убит он, убит он! Муж мой, жених мой. Убит!

М а р ю т к а. Ишь бедняга! Доля наша такая женская, сиротство знать.

Оленька опускается на колени и, уткнувшись в колени Марютке, плачет.

(Отбросив винтовку, крепко сжимает обеими руками голову Оленьки.) Плачь, плачь, девонька! Полегчает. Слезами всякое горе омывается. Хмара в небе и та дождит. Прольет, пролетит — взойдет солнышко, зацветет земля по-новому, по-желанному.

З а п а в е с

Март 1925 г. Ленинград.

РАЗЛОМ

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Годун Артем Михайлович, председатель судового комитета крейсера «Заря», 32 лет.

Берсенев Евгений Иванович, капитан 1-го ранга, командир крейсера, 52 лет.

Берсенева Софья Петровна, его жена, 52 лет.

Татьяна — сестра милосердия, 26 лет } дочери Берсенева.
Ксения — эксцентричная девушка, 19 лет } дочери Берсенева.

Штубе Леопольд Федорович, лейтенант, муж Татьяны, 30 лет.

Полевой, поручик } члены «Комитета защиты родины и свободы».
Ярцев, полковник } члены «Комитета защиты родины и свободы».

Швач } боцманы крейсера.
Еремеев } боцманы крейсера.

Первый мичман.

Второй мичман.

Первый } матросы крейсера.
Второй
Третий
Четвертый
Пятый
Шестой

Пожилой матрос.

Часовой.

Радист.

Милицын, контр-адмирал

Успенский, член ЦК партии эсеров и ВЦИК Советов.

Петр Хваткин, делегат-черноморец.
Панов, член Центробалта.
Горничная.
Матросы в эпизодах.

Действие происходит в Кронштадте в июле — октябре 1917 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая в квартире Берсеневых. Послеобеденный час, переходящий в ясный закатный вечер. За накрытым к чаю столом сидят Софья Петровна, Татьяна и Штубе. Сквозь широкое окно в заднике видны желтеющее небо и крыши домов. Штубе читает «Русское слово». Софья Петровна у самовара вяжет кружево. Татьяна, облокотясь на руку, задумчиво смотрит в окно. За сценой слышны звуки рояля, кто-то все время бойко наигрывает модные легкие мотивчики.

Татьяна *(прислушиваясь)*. Опять Ксения разводит свой шантан. От этой музыки лопаются нервы... *(Подвигает чашку.)* Мама, налей мне еще чашечку.

Софья Петровна *(наливает Татьяне, обращается к Штубе)*. Лео, а вам налить?

Занятый газетой, Штубе не слышит.

Татьяна *(резко)*. Лео, мама с тобой говорит.

Штубе. А? Что? Простите.

Софья Петровна. Чаю еще хотите?

Штубе. Попрошу... Извините, зачитался.

Софья Петровна. Что-нибудь интересное?

Штубе. О да... Чрезвычайно интересное. Вы помните, Софья Петровна, Домбровского?

Софья Петровна. Которого?

Штубе. Младшего... Который вышел на Черное море, Алешу.

Софья Петровна. Ну как же... Отлично помню. Такой ясноглазый, наивный мальчишка, ужасно милый...

Штубе. Да?.. Так вот я сейчас прочел, что этого милого мальчишку в Севастополе пьяная матросня швырнула в топку «Императрицы Екатерины»... Вытащили косточки.

Софья Петровна Ох, боже мой! *(Откидывается на спинку стула, закрыв лицо ладонями.)*

Т а т ь я н а *(вскочила и вырвала у Штубе газету)*. Это безобразие. Знаешь, что у мамы больное сердце... Как не стыдно! *(Подходит к матери и гладит ее по плечу.)* Мама. Не нужно. Не нервничай.

С о ф ь я П е т р о в н а. Дай воды.

Т а т ь я н а *(наливает и подает воду)*. Выпей, мамочка, и успокойся.

Ш т у б е. Сказать, что человека швырнули в топку корабля,— это безобразие?.. А сделать это, видимо, не безобразие.

Т а т ь я н а *(Софье Петровне)*. Крепись... Приедет папа, застанет тебя раскисшей и тоже расстроится...

Ш т у б е. Что же ты не отвечаешь?

Т а т ь я н а. И то и другое — безобразие. Но там дикая вспышка накипевших страстей, а здесь грубая бестактность по отношению к больному человеку.

Ш т у б е. Благодарю...

С о ф ь я П е т р о в н а. Танюша, скажи мне — за что? Во имя чего? Ведь у этого мальчика мать! Как ей перенести?

Т а т ь я н а. За что?.. На это, мама, пожалуй, никто не ответит. Один платит за грехи всех.

Ш т у б е. Это что же, такие прописные истины преподавались у вас на Бестужевских курсах?

Т а т ь я н а *(вспыхнув)*. Послушай...

Ш т у б е *(отпивая чай)*. Кушаю и слушаю.

Т а т ь я н а. Клоун.

Ш т у б е. Помилуй... Я? Клоун?.. Почему? Разве я кувыркаюсь под дудочку матросни, подобно некоторым?

Т а т ь я н а. Кто эти «некоторые»? На кого ты намекаешь?

С о ф ь я П е т р о в н а. Ради бога, не ссорьтесь. Пусть хоть в доме сохранится видимость мира и покоя...

За сценой внезапно в очень быстром темпе заиграли «Пупсика».

Т а т ь я н а. Нет, это, наконец, невыносимо. *(Делает шаг к двери.)*

Ш т у б е. А мне нравится... Ксана обнаруживает понимание духа эпохи. Зачем мучиться над Бетховеном и Шопеном? Это все буржуйские штучки, придуманные на пагубу пролетариата... То ли дело «Пупсик»... Его даже можно принять в качестве революционного гимна.

Софья Петровна. А Евгения все нет и нет... Зачем только он поехал? Вдруг... *(Пауза.)* С ума можно сойти от всего этого.

Татьяна. Ну что может случиться с отцом? К чему ты себя расстраиваешь?

Штубе *(иронически)*. Бесспорно... О ком, о ком, а о капитане первого ранга Берсеневе тревожиться не стоит. Всех нас переживет.

Татьяна. Что это за тон?

Штубе. Бог мой, как ты сегодня непонятлива. Чего ради бояться за Евгения Ивановича? Он в ладу с заправилами флотской республики. Он их на ручках носит, а они его. Взаимная политика обожания. Ну разве не умилительно, что командир крейсера русского флота гуляет сейчас с матросней по питерским мостовым, лузгает подсолнушки и кричит: «Долой капиталистов!»

Татьяна. Может быть, ты повторишь эту гадость в глаза отцу или, по обыкновению, струсишь?

Штубе. Струшу?... Трус не я.... Трусы — те, кто страха ради иудейска спасовали перед зверьем, вырвавшимся из клеток, кто ведет бесчестную и опасную игру в «товарищей»...

Татьяна. Ты смеешь так говорить об отце? Наглец!

Софья Петровна. Таня, Леопольд.... Опомнитесь. Вы меня в могилу уложите.

Штубе. Не я начинаю, Софья Петровна.

Татьяна. Ты хочешь знать, кто трусы? Да?.. Так это ты и твои приятели, бежавшие с кораблей, как только немножко прищемили павлиний хвост вашего гвардейского величия. У вас даже не хватило мужества встретить опасность лицом к лицу и бороться за свое. Вы забились по домам и дрожите за свою шкуру.... Храбрецы!

Штубе. Павлиний хвост. Шкура... Ты быстро овладеваешь демократическим жаргоном. Скоро ты пошлешь меня в веру, гроб и печенки.

Софья Петровна. Леопольд! Что за слова... Вы с ума сошли.

Татьяна *(не слушая)*. И пошлю, если заслужишь... И не думай... *(Смолкает и прислушивается.)*

За окном возникает отдаленная музыка. Татьяна кидается к окну и распахивает его. Музыка врывается со словами песни:

Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вернулись, вернулись!.. Вон гвардейский экипаж... команда «Гангута»... А вот и наши.... Вот отец.... и Годун.

Штубе и Софья Петровна тоже подходят к окну. Песня близится:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой;
Равенство, братство, свобода —
Вот наш девиз боевой.

Дальнейший разговор между Софьей Петровной и Штубе идет под песню. Татьяна высунулась в окно и машет рукой.

Штубе. Какая трогательная пастораль... Сознательные республиканцы, распустив аршинные клеши, возвращаются с очередного скандала. И во главе сих полноправных граждан, под ручку с большевиком Годуном, торжественно шествует потомственный дворянин, офицер флота и мой тесть...

Софья Петровна. Лео, я хочу серьезно просить вас — не раздражайте Таню. Я боюсь за нее и за вас. Она в нервной экзальтации. Я тоже не все понимаю в поступках Евгения, но уверена, что он поступает по долгу своей совести. А Таня его беззаветно любит.

Штубе. Но это не может обязывать меня также очертя голову безрассудно обожать Евгения Ивановича. Долг совести?.. Не знаю... Предавать офицерство, флот, Россию на растерзание этим...

Софья Петровна. Думайте, как хотите. Но поберегите Таню...

Штубе. Ах, до чего мне все это надоело!

Софья Петровна. Все образуется. Улягутся страсти, отшумят бури. Я верю в человечность.

Штубе. Здесь нужна не человечность, а пулеметы.

Софья Петровна. Это неумная злоба, Лео. *(Пауза.)* Надо сказать, чтобы Глаша подогрела самовар. Евгений, верно, смертельно устал и проголодался. *(Уходит.)*

На улице замирают последние слова песни:

И водрузим над землею
Красное знамя труда.

Татьяна отходит от окна.

Штубе *(пересекает ей дорогу и берет за руку)*. Таня.

Молчание.

Таня.

Татьяна *(взглянув на него)*. Что, Лео?

Входит горничная и уносит самовар.

Ш т у б е. Почему ты так переменилась, Таня? Что с тобой? У тебя нет для меня ни улыбки, ни человеческого слова. Ты третируешь меня. Можно подумать, что я твой заклятый враг.

Т а т ь я н а *(спокойно)*. Пока нет...

Ш т у б е. Пока?

Т а т ь я н а. Ах, о чем спрашиваешь, Леопольд? Ты изменился, а не я. Я не могу видеть тебя таким.

Ш т у б е. Каким?

Т а т ь я н а *(резко)*. Жалким... Живым трупом. Ты перестал жить. Когда я впервые увидела тебя, ты был сильный, молодой, держал жизнь в руках... А что теперь? Ты мертвец. *(Горячо.)* Неужели ты окончательно слеп и глух, Леопольд? Неужели ты не чувствуешь, что жизнь зацветает новыми зорями, что мир пахнет по-новому, кипит и бушует? Может быть, я и не понимаю всего до конца, но в каждом дне я чую живое и освежающее дыхание бури. Чудесной бури. А ты? Ты полируешь ногти, меняешь воротнички и, валяясь на диване, бессильно брюзжишь на шторм. Ведь ты же моряк, Лео. Ты должен любить шторм.

Ш т у б е. Романтика для детей. Учебники навигации советуют избегать плавания в шторм. Кроме того, я люблю встречать штормы в чистых воротничках. Это наш морской обычай. А прачки заняты революцией.

Т а т ь я н а *(освобождая руку)*. Какой дешевый парадокс. Ты ни во что не веришь, и в этом твоя катастрофа.

Ш т у б е. А ты приемлешь эту жизнь? Разнузданные лозунги, убийства, свиные рыла в шелухе подсолнухов... Брр!

Т а т ь я н а. А за этим ты ничего не видишь?

Ш т у б е. Нет.

Т а т ь я н а. Тогда ты окончательно мертв, Леопольд. Разнузданность, грубость и хамство я вижу не хуже тебя и ненавижу не меньше, чем ты. Но это перегорающая накипь вековой ненависти. За ней придет новое, Лео. И есть два пути — за или против.

Ш т у б е. А третий?

Т а т ь я н а. Какой?

Ш т у б е. Руки в карманы и наблюдать?

Т а т ь я н а. Это подлый путь.

Ш т у б е. Таня...

Т а т ь я н а. Да, подлый. Можно идти с бурей или,

если хватит смелости, против нее. Но пока ты равнодушно наблюдаешь из окон этого дома, в котором имя отца служит тебе щитом и гарантирует безопасность, ты с каждым днем теряешь мое уважение и мою любовь.

Ш т у б е. Вот как? Ну что же. *(С болезненной усмешкой.)* Кому же ты собираешься передать свою любовь? Уж не кому-либо из этих героев нового мира?.. Скажем, Артемке Годуну, горлопану, олуху, очумевшему от радости, что удалось ненадолго захватить в свои лапы палку, которой его лупцевали?

Т а т ь я н а *(отшатнулась)*. Стыдись... Матросы имеют основание не любить тебя за твое обращение с ними. Но никто из них не позволяет себе таким тоном говорить о тебе.

Ш т у б е. Вот как? Ты даже осведомлена в их мнениях обо мне? Интересно... Кстати, о Годуне. Прошу тебя прекратить эти нелепые занятия английским языком, который ему пристал как корове седло. И так уже из-за этого сивушного лорда в обществе идут ненужные пересуды.

Т а т ь я н а. Я в няньках не нуждаюсь. Я отвечаю за себя. А на сплетни твоих приятелей и их супруг не нахожу нужным реагировать. Я не эскадренная дама из гвардейского экипажа.

Ш т у б е. Но ты еще моя жена. И если ты не хочешь внимать голосу рассудка и приличия, я сам окончу этот идиотский опыт сентиментального воспитания четвероногого.

Т а т ь я н а. Как?

Ш т у б е. Просто спущу его с лестницы.

Т а т ь я н а. Ты?.. Годуна? Ха-ха-ха.

В комнату входит Б е р с е н е в. Он в походной форме, брюки в сапогах, на поясе палаш и револьвер. Белый китель запылен и измазан на рукаве. У Берсенева очень усталый вид. Татьяна, оборвав разговор, бросается к нему.

Папа, милый! Вернулся?.. Очень устал? Какой замученный! Бедняга. Долой эту сбрую, давай сюда. *(Расстегивает пояс, кладет все снаряжение на кресло и ведет отца к столу.)*

Штубе угрюмо отходит в сторону.

Садись.

Б е р с е н е в. Погоди, непоседа.

Т а т ь я н а. Садись без разговоров. Сейчас мать

придет с чаем. Она тут исплакалась по тебе. Ужасы чудятся. Все думает, уж не убили ли тебя.

Б е р с е н е в *(оглянувшись, видит Штубе)*. А, Леопольд! Здравствуй, мой милый.

Ш т у б е *(сухо)*. Здравия желаю, господин капитан первого ранга!

Б е р с е н е в *(внимательно взглянул на него, и по его губам пробежала легкая усмешка. Татьяне)*. А вот и правда выходит, что любящее сердце вещун. Мать недаром беспокоилась. Мог вполне просто лечь костьми посреди Невского.

Т а т ь я н а. Что ты? Каким образом?

Б е р с е н е в *(спокойно раскуривая трубку)*. Н-да... Этакая, понимаешь, глупость и подлейшая история получилась. Как было приказано Исполнительным комитетом Советов, матросы вышли на демонстрацию без оружия. Один дежурный взвод имел винтовки, и то без патронов, просто для красоты. Пришли в Питер, высадились у Адмиралтейства, построились в ниточку и тихо, чинно, организованно пошли на Невский. На тротуарах масса публики, день чудесный, солнце, как в Евпатории. Настроение у всех веселое, поют... И вдруг у Публичной библиотеки слышу: откуда-то «та-та-так....» Пулемет. Сперва никто не понял.... Думали, салютуют нам какие-нибудь чудаки. Сама знаешь, любит народ сейчас порох тратить... Но нет. Видим, упал один... другой... еще...., Вся толпа вразброд, с криком, с воплями... Паника... А сбоку, с Садовой, вылетают казаки и давай крошить бегущих шашками.

Ш т у б е. Наконец.

Т а т ь я н а. Ну, что же дальше?

Б е р с е н е в *(покосился на Штубе)*. Да что ж... Годун и я собрали людей у угла Апраксина двора... Ну, и ясно, что матросы мгновенно озверели. Попробовали казаки сюда сунуться, так их уже чем попало встретили — торцами из мостовой, дрекольем. Двух с коней сбили, едва в клочья не разорвали. Только Годун и отстоял. *(Пауза.)* Скверно, милуша. Очень скверно. Сами роют себе могилу и доведут народ до неистовства. Кончится вторым Гельсингфорсом, только пострашнее.

Ш т у б е. Ничего не будет. Скот нужно гонять кнутом и палкой.

Б е р с е н е в *(спокойно, но с внутренним гневом)*. Люди не скот, мой милый. Люди — человеки.

Ш т у б е. Братишечки?.. Хуже скота. Безмозглое быдло.

Б е р с е н е в. То же самое они говорят о нас, офицерах.

Ш т у б е. И вы поддерживаете в них это убеждение?

Б е р с е н е в. Напрасно, мой милый, ты лезешь на рожон и ищешь повода для ссоры. Я ссориться не расположен. Скажу тебе, что потока ненависти, скопившейся десятилетиями, я удержать не в силах. Но своим личным примером стараюсь доказать матросам, что не все офицеры заслуживают их осуждения... И тебе советую поступать так же...

Ш т у б е. И с матросами толкать Россию в пропасть?

Т а т ь я н а. Леопольд, замолчи.

Б е р с е н е в. Погоди, Тата... А почему, милый мой, ты присваиваешь себе исключительное право спасать Россию? Уж в этом деле ты бы скромненько постоял в сторонке. Позволь нам, русским, самим с Россией управиться.

Ш т у б е. Вы еще попрекаете меня тем, что я Штубе, а не какой-нибудь Тяпкин?

Б е р с е н е в. Попрекать не намерен, но вот что скажу. Было время, когда мы вас с чужбины к себе звали, когда были диковаты, не могли сами кургузых штанов кроить и косы помадой сусалить. В приказчики кликали вас да в портные, а вы мало-помалу, доброты нашей не поняв, захотели и лапы на наш русский стол положить. А вам за ним места не заготовлено. У стола стойте, а за скатерть мы сами садиться будем.

Ш т у б е. Не понимаю, какое отношение это имеет к этому безобразию, к этой вахлацкой революции.

Б е р с е н е в. А самое прямое, мой милый. Старый хозяин немного вас распустил. А новый на место поставит. Народ нынче хозяйничать на свою землю пришел. Так если хотите ему послужить — служите, где он вам укажет и как укажет.

Ш т у б е. Мы всегда служили России и государю вернее, чем многие русские.

Б е р с е н е в. Это как поглядеть... За русский рубль да за русскую десятину вы, пожалуй, крепко держались, потому что и рубль вашей марки повесче и десятина вашего гектара жирней.

Ш т у б е. Евгений Иванович...

Б е р с е н е в. Не обижайся. Для пользы твоей го-

ворю. Если действительно хочешь России служить, так служи по-честному и без лишних претензий. Нет у тебя для них основания... Поразмысли, да только не теряй времени. В обрез его осталось.

Штубе. Служить этому быдлу? Забыть честь и достоинство офицера и дворянина? Покорно благодарю.

Берсенев. Постой. Что ты выдумываешь?

Штубе. Не я один так думаю... Весь флот... Все офицерство.

Берсенев *(резко)*. Офицерство — не весь флот... Понял? Офицерство тоже разное. Был Нахимов, а были зверюги. Были Бестужевы, Суханов, Шмидт, и были Вирены с Дубасовыми. Я готов думать, что быдло те, кто, цепляясь за дурацкие побрякушки и лакейские привилегии, забыл о долге командиров и позорно бросил корабли на произвол стихии.

Штубе. Когда матросы стали скатывать палубы нашей кровью...

Татьяна. Довольно, Леопольд. Папа устал, и незачем его волновать. Уходи...

Штубе. Уйду. Я скоро совсем уйду. Противно есть хлеб, который пахнет изменой. *(Быстро уходит.)*

Татьяна. Негодяй.

Берсенев. Оставь. Бедный малый. Трудная вещь — преодоление традиций.

Татьяна стоит, стиснув кулаки, сжав губы. Входят Софья Петровна и горничная с самоваром. Берсенев встает навстречу жене и целует ей руку. Горничная, поставив самовар, уходит.

Здравствуй, старушка.

Софья Петровна. Как ты бледен. Утомился?

Берсенев. Немножко есть. Тата, выпьешь со мной чайку?

Татьяна присаживается. В дверь стучат.

Софья Петровна. Входите, входите, можно.

Входит Годун в белой форменке, с револьвером на поясе. В руках портфель и бескозырка. Голова забинтована.

Годун. Вечер добрый. Не прогоните?

Софья Петровна. Ну что вы! К самому чаю. Наверное, тоже устали и голодны?

Годун. Эге ж. Костяк ломит, ровно на камнях валялся.

С о ф ь я П е т р о в н а. Садитесь, пожалуйста.

Г о д у н. Благодарствуйте. Добрый вечер, Татьяна Евгеньевна.

Т а т ь я н а. Добрый вечер... Что у вас с головой, Артем Михайлович?

Г о д у н. До головы дойдет... А сперва хочу спросить, не одолжите ли щеточки робу почистить. Запылился насквозь. Да вот еще хорошо бы форштевень сполоснуть.

Т а т ь я н а. Форштевень?

Г о д у н *(смеясь)*. Ну, по-штатскому — портрет умыть.

С о ф ь я П е т р о в н а. Идите за мной, Артем Михайлович, я вас провожу в ванную. Там и щетка есть.

Софья Петровна и Годун выходят.

Б е р с е н е в. Тата, набей-ка мне трубку.

Т а т ь я н а *(берет трубку и набивает)*. Папа, ты не сердись на Леопольда. Он сошел с рельсов.

Б е р с е н е в *(после паузы)*. Горько мне за тебя, Тата. Так и остался Леопольд опереточным лейтенантом, моряком с Елагинской стрелки. Сняли погоны, отняли чинопочитание — и нет человека. Был мундир, а под мундиром гнилушка. Дунь — пыль посыплется. И вряд ли выздоровеет.

Т а т ь я н а *(медленно)*. Не выздоровеет — отрежу.

Б е р с е н е в. Жаль... жаль. Не этого я для тебя хотел.

Возвращаются С о ф ь я П е т р о в н а и Г о д у н, который на ходу приглаживает волосы.

Г о д у н. Вот здорово окатился. Просто заново на свет выскочил. *(Садится к столу)*. Что это вы, Татьяна Евгеньевна, будто невеселы сегодня?

Т а т ь я н а. Так, нездоровится немного. *(Меняя тему.)* Ну, расскажите, что у вас с головой.

Г о д у н *(нехотя)*. Тоже так... От казачков нездоровится.

Т а т ь я н а. Неужели ранили?

Г о д у н. Ну, ранили — это много сказать. Полоснули по коже, до кости не дорезали.

Т а т ь я н а. Так вам нужно хорошую перевязку сделать.

Г о д у н. Спасибо. Я в аптеку заходил, там перевязали толково. Да вы не беспокойтесь, чепуховое дело.

(Принимает от Софьи Петровны чай.) Весьма благодарен. *(Засмеялся.)* А знаете, Татьяна Евгеньевна, какого я сегодня труса спраздновал... аж опамятоваться не могу.

Татьяна. Как?

Годун. Верное слово — перетрусил, что вы думаете. Уж очень неожиданно все нагрянуло. Как начался на Садовой этот пулеметный треск, кто-то из братвы и завопи, как оглашенный: «Робя, полундра! Спасайся, кто может!» А в таком разе стоит одному заорать, а сто голову теряют. Сыпнули все врозь, как горох по палубе. И я как бы обомлел. Хватанул вбок без разбору, налетел на что-то вроде мачты и вмиг по ней наверх, как на формарс по тревоге. Долез доверху и тут только сообразил, что занесло меня на уличный фонарь. Сижу на нем и так крепко обнял, словно мамашу после долгой разлуки. Тут уж меня смех взял. «Эх ты, дурень, думаю, тебя же на фонаре со всех сторон насквозь видать». Торчу в самом деле, как голик на вехе. Ну, мигом сполз с фонаря, плюхнул на четвереньки, бочком, бочком под стенкой дополз до галереи Гостиного двора и там пришвартовался. Сел и хохочу над собой, аж слезы проступают. А народ, какой рядом набился, зенки пялит. Думает, что свихнул кронштадтец от страху. Потеха! *(Хохочет.)*

Татьяна. Веселиться особенно нечего. Хорошо, что уцелели.

Годун. Уцелел. *(Помрачнев.)* А вот двоих ребят совсем там оставили. Ни за понюх. А какие ребята — золото. Что ж, ладно. Запомним теперь навек, как «демократы» матросиков угощали. Придет время, заплатим с процентами... *(Отпивает чай.)* А пожалуй, Евгений Иванович, придется нам с вами на крейсер поспешить. Там поди дым коромыслом — митингуют, бузят. Уж очень озлилась братва на такую подлость. Надо поглядеть да успокоить.

Берсенев. Да-да... Поедем. Вот только переоденусь.

Софья Петровна. Опять уходишь?

Берсенев. Ухожу, старушка. Ничего не поделаешь. А ты не волнуйся. Дай-ка мне белье сменить. Насквозь пропылился и грязен, как после угольной погрузки. *(Уходит с Софьей Петровной.)*

Годун. Беспокоится ваша мамаша, Татьяна Евгеньевна.

Т а т ь я н а. Естественно. Наговаривают кумушки всяких ужасов. Того убили, того утопили, того арестовали... Вот и ходит весь день, как пуганая наседка. *(Пауза.)* Поберегите отца, Артем Михайлович.

Г о д у н. Мне и беречь не надо. Сама братва его пуще крюйт-камеры бережет. Второго такого ведь не найти...

Т а т ь я н а. Пока он с вами, мне не страшно. А вот в одиночку... На улицах чужие матросы, которые его не знают.

Г о д у н. Ну, коли кто пальцем тронет, башку начисто отвинтим. А кроме того, мы его без провожатых не пускаем. Две няньки с пушками с каждого боку. *(Улыбнулся. Пауза.)* А урок последний, что вы мне задали, Татьяна Евгеньевна, я все ж таки одолел. Хоть и времени не было и пальцы не слушают, а одолел. *(Роется в портфеле.)*

Т а т ь я н а *(смеясь)*. Смешно видеть моряка с портфелем.

Г о д у н. Это теперь нам взамен кортика положено. Один такой сухопутный моряк моду завел... Ага, вот...

Т а т ь я н а *(берет у Годуна листок бумаги)*. Ой, какие кляксы... Ну, впрочем, все как будто верно... О нет. Вот тут наврали. Здесь ведь фраза в вопросительной форме, а вы перевели утвердительно. Не тот смысл получился.

Г о д у н. Вот леший его порви... Все равно одолею.

Т а т ь я н а. Кстати, Артем Михайлович, я все хочу спросить: зачем, собственно, вам английский язык в такое время?

Г о д у н *(настороженно)*. А что?

Т а т ь я н а. Просто любопытно.

Г о д у н *(угрюмо)*. Извините, почудилось мне, Татьяна Евгеньевна, будто спросили вы с усмешкой. Так много благодарен за труды, а больше утруждать не стану.

Т а т ь я н а. Годун, что это значит? Вы в своем уме?

Г о д у н *(зло)*. Боюсь я всегда этого. Сызмальства боюсь. Чудится мне всякий раз барская небрежка к серому человеку. Куда ты, мол, дубина стоеросовая, выше себя лезешь.

Т а т ь я н а. Артем Михайлович, очнитесь. Вот чудак.

Г о д у н. За чудачество прошу прощенья. А коли хотите всерьез знать, охотно скажу. Вот нынче посадила меня революция вроде как вторым командиром на корабль. А какая у меня к тому закладка есть? Коров в деревне пас да два года на заводе слесарил. А я за корабль теперь

перед всем народом в ответе. Мне не то что один язык знать надо, а десять. Вот у вас сижу — одним языком разговаривать надо. С эсерами схватишься — другой в ход пускай. С меньшевиками — третий. С офицерами — четвертый. А чтоб за дело отвечать, его понимать до корешка надо. Таких офицеров, как ваш папаша, которым душу доверить можно, раз-два и обчелся. За остальными волчий глаз нужен. Вот, скажем, ведет штурманец корабль, а черт знает что у него за думка. Может, на камни посадит, а может, и того хуже. Нужно, значит, карты да лоции разбирать. А карт у нас много английских. Офицерня по паркетам шаркала, а карты сделать свои не удосужилась. Вот и стою я иной раз в рубке перед картой осел ослом и сам себя крою: «Хамло ты, хамло серое. Сколько тебе еще в башку грузить надо, чтоб ты человеком стал, чтоб ты перед Лениным себя оправдать мог».

Т а т ь я н а. Скажите, Артем Михайлович, вы Ленина видели?

Г о д у н. Как вас... Помню, приехал в Питерский комитет сдавать георгиевские кресты, что на «Правду» морячки жертвовали. Прихожу во дворец Кшесинской, а там народу — как на рынке. Толкался, толкался, никто не принимает. А тут из боковой двери аккурат товарищ выскакивает. Из себя небольшой, бородка чуть с рыжинкой, взгляд быстрый. Я его за руку: «Да скажи хоть ты, браток, куда мне с крестами податься? Целый ведь мешок навалили. Умаялся таскать». Он меня за ручку и поволок в угол до столика, где другой товарищ сидел. «Займитесь, говорит, моряком, расспросите, как у них в Кронштадте, снабдите литературой». Выпалил все скороговорочкой и убежал. А между прочим, буква «р» у него во рту, как шарик в свистке катается. Я товарища спрашиваю: «Это кто такой шустрый?» А он мне: «Владимир Ильич... Ленин». Так я, поверьте, чуть этого парня не разорвал за то, что он мне сразу не сказал.

Т а т ь я н а. А как же вы сами не узнали?

Г о д у н. Вот то-то и есть. Портрет видел, да только никогда не думал, что он такой свой...

Пауза.

Т а т ь я н а. Что вы на меня так смотрите?

Г о д у н. Да так... В прошлый раз обещали вы мне, Татьяна Евгеньевна, книжку...

Т а т ь я н а. Верно. Посидите, я сейчас принесу.

Татьяна уходит. Из другой двери входит Ш т у б е, видит Годуна за столом и со злостью защелкивает портсигар, из которого доставал папиросу. Годун оборачивается.

Г о д у н *(сидя)*. Здравия желаем, господин лейтенант!..

Штубе молча смотрит на Годуна.

Здравствуйте!.. С вами говорю. Или не слышно?

Ш т у б е. Вы не считаете нужным встать, разговаривая с офицером?

Г о д у н. А чего вставать? Находился нынче — отдыхаю. Да и не по службе я тут.

Ш т у б е. Заткнитесь.

Г о д у н *(смешливо)*. Да что вы все так коротко: «Встать!», «Заткнитесь!» Я с вами по-хорошему, а вы каркаете.

Ш т у б е. Не забывайтесь, Артем.

Г о д у н. Михайлович по отчеству, коли забыли... А только разве ж я забываюсь? Люди мы, конечно, разные. Только и сходства, что одной дорогой на свет попали. А впрочем, вас, верно, доктор принимал, а меня мамаша в поле родила да сама серпом отрезала.

Ш т у б е *(вспылив)*. Молчать, скотина!

Г о д у н *(вскочил)*. Алеш-ша, ша! Под мост захотелось?

Ш т у б е *(вне себя)*. Вон отсюда, хам! *(Хватает Годуна за плечо.)*

Г о д у н. Убери лапу, сука, а то двину куда не хочешь. *(Стискивает руки Штубе.)*

В этот момент появляется Т а т ь я н а с книгой и, сразу поняв, что произошло, бросается между мужем и Годуном.

Т а т ь я н а. Что это? У нас в доме?.. Лео, перестань сейчас же, слышишь! Годун, оставьте его... Я вас прошу, оставьте.

Годун с усмешкой отпускает Штубе, тот стоит, дрожа от бешенства. В дверях показывается К с е н и я в очень открытом платье из серо-голубого шелка. В руках у нее несколько роз. Она, незамеченная, стоит минуту на пороге и разражается хохотом.

К с е н и я. Mon Dieu, mon Dieu! Qu' est-ce que je vois?..[1] Какой героический пейзаж! *(Поет.)* «Враги!.. Давно ли друг от друга их жажда крови отвела?»

---

[1] Боже мой, боже мой! Что я вижу?.. *(фр.)*

Т а т ь я н а *(обернулась)*. Ксения!.. Что тебе здесь надо?

К с е н и я. Une question étrange [1]. Неужели в мое отсутствие в нашей квартире совершен переворот, учрежден Совет и мне, как несознательному элементу, вход воспрещен?

Т а т ь я н а. У тебя нелепая манера всегда являться не вовремя, как оперный черт из люка.

К с е н и я. Я?.. Черт?.. Не может быть!.. Лео, похожа я на черта?.. Лео!.. Ну, вижу, от вас толку не добьешься... Вождь пролетариата и непобедимый красный адмирал Годун!.. Скажите вы: похожа я на черта?

Г о д у н *(свирепо)*. Зачем?.. Вы барышня что надо.

К с е н и я. Ага!.. *(Делает реверанс Годуну.)* Je vous remercie bien, excellence [2]. Лео, учитесь искусству современного комплимента. *(С размаху садится в кресло-качалку.)* Ну, расскажите мне что-нибудь веселенькое. Что, например, здесь произошло? Романтическая дуэль или политический конфликт? Что же вы воды в рот набрали? Кто яблоко раздора? Может быть, я? Да развяжите же языки! Годун, отвечайте: могу я быть причиной роковой схватки?

Г о д у н *(не глядя, мрачно)*. Можете!

К с е н и я. Фу, как мрачно!

Т а т ь я н а. Ты бы лучше ушла.

К с е н и я. Вот еще! Мне здесь хорошо. «Пред испанкой благородной двое рыцарей стоят». *(Указывая на Штубе.)* Лео, правда, никудышный — прибалтийский эрзац. Зато Годун «что надо», по его терминологии.

Т а т ь я н а. Ксения! Удержи язык!

К с е н и я. Есть! Приказано удержать язык.

Входят Б е р с е н е в и С о ф ь я П е т р о в н а.

Б е р с е н е в. Вот я и готов. Отправляемся.

Г о д у н *(с облегчением)*. Едем... Будьте здоровы, Татьяна Евгеньевна.

Т а т ь я н а. Всего хорошего. Не забудьте книжку. *(Подает.)*

Г о д у н. Спасибо. Из головы вылетело.

К с е н и я. Красный адмирал, а мне «до свидания»?

Г о д у н. До свидания, барышня.

---

[1] Странный вопрос *(фр.)*.
[2] Благодарю вас, ваше сиятельство *(фр.)*.

К с е н и я. Штраф! Не барышня, а товарищ.

Г о д у н. До свидания, товарищ барышня.

Б е р с е н е в. До ночи, дети. Леопольд, будь любезен появиться завтра на крейсере. Нужно проверить минное имущество.

Ш т у б е. Я не могу. Я нездоров... Пусть без меня.

Б е р с е н е в. Ну, это извини, мой милый. Не настолько ты нездоров. И пока я командую кораблем и не списал тебя, будь добр нести службу нормально. Не подавай дурного примера. А о болезни подай рапорт. Направим на комиссию. Насильно держать не станем. *(Уходит, сопровождаемый Софьей Петровной.)*

Г о д у н *(следуя за Берсеневым, оборачивается в дверях к Штубе с презрительной усмешкой)*. Вы, может, ваше высокоблагородие, матросиков опасаетесь? Так не бойтесь. Матросики вам зла не сделают. Старая хлеб-соль не забывается. Милости просим. *(Скрывается за дверью.)*

Сжав кулаки, Штубе рванулся за ним, но, остановленный взглядом Татьяны, в бешенстве топнул ногой и убежал.

К с е н и я *(раскачиваясь в кресле, мурлычет)*.

Я не такая, я иная.
Я вся из блесток и минут,
Во мне живут истомы рая,
Интимность, нега и уют.

Объясни хоть ты, Танечка: что́ я имела удовольствие лицезреть? Бой царского и революционного флота или сцену ревности?

Т а т ь я н а. До чего ты глупа! Какая ревность!

К с е н и я. Мерси за любезность, но, по-моему, Лео ревнует тебя к Годуну. А Годун действительно, кажется, того...

Т а т ь я н а. Господи! Слушать тебя противно.

К с е н и я. А ты не слушай. Это просто мысли вслух. Я вот сама думаю — не влюбиться ли в Годуна? Что-то скучно стало. Чего-то хочется. Помнишь, у Гиппиус: «Я хочу любви небывалой, любви не мужской и не женской».

Т а т ь я н а. Дура!

К с е н и я. Допустим... Я же не училась на курсах. Mais je vais vous dire, ma chère [1], мне жаль смотреть, как

[1] Но я вам скажу, моя дорогая *(фр.)*.

вы закисаете с таким мужем, как Лео. Это же не человек, а сушеная ревельская салака...

Т а т ь я н а. Довольно!

К с е н и я *(встает с кресла)*. Хорошо! Я ухожу! *(Идет и оборачивается в дверях.)* Подумай! Принимая во внимание развитие событий, советую тебе сближаться с демократией. *(Со смехом исчезает.)*

Т а т ь я н а *(после паузы, задумчиво)*. Тяжело становится в нашем доме. Тяжело... И, может быть, придется уходить, пока не рухнули стены.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ют крейсера «Заря». Слева сцена замыкается кормовым флагштоком, на котором еще нет флага. У флагштока стоит ч а с о в о й. На палубе идет приборка. Справа, у каземата 155-миллиметровой пушки, заложив руки за спину, наблюдает за приборкой п е р в ы й м и ч м а н. Через палубу идет ш е с т о й м а т р о с с всклокоченным из-под бескозырки лихим чубом, с папироской в зубах. На середине палубы он, цыкнув, сплевывает слюну и бросает папиросу.

П е р в ы й м и ч м а н *(вежливо и нерешительно)*. Товарищ матрос!

Ш е с т о й м а т р о с. Чего?

П е р в ы й м и ч м а н. Все-таки неудобно бросать окурки на палубу. Вы же видите, что товарищи прибирают, а вы грязните.

Ш е с т о й м а т р о с *(нагло)*. А не нравится — подберешь. Ноне не царский режим, когда мы за вами дермо носили.

Входит Е р е м е е в, останавливается позади шестого матроса и слушает.

П е р в ы й м и ч м а н. Однако странно. Я не помню, чтобы вам когда-либо приходилось подбирать с палубы наши окурки. Мы никогда не позволяли себе швырять их на палубу.

Ш е с т о й м а т р о с. Мало там что... А теперь подберешь. Теперь наша власть тут. Захотим — заставим языком палубу слизывать.

П е р в ы й м и ч м а н. Я просто не понимаю.

Е р е м е е в. И понимать не стоит, господин мичман. Разрешите, я с товарищем по-дружески поговорю. *(Подходит к шестому матросу.)* Ну, ты, анархия задрипанная, подбери сей минут окурок.

Ш е с т о й м а т р о с. А ты откуда взялся? За старое принимаешься, шкура, офицерская подстилка?

Е р е м е е в. Слыхал, что сказано... подбери.

Ш е с т о й м а т р о с. А то?

Е р е м е е в. Я тебе не офицер. Я тебе сперва зубы запломбирую, а потом еще к Годуну на разговор поведу. Наплачешься... Подбирай!

Ш е с т о й м а т р о с. Это свобода называется. Сменили кукушку на ястреба... *(Нагибается и подбирает окурок.)* Думаешь, спугался я твоего Годуна...

Е р е м е е в. Спугался не спугался, а плыви отсюда подобру-поздорову, не мешай людям работать. Живо!

Шестой матрос, ворча, уходит.

П е р в ы й м и ч м а н. Спасибо за помощь, товарищ боцман. Прямо нет никакой возможности служить с такими людьми.

Е р е м е е в. А вы тоже, господин мичман, бабой не будьте. Если вы такие церемонии разводить будете, так что ж это из флотской службы получится, я спрашиваю? Кабак! А нам нужно, чтоб флот своей гордости не терял. Еще послужить придется. *(Убирающим палубу.)* Ворочайся проворней, черти морские! Сказано, чтоб к девяти крейсер как лаковая шкатулка был. Эх, линьков на вас, собачьих детей, нет! Свобода! Чтоб вам с ней лопнуть, три фала вам в ноздри.

Т р е т и й м а т р о с. Ты что это так расходился, Еремеич? Видать, вчера напрасно на бережок сходил?

Е р е м е е в. То есть что это значит — напрасно?

Т р е т и й м а т р о с. Хотел за гюйс залить, а боцманша сама всю ханжу до тебя выпила?

Е р е м е е в. Ты у меня потрепли языком, потрепли... Ты знаешь, где у меня ханжа водится? Или в мой буфет заглядывал?

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. А шел бы ты, Еремеич, гулять, подале. Мы ж и так верим, что ты спиртного не потребляешь, одними сливками балуешься.

Е р е м е е в. Это ты в каком смысле?

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Да в самом обыкновенном... Был я это, братки, третьего дня на берегу. Иду

мимо доков, а навстречу, гляжу, Еремеичева боцманша коровку хворостиной гонит. «Что это, Власьевна?» — «Да вот, говорит, третью коровку прикупила, потому как ныне революция, мой-то, может, в начальство выйдет, так теперь ему простым молоком и питаться зазорно, пущай сливки пьет».

Гомерический взрыв хохота на палубе.

Еремеев. Разрази вас гром, сволочи языкатые! *(Плюнув, уходит.)*

Пятый матрос. Разыграли карася.

Уборка продолжается. Несколько матросов тащат через сцену тяжелый перлинь.

Первый матрос. Пошел... Дружней, тащи-поглядывай.

Второй матрос *(драящий медь на перилах люка, запевает)*.

Обрезает Дунька косу,
Дает ленточку матросу,
Эх, Дунька, Дунька я,
Дунька, ягодка моя.

Все подхватывают припев. Запевала пронзительно свистит.

Четвертый матрос. Ты что рассвистелся, соловей-разбойник? Ровно флагманская сирена. Переполох засвистываешь?

Третий матрос. Какой переполох?

Четвертый матрос. Запамятовал? Память на заячьем хвосте забыл? А как давеча в Питере на демонстрации от пулемета салом пятки намазывал. Если б тебя за клеш не словили, пожалуй, до самого Кронштадта по воде пехом, как Исусе Христе, пропер бы.

Третий матрос. Катись, Лосев, братишка, ливерной колбаской до Пятой Спасской. А то как бы я тебе штаны смолой не начинил.

Четвертый матрос. У меня хоть штаны остались, а вот ты расскажи, как на барахолке казенную робу сплавил.

Третий матрос. Казенная роба — не твоя хвороба. Плаваем ершом, ходим нагишом, пьем квасы-лимонады и жизни рады.

Пятый матрос. Ну и стервец, рад язык об зубы чесать.

Четвертый матрос. А ты, дядя, не слушай, помирай скорее.

Справа выходит второй мичман и направляется к первому мичману.

Второй мичман. Приветствую вас, Левочка. Как вахтилось?

Первый мичман *(взглянув на часы)*. Послушайте, милорд. Это неслыханное нарушение добропорядочности и джентльменства. Вы изволили опоздать со сменой вахты на десять минут. Вы читали когда-нибудь морское евангелие от Станюковича?

Второй мичман. Устарело, мой друг. Вы не сознательный гражданин Российской республики, а ретроград и шаблонный мичманок. Кто же теперь выходит на вахту вовремя. Оставьте препирания и сдавайте вахточку.

Первый мичман. Принимайте на здоровье. Все гладко. На море полный штиль, а в Кронштадте и, между прочим, в Петербурге — революция. Шесть котлов под парами, программа социал-демократов без изменений, на бакштове катер и шестерка, а вечером в Луна-парке нас ожидает мисс Лили...

Второй мичман. Мерси вас. Вахту принял.

Первый мичман. Обратно вас. Вахту сдал. А по поводу несения службы согласно уставу обращаю ваше внимание на революционных матросов вверенного нам корабля. Они, не в пример вам, милорд, проявляют неслыханное рвение к службе.

Второй мичман *(вполголоса)*. Понимаешь, я и сам уже несколько дней замечаю сей пыл, и, признаться, он меня даже пугает. Казалось бы, все отменено — от бога до здравого смысла. Полная свобода. Хошь — живи, хошь — уходи к бабе в деревню. А матросики начали служить, как пуделя. В чем тайный смысл такого фокуса? Царю служить не хотели. Керенскому — тем паче. И вдруг стали надрываться. Видимо, появилась охота служить... Но кому же? Понять не могу. На время не стоит труда, а вечно служить невозможно.

Первый мичман. Вы близоруки, милорд. Хотите, открою секрет, кому желают служить матросики? Совсем задаром. Для друга.

Второй мичман. Горю любопытством.

Первый мичман. Большевикам, сэр... Мы еще

с вами увидим необыкновенные вещи. Рекомендую подумать... А я — спать. А ревидерчиа, миа кара...[1] *(Уходит.)*

Второй мичман *(задумчиво)*. Большевикам... А пожалуй, верно, черт возьми. Интересно в таком случае, куда мы приедем?

Голос сигнальщика за сценой: «На адмирале «ЩА-ИЖЕ» до половины. Остановить приборку».

Еремеев *(входя, свистит на дудке сигнал № 13)*. Окончить работы! Стать к борту!

Матросы бросают приборку и становятся к борту.

Сигнальщик *(появляясь)*. На адмирале до места.

Второй мичман. На флаг и гюйс.

Сигнальщик бежит к кормовому флагштоку. Из люка подымается Берсенев.

(Берет под козырек и командует.) Смирно! Господа офицеры!

Берсенев. Доброго утра, товарищи матросы.

Все. Здравия желаем, господин капитан первого ранга!

Еремеев. На адмирале флаг подымают.

Второй мичман. Разрешите, господин капитан первого ранга?

Берсенев. Прошу.

Второй мичман. Флаг и гюйс поднять!

Засвистали дудки, запели горны. Матросы сняли бескозырки. Офицеры взяли под козырек. Сигнальщик подымает на кормовой флагшток флаг. Пауза. В этот момент опять появляется шестой матрос. Он лениво идет вдоль строя в бескозырке. Берсенев не видит его, но Еремеев заметил и погрозил кулаком.

Накройсь... Продолжать приборку.

Все занимают прежние места, продолжая приборку.

Берсенев. Не задерживайтесь. Скорей кончайте.

Первый матрос. Стараемся, Евген Иваныч.

Берсенев спускается в люк. Второй мичман уходит.

Еремеев *(подойдя к шестому матросу)*. Опять двадцать пять? Я тебя, анархия, честью просил человеком быть. Не хочешь — пеняй на себя.

---

[1] До свидания, моя дорогая.

Шестой матрос. А ежели я желаю быть свободным?

Еремеев. Вот скоро будешь. *(Уходит.)*

Сигнальщик. Катер идет. Фалрепные, на трап!

Четвертый матрос. Кого черти несут?

Сигнальщик. Немецкая образина катит.

Пятый матрос. Какая?

Сигнальщик. Одна у нас по реестру и значится. Минный офицер, господин фон Штубе.

Пятый матрос *(останавливая бегущих на трап фалрепных)*. Качай назад! И так хорош. Сам вылезет.

Первый матрос. И чего ездит?

Четвертый матрос. Башке на плечах скучно. Таскается, все кляпчит, чтоб по болезни списали.

Третий матрос. Дождется подарка — свежей припарки, как без дальних слов спишут в Могилев.

Пятый матрос. Чистый раешник, матери твоей черт! И откуда только слова берутся?

Третий матрос. Пузырь у меня такой под печенкой привязан, дядя.

За бортом шум машины подошедшего катера. На палубе появляется с трапа Штубе. Матросы молча иронически провожают его взглядом. Он быстро проходит, ни на кого не глядя, за сцену.

Первый матрос *(свистнув вслед)*. Фу-ты ну-ты, ножки гнуты.

Четвертый матрос. Павлин сиамский.

Пожилой матрос. И откуда только злоба у человека? Идет мимо и морду воротит, ровно его травит, на матроса глядючи. А в глазах зелен огонь: с потрохами сожрал бы, кабы сила.

Четвертый матрос. Бог не выдаст, Штубе не съест.

Третий матрос. Кишка тонка — не варит моряка... *(Запевает.)*

Носи ленточку, матрос,
Не забудь девичьих слез...

Все подхватывают.

Эх, Дунька, Дунька я,
Дунька, ягодка моя.

Из-за орудийного каземата выходит Швач.

Ш в а ч. Что горло дерете, товарищи, такими песнями? Одна похабщина. Никакого гражданского сознания. Теперь надо революционные песни петь, выказывать приверженность к свободе.

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Да ну? Любопытно узнать — какие такие песни? Расскажи, просвети нас, дураков царя небесного.

Матросы выжидательно смотрят на Швача.

Ш в а ч *(нерешительно)*. К примеру... «Марсельеза».

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Так... Еще?

Ш в а ч. «Варшавянка».

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Тоже хорошо... Дальше...

Швач запнулся.

Т р е т и й м а т р о с *(подсказывает)*. «Коль славен».

Ш в а ч *(машинально)*. «Коль славен».

Взрыв хохота.

Т р е т и й м а т р о с. Еще «Боже, царя...»

Ш в а ч *(озлясь)*. Ну, еще там разные... А кобелиные пакости горланить стыдно.

П е р в ы й м а т р о с. Да мы что же... мы так...

Ш в а ч. То-то, что так. Никакого понятия. Серость дорежимная.

Т р е т и й м а т р о с. Сам ты серость. Чего-то, брат, когда ты «Марсельезу» тянешь, больно она у тебя на «Спаси, господи» сбивается.

Ш в а ч. Что с дураком говорить. *(Уходит.)*

П я т ы й м а т р о с. Ой, не люблю сукина сына. При царе перед офицерами из кожи лез, в кондукторские шкуры пробирался, а теперь в революционеры определился.

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Уксусная стерва. Мать и отца продаст за грош.

Из-за орудия выходят Г о д у н и Е р е м е е в.

Г о д у н. Разводку на работы сегодня по этому наряду делать. *(Дает Еремееву листок.)* Понимаешь, в чем загвоздка?

Е р е м е е в. Вроде как не соображаю.

Г о д у н. Эсеровщину всю в низы загоняем, чтобы сидела там и не бузила. А на палубе побольше наших.

Меньшевики пусть тоже на палубе болтаются. От них шуму много ждать нечего. Овечьи натуры.

Еремеев. Толково придумано.

Годун. Делай! Пройдем на бак, поглядим.

Годун и Еремеев уходят.

Из люка подымаются Берсенев и Штубе. Они проходят к каземату. Берсенев присаживается на кнехт, Штубе стоит перед ним.

Берсенев. Так в чем же дело, мой милый?

Штубе. Я настаиваю, Евгений Иванович, на списании. Я действительно болен, а помимо того, не желаю и не могу служить в такой обстановке. Это противно моей чести.

Берсенев. Что у тебя за особая честь такая? Я служу, другие служат...

Штубе. Это их дело... Я не желаю ходить на поводу у комитетской банды.

Пятый матрос *(прислушиваясь, третьему)*. Слыхал?

Третий матрос. Собака лает — наш брат чихает.

Берсенев. Но даже твое списание все равно придется провести через комитет.

Штубе. Я только прошу скорей. Этим прохвостам нравится издеваться... Они нарочно будут тянуть. А для меня каждый день здесь — пытка.

Берсенев. Как хочешь. Я попрошу ускорить. Я пытался задержать тебя в твоих же интересах.

Штубе. В моих?

Берсенев. Я хотел сохранить тебе жену.

Штубе *(вспыхнув)*. Прошу не говорить мне об этом. *(Поворачивается и идет к люку.)*

Швач *(догоняя его, вполголоса)*. Ваше высокоблагородие... ваше высокоблагородие.

Штубе *(остановился у люка)*. В чем дело? Да не тычься высокоблагородием. Услышат.

Швач. Слушаю, ваше высок... господин лейтенант. Так что с кондукторами у меня был разговор.

Штубе. Ну и что?

Швач. Кондукторы, конечно, понимают и так что сочувствуют в обчем и целом, но только сами ничего заводить не будут. «Мы, говорят, нитральны, а коли господам офицерам потрафит, так вмиг присоединимся».

Штубе. Сволочь трусливая!

Швач. Точно так, господин лейтенант. А между прочим, если раздумать, так ихнее положение тоже не сладкое. Ни матрос, ни офицер. Тая сторона жметь, этая давить, вертись, как жук на палочке. Для кого свобода, а для боцманов и кондукторов одно горе и никаких правов.

Штубе. Ты что это о правах заговорил? Тоже заразился? Разбольшевичился? Смотри.

Швач. Виноват, господин лейтенант. Я про службу твердо понимаю, какое в ей наше место.

Штубе. Ну и хватит. Ступай... Если будет что-нибудь новое, особенно если большевики из Петрограда нагрянут, приходи на квартиру.

Швач. Есть, господин лейтенант!

Штубе уходит. Берсенев, искоса наблюдавший сцену, окликает Швача.

Берсенев. Боцман!

Швач. Есть, господин капитан первого ранга!

Берсенев. Ваше место при уборке где? На баке? Почему вы толчетесь здесь? Почему не смотрите за работами?

Швач. Виноват, господин капитан первого ранга... прошелся.

Берсенев. Марш на место!

Швач уходит под смех матросов.

Третий матрос. Ошпарили, сукино вымя.

Берсенев. Поторапливайтесь, братцы, поторапливайтесь.

Пятый матрос. Враз кончаем, господин капитан первого ранга.

Входит Годун.

Годун. А я вас, Евгений Иваныч, внизу искал. Десятый час. Скоро гостей встречать.

Берсенев. Да. Вы оставайтесь наверху, Артем Михайлович, а я еще хочу по низам пройти. Чтоб все было в порядке и блеске, вопреки слухам о плавучей помойке и сумасшедшем доме.

Годун. Поднесем мы им сюрпризец. Они, надо полагать, в калошах и с зонтиками приедут, чтоб в подсолнуховой лузге и помоях не потонуть, а мы им нос утрем.

Берсенев уходит вниз.

А ну, братцы, кончай работу... Баста! Давай ко мне! Потолковать надо.

Матросы собираются вокруг Годуна. Он садится на крышку люка.

Пятый матрос. Об чем разговор, Артем?

Годун. Обо всем помалу, а в первую голову вот о чем: выходит, товарищи, такое положение, что надо нам призадуматься. Контрреволюция опять голову подымает. Только недавно Корнилову жару дали, так теперь другим не терпится. Временное правительство вожжу затягивать хочет, так надо, чтоб эта вожжа не нам шею захлестнула, а буржуазии под хвост попала...

Четвертый матрос. Определенно! Не вожжу бы им, а репей.

Годун. Вот постреляли нас на Невском ни за что ни про что, а теперь нас же еще на весь мир клеветой поливают.

Пятый матрос. Это как же понимать?

Годун. Распустили слух, что мы бунтари и изменники, что балтийцы присягу забыли и немцам Россию продают, что с фронта мы корабли увели, Милюкову проливов добывать не желаем. Эсеровщина из себя лезет, чтобы нашу флотскую семью, нашу кронштадтскую республику в гроб уложить. И нет такой пакости, которую бы на нас не взвалили. Мало керенщине, что тысячами сидят матросы по тюрьмам и клопов кормят. Придумал Александр Четвертый новое иудино дело. Приказ готовит: корабли совсем разоружить, а нас в маршевые батальоны и на пеший фронт гнать.

Первый матрос. Нас разоружить? Хо-хо-шеньки!

Четвертый матрос. Как бы не заслабило!

Третий матрос. Ладила баба пирог, да прокис творог!

Годун. Вот то-то и есть, братки. А знаете, для чего все это затеяно? Для того они хотят флот прикончить, чтобы некому было на море стать грудью против немецких генералов, когда соглашатели кликнут Вильгельма заливать кровью пожар и спасать буржуйские кошели.

Первый матрос. Ну и гады!

Годун. Знают они, что пока мы стоим у кронштадтских ворот, нет и не будет немцу хода в Питер, потому что все мы тут ляжем, а такого сраму на наш город, на колыбель революции, не положим... Так вот,

братки, сами понимаете, что против нас задумано. И сейчас нам нужно всем как железо стать. Все за одного — один за всех. Дисциплина и порядок, братки. Да такая дисциплина, какой и при царе не бывало. До последнего вздоха дисциплина. И никакого своевольства...

Пятый матрос. Да его у нас и так нет.

Годун. Есть. Ходит тут по кораблю разная шпана... Вот глянька на него! *(Неожиданно резко указывает пальцем на шестого матроса.)* Видите красавца? Патлы на ветер выпустил, клеш распустил, кроме своего пуза, другого бога не чтит, лодырь, паскуда, а туда же — анархия. Что ты в анархии понимаешь, гнида сушеная?

Шестой матрос. А ты полегче. Нашелся тоже Вирен с кочегарки.

Годун. Что? *(Встает и хватает шестого матроса за грудь.)* А ну, повтори! Повтори только — воробушком за борт вылетишь и хвостом махнуть не успеешь... Ему все нипочем. Палуба для него — мусорный ящик, флаг для него — тряпка, Россия — вроде воровской хазы. Ему только одному свободу подай, а другие ему коврики под ноги стели... Да мы из тебя душу вытряхнем, потому что ты все наше дело портишь и пакостишь. Слышишь?! *(С силой отбрасывает его.)*

Шестой матрос *(отлетев)*. Братцы, да что ж вы глядите? За что боролись? Это и ахвицеры так за грудки не хватали.

Годун. Не так еще хватим. Офицерам ты мог поперек вставать, а поперек нашему делу не встанешь. А попробуешь — будет тебе, как Иуде, веревка на гафеле... Понял? И катись, не гадь воздуха в матросском честном кругу.

Пятый матрос. Правильно, Артем. Не позволим наше согласие ломать.

Шестой матрос. Погоди. Найдется на тебя управа. *(Уходит.)*

Годун. Вались, пока жив... *(Садится.)* Так вот, братки, хотят нас буржуи схарчить. Только, думается мне, нет такой силы, чтобы сломила матросскую силу. Мы на драку ученые. «Потемкин» начинал, а нам судьба вышла кончать. И кончим... Поэтому говорю: как подымет наша партия сигнал, как скажут большевики: «Матросы, вперед!» — слушать приказа, как флагмана в бою. Чтоб отказа не было.

Четвертый матрос. Не будет.

П я т ы й   м а т р о с. Так и передай, Артем, партии: все ляжем, а отбоя не дадим.

В т о р о й   м а т р о с. Не попятимся раками.

Г о д у н. Смотрите ж. Слово наше — все равно что присяга... А теперь про другое. Знаете, что к нам сегодня гости собираются?

П я т ы й   м а т р о с. Какие?

Г о д у н. Комиссия ВЦИК... Не простые гости.

Т р е т и й   м а т р о с. Известно. Такие гости, что у матроса ноют кости.

Г о д у н. Хотят нас уговаривать быть овечками. А заодно пошпионить, как живем, чем дышим. Нужно их встретить так, чтобы отпала охота шляться... Только, чур, помнить про дисциплину, держать себя как нужно. Мы собой честь революции представляем. Никакого хулиганства.

П я т ы й   м а т р о с. Не тронем. Рук марать не стоит.

Г о д у н. Правильно. Горлом в случае чего ори, а рукам воли не давай... Покличьте кто-нибудь вахтенного начальника.

Один из матросов убегает.

Ч е т в е р т ы й   м а т р о с. А кто приедет, Артем? Верно, знаешь?

Г о д у н. Накрейбриг, адмирал Милицын. С ним эсеровский уговаривающий и еще какое-то насекомое.

Входит в т о р о й   м и ч м а н.

В т о р о й   м и ч м а н. Звали, товарищ председатель судкома?

Г о д у н. Да. Вот что, господин мичман. Когда катер с комиссией подойдет к борту, караула и оркестра не вызывать. Фронт не строить. Никакого церемониала! Приказание согласовано с командиром.

В т о р о й   м и ч м а н. Есть. *(Уходит.)*

Г о д у н. Ну, братки, я пошел к командиру. Помните уговор.

П о ж и л о й   м а т р о с. Не сомневайся, Артем.

Годун уходит. Матросы расходятся группками.

Т р е т и й   м а т р о с. А все же, братва, неладно Артем с Лохматовым поступил. В самом деле, не царский режим у нас, чтоб так человека...

Пожилой матрос *(горячо)*. Помолчи! Помолчи, говорю, да нос утри, прежь разговаривать. Правильно Артем повел. Так у нас ничего не сладится, ежели каждый за себя тянуть будет. Вот от этого мы на «Потемкине» и дух выпустили, потому что дисциплины завести промеж себя не смогли. Был бы такой Артем с нами, так, может, уже в пятом году хомут с народа сняли б...

Голос сигнальщика. Катер отвалил от стенки!

Пятый матрос. Ну вот и гости. Убирай, ребята, принадлежность.

Несколько матросов поспешно хватают голики, ведра, щетки и уносят за сцену. Остальные кидаются к борту.

Голоса. Катит...

— Флаг адмиральский...

— Погоди, скоро из этих флагов портянки наворачивать будем.

— На всех парах...

Пожилой матрос. Отошли бы от борта. Неловко так.

Третий матрос. И верно. Чего не видали... Споем лучше...

Первый матрос. Запевай, Ваня.

Матросы собираются у каземата.

Третий матрос *(запевает)*.

Наверх же, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Хор мрачно и сурово повторяет.

Все вымпелы вьются, и флаги шумят,
Наверх якоря подымают.
Готовятся к бою, орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают...

С трапа на палубу подымается адмирал Милицын, за ним — Успенский, в защитном френче и каскетке, с рукой в черной перчатке, заложенной за борт френча, и белобрысый неуклюжий матрос в черноморской фуражке, явно не привыкший к форме. Это Хваткин. Поющие стоят спиной к трапу, нарочито не замечая появления гостей.

М и л и ц ы н. Смирно! Что у вас делается? Это что за гвалт? Базар? Где вахтенный начальник? Вызвать командира!

На окрик Милицына матросы мгновенно поворачиваются и застывают в великолепной уставной стойке.

Т р е т и й   м а т р о с. Есть вызвать командира! *(Быстро убегает.)*

М и л и ц ы н *(в ярости)*. Кабак, а не корабль. Мерзавцы! Бедлам!

У с п е н с к и й *(тихо)*. Ваше превосходительство, будьте спокойней. Дипломатия и такт.

М и л и ц ы н. Я не дипломат, сударь, а адмирал.

У с п е н с к и й. Но вы видите — на корабле порядок... чистота... А нам говорили...

М и л и ц ы н. По-вашему, порядок, а по-моему...

Из люка подымается Б е р с е н е в, за ним — Г о д у н.

Б е р с е н е в *(подходит, взяв под козырек)*. Честь имею явиться, ваше превосходительство.

М и л и ц ы н. Где вы были, господин капитан первого ранга? Где ваш вахтенный начальник? Почему нет встречи? Где оркестр? Где караул? Почему вы не в форме, не при палаше? Вы бы еще вылезли в кимоно и туфлях... Вы что, первый год на службе? Устав забыли? Как стоите? Стыд и позор!

Берсенев хочет ответить, но его перебивает Годун.

Г о д у н. Господин контр-адмирал. Командир выполняет приказание судового комитета, который постановил ввиду усталости команды от вчерашней погрузки угля никаких церемоний не производить.

М и л и ц ы н. Команда устала? От митингов? Вы сами кто такой?

Г о д у н. Председатель судового комитета.

М и л и ц ы н. Не знаю такого чина! На корабле есть только командир... Большой сбор! Команду во фронт!

Б е р с е н е в. Большой сбор!

В т о р о й   м и ч м а н *(выходя)*. Горнист! Большой сбор!

Горнист играет сигнал большого сбора. Свистки дудок, звон колоколов громкого боя. Сцена заполняется м а т р о с а м и, они выстраиваются по борту. На правом фланге становятся Берсенев, Годун, Штубе и оба мичмана. За ними — кондукторы и боцманы.

М и л и ц ы н. Смирно! Слушать меня!

Г о д у н. Команде слушать адмирала. Стоять вольно!

М и л и ц ы н. Это что? Кто здесь командует?

Г о д у н. Командуем — мы.

М и л и ц ы н. Молчать!

Глухой ропот и движение в строю. Успенский берет Милицына под руку и что-то шепчет.

Как вам угодно, милостивый государь. Сами довели, сами и расхлебывайте ваши демократические щи... Стоять вольно! С вами будет говорить член центрального исполнительного комитета партии социалистов-революционеров господин Успенский...

Успенский театрально вспрыгивает на кнехт и простирает левую руку.

Г о л о с и з с т р о я. Не кажи гоп, поки не перескочишь.

М и л и ц ы н *(обернулся)*. Что? Разговорчики в строю?

У с п е н с к и й. Матросы революционной великой России! От имени Временного правительства я требую от вас вслушаться в слова любви и предостережения. Вы на ложном пути. Мы хотим вернуть вас на верную дорогу...

Г о л о с и з с т р о я. Ишь ты, какой стрелочник...

У с п е н с к и й. Что?

М и л и ц ы н. Не перебивать!

У с п е н с к и й. Вас одурачили безответственные элементы, которые сулят вам немедленный рай на земле. Поймите, ничто не дается сразу. Вы продаете светлые идеалы будущего за чечевичную похлебку...

Г о л о с и з с т р о я. Ты не нам говори. Ревизору скажи. Он казенные одеяла спекулянтам сплавляет.

У с п е н с к и й. Вы должны слушать не подпольных агитаторов, сеющих рознь среди русских людей, а представителей законной демократической власти Временного правительства, которые душой болеют за вас, за общенародные интересы...

Г о л о с и з с т р о я. А землю народу когда дадите?

У с п е н с к и й. Вы спрашиваете о земле? Но этот кардинальный вопрос может быть разрешен лишь волей Всероссийского учредительного собрания на основе спра-

ведливого возмещения владельцам и всестороннего обсуждения...

Голос из строя. Устюшкина мать собиралась помирать... Сто лет тянуть будете...

Успенский. Вы получите землю, но законным путем, а не путем угроз и насилия.

Голос из строя. Слыхали, как куры сдыхали.

Успенский. Я не могу говорить, когда меня перебивают на каждом слове... Я требую уважать в моем лице правительство революции. Мы не допустим никаких самочинных, разбойничьих захватов земли...

Пятый матрос. Возьмем и не спросим.

Третий матрос. А будете поперек, так самих в землю уложим.

Успенский. Матросы! Опомнитесь! Под видом революции вас толкают на путь, который приведет к страшной реакции, который затопит страну потоками народной крови. Эта кровь уже пролилась неделю назад в Петрограде во время вашего безумного выступления, когда вы были подло преданы и покинуты толкнувшими вас на этот путь большевиками...

Ропот, крики, свист.

Пятый матрос. Большевиков не цапай!

Успенский. Вы ослепли. Вы не сознаете и не видите предательской игры, потому что вы темны и доверчивы.

Четвертый матрос. Тебе-то не поверим.

Успенский. Если вы не хотите слушать голос дружеского убеждения, мы заставим вас подчиниться воле народа железом и кровью. Чтобы спасти Россию, мы не остановимся перед введением смертной казни.

Движение в строю. Голоса перерастают в угрожающий рев. Милицын отступает за Успенского. Тот растерян.

Годун *(кричит)*. Тихо!

Шум стихает.

Успенский. Я требую...

Годун. Хватит требовать, если хотите уцелеть. За угрозы команде лишаю слова.

Успенский. Вы не имеете права.

Годун. Право у нас в винтовках сидит.

Успенский. Насильники! Изменники! Если вы не хотите слушать меня, послушайте своего товарища, матроса-черноморца. *(Слезает с кнехта и помогает подняться белобрысому матросу.)*

Третий матрос. А он откуда вылез?

Первый матрос. Кто такой? С какого корабля?

Третий матрос. Браточек, ты в какой воде плавал, каким соляром мазан?

Хваткин. Братцы матросики!.. Я черноморец, Петр Хваткин, с подводной бригады...

Первый матрос. С какой лодки, спрашиваю?

Третий матрос. Он с лодки «Акула-Вакула». Полгода плавала, а после потонула.

Хохот.

Хваткин. Братцы матросики, послушайте своего брата. Не верьте христопродавцам-большевикам. Гоните их вон, слушайте своих офицеров. Мы, черноморцы, смутьянов отовсюду повыгнали и вместе с родными отцами нашими командирами будем служить матушке России и Временному...

Второй матрос *(выскакивая из строя)*. Стой!.. К чертовой матери! Ребята, знаете, кто он? Я его сперва в форменке не спознал... Наш он, костромской. Батька его — главный в городе бакалейщик, а его с реалки с четвертого классу погнали за хулиганство... Сволочь он буржуйская...

Рев матросов. Они напирают отовсюду.

Пятый матрос. Нас предателями обзывают, а сами к нам липу подсылают, ахтеров.

Первый матрос. Бей его, в мою голову!

Мелькают кулаки.

Годун. Стоп! Задний ход, ребята! Помните, слово дали.

Берсенев и офицеры вместе с Годуном оттесняют матросов к борту, защищая Успенского и его свиту. Штубе стоит, засунув руки в карманы, и ненавидящими глазами смотрит на матросов. Сзади него держится Швач.

Швач *(вполголоса)*. Ваше высокоблагородие, я всех крикунов по голосу опознал. Прикажете на заметочку взять?

Штубе. Запиши... потом.

Б е р с е н е в. Товарищи! До сих пор вы верили мне. Поверьте и сейчас. Не нужно насилия. Держите себя в руках.

Г о д у н. Расходись, братва, тихо. Господа делегаты Временного правительства, предлагаю немедленно покинуть корабль во избежание кровопролития. Вы нам не нужны. Без вас обойдемся.

М и л и ц ы н *(придя в ярость)*. Я вам покажу! Я вам задам... Бунтовать? Негодяи! Господин капитан первого ранга, приказываю под личную ответственность немедля арестовать зачинщиков...

Б е р с е н е в. Попробуйте сами, ваше превосходительство. В иные минуты нужно быть зрячим.

М и л и ц ы н. Разговаривать?.. Позор! Вы заодно с ними. Вы ответите. Объявляю вас арестованным...

Б е р с е н е в. Есть.

Новый взрыв возмущения среди матросов.

Г о л о с. В воду их! Гони на трап!

Т р е т и й м а т р о с. Братишки, не пачкай трапа гадами! Спустить их за борт на горденях, как скотину.

Хохот.

К р и к и. Заводи стрелу...
— Разбирай тали.

Матросы надвигаются на делегатов.

Б е р с е н е в *(загораживая делегатов)*. Товарищи! Не надо!.. Я вас прошу.

Т р е т и й м а т р о с. Уходи, Евген Иваныч, мы тебя любим, только их сплавить не мешай.

Матросы оттесняют Берсенева. Вперед неожиданно вырывается Штубе с пистолетом в руке.

Ш т у б е. Назад, подлецы! Стрелять буду!

Т р е т и й м а т р о с. А ты куда, кожа? *(Хватает Штубе за руку.)*

Подоспевший Еремеев выдергивает из руки Штубе оружие.

П я т ы й м а т р о с. Дайте ему, дракону, одного раза насмерть.

Г о д у н *(бросается, прикрывая собой Штубе)*. Не позволю! Назад! *(Во весь голос.)* По местам! Сми-и-рно!

Третий матрос *(отшатываясь)*. Ну и орала, вполне за адмирала.

Шум стихает.

Годун. Никого не трогать. Пусть уходят честью. Мы не разбойники. Скатертью дорога, ваше превосходительство!

Милицын. Приказываю именем Временного правительства...

Годун. Передайте Временному правительству, что мы на него хрен с редькой положили. Крейсер подчиняется только большевикам.

Милицын *(отступая к трапу)*. Мерзавцы, я потоплю вашу банду артиллерией.

Третий матрос. Комендоров не найдешь, старая крыса. А сам не осилишь.

Милицын *(со ступеньки трапа)*. Прохвосты!

Четвертый матрос. Не надрывай глотки, отче. Панихиду по себе петь не сможешь.

Под улюлюканье матросов делегаты скатываются по трапу. Слышна сирена катера.

Пятый матрос *(через поручни)*. Катитесь на белом катере!

Годун. Баста! Расходись, братва... По палубе не шляться. Быть начеку! Сигнальщикам следить за берегом! В случае чего — боевую тревогу, а то старец в самом деле взбесится и с фортов шарахнет.

Матросы расходятся. Палуба пустеет. Остаются только Берсенев, понуро стоящий у люка, первый и второй мичманы и Годун.

(Подходя к Берсеневу.) Евгений Иваныч, вы что загрустили?

Берсенев молчит.

Не очень деликатно, конечно, вышло, да ведь сами видели, кто куда гнул и кто на стенку лез.

Берсенев. Мне трудно это принять.

Годун. Что ж сделаешь? Драка так драка. И раз теперь так пошло, то скоро, значит, и до настоящей драки дойдет. Так если вам не под силу, Евгений Иваныч, скажите просто. Мы понимаем, что тяжело против своих идти всерьез. Может, лучше уйти вам?

Берсенев молчит, лицо его передергивается судорогой.

Говорите прямо — никто не осудит. До своей точки вы с нами дошли. Раз дальше не можете — лучше сказать, пока не поздно. Потом задний ход давать нельзя будет.

Б е р с е н е в *(подымая голову)*. Мне поздно отступать... Я пойду с матросами до конца.

Г о д у н. Ладно. Благодарить не стану. Поблагодарит народ. А у меня в вас вера твердая, Евгений Иваныч. Руку тогда! *(Обменивается рукопожатием с Берсеневым и оборачивается к мичманам.)* Ну, а вы как, господа офицеры?

П е р в ы й м и ч м а н. Мы — как господин капитан первого ранга.

Г о д у н. Молодцами, господа офицеры. Кто молод, тот смел. Полный вперед!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация та же, что в первом действии,— столовая в квартире Берсенева. Вечер. Шторы на окне задернуты. Над столом горит лампа под шелковым цветным абажуром, выделяя ярким белым квадратом скатерть. При поднятии занавеса в столовой у двери стоят Б е р с е н е в, в шинели и фуражке, натягивающий перчатку, собираясь уходить, и Ш т у б е, в обычных форменных брюках, но в пижаме вместо кителя.

Б е р с е н е в. Ну вот, вчера комитет постановил удовлетворить твою просьбу о списании с корабля. Теперь ты вольная птица. Как же ты намерен дальше устраивать свою жизнь, мой милый?

Ш т у б е. Через несколько дней я должен получить заграничный паспорт. Федя Мейендорф — теперь начальник департамента, и он устроил мне это без проволочек.

Б е р с е н е в. Так... Куда же ты намереваешься двинуться?

Ш т у б е. В Финляндию... а после, если понадобится, в Швецию.

Б е р с е н е в. Значит, один?

Ш т у б е. Но вы же сами знаете, Евгений Иванович, что Таня и слышать не хочет о выезде за границу... Если бы вы своим авторитетом помогли мне уговорить ее...

Б е р с е н е в. Ну, уж нет... Я в ваши взаимоотношения вмешиваться не намерен. Уговаривай сам.

Ш т у б е. Но почему? Неужели вы не видите сами, что там будет лучше?

Б е р с е н е в. Для тебя — возможно. Для нее — сомневаюсь. Она, как и я, как все мы, корнями в русской земле. Перенеси на другую почву — зачахнет. Особенно в такое горячее время. И обо мне и матери она будет тосковать.

Ш т у б е. Значит, разлука с вами для нее больше, чем разлука со мной?

Б е р с е н е в. Спроси у нее. А я боюсь, что да... На какие же средства ты будешь существовать за границей?

Ш т у б е. Я нашел одного дельца, который согласился купить мою дачу под Ригой вместе с землей. Я бы сам не дал сейчас за нее гроша, но он твердо уверен, что расходы окупятся впоследствии.

Б е р с е н е в. Иначе говоря, ты продал имущество, которое уже не принадлежит тебе? Отличная сделка.

Ш т у б е. Наша семья два века владела этой землей... И революция не будет продолжаться вечно.

Б е р с е н е в. Ты думаешь?

Ш т у б е. Конечно. Если мы сами не справимся с ней, капиталисты не потерпят мужицкой анархии в России.

Б е р с е н е в. Блажен, кто верует, мой милый. Но я думаю, что тебе ненадолго хватит вырученного за твои латифундии. Вероятно, твой покупатель не слишком раскошелился.

Ш т у б е. На год хватит.

Б е р с е н е в. А после?

Ш т у б е. Там увидим...

Б е р с е н е в. Опрометчиво. Ты, мой милый, непрактичен. Право, тебе следовало бы взять пример с некоторых твоих коллег. Ревизор с «Андрея Первозванного», барон Люце, кажется, твой большой приятель, поступил благоразумнее. Он захватил с собой содержимое денежного ящика.

Ш т у б е *(негодующе)*. Евгений Иванович! Я не понимаю... Вы принимаете меня за вора?

Б е р с е н е в *(резко)*. Разреши мне разговаривать так, как я нахожу нужным. Я старше тебя по чину и по годам, и не тебе меня учить. Я довожу дело до логической точки. Если в такую годину ты бросаешь родину, которую, как ты утверждал, любишь больше, чем я,

и которую ты хотел спасать, то почему не прихватить с этой родины все, что можно?

Штубе. Я не могу жить в стране, которая разваливается на глазах. Но я честный человек, я дворянин и не пойду на преступление. Я смогу найти себе место в любой стране...

Берсенев. Что ж, ищи... Но запомни, что я тебе сейчас скажу: Россия никогда не вернется на старый путь. Может быть, никто из нас не доживет до лучшего будущего, но оно настанет, и новая родина помянет добром только тех, кто остался с ней в тяжкие годы, и навеки проклянет тех, кто покинул ее, как блудный сын, ища теплого местечка за рубежом. С того дня, когда ты переступишь этот рубеж, ты станешь вечным скитальцем, без родины, без имени, без чести. И возврата тебе не будет... А теперь — делай как знаешь. Прости, мне пора... *(Уходит.)*

Штубе *(несколько секунд стоит молча, потом пожимает плечами, с саркастической усмешкой)*. Старик совершенно свихнулся с курса... Что за тон... Можно подумать, пророк Иеремия, а не капитан первого ранга... Чепуха! *(Быстро уходит.)*

Входит горничная.

Горничная *(подходит к столу и убирает чашки)*. Опять весь самовар выдули. И прямо понять невозможно, с чего так пьют... Как эта революция началась, так по восьми самоваров в день выпивают. Должно, с нервов на чай тянет. А пуще всех молодой барин Леопольд Федорович... Вчера я даже посчитала с любопытства. С утра семнадцать стаканов оглушил. Из немцев, а пьет, как гостинодворский. *(Смеется.)*

В передней звонок. Горничная бежит в переднюю. Выходит Софья Петровна, прислушивается.

Горничная (за сценой): «Дома. Дома. Как прикажете доложить?»

Ярцев (за сценой): «Полковник Ярцев... Леопольд Федорович знает. Он нас ждет».

Горничная (за сценой): «Сей миг доложу, обождите...»

Входит горничная.

Горничная. К молодому барину, Софья Петровна. Двое.

Софья Петровна. Что же вы их оставили в передней, Глаша? Просите сюда. Я сейчас позову Лео.

Горничная убегает в переднюю.

Горничная (за сценой): «Заходите в комнаты, пожалуйста».

С о ф ь я П е т р о в н а *(открыв дверь)*. Лео! К вам гости.

В столовую входят в сопровождении горничной Я р ц е в и П о л е в о й. Ярцев кланяется Софье Петровне.

П о л е в о й *(целует ей руку)*. Доброго здоровья, Софья Петровна. Как поживаете? Здоровы? Разрешите представить — Алексей Алексеевич Ярцев.

С о ф ь я П е т р о в н а. Очень рада. Прошу садиться, господа. Леопольд Федорович сейчас выйдет. А я, простите, вас покину. У меня брусничное варенье варится...

П о л е в о й. Оставьте мне пенок, Софья Петровна. Я стал ужасным лакомкой.

С о ф ь я П е т р о в н а. Пожалуйста. Сколько угодно. *(Уходит, сопровождаемая горничной, которая уносит со стола чашки.)*

Я р ц е в. Угодно папироску, поручик?

П о л е в о й. Мерси, господин полковник. Не откажусь. *(Садится.)* Вот увидите сами... Это очаровательный дом.

Я р ц е в. Но где же эта прелестная маленькая фея, о которой вы мне прожужжали уши по дороге? Я не думаю, что эта почтенная дама, с которой вы меня познакомили...

П о л е в о й. Что вы? Что вы, господин полковник? Неужели вы думаете, что я завожу романы с дамами опасного возраста? О нет. Мой предмет — ее младшая дочь. Ксения Евгеньевна, или, проще, Кси... Пленительная девчурка и без особых церемоний. Эмансипэ и полудева.

Я р ц е в. Что ж, поручик, благословляю.

Быстро входит Ш т у б е, застегивая китель.

Ш т у б е. Я заставил вас долго ждать? Будьте великодушны. Устал и позволил себе немножко отдохнуть...

П о л е в о й. Бонжур, Лео... Знакомьтесь — полковник Ярцев.

Ш т у б е. Очень рад познакомиться. Еще раз простите.

Я р ц е в. Пожалуйста. Какой тут этикет! Люди свои.

Ш т у б е. Как доехали, Полевой?

Я р ц е в. Доехали, знаете, неважно. Уж и шинели надели самые «товарищеские», без хлястиков, рваные, и документы выправили крепкие, а все же по дороге и в поезде, и на пароходе от Ораниенбаума матросня раз пять

привязывалась с проверкой. Расспрашивали: кто такие, зачем, почему, куда?.. Спасибо, Владимир Николаевич великолепно освоился с ролью. Ругался, как дезертир, а подсолнухи сплевывал прямо матросам на штаны, как член Совдепа. Уж когда тут по Кронштадту к вам шли, слышали, как на площади некий фрукт ораторствовал, что разыскивают каких-то буржуйских защитников — офицеров. Хорошо, что товарищи все фонари перебили, на улицах тьма египетская.

Штубе. Это у нас ежедневное явление, господин полковник. Жизнь в Кронштадте — это канкан на острие ножа.

Ярцев *(беспокойно)*. Но, надеюсь, здесь у вас безопасно?

Штубе. Вполне.

Полевой. Не извольте тревожиться, господин полковник. Над этим домом, как ангел-хранитель, витает тень капитана Берсенева и отгоняет злой дух матросни.

Штубе. Да, хотя это и противно, но должен подтвердить, что высокосознательная революционная репутация моего тестя ставит нашу квартиру вне подозрений и эксцессов.

Ярцев. Отлично. Лучшего желать не надо. Тогда приступим прямо к делу, ибо промедление смерти подобно. Кстати, здесь можно спокойно говорить обо всем?

Штубе. Безусловно. Сейчас в доме нет никого, кроме женщин. Но теща с горничной заняты вареньем и вообще не интересуются нами. Жены нет дома, а свояченица у себя.

Ярцев *(достает из кармана бумаги и кладет на стол)*. В таком случае начнем.

Штубе. Одну минуту, господин полковник. Сейчас ко мне должен прийти наш боцман Швач. Не подождать ли его? Он активный участник организации и подробно информирует меня о всей деятельности судового комитета и его большевистского ядра.

Полевой. Ну, он подойдет позже. И, пожалуй, даже лучше, чтобы он не присутствовал при начале и не слышал нашего разговора, потому что есть ряд крупных осложнений, о которых ему не полагается догадываться.

Штубе. Вот как?

Ярцев. Да. Вам известно последнее выступление команды «Зари»?

Штубе. Вы говорите, конечно, об отказе выйти

в море на боевую позицию и неподчинении оперативным приказам комфлота? Да, знаю.

Я р ц е в. Дальше еще хуже. Контрразведка штаба округа выяснила точно, что сегодня на рассвете крейсер должен выйти в Петербург по вызову Центрального Комитета большевиков. Они решили использовать его как основную боевую силу в готовящемся восстании.

Ш т у б е. Я не удивлен. От наших прохвостов и не этого можно ожидать.

Я р ц е в. Так вот, извольте взглянуть на диспозицию. Это рейд Невы. Вы видите, что, встав у Николаевского моста, крейсер берет под прицел своей мощной артиллерии центр и мозг нашей обороны — штаб округа и цитадель правительства — Зимний дворец. И, к сожалению, мы не можем противопоставить ничего шестидюймовкам крейсера.

Ш т у б е. Позвольте! А части артиллерии гарнизона? Ведь в Петербурге есть тяжелые гаубичные дивизионы.

П о л е в о й. Вот тут-то и загвоздка. Вы представляете себе, что, кроме юнкерских батарей Михайловского училища и одной зенитной, вся гарнизонная артиллерия вдрызг распропагандирована большевиками, и слава богу, если она только останется нейтральной.

Я р ц е в. А юнкерские батареи ни к черту не годятся, вы сами понимаете.

Ш т у б е. Да... Не блестящее положение.

Я р ц е в. Положение, выражаясь стилем товарищей, дермовое. Но от нас зависит его выравнять.

Ш т у б е. Каким образом?

Я р ц е в. А вот... «Комитет защиты родины и свободы» обсуждал специально все возможные варианты и остановился на...

В передней слышен звонок.

П о л е в о й. Звонят.

Я р ц е в *(тревожно)*. Не матросы ли?

Ш т у б е. Не думаю... Полевой, на всякий случай проводите господина полковника ко мне в комнату...

П о л е в о й. Правда. Нам лучше убраться отсюда.

Полевой уводит Ярцева в глубь квартиры. Звонок повторяется. Выбегает г о р н и ч н а я и бежит через столовую в переднюю. Штубе стоит у двери в глубине, засунув правую руку в карман, и прислушивается.

Годун (в передней): «Давайте ваш бушлатик, Татьяна Евгеньевна, я повешу».

Ш т у б е. У... сволочь! Черт, припер!

Татьяна (в передней): «Не трудитесь, я сама... Глаша, милая, сделайте нам яичницу. Я страшно голодна. Заходите, Артем Михайлович».

Штубе быстро скрывается. Входят Т а т ь я н а, Г о д у н и г о р н и ч н а я, которая проходит через столовую и скрывается.

Т а т ь я н а *(сбрасывая косынку)*. Боже мой, какая нестерпимая головная боль!

Г о д у н. Замучились?

Т а т ь я н а *(садится в кресло)*. Садитесь, Артем Михайлович.

Годун присаживается на стул.

Конечно, замучилась. Страшное дежурство было. Опять привезли большую партию раненых из-под Риги. За ночь трое умерло у меня на руках... Знаете, Артем Михайлович, вот уже третий год работаю в лазарете... Казалось бы, можно уже стать равнодушной, а я, наоборот, чем дальше, тем беспокойней. Не в силах больше смотреть на эти человеческие обломки... Кому это нужно? Когда же это кончится?

Г о д у н. А это пустой вопрос, извините за прямоту, Татьяна Евгеньевна. Тому нужно, кто из нашей солдатской крови рубли и прочие монеты чеканит. А кончится тогда, когда рабочий класс этих чеканщиков начисто прикончит.

Т а т ь я н а. Я это понимаю. Но от этого не легче... Никто не знает, когда настанет конец.

Г о д у н. И это неверно, Татьяна Евгеньевна. Мы знаем.

Т а т ь я н а. Вы?

Г о д у н. Мы... большевики. Тут все дело в простой арифметике, простую же арифметику мы очень хорошо понимаем. До алгебры нас господа не допускали, так зато первые четыре действия мы назубок прочно взяли. И потому наша арифметика — наука проверенная, без обману. Те, кто из нас веками кровь и пот выжимал, сейчас об одном думают: как бы поскорей миллионы людей перехлопать, чтобы нескольким сотням привольно жилось. Гуляй — не надо. А мы обратное задумали. Прикончить сотни, чтобы миллионы миллионов вольно трудились и легче дышали. Вот и рассудите, чей расчет выходит правильный.

Татьяна. А разве нельзя так, чтобы ни сотни, ни миллионы не умирали?

Годун. Пока нельзя. Никак не выходит.

Горничная приносит яичницу.

Татьяна. Спасибо, Глашенька.

Горничная. Что это вы сегодня такая бледненькая, душенька Татьяна Евгеньевна? Нездоровится?

Татьяна. Ничего, Глашенька, голова болит.

Горничная. Можно идтить?

Татьяна. Конечно.

Горничная уходит.

Годун *(проводив ее взглядом)*. Приятно видеть, Татьяна Евгеньевна, что вас люди любят. Чуют в вас легкое сердце...

Татьяна. Давайте свою тарелку, Артем Михайлович.

Годун. Много благодарен. Сыт... Кушайте сами, а я с вами посижу, если позволите.

Татьяна. Конечно. *(Принимается за еду.)*

Годун внимательно смотрит на нее.

(Заметив этот упорный взгляд.) Вот опять вы на меня уставились, Артем Михайлович! Не нравится мне это — ваша привычка разглядывать человека в упор, как будто вы его насквозь просматриваете.

Годун. А в самом деле — привычка. Как иначе? Время такое, что на корабле, например, каждого человека просматривать приходится. Поневоле и на всех так же глядишь.

Татьяна. А впечатление от этого вашего взгляда такое, словно вы и мне не верите.

Годун. Нет. Это вы напрасно... *(Пауза.)* Вам верю, но только приходит мне часто дума, на вас глядя, как это в одном гнезде разной породы птенцы высиживаются.

Татьяна. То есть? Не понимаю.

Годун. Взять хоть ваше семейство... Евгений Иваныч, вы да мамаша ваша, хоть и тихая она,— все одной породы. А вот сестра ваша, Ксения Евгеньевна, будто совсем иных кровей. Как кукушкой подкинутая... Отчего это?

Татьяна *(улыбнулась)*. Ах, вот вы о чем... *(Задумчиво.)* Я сама не раз задавала себе вопрос: отчего Ксана выросла такой пустой, легкомысленной? Думаю, что не она в этом виновата.

Годун. А кто ж?

Татьяна. Трудно сказать. Вся семья виновата... Три года назад она ведь совсем еще девочкой была... И осталась одна. Отец всегда в море, мать в постоянной тревоге. Брат погиб в самом начале войны, я замуж вышла. Вот и оставили без призора...

Годун. А вы все-таки за ней присмотрели бы. Молодая — дурная. Так и до плохого конца недолго.

Татьяна. Не послушает уже она меня, Артем Михайлович. Силы такой у меня нет... Я вам порой завидую. Очень вы крепкий. Сейчас все кругом так стремительно и страшно разламывается, а в вас такая добротная прочность.

Годун. Это оттого, что у меня своя цель есть. А нынче только тот себя соблюсти может, кто цель перед собой видит. *(Смеется.)*

Татьяна. Это вы хорошо о цели сказали... Чему вы смеетесь?

Годун. Так... Маленько смешновато. Выходит, теперь и я вам в учителя пригодился. То вы меня английским буковкам обучали, а вот и у меня для вас наука находится.

Татьяна. Что ж, каждый знает что-нибудь полезное для другого. Если научите меня чему-нибудь хорошему, только могу сказать спасибо.

Годун. Рад бы учить, Татьяна Евгеньевна, да времени вот столько осталось. *(Показывает половину мизинца.)*

Татьяна. Как это понять?

Годун. Что же, от вас держать в тайне не стану. Нынче ночью в Питер уходим.

Татьяна. Крейсер?

Годун. В точку угадали. *(Пауза.)* Что же не спросите — зачем?

Татьяна *(тихо)*. Я догадываюсь.

Годун. Правильно... Ну, как? Благословляете Артема Годуна устанавливать на земле большевицкую арифметику?

Татьяна. Не знаю... Мне страшно думать об этом.

Годун *(встает)*. А делать еще страшнее. Вы подумайте, впервой ведь на земле. Может, через сто лет чело-

веки к нашим косточкам на поклон приходить будут, а может, и могилы наши затопчут, чтоб никто и не вспомнил. Может, клясть нас будут... Неведомо... А делать надо... Ну вот. Сказал, а теперь пора и честь знать... Прощайте...

Татьяна. Не люблю этого слова... До свидания.

Годун. Я тоже не люблю, а на всякий случай. В Питере-то нас, пожалуй, свинцовыми конфетами встретят. Кому в рот, кому по усам, кому мимо — не угадаешь.

Татьяна *(взволнованно)*. Во всяком случае, желаю успеха.

Годун. Правда?

Татьяна. Да.

Годун. Ну, спасибо на добром слове... *(Идет, у двери вдруг останавливается.)* Эх, была не была... Чего там таить. Может, и не жить больше.

Татьяна. Что такое?

Годун *(почти со злобой)*. Да то самое... Не гневайтесь, Татьяна Евгеньевна, все равно прямо скажу: завязали вы мою жизнь мертвым узлом...

Долгая пауза. Татьяна стоит, опустив голову. Годун резко шагнул к ней. Внезапно в столовую входит Софья Петровна. Годун, махнув рукой, быстро выскакивает в переднюю. Хлопает дверь. Татьяна подняла голову и глубоко вздохнула.

Софья Петровна. Таня.

Татьяна. Да.

Софья Петровна. Что случилось? Почему Годун выскочил как угорелый?

Татьяна *(деланно спокойно)*. Он очень торопился на крейсер.

Пауза.

Софья Петровна *(подходя)*. Таня, голубка, тебе тяжело?.. У меня сердце разрывается смотреть на тебя.

Татьяна. Вздор, мама. Не будем об этом говорить. Отец дома?

Софья Петровна. Нет. Он уехал с час назад... Ты видела Лео?

Татьяна. Нет. А что?

Софья Петровна. Видишь, меня все это очень беспокоит. Лео стал такой странный. Загадочные исчезновения, таинственные посетители.

Татьяна. Посетители?

С о ф ь я П е т р о в н а. Ну да. Опять сегодня офицеры из Петербурга. Полевой и еще какой-то незнакомый. Зачем они ездят? Что им нужно? Ты бы с ним поговорила...

Т а т ь я н а. Не стоит, мама... Пусть делает что хочет...

С о ф ь я П е т р о в н а. Ах, как все это мучительно и страшно.

Г о р н и ч н а я *(вбегая)*. Барыня! Софья Петровна! Кипит. Через край льется... *(Убегает.)*

С о ф ь я П е т р о в н а. Иду, Глаша. *(Поцеловав Татьяну в лоб, уходит.)*

Ш т у б е *(выглядывает в дверь, потом входит)*. Таня, ты одна?

Т а т ь я н а *(не понимая)*. Что?

Ш т у б е. Ушел этот обормот?

Т а т ь я н а *(резко)*. Кто ушел?.. Что тебе нужно?

Ш т у б е. Да Годун... Послушай, Таня, ты нездорова. На тебе лица нет.

Т а т ь я н а. Просто я устала на бессонном дежурстве. У меня голова разламывается... Ты о Годуне спрашиваешь? Да, он ушел.

Ш т у б е. Слава богу. Вот уж незваный гость — хуже татарина. Ко мне знакомые пришли, и я вовсе не хотел бы, чтоб они с ним встретились.

Татьяна сжимает пальцами виски, закрывает глаза.

Ты бы прилегла. У тебя ужасный вид.

Т а т ь я н а. Оставь меня в покое. Иди к своим гостям.

Ш т у б е *(пожав плечами)*. Была бы честь предложена. *(Уходит.)*

Татьяна нажимает грушу звонка над столом.
Входит г о р н и ч н а я.

Т а т ь я н а. Уберите, Глашенька. И потом сходите в аптеку и возьмите мне два порошка цитрованилина.

Горничная убирает со стола. За сценой слышится веселый мотивчик напеваемой французской шансонетки, и в столовую входит К с е н и я, в японском халате.

К с е н и я. А, моя печальная нимфа! Добрый вечер! «Дева печально одна вечно над урной сидит»... Ты с дежурства?

Т а т ь я н а. Да... А ты откуда?

Ксения. Из ванной! Отхаживалась. Вчера у Лили Грохольской был детский крик на именинах. Накачались шампанским, как извозчики. Пропивали уютный, но навсегда потерянный мир и приветствовали зарю неизвестного будущего.

Татьяна. Умное времяпровождение.

Ксения. Ей-богу, неплохое. Гораздо лучше, чем скорбеть над неразрешимыми мировыми загадками. Хватишь три бокала — в голове туман и всё кувырком. *(Садится в качалку.)* А ты так и пропадаешь в весталках... «Увы, весталка, тебя мне жалко».

Горничная, убрав со стола, уходит.

Татьяна. Скажи мне, пожалуйста, Ксана, откуда у тебя этот отвратительно развязный тон? Тебе девятнадцатый год, а слушая твои словечки, можно подумать, что ты прошла огонь, воду и медные трубы. Зачем эта нелепая бравада?

Ксения. Ты в самом деле хочешь знать? Тебе интересно? Да?.. Я положительно счастлива, что наконец хоть тебя заинтересовала моя ничтожная персона. Хорошо! Две минуты я буду говорить с тобой серьезно... Откуда? *(С неожиданной силой и тоской.)* От войны! От всего этого кровавого сумбура. От всеобщего одичания. Ты все-таки успела повидать хорошую, чистую жизнь, а я... Я только начала входить в нее, как она разломалась у меня на глазах. Ты старше меня, но я же вижу, что и ты не знаешь, где выход... Я мечтала о веселье, цветах, песнях, чистоте... А жизнь встретила меня кровью, муками, грязью, отчаянием... Если мне и приходится видеть цветы, то только на панихидах по друзьям моей юности... А песни!.. Вся страна воет «со святыми упокой»... А я не хочу! Не хочу, слышишь! Назло буду петь «Пупсика» и хлестать шампузу... Я не хочу такой жизни. Почему я должна отцвести не расцветши? Это справедливо? Молодость дважды не приходит. Я улыбки хочу, а не слез, а там все равно. Après nous le déluge [1], или, как великолепно переводит Жорж Болховский, после нас хоть две лужи... Вот и все! *(Вытирает слезы и неожиданно весело.)* Ты видела Володьку? Глаша сказала, что он приехал.

Татьяна. Какой Володька?

---

[1] После нас хоть потоп *(фр.)*.

Ксения. Боже мой! Мой главный паж и обожатель, Володька Полевой. Адъютант Половцева. Он у Лео?

Татьяна. Не знаю. Меня не интересуют твои обожатели.

Ксения. Напрасно! *(Встает и подходит к двери Штубе.)* Ты посмотрела бы, как он бегает за мной. Как борзая! *(Уходит.)*

Татьяна. Бедная девочка! *(Идет к окну, приподымает край шторы и смотрит на улицу.)* Осень!.. Дождь!.. Я больше не выдержу...

В передней звонок. Татьяна быстро уходит туда. Слышен топот каблуков, стук прикладов о пол, повышенный голос Татьяны. Татьяна (за сценой): «Я спрашиваю: зачем вы здесь? Что вам надо?»
Голос: «Пришли — значит, нужно. Давай офицеров!»
На пороге показывается отступающая в столовую Татьяна. За ней трое матросов с винтовками.

Татьяна. На каком основании вы врываетесь, как разбойники?

Первый матрос. Ну-ну, мадамочка, без хаю. Где офицерье?

Из двери на секунду выглядывает и скрывается голова Штубе.

Татьяна. Какое офицерье?

Первый матрос. Ты, барынька, не заливай. Мы тоже сами царской фамилии и умеем кушать миноги с фаршированными баклажанами.

Второй матрос. Сбежали от нас на пристани две контровых гадюки в темноте. Да все равно не уйти.

Третий матрос. Все говорят, в этот подъезд забежали.

Татьяна *(с усилием)*. Здесь никаких офицеров нет, кроме капитана первого ранга Берсенева. Это его квартира.

Первый матрос. Берсенева?.. Евген Иваныча?

Татьяна. Да.

Матросы удивленно переглядываются.

Первый матрос. Братва... поворот оверштаг. Не по тому румбу поплыли... Заблудились. Простите великодушно, мадамочка...

Все трое, расшаркиваясь, уходят. Татьяна, закусив губу, прислоняется к стене.

Штубе *(высовываясь из двери)*. Спасибо, Таня. Молодцом. Здорово выпроводила.

Т а т ь я н а *(выпрямляясь)*. Не смей благодарить меня. Мне нет никакого дела до тебя. Я просто не хотела, чтобы в доме отца пролилась кровь... Я солгала, но в последний раз. Запомни. *(Уходит.)*

Ш т у б е. И за то спасибо.

Я р ц е в *(выглядывая из двери)*. Ну что? Ушли!

Ш т у б е. Унесло... Жена спровадила.

Я р ц е в. Скатертью дорожка. Паршиво бы вышло, если б они на нас напоролись.

В передней звонок.

Ш т у б е. Опять?

Я р ц е в. Дьявольщина. *(Исчезает за дверью.)*

Штубе осторожно выходит в переднюю и через секунду возвращается со Ш в а ч о м.

Ш т у б е. Где тебя черти носили, дурак? Который час?

Ш в а ч. Виноват, ваше высокоблагородие. На улицах с опаской надо ходить. Я, как дошел до вашего дома, вижу, матросы с винтовками бегают, рыщут, як волки. Ну и сдрейфил сразу войти, как бы не вляпаться в кашу...

Ш т у б е. Идем скорее. Там господа офицеры ждут.

Направляются к двери комнаты Штубе и сталкиваются с выходящими оттуда К с е н и е й и П о л е в ы м.

Владимир Николаевич, вы куда?

П о л е в о й. У нас разговор сердец.

Ш т у б е. После... Ведь дело...

П о л е в о й. ...не волк, в лес не убежит. И потом, что же мне торчать с вами дальше. Там остались всякие электро-химико-механические подробности, а я в них ни бельмеса.

Ш т у б е. А, черт с вами!..

Штубе и Швач уходят. Полевой берет Ксению за руки.

П о л е в о й. Фея Балтийского моря! Вы просто ослепительны сегодня. Вы положительно сбиваете меня с ног. Я таю, как снежинка, от вашего взгляда. Так как же?

К с е н и я. Так же, как я вам сказала, Володька. Пока вы мне не расскажете, о чем вы шептались с такими таинственными рожами, когда я вошла к Лео, я не только на верховую прогулку с вами не поеду, но и пешком не пойду и на глаза вас не пущу... Вот!

Полевой. Но, помилуйте, богиня Невы... ведь это государственная и военная тайна.

Ксения. Государство — это я!

Полевой. Это абсолютно бесспорно, но все же...

Ксения. Без всяких «но».

Полевой. Честное слово, не могу. *(Пытается поцеловать руку Ксении.)*

Ксения *(шлепает его рукой по губам)*. Нет, нет!.. Вам сказано условие?

Полевой. Но, право...

Ксения. Ах, так?.. Вы гадина, Володька! Вы свинья, Володька! Я ухожу, и больше вы меня не увидите.

Полевой *(удерживая ее)*. Ну хорошо... Только поклянитесь, что никому ни полслова.

Ксения. Клянусь! Хотите, на крестике поклянусь? *(Достает крестик и целует.)* Вот! Видели? Целую!.. Ну!

Полевой *(оглянувшись, шепотом)*. Сегодня «Заря» должна уйти по вызову большевистской организации в Петербург... Ну, так она не уйдет.

Ксения. Почему не уйдет?

Полевой. Нет... Больше ни слова...

Ксения *(топает ногами)*. Володька!

Полевой. А черт подери!.. Она будет взорвана.

Ксения. Как взорвана?

Полевой. А дьявол ее знает, как... Я в этом ничего не смыслю. Наверно, подложат куда-то там заряд, кажется под мины, и... бух на воздух.

Ксения *(заинтересованно)*. Когда же будет этот «бух»?

Полевой. Перед рассветом. Получится роскошное зрелище.

Ксения. Так... *(Пауза.)* Как вы думаете, с набережной будет видно?

Полевой. Что?

Ксения. Это... Взрыв.

Полевой *(растерянно)*. Не имею представления... Возможно. Да зачем вам это нужно?

Ксения *(мечтательно)*. Обязательно пойду на набережную.

Полевой. Вы?

Ксения. Ну да. Я видела в кино гибель «Лузитании». Так интересно, жуть!

Полевой. Вы очаровательная сумасбродка... Ну, а награда?

Ксения. Отстаньте!

Полевой. Жестокая! Один лишь поцелуй, невинный, мирный!

Ксения. Ну хорошо!

Полевой стискивает ее в объятиях. За дверью — голоса. Полевой отскакивает. Входят Штубе, Ярцев и Швач.

Штубе. Все ясно, господин полковник.

Ярцев. Только будьте чрезвычайно осторожны, Леопольд Федорович. Неудачи не должно быть. От этого, может быть, зависит судьба России. После вам, конечно, лучше уйти за границу. Вероятно, мы уже не увидимся. Разрешите вас обнять на счастье... *(Обнимает Штубе.)*

Штубе. Я ценю ваше доверие.

Ярцев. Дай вам бог успеха.

Штубе. Благодарю. *(Швачу.)* Значит, запомни... Между половиной двенадцатого и двенадцатью у левого кормового отвода... А теперь проводи господ офицеров через черный ход проходным двором. Да раньше выгляни на улицу, чтоб не наскочить на патрули.

Швач. Есть, ваше высокоблагородие.

Ксения. Значит, помните уговор, Володька. Завтра в полдень вы ждете меня с лошадьми на Крестовском, у «Стрелы». И не опаздывать!

Полевой. Рад стараться. До сладостного свидания, несравненнейшая из всех девушек.

Штубе. Я тоже уйду вслед за вами, господин полковник. Дома оставаться бессмысленно. Опять может нагрянуть какая-нибудь рвань, и тогда все полетит прахом... Ксана, если меня кто-нибудь будет спрашивать, не откажите сказать, что я ушел в морское собрание... До свидания, господа.

Ярцев. Слава России, господа офицеры!

На мгновение Штубе, Ярцев, Полевой и Швач встают «смирно». Потом расходятся. Штубе идет в переднюю. Швач, Полевой и Ярцев уходят в комнату Штубе. Ксения подходит к стенному трюмо.

Ксения. Мальчишка! Щенок! Даже целоваться не умеет. Обслюнявил.

Тихо входит Татьяна.

Т а т ь я н а. Ксения, кто здесь так громко разговаривал? Я только легла отдохнуть... и разбудили.

К с е н и я. Гости от Лео уходили.

Т а т ь я н а. А Лео у себя?

К с е н и я. Нет. Он тоже ушел, в собрание.

Т а т ь я н а. Жаль. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

К с е н и я. Постой. У тебя, кажется, папин большой бинокль?

Т а т ь я н а. Да, у меня в комнате.

К с е н и я. Ты мне не дашь его на сегодня?

Т а т ь я н а. Пожалуйста. Ты что, в театр? Поздно ведь. Десятый час.

К с е н и я. Нет, не в театр. Я на набережную.

Т а т ь я н а. Ночью на набережную? В такое время? Зачем?

К с е н и я *(спохватившись)*. Ради бога, молчи! Это государственная тайна.

Т а т ь я н а *(быстро)*. Государственная тайна?

К с е н и я. Ну да... Мне сказал Володька, и я поклялась на крестике, что никому...

Т а т ь я н а. Ты поклялась? В чем? Говори!

К с е н и я. Но я не могу...

Т а т ь я н а *(хватает ее за руку)*. Нет, ты скажешь!.. Иначе открою окно, закричу на всю улицу, созову матросов...

К с е н и я. Что с тобой? Почему у тебя такие сумасшедшие глаза? Не смотри на меня так!

Т а т ь я н а *(в исступлении)*. Говори! Будь хоть раз честной!.. Сестра!.. Я знаю... я подозреваю, что затеяно преступление. Слышишь! Преступление!.. Оно может обрушиться на наш дом...

К с е н и я. Ну, какое же отношение это может иметь к нам? Они хотят взорвать «Зарю»... А я только хотела посмотреть.

Т а т ь я н а *(с силой оттолкнув Ксению)*. Ты?.. Посмотреть? На взрыв? На гибель сотен людей!.. На смерть отца?! В бинокль?!

К с е н и я *(вдруг сообразив)*. Боже! Я совсем забыла, что там папа... *(Пауза.)* Но ведь папа — командир, у него катер... Он успеет уехать.

Т а т ь я н а. Замолчи!.. О бездушные, подлые, беспощадные!.. Скорей! Скорей! Только бы успеть. Только бы не поздно! *(Отбрасывает кинувшуюся к ней Ксению и выбегает.)*

К с е н и я *(протянув вслед руки, кричит в растерянном отчаянии)*. Тата!.. Таточка, дорогая! Прости меня! Я не виновата! Я не хочу взрывать папу... Мне страшно, Таточка! Я глупая, я ни черта не понимаю в этой проклятой политике! *(Плачет.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка второго действия. Ночь. За бортом крейсера — огоньки судов на рейде. Иногда по небу проползает луч прожектора. Свист осеннего ветра, шум дождя, плеск волн. Темно, только у площадки трапа горит синяя лампочка. Палуба пуста. У площадки трапа стоит ч а с о в о й. На колпаке вентиляционной трубы сидит п о ж и л о й м а т р о с, покуривая трубочку.

Ч а с о в о й. Значит, дяденька Митрич, в ночь и двинемся на Питер?

П о ж и л о й м а т р о с. Значит, и двинемся, племяш.

Ч а с о в о й. А жутко все же. Как же так, против своих-то? Поди и стрелять придется?

П е р в ы й м и ч м а н выходит из-за каземата.

П е р в ы й м и ч м а н. Часовой!

Ч а с о в о й. Есть часовой, господин мичман.

П е р в ы й м и ч м а н. Внимательно наблюдать за рейдом. Обязательно окликать все шлюпки. Если к трапу будет подходить чужая шлюпка, вызывайте караульного начальника и до его прихода никого на палубу не пускать. В случае необходимости применяйте оружие. Понятно?

Ч а с о в о й. Так точно, господин мичман. Шлюпки окликать, при подходе чужих вызывать караульного начальника, в случае нужды действовать оружием.

П е р в ы й м и ч м а н. Правильно. На службе давно?

Ч а с о в о й. Первый год.

П е р в ы й м и ч м а н. Толково. Матрос из вас может выйти.

Ч а с о в о й. Стараюсь, господин мичман.

Первый мичман уходит.

(Смеется.) Егозит мичманок.

Пожилой матрос. А ты не смейся. Служба, племяш, — всегда служба. Он молодой, а в молодости до службы всегда рвение имеешь.

Часовой. Так как же, дяденька Митрич? Я говорю, поди в своих стрелять придется? Поясните.

Пожилой матрос. В своих? Это где же ты свойственников себе нашел? Среди буржуев?.. Эх ты, телка молочная.

Часовой. Да хоть и буржуй, а все народу-то своего, русского.

Пожилой матрос. Народ-то русский, а у тебя, сопляка, мозг, выходит, узкий. Ты послушай, что я тебе, старослужащий, расскажу. Был и я когда-то таким же вот голоногим первогодком, вроде тебя, в девятьсот пятом году, в Черном море на «Князе Потемкине». Так вот так же, когда мы с Тендры в Одессу пришли после бунта, офицеров перебивши, — ох, большие дела можно было сделать, когда бы не эта вот жалость глупая. Генерал Коханов рабочих в городе расстреливал сотнями, а мы всерьез огонь открыть побоялись. Тоже думали: хоть и буржуи, а свои, русские. Из-за этой дурости и сгибли. Нас в Феодосии эти «свои» небось не пожалели, как зайцев на баркасе перещелкали, как мы в порт за харчем пошли. Так что ты, паренек, себе заруби: раз винтовку поднял — попусту не пугай. Бей в самое сердце, хоть отец родной перед тобой встанет. Тогда только свободу добудешь по-настоящему, когда жалость от себя отгонишь и в праведную, последнюю злобу пойдешь...

Часовой. Погодите, дяденька... Не иначе как весла плещут поблизу... Кто-то гребет... *(Перегибается через борт.)*

Пожилой матрос. Не... почудилось... Эх, парнишка, об одном печалюсь: что не дожил дорогой наш товарищ потемкинец, Афоня Матюшенко, до разделки с гадами. Повесили палачи, будь они трижды прокляты. А уж как он бы порадовался теперь... Настоящий человек был...

Из-за каземата, крадучись, выходит Швач и незаметно подходит к беседующим.

Швач. Это кто здесь?

Пожилой матрос. Тьфу, нечистая сила, как напугал... Чего лазаешь, как кошка, тишком?

Швач. Ты, Митрич?.. Шел бы, товарищ, в низы... Знаешь ведь приказ комитета, чтоб без нужды на палубе

никто не болтался. Неужто сознательности в тебе нет? А еще старый народный боец-потемкинец.

Пожилой матрос. Ну-ну. Ты меня уму-разуму не учи. Сами в штиблетах на лаке ходили... А вышел на срок — трубочку раскурить, да вот малого наставлял... А теперь и вздремнуть до аврала можно... *(Уходит.)*

Швач отходит к борту и всматривается в темноту.

Часовой. Не видать?

Швач *(быстро обернулся)*. Чего не видать?

Часовой. Да послышалось мне с минуту, будто шлюпка идет близко. Весла заплескали.

Швач. В ушах у тебя, недоросля, плещет. *(Отходит от борта, приближаясь к часовому.)*

Часовой. Хоть бы смена скорей...

Швач. Придет время — так и будет. А тебе что, не терпится?

Часовой. Жутко что-то... На сердце щемит.

Швач *(роется в карманах)*. А, холера твоей матери!..

Часовой. Вы кого, господин боцман?

Швач. Да спички. Спички загубил... У тебя нет ли?

Часовой. Имеются. *(Отставляет винтовку к борту, достает коробок и, прикрывая ладонями, зажигает спичку.)*

Швач, оглянувшись, наносит ему молниеносный удар по голове рукояткой револьвера. Часовой беззвучно валится. Швач подхватывает его и перебрасывает за борт.

Швач. Глотай рассол, жаба вологодская. *(Отходит к корме, перегибается через борт.)* Ваше высокоблагородие... Ваше...

Голос Штубе (глухо): «Конец подай».

Есть конец. *(Бросает конец.)*

Секунду спустя через борт перелезает Штубе, переодетый матросом, с наклеенной бородой.

Штубе *(отряхивается.)* Почему канителили столько времени, собачий сын? Волна ведь... Тузик залило, еле догреб. Да еще о борт колотило.

Швач. Виноват, господин лейтенант... несподручно было. Мешали.

Штубе. Мешали... Шляпа чертова... Никто не видал?

Ш в а ч. Никак нет.

Ш т у б е. Все сделал?

Ш в а ч. Так точно. Погреб отомкнут, переборки тоже.

Ш т у б е. Молодец. Будешь представлен к награде.

Ш в а ч. Рад стараться.

Ш т у б е. Тсс... Обалдел, идиот? Орешь, как на базаре... За дело! Марш вперед!.. Если что — свистни.

Швач уходит. Штубе следует за ним. Пауза. Потом слышны глухой визг сирены и гул мотора подходящего катера. Через мгновение на палубу подымаются Б е р с е н е в и Г о д у н.

Б е р с е н е в. Видите сами, Артем Михайлович... Я должен просить комитет принять самые решительные меры к побуждению команды нести службу как следует.

Г о д у н. Вижу... Я им задам припарку. Никого. Дрыхнут, сволочи, как на печке в хате. Ну, погодите. *(Свистит.)*

П е р в ы й м и ч м а н *(выходя из-за каземата)*. В чем дело? Кто тут рассвистался?

Г о д у н. Вахтенного начальника! Мигом!

П е р в ы й м и ч м а н. Есть вахтенный начальник. *(Подходит, узнает Берсенева, рапортует.)* Господин капитан первого ранга, за время четвертой вахты на вверенном вам крейсере никаких происшествий не случилось.

Б е р с е н е в. Не случилось? А почему шлюпки подходят без оклика? Где у вас часовой? Что он делает?

П е р в ы й м и ч м а н. Люди все убраны в низы по приказу судкома, господин капитан первого ранга... Часовой же все время был здесь. Пять минут назад я проверял посты и разговаривал с ним.

Б е р с е н е в. Непонятно. Где же он?

Г о д у н *(яростно)*. Ну? Где же часовой, вас спрашивают? Что он, растаял? Украли? Да что вы стоите как пень? Разыскать часового и немедленно под арест.

Б е р с е н е в *(заметив прислоненную к борту винтовку)*. А это что?

П е р в ы й м и ч м а н. Винтовка?..

Г о д у н. Нет. Чайная ложечка, сто чертей вашей мамаше. Пьяны вы, что ли?

П е р в ы й м и ч м а н. Позвольте, товарищ Годун...

Г о д у н. Ни черта не позволю... Вы отвечаете за вахту или я?

Первый мичман. Я...

Годун. Так чтоб мне был часовой. Из-под земли, из-под воды, а достать! А то я вас на клотике за ноги подвешу.

Берсенев. Ничего не могу понять... Несчастье? Упал за борт? Но винтовка аккуратно поставлена. Сам бросился? Не может быть. Почему?

Первый мичман. Вероятно, ушел самовольно...

Годун. Я его уйду... Я его под киль на пост поставлю салаку караулить. Ищите.

Берсенев *(первому мичману)*. Караул наверх!

Первый мичман. Боцман!

Вбегает Швач.

Свистать караул наверх.

Швач. Есть свистать караул наверх! *(Свистит вызов.)*

Годун. Что вы хотите делать, Евгений Иваныч?

Берсенев. Прежде всего немедленно осмотреть крейсер по всем закоулкам. Сверху донизу.

Швач *(в сторону)*. Вот так штука... Пронеси, пречистая мати.

Вбегает и строится караул.

Годун *(первому мичману)*. Пока отправляйтесь под арест! После разберемся. *(Караульному начальнику.)* Арестовать при каюте. Поставить часового.

Двое матросов становятся около первого мичмана и уводят его. Палуба заполняется выбегающими со всех сторон матросами.

Голоса. Что за шум, а драки нет?
— Зачем караул? Кто вызывал?
— Ни черта не поймешь, темно, как в брюхе.

Годун. Кто позволил собираться? Без вас не обойдутся? Марш в низы!

Первый матрос. Это ты, Артем? С чего буза варится?

Годун. Тебя не спросили. Катись вниз, говорят.

Второй матрос. Да ты что, заелся? И впрямь в адмиралы лезешь? Раз команда в волнении — должон пояснить. На то и выбрали в комитет.

Годун. Да некогда рассусоливать... Часовой у трапа исчез.

Движение среди матросов.

Четвертый матрос. Как это исчез?

Годун. А я что, больше тебя знаю? Исчез... На небо вознесен святым духом. В божьи угодники записался, дурья твоя башка... Искать надо... Боцманá!

Швач и Еремеев выступают вперед.

Собрать людей, обшарить крейсер по всем углам. Первым делом по погребам. Запереть все переборки... Остальные, расходись!

Швач *(перекрестясь украдкой)*. Святый боже... Найдут — пропаду ни за грош. *(Громко.)* Товарищ Годун! Я так полагаю, по своему понятию, что допрежь как крейсер обыскивать, надо командира Берсенева арестовать.

Годун. Что? Это кто волынит?

Швач. Беспременно... Не иначе, как евонное это дело с часовым.

Годун. Молчать!

Швач. Не ори. Не велик кулик... Дело говорю, потому — сведения имею...

Третий матрос. И то... Не прыгай выше марса, Артемка. Или от власти очумел? Может, в самом деле человек что знает.

Матросы тесно окружают Швача, Годуна и Берсенева.

Годун. Ладно... Выматывай, рыжая тварь. Но ежели наврешь...

Берсенев. Погодите, Годун. *(Пауза.)* Не нужно ничего... Я слагаю с себя командование крейсером.

Движение. Изумленные возгласы.

Годун *(удивленно)*. Евгений Иваныч, это что ж значит?

Голос. Струсил!.. Хвостом палубу заметает.

Берсенев. Я могу командовать кораблем только при условии полного и взаимного доверия. Но поскольку возникают какие-то подозрения, кладущие пятно на мою честь, я оставляю пост. Оправдываться считаю излишним.

Движение.

Голос. Ого-го!

Годун. Неправильно заговорили, Евгений Иваныч. Липовая эта линия, от дворянской гордости. Вы перед нами не гордитесь. Безгрешному оправдаться — не стыд.

А заподозрить и меня можно. Время такое... штормовое... На десять баллов.

Берсенев. Я сказал, что до оправданий не унижусь. И крейсером больше не командую.

Движение.

Голос. И не надо. Без тебя справимся!

Пожилой матрос *(выступая вперед)*. Прости, Евгений Иваныч, но послушай матросское слово. Мы с тобой, почитай, без малого четверть века отслужили. Ты — наверху, я — внизу, а соленую флотскую службу вместе хлебали. Так не обессудь. Сам знаешь — меж тобой и нами вражды нет. В Гельсинке скольких офицеров под мост спустили, а тебя не то чтоб пальцем тронуть, а сами над собой командиром поставили, потому что видели твою душу. Были бы все офицеры такие, то и желать нечего... А только раз встали и мы теперь на смертную дорожку за свое дело, то вправе каждого перевернуть до дна, высмотреть, какой у него фарватер. Не гордись перед матросом, Евгений Иваныч.

Годун. Правду говорит Митрич... Вникните, Евгений Иваныч. Все равно никто кляузе веры не даст... *(Швачу.)* Говори, ты, богом суродованный.

Швач. Все выскажу. Не дам больше обманывать матросов, как я тоже есть сознательно за революцию и сочувствую большевицкой партии.

Годун. Про партию пока помолчи, выкладывай дело. Да помни: на мизинец сбрехнешь — зови попов на свою панихиду.

Швач *(оглянувшись, с затравленной яростью)*. Братцы! Матросы дорогие! Слушайте... Водят вас за нос, а вы вслепую бредете, что бараны в стаде. За ручку с вами господин капитан первого ранга здоровается, матросу родным братом прикидывается, свободу вместях защищает, а, промежду прочим, по ночам в евонном доме контровое офицерье сходится... Думает-гадает, как свободу эту самую с вами вместе в мешок засунуть да в море утопить.

Годун. Врешь, гад!

Швач. Зачем мне врать? Сам видел, сам слышал! Ихний зятек господин лейтенант фон Штубе меня в ту контрреволюцию тянул... Думал, как я есть боцман старого режима, то продам свою душу господскому отродью. Вижу, черное дело затевают господа офицеры, я и притворись, что согласен. Через то я все ихние секреты распо-

знал. Да чего боле: нонче еще из командировой квартиры двоих контровых шкур задним ходом выводил, чтоб патруля миновать. Полковника да поручика...

Берсенев делает резкое движение к Швачу.

Годун *(хватая Швача за грудь)*. Врешь!.. Задавлю!

Швач. Лопнуть мне на этом месте... правда.

Нарастающий шум среди матросов.

Голоса. Ай да Евген Иваныч!

— Вона что?..

— Прикидывался, выходит.

Годун *(отшвыривая Швача)*. Нет! Не верю. Евгений Иваныч, скажите сами. Переметной суме, шкуре этой боцманской, не поверю. Сами ответьте. Что скажете — на том и конец.

Пауза. Напряженная тишина.

Берсенев *(медленно и с трудом)*. Не знаю... Может быть, и правда...

Годун. Правда?!

Берсенев. Может быть.

Третий матрос. Как так «может быть»? Было или не было?

Пятый матрос. Нечего вилять.

Берсенев. Я говорю — не знаю. Раз боцман говорит — возможно, что было...

Взрыв криков.

Пятый матрос. Да что это, братва!.. Надсмешки, что ли?

Четвертый матрос. Лучше говори честью, а то заставим.

Второй матрос. Полундра, командир!

Матросы вплотную надвигаются на Берсенева.

Швач *(в сторону)*. Вывезло пока... Спаси, господи, люди твоя. Только бы время отсрочить.

Годун *(отстранив наседающих, в чрезвычайном волнении)*. Евгений Иваныч, что ж это? Я в вас, как в себя, верил, а вы свернули? С нашей дороги свернули? Говорил я вам, вспомните, давеча, как адмирала проводили: откажитесь, раз силы в себе не чуете на своих руку поднять. Говорил? Ушли бы тогда по-честному, никто и худым сло-

вом не помянул бы. А вы? Руку тогда мне жали, на союз, на одну дорогу... Как мне теперь с вами? Как же? Предали?

Берсенев. Годун!..

Годун. Что Годун? Не о чем больше говорить. Другой разговор будет. За веру нашу потоптанную, за обман... *(Караульному начальнику.)* Арестовать!

Часовые встают около Берсенева.

Увести! Перед всем народом судить будем.

Крики среди матросов.

Первый матрос. Куда там уводить!

Второй матрос. На месте судить...

Пятый матрос. Распознать, чего задумал, иуда.

Четвертый матрос. И распознавать нечего. Колосник на шею — и в воду.

Годун. Тихо! Я сказал — увести.

Шестой матрос *(выступает вперед; бескозырка на нем набекрень, чуб завинчен штопором, в зубах папироска, вид наглый)*. А ну, браточки, дай-ка мне слово... Это что ж происходит на данный момент? Нашли контрреволюцию, а эту самую контрреволюцию от нас хотят под замочек запереть, чтоб ей сладко спалось? А завтра и вовсе на бережок сплавят, пущай живет-благоденствует?

Годун. Ты опять за свое, паскуда?

Шестой матрос. Слыхали, браточки? Ежели человек за революцию, так его господин новый адмирал паскудой обзывает? Вот оно как обертывается. А давайте пощупаем, с какого теста это самое наше начальство... Свой своему поневоле брат. А позвольте вас спросить: кто этой контре первым дружком был? Кто в командирской квартире чаи-лимоны распивал, командирские сапожки ваксой наяривал? Вот он самый и есть. *(Указывает на Годуна.)*

Годун рванулся к нему, матросы загородили ему дорогу.

Видите, браточки, как его новое благородие нервами страдает? Боится, что ихнему дружку белые косточки повредят... *(Вынимает из кармана финку.)* А вот мы сейчас поглядим, какого цвета барская кровушка. *(Делает шаг к Берсеневу.)*

Годун *(разбросал матросов и встал перед Берсеневым)*. Стой! Не позволю! Прежде меня кончайте, а живой — его тронуть не дам.

Первый матрос *(во всю мочь)*. Стоп!.. Катер у борта.

Все обернулись. Потом кинулись к борту. Воспользовавшись замешательством, Годун вырывает финку из рук шестого матроса, сокрушительным ударом сбивает его с ног и кидается к трапу.

Пятый матрос. Чей катер?

Голос *(из-за борта)*. Центробалт.

Годун. Свет на трап!

Над трапом ярко вспыхивает звездчатка. Мгновение спустя на палубе появляются Панов и Татьяна. Берсенев стоит между часовыми, бледный, но внешне спокойный.

Пятый матрос. Тю!.. Нечистая сила. Гляди, братва, баба!

Четвертый матрос. Что за оказия?

Годун. Здорово, Панов! Каким ветром? С какого румба?

Панов. Будь здоров, Артем. Поди-ка на минутку. *(Берет Годуна под руку и отводит.)*

Татьяна, оглядевшись, увидела отца и рванулась к нему. Часовые загородили дорогу.

Берсенев. Тата!.. Что случилось? Зачем ты здесь?

Татьяна *(отчаянно)*. Папа! Милый! *(Бросается между опешившими часовыми и прижимается к отцу.)*

Годун. В чем дело?

Панов *(вполголоса)*. У тебя все благополучно?..

Годун. Не очень.... Да что стряслось?

Панов. Сам не могу понять... Заседали мы сейчас в минной школе, и вдруг ворвись на заседание эта дамочка. В крик, в истерику: «Вы тут сидите, а там «Зарю» взрывают!» Понимаешь? Сама как ума лишилась. Водой отпаивали — не помогает.... Бьется, плачет: «Скорей, время теряете!» Про мужа что-то... про офицерский заговор... Еще черт-те что... Словом, заварная буза. Видим, от нее толку не добьешься, вовсе развинтилась. Ну и послали меня с ней — проведать. Баба бабой, а чем черт не шутит. По дороге она мне про какого-то боцмана рыжего плела.

Швач, прислушивавшийся к разговору, попятился и скрылся за казематом.

Про отца.... И все плачет... Может, бредни, а может...

Г о д у н. Стой! Понял! Все понял! Остальное после. Теперь секунда дороже золота. *(Матросам.)* В погреба, раздуй вашу мать! Сломя голову! Панов, беги с ними. Кого найдешь — волоки сюда живьем.

Панов с несколькими матросами убегает.

Швач! Швач! *(Остальным матросам.)* Ловите рыжую гадюку! Чтоб в секунду был здесь.

Все матросы убегают.

Эх, Евгений Иваныч, ну чего молчали, к кому офицеры шлялись? Благородство? А из-за этого благородства дурного чуть с жизнью не простились!

Т а т ь я н а. Что здесь было?

Г о д у н. Что было, то сплыло. Больше не будет. *(Часовым.)* Отходи, ребята, больше стеречь некого. *(Замечает подымающегося с палубы шестого матроса, который держится за голову.)* А вот эту погань приберите пока в канатный ящик. С ним завтра еще разговор будет. Живо!

Часовые подхватывают шестого матроса под руки и утаскивают. За сценой возникает гул. М а т р о с ы выволакивают отбивающегося Ш т у б е.

П е р в ы й м а т р о с. Катись, катись, гад, яблочком.

В т о р о й м а т р о с. Ай! Укусил, стервец!

Т р е т и й м а т р о с. Садани ему по частоколу!

Ш т у б е *(кричит)*. Не сметь бить! Подлецы!

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Ишь подал голос!

Штубе ставят перед Годуном.

Т р е т и й м а т р о с. В самом погребе захватили.

П я т ы й м а т р о с. Запал к мине прилаживал. Не попадись — взлетели бы на ходу к чертовой бабушке.

Г о д у н *(подходит, вглядывается и взмахом руки срывает приклеенную бороду Штубе)*. Вот так лучше. А то сразу не разберешь. Что ж, остались без трех на бубнах, ваше высокоблагородие. Кто помогал?

Штубе молчит.

(Берется за наган.) Кто? Говори, моль поганая, а то пулю глотнешь.

Т а т ь я н а. Годун... не нужно.

Г о д у н *(обернулся, зло)*. Что? Жалко стало?.. Эх, вы!..

Т а т ь я н а. Ведь я предупредила.... обезвредила... пощадите его.

Б е р с е н е в *(стараясь увести Татьяну)*. Тата... пойдем.... Тебе нельзя тут оставаться.

Т а т ь я н а. Годун!.. Он теперь безопасен. Он больше не посмеет. Он трус!

Ш т у б е *(рванулся)*. Замолчи! Я ненавижу тебя! Я не хочу пощады из твоих рук.

Татьяна прячет лицо на груди отца. Вбегает еще г р у п п а м а т р о с о в с П а н о в ы м, таща Ш в а ч а.

П о ж и л о й м а т р о с. Поймали. В баталерке под бушлаты залез.

Г о д у н. Ставь рядом.

Швача ставят рядом со Штубе.

Ну, братва, на ваш суд.

О б щ и й к р и к: Кончать! За борт!

Г о д у н. Амба! *(Делает жест рукой сверху вниз.)*

Матросы набрасываются на Штубе и Швача.

Ш в а ч *(кричит)*. Товарищи!.. Братики!.. Помилосердствуйте... Больше не буду...

П о ж и л о й м а т р о с. Кричи не кричи — не помилуем. Из-за вас, шкур сверхсрочных, на «Потемкине» дело погибло. Больше не обманете.

Короткая борьба у борта. Два тела, поднятые десятками рук, летят за борт.

Ч е т в е р т ы й м а т р о с. Плыви, мой челн, по воле волн!..

Т р е т и й м а т р о с. Царю морскому кланяйся, падаль!

П я т ы й м а т р о с. Кончено! Чисто за бортом, братишки.

За сценой крик: «Годун! Товарищ Годун!» Все стихает.

Г о д у н. Чего?

Р а д и с т *(вбегая)*. Радио... от Центробалта.... Сниматься с якоря немедленно. Приказ Ленина.

Г о д у н. Давай!.. *(Выхватывает из рук радиста бланк.)*

Т а т ь я н а *(освободясь от удерживающего ее Берсенева)*. Артем Михайлович!

Годун не слышит.

Годун... Где он?

Г о д у н *(отрываясь от бланка)*. А?

Т а т ь я н а. Где он?

Г о д у н. Там! *(Резкий жест за борт.)*

Татьяна пошатнулась. Берсенев подхватил ее.

(Радостно взмахнул бланком.) Братишки! Товарищи! На Питер идем! Дождались праздника!

Радостный гул.

П о ж и л о й м а т р о с. Дожили до светлого дня... Эх, дружок Афоня, дадим буржуям поминки за твою душу!..

Г о д у н *(шагнул к Берсеневу)*. Евгений Иваныч... не время обидами считаться. Нынче землю вверх дном ставим, идем головным в бурю, в мировой шторм, язви его душу! Командуйте съемку!

Б е р с е н е в. Хорошо, Годун!... Не до обид. Боцман! Свистать всех наверх с якоря сниматься!

Е р е м е е в. Есть свистать всех наверх.

Авральные свистки, суматоха, беготня. Входит в т о р о й м и ч м а н.

В т о р о й м и ч м а н. По местам стоять, с якоря сниматься.

П а н о в. Ну, Артем, широкий путь — вольная дороженька. Дай тебе нашего матросского счастья!

Целуются.

Г о д у н. Прощай, друг! Передай Центробалту — не посрамим. Зубами Советскую власть вырвем.

П а н о в. Ясно. *(Вполголоса.)* Дамочку я обратно свезу. Приглядеть надо. Вовсе скисла.

Г о д у н. Сейчас. *(Татьяне.)* Земной поклон вам, Татьяна Евгеньевна. Не от меня, от всех. Кабы не вы, покормили б мы рыбку, не дойдя до Питера.

Татьяна молчит.

А что до этого, то подумайте... Вспомните, как намедни мы с вами про арифметику разговаривали. Поймете и не осудите.

Т а т ь я н а. Я никого не осуждаю.

Г о д у н. А вот это и плохо. На свете не одни праведники. Кого-то и судить надо. Вы это поймите. А теперь езжайте домой. Панов вас доставит.

Б е р с е н е в. Поезжай, Тата.... Скажи маме, чтоб за меня не тревожилась.

Т а т ь я н а. Береги себя, папа... *(Целует его. Поворачивается к трапу и вдруг протягивает руку Годуну.)* Счастливого пути, Артем Михайлович.

Г о д у н. От чистого сердца?

Т а т ь я н а. Конечно!

Г о д у н. Ну, прощайте! *(Провожает Панова и Татьяну к трапу.)*

Панов и Татьяна спускаются.

В т о р о й м и ч м а н *(Берсеневу)*. Разрешите шпиль, господин капитан первого ранга?

Берсенев кивает.

Пошел шпиль!

Голос Еремеева (за сценой): «Нажать шпиль, стопора снять. Пошел шпиль!»
Слышен грохот якорной цепи.

П а н о в *(из-за борта)*. Хорошей глубины под килем, братишки!

Крики: «Спасибо!», «Счастливо оставаться!» Слышны сирена и стук уходящего катера. Голос Еремеева (за сценой): «Встал якорь!»

Б е р с е н е в *(выходя на середину)*. Флаг перенести.

Сигнальщик развязывает гафельный фал с ввязанным в него комочком флага. Раздергивает фал.

Под флаг! Смирно!

Развернувшееся полотнище андреевского флага начинает уходить вверх. Годун кидается к сигнальщику и выхватывает флаг. Флаг падает вниз.

Г о д у н. Стой! К богу царский крест. Двести лет нас на нем распинали! Хватит! *(Сигнальщику.)* Давай наш. *(Срывает андреевский флаг и бросает за борт.)*

П о ж и л о й м а т р о с. Правильно, Артем! Подымай нашенский. В память «Потемкина».

Сигнальщик ввязывает в клеванты красное полотнище. Матросы стоят неподвижно.

Годун *(вскочив на люк)*. Братья! Товарищи! В поход! В великий поход! За нашу власть, за землю, за счастье, за волю!.. Пойдем полным ходом в разлом... ломать навеки буржуйский хомут. Будем драться, как никогда не дрались, и никто из нас не ступит шагу назад, пока не вырвет победы. А мы вырвем ее! Какие бы грозы и бури ни ждали нас впереди, мы пройдем сквозь них с поднятым флагом к победе. Мы нашли свободу и никогда не отдадим ее никому. И кто бы ни захотел отнять ее у нас, кто бы ни тянул к ней жадные руки,— мы отхватим эти руки и забьем в могилу врага осиновый кол. Вперед, товарищи! Смирно! Флаг поднять!

Сигнальщик подымает флаг. Красное полотнище, подхваченное порывом ветра, торжественно взвивается к гафелю.

Четвертый матрос. Даешь власть Советскую на веки веков! Ур-ра!

Могучее «ура» раскатывается по крейсеру.

Занавес

1927—1944 гг.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ!

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Котельников, профессор-физиолог, главврач клиники университета, 42 лет.

Левченко Василий, врач, партиец, 30 лет } ассистенты Котельникова.
Молчанова, врач, партийка, 33 лет } ассистенты Котельникова.

Курков, врач, 29 лет.

Геронский, химик-физиолог, 33 лет.

Левченко Михаил, отец Василия, рабочий-сварщик, 63 лет.

Ларичев, рабочий-металлист, 45 лет, секретарь цеховой партячейки.

Бекман, профессор, 69 лет.

Соседкин, репортер, 48 лет.

Палладий, архимандрит, 45 лет.

Гоша (Игорь), дядя жены Котельникова, без определенных занятий, 51 года.

Зоя Петровна, жена Котельникова, 35 лет.

Зорина, предместкома клиники, 45 лет.

Котова, уборщица, 50 лет.

Рабочий с подвязанной щекой.

Первый } рабочие.
Второй } рабочие.
Третий } рабочие.

Молодой рабочий.

Курчавый студент.

Первый } студенты.
Второй } студенты.
Третий } студенты.

Студентка.
Сестра милосердия.
Стрелочник.
Нищий.
Первый } старики.
Второй }
Первая }
Вторая } старухи.
Третья }
Молодой человек с бараньими глазами.
Сутулый студент в очках.
Воздушная девушка.
Гавриил, монах.

Действие происходит в большом областном городе в 20-х годах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Ночь. Рельсы. Огонь стрелки. У стрелки сидит человек в толстовке, коротеньких узких брючках, рваной шляпе. Мятое, истасканное лицо. Это Гоша. Рядом с ним чемоданчик и палка. Лицо освещено желтым бликом стрелочного огня. Он ужинает колбасой с хлебом.

Гоша *(прожевывая)*. Великолепно!.. Последний километр — последний ужин. Немного осталось шагать к дыму отечества. Впрочем, все отечество дым, и шагать, в сущности, некуда. Сегодня утром, на переходе от полустанка, я почувствовал свое сердце. Оно отяжелело, как резиновый мешок, налитый ртутью. Я почти мог перекатывать его рукой слева направо и обратно. Я начал чувствовать вес своего сердца. Это плохо... *(Закрывает чемоданчик. Пауза.)* Госколбаса превосходна... Только не ржет... *(Тихо напевает.)* На колбасу пошли мы — синие гусары, малиновые уланы, желтые кирасиры. Мы съедены с кожурой.

Появляется стрелочник.

Стрелочник *(подходя)*. Кто такой?
Гоша. Мужчина.

Стрелочник. По штанам видать, что не баба... Почему под стрелкой?

Гоша. Сердце всегда стремится быть пронзенным стрелой, хотя бы это была только железнодорожная стрелка.

Стрелочник. Дурак!

Гоша. Вероятно.

Стрелочник. Ты мне Фомку не валяй. Знаешь, на полосу отчуждения посторонним, да еще в темное время, не полагается.

Гоша. Ваши слова резонны. Но время стало темным уже давно,— а что такое полоса отчуждения? Для меня везде полоса отчуждения.

Стрелочник. Да ты из чьих будешь?

Гоша. Из желтых.

Стрелочник. Это где же такие водятся?

Гоша. Они повсюду водятся, старик. Например, в Америке... Там есть два сорта американцев: природные американцы — белые и ввозные, из Китая,— желтые. Желтый американец — не человек. Желтого американца не пускают даже обедать с белыми. Его могут гнать отовсюду, как бешеную собаку. Я был когда-то желтым кирасиром, старик, а теперь я стал просто желтым в этой стране. Меня могут в любое время линчевать, старик. На первом дереве.

Стрелочник. Ты не с четвертой версты бежал?

Гоша. Я знаю, что ты подумал. Я вижу, как шевелятся тупые извилины твоего недоверчивого мозга. В каждом городе есть сумасшедшие, которые живут на четвертой, девятой или одиннадцатой версте... Нет, старик! Я завидую тем, кто обрел оседлость на определенной версте. Я прохожу все версты насквозь, без остановки. Я не помню счета им. Это — последняя...

Стрелочник. В город идешь?

Гоша. Да.

Стрелочник. Родичи у тебя в городе, что ли?

Гоша. Есть.

Стрелочник. А из каких?

Гоша. Профессора Котельникова знаешь?

Стрелочник. Слыхал. Большой доктор.

Гоша. Ты мудр, как змий... Прощай! Пора! Путь идет под уклон, и я открываю тормоза.

Стрелочник. И впрямь дурак! Под уклон тормоза закрывают.

Г о ш а. Те, кому есть что спасать... Я открываю тормоза. Полный ход! Прощай, старик! *(Берет палку, чемоданчик и уходит в ночь.)*

С т р е л о ч н и к *(вслед)*. Пропадай, коли сам хочешь. Скатертью дорога.

Мгновенная тьма. Музыка «Херувимской» Бортнянского. Из тьмы, тускло золотея, показывается боковая часть церковного алтаря с клиросом. У решетки н е с к о л ь к о с т а р и к о в и с т а р у х, м о л о д о й ч е л о в е к с б а р а н ь и м и г л а з а м и, в о з д у ш н а я д е в у ш к а. Поодаль на коленях, спиной к публике, ж е н с к а я ф и г у р а в черном, припавшая к решетке. Перед иконой на алтарной двери мерцает лампадка.

П е р в а я с т а р у х а. Я слышала своими ушами...

М о л о д о й с б а р а н ь и м и г л а з а м и. Но этого не может быть...

П е р в а я с т а р у х а. Я не стану лгать... Он воскресил обезьяну... Он воскресил обезьяну.

П е р в ы й с т а р и к. Как же он это сделал?

В о з д у ш н а я д е в у ш к а. Как страшно!

П е р в а я с т а р у х а. Я слыхала от уборщицы клиники... Он отравил обезьяну смертельным ядом. Несчастное животное издохло. Тогда он выпустил из него всю кровь и налил новой... Обезьяна встала...

В т о р а я с т а р у х а. Какая жестокость!

В т о р о й с т а р и к. Это против бога. Только бог может воскрешать мертвых. Это вероотступничество.

П е р в ы й с т а р и к. Это не важно.

В т о р о й с т а р и к. Как не важно? Вы понимаете, что говорите? В церкви?!

П е р в ы й с т а р и к. Я не то хотел сказать. Но вы представьте себе — нам уже так тесно жить. Я утверждаю, что все революции происходят от тесноты. Что же будет, когда он воскресит всех мертвых?! Нам нельзя будет даже сесть. Мы будем стоять всю жизнь, как в трамвае....

М о л о д о й с б а р а н ь и м и г л а з а м и. Карманщики вытащат у нас последние деньги.

Т р е т ь я с т а р у х а. У него, говорят, умирает сын. Может быть, он нарочно убивает его, чтобы воскресить?

П е р в ы й с т а р и к. Тс... *(Показывает на даму в черном.)* Это его жена. Она молится о выздоровлении сына...

П е р в а я с т а р у х а. Она верующая. Она каждую неделю бывает в церкви.

Вторая старуха. Как она может с ним жить?

Воздушная девушка. Как страшно!.. Он, наверное, антихрист... На нем есть какой-нибудь знак?

Молодой с бараньими глазами. В газетах писали, что ему дадут орден. Тогда он будет отмечен знаком...

Вторая старуха. Нужно спросить у батюшки...

Первый старик. Батюшка!..

Молодой с бараньими глазами. Батюшка!..

Воздушная девушка. Батюшка!..

Слово шелестит, как змеиная чешуя. В открывшейся двери алтаря Палладий. Он высок, худ. Оливковое лицо иезуита и фанатика окаймлено узкой бородой с проседью. Шелковая ряса шелестит сухо, зло, как шипение прихожан.

Первая старуха *(крестясь)*. Святитель!.. Благослови.

Палладий *(он выше всех головой на клиросе)*. Во имя отца и сына...

Первый старик. Ваше преподобие, что же делается?

Вторая старуха. Он грозится воскрешать мертвых...

Третья старуха. Обезьян...

Первая старуха. А потом людей...

Молодой с бараньими глазами. Он...

Воздушная девушка. Профессор...

Палладий. Братие и сестры... О чем мятетесь? Вспомните: ни одна былинка не прорастает без воли создателя, и ни одно дыхание не замирает без его веления. Враги церкви звоном тимпанов и кликами празднуют свою нечестивую победу, но мгновенно их одоление. Никто на земле не имеет власти воззвать к умершему: «Встань!» — кроме сына божия... Враги бессильны против веры.

Второй старик. Ваше преподобие... Он грозится уничтожить веру. У меня есть племянник студент... Он слыхал, как профессор сказал, что истребит все религии.

Палладий. Да не смутит вас кудесничество. Не препятствуем глумлению, поелику заповедано нам терпение и смирение. Блаженни кротции, яко тии наследят землю. Богоборствующие же будут низвержены в геенну.

Не сомневайтесь. Симону Волхву было дозволено высшим промыслом до поры творить лжечудеса и воскрешать мертвых, чтобы вящше посрамлен был учеником и апостолом Христовым. И был волхв поражен молнией и обращен в пепел. Так развеются враги церкви... Пока же идите и проповедуйте слово божие втайне, как первые христиане в гонение деспота Тиберия... Идите!.. Аминь!

Первая старуха. Господи помилуй!..

Второй старик. Господи!..

Старики, старухи, молодой с бараньими глазами и воздушная девушка уходят.

Палладий *(наклоняясь над Зоей Петровной)*. Дочь моя!.. Пора закрывать храм.

Зоя Петровна *(на коленях, вскидывает к нему руки)*. Отец Палладий!.. Вымолите жизнь моему мальчику!.. Спасите его!..

Палладий. Бог воздаст тебе за усердие и сохранит отрока.

Зоя Петровна. Ему все хуже!.. Муж не отходит от него, он сделал все возможное...

Палладий. Дело рук человеческих — суета. Надейся только на промысел. Молись за отрока и за мужа. Нет меры его гордыне и неверию, и господь может покарать его страшным испытанием.

Зоя Петровна. Нет... Нет! Этого не может быть! Чем виноват мальчик?

Палладий. Гнев бога живого над богоборцем. Он поражает до четвертого колена. Твоею верой и ревностью умилосерди его... Помолимся вместе! *(Опускается на колени рядом с Зоей Петровной.)*

Занавес

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Утро. Лаборатория клиники. Широкое окно. Голубые блестящие стены. Стол со штативом для колб и пробирок. Микроскоп. У окна рассеянно смотрит в заоконное пространство Курков, куря папиросу. Левченко рассматривает на свет пробирку. Оба в халатах.

Курков. Она опять прошла... Прошла... К кому она ходит?

Левченко *(вертя пробирку)*. Не к тебе, мой друг. Не к тебе.

Курков. Мне и не нужно. Я глубоко равнодушен к ее специфическому, к женскому, хотя глаза у нее ясные и широкие, как простор половодья. Она интересует меня как явление. Она для меня отправная точка...

Левченко. Для чего? Чтобы прыгнуть на крышу и страстно мяукать?

Курков. Ты циничен, Василий! Ты низок!.. Ты ползаешь по земле. Вверху плывут розово-жемчужные, теплые облака. Они дышат весенней свежестью, но ты не можешь поднять к ним голову. Ты осужден рыться внизу. Ты не поймешь меня, хотя наш возраст разделен только двумя годами. Мы разно настроены. Есть инструменты высокого строя, созданные вдохновенными руками в минуты творческого восторга,— рояль, скрипка... И есть инструменты низкие, пошлые, фальшивомонетчики музыки — балалайка, гармонь. Ты — балалайка, Василий! Инструмент низкого строя! Ты не можешь играть «Страсти» Себастьяна Баха. У тебя не хватает клавиатуры!

Левченко. А у тебя голос Иеремии и логика шулера, мой друг. Ты подменяешь карты. В оркестре нашей эпохи твои инструменты не козырь. Наша эпоха — бой, наши дни — атака... Что будет делать твой виртуоз высокого строя, если от него потребуется музыкой вдохновлять людей, идущих в штыки? Сможет ли он идти перед ними со своим лакированным гробом для звуков? Если даже он взгромоздит свой рояль на танк — он не сможет играть. А забубенный гармонист взмоет лихую — и под низкие звуки люди пойдут умирать... Понятие высокого строя не есть абсолют. Для нашей эпохи твой высокий строй может обернуться «подлым штилем»... Подвинь-ка мне лучше йодистый калий.

Курков подвигает, бросает папиросу на пол, садится к столу.

Курков *(у микроскопа)*. Если я тебя обидел, извини... Я не затем... Я каждый день вижу девушку, проходящую через двор клиники. По плитам тротуара ее каблуки стучат, как клепальные молоточки... Этот стук тревожит мою мысль. Девушка ходит к кому-то близкому, лежащему на больничной койке. К кому?.. Она переживает сложные ощущения. Мне хочется написать о ней, о ее судьбе, о судьбе вообще... Вот здесь, у нас в клинике... особенная человечья судьба. Там, в городе, все привычно.

Служба... еда... сон. Любовь большая и крохотные любвишки. А для тех, кто попадает к нам, начинается необычное... Антракт в судьбе.

Левченко *(каплет жидкость в пробирку)*. Семь... восемь... девять... десять. Почему антракт? Антракт — пустое место, пробел, дырка... А у нас действие продолжается. Сменяются лишь декорации и мотивировки...

Курков. Пожалуй, верно... Вводится новое движущее начало в стерилизованном халате, с ножами, кохерами, пинцетами... Ах, как мне хочется написать об этом!.. Я пробовал, Василий... Меня убедил знакомый репортер Соседкин... Я написал и прочел в литкружке... Разделали вдребезги...

Левченко. За высокий строй?

Курков. Нашли туманным... нежизненным... А я хотел написать ясно и просто о нашей работе. Они не поняли...

Левченко. Дай спички...

Левченко зажигает спиртовку и покачивает над ней пробирку.

Курков. Я хотел рассказать словами яркими и весомыми о Николае Николаевиче... Ты понимаешь?

Левченко. Мгм... Так... так.... есть... *(Выносит пробирку из пламени.)* Готово.

Курков. Ты не слушаешь меня?

Левченко. Я слушаю. О Николае Николаевиче...

Курков. Да, у него большая судьба... Ты видел его сегодня?

Левченко. Видел. А что?

Курков. По-моему, он встревожен... В нем что-то бушует.

Левченко. Теперь мне ясно, почему твоего романа не поняли... Ничего не бушует. Просто волнуется за сына. Скарлатина тяжело осложнилась. Есть опасения за исход... *(Гасит горелку.)*

Курков *(отходит снова к окну)*. Как ужасно... как ужасно!.. Единственный ребенок.

За сценой женский голос: «Пошлите в пятую палату сиделку».

Евгения Григорьевна!

Входит Молчанова. Высока, пряма. Белый халат на ней как греческая стела. Непослушные стриженые волосы тона ореховой скорлупы. Она часто забрасывает их назад движением головы, что еще больше прямит ее. Мягкий и теплый голос.

Молчанова. Здравствуйте, мальчики!

Левченко. Приветствую вас, божья старушка.

Молчанова. Все корпишь?

Левченко. Тысяча первая реакция, и с каждой пробиркой великолепней. Я выращиваю в пробирках радугу для будущего.

Молчанова. А вы все так же смотрите в окна?

Курков. Да нет... это случайно.

Левченко. Не ври, мой друг... С утра пялится на голубое половодье в глазах и хочет писать роман об антрактах судьбы. Глубоко философично.

Курков. Глупости болтаешь... Я лучше в буфет схожу. *(Уходит.)*

Левченко. Хо-хо... Сбежал, миленький! Уж эти мне романтики и романисты! *(Понижает голос.)* Котельников нынче в смуте.

Молчанова. А что случилось?

Левченко. Ночью я обнаружил у Кости поражение мозговой оболочки и вызвал его. Он сидит у постели с полуночи, но, думаю, безнадежно. Так что — имей в виду. *(Уходит.)*

Молчанова берет с полки приготовленные стекла с мазками, садится, кладет под руку блокнот и просматривает стекла, делая отметки в блокноте.

Молчанова. Ага... понятно... так и нужно было ждать... Запишем... Хм... вот это неладно... Раз... два... шесть... девять... ого, шестнадцать в поле? Странный случай... Какой дрянной фуксин — сплошные пятна!..

Не замеченный Молчановой, в лабораторию тихо входит Котельников. У него опущены плечи, походка шатка, как у слепого, правая рука нервно сжимается, как бы ощупывая пространство.

Котельников *(тихо, с собой)*. Mors!.. Смерть!.. Мой мальчик... сын... Но что же я мог сделать сейчас, бессильный, бредущий вслепую!.. Как спасти? *(Голос повышается до раздражения.)* Но время придет... Мы поставим тебя на колени!

Молчанова *(обернувшись)*. Как тихо вы вошли, Николай Николаевич... *(По лицу и позе Котельникова догадывается о беде и тревожно встает.)*

Котельников *(с больной усмешкой)*. Да? Простите, Евгения Григорьевна, у меня с первого дня болезни Кости создалась эта глупая привычка ходить на

цыпочках. Все кажется, что он дремлет рядом, за тонкой стенкой, и страшно разбудить. *(Проводит рукой по бровям.)* Да! Больше этого не нужно. Можно ходить, как всегда... Ведь его уже нет... его уже нет...

Молчанова. Николай Николаевич... Неужели?!

Котельников. Да... Только что... Его нет... и я ничего не мог сделать... Ведь мы еще не кончили нашей работы. Ведь мы беспомощные знахари, дипломированные авгуры... мы...

Молчанова *(перебивая)*. Сядьте... На вас лица нет... И спокойней, если можете. Я хотела бы сказать вам что-нибудь горячее, дружеское — но разве найдешь слова?.. Разве скажешь?.. Сядьте. *(Подвигает стул и усаживает Котельникова.)*

Котельников. Спасибо... Я вас напугал?

Молчанова. Нет... я с детства не знаю страха...

Котельников. Да, это хорошо... это очень хорошо... Чтобы создавать жизнь, чтобы перестраивать жизнь, нужно не знать страха... Жизнь была жалкой от страха... Еще так недавно боялись всего... И посюстороннего, а особенно потустороннего... Больше всего боялись смерти, мой друг...

Молчанова. Николай Николаевич!.. Молчите! Не нужно. У вас рвется голос.

Котельников. Ничего...

Молчанова. Нет... вы на грани нервного исступления... Щадите себя. Наша работа...

Котельников. Ах, я знаю!.. Но во мне сейчас кричат кровные соки. Ведь он был живой, мой мальчик, мой Костя. Еще утром я касался живой теплоты его щек, слышал трепет сердца. Слушал его голос, осязал жизнь... Поймите, что значит жизнь, которую можно осязать...

Молчанова. Этой жизни больше нет, Николай Николаевич. Примиритесь с этим. Перед нами огромный путь... Работая с вами, я чувствую себя порой мостом между прошлым и будущим... Может быть, Костя — последняя жертва нашего бессилия и завтра уже не будет нелепых преждевременных смертей. Гибель молодого организма... преступление... бессмыслица... Яд, инфекция, потеря крови — и полный сил человек уходит... Он ничего не успел сделать... Остаются несвершенными замыслы, дела, работа... И чтобы прекратить эту бессмыслицу, нужно так мало. Очистить пораженную кровь...

влить в сосуды свежую, вновь напитать организм здоровыми соками... Какая широта!.. Как по-новому будет выглядеть мир!.. И это не фантастическая победа кликуш... мистиков... виталистов... Это наша победа... трезвая победа нашей науки... Для этого стоит жить. Жить!.. Какой неслыханный смысл мы вольем в это старое слово!

Котельников. Жить?.. Да... будут жить другие... Пусть так...

Левченко *(входит)*. Николай Николаевич. Звонит Геронский... Я не знал, сможете ли вы подойти, и просил подождать... Что передать?

Котельников. Геронский?.. Евгения Григорьевна, а может быть, уже? Может быть, в ту самую минуту, когда умирал Костя, Геронский сделал то, чего мы ждем от него? Может быть? Но почему он не сделал этого на неделю, на день, на час раньше?.. Впрочем, все закономерно... Сейчас узнаем...

Выходит вместе с Левченко.

Молчанова *(задумчиво смотря вслед)*. Не-хо-ро-шо...

Дверь открывается, просовывается голова Котовой.

Котова. Доктор Левченко здесь?

Молчанова. Только что ушел.

Котова *(входит и подбирает с полу брошенную Курковым папиросу)*. Ну, погляди! Кажись, доктора, а вроде свиней. Времени не хватит подбирать за вами целый день. Вообще уйду на другое место. Живешь, живешь, как между сумасшедшими.

Молчанова. Что за вздор вы мелете, Котова?

Котова. А вот и не вздор... Весь город так и трещит... так и трещит... Ваш профессор — сумасшедший, задумал покойников воскрешать...

Молчанова. Это еще что?

Котова. А вот и то. Грех мертвых тревожить. Коли господь призвал душеньку, стало быть, ей в ангельской книге срок написан, и против этого не идти.

Молчанова. Какая чепуха!

Котова. А вот и не чепуха. Вот господь и наказал за грехи — сыночка отнял.

Молчанова. Вы бы, Котова, постарались поучиться. Стыдно! Полвека прожили, а в голове мешанина. Прекратите болтовню! *(Уходит.)*

Котова *(крестясь)*. У, безбожница проклятая!.. Учиться?.. От этого учения с ума и сошла. До живых покойников доучилась... Тьфу, господи, оборони от греха!

Занавес

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Столовая в квартире Котельниковых. Душные сумерки. Над столом низко опущен темно-вишневый абажур. Комната как будто налита кровью. Только сияет белый круг на скатерти. За столом Зоя Петровна и Гоша. Гоша раскладывает пасьянс. Его пальцы на скатерти шевелятся, как проворные и злые черви.

Зоя Петровна. Как воет ветер!.. Панихида... Если бы не ты, дядя, я бы висела в петле.

Гоша. Ангел мой, где бы ты купила веревку?

Зоя Петровна. Я удивляюсь, дядя, твоей бодрости. После всего, что ты перенес,— сохранить способность смеяться... шутить...

Гоша. Пустяки, мой ангел. Когда меня арестовали, а потом выслали за вредность, я думал — все кончено. Но на далеких северных островах цветут цветы, солнце всходит утром и заходит вечером, и трудовая жизнь нетрудящихся ежеминутно меняет краски, как хамелеон... Когда я проникся диалектикой трудового процесса, меня выпустили до срока.

Зоя Петровна. Соловки... Там был большой монастырь. Тишина, мерцание лампад, черные тени монахов, шелест риз, как крыльев, радость молитвы... Если бы уйти в монастырь!

Гоша. Милая Зоя, где же монастырь в наши героические будни рационализации, индустриализации, р-рреконстр-ррукции?

Зоя Петровна. Какие жесткие, стучащие, неуютные слова.

Гоша. Неприятно, но факт. Увы, перманентный факт!

Зоя Петровна. Они напоминают мне Николая. Такой же острый, неуютный, с жесткими углами. Ходит и набивает синяки всем. Ничего не видит, кроме науки.

Гоша. Кстати... Я уже неделю отдыхаю в этом «многоуважаемом» граде, и в уши мне ползут самые

дикие слухи. Ничего не понимаю. В чем суть его опытов?

З о я П е т р о в н а. Я не могу говорить об этом. Я ничего не знаю. Он не посвящает меня в свои мысли. Я — ничтожная женщина, он — гений... Я знаю только, что четыре года с упорством маниака он добивается возможности возвращать жизнь убитым ядами животным...

Г о ш а. Черная и белая магия... Что же, он рехнулся?

З о я П е т р о в н а. Это похоже на безумие... Знаю только, что он достиг какого-то успеха в последние месяцы.

Г о ш а. Тогда это не безумие... Тогда это мудрость. Великолепно. *(Впадая в актерский пафос.)* Фауст ищет эликсир юности и бессмертия для ласк Маргариты. О!.. *(Поет.)* «Мне нужен клад, что всех дороже,— мне молодость нужна...» *(Голос рвется.)*

З о я П е т р о в н а. Что с тобой, дядя?

Г о ш а. Пустяки, мой ангел... Я стал чувствовать вес моего сердца... Я стал склонен к лирике... *(Пауза.)* A propos, не дашь ли ты мне трешку?

З о я П е т р о в н а. Какие у тебя стали странные выражения, дядя! Тебе нужно три рубля?

Г о ш а. Если тебя шокирует трешка, я скажу, что мне нужно десять франков, но до зарезу.

З о я П е т р о в н а. Зачем?

Г о ш а. Удивление — мать философии, но любопытство — мать шпионажа. Впрочем, тайн меж нами нет. Мне нужно на водку.

З о я П е т р о в н а. Боже!.. Дядя... Ты?

Г о ш а. Разложился, ты хочешь сказать? Что же делать? Я должен плыть к берегу, для этого нужно море, которое по колени... Я пью и вижу себя полководцем желтых... *(Поет.)* «Но и я кого-нибудь зарежу под разбойный свист».

За сценой звонок.

Слышала? Я уйду... Я не хочу встречаться с Фаустом.

З о я П е т р о в н а. Это не Николай. У него ключ. Это отец Палладий.

Г о ш а. Все же дай трешку.

З о я П е т р о в н а *(дает деньги)*. Бедный дядя!

Стук в дверь.

Г о ш а. Антре, милорд!

Входит П а л л а д и й.

П а л л а д и й. Здравствуй, дочь моя!

Зоя Петровна склоняется.

(Благословляет ее.) Во имя отца и сына... *(Смотрит на Гошу.)* Кто?

З о я П е т р о в н а. Дядя мой, Игорь Сергеевич. Только что приехал.

Г о ш а. Имею честь.

П а л л а д и й. Атеист?

Г о ш а. Собственно говоря, нет... Сам не знаю...

П а л л а д и й. Если не атеист,— обращаясь к служителю церкви, величай, как заповедано святыми отцами.

Г о ш а. А как?

П а л л а д и й. Хорош!.. Свою веру забыл. Величают монашествующего иерея: ваше преподобие.

Г о ш а. Хорошо, ваше преподобие.

П а л л а д и й. Откуда к нам?

Г о ш а. Из Москвы.

П а л л а д и й *(брезгливо)*. Вместилище нечестивых... Вавилон... Служил?

Г о ш а. Я в Москве проходом. А вообще — лишенец свободной профессии.

П а л л а д и й. Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. Хвалю. Терпи — и воздастся сторицей.

Г о ш а. Небесный банк, ваше преподобие, склонен к просрочке векселей.

П а л л а д и й. Не суесловь блудным языком. Терпи и смиряйся.

Г о ш а. Постараюсь, хотя и скучно.

За сценой смутные звуки.

З о я П е т р о в н а. Это Николай... Отец Палладий, пройдите пока ко мне. Я попытаюсь уговорить его в последний раз. Если он откажет, я попрошу вас. Дядя, ты тоже уйди пока.

Г о ш а. Не заставлю просить...

Палладий выходит, Гоша — за ним. В дверях Гоша оборачивается к Зое Петровне.

(Шепотом.) Где ты его достала? Это же сатана в рясе! *(Скрывается.)*

Котельников *(входя)*. Добрый вечер, Зоя... Ты отдыхала?

Зоя Петровна. Нет... я не могу... Я изнемогаю от бессонницы...

Котельников. Прими веронал и ляг... Уснешь.

Зоя Петровна. Какие у тебя железные слова: «Прими веронал... Уснешь...» Разве поможет мне веронал? Во мне все горит и мечется.

Котельников *(подходит и гладит ее по голове)*. Напрасно... Овладей собой. Мне тоже не легко.

Пауза.

Зоя Петровна. Коля... нет нашего мальчика.

Котельников. Не нужно, Зоя... Не нужно об этом. Будем молчать.

Зоя Петровна. Я в последний раз... Коля, зачем ты сделал это?

Котельников. Что?

Зоя Петровна. Зачем ты спрятал его в землю так... как прячут зверей? Зачем он не на кладбище, рядом с нашими мертвыми? Без креста? Позволь мне отслужить панихиду на его могиле.

Котельников *(после паузы)*. Мой мальчик лежит в цветущем саду клиники... Его могила видна из моего окна. Она зовет меня жить и бороться за жизнь для других. Я не хочу, чтобы над его телом разыгрывалась комедия... Я ненавижу попов. Вся моя жизнь — борьба с этим балаганом.

Зоя Петровна. Но ведь Костя — и мой ребенок. Я верю. Неужели ты не можешь поступиться один раз для моего покоя?

Котельников. А мне разве не нужно покоя?

Пауза.

Зоя Петровна. Коля!.. Ты тоже измучен. Брось все это. Уедем куда-нибудь, где солнце, тишина, простая бездумная тишина... Откажись!

Котельников. От чего?

Зоя Петровна. От своей работы... Она изломала тебя... Она измучила меня... Она убила нашего мальчика.

Котельников. Что ты говоришь?

Зоя Петровна. Да... Ты с диким упорством идешь против закона природы... против господней мудрости... против веры отцов... И, может быть, смерть нашего мальчика — предупреждение свыше.

Котельников. Кто научил тебя этому? Предупреждение свыше!.. Если твой бог так предупреждает рабов — тем больше причин уничтожить такого палача... такого...

Зоя Петровна. Коля!.. Как ты можешь?

Котельников. А как может он? Я хочу дать жизнь человечеству, я хочу вырвать когти у смерти — и за это твой бог убивает моего сына? И ты молишься этому убийце?..

Зоя Петровна. Перестань!.. *(Пауза.)* Ты перестал понимать меня. Мы чужие.

Котельников. Да. Мы давно стали чужими... Я знаю это. Нас связывал только Костя... Теперь его нет. У нас нет и уже не будет ничего общего. Чужим языком ты говоришь мне, и чужим языком я отвечаю тебе. Так жить нельзя. Разойдемся.

Зоя Петровна. А... вот! Я давно ждала этого слова... Ты сказал его... Ты задавил меня... ты сделал меня своей бессловесной вещью... ты взял у меня все... даже мертвого сына ты отнял у меня, у моей веры... Что ж, уходи... Уходи, пока не поздно... пока не случилось несчастья, потому что, когда ты засыпаешь, я начинаю думать, что горло у тебя такое же хрупкое, как у других людей. Я теряю меру моей ненависти... Уходи и живи, если можешь, с моим проклятьем за сына... *(Задыхается в рыдании.)*

Вбегает Гоша и кидается к ней. За Гошей входит Палладий и, сперва не замечаемый Котельниковым, останавливается в дверях и, скрестив руки, смотрит на Котельникова.

Гоша. Зоя... что с тобой? Что с тобой, ангел мой?.. Перестань!.. *(Котельникову.)* Да что же с ней такое! Помогите.

Котельников *(резко)*. Истерика!.. Глобус истерикус. Уложите в постель. Компресс на голову... валерьянки...

Гоша. Я не умею... Вы же врач!

Котельников. Я сейчас буду не полезен, а вреден.

Г о ш а *(поднимая и уводя Зою Петровну)*. Глобус истерикус?.. Глобус!.. Хорошая география — доводить жену до такого состояния! *(Уходит с Зоей Петровной.)*

Котельников наливает воды и залпом пьет. Палладий молча следит за ним. Пауза.

П а л л а д и й. По воле господа моего и данной мне благодати взываю к вам.

К о т е л ь н и к о в *(отшатнувшись)*. Что? Откуда вы?

П а л л а д и й. Я пришел по желанию вашей супруги, дать ей утешение и помощь.

К о т е л ь н и к о в. Так отправляйтесь к ней. Я в вас не нуждаюсь.

П а л л а д и й *(с актерским смирением)*. Ведаю, что вы неверующий и богоборец. Но обращаюсь к сердцу вашему: смирите свою гордыню и выслушайте дружеский голос священнослужителя.

К о т е л ь н и к о в. У меня не может быть друзей в вашем стане.

П а л л а д и й. Не оспариваю. Но все мы люди — дети одного создателя. Вы — супруг и отец. Погубивший чужую душу будет осужден не только небом, но и мирской совестью. Не губите подругу вашу, врученную вам свыше.

К о т е л ь н и к о в. Какое дело до этого вам? Кто вам давал право появляться в моем доме в роли наставника и учителя? Лжец! Комедиант!!

П а л л а д и й. Опомнитесь. В вас бушует гордость и себялюбие. Миллионы веков существует господен мир и господне слово, перед которым мысль человеческая — ничто. Что стоит суета ваших научных заблуждений?..

К о т е л ь н и к о в. О!.. Вы уже критикуете науку... Это любопытно.

П а л л а д и й. Прощаю вам издевку. Не буду оспаривать ваши верования. Снизойдите к чувству матери. Удовлетворите ее желание — свершите христианское отпевание скончавшегося младенца.

К о т е л ь н и к о в. Вы меня с ума свести хотите? *(Подходит вплотную.)* Замолчите! Ни слова больше, или я не ручаюсь за себя.

П а л л а д и й *(склоняет голову, исподлобья смотрит, в глазах ненависть)*. Смиренно приму заушение и самое смерть во имя пославшего мя.

Котельников *(в ярости)*. Подлый иезуит! *(Круто поворачивается, уходит.)*

Палладий *(выпрямляется, протягивает руку вслед, исступленно кричит)*. Будь проклят, богоотступник!.. Будь проклят!.. Анафема!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Физиологический кабинет. На возвышении стол. Кусок амфитеатра скамей. На них студенты. Котельников в халате стоит у стола. Молчанова убирает инструменты.

Котельников. Опыт, который вы видели, товарищи, делает для вас ясными основные фазисы нашей работы. Как вы сами можете видеть, проблема сводится к восстановлению жизненных функций организма, пораженного тем или иным ядом. На данном этапе мы добились уже многого. Но это только начало. Мы добиваемся сейчас отыскания химических реагентов, которые позволили бы очищать отравленную кровь не по частям, а всю сразу. Нахождение таких реагентов открывает неслыханные перспективы в борьбе с отравлениями кровеносной системы как ядами, так и микробами. Таким образом, мы подходим к моменту, когда наука, разорвав путы идеализма и религиозных цепей, станет обезоруживать смерть в тех случаях, перед которыми медицина до сих пор бессильно опускала руки. Мы сделаем тайну смерти простым лабораторным опытом, доступным всякому студенту. И не мудрено, что наша наука, наука боевого материализма, вызывает дикую ненависть в черных армиях религии и в среде научной реакции... Ибо она уничтожает религию... она вырывает у них почву...

Первый студент. То, что вы рассказали, профессор, чрезвычайно интересно... В таком случае, идя по этому пути, мы вообще можем уничтожить смерть... добиться решения проблемы бессмертия.

Котельников *(улыбнувшись)*. Конечно, это

мечта медицины. Но пока нет предпосылок надеяться на решение этой проблемы в ближайшем будущем.

Второй студент. Позвольте спросить еще. Если станет возможным то, о чем вы говорили, то человек, у которого будет выпущена вся кровь, будет лежать на операционном столе в течение времени, нужного для очищения зараженной или отравленной крови, мертвым? Его жизнь фактически прекращается с остановкой кровообращения. Следовательно, мы можем рассматривать эту операцию как возвращение к жизни мертвого?

Котельников. Не совсем так. Жизнь в обескровленном организме не прекращается, а лишь замирает, пока, конечно, не наступит процесс разложения. Все дело в быстроте действий хирурга.

Третий студент. Но ведь с остановкой кровообращения прекращается не только физическая функция организма, но и умственная, духовная деятельность. Есть ли в таком случае у человека что-нибудь такое... я не знаю, как сказать... ну, словом, какая-то субстанция... ну, словом, душа?

Первый студент. Вот загнул околесицу, Черкесов!

Студентка. Какой глупый вопрос! Совершенно недиалектично!

Сутулый студент. Вам все глупо, что не по прописям. Душа — не пустяк.

Третий студент. Почему глупый вопрос? Между человеком и животным есть же разница? Меня интересует — чем она обусловлена?

В кабинет входит Бекман и останавливается, незамеченный. Он слушает дальнейшие слова Котельникова с иронической усмешкой, пожимая плечами.

Котельников. Вопрос вполне уместный. Но товарищ неправильно трактует суть. Он делит функцию организма на физическую и какую-то сверхчувственную, душевную. А этого как раз нет. У организма одна только функция — физическая. Ее высшее выражение — способность мысли и речи, которые развились в процессе эволюции лишь у человека. В детском возрасте науки эту способность, казавшуюся самим людям сверхчувственной, искусственно отделили от физической категории и по-обывательски назвали туманным термином «душа».

Первый студент. Верно...

Бекман (*шагнул вперед*). А я думаю, что это глубоко неверно.

Все обернулись к нему.

Я полагаю, что вы заблуждаетесь, Николай Николаевич. Ваша постановка вопроса — простите старика — грубо утилитарна, звучит упрощенчеством и вульгаризацией. Извините, что я вторгся в вашу беседу,— я попал на нее случайно,— но я считаю себя вправе высказать свою точку зрения. Мне кажется, что ваша гипотеза о душе как о высшем только выражении физической категории человека, во-первых, механистична, во-вторых, основана на самонадеянном и примитивном восприятии мира как комплекса исключительно физических факторов. Это глубокое заблуждение.

Первый студент. А вы как думаете?

Бекман. Я полагаю, что есть высшие силы, которые создали человеческий организм в полной и совершенной гармонии материальной и духовной сторон...

Котельников. Нам, Венедикт Львович, бесполезно спорить по этому вопросу. Наши установки в корне различны.

Бекман. Я только позволил себе указать вам, как старший годами и опытом.

Котельников. В науке нет различий по чинам и возрастам.

Бекман. Но позвольте! Вы, молодой профессор, внушаете студентам, может быть, блестяще остроумные, но совершенно ложные гипотезы как нечто неоспоримое... Вы подрываете в них веру в духовную деятельность человека, в его первенство. Вы перегромождаете юные и не способные критически мыслить головы...

Возглас студента: «Ого-го!»

...понятиями, в которых они могут запутаться и в которых, по моему глубокому убеждению, путаетесь вы сами...

Котельников (*резко*). Венедикт Львович, я не студент. К кафедре допущен не вами. Если вам не нравятся мои научные установки, поставьте вопрос о них в деканате. Ваши слова бестактны...

Бекман. Профессор Котельников!

Котельников. Я вас слушаю.

Бекман. Я призываю вас к порядку. Ваше поведение полно странностей. Ваши работы носят характер рискованного авантюризма...

Котельников. Венедикт Львович, я не считаю возможным дальше разговаривать с вами...

Бекман. Однако...

Молчанова *(перебивая)*. Профессор Бекман... Здесь не место для турниров самолюбия. Этот спор бесцелен. Я думаю, что выражаю общее мнение...

Голоса студентов. Правильно!

— Реакционер!

— Ханжа!

Бекман. Кто вам позволил вмешиваться?

Молчанова. Я не нуждаюсь в разрешении.

Первый студент. Здесь не гимназия.

Бекман. Мальчишки!..

Гул протеста.

Студентка. Это мы поставим на бюро.

Бекман. Ставьте, где хотите. Не запугаете. У меня европейское имя. *(Уходит.)*

Первый студент. И азиатское поведение.

Второй студент. Товарищи, так оставлять нельзя... Идем в бюро.

Студентка. Конечно.

Сутулый студент. А я считаю, что профессор Бекман прав.

Студентка. Ну и считайте. Идем, товарищи.

Студенты уходят.

Котельников *(устало)*. Как неприятно... Зачем?

Молчанова. Очередная демонстрация идеологии Бекмана. Закатывает истерики перед концом.

Котельников. Мне жаль его.

Молчанова. Никогда не жалейте врага, пока он не уничтожен.

Котельников. Но разве Бекман враг? Бессильный старик... У вас не женское сердце, Евгения Григорьевна!

Молчанова. Да, не женское! В боях за право на жизнь я научилась жалеть и щадить только свой класс. Борьба не позволяет жалеть врагов. Мы уничтожаем их для будущего наших детей. Разве не так?

Котельников. Может быть. Но моя жизнь отдана борьбе со всяким уничтожением.

Молчанова. И я иду с вами рядом. Но все мешающее мы должны уничтожать без раздумья. Иначе не дойдем. *(Пауза.)* Вы домой?

Котельников. Да.

Молчанова. Вам неплохо отдохнуть несколько дней.

Котельников. Где отдыхать?

Молчанова. Дома.

Котельников. У меня больше нет дома. Там безумствует жена. Там гниение.

Молчанова. Какое?

Котельников. Приехал какой-то родственник жены, пропадавший без вести. Распавшийся обломок человека. Он тих и незаметен, но меня давит его присутствие. Даже в моей рабочей комнате я чувствую неуловимый запах распада и гнили.

Молчанова. Но жалеете и не гоните?

Котельников. Не надо иронии, мой друг. Я не жалею. Он безразличен мне, как безразличен мне стал мой дом...

В дверь врывается Геронский. Он в сером пальто и фетровой шляпе. Высок, худ. Верхняя часть его фигуры в резком наклоне, как будто торопится обогнать нижнюю. Рыжие волосы вихрами.

Геронский *(говорит порывисто, иногда заикаясь)*. Николай Николаевич? Я едва нашел вас! Эврика!

Котельников. Лев Сергеевич! Что случилось? Вы меня пугаете.

Геронский. Простите. Я не мог ждать. Вы понимаете, она... восстановилась.

Котельников. Кто восстановился?

Геронский. Как же вы не понимаете! Она! Кровь!

Котельников *(хватая его за руку)*. Не может быть!

Геронский. Как под присягой — правда... Два часа после реакции — и красная, как портвейн.

Котельников. Едем!.. Сейчас же!

Геронский. Я потому и прискакал.

Котельников. Едем... едем... Неужели?..

Направляется к двери. За ним Геронский и Молчанова.

Занавес

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Лаборатория Геронского. Сплошная стеклянная стена. Инструменты, приборы, на полках и в шкафу химикалии. У стены термостат. Все залито солнцем. Молчанова, Левченко, Курков у термостата, смотрят сквозь дверцу внутрь. Котельников и Геронский посредине.

Левченко. Прямо глазам не верю...

Курков. Ведь это что же? Это же словами выразить нельзя...

Геронский. Вы понимаете, Николай Николаевич... почему я так упорно работал со стрихнином? Сам не знаю. Почему-то казалось, что на нем легче всего взять реванш... И вот, видите, взял. А раз найден нейтрализующий реагент для одного яда, значит, первый узел развязан и скоро всю веревочку расплетем... Самое трудное будет с бактериями, но я уверен...

Котельников. Со временем добьемся.

Геронский. Конечно.

Левченко *(отойдя от термостата)*. Лев Сергеевич... Дайте я вас обниму. *(Обнимает.)* Вы понимаете, что вы совершили? Ведь это скачок в жизнь!.. Вы перепрыгнули через природу!..

Геронский. Ну уж и перепрыгнул! Это пустяковая работа. Вот когда я с концентратами справлюсь, тогда устрою банкет.

Молчанова. С концентратами?

Геронский. Да... Вы ничего не слыхали о них? Нет? Универсальная пища будущего. Важнейшая проблема. Динамика нашего развития ставит на очередь вопрос о дешевом универсальном питании. Вся пища должна доходить до потребителя в виде готовых концентратов... Вся! Я хочу делать из бобов мясо, тесто, сладкое. Вы понимаете? Упраздняются кухни, столовые, чад, толкотня, помои. Огромная экономия древесного и минерального топлива. В магазинах на полках коробки. Десятки сортов прессованных кубиков — от щей до бланманже. Кубик — гривенник. Несете кубик домой, электрическую спираль в стакан, кубик в воду — через пять минут любое блюдо. Нет больше раздутых желудков, катаров, домашних хозяек. Работники нарпита — огромная армия людей — освобождаются для продуктивного труда в индустрии.

Левченко. Да вы прямо Байрон пищевых кон-

центратов! Вам бы вместе с Курковым написать о них коллективный роман.

Геронский. И напишем!

Молчанова. Ну что ж, товарищи, можно и отдыхать.

Котельников. Да, друзья. Пора отдохнуть. Устали и переволновались все достаточно... Один только вопрос, Лев Сергеевич. Вы проверяли реакцию на длительность?

Геронский. Когда же? Я так обалдел от радости, что немедленно помчался разыскивать вас и забыл отрегулировать термостат. Температура значительно повысилась, и хотя полного свертывания не произошло, но получился вот этот хлопьевидный осадок, который мы наблюдали.

Котельников. А это важно установить. Могут быть случаи, когда понадобится иметь некоторое количество крови в запасе. Может быть, довольно длительный срок... Василий Михайлович...

Левченко. Я за него.

Котельников. Возьмите реактивы и поезжайте в клинику. Проделайте процедуру над кроликом и поставьте кровь в термостат. Предупредите весь персонал, чтобы к термостату даже близко не подходили. Посмотрим, сколько времени продлится действие.

Левченко. Есть.

Котельников. Мы с вами, Лев Сергеевич, пройдем к вам в кабинет. Вы позволите мне переписать ваши заметки?

Геронский. Конечно. *(Уходит вместе с Котельниковым.)*

Левченко раскрывает чемоданчик и укладывает в него банки с реактивами, заворачивая их в вату. Курков помогает ему. Молчанова отходит к окну и задумчиво смотрит на улицу.

Левченко *(закрыв чемоданчик, оглядывает лабораторию)*. Эх, завидно!

Курков. Что?

Левченко. Какая лаборатория! Какая лаборатория! Свет, блеск, удобство. Все на месте, все под руками... И когда будут готовы новые клиники? Тянут с постройкой, тянут... Но мы построим, черт возьми! Построим! Вот ты бы об этом написал.

Курков. О чем?

Левченко. О новых клиниках. О постройке.

Курков. Разве это тема? Строят дома. Очень хорошо, что не разрушают, а строят. Но какая же это тема? Нужно писать о людях, а не о камнях, о чувствах, а не о гвоздях.

Левченко. Чудак ты, Леонид! Зрение у тебя занавешено врожденной катарактой. Люди? А что же, камни сами кладутся? Гвозди сами вбиваются? Разве нет на постройке людей? Нет чувств у этих людей? Или ты думаешь, что чувства есть только у тех, кто лежит на диванах в уже выстроенных домах и переживает эмоции? Кто любит высокий строй, сделанный чужими руками? Крот!

Курков. Не знаю... Я не могу ощутить людей рядом с кирпичами...

Левченко. Сам ты кирпич!

Курков. Ну вот, ты начинаешь ругаться... Мне не хочется спорить. Поговорим об этом в другой раз... А пока я пойду... Будь здоров! *(Уходит.)*

Левченко *(берет чемоданчик, поворачивается и видит Молчанову у окна. Говорит тихо)*. Женя!

Молчанова не слышит.

(Орет.) Гражданка Молчанова!

Молчанова *(обернувшись)*. Ты что? С ума спятил? Что ты кричишь?

Левченко. Поскольку, гражданка, вы впали в сентиментальный эстетизм и любовались упадочными красотами природы, я позволил себе пробудить вас.

Молчанова. Просто засмотрелась в окно.

Левченко. По экспериментальному над личностью ассистента Куркова наблюдению я пришел к точному и научному выводу, что из окна не смотрят на равнодушную природу так — здорово живешь. Не ходит ли там под окном кто-нибудь с половодьем в глазах и дожидается антракта в вашей судьбе?

Молчанова. Ошибся. Не путай меня с Курковым. Я задумалась о Котельникове.

Левченко. А в чем философский смысл вашей задумчивости?

Молчанова. Не ребячься... Я начинаю бояться за него.

Левченко. Почему?

Молчанова. Мне кажется, вокруг него начинает завязываться какой-то скверный узел. Воздух сгущается, делается душным... Неуловимые признаки травли

и вражды. Сегодняшнее столкновение с Бекманом... Уже после этого я проходила по коридору и слышала случайно, как в кучке студентов ораторствовал слюнявенький, сутулый, близорукий интеллигент... Он слово в слово повторял Бекмана.

Л е в ч е н к о. Ну, это не страшно.

М о л ч а н о в а. Один близорукий не страшен, но близоруких много. Котельников на наших глазах осунулся после смерти Кости. Он живет на нервах, его можно свалить любым рассчитанным толчком...

Л е в ч е н к о. Ерунда!

М о л ч а н о в а. Нет, не ерунда. Узел стягивается со всех сторон. Дома у него тоже плохо. Скверно и неприютно. А ты знаешь, что он в нашей профессуре белая ворона... Пусть он еще корнями в старом, но он работает с нами и для нас...

Л е в ч е н к о. Откуда ты знаешь о доме?

М о л ч а н о в а *(уклончиво)*. Я не в монастыре живу.

Л е в ч е н к о *(иронически)*. Слухом земля полнится?

М о л ч а н о в а *(горячо)*. А если и так? Не будь ограниченным. В этом нет ничего плохого. Мы делаем совместную работу и уважаем его в ней. Но мы должны интересоваться и его личной жизнью. Одно тесно связано с другим. Если устранить из его жизни лишнюю тягость, он сделает вдвое больше. Это в наших же интересах.

Л е в ч е н к о. Вот как? *(Пауза.)* А ну-ка, Евгения, посмотри мне в глаза. Не отворачивайся... Так... так... Наблюдаю тяжелую инфекцию... Любовная лихорадка.

М о л ч а н о в а *(вспылив)*. Какая пошлость!.. Дурак!..

Л е в ч е н к о. Чего же ты ругаешься?

М о л ч а н о в а. Как ты мог вообразить?

Л е в ч е н к о. А что же тут такого? Разве он не стоит любви?

М о л ч а н о в а *(после паузы)*. Нет, Вася... не в том дело. Я много думала над моим отношением к нему. Я любила — и не раз. И буду любить, когда мне захочется, не спрашивая советов. Может быть, я и люблю его, но никогда не скажу об этом.

Л е в ч е н к о. Что же это? Партийное издание рыцарского романа?

М о л ч а н о в а. Нет, нет... Не шути. Пойми меня. В науке он — наш целиком, в жизни он — еще прошлый. Я не могу обещать ему верность на всю жизнь. Я не могу раствориться в личном, стать нянькой, экономкой, за-

ботливой Пенелопой, прядущей у очага. Я не могу привязать себя к нему. Я хочу свободы. Сегодня работаю здесь, завтра меня потянет в новые места, а с ним я уже буду связана. Этого я не хочу... А пойти на мимолетную связь... на летучий роман?.. Для этого я слишком уважаю его и себя... И мне кажется, что больше всего я люблю его по-мужски... За то, что, рожденный другим миром, другой эпохой, он дружески помогает нам овладеть наукой, накопленной прошлым для одиночек. Он вводит нас в большой и стройный дом культуры.

Левченко. «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

Молчанова. Он не только благословляет. Он помогает, и за это я буду ему другом по-мужски.

Левченко. Ты права, Евгения. Я рад, что мы работаем вместе. Ты настоящая женщина.

Молчанова. Наконец! Впервые слышу, что ты заговорил серьезно.

Левченко. Со мной это иногда бывает, когда я проголодаюсь.

Молчанова. Ну вот, опять пошел...

Левченко. Ничего не «пошел»... Итак, да здравствует дружеское согласие по охране научного младенчества! По рукам, что ли?

Молчанова *(подавая руку, со смехом)*. По рукам.

Занавес

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Опять столовая Котельникова. Хмурое утро. По стеклам окна жестяной дребезг ливня. Котельников в пальто стоит у стола, мажет хлеб маслом и делает бутерброды. Заворачивает их в газету и кладет в портфель. Из двери, крадучись, появляется Гоша.

Гоша. Очень извиняюсь... Великодушно не осудите презренный обломок утонувшего мироздания, нарушающий ваш покой...

Котельников *(оборачиваясь)*. А, это вы... Послушайте, почему вы разыгрываете клоунскую роль?

Гоша. А что же мне осталось, кроме этого поощряемого нынешними аскетическими властями удовольствия? Обширный и многоцветный мир закрыт для меня навсегда, и на врата его навешена печать казенного об-

разца с серпом и молотом... Кстати, я двадцать лет был помещиком, и, уверяю вас, очень культурным помещиком. У меня в хозяйстве были серпы всех видов, но такого, как на нашем пышном гербе, я не видел. Остается предположить, что это условность геральдики, символический серп, как английский единорог — символический зверь?

К о т е л ь н и к о в. Ведь вы неглупый человек.

Г о ш а. Гран мерси за диплом.

К о т е л ь н и к о в. Да бросьте дурачиться. Ведь вы могли бы что-нибудь делать.

Г о ш а. Я и делаю. Я в настоящее время разрабатываю философию интуитивизма. О нет, не мистического, а гностического. Реальное познание скрытых явлений мира интуицией. Я сделал большие успехи. Я уже могу интуицией на любом расстоянии почуять запах ГПУ.

К о т е л ь н и к о в. Знаете... иногда, если незачем жить, достойнее умереть.

Г о ш а. Что вы? Это вы интуитивно догадались или на основании лабораторного наблюдения? Нет-нет, не сердитесь. Кстати, о смерти. Я как раз хочу попросить у вас совета. Все-таки живем рядом, почти что родственники, а в этом индустриальном центре вы медицинское светило.

К о т е л ь н и к о в. Во-первых, я живу в этом доме последние дни...

Г о ш а. Осведомлен и почти сочувствую.

К о т е л ь н и к о в. А кроме того, я тороплюсь в клинику... Впрочем, давайте. Минут десять у меня есть... На что жалуетесь?

Г о ш а. Сердце... Знаете, так захватывает... И скверно захватывает.

К о т е л ь н и к о в. Раньше лечились?

Г о ш а. Пробовал, но из трусости бросил... Прописали нитроглицерин, а я боялся взорваться вместе со склянкой.

К о т е л ь н и к о в. Вы, видно, не можете не валять дурака... Разденьтесь!

Г о ш а. Сию минуту. *(Снимает толстовку, под ней рваная сетка на голое тело.)* Миль пардон, не обращайте внимание на манишку. Проклятая прачка перекрахмалила, как на придворный бал.

Котельников, усмехнувшись, машет рукой, достает стетоскоп и слушает Гошу. Выпрямляется, прячет стетоскоп.

«Я приговор твой жду... я жду решенья».

Котельников. Хорошего мало. Отвратительно запущенный склероз.

Гоша *(нервно)*. Нет, правда?

Котельников. В последней стадии... Пьете? Если не бросите — кончите очень быстро. За полгода не поручусь.

Гоша *(растерянно)*. Значит, скоро?.. Значит, умирать?.. Я не хочу!

Котельников. Сами виноваты.

Гоша *(с внезапной силой)*. О нет, профессор! Нет! Изволите заблуждаться. *(Лицо его перекашивается злобой.)* Виноват не я... виноваты другие. Я знаю их... я знаю. Я ждал и жду срока, чтобы получить по векселям, чтобы взять со всех разом. До этого я не хочу умирать... Я должен показать свою благодарность... Я понимаю того цезаря, который хотел, чтобы у этого вонючего плебса была одна шея... Я сжал бы ее так, что лопнули бы позвонки.

Котельников. Рога не выросли, сударь... Впрочем, это не относится к медицине. Мне пора. Запомните, что я сказал,— это серьезно. *(Уходит.)*

Гоша *(закрывая лицо)*. А-а-а... Значит, приготовьтесь вернуть входной билет, не увидев, не дождавшись фейерверка? О, дьявольщина! Я не хочу исчезать. Я еще не расплатился... *(Пытается спеть.)* «Мне нужен клад, что всех дороже,— мне молодость...» *(Срывается и всхлипывает.)*

Зоя Петровна *(входя)*. Дядя, почему ты не одет? Отчего ты плачешь?

Гоша. К черту!.. Я не хочу...

Зоя Петровна. Чего ты не хочешь?

Гоша *(надевая толстовку)*. Он сказал — конец... Он сказал — не доживу... Здесь, вместо сосудов, хрупкая известь... стекло... Они ломки, как рюмка. Неосторожный толчок — и конец. «Не тронь его — оно разбито». А? Мне, мне, у которого отнято все, умирать, а им, ограбившим, жить!.. Радоваться? Пользоваться всем? Где же бог?

Зоя Петровна. Дядя, не нужно. Успокойся, молись.

Гоша. Зачем? Может, всевышний вернет мне мой полк, моих лошадей, моих женщин?

Зоя Петровна. Не гневи бога. Поговори с отцом Палладием. Он праведник.

Гоша. Что мне из его праведности — штаны шить?
Зоя Петровна. Дядя!..

Стук в дверь.

Войдите...

Входит Палладий.

Отец Палладий... Как неожиданно! Мы сейчас вас вспоминали... Но как вы решились? Он только что ушел.

Палладий *(благословив Зою Петровну и Гошу)*. Во имя отца и сына... Что ты говоришь мне о нем? Служителю бога не подобает страшиться безумствующих. *(Пауза.)* Я выжидал против дома, когда удалится одержимый гордыней. Пришел к тебе по великому делу.

Зоя Петровна. Присядьте, отец Палладий.

Гоша. Я пойду.

Палладий. В храм ходишь?

Гоша *(злобно)*. Я болен. *(Выходит.)*

Палладий провожает его внимательным взглядом.

Зоя Петровна. Какое дело у вас, отец Палладий?

Палладий *(оглянувшись)*. Необходимо отвратить руку гонителей от одного верного, укрыв от неистовых. Не можешь ли помочь жертвованием?

Зоя Петровна. Сколько нужно? У меня сейчас плохо с деньгами.

Палладий. Лепта вдовицы была мала, но угодна.

Зоя Петровна. Вот десять рублей.

Палладий *(пряча)*. Бог воздаст.

Зоя Петровна. Отец Палладий, что же делать дальше? Между мной и мужем все кончено. Он уходит. Он все отнял у меня... даже тело сына... Но я не отдам его... Я возьму своего мальчика. Может быть, подкупить сторожа?.. Выкопать ночью?

Палладий. Не подобает... Начнутся розыски. Жестокость правителей устрашит малых, и пострадаешь ты.

Зоя Петровна. Я готова на все.

Палладий. Но подумай, что можешь навлечь на меня. Скажут, что твой духовный отец внушил тебе эту мысль.

З о я П е т р о в н а. Да... Я об этом не подумала... Но что же делать?

Стук в дверь.

Кто там?

К о т о в а *(входя)*. Здравствуйте... Профессор мне приказал до вас за тетрадью добежать.

З о я П е т р о в н а. За какой тетрадью?

К о т о в а. А я уж не знаю. А только сказано, чтоб принесть тетрадь в зеленой клеенке, что на тумбочке у кровати.

З о я П е т р о в н а. Сейчас посмотрю. Простите, отец Палладий.

П а л л а д и й. Бог простит.

Зоя Петровна уходит. Котова смотрит на Палладия.

К о т о в а. Силы небесные!.. Удостоилась глянуть сблизу на вас, батюшка. *(Семеня, подходит.)* Благословите, батюшка.

П а л л а д и й *(благословив)*. Во имя отца и сына... Откуда знаешь меня?

К о т о в а. Дак, господи, как же праведника не знать! Каждый день в церкви.

П а л л а д и й *(внимательно взглянув)*. Посещаешь храм, где вершу службы?

К о т о в а. А как же! Одно утешение.

П а л л а д и й. Чем живешь в мире греха?

К о т о в а. Чего это, батюшка?

П а л л а д и й. Спрашиваю — чем занимаешься?

К о т о в а. У профессора в клинике уборщицей. Только не знаю, как уйти. Голодухи боюсь, а то сбежала бы от греха, глаза б мои не видели.

П а л л а д и й. В чем видишь грех?

К о т о в а. Да как же! Профессор чего делает — покойников воскрешать грозится. Страсти какие! А нынче коммунист-доктор Васька похвалялся, что все готово и завтра все покойники встанут. В лаборатории банку поставили, человечьей крови налили и кипятят. Профессор приказал: кто банку тронет — с того душа вон. Осквернилась я, батюшка?

П а л л а д и й. Грех твой велик.

К о т о в а. Неужто?

П а л л а д и й *(смотря в упор)*. Банка с кровью есть сосуд дьявольский, о котором сказано в Писании: кто ему

соприкасается, осужден на муки. Профессора покарает господь.

Котова. Ахти, господи! Бедный Николай Николаевич!

Палладий. Жалеешь?

Котова. А как же не жалеть! Хороший барин, добрый, только своротили его треклятые коммунисты. Не в себе стал. Душу бы за него положила.

Палладий *(внезапно ласково)*. За доброту сердца хвалю. Жалеть грешника — христианская добродетель. А что душу положить готова — и того лучше. Больше сия любви никто же имать, аще кто душу свою положит за други своя.

Котова. Так, батюшка... Вправду так...

Палладий. Ежедневно молюсь о вразумлении раба божьего Николая и отвращении от дел пагубных. Если уберечь его от волхований с кровью человеческой, душа его будет спасена. Бог вразумит верного истребить дьявольский сосуд. За это велика будет награда на небесах. Потерпевый и не предавый учителя своего вознесен будет.

Котова. Так, батюшка... так...

Зоя Петровна *(входя)*. Вот вам тетрадь. Совсем не на тумбочке, а в столе.

Котова. Уж я не знаю, где, а только нужно... Простите, батюшка.

Палладий. Мир с тобой...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Монтировка второго эпизода первого действия. За столом Курков возится у микроскопа. У стены термостат.

Курков *(тихо напевает)*.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охвачен,
Я не буду больше молодым...

(Встает, подходит к термостату, смотрит сквозь дверцу.) Ого! Двадцать восемь часов — и все еще жидкая... никакого осадка... Вот тема!.. Какая музыка, какой гетевский, страшный размах! Мировая поэма! Нет, силенок не хватит. *(Поворачивается и выходит из лаборатории.)*

Дверь открывается. После паузы просовывается голова Котовой. Потом, крадучись, она входит в лабораторию, оглядывается.

Котова. Ушел, черт проклятый... Два часа в коридоре дожидаюсь, ноги замлели. *(С ужасом и отвращением смотрит на термостат.)* Кипит кровушка христианская, непогребенная. Дьявольский сосуд! Что же это будет? Окрутили голубчика, погубят его душеньку... *(Осторожно подходит к термостату.)* Батюшка проникновенно так сказал: коли, говорит, уберечь его от неправедного дела, большая за то награда от господа.... *(Повторяет шепотом, как в трансе.)* «Потерпевый и не предавый учителя своего вознесен будет»... Господи, рада потерпеть... Потерплю — и грешную душу спасу, и тебя, спаситель наш, не предам. *(Оглядывается, хватает табуретку и подымает над термостатом.)* Пропади, проклятый!

В растворенной двери показывается Котельников, мгновенно оценивающий положение. Одним броском он вырывает у Котовой табурет.

Котова *(присев в ужасе)*. Ай, ай!.. Господи помилуй!

Котельников *(отшвырнув табурет, хватает Котову за плечо)*. Что вам здесь нужно? Что вы здесь делаете?

Котова *(вопит, зажмурясь)*. Ай, убивают!

Котельников. Вон!... Сию же минуту вон из клиники!.. Чтоб духу вашего не было!

Котова *(упираясь)*. Спасите!

Котельников *(в бешенстве)*. Вон!

Сильным толчком выбрасывает Котову в дверь. В дверь врывается Курков, за ним сутулый студент.

Курков. Николай Николаевич! Что здесь стряслось?

Котельников. Сам не знаю... Где вы были? Почему здесь никого не было?

Курков. Я на минуту вышел...

Сутулый студент отходит в сторону и молча смотрит.

К о т е л ь н и к о в. Я застал эту бабу, когда она замахнулась табуретом на термостат. Едва успел вырвать.

К у р к о в. Зачем же она?

К о т е л ь н и к о в. Ничего не понимаю....

В коридоре вопль Котовой: «Убили... заступитесь, родные!» И затем громкий голос Зориной: «Что воешь? На базаре, что ли? Заткнись!»

К у р к о в. Зорина собственной персоной! Только этого не хватало.

Голос Котовой: «Профессор... об стену...» Голос Зориной: «Замолчи! Поди рожу вымой. Сейчас разберемся».

З о р и н а *(входя)*. Что здесь за буза? За что Котову выперли? Ты, Курков?

К у р к о в. Она термостат чуть не разбила.

З о р и н а. Ну и что же за беда? Набедокурила — скажи месткому, взыщем. А расправляться — это не старый режим. Молод еще!

К о т е л ь н и к о в. Это сделал я, а не Леонид Павлович.

З о р и н а. И того лучше! От вас, гражданин профессор, не ожидала. Констатирую как антиобщественный поступок и прошу объяснить.

К у р к о в. Да чего вы ерепенитесь?

З о р и н а. Помолчи! Не с тобой говорю. Гражданин профессор, я вас спрашиваю, как председатель месткома. Ведь это, выходит, будто и скверно. Не барщина, чтобы кулакам волю давать. За это можно и из клиники попросить. Да и из союза тоже.

К о т е л ь н и к о в *(сдерживаясь)*. Товарищ Зорина! Я сейчас очень потрясен. Может быть, вы отложите разговор? Я приду в местком...

З о р и н а. Потрясены? Подумаешь, барышня! Позже? Пока обдумаете, как отвертеться? Мы эти интеллигентские повадки знаем. Нет уж, давайте разговаривать на месте. Отвечать все равно придется.

К о т е л ь н и к о в *(вспыхнув)*. Отвертываться я не намерен. Отвечать за свои поступки буду там, где найду нужным. А вас прошу оставить лабораторию.

З о р и н а. Слыхали, товарищи? Нате моих пять, чтоб было десять. Теперь меня гонит! Извините. Мы еще поглядим, кто тут хозяева — спецы или рабочие. Я не уйду.

К о т е л ь н и к о в. Тогда уйду я. С вами говорить не приходится. *(Уходит.)*

З о р и н а. Видали? Будьте, товарищи, свидетелями. Товарищ Курков! Ты мне все показания дашь.

К у р к о в. Да я же ничего не видел. Я пришел после....

З о р и н а. Ты что же это? Увиливаешь? Тоже в кусты? Ай да общественничек!

С у т у л ы й с т у д е н т *(вмешиваясь)*. Товарищ Курков, вы, как и я, прекрасно видели, как женщину выбросили в коридор. Здесь мы нашли только профессора Котельникова, следовательно ясно, кто это сделал. Ваш отказ показывает отсутствие гражданского мужества... Вы покрываете безобразия.

З о р и н а. Вот и я говорю. Ну, народ! Ему только диплом получить да перед профессорами хвостом вилять, а на общественность чихать.

К у р к о в. Ну что я могу сказать? Мне самому Котельников рассказал...

З о р и н а. Вот это и скажешь... А потом видел, как он меня выгонял? Это, по-твоему, так и надо?

К у р к о в. Да, в сущности, не выгонял же он вас. Человек действительно был потрясен. Здесь труд всей его жизни — и какая-то глупая корова могла...

З о р и н а. Кого же это ты, товарищ Курков, так именуешь? Котову? Хорош! Ты вот на пролетарские гроши на доктора выучился, так и думаешь, можно трудящуюся женщину презирать? Не больно ты от профессора ушел! Яблочко от яблони недалеко падает.

К у р к о в. Да что вы всякое лыко в строку ставите, товарищ Зорина?

С у т у л ы й с т у д е н т. Товарищ Зорина, как представитель профсоюзной организации, действует совершенно правильно. Я не понимаю вашего упорного старания замазать, затушевать позорный поступок представителя профессуры. Это оппортунизм на практике.

З о р и н а. Правильно, товарищ! Что-то, товарищ Курков, у тебя ум за разум заходит. Умничаешь больно. Как бы не наплакаться! Идем лучше в местком.

К у р к о в. Да поймите же, что я его в данном случае не защищаю. Конечно, поступок грубый, но ведь...

З о р и н а. Ну и нечего зря трепалогию разводить. Идем!

Все трое направляются к выходу. Курков — сзади, понурясь. Навстречу входит Б е к м а н.

Бекман. Товарищ Зорина, а я вас везде разыскиваю... Как ваше здоровье?

Зорина. Ничего. Спасибо... По делу, что ли?

Бекман. Да, небольшое дело.... Но я хотел бы только с вами...

Зорина. Вы пройдите, товарищи, и ждите меня в месткоме. Сейчас оборочусь.

Курков и сутулый студент уходят.

Бекман. Товарищ Зорина, я к вам, как к уважаемому партийному товарищу. Я старик, конечно, но я предан советской науке — и вдруг такая грубость... У меня был спор с профессором Котельниковым, чисто научный спор, при студентах. Профессор Котельников держал себя крайне вызывающе — и вдруг в стенгазете меня же рисуют в глупом виде и с надписью, оскорбительной надписью: «Профессор Бекман, который верит в душу и боится советского духа».

Зорина. Опять Котельников?

Бекман. Как опять?

Зорина. Да, расходился. Удержу нет. Сейчас уборщицу хватил мордой об стенку. Просто сладу нет с человеком!

Бекман. Профессор Котельников? Уборщицу? Такой культурный человек?

Зорина. Вот вам и культурный.

Бекман. Вы меня простите, товарищ Зорина. Может быть, я вмешиваюсь не в свое дело, но я не могу равнодушно относиться к науке. У профессора Котельникова наблюдаются некоторые странности. Он явно неуравновешен. Он, конечно, крупный ученый, но я боюсь, что в его работах больше спортивного азарта, чем подлинной науки. Его идеи похожи на фантазии, а не на научные проблемы. В науке нужна постепенность, осторожность, проверка... В своей горячности он может сорваться и попасть в смешное положение. А это будет ужасно — университет потеряет крупную силу. Мы должны дорожить такими людьми, как-то оберегать их и вовремя предостерегать от рискованных поступков. Его нужно поставить под общественное наблюдение, под рабочий контроль.

Зорина. По всему видать, что без этого не обойтись, а то что хочет, то и делает, никакого отчета. Только дерзит да руками размахивает. Прижать нужно.

Б е к м а н. Конечно... Я вам вполне сочувствую... Если осторожно, по-товарищески поставить его на место, он будет ценным работником. У нас так мало людей, которые честно служат Советской власти.... Я не говорю о себе, но...

З о р и н а. Вы, Венедикт Львович, человек надежный.

Б е к м а н. Я вам очень благодарен, товарищ Зорина.

З о р и н а. Ну, прощайте. Побегу акт писать.

Б е к м а н. Только помягче... только поосторожней... Чуткость и еще раз чуткость.... Так убедите студентов снять эту глупую карикатуру?

З о р и н а. Ладно.... Поговорю. *(Уходит.)*

Б е к м а н *(один)*. Ну, профессор Котельников... мы посмотрим. Я научу вас уважать седины и авторитет науки.

З а н а в е с

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Ночь. Дверь. Вывеска: «Пивная». У двери б е з р у к и й н и щ и й. Из двери, шатаясь, выходит Г о ш а. Останавливается возле нищего.

Н и щ и й. Подайте, Христа ради, добрый гражданин, что будет от вашей милости, бессчастному страдальцу от несправедливой жизни.

Г о ш а *(качаясь, руки в карманах)*. Что? Ты просишь у меня, нищий? Ты говоришь о несправедливой жизни? Я беднее тебя. У тебя нет рук, и тебе не нужно думать, куда девать их. А у меня есть руки, и я должен прятать их, чтобы их не связали... Я несчастнее тебя, нищий... Подай мне.

Н и щ и й. У меня нет ничего, ваша милость.

Г о ш а. Ты лжешь, нищий... У тебя есть место, прочное место под дверью пивной, откуда тебя никто не гонит, и даже проходящий милиционер иногда бросает тебе пятак... А у меня нет места... У тебя в твоей шапке блестит под фонарем мелочь, а я оставил только что последний рубль на липком столе пивной.... Поделись со мной... Отдай мне половину твоего сбора.

Н и щ и й *(угрожающе)*. Уходи... А то я закричу.

Г о ш а. Видишь!.. Ты уже учел свои преимущества. Ты еще можешь позвать на помощь, и к тебе придут на помощь... Но ты забыл, что ты без рук... Прежде чем ты крикнешь, я смогу сдавить твою глотку... Я ограблю тебя... нищего.

Н и щ и й *(кричит)*. Караул!

Г о ш а. Ха-ха-ха... Ты уже испугался... жалкое безрукое чучело! Ты струсил, жадная тварь!... Не ори!.. Я пошутил. Вот тебе двадцать копеек. *(Бросает в шапку.)*

Н и щ и й. Дай господь здоровья вашей милости... Пошли вам высокую радость, благодетель...

Г о ш а. Сволочь!.. Продажная сволочь!.. *(Отходит.)* Земля кружится... все кружится... Он сказал: «Конец, если не бросите». Конец?.. Но я жить хочу... Слышите... вы... жить хочу!.. *(Идет, шатаясь.)*

Навстречу ему появляется П а л л а д и й, сопровождаемый Г а в р и и л о м.

Г а в р и и л. Ваше преподобие... пройдем сторонкой. Некий упившийся. Может причинить злодеяние...

П а л л а д и й. Пьяный подобен ребенку. Не бойся.

Г о ш а *(поравнявшись, вскидывает глаза на Палладия и снимает широким жестом шляпу)*. Миль пардон... ваше преподобие... Представитель ссудного банка «Всевышний и К°»? Бонжур!

П а л л а д и й *(спокойно)*. Стыдно доброму христианину упиваться.

Г о ш а. Что вы, ваше преподобие?.. Я шествовал в храм приветствовать директора банка... но по дороге завернул в храм мамоны... Мне все равно, какой бог — облачный или бутылочный.

Г а в р и и л. Замолчи, упивох!

П а л л а д и й *(кротко)*. Отпускаю тебе грех богохульства, совершенный в помрачении. Да просветит всевышний твой разум!

Г о ш а *(проходя)*. Мерси... *(Скрывается.)*

П а л л а д и й *(смотря вслед, Гавриилу)*. Гляди... Грешника сего сделаю орудием промысла в борьбе за дело Христово....

Темнота. Из темноты вырисовывается угол бульвара. Скамья у решетки над речным обрывом. За рекой видны огоньки. На скамье Л е в ч е н к о-о т е ц, Л е в ч е н к о-с ы н и К у р к о в.

К у р к о в *(продолжая ранее начатое)*. Музыка действует на меня странно, упоительно. Я слышу, как рас-

крываются и начинают петь стихии. У инструментов голоса стихий... Духовые — стихия воздуха... ветров — от легкого дуновения флейты до ураганного всхлипа тромбонов и басов. Струнные — вода... Журчащий плеск ручейка в тремоло скрипки, ровное гудение прибоя в низких тонах виолончели, рев океанской волны в гуле контрабасов. Ударные — огонь. Звон догорающих углей в дрожи треугольника, вихрь огня в рокоте барабанов и литавр, грохот рушащихся балок в грозных раскатах тулумбасов...

Левченко-отец. Хорошо рассказываешь, Леонид Павлович... Слушаешь тебя, глаза закроешь — и все так явственно, как будто видишь.

Левченко-сын *(иронически)*. Любитель высокого строя!

Левченко-отец. Что ж! Это хорошо — уметь чувствовать... Гляди, Василий, больно хорошо за рекой. Огоньки вон.

Левченко-сын. Отдыхаешь, батька? Устали старые кости?

Левченко-отец. А ты думал? Покрутись на моей работе...

Левченко-сын. Эх, старик!.. Хорошо! Весна. Воздух как сметана... Сегодня ездил в слободу. Там молотки стучат, как кузнечики, леса смолой пахнут, желтые, золотистые, свежие, высокие. Шум, рокот, растут новые клиники... Вот где работать будем... Не то что в нашей прогнившей вековым чадом болезней казарме... А Леонид этого вот не понимает.

Курков. Почему не понимаю?... Только это — будни.

Левченко-отец. Будни — тоже хорошее дело, Леонид Павлович. Одними праздниками не проживешь — тошнить станет. *(Пауза.)* Радуешься, значит, Василий? Радуйся! Ладная вам, молодым, жизнь под ножки стелется. А только не забывайте на радостях, как нам, старикам, жилось. Мы вам своим горбом все готовое выстрадали. Вот сидим мы с тобой на скамейке, на реку любуемся. А ты помни, что пятнадцать лет назад меня с тобой отсюда фараон бы сгреб, чтоб чистой публике вида не портили.

Левченко-сын. Было и прошло.

Левченко-отец. К тому и помнить заказываю, чтоб не вернулось... Вы, нынешние, больно лихие. Шапками закидываете. Не пробросайтесь.

Левченко-сын. С чего у тебя страхи такие?

Левченко-отец. А на всякий случай... Ну, как работаешь?

Левченко-сын. Вовсю работаем. Огромное дело, батька, Котельников завернул. Такое дело, что всю медицину вверх ногами поставим.

Левченко-отец. Я ж и говорю — шапками закидаем.

Левченко-сын. А ты не брюзжи, старый хрыч.

Левченко-отец. Гляжу я на тебя, Василий, и радостно мне и смешно. Врач Левченко. Который это? Михайлы Левченко сын, того Левченко, что весь свой век в дыму, в копоти, в темноте, как крот, проползал?.. Ха-ха... Разве ж думалось-гадалось? Ну, рассчитывал: хотя бы Ваську в помощники машиниста на чугунку вывести... Все легче, чем отцовская доля... А вон что вышло. Доктор у меня Васька... Доктор!.. Ах ты, леший! *(Хлопает сына по плечу.)*

Далекий оркестр начинает играть Гайдна.

Курков. Погодите, Михаил Викентьевич, внук наркомом будет или полпредом. И поедете вы, старый дед, в Европу — насмотритесь.

Левченко-отец. И поеду я по Берлину в автомобиле, а кругом буржуи смотрят — и видят: старый Левченко, Левченко из Конотопа, в гости к полпреду едет. Только, Василий, помни одно. От предков не отрывайтесь, с чумазыми связь держите, чтоб полпред знал, что у станка делается, а наш брат в полпредских делах разбирался. То-то... *(Пауза.)* Ну, пойдем, брат. Зайдем ко мне чайку попить?

Левченко-сын. Конечно.

Левченко-отец. А ты, Леонид Павлович?

Курков. Я посижу еще, музыку послушаю.

Левченко-отец. Ну, будь здоров! *(Уходит с сыном.)*

Курков *(один, сидит, откинувшись на скамью, и тихо подпевает мелодии оркестра)*. Тара-ра-рам, та-та... та-та-та-там... Музыка волны...

Входит Соседкин в кожаном пальто, крагах и кепи.

Соседкин. Ночь темна, как загадки сфинкса... О, кого я вижу! Будущему Достоевскому нашей эпохи — всеподданнейший привет! Вы как здесь?

Курков. Я люблю гулять ночью.

Соседкин. Я тоже. Я разыскивал одну прелестную девушку, но она надула меня. Очень рад, что мои страстные блуждания привели меня к вам. Ну как? Пишете?

Курков. Немного... Я несколько обескуражен приемом в вашем литкружке.

Соседкин. Пренебрегите... Рабкоры! Разве они понимают литературу? Вы не поверите, как тяжело мне сейчас работать в газете. Меня держат из милости, на меня косятся, говорят, что я устарел, чужд новым формам прессы... В нашей редакции я последний из могикан старой журналистики, остальных вычистили. И кто? Мальчишки, склочники, вся радость которых в писании мелких ежедневных тоскливых доносов за невбитый гвоздь, потерянную тряпку. Газета уныла, как простыня, которую покинули любовники. Нас уничтожают щенки, невежды, которые не понимают, что газета — это жизнь, сенсация, вдохновение... Они копаются в серой мути производства, как утки в помоях... Разве они могут почувствовать творческий подъем, понять вас?... Они — натуралисты, вы — романтик! Впрочем, вы ведь и врач?

Курков. Да, я врач, но мне хотелось бы быть писателем.

Соседкин. Берите и то и другое. Могий вместити да вместит... В частности, вы, кажется, работаете у знаменитого Котельникова?

Курков. Да.

Соседкин. В таком случае позвольте узнать... До меня дошел слух, что у него какая-то неприятность в клинике. Говорят, он побил уборщицу.

Курков. Совершенный вздор! Он никого не бил. Он просто выгнал уборщицу, которая чуть не разбила прибор. А председатель месткома раздула дело и составила акт. Это глупость, которую нужно ликвидировать.

Соседкин. Значит, все-таки акт составлен?

Курков. Ну да же... Страшная чепуха!

Соседкин. Конечно... Конечно.. Кстати, справедливы ли разговоры о его работе?

Курков. Какие разговоры?

Соседкин. Что он на пути к открытию, так сказать, бессмертия?

Курков. То есть не бессмертия. Бессмертие может рассматриваться как очень отдаленная цель. Оно далеко, как эти весенние звезды.

Соседкин. Как поэтично!.. Вы говорите, бессмертие — отдаленная цель. А что же практически?

Курков. Его работа разрешает вопрос об очищении отравленной крови.

Соседкин. То есть...

Курков. Видите ли... При отравлении кровеносной системы или тяжелых инфекционных заболеваниях: тиф, скарлатина — наступает общий распад крови. Красные кровяные шарики уходят в плазму, кровь обесцвечивается, теряет свои свойства, жизнедеятельность, свертывается. Происходит явление, которое называется в медицине гемолизом... Оно считалось смертельным, ибо не было средств очистить сразу всю кровь от ядов и восстановить ее нормальное состояние. Сейчас это достигнуто. Опыты над животными дали блестящие результаты. Остается проверить на человеке.

Соседкин. Феноменально!.. Значит, любого мертвеца можно на ноги поставить?

Курков. Нет. Применение операции возможно, лишь пока кровь хотя и отравленная, но циркулирует еще в сосудах, чтобы ее можно было вывести из организма в жидком состоянии.

Соседкин. Так... Но возможна ведь и неудача при опыте на человеке?

Курков. Конечно, возможна... Как и при всяком опыте... Знаете что, оставим этот разговор. Мне неприятно. И так много болтовни. Мы стараемся оберегать Николая Николаевича от всяких сплетен и слухов.

Соседкин. Вполне разделяю. Это так благородно... Учитель и любящие, преданные ученики. Я понимаю. Ужасно рад нашей встрече. А вы все же приходите на литкружок, не бойтесь критики. По-прежнему по шестым числам. До свидания.

Курков уходит. Соседкин бросается к фонарю, достает блокнот, стремительно пишет.

Соседкин. Возможна неудача... Непроверенная теория... Авантюра... Сейчас девять часов... Полным ходом в клинику... узнать адрес предместкома... Сумасшедший профессор... Не фельетон выйдет — шоколадка с начинкой. Оп-ля — мы живем!

Занавес

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Кабинет Котельникова в клинике. Крашенные масляной краской стены. Письменный стол, крашеная мебель. На диване М о л ч а н о в а в черном платье. Л е в ч е н к о-с ы н ходит из угла в угол.

Л е в ч е н к о. Как назло... как назло... Угораздило же всему этому разыграться, когда никого из нас не было! Только этот романтический недоносок Курков сидел. Даже сообразить не мог. Вчера мы с ним битый час вместе по бульвару прохаживались — и ничего толком не мог рассказать. «Котельников выставил Котову, поругался с Зориной...» Я думал, пустяки. Оказывается вон что, факт остается фактом — он Котову о стену саданул. Но ведь и то, что она выкинула, не пустяк. Его поступок — почти необходимая самооборона. Можно говорить лишь о превышении. А Зорина раздула горой.

М о л ч а н о в а. Зорина — тупая чинушка. Ходячий футляр для лозунгов.

Л е в ч е н к о. По-своему она должна была реагировать. Но нужно же все облекать в нормальные формы...

М о л ч а н о в а. Она с утра помчалась бучу крутить везде, где можно.

Л е в ч е н к о. А вот я ей на коллективе тоже закручу — не обрадуется.

М о л ч а н о в а. Главное, Котельников тоже страшно раздражен. Вся его интеллигентская гордость на дыбы встала. Уладить будет трудно. Он на компромиссы не пойдет.

В распахнутую дверь стремительно влетает Г е р о н с к и й. Шляпа на затылке. Из кармана торчит угол газеты.

Г е р о н с к и й. А, вы здесь? Ну, что вы скажете? Какое скотство! На два столбца, и какая развязность!

Л е в ч е н к о. Какие два столбца, Лев Сергеевич? В чем дело?

Г е р о н с к и й. Да вы газеты читали?

Л е в ч е н к о. Откуда же? Я дежурил ночь, а Евгению в шесть часов утра к умирающему вызвали... А что?

Г е р о н с к и й. Тогда смотрите... Вот! *(Тычет газету.)*

Л е в ч е н к о *(взглянув)*. Как?

Г е р о н с к и й. Нет, вы читайте.

М о л ч а н о в а. Читай вслух.

Л е в ч е н к о. Статьища! На второй полосе. Одна шапка чего стоит! «Безумный Держиморда в клинике»... А?.. Слушай. «Мы были уверены, что вместе с регалиями свергнутого строя безвозвратно ушли в музей курьезов и красочные персонажи этого строя — пристава, городовые и прочие держиморды. Но мы были в наивном заблуждении. Держиморда жив, он управляет университетской клиникой и во всю ширь разворачивает свои замашки в условиях нашего солнечного социалистического строительства...» Каково?

Г е р о н с к и й. Стиль... стиль какой!

М о л ч а н о в а. Какая неслыханная мерзость!... Дальше что?

Л е в ч е н к о *(проглядывая)*. Дальше. Дальше все как следует... Обвинение в избиении уборщицы... ненаучный уклон Котельникова... авантюризм... Ого!

М о л ч а н о в а. Это я знаю, откуда. Тут не без Бекмана.

Л е в ч е н к о. Подожди.. Трата советских средств на бредовые затеи...

Г е р о н с к и й. Это же ложь!.. Какие советские средства?.. Ни копейки!

Л е в ч е н к о. Кого вы убеждаете? Меня? Не по адресу. Ну, Зорина меня на смертном одре помянет!

Г е р о н с к и й. Вот что... Я удрал к вам из лаборатории.... Спешу, как на пожар. Вы тут без меня обсудите, а потом позвоните. *(Убегает.)*

Л е в ч е н к о. Ну, Женя, что скажешь?

М о л ч а н о в а *(тихо)*. У меня слов нет.

Л е в ч е н к о. Не нужно... Сейчас же действовать!

М о л ч а н о в а. Что ты думаешь делать?

Л е в ч е н к о. Вчера у меня разговор с отцом был... Занятный... Обо всем. Ну, старик кстати напомнил о наших корнях... О том, что нам, новой интеллигенции класса, нужно крепко держаться за свою почву, за класс... Я знаю, что делать... Пусть на меня не сетуют. Я всю шайку выверну, как перчатку. Тут не один человек работал.

М о л ч а н о в а. Ясно... Как бы только ослабить этот удар для него?

Л е в ч е н к о. Успел ли прочесть? Если успел — плохо...

Входят К о т е л ь н и к о в с К у р к о в ы м. Котельников держится нарочито бодро. Обычно сутулая фигура выпрямлена. Раздражен.

К о т е л ь н и к о в. Что это значит, товарищи? Я просил начинать обход в девять, а сейчас сорок пять десятого. Прошу, чтобы это не повторялось, иначе придется принять решительные меры... Прошу отправляться на обход.

Л е в ч е н к о *(тихо Молчановой)*. Успел.

К о т е л ь н и к о в. Кроме того, Евгения Григорьевна, приготовьтесь временно принять клинику.

М о л ч а н о в а. Принять клинику?

К о т е л ь н и к о в. Да... Я подаю заявление об уходе.

Л е в ч е н к о. Николай Николаевич!..

К о т е л ь н и к о в. Товарищ Левченко, я не намерен с вами беседовать на эту тему.

Л е в ч е н к о. Простите... Идем, Евгения. *(Уходит с Молчановой.)*

К о т е л ь н и к о в. Вы что-то хотели мне сказать?.. Скорей. У меня нет времени.

К у р к о в *(волнуясь)*. Выслушайте меня, Николай Николаевич. Я сам себе гадок и отвратителен... но я, я во всем виноват... Все-из-за меня...

К о т е л ь н и к о в. Что из-за вас?..

К у р к о в. Все... Я нелепый человек, Николай Николаевич... Я слепой... Я слышу музыку стихий и не слышу жизни... Когда я работаю в клинике — мне хочется писать роман, а когда начинаю писать — меня тянет в клинику. И вообще я путаник.

К о т е л ь н и к о в *(мягче)*. Я вижу. Не волнуйтесь. Дальше.

К у р к о в. Я мягкотел, как моллюск. Я боюсь каждого окрика. Зорина налетела на меня, терроризировала, и я в обалдении подписал ее акт... Потом этот репортер... Он окрутил меня, как гадюка. Он притворился, что интересуется вашей работой, я поверил и наболтал лишнего... Николай Николаевич, если бы вы могли понять, как мне стыдно... Я вас уважаю, я преклоняюсь перед вами, и я же вас предал... Я, я не переживу. *(Закрывает лицо и плачет.)*

К о т е л ь н и к о в. Да вы что? Вот это уж ни к чему... Вы хороший юноша, честный юноша, отличный работник, только путаник, как сами сказали. Вы не виноваты. Виновата логика обстоятельств. Ну, перестаньте плакать... Такой большой!

К у р к о в. Не утешайте меня, Николай Николае-

вич... Мне будет очень тяжело жить в сознании преступления...

Котельников. Преступления? Какие глупости, милый! Разве преступление, что вы споткнулись о гнилую корягу на пути и сами больно расшиблись? Если бы вы знали, как мы спотыкаемся, как мы падаем! Бросьте слезы. Идите работать.

Курков. Работать? Значит, вы мне верите? Вы не отталкиваете меня?..

Котельников. Эх вы, милый юный чудак! *(Тепло обнимает Куркова.)* Ну, а теперь ступайте. Вас ждут больные.

Курков. Николай Николаевич... Я так счастлив!.. Нет... не могу... *(Убегает.)*

Котельников *(сел к столу, взял перо, задумался)*. За один шаг от цели... За один шаг! Как я устал...

Пауза. В двери появляется Молчанова.

Молчанова. Можно?

Котельников. Евгения Григорьевна? Пожалуйста. Кстати поговорим о сдаче дел.

Молчанова. Я не об этом пришла говорить. Я пришла для борьбы.

Котельников. С кем?

Молчанова. С вами и за вас.

Котельников. Напрасно. Я вам этого не позволю. Я не переменю решения.

Молчанова. Вы много берете на себя, Николай Николаевич. Вы можете не разрешить бороться с вами, но бороться за вас, за работу, я буду самостоятельно и без разрешения. Борьба за вас — для меня борьба за науку, за будущее моей страны.

Котельников. Но я тоже не стану спрашивать позволения уйти... Или вы предпишете мне остаться в административном порядке, методом революционного насилия? Кажется, это так называется? Или обвините в саботаже, вредительстве?

Молчанова. Если бы это было нужно для дела, я не остановилась бы и перед этим. Но напрасно вы заговорили так. Это не ваш голос, это голос Бекмана. У вас не выходят эти ноты. Несмотря на ваши старые корешки, вы вышли с нами на солнце, сами не замечая этого. Вы вросли в нас.

Котельников. Я врастал, но меня вырвали...

Грязной рукой анонима. Меня облили ушатом помоев — и никто не остановил эту руку. Я уйду домой.

Молчанова. Домой? А где ваш дом?

Котельников. У меня.

Молчанова. Зачем вы говорите неправду? Загляните в себя, ответьте честно. Недавно вы говорили, что у вас нет дома вне клиники. Ваш дом здесь.

Котельников. Что же, мне писать опровержения? Доказывать, что я чище альпийского снега? Оправдываться? Перед кем? Перед развязным проходимцем?

Молчанова. Оправдываться? Нет. Этого от вас никто не требует. Но отстаивать свое место в обществе — да. Но отстаивать свое дело — да. А уйти в сторону с вымытыми руками из-за личной обиды — это трусость.

Котельников. Вы суровый прокурор!

Молчанова. Да... Я прокурор нашей науки, которой вы в эту минуту изменяете. И если вы не хотите бороться, мне стыдно за вас. Когда человек калека и не может ходить, его ведут под руки другие. Что ж, поведем!

Котельников. Простите... Для чего вы взваливаете на себя груз борьбы за меня?

Молчанова *(после паузы)*. Вы хотите знать? *(Идет к двери и останавливается на пороге.)* Хорошо... Я коммунистка, и каждое общественное дело — мой долг. Я люблю науку, которой я отдам свою жизнь... И, наконец, примите это как хотите, но... я ненавижу интеллигентское прекраснодушие, пошлое непротивление злу, это отвратительное желание во что бы то ни стало сохранить девственную чистоту своих риз, хотя бы ценой гибели всего мира... Противно! *(Скрывается.)*

Котельников *(шатнулся, как от удара, выпрямился.)* Евгения Григорьевна! *(Пауза. Опускается в кресло, уронив голову в ладонь.)*

Занавес

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Угол цеха. Левченко-отец в предохранительных очках сваривает автогеном два железных листа. Ему помогает молодой рабочий, подвигая лист по стойке.

Левченко-отец. Ты, дружок, ровней подвигай. Не толчками, а так вот, чтоб как по маслу ехало.

М о л о д о й   р а б о ч и й. С непривычки не приспособишься.

Л е в ч е н к о - о т е ц. Молодой — нестреляный. Из деревни небось?

М о л о д о й   р а б о ч и й. Три месяца.

Л е в ч е н к о - о т е ц. Что ж у себя не захотел сидеть? В деревне дела нынче много.

М о л о д о й   р а б о ч и й. Учиться хочу. В городе способнее, выходит. Выучусь — может, и обратно поеду.

Л е в ч е н к о - о т е ц. Учиться? Это дельно, молодой! Толк выйдет.

Гудок.

Ну вот, мы с тобой и отработали. Теперь перекусить можно.

Появляется В а с и л и й   Л е в ч е н к о.

Л е в ч е н к о - с ы н. Батька ты мне нужен.

Л е в ч е н к о - о т е ц. Ты откуда взялся?

Л е в ч е н к о - с ы н. Прямо из клиники. Вот в чем дело, батька. *(Вынимает газету.)*

Л е в ч е н к о - о т е ц. Про Котельникова?

Л е в ч е н к о - с ы н. Ты уже знаешь?

Л е в ч е н к о - о т е ц. Грамотный.

Л е в ч е н к о - с ы н. Тем лучше. Я за помощью, батька. Гадость, склока! Надо браться вкрутую сразу. Это не мелкая дрязга. Здесь травля. Настоящая густопсовая травля ученого, своего человека, большого человека. Наш вчерашний разговор о корешках помнишь? Ну вот, я и пришел к тебе, старик, к корешкам.

Л е в ч е н к о - о т е ц *(после паузы кладет руку на плечо сыну)*. Слушай, Василий, а ты сперва скажи прямо, начистоту. Может, и в самом деле огонь есть, раз дым пошел? Может, и впрямь что-нибудь не так? Может, ты не разбираешься полностью и пришел к нам помощи искать против нас же, за чужого?

Л е в ч е н к о - с ы н. Что же, ты думаешь, если я от станка ушел, так и сознание у меня затмилось? Стыдновато, батька! Я за партийной правдой пришел. Потому и пришел сюда, а не в милицию или в нарсуд.

Появляются Л а р и ч е в, п е р в ы й, в т о р о й и т р е т и й р а б о ч и е, направляющиеся в столовую.

Л е в ч е н к о - о т е ц. Ну, если так, тогда поговорим. Вот, кстати, и Ларичев идет. Семен Гаврилович, подика сюда. Дело есть.

Л а р и ч е в *(останавливается, рабочие тоже)*. А что приключилось, это самое?

Л е в ч е н к о - о т е ц. Вот это самое и приключилось... Сына знаешь моего?

Л а р и ч е в. Слыхать приходилось. Здравствуй, товарищ!

Л е в ч е н к о - с ы н. Здорово, товарищ Ларичев.

Л а р и ч е в. На практику к нам, что ли?

Л е в ч е н к о - с ы н. Пока нет. Другой сорт... Нужна помощь, товарищ Ларичев. Газету сегодня видели? Знаете, значит, что у нас в клинике? Нужно отстаивать Котельникова. Против него целый фронт.

П е р в ы й р а б о ч и й. Котельникова отстаивать? Это по какому же случаю, товарищ? Человек работницу побил, а мы его отстаивать? Пусть сам себя отстоит!

Л е в ч е н к о - с ы н. Товарищи, да ведь это не так. Ведь это ложь! За этой газетной чепухой стоят темные силы, накипь, дрянь — все, кому не по нраву работа Котельникова. Котельников — советский ученый. Котельников — передовик, лучшее, что есть у нас в университете, и за это его хотят загрызть.

В т о р о й р а б о ч и й. Что советский — это дело третьего десятка, а вот ты скажи: с уборщицей дело было или не было?

Л е в ч е н к о - с ы н. Никаких побоев не было. Ложь! Просто он ее вытолкал довольно неделикатно, но такие обстоятельства были...

П е р в ы й р а б о ч и й. Ну, какие там ни будь обстоятельства, а за такие штуки не помогать надо, а крыть, чтобы неповадно было.

Л е в ч е н к о - с ы н. Погодите, товарищи... А разве я говорю против? Надо крыть, и я это говорю,— и за такой поступок и покроем. Но нужно, чтобы крыли свои руки, чтобы наказание ударило по человеку, но не по работе. А тут все подстроено так, чтобы одновременно с Котельниковым скомпрометировать работу. Такую работу, товарищи, которая до мозга костей для рабочего класса. Потому и встала многим поперек горла.... Я вас об этом и прошу: возьмитесь сами, и сами дайте каждому по заслугам. Я к вам не оправдывать Котельникова пришел,

я за защитой пришел для нашей науки, которую затоптать хотят.

Третий рабочий. А я, товарищ, вот что скажу. Конечно, мы в этих делах мало разбираемся, но только прислушаться стоит. Я о Котельникове много слыхал. И все больше хорошего. Надо вникнуть. Если проштрафился — одернем, на то и хозяева. А с кем не бывает? А с кондачка решать — как бы, мывши посуду, горшки не побить!

Ларичев. Дело говоришь, то-се... Надо и в самом деле подумать... Ты что предлагаешь, товарищ Левченко?

Левченко-сын. Вам виднее... По-моему, нужно широкое обследование с участием рабочей общественности. А выводы обсудить с профессурой и студенчеством. Как по-вашему?

Ларичев. Отлично, это самое... Я думаю, это ладно будет. Все одно мы тоже в одиночку с таким делом не справимся. Тут всякие ученые каверзы, это самое, пойдут... Так, что ли, товарищи?

Второй рабочий. Всего вернее.

Первый рабочий. А мое мнение все прежнее.. Не стоит нам в интеллигентскую свару соваться. Пусть сами друг другу глотку рвут.

Ларичев. С виду ты будто и ладный парень, а голова у тебя деревянная, товарищ. Если мы так рассуждать, это самое, начнем, так что же из этого выйдет? Подумал бы как следует. А интеллигенция у нас на кого работает? На себя или на нас? Мы-то в ее работе заинтересованы, или нам плевать, кто там верховодить будет и что нашим ребятам подносить будут?.. С таким понятием, как у тебя, недолго, то-се и в дырку свалиться...

Левченко-отец. Правильно, Семен Гаврилович! Верно!

Первый рабочий. Не люблю я с умниками возиться.

Ларичев. Потому что у самого умишко пасует... А ты поднатужься... Так вот тебе ответ, товарищ Левченко, это самое... Предложение твое дельное. Сейчас позвоню в райком, согласуем, чтоб не было самочинства, и тогда развернем дело и вширь и вглубь. Так?

Левченко-сын. Сговорились! Тогда я в клинику!

Ларичев. Погоди! Что ж ты на нас все валишь?

Ловок, парень! Нет, ты тоже потрудись. Пока я все с райкомом утрясу, а ты вечерком к нам в клуб загляни. Я актив подберу, ты и выступи. Расскажи толком, в чем у вас научное, это самое, значение и прочее такое. Там и людей выделим.

Левченко-сын. Согласен!

Ларичев. Вот! Тогда пошли, чтоб время не терять.

Идут к выходу.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Часть амфитеатра скамей аудитории. На эстраде стол. На скамьях студенты, рабочие. За столом председательствует Ларичев. По сторонам его Бекман, Левченко-отец, третий рабочий, первый студент. Второй студент ведет протокол. На первой нижней скамье амфитеатра Молчанова, Левченко-сын, Курков. На эстраде Зорина. При поднятии занавеса гул голосов.

Зорина. Не перебивайте, товарищи... Меня криком не запугаете... Говорите — партия? Так не партия над профсоюзами. Партия — в свою линию, мы — в свою.

Левченко-сын *(с места)*. Попугай!.. Зазубрила: «профсоюзы», «партия», а в черепушке бюрократическая размазня.

Ларичев *(звонит)*. А ну, поспокойнее!.. Ты, молодой, не горячись. Продолжай, Зорина.

Зорина. Так я и говорю. Какой мы объективно имеем случай? Профессор — и трудящаяся чернорабочая. Должен он понимать или нет? А он срывает политику. Этого и встарь не было, чтоб неграмотную женщину об стену швыряли.

Курчавый студент. Она два года в клинике служит — а вы, председатель месткома, подумали, что ее грамоте нужно обучить?

Гул одобрения.

Зорина. Молодой ты еще, товарищ, меня учить... Так я вот и говорю, что такие дела оставлять без внимания нельзя.

Ларичев. Значит, ты настаиваешь на своей правоте, что действовала, как следует?

Зорина. А то что же?

Ларичев. Ладно!

Зорина сходит с эстрады.

Значит, товарищи, это самое, подбираемся к концу... Показания профессора Котельникова мы заслушали, врачей — тоже... Зорина отговорилась. Кто желает еще что-нибудь сказать?

Курчавый студент. Позвольте...

Ларичев. Полезай сюда, это самое.

Студент вспрыгивает на эстраду.

Курчавый студент *(говорит горячо)*. Товарищи... Вот мы слышали тут много выступавших. Одни — за профессора Котельникова, другие — против профессора. Хуже всех против профессора Котельникова говорила товарищ Зорина. У нее точка зрения узкая, как иголка. Я буду говорить за профессора. С новой стороны, товарищи, которую никто не упомянул. Мы строим пятилетку нашей науки, товарищи. Марксистской науки, товарищи. Профессор Котельников не только вместе с нами ее строит. Он дальше пошел. Вот его работа. Что это такое, товарищи? Он вперед прыгнул. Это не пятилетка, товарищи,— это уже пятидесятилетка... Он нам на многие годы задал работу... Разве это не плюс профессора?.. Кроме того, профессор Котельников всей жизнью борется против религии. А он не комсомолец, товарищи. Он в прошлом веке родился, он в другой обстановке формировался... Об этом никто не сказал. А медицина — одно из главных орудий против религии. Медицина — кинжал в религию, товарищи... Я — за профессора Котельникова. И всякий, кто за социализм,— за профессора Котельникова.

Аплодисменты. Курчавый студент сходит.

Ларичев. Теперь... заслушаем профессора Бекмана...

Сутулый студент. Простите товарищ председатель, я бы просил дать мне еще кратко высказаться.

Л а р и ч е в. Предлагаю, товарищи, на данном ораторе, это самое, закончить прения.

Г о л о с а. Правильно...

— Принято.

С у т у л ы й с т у д е н т. Коллега здесь говорил за профессора Котельникова. Я также в принципе ничего не имею против профессора, но хотел бы подчеркнуть некоторые детали, характеризующие стадии логического развертывания данного казуса... Прежде всего, я считаю несправедливыми нарекания на товарища Зорину. Не надо забывать, что состав аудитории в массе — высококвалифицированные интеллигенты, а товарищ Зорина — из рабочей среды, одна из тех незаурядных личностей, которых выдвигает рабочий класс на руководящие посты. Если она не умеет плести тонкие дипломатические сети, обвинять ее за это нельзя. Она ставит вопросы резко, по-большевистски, за это ее нужно уважать. Теперь о профессоре Котельникове. Может, у него есть много положительных сторон, но я долго наблюдал его и должен сказать, что основной чертой его является чрезмерное самомнение и презрение ко всем ниже стоящим. Его поступок с уборщицей поэтому не случаен, он вытекает из всей его природы, он только наружное выражение высокомерного отношения профессора Котельникова к трудящимся массам, которые он, по старой привычке, расценивает как стадо...

Г о л о с. Вздор!

С у т у л ы й с т у д е н т. Нет, не вздор, товарищи. Такие профессора, которые не могут спуститься с высоты своего самолюбия и стать наравне с трудовыми массами, не нужны нам, строящим Советскую страну, как бы они ни были ценны... Профессор Котельников кафедру занимать не может.

Два-три хлопка.

Р а б о ч и й с п о д в я з а н н о й щ е к о й *(поднимает руку)*. Слова!

Л а р и ч е в. Прения кончены!

Р а б о ч и й с п о д в я з а н н о й щ е к о й. Справку... По вопросу предыдущего оратора.

Л а р и ч е в. Как, товарищи?

Г о л о с а. Дать... Пусть говорит.

Л а р и ч е в. Ну, скорей, это самое.

Рабочий с подвязанной щекой. Я насчет личности оратора... Оно занятно, товарищи, выходит. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся. Они вот себя, выходит, в строители записали. А между прочим, я их личность видал нонче в пасхальную ночь. И любопытно видал, товарищи. Я с демонстрацией шел, а они навстречу в крестном ходе хоругву несли! И еще меня сволочью обругали. Вот что они строят, товарищи!

Взрыв криков и хохота.

Сутулый студент. Ложь!.. Я вас никогда в жизни не видал!.. Провокация!

Рабочий с подвязанной щекой. Может, вы меня в горячности не видали, гражданин, а я вас крепко запомнил. Еще вы в злобе на штиблет мне плюнули. Обида меня взяла, хотел вас стукнуть, да очки пожалел...

Хохот.

Сутулый студент. Я протестую...

Хохот.

Ларичев. Больше слова не дам... Опротестуете после... Предлагаю коллективу обратить внимание.

Первый студент. Сами не забудем.

Сутулый студент скрывается.

Ларичев. Слово имеет профессор Бекман.

Движение.

Бекман *(выходит из-за стола к краю эстрады)*. Уважаемые товарищи! Страсти очень разгорелись, и я попробую их погасить. Я не буду вспоминать резкого поступка Николая Николаевича, о котором здесь все сказано. Не в нем центр вопроса. Это — мелочь, и мелочь раздутая. Я сам просил товарища Зорину быть помягче и осторожней. Вспышка гнева возможна одинаково у интеллигента и пролетария. Она биологична. Я обращаюсь исключительно к научной стороне вопроса. Тут мои взгляды резко расходятся со взглядом профессора Котельникова. Опыты, над которыми работал четыре года Николай Николаевич со своими сотрудниками, несомненно, интересны, но — да простится мне такое определение — они являются, может быть, любопытным, но все же научным фокусничеством. Он идет по стопам бельгийских физио-

логов, идеи которых осуждены западной наукой как фантастические. Бельгийцы демонстрировали опыт пересадки головы одной собаки другой, причем голова некоторое время сохраняла зрение, осязание, слух, и мозг руководил двигательными центрами. Но ни разу не удалось сохранить жизнедеятельность на сколько-нибудь продолжительный срок — собаки умирали. К этой же категории научных фокусов относятся и работы профессора Котельникова. В идеале профессор Котельников добивается такого положения, при котором можно было бы выпустить у человека, получившего общее отравление кровеносной системы, всю кровь для очищения ее от яда. На время операции кровообращение заменяется искусственным циркулированием в сосудах физиологического раствора, после чего очищенная кровь вводится в кровеносную систему, и, по мысли профессора Котельникова, обреченный смерти возвращается к жизни. Это фокус, товарищи. Мы знаем, что медицина — наука материалистическая, и рассматриваем тело человека как единый организм. Но в этом организме есть свои тайны. Нервные клетки, лишенные естественного питания живой кровью, умирают почти мгновенно, и восстановить их нет никаких средств... При длительности операции в час-полтора обратное введение крови в искусственно питаемый организм может вызвать только подобие жизни, жалкую фальсификацию ее... Тайна жизни пока необъяснима, хотя в ней, конечно, нет ничего мистического... Но человек есть единство материальной и духовной субстанции, и замирание первой влечет за собой исчезание — и безвозвратное — второй. Вот почему опыты профессора Котельникова ненаучны, вот почему они обречены на провал и могут только скомпрометировать нашу советскую медицину. Это нужно разъяснить профессору Котельникову со всей категоричностью...

Умолкает. В аудитории настороженное молчание и шепот, как перед грозой.

Л а р и ч е в. Значит, профессор, вы считаете, что дело дутое?

Б е к м а н. Да!

Глухой, сдержанный гул.

К у р ч а в ы й с т у д е н т *(с места)*. Это неправда! Он неправду говорит!

Л а р и ч е в. Спокойней... Кто-нибудь может опровергнуть?

М о л ч а н о в а. Товарищ Ларичев!.. Я... *(Поднимается на эстраду с другой стороны, обращается к Бекману.)* Вы слышите этот тихий гул на скамьях, профессор Бекман? Это не гул одобрения... Это — гул негодования... Здесь сидит наша молодежь, здесь сидят рабочие. Их подавляет великолепие вашего научного авторитета, вес ваших семидесяти лет. Но они чувствуют фальшь в ваших отточенных знанием фразах. Они чувствуют, что это знание ложное, но не могут раздавить вас ударом такой же силы... Хорошо! Я беру это на себя. Это мой долг. Вы — враг, профессор Бекман, вы страшнейший враг.

Б е к м а н. Позвольте...

Л а р и ч е в. Прошу не перебивать...

М о л ч а н о в а. Да, вы приспособленец... Даже здесь, в час отчаянной борьбы против вас, вы не имеете мужества наносить удары открыто, вы кутаете ваш нож в обрывки материалистической фразеологии. Вы выступаете как ревнитель чистоты и достоинства советской науки. Вы заботливой нянькой оберегаете ее от провала, от компрометации... Но самая прочная маска может прорваться, профессор Бекман... И она прорвалась на вашем лице... Она прорвалась, когда вы дошли до своего конька, когда вы вспомнили о материальной и духовной субстанции... И из-под маски материалиста выглянул святейший лик врага, лик виталиста... Мы знаем этот лик. Он — опора всей научной реакции. Сотни лет он душил всякую дерзкую мысль, протягивал дружескую руку всем инквизициям, всем религиям... Вы сомневаетесь, профессор Бекман, в результатах нашей работы?.. Жалкая фальсификация жизни?.. Нервные клеточки не могут быть восстановлены?.. Ха-ха!.. Как точно!.. Как безапелляционно!.. Но сотни лет назад бекманы утверждали, что земля не может вертеться... Они шли крестовым походом против еретического учения, подымая церковные хоругви, как делал это «строитель», ваш любимый ученик — студент Слопин... Но мы не боимся хоругвей и пойдем по своему пути... Сегодня мы можем восстановить кровь, завтра мы восстановим нервные клеточки и создадим нового человека по образу и подобию нашему, а не божьему... А вам нужно уходить — и чем скорее, тем лучше.

Грохочущий обвал аплодисментов.

Бекман. Я сам не стану работать с вами. Авантюристы науки!

Молчанова. Пусть так... Но мы пойдем вперед.

Бекман. Мне с вами не по дороге. *(Выходит.)*

Ларичев. Так... Больше, это самое, говорить нечего. Все сказано... Предлагаю резолютивную часть.

Первый студент. У меня есть предложение от имени рабочей бригады и студенчества, согласованное с фракцией.

Ларичев. Огласи.

Первый студент. Текста нет, есть тезисы... «Первое: признать профессора Котельникова полностью реабилитированным. В отношении инцидента с уборщицей считать исчерпывающим объявление замечания в приказе по клинике... Ввиду проявленного предместкомом полного непонимания методов работы в настоящий период и бестактного отношения к преданным специалистам — предложить снять с работы товарища Зорину».

Зорина *(вскочив)*. Товарищи!.. Так это что же получается? Профессору замечание, а мне? Это зажим...

Ларичев. Цыц!.. Не ори! Мы пуганые, по фронтам ходили... Ты лучше послушай, это самое, по-товарищески послушай... Намерения у тебя были лучшие, а выполнение дурацкое... Начала с общественности, а кончила чем? На руку контрреволюции сыграла? Забюрократилась, зачванилась и не видишь, в чьих руках игрушкой стала? Кто тебя настроил?.. Газетчик примазавшийся да старье реакционное.... Хороша!

Зорина. Ты мне наставлений не читай!.. Сами с усами... Я этого так не оставлю. Я до самого верху пойду... В Совнарком... в ЦКК!

Ларичев. Добирайся, коли пустят. Сверху падать круче!

Зорина. Поглядим еще, кто сверзится! *(Уходит, хлопнув дверью.)*

Ларичев. Расшумелась, сорока! *(Студенту.)* Читай дальше.

Первый студент. «Предложить редакции снять сотрудника Соседкина, как склочника и чуждого советской печати...» Это — основное... Текст предлагаем проработать президиуму.

Ларичев. Против нет?.. Принято... Теперь у меня пункт есть... «Сотрудникам профессора Котельникова врачам Молчановой и Левченко...»

Левченко-сын. Брось, Ларичев!.. Этого не нужно... Мы не дети, чтоб нас хвалить...

Ларичев. А ты погоди «...и Левченко — объявить выговор...»

Левченко-сын. Что? Нам?

Ларичев. Вам... вам, голубчики... за непринятие мер к широкому оповещению о работе, это самое, исключительного значения... кустарничество, бездействие в истребовании кредитов...

Левченко-сын. Черт знает...

Ларичев. А ты думал?.. Партийцы, такое дело заворачиваете, а прячетесь, как монахи по кельям...

Левченко-отец. Правильно, Семен Гаврилыч! Крой их, зеленых, чтобы помнили!

Рабочий с подвязанной щекой. Слова!

Ларичев. Во! Опять кого-нибудь узнал?

Рабочий с подвязанной щекой. Не... Я насчет вот этой уборщицы... Приходит мне, товарищи, скажем, такая мысль... Почему она могла додуматься прибор этот разбить?.. Баба темная, как сажа... Говорила, что спасти хотела грешную душу профессора, уберечь... Так это же смешки, товарищи! Разве с ее головой до этого дойти? Я и вошел в интерес узнать про ейную жизнь. И что ж выходит — она всяк день в церковь шаландается, где этот поп сумасшедший, Палладий, крутит. Здоровая язва это, товарищи... Заметьте!..

Ларичев. Прямо Златоуст ты, товарищ... Заметил, это самое. *(Записывает в блокнот.)*

Молчанова. Кончили, что ли?

Ларичев. Минуточку!.. Товарищи!.. Пригласите профессора Котельникова... А то мы его просили выйти, пока Зорину допрашивали, а обратно позвать забыли...

Курчавый студент бросился за Котельниковым.

Надо же человека ободрить!

Входит Котельников.

Ну, дорогой товарищ профессор, то-се... позвольте пожать руку и поздравить... Очень мы за вас рады... Этакую вы бомбу по попам завернули... Работайте теперь без помехи, а чуть что — к нам... Всегда поможем.

Котельников. Спасибо, товарищи. Я так тронут...

Ларичев. Ну, чего там спасибо! За что спасибо?.. Прощайте!

Публика, наполнявшая аудиторию, к этому моменту расходится, Остаются Курков, Молчанова, Левченко-отец, Левченко-сын, Котельников.

Молчанова. Победа, Николай Николаевич!

Котельников. Друзья мои... Я не могу найти слов признательности...

Левченко-отец. А вы не ищите... Понятно без слов.

Пауза.

Левченко-сын. Поедем, батька!

Левченко-отец. Постой, Василий... Дело большое есть. Товарищ профессор!..

Котельников. Я слушаю.

Левченко-отец *(сдерживая огромное волнение)*. Дело такое, что не знаю, как вам и покажется... Только не думайте... я в своем уме... Вот узнал я много о вашем труде... вижу, как трудно идти... Знаю, что нужно все на человеке проверить, а когда еще случай подходящий будет... Так вот, коли хотите, согласен.

Котельников *(ошеломленный)*. Как согласны?

Левченко-сын *(рванувшись)*. Батька!

Левченко-отец. Помолчи, Василий!.. Яйца курицу не учат. Вы не удивляйтесь, товарищ профессор... Прожил я большую жизнь, трудную жизнь. Много всего было. И больше всего в жизни науку уважал... Была между нас как будто тайная любовь. Не далась она мне... Темнота да беднота... Теперь иное. Сын — доктор. Старику и на бок пора. Почему не рискнуть? Все равно смерть на носу.

Левченко-сын. Отец!.. Ты обо мне подумал?

Левченко-отец *(сурово)*. Я о других думаю... обо всех. А ты забыл! Так как, товарищ профессор?

Котельников. Я так поражен... Я не знаю, что вам сказать...

Левченко-отец. Знаю... решиться трудно. Подумайте. Надумаете — скажете. А пока будьте здоровы.

Решительно выходит. Сын бросается за ним.

Котельников *(пораженный, смотрит вслед)*. Кто он? Кто он такой?

Молчанова. Отец Василия Михайловича.

Котельников. Я не об этом... Кто он.. по профессии?

Молчанова. Ах, вы вот о чем? Рабочий... сварщик...

Котельников. Откуда же у него...

Молчанова. Любовь к науке? Но она отличает наш класс, и она была всегда. Вы многого не замечали, Николай Николаевич. Ваша жизнь до сих пор шла по прямой. От точки к точке. Профессия — дом. А мы живем шире. Общественность, профессия, дом. Вы тоже придете к этому. Что же вы намерены делать?

Котельников. Впервые мне стало страшно...

Молчанова. Вы не можете теперь отступать... Вы должны.

Котельников *(после паузы)*. Хорошо!... Приготовьте все к операции на утро послезавтра. Идем. *(Уходит с Молчановой.)*

Курков *(стоящий все время в стороне)*. Все ушли... И я один — гость на чужом пиру, которого никто не замечает в ликовании. Я сам виноват? Я знаю... Ловя недосягаемую гармонию сфер, я не слышал простой и бодрой музыки жизни... Люди моих дней, простите меня! Я не понимал связи между вами и камнями. Теперь я увидел, раскрылись глаза. Люди тверды и упрямы, как камни, и камни живут и говорят, как люди, о нашей эпохе.

Занавес

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Сцена двухэтажна. Наверху предоперационная клиники, вся блестящая и сверкающая. Автоклав, стерилизатор, баки для бинтов и ваты. Широкая дверь в операционную. При поднятии занавеса входят оба Левченко. Отец в больничном халате, туфлях, теплых носках. У автоклава — сестра.

Левченко-отец. Это вот и есть операционная?

Левченко-сын. Да, главная операционная. Тут мы все операции проводим. *(Пауза.)* Отец!

Левченко-отец. Что, сынок?

Левченко-сын. Может быть, ты бы...

Левченко-отец. Оставь, Василий. Решенного не перерешают. И ты меня не волнуй. Думаешь, мне не страшно!

Левченко-сын. Батька, если что-нибудь случится, знай, внукам закажу тебя помнить.

Левченко-отец. Знаю, что не забудешь... Ну, давай обнимемся. *(Крепко обнимает сына.)* А теперь идем... Не бледней, Василий, держись.

Оба проходят в операционную. В предоперационную входят Котельников, Молчанова, Курков. Быстро надевают халаты, колпаки, маски.

Котельников. Быстрее, товарищи... быстрее...

Курков. Сейчас готов... *(Молчановой.)* Мне не по себе, Евгения Григорьевна...

Молчанова. Мне тоже, но крепитесь...

Котельников Идем... Да, постойте... А Геронский? Что же он запаздывает! Без него неудобно... Леонид Павлович, сходите, голубчик, позвоните.

Курков. Сию минуту. *(Выбегает.)*

Молчанова и Котельников проходят в операционную. Сестра идет за ними, неся бак. Дверь операционной закрывается. На матовом стекле бесшумно движутся тени. В предоперационной пусто, лишь шипит автоклав.

На просцениуме в свете прожектора появляются Зоя Петровна и Гоша.

Зоя Петровна *(ведет Гошу под руку. Он шатается)*. Дядя, милый... Умоляю тебя... У меня остается один близкий человек — ты... Все пусто, все кончено. Если не будет тебя, я не выдержу... Пойди поговори с ним... Он поможет тебе... Ты болен.

Гоша. Не хочу... Я боюсь... Я боюсь этого попа.

Зоя Петровна. Это болезнь, дядя Гоша... Ты внушил себе боязнь... Ты не знаешь, как успокаивает его беседа... Ты бросишь пить, дядя. Пойди, я прошу...

Гоша. А, все равно!.. К попу — так к попу.. Все пути одинаковы...

Проходят через просцениум и скрываются.

В нижней части сцены зарождается мутный голубоватый свет, открывая комнату Палладия. Она разительно противоположна белому блеску предоперационной. Низкая, темная, душная. Маленькое окно загорожено вазонами с бальзамином. На стенах гравюры афонских монастырей. Угол — сплошной киот. Старомодный стол и два таких же кресла едва дают возможность повернуться. Палладий сидит в кресле. На столе навалены книги и газеты. Перед Палладием, скрестив руки, стоит Гавриил.

П а л л а д и й. Эти поучения *(передает пачку конвертов)* немедля разнесешь в церкви и раздашь священникам. Словесно передашь, в чем я тебя наставил. Запомнил?

Г а в р и и л. Истинно так, ваше преподобие. Велика премудрость ваша!

П а л л а д и й. Не потребна мне твоя хвала... Особо привлеки их внимание на воскресное, за литургией, слово к пастве «О покорстве неистовству властвующих». Дабы под внешностью христианского призыва к покорству внушили бы в разум прихожан главенствующую здесь мысль о н е и с т о в с т в е властителей. Уразумел?

Г а в р и и л. Уразумел, ваше преподобие.

П а л л а д и й. Заправь лампаду и иди.

Монах отходит к киоту и, перекрестясь, доливает лампаду маслом. Палладий берет со стола «Известия ВЦИК» и читает, подчеркивая карандашом. Наверху через предоперационную пробегает К у р к о в и скрывается в операционной.

Г а в р и и л. Исполнено, ваше преподобие.

П а л л а д и й. Милость господня с тобой! Какие вести слыхал в миру?

Г а в р и и л. На рынке жены глаголали, яко антихристу Котельникову коммунисты заступою стали. Заводские превознесли гордыню его и укрепили пяту его.

П а л л а д и й. Знаю. Не отчаиваемся. Промысел божий неисповедим. Единожды занесен меч во вразумление, второй раз не остановлен будет.

Г а в р и и л. Истинно так... Окромя того, слыхал речи, что мастеровщина взвела на вас поклеп по деянию рабы Котовой.

П а л л а д и й. Она на меня не показывала?

Г а в р и и л. Истинно так... Приняла муки, не выдав...

П а л л а д и й. Тогда не страшно.

За сценой жалобный звон старинного дверного колокольчика.

Открой.

Г а в р и и л. А если злодеи?

П а л л а д и й. Открой!.. Трус!

Гавриил выходит и возвращается с Г о ш е й. Гоша худой, истасканный, съежился, шатается.

Гоша *(осторожно)*. Я к вам, ваше преподобие.

Палладий. Пришел? Давно тебя жду.

Гоша *(изумленно)*. Ждете меня?

Палладий. Всякая душа христианская, впавшая в заблуждение, ищет путей в лоно церкви... Садись!

Гавриил *(показывая глазами на Гошу)*. Мне оставаться, ваше преподобие?

Палладий *(резко)*. Ступай, я сказал.

Гавриил выходит.

Садись!..

Гоша садится, Палладий через стол в упор смотрит на него.

Хвораешь?

Гоша. Зачем вы на меня так смотрите? Я не хочу... Слышите?.. Не хочу!

Палладий *(настойчиво)*. Хвораешь?

Гоша *(внезапно оседая)*. Да.. нехорошо мне.

Палладий *(встав и повернувшись к иконам)*. Господи! Воззри на недостойного слугу твоего и ниспошли помощь иже во исцеление скорбей болящего раба твоего воина Игоря...

Молитва переходит в шепот. Гоша рассеянно смотрит на стол, потом в лице его вспыхивает любопытство, недоумение; он берет одну книгу, другую, и когда Палладий, кончив молитву, поворачивается, Гоша обретает прежний тон.

Гоша *(к севшему Палладию)*. Миль пардон... Я совершенно фраппирован. Не ошибся ли я адресом? Не попал ли я в комакадемию? *(Подымает книгу.)*

Палладий *(совершенно спокойно)*. Не понимаешь?

Гоша. Повергнут в недоумение. Сон или явь? Киот — и... книги по истории партии! Ваше преподобие — и Карл Маркс?.. Неужели я уже брежу?

Палладий. Воистину скудоумец! Сообрази, можно ли священнослужителю вести брань за веру, не зная длины вражьего меча и силы его?

Гоша. И «Известия ВЦИК»?

Палладий. Перед приходом твоим читал вот... *(Подает газету.)*

Гоша *(в обалдении)*. «Раскол в норвежской компартии»?

Палладий. Подобает знать все о стане врага. Защищая свет божественной истины, мы должны проникать умом во мрачную тьму, в духовный мороз и голод, в

которых мятутся заблудшие... В Писании сказано: «Се ныне время благоприятно». Взгляни, создаваемые нашими врагами партии распадаются, и, исполненные взаимной злобы, члены их встают друг на друга... В борьбе за церковь должно использовать каждое замешательство врага. «Шатается дело диавола во всеобщей скуке, ибо нет шири уму, но — по Писанию же — все заповедь на заповедь и правило на правило».

Г о ш а. И вы все это читаете?

П а л л а д и й. Да... Слежу за миром тлена. Битва с воинством зверя — не пустое скоморошество, в котором не потребен разум. Пагуба этого заблуждения уже низвергла однажды Христово воинство в Черное море и раскидала его по свету, как опавшую листву...

Г о ш а. Миль пардон, ваше преподобие... Это вы про добрармию? Вас тоже одолевает пагуба заблуждения. Христово воинство? Я в нем служил. Такой сволочи не только у Христа — у черта не было!

П а л л а д и й. Не судим, да не осудят нас. *(Меняя тон.)* Вижу твою печаль и смятение... О чем мятешься?

Г о ш а *(с внезапным надрывом)*. Тоскую...

П а л л а д и й. О чем?

Г о ш а *(нервно)*. Все то же. С тех пор как он сказал мне, что счет моим дням близок, боюсь... Спать не могу... Закрою глаза — и слышу: она ходит... Ходит и костями стучит... И шепчет... Всю ночь шепчет... «Приготовься, ротмистр Высоцкий... пора».... Страшно!... *(Резко.)* Я не могу об этом рассказывать так... Дайте водки...

П а л л а д и й. Не подобает топить здоровье в вине...

Г о ш а. Оставьте проповеди... Водки!.. Или я уйду.

П а л л а д и й *(достает из шкафчика, рядом со столом, графинчик и стакан)*. Сам не употребляю, но для посещающих держу.

Гоша вырывает графин, наливает полный стакан и залпом выпивает.

Г о ш а. А я потребляю... Только этим и заливаю. Бутылками пью.

П а л л а д и й *(резко)*. Смерти боишься?

Г о ш а. Нет, нет... Не нужно этого слова... Не называйте...

П а л л а д и й. Для истинного христианина жизнь — Христос, смерть — приобретение.

Г о ш а. Я жить хочу.

Палладий. Что жизнь? Сосуд скудельный.

Гоша. Хоть ночной горшок... Но жить... Не слышать этого стука костей. Помогите!

Палладий. Покайся и уверуй. Верою движутся горы.

Гоша. Я не верил в бога... Нет, нет, что я говорю!.. Я просто не знал его. Но я готов верить. Только спасите меня... Я не хочу умирать. Жить, жить вечно!

Палладий. Молись — и он даст тебе жизнь бесконечную.

Гоша (*пьяно*). Я не умею молиться... И где бесконечная жизнь?.. В раю, который выдуман вами? Нет его... Сказка... бред... дурман...

Палладий. Замолчи! Он есть. Для слепой черни, для нищих духом создали мы рай по образу и подобию земного сада, дабы привлечь немудрые умы доступным им очарованием. Но ты просвещен, и тебе скажу: душа праведного по кончине обретает несказанный свет в сияющем мире, где нет ни болезней, ни печали, но блаженное успокоение.

Гоша. Душа праведного. А моя, моя? Нет греха, в котором я не марался.

Палладий. Велико милосердие всевышнего. Надейся на милость.

Наверху в предоперационную выходит сестра, навстречу ей выбегает Геронский.

Геронский. Начали?

Сестра. Уже кончают.

Геронский напяливает халат и скрывается в операционной. Сестра, взяв бинты, идет за ним.

Гоша (*после паузы*). Милосердие? Есть ли оно? А если есть... Успокоение? Я не хочу успокоения... Я хочу болезней и печали, но жить здесь. Спасите меня!

Палладий. Мы все смертны. Сказно: земля есть, и в землю отыдешь.

Гоша (*откидываясь*). Земля... Черная... тяжелая... Полезет в рот, в глаза. Не видеть? Не дышать? Не хочу. Дайте мне жизнь!

Палладий (*смотря Гоше в глаза, веско*). Дана мне власть вязать и разрешать души, но не тела. Плоть не подвластна нам.

Гоша (*отчаянно*). Кому же? Кому подвластна она?

П а л л а д и й *(резко)*. Ему... Князю мира сего.

Г о ш а *(в страхе)*. Ему? *(Сжимает виски.)* Да... да... Вспомнил. Черт! Так что же, явись!

П а л л а д и й *(грозно)*. Безумец, замкни уста! Не призывай здесь имени нечистого.

Г о ш а *(исступленно)*. Кого же призывать мне? Кого? *(Смотрит на Палладия.)* Ты лжешь мне, поп!.. Тебе вручена власть над жизнью... Дай мне жизнь — или я задушу тебя *(Через стол пытается схватить Палладия.)*

П а л л а д и й *(легко отбрасывая его руку)*. Не твоей деснице подняться на служителя божьего.

Г о ш а *(сползая с кресла на колени)*. Прости... прости... Ты видишь, я унижаюсь перед тобой. Молись за меня! Верни мне здоровье!.. Ты же можешь.

Палладий молчит.

Что же ты молчишь? Кто мне поможет?

П а л л а д и й. Ты жаждешь прелестей жития земного. Любострастия, винопития и стяжания. Я не владею этим. Иди к другому. Он вяжет и разрешает плоть.

Г о ш а *(встает, пятится)*. К другому? Да? Я не знаю, где адрес черта и слуг его.

П а л л а д и й. Ты знаешь.

Г о ш а *(в ужасе)*. Я?

П а л л а д и й. Ты знаешь, кто в безумной гордыне, ратоборствуя с богом, хвалится даровать бессмертие плоти.

Г о ш а *(напрягаясь)*. Профессор?

Палладий молчит.

Ты молчишь? *(Пауза.)* А, я понял тебя... Ты не хочешь осквернитьcя его именем? Ну что же, хорошо. Я пойду к нему просить жизнь. А если он не даст?.. Что тогда?

Палладий молчит.

(Вздрогнув.) Молчишь, Понтий Пилат? *(Пауза.)* А... ведь хотел же я задушить тебя, слугу бога. А он чей слуга? Дьявола? Да?

Палладий молчит.

Прощай, поп, я иду.

Палладий молчит. Гоша, шатаясь, идет к выходу. Хлопает дверь. Палладий опускается на колени у киота.

П а л л а д и й. Преблагий господи, настави сердце грешного раба твоего воина Игоря и укрепи мышцы его на подвиг бранный во славу свою. *(Бьет поклон и остается распростертым.)*

По просцениуму бредет Г о ш а. На середине сцены останавливается и хрипло поет.

Г о ш а. «Мне нужен клад, что всех дороже,— мне молодость нужна». *(Убегает.)*

Наверху распахивается дверь операционной. Выходят К о т е л ь н и к о в, М о л ч а н о в а, К у р к о в и Г е р о н с к и й.

М о л ч а н о в а. Сядьте, Николай Николаевич. Вы еле держитесь.

К о т е л ь н и к о в. Нет... Я бодр, как никогда.

Г е р о н с к и й. Я знал, что все в порядке, но прямо трясся. Фу, весь лоб мокрый!

К у р к о в. Какая огромная радость! Как хорошо дышать! Ведь подумать, что сделано!

М о л ч а н о в а. Побеждена смерть!

Тьма.

З а н а в е с

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Кабинет Котельникова. К о т е л ь н и к о в сидит за столом и большими канцелярскими ножницами режет пласт лигнина. Заворачивает стеклянные баночки в лигнин и укладывает в коробку. В дверь стучат.

К о т е л ь н и к о в. Войдите.

С е с т р а *(открывая дверь)*. Профессор, вас спрашивают.

К о т е л ь н и к о в. Кто?

С е с т р а. Не знаю... Гражданин.. Странный такой. Как будто очень больной.

К о т е л ь н и к о в. Попросите сюда.

Сестра скрывается, оставив дверь полуоткрытой. Котельников закрывает коробку, идет к стенному шкафчику и ставит коробку туда. В это время входит Г о ш а, закрывая за собой дверь.

(Обернувшись.) Чем могу служить? *(Узнает Гошу.)* Это вы? Что вам нужно? Зачем вы явились сюда? Я вас не

хочу больше видеть... У меня все порвано с домом, где вы живете. Уходите.

Г о ш а *(дерзко)*. Так?! Великий целитель человечества, социалистический врач так встречает несчастного больного?! Что же, я могу уйти. Я ничтожество, я червь...

К о т е л ь н и к о в *(изменив тон)*. Простите... Я думал, вы пришли с поручением оттуда.

Г о ш а. Не служу в дипломатическом корпусе и не рассыльный. По личному делу. Пришел получить исцеление.

К о т е л ь н и к о в. Я ведь дал вам лекарство. Если кончилось, пропишу еще. В клинику я, к сожалению, не могу вас положить. Нет мест, во-вторых, ваш случай не хирургический.

Г о ш а. Миль пардон. Лекарства ни к черту. Лекарство — паллиатив. Что же касается клиники, je suis un réprouvé [1]. Чтобы иметь право издохнуть не на улице в этом жестко организованном мире, я должен был бы родиться под фрезерным станком во время обеденного перерыва... Но если бы я даже мог рассчитывать на клинику, мне уже мало этого.

К о т е л ь н и к о в. Чего же вы хотите?

Г о ш а. О, вот это вопрос по существу. *(Волнуясь.)* Чего я хочу? Я хочу так мало. Я хочу молодости, силы, здоровья. Я хочу жить, хватать жизнь зубами, пить ее, как молодое вино, и хмелеть. Вот чего я хочу. Не правда ли, немного?

К о т е л ь н и к о в. Не поздно ли вы спохватились?

Г о ш а *(нервно)*. Поздно? Кто придумал это проклятое слово? Жить никогда не поздно.

К о т е л ь н и к о в. Когда есть чем и для чего... А зачем вам жизнь?

Г о ш а. Для расплаты.

К о т е л ь н и к о в. Но чем же я вам могу помочь?

Г о ш а *(с хитрой улыбкой делает шаг к Котельникову)*. Ха-ха-ха... Вы? Вы спрашиваете меня? Смешно... не притворяйтесь. У вас в жилетном кармане пилюля с бессмертием. Воскреситель обезьян не знает, чем помочь человеку?!

К о т е л ь н и к о в. Что вы чепуху городите?.. Какое бессмертие? Какие обезьяны? Наслушались в городе сплетен и бредите?

---

[1] я отверженный *(фр.)*.

Г о ш а. Отпираетесь? Хотите сохранить вашу чертовскую тайну от ничтожных смертных и раздавать по выбору?.. Избранным?.. Строителям?.. Воздвижникам социализма?

К о т е л ь н и к о в. Послушайте. вы в самом деле больны.

Г о ш а. А вы думали, я лгу, притворяюсь? Я потерял в этом мире все, кроме чести.

К о т е л ь н и к о в. Успокойтесь... Сядьте... Вы дрожите.

Г о ш а. Вы хотите сказать, что я трус?.. Оскорбить? Мне все равно. Да, я боюсь. Никто не хочет спасти меня от нее.

К о т е л ь н и к о в. От кого?

Г о ш а. От нее... От костлявой... от черной земли, которая забьет рот, глаза... *(Кричит.)* Я не хочу! Слышите?..

К о т е л ь н и к о в. Сейчас же перестаньте кричать... Там — больные!

Г о ш а. Не буду. Я смирюсь... Поймите, я хочу жить. Мне нужно жить для расплаты... Я буду служить вам.

К о т е л ь н и к о в. Как служить? Что вы говорите?

Г о ш а *(подходя)*. Не бойся... Я не выдам... Я заплачу больше, чем они... Я осыплю тебя всем золотом мира... Мы вдвоем будем владеть землей... Мы создадим на ней золотой век для всех, кому нечего спасать, для тех, кто открывает тормоза, для желтых.

К о т е л ь н и к о в *(отшатнулся)*. Да вы пьяны!.. Убирайтесь отсюда!

Г о ш а. Пьян?.. Да, пьян... А ты трезв, вор бессмертия?

К о т е л ь н и к о в. Уходите, или я вызову персонал.

Г о ш а. Себе все хочешь? *(Опирается рукой о стол, попадает на ножницы.)* Себе?.. Куда ты спрятал бессмертие?.. А, знаю... Но я вырву его оттуда... *(Хватает ножницы.)* Вот! *(Ударяет Котельникова в грудь.)*

К о т е л ь н и к о в *(с силой отшвырнув Гошу, который садится на пол)*. На помощь!.. Сестра!.. Кто-нибудь!.. На пом... *(Захлебнувшись, опускается на диван.)*

Г о ш а *(сидя на полу)*. А, ты упал, ты такой же... Ты смертен — поп солгал.

Вбегает М о л ч а н о в а, за ней Л е в ч е н к о,

М о л ч а н о в а. Что такое? Кто кричал?.. Кто вы? *(Видит на диване Котельникова, кидается к нему.)* Николай Николаевич, что с вами? Встаньте.

Г о ш а *(размахивая ножницами)*. Нет... он не встанет. Он обманщик. Заклад просрочен — Мефистофель пришел.

Л е в ч е н к о *(подходит и спокойно вынимает ножницы из рук Гоши)*. А ну, ты, плешивый Мефистофель... отдай ножницы. *(Бросает ножницы на стол. Спрашивает Молчанову.)* Что там?

М о л ч а н о в а. В область сердца...

Л е в ч е н к о. Не теряй головы... За санитарами — и в операционную. Если аорта не тронута, зашьем... Идите скорее.

М о л ч а н о в а. Нет... я его не оставлю, иди ты.

Л е в ч е н к о. Но как же... а этот? *(Показывает на Гошу.)*

М о л ч а н о в а. Я врач, а не барышня... Ступай без разговоров.

Левченко выбегает. Молчанова быстро разрывает рубаху на Котельникове, наклоняется, слушает.

Аорта цела... Может быть...

Г о ш а *(следя за ней)*. Не воскресишь... не спасешь... нет...

М о л ч а н о в а. Негодяй! Что ты сделал?

Г о ш а. Я отнял у вас бессмертие... и вы не вернете его, нет... у вас больше не будет бессмертия.

М о л ч а н о в а *(со слезами)*. Да? Ты думаешь, ты убил наше бессмертие? Ножницами? Глупец!.. Ты человека хотел убить, но жизнь, но наша наука — живут. И сколько бы вы ни трудились, последыши, мы будем строить, мы будем жить!

З а н а в е с

1930 г.

ПЕСНЬ О ЧЕРНОМОРЦАХ

Героическая драма в трех действиях, девяти картинах

НЕЗАБВЕННЫМ СЕВАСТОПОЛЬЦАМ

...Помните, что вы черноморский моряк-с и что вы защищаете ваш родной город! Мы неприятелю здесь отдадим одни трупы и развалины, нам отсюда уходить нельзя-с.

Адмирал П. С. Нахимов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иванов, генерал-майор, командующий армией.
Рощин, капитан 1-го ранга.
Жуков, лейтенант.
Сагайдачный, старший лейтенант, командир батареи.
Каменецкий, его помощник, призван из запаса.
Королев, член Союза писателей.
Нещепа, старшина 1-й статьи.
Ставриди, Шарабанов, Горячкин, Брилев, Власов, Некрасов — матросы-артиллеристы.
Дзюбенко, бывший боцман, старый севастополец.
Матрена Матвеевна, его жена.
Полосухин.
Ткачук.
Шауфельд, обер-лейтенант.
Линке, обер-ефрейтор.

Место действия — Севастополь.

Время действия — май — июнь 1942 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Обычный штабной кабинет. На письменном столе горит настольная лампа. Ее колпак повернут к стене, и свет падает на карту Севастополя и окрестностей, висящую на стене. Шторка карты отдернута. У другой стены диван, на котором постлана постель. Одеяло откинуто и смято — видно, что спавший только что встал. На стуле у дивана китель. Большое окно затянуто глухой черной занавеской. Рощин стоит у стола, опираясь коленом на стул, лицом к карте, держа у уха телефонную трубку.

Рощин. Колонна с боеприпасами?.. Так... Сколько машин? Около шестидесяти? А если точнее?.. Пятьдесят семь? Отлично, пусть горят, на то у противника и машины, чтоб гореть. Подготовьте приказ по бригаде: командиру и экипажу «Жаркого» благодарность за отличную стрельбу... Что? «Абхазия» пришла? У какого причала?.. Сейчас же переведите в Казачью бухту, там безопасней. Всех свободных людей бросайте на разгрузку и дайте знать начальнику ВВС, чтобы прикрыл разгрузку патрулированием истребителей... Все? Превосходно! *(Кладет трубку, подходит к двери, открывает.)*

Входит Нещепа с чаем.

Нещепа. Ось вам чайку, товарищ капитан первого ранга!

Рощин *(смотрит стакан на свет)*. Это что за брандахлыст! Я что вам приказал? Крепкого! Флотского! Чтоб янтарем горел!

Нещепа. Крепше нема!.. И Марья Николаевна не дозволяе вас поить крепким по причине сердця...

Рощин. Что?.. У вас кто начальник? Я или Марья Николаевна?

Нещепа. А безумовно ж вы... Тильки ваша супруга наказувала...

Рощин. А ну-ка, брысь отсюда!

Нещепа, хитро улыбаясь, с видом победителя ставит стакан на стол и уходит.

Вот же хитрый черт! Недреманное око Марьи Николаевны.

Звонок телефона.

(Берет трубку.) Третий слушает... Здравия желаю, товарищ контр-адмирал. Да, осведомлен. Разрешите доложить: посуду с огурцами я приказал перевести под разгрузку в хозяйство Залесского. Там безопаснее... При выгрузке пополнения присутствовал лично... Очень хорошее. Обстрелянный народ, сибирские стрелки. Хорошая подмога... Насчет Сагайдачного? Полностью осведомлен... Полагаю, что в создавшихся условиях решение было правильным... Безусловно!.. А я за своих офицеров, товарищ контр-адмирал, всегда горой, если того стóят. Жару задам, но и к награде представлю. Позвольте доложить при личной встрече... Есть! Желаю благополучного дня! *(Кладет трубку. Пьет чай.)* Тьфу, бурда! *(Выливает.)*

Входит лейтенант Жуков.

Жуков. Товарищ капитан первого ранга, прибыл старший лейтенант Сагайдачный. Ожидает.

Рощин. Пусть войдет.

Жуков выходит. Рощин садится за стол и раскрывает лежащую перед ним папку. Входит Сагайдачный. У него живое, подвижное, нервное лицо. От подстриженных усиков он кажется несколько старше своих двадцати шести лет. Голова у него забинтована.

Сагайдачный. Товарищ капитан первого ранга. Старший лейтенант Сагайдачный по вашему вызову явился.

Рощин *(иронически)*. Очень приятно... Садитесь! *(Пауза.)* Хорош герой!.. Где корабль?

Сагайдачный *(сдерживая волнение)*. Корабль погиб.

Рощин. Известно, известно... Какое же звание вам теперь позволите приклеить? Капитан с погорелого корабля, что ли?

Сагайдачный *(вспылив)*. Корабль был бы цел и сейчас, если бы авиация не дрыхла, когда надо было выслать самолеты для охраны каравана и...

Рощин *(перебивая)*. Ясно! У нашего Ваньки всегда Машка виновата. А корабля нет?!

Сагайдачный *(так же горячо)*. Я не хотел покидать свой корабль... Меня стащили с мостика силой.

Рощин. Слыхал!.. Дурость!.. Мало утопить корабль,— так еще самому утопиться? Девкина истерика! *(Пауза.)* Ранены?

Сагайдачный. Разрезало кожу лопнувшим тросом.

Рощин. Почему не легли в госпиталь?

Сагайдачный. Врачей смешить, что ли?

Рощин. Рассказывайте, как было.

Сагайдачный. Когда сигнальщики доложили о перископе, я увидел отчетливый след торпеды, идущей под середину транспорта. Понял, что при большой циркуляции, на медленном ходу, транспорту уже не увернуться. И дал сам полный вперед на пересечку торпеды. Она ударила меня позади мостика. На плаву продержались шесть минут. Людей сняли подоспевшие катера. Всех, кроме девяти человек.

Рощин. Что же, считаете свои действия правильными?

Сагайдачный. Иначе поступить не мог. Транспорт вез боезапас для главного калибра на недельный срок. Его гибель была бы крупным несчастьем. Сторожевик — меньшая потеря.

Рощин *(зло)*. А люди? О них подумали?

Сагайдачный. Подумал... Но на транспорте и людей было больше. И много вольнонаемных... А мои — военные моряки. Они меня поняли. И исполнили долг без колебаний.

Пауза.

Рощин. Подумаешь, Нахимов!.. Габаритом не вышел. Малокалиберный!

Неожиданно в распахнутую Жуковым дверь входит генерал Иванов, суховатый, быстрый в движениях. Он слегка прихрамывает, опираясь на палочку. На носу у него поблескивает, как присевшая бабочка, пенсне. Худое лицо с жидкими седеющими усами.

Иванов. Прошу прощения... Ни свет ни заря и без доклада.

Рощин и Сагайдачный встали.

Рощин. Что вы, товарищ генерал-майор?.. В любую пору...

Иванов. Здравствуйте! Я долго не задержу. Есть срочное дело. *(Внимательно взглянул на Сагайдачного.)*

Рощин. Товарищ Сагайдачный, выйдите пока и подождите.

Иванов. Постойте! Кажется мне, товарищ старший лейтенант, будто мы с вами бывали знакомы. Я не на вашем ли корабле ходил во время десанта у Дофиновки?

Сагайдачный. Так точно.

Иванов *(лицо осветилось лаской)*. Сердечно рад встретить. *(Пожимает руку.)* Шумное было утречко, помните? Вы классно тогда стреляли. Расщелкали фашистскую конницу, как тараканов. Как ваш корабль? Как плаваете?

Рощин. Отплавался!.. И корабль утопил.

Иванов. Как же?

Рощин. А это пусть он сам вам расскажет, если интересно. Чем могу быть полезен, товарищ генерал?

Иванов *(садится)*. Жаль, жаль. Маленький был корабль, а удалой... Большие дела делал... Что ж, военная судьба коварна... А я к вам, товарищ Рощин, приехал побираться. Прошу садиться! У меня тоже беда. Погиб лучший командир с двадцать первой зенитной. Приехал на час в город, подошел к киоску лимонаду выпить. Шальной снаряд...— и в клочья. Так вот, не одолжите ли кого из ваших моряков? В пехоте у меня потери большие, все наперечет, а батарея серьезная.

Рощин *(смотрит на карту)*. Двадцать первая? Это где?

Иванов. На Северной, за кладбищем. Где памятник московцам.

Рощин. Ага! Знаю! Кстати, товарищ генерал-майор, как положение? Мы свое хозяйство знаем, а вот в общем масштабе...

Иванов. Со вчерашнего дня стихло на всем фронте от Бельбека до Балаклавы. Видимо, атаки выдохлись. Штурм сорвался. Теперь придется им залезть в норы и дырки в шкуре зализывать. Пришли, как говорится, за пышками, а получили... Трупы на подступах штабелями лежат. Привычному глазу и то страшно.

Рощин. А я и смотреть не хочу. Пусть Манштейн на своих покойничков любуется.

Иванов. Уложили больше сорока тысяч, а в оборонительный пояс нигде вклиниться не смогли. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

Рощин. А по ним ходить.

Иванов. Вот-вот! Придется им требовать резервы. А резервы нужно снимать с Кавказского направления. Следовательно, задачу, поставленную нам главным командованием — притягивать к Севастополю, перемалывать гитлеровские орды,— мы выполняем, и как будто не плохо. Будем и впредь... Трудно, но выдержим!

Р о щ и н. На то мы советские люди. *(Пауза.)* Так вот, насчет вашей просьбы. Как говорится, на ловца и зверь. *(Показывает на Сагайдачного.)* Кстати, вы его и знаете. Товарищ Сагайдачный, поступите в распоряжение командующего и примете батарею.

С а г а й д а ч н ы й *(изумленно)*. Я?.. Батарею?

Р о щ и н. А кто ж еще?.. Корабль погиб, новых, как вам известно, не предвидится пока. Что же, мне вас в резерве впрок сушить? Или на продуктовый буксир сажать? Вы неплохой артиллерист, и работа по вас. Понятно?

С а г а й д а ч н ы й. Нет!.. Я не хочу!

Р о щ и н. Что-о?.. Я, кажется, ослышался? А ну, повторите!

С а г а й д а ч н ы й *(нервно)*. Товарищ капитан первого ранга, не надо!.. Я с тоски умру, если палубы под ногами не будет. Я ж не сухопутный человек. Пятилетним пацаном уже на отцовском дубке по морю колесил. Нашу фамилию на всем Черноморье как морскую знают. Прадед у Нахимова грот-марсовым был. Хоть кочегаром — только в море.

Р о щ и н *(встал)*. Товарищ Сагайдачный!.. Кочегаром сажать вас не буду, а в другое место посадить — посажу. Вы что же? Отказываетесь выполнить приказание?

С а г а й д а ч н ы й. Я...

Р о щ и н. Хватит!

И в а н о в. Постойте, Павел Сергеевич. *(Подходит к окну и жестом подзывает Сагайдачного.)* Идите сюда, мой друг!

Сагайдачный подходит.

Что вы видите?.. Вон там.

С а г а й д а ч н ы й *(недоуменно)*. Малахов курган, товарищ генерал-майор.

И в а н о в. А на кургане?.. Вон, на самой макушке.

С а г а й д а ч н ы й. Памятник.

И в а н о в. Кому?

С а г а й д а ч н ы й. Вице-адмиралу Корнилову.

И в а н о в *(тепло)*. Поняли?.. Вдумайтесь! Он ведь тоже был моряком. И каким! И море любил крепко. Однако, когда потребовало русское дело, своими руками потопил родные корабли и пошел драться на сушу. Стал душой сухопутной обороны и отдал за нее жизнь. Умирая, сказал святые слова: «Отстаивайте же Севастополь!»

И понимал, что отстоять можно в единении всех сил — моряков, армии, жителей, всех без различия,— что, если родина зовет, моряк может стать сапером, а матросская женка пойдет подносить бомбы на бастионе. Сегодня наше место там, куда нас требует родина. Подумайте, и я уверен — пойдете на батарею.

Р о щ и н. Да что вы, товарищ генерал, еще уговариваете такого пащенка?

С а г а й д а ч н ы й *(дрогнувшим голосом)*. Иду, товарищ генерал-майор... И прошу простить...

И в а н о в. Не просите!.. Не люблю извинений. Сам был молод и норовист... Жалеть вам не придется. На батарее чудесный народ. Ваша же морская пехота. В родную семью попадете.

С а г а й д а ч н ы й. Когда прикажете заступить?

И в а н о в. Сейчас же... Я вас и доставлю.

Р о щ и н. На вашем месте, товарищ генерал, я бы его не взял! Не заслужил.

И в а н о в. Заслужит! А характерами сойдемся. Я горячих и упорных люблю. Не стандарт, значит, а человек.

Р о щ и н *(подошел к Сагайдачному, положил руку на плечо)*. Смотрите не подведите!.. Армейская слава — большая слава! Ее заслужить надо. Но где бы вы ни были, помните: вы сын нашей морской семьи. Моряки не отступают нигде. Ни на море, ни на земле... Ясно?

С а г а й д а ч н ы й. Ясно, товарищ капитан первого ранга.

И в а н о в. Он не отступит... По глазам вижу. Счастливо, Павел Сергеевич! Едем!

Иванов и Сагайдачный выходят, провожаемые Рощиным. Входит Н е щ е п а и берет со стола пустой стакан.

Н е щ е п а *(ухмыляясь)*. Брыкавсь, брыкавсь, а усе ж выпив. *(Подходит к окну.)* Ось вин — наш Севастополь. Стоить, красавчик, билый, як мрамор, крипкий, що скеля, и нияка сила его не бере. Думка моя така, що нема на свити той силы, щоб сдужала Севастополь. *(Помолчал.)* И товарищ Ленин стоит на камени по-над рейдом, доглядае свий флотский город. Руку до нас протягнув, кличе: «Держитеся, браточки, любые мои черноморци, не выдайте!» А флот гремит с пушек: «Чуем, батько, не выдадим!»

Как бы в ответ словам Нещепы вдалеке глухо и грозно раскатывается тяжелый двенадцатидюймовый залп. Возвращается Р о щ и н.

(Обернулся.) Ще чайку не прикажете, товарищ капитан первого ранга?

Р о щ и н. Чувствительно благодарен... Опять помоев дадите?

Н е щ е п а. А все ж вы выпили.

Р о щ и н. Дудки!.. Вон за окно вылил.

Н е щ е п а *(в отчаянии)*. От же морока мени з вами... Та вже нехай буде по-вашему. Колы вы соби враг — пийте крипкий.

Р о щ и н. Что?.. Переупрямил?.. Ступайте.

Нещепа топчется, явно желая что-то сказать.

Ну, что вы топчетесь?

Н е щ е п а. Дозвольте обратиться?

Р о щ и н. Ну?

Н е щ е п а. Товарищ капитан первого ранга, колы моя просьба не дуже нахальная, видпустить мене на боеву линию.

Р о щ и н *(изумлен)*. Как?.. Не понимаю. Вы что, хотите уйти от меня? Разве вам здесь плохо?

Н е щ е п а. Що вы!.. От вас, крим добра, ничого не бачив. А все же...

Р о щ и н. Что?

Н е щ е п а. Невже ж мени усю войну при штаби крутыться? Внуки спытают: «Як ты, дидусь, с фашистам воевав?» Що я им скажу? Що я того фашиста и в очи не бачив?.. Годки мои давно в бою, а я? Вы ж гляньте на мои руки! Хиба ж ими бумажки по штабу таскаты? Ими що зробить можно!.. Може, моя доля саморочно того Гитлера знуздать та привести на суд?.. А потим я ж прирожденный пехотинец. Ото у финску кампанию поставили мене в вашу морску пехоту, морячков обучать, як на земли воювати. Так я при флоте и застався... А я на земли дужче полезный... Видпустить, не серчайте.

Р о щ и н *(мягко)*. Я вас понимаю, товарищ Нещепа, и не сержусь. Досадно вас отпускать. Привык я к вам, и работник вы толковый, но препятствовать не стану. Куда ж вы хотите?

Н е щ е п а. Колы можно, то на батарею до старшего лейтенанта Сагайдачного. Мы з им земляки, з одного села.

Р о щ и н *(удивленно)*. А откуда вам известно, что Сагайдачный пошел на батарею?

Нещепа *(лукаво и важно)*. А безумовно!.. Нам же, штабным, усе зранку видоме.

Рощин *(расхохотался)*. Вот это здорово!.. Ладно. Скажите начальнику штаба, чтоб вам выписали направление.

Нещепа. От спасиби!.. А вы за мной не скучайте, товарищ капитан первого ранга. Як война кончиться, зараз до вас вернусь, помогаты по службе.

Рощин *(смеется)*. Определенно! Мне без вас плохо, а уж Марья Николаевна совсем пропадет. Через кого она меня теперь тиранить будет?.. Доброго пути! *(Протягивает руку Нещепе, которую тот осторожно жмет своей громадной лапой.)* Не забывайте, идите!

Нещепа уходит.

(Подходит к окну, глядит вдаль.) Да! Севастополь, Севастополь! Второй раз! И, как прежде, злой для врага. И в венце новой славы!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

До открытия занавеса оркестровое вступление, в котором слышны звуки боя: рев пикирующих самолетов, частые удары пушек. Все обрывается гулким ударом взрыва. Наступает тишина. Из-за занавеса слышен крик: «Вызывай аварийную! Живо!» Занавес открывает часть позиции батареи — орудийный котлован среди скал. Над валиком котлована изуродованные, обломанные деревца с опаленной листвой. Торчит уставленный в небо ствол зенитной пушки. Медленно подымаются оглушенные матросы орудийного расчета, отряхиваясь, протирая глаза. Среди них Горячкин, Брилев, Ставриди. Немного сбоку Нещепа смотрит, как двое матросов укладывают на носилки раненого, у которого бессильно свесилась окровавленная рука. В глубине котлована, у земляной ниши, где сложены снаряды, стоит на коленях Шарабанов, всунув голову в нишу. В его позе беспредельный страх.

Слышно удаляющееся гудение самолетов.

На корточках у аппарата Некрасов.

Некрасов *(кричит в трубку)*. «Хризантема»... «Хризантема»... Я — «Русалка»... «Русалка»...

Первый матрос. Эй, хлопцы! Кто живой, кто мертвый — отзовись!

Второй матрос. Кто окликает, тот и живой. А остальные пока самоопределяются насчет отношения к жизни.

Горячкин. Вот это дали жару! Уж я думал: отходил Сережа Горячкин по севастопольским горкам.

Первый матрос. Некрасов, как аварийная?

Некрасов. «Хризантема»! «Хризантема»! Я — «Русалка»... Высылайте аварийную!

Нещепа. Хто панику учинив? Хто аварийную кликав? На що вона сдалася?

Первый матрос. А как же, товарищ старшина? Подъемный механизм заклинило.

Нещепа. Ну и що с того? Сами справиться не можем? Отставить аварийную. Ей и так дыхнуть нема часу.

Некрасов. «Хризантема»... «Хризантема»... это опять я. Отставить аварийную. Еще не вышла? Ну и не надо. Без нее сладим. Ага! До скорого!

Раненый *(пытаясь приподняться)*. Товарищ старшина!

Нещепа. Не ворошися, Власов! Що тоби треба?

Раненый. Не отправляйте с батареи. Не хочу в госпиталь. Я и тут подлечусь.

Нещепа. Не можно! Глянь, як руку расщепило. Без госпиталя тебе ремонту не зробить. Несить его, хлопцы!

Раненый. Дайте слово, что примете обратно... хоть без руки. И с одной не сдам.

Нещепа. Та, конечно, примем. Не беспокойся, лежи, друже, тихо.

Раненого уносят.

(Оглядывается.) Остальные все цилы?.. А де Шарабанов? Не бачу Шарабанова.

Матросы оглядываются.

Ставриди *(замечает Шарабанова)*. О! Интересное явление. *(Подходит.)* Уважаемый товарищ! Где у вас конец, где начало? Помогите разобраться! Покажьте личико!

Нещепа. Шарабанов!!

Шарабанов недвижим.

Ставриди. Требуется применение подъемных приспособлений. *(Берет Шарабанова за воротник и ставит на ноги.)*

Нещепа *(гневно)*. Это як же понять, Шарабанов?

Шарабанов стоит, смотрит опалелым, ничего не понимающим взглядом.

Г о р я ч к и н. По медицине это называется заячья лихорадка.

Н е щ е п а. Так як же ты, бисова душа...

На гребне валика появляется С а г а й д а ч н ы й и спрыгивает в котлован.

С а г а й д а ч н ы й. Здорово, орлы! Как дышится? Не жарко?

П е р в ы й м а т р о с. Как на пляже, товарищ старший лейтенант. Только, вместо воды, в пыли полощемся.

С а г а й д а ч н ы й. Морские ванны временно отменены. У вас все в порядке, товарищ Нещепа?

Н е щ е п а. В общем, так.

С а г а й д а ч н ы й. А если точнее?

Н е щ е п а. С личного состава выбыл номер четвертый, раздробило плечо. Остальные нетронутые. У пушки заклинение. Зараз справлять будем.

С а г а й д а ч н ы й. Не страшно... На третьем вон пушку снесло, как щепочку. *(Замечает странный вид Шарабанова.)* Что с вами? Ранены?

Шарабанов молчит.

С т а в р и д и. Это, товарищ старший лейтенант, извиняюсь, бракованная модель бойца.

С а г а й д а ч н ы й. Не понимаю. Прошу толковей и без загадок.

С т а в р и д и. Какая ж в нем загадка? Как на ладошке! Нервочками от бомбочки захворал. С боевого поста головой в норку, как суслик, нырнул, вибрион!

С а г а й д а ч н ы й. Вы бы, Ставриди, не швырялись словами, которых не понимаете. *(Смотрит на Шарабанова.)* Так!.. Я-то думал, что принимаю настоящую батарею с настоящими бойцами. А выходит...

С т а в р и д и. Не все же такие. Это семейный урод!

С а г а й д а ч н ы й. Помолчите, Ставриди! *(Шарабанову.)* Какого года службы?

Ш а р а б а н о в *(опустив голову, чуть слышно)*. Первого.

С а г а й д а ч н ы й *(резко)*. Громче!.. Умели струсить — умейте отвечать. На батарее давно?

Ш а р а б а н о в. Третью неделю.

С а г а й д а ч н ы й. Родом откуда?

Ш а р а б а н о в. Смоленской области, колхоз «Заря».

Сагайдачный. Здорово земляков и родителей порадуете!

Шарабанов. Нету у меня родителей, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Сиротой росли?

Шарабанов *(опять тихо)*. Нет! Фашисты родителей кончили.

Сагайдачный *(мягче)*. Как же так? Родителей фашисты кончили, а вы от фашистских бомб стрекача даете?

Шарабанов. Обомлел, товарищ старший лейтенант. Очень напугался.

Сагайдачный. Что ж мне с вами, таким, делать? А?

Шарабанов *(отчаянно)*. Пошлите под расстрел. Все равно мне теперь жизни не выходит. На людей смотреть стыдно.

Сагайдачный. Не пойму. Бомбежки струсили, а расстрела не боитесь?

Шарабанов. Не боюсь! Если на смерть напрямки глядеть — она не страшная. А как она невесть откуда кидается, исподтишка, тогда боязно. Не сумел совладать.

Сагайдачный. Нужно уметь! Кто со страхом не может справиться — не боец, а кисель в штанах. На войне всем страшно. Думаете, мне не страшно? Но против страха есть дисциплина. Что такое дисциплина? Знаете?

Шарабанов молчит.

Это умение бойца безотказно делать в бою то, чего делать не хочется, что делать страшно, но нужно, потому что этого требует от человека родина. Запомните и подумайте. Будете это помнить — больше не струсите. Ясно?

Шарабанов. Понятно, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Ступайте на место! Но если сдадите вторично, не пощажу.

Шарабанов. Больше не будет, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. И почаще вспоминайте, кто убил ваших близких... *(Остальным.)* А ну, орлы, за работу! Налет повториться может, а у вас пушка заела.

Н е щ е п а. Берись, хлопцы! *(Идет к пушке.)* Де тут заклинило?

Расчет собрался у пушки.

П е р в ы й м а т р о с *(пытаясь вращать штурвальчик вертикальной наводки)*. Не провертывается. Или где осколочек в шестеренку заскочил, или зуб треснул. Ни туда, ни сюда.

Н е щ е п а *(засучивая рукава)*. А ну, дай-ка попытаю. *(Становится на лафет, берется обеими руками за ствол и, напрягаясь, тянет вниз.)* Ну, круторога! Цоб-цобе!

Слышен легкий треск, жужжание шестерни, и ствол опускается.

А ну, проверни зараз!

Первый матрос вращает штурвальчик, и ствол пушки плавно идет кверху.

Добре! Ось и без аварийной обошлося.

В т о р о й м а т р о с. Силенка у вас, товарищ старшина! Вы, часом, не смогли бы снести ту пушечку до адмиралтейства?

Н е щ е п а. А будет треба, то и снесу, та ще с тобою разом... Кончить разговоры! Прочистить орудие!

В котловане появляется К а м е н е ц к и й. Он немолод, китель сидит на нем мешковато, низко подвешенная кобура при каждом шаге бьет его по ногам. Но фуражка блином лихо заломлена на затылок. Он идет, подслеповато щурясь и вглядываясь.

К а м е н е ц к и й *(подойдя к Сагайдачному)*. Товарищ, не встречали командира батареи?

С а г а й д а ч н ы й *(в изумлении)*. Да ты здоров ли, старик? Что с тобой? Меня и обо мне же спрашиваешь? Контужен, что ли?

К а м е н е ц к и й. Ой, так это ты!.. Контужен... Хуже! Проклятые очки воздушной волной сорвало. Все обшарил, коленки протер, лазая, бойцы искали — ни следа... Что делать, прямо не знаю. И, как назло, сейчас очки нужны до зарезу.

С а г а й д а ч н ы й. Почему именно сейчас?

К а м е н е ц к и й. В продбазу еду. Вчера из Новороссийска «Кахетия» прорвалась, подарки бойцам привезли. Нужно получить и привезти.

С а г а й д а ч н ы й. Чего ж самому таскаться? Послал бы.

Каменецкий *(возбужденно)*. Да что ты?! Подарки — серьезное дело! Да ты знаешь, что такое хозяйственники? Сам не приглядишь — обязательно чего-нибудь напутают. В оба глаза смотреть надо. Не то что без очков, а и без головы поеду.

Сагайдачный. Вижу, недаром бойцы тебя за глаза «папаней» зовут.

Каменецкий. Они и в глаза так... Я этим горжусь.

Сагайдачный. Добро! Езжай! Однако придется тебе поводыря дать... Некрасов!

Некрасов. Есть Некрасов!

Сагайдачный. Съездите с лейтенантом в продбазу. Если ему станут там вместо папирос дамские трусики подсовывать, подымайте шум.

Каменецкий. Шутки — шутки, а надуть могут. Едем, Некрасов.

Каменецкий и Некрасов идут к выходу из котлована. Навстречу по ступенькам спускается Королев. Он среднего роста, крепко сложен, белокур. На нем офицерская фуражка с серебряной эмблемой, китель тоже с серебряными пуговицами, но без нарукавных нашивок.

Королев *(Каменецкому)*. Простите, где я могу найти командира батареи?

Каменецкий *(наугад тычет в воздух)*. Вон, у орудия.

Некрасов *(улыбаясь)*. Неправильно курс взяли, товарищ лейтенант. Товарищ командир батареи, наоборот, вон где.

Каменецкий. А, черт! Пропаду без очков! *(Уходит с Некрасовым.)*

Королев *(подойдя к Сагайдачному)*. Скажите, пожалуйста, вы командир батареи?

Сагайдачный. Точно!.. Товарищ Нещепа!

Нещепа. Есть!

Сагайдачный. Людям отдыхать, не отходя от орудия. И смотрите в оба.

Нещепа. Понятно... Шабаш, хлопцы! Отдохнуть, перекурить!

Матросы усаживаются у орудия и закуривают.

Королев. Скажите, пожалуйста, вы командир батареи?

Сагайдачный. Точно. Слушаю вас!

Королев *(протягивая руку)*. Очень рад познакомиться. Наконец я до вас добрался. Два часа блуждаю по горам, как путник в пустыне, и не могу найти. Я ведь назначен к вам на батарею.

Сагайдачный *(не принимая руки, сухо)*. Товарищ командир, вас учили, как нужно являться к начальнику?

Королев *(озадаченно)*. Да я, собственно, еще совсем не командир. Это только форма на мне...

Сагайдачный *(перебивая)*. Час от часу не легче! Кто же вы? Самозванец?

Королев. Что вы?.. Я поэт!

Сагайдачный. Как?

Королев. Поэт... Вчера прилетел из Москвы по направлению военной комиссии Союза советских писателей.

Сагайдачный. Туманно! Союз писателей назначил вас на мою батарею?

Королев. Да нет же!.. Союз направил меня в Наркомат военно-морского флота, оттуда послали в Пуфлот Черноморского, а уж из Пуфлота к вам.

Сагайдачный. Сложная кривая!.. Какая специальность? Артиллерист?

Королев. У меня никакой военной специальности.

Сагайдачный. Понятно!.. Лучше бы Пуфлот вместо вас мне грузовиков подбросил... Что же вы намерены здесь делать? Отображать... или как это у вас называется?

Королев. Право, не знаю. Мне просто хочется быть на фронте.

Сагайдачный. Логарифмическая точность! А как ваша фамилия?

Королев. Королев!.. Виктор Королев... Может быть, читали?

Сагайдачный. Не имел удовольствия. Я грубый моряк... А почему вы именно ко мне направлены?

Королев. Я просил Пуфлот указать мне интересное место. Мне посоветовали вашу батарею.

Сагайдачный. Ни к чему!.. Здесь запросто могут угробить.

Королев *(вспыхнув)*. Я не за безопасностью приехал. Я ее дома имел... Но если я вам не нравлюсь, отправьте меня обратно.

С а г а й д а ч н ы й *(посмотрел внимательно).* Да нет, оставайтесь. Может, и заживем по-хорошему. Идите к начхозу, пусть он вас устроит, а там увидим.

К о р о л е в. Ладно! А где ваш начхоз?

С а г а й д а ч н ы й. Ладно?! Это не ответ! Повторите приказание. Что вам было приказано?

К о р о л е в. Пойти к вашему начхозу...

С а г а й д а ч н ы й. Просто к начхозу, без «вашему»... Отучайтесь от лишних слов. Полагается ответить: «Есть отправляться к начхозу».

К о р о л е в. Есть отправляться к начхозу.

С а г а й д а ч н ы й. Теперь правильно! А начхоз в блиндаже, вон у тех кустиков.

Королев, козырнув, уходит. Сагайдачный усмехнулся вслед.

Н е щ е п а *(слышавший разговор).* Новый командир до нас, товарищ старший лейтенант?

С а г а й д а ч н ы й. Зародыш командира! Поэт!

Н е щ е п а. Как?

С а г а й д а ч н ы й. Поэт!

В котловане пищит зуммер.

Т е л е ф о н и с т. «Русалка» слушает... Есть! Товарищ командир батареи, вас!

С а г а й д а ч н ы й *(берет трубку).* Да! Слушаю... Ну?.. Не порите горячку, знаю. Приготовьте все к переходу... Сейчас распоряжусь. *(Кладет трубку.)* Товарищ Нещепа! Холм с домиком возле кладбища знаете?

Н е щ е п а. Точно!

С а г а й д а ч н ы й. Переносим туда командный пункт. Старый нащупан немцами. Сегодня два прямых попадания... Да с холма и обзор будет лучше. Выделите пятерых человек с саперным инструментом. Пока пойдем, дам вам чертеж разбивки. *(Уходит с Нещепой.)*

Брилев, постлав на колени платок и разложив на нем ломти сала, аппетитно уплетает его.

П е р в ы й м а т р о с. А здоров ты покушать, Брилев.

Б р и л е в *(жизнерадостно).* Есть такое! Я человек жадный. До чего я, братки, жить люблю! Так бы и жил без конца. Жизнь ведь повтору не даст. Ну, раз живешь — радуйся! Всему радуйся! А радоваться здоровому способней. Меня родитель всегда наставлял: «Помни, Егор,

здоровье — всему фундамент, а еда человеку — наибольший друг. Кто сыт — не будет бит». И верно, выходит. Родитель уже немалых годов достиг, а силы еще — что у бугая. Пальцем гвозди в стенку вдавливает. И вся наша порода до ужаса здоровая и радостная.

Второй матрос. Однако какое твое здоровье ни есть, а против нашего старшины не выстоишь. Видал, как с пушкой управился? Аж сталь пискнула.

Брилев. Это мы еще посмотрим, кто кого.

Возвращается Нещепа.

Нещепа. Хлопцы! Пятерым с подвахтенной смены приготовить саперный.

Ставриди. Кстати поспели, товарищ старшина. Тут это травоядное *(показывает на Брилева)* похваляется, что может вас побороть.

Нещепа *(добродушно)*. Хай спробуе! Можно.

Брилев. Вот покушаю, и схватимся.

Первый матрос. Да уж дайте докушать. Он салом силу нагуливает.

Ставриди. Один знаменитый силач в старину накапливал силу при помощи средства для ращения волос. Самсоном звали! А наш пузом набирает.

Смех. Брилев сложил платок и встал.

Брилев. Готово. По французской будем или как?

Нещепа. На що мени твои хранцузы? Воны с Гитлером по-своему боролыся, так що вышло — бачив? Давай по-нашему, по-батькивски.

Ставриди. Ну, держись, ты, чемпион смальца.

Смех. Оглядывая друг друга, Нещепа и Брилев хватают один другого за пояса. Матросы окружили их. Внезапно Нещепа легко отрывает Брилева от земли и под свист и смех укладывает его на спину.

Горячкин. Недолго мучилась старушка.

Второй матрос. Надо до кока сбегать, еще шматок сала схарчить. Не рассчитал горючего.

Брилев *(поднимаясь)*. Это не считается. Я взяться не успел.

Нещепа. Ще хочешь? Можно!

Брилев. Вы не силой кладете, товарищ старшина. У вас прием секретный. Боритесь по-честному, без штучек.

Н е щ е п а. Ты що брешешь? Сроду никого хитростью не клав. Ну!

Схватываются вторично. Нещепа опять ломит Брилева, но вдруг вскрикивает и с силой отталкивает противника. Брилев, отлетев, ударяется спиной о стенку котлована.

Н е щ е п а. Оце вже не по-людски!

П е р в ы й м а т р о с. А что?

Н е щ е п а. В живот коленкой вдарил.

Г о р я ч к и н. Эге, Брилев! Силенки нет, так ноги рукам на подмогу позвал?

С т а в р и д и. Матч прекращается по причине свинского поведения пожирателя сала.

Хохот. Брилев стоит у стенки, потупясь, сжав кулаки, красный и возбужденный, и тяжело дышит.

Г о р я ч к и н. Вы поглядите! Ей-богу, сейчас заплачет. Дайте кто кусочек сахару дитяти пососать в утешенье.

Н е щ е п а *(добродушно)*. Тю, дурный! Що ж ты так рассерчав? Сам же навязався. Знав бы я, що ты такий, я б тебе и не трогав.

Б р и л е в. А ну вас всех к черту! *(Быстро направляется к выходу.)*

Н е щ е п а. Товарищ Брилев! Вы куда? Я вас не отпускав от орудия.

Б р и л е в *(угрюмо)*. Я руку о камень поранил, когда упал. Разрешите пойти йодом залить.

Н е щ е п а. Покажите!

Брилев показывает.

Ну и повреждение! Стыдно с такой кошачьей болячкой медперсонал тревожить.

Б р и л е в. Может засориться. Воспаление сделается — работать не смогу. Разрешите идти?

Н е щ е п а *(сухо)*. Идите!

Брилев уходит.

Ну и ну! Який характерный! Хто ж его зна́в.

За сценой сигнал воздушной тревоги и крик: «Воздух!»

По местам! Орудие к бою!

Все бросаются к орудию. За сценой треск пулеметов.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Местность на вершине холма. В глубине сцены гряда камней, поросших колючками держидерева, за которой синим огнем сквозит море. Справа домик типа будки железнодорожного стрелочника, под черепицей, с крылечком в три ступеньки. Слева гранитный обелиск с бронзовым орлом на верхушке. Посредине большая клумба с цветочным узором — пятиконечная звезда из красных гвоздик на двух перекрещенных якорях из маргариток. Д з ю б е н к о, кряжистый, крепкий старик с сивыми усами, в выцветшей, залатанной тельняшке с обрезанными рукавами, в широкополом соломенном бриле, поливает лейкой цветы. Слышен беспрерывный рокот артиллерии. Вечереет.

Д з ю б е н к о *(прислушиваясь)*. Эва, как садят!.. И откуда тот бешеный кобель Гитлер на свет народился? Промежду людей — и такое стерьво выросло. Рвать его сразу надо было, как будяк с клумбы. *(Вздыхает.)* Эх, худо будет нынче нашим цветочкам! Не доживут, сердешные, короткого своего веку. Принесть еще водицы? Пусть попьют напоследок. *(Уходит.)*

За сценой перезвон гитары, на которой наигрывают марш. Из-за обелиска показываются С т а в р и д и, Б р и л е в и Г о р я ч к и н. Ставриди идет впереди налегке, с гитарой, на грифе которой красуется пышный голубой бант. Двое других нагружены шанцевым инструментом и связкой разбивочных вешек.

С т а в р и д и *(оборвав марш)*. Храбрая дивизия, стой! *(Огляделся.)* Развьючивайтесь, одногорбые!

Брилев и Горячкин сваливают инструмент у подножия обелиска.

Г о р я ч к и н *(садится на ступеньку и обмахивается бескозыркой.)* Уфф, упарился! В бане на полке и то прохладней.

С т а в р и д и. Не плачь, Сережа. Дальше еще жарче будет.

Б р и л е в *(читает надпись на обелиске)*. «Незабвенным дедам — признательные внуки». Это кому же такое?

С т а в р и д и. У вас, адмирал, был когда-нибудь дедушка?

Б р и л е в. Как водится.

С т а в р и д и. Так вот, внук вашей бабушки воздвиг вашему дедушке. Понятно? *(Вынимает платок и тщательно обтирает гитару.)*

Б р и л е в. Чудеса!.. Иной за девушкой так не ухаживает, как ты за своей гитарой.

Ставриди. Вполне объяснимо, поскольку гитара лучше. Она тебе издает какую хочешь ноту, в то время как с девушками получается часто наоборот. Ты просишь нежного «ля», а тебе в ответ грубое «ре». А гитара — подруга послушная и ласковая.

Брилев. Коли с фрицами до рукопашной дойдет, верно, вместо винтовки с гитарой пойдешь?

Ставриди. В штыковую я с тобой рядком пойду, посмотрю, как ты звенеть будешь. А гитару в тихом месте оставлю, и не дай бог фашисту мою гитару попортить.

Брилев. Нашел что беречь! Лишь бы самого не попортили. А еще хуже, коли убьют. Ведь как же жаль умереть, не доживши...

Горячкин. До чего не доживши?

Брилев. До своего сроку!

Горячкин. А он у тебя где записан, тот срок? Вот чудной! Все равно, живи не живи, а когда-нибудь помрешь.

Брилев. То другое дело. Молодым помирать неохота.

Горячкин. Смотря за что помирать. За свою землю стоим, за будущее.

Брилев. Вот и хочу жить, чтоб мне его видеть!

Ставриди. И где вас плодят, таких жоржиков?

Нещепа *(входя)*. Ставриди!

Ставриди. Есть Ставриди.

Нещепа. А ну, давай разбивку робить. *(Вынимает листок бумаги.)* Блиндаж треба отрывать ось тут, де камни.

Горячкин. Трудновато, товарищ старшина. Сплошная скала!

Ставриди. Имеется проект рационализации.

Нещепа. Ну, чего ще учудишь?

Ставриди. Прошу обратить внимание на данное произведение садоводства. *(Показывает на клумбу.)* Грунт тут каторжный, а клумбы, между прочим, как известно, организуются на заранее взрыхленной почве. Если отрывать на клумбе — куда легче пойдет.

Нещепа. А то ж добре!

Ставриди. Я ж и говорю! Рационализация!

Нещепа. Бери инструмент. Починай работу!

Ставриди *(Горячкину)*. Ассистент! Подайте ланцет!

Возвращается Дзюбенко.

Д з ю б е н к о *(увидав Ставриди на клумбе, роняет лейку)*. Это что ж за хулиганство такое? Кто дозволил в цветы лазать? Вмиг долой, а то покалечу.

С т а в р и д и. Здрас-сте! Это что за привидение?

Д з ю б е н к о *(хватая стоящие у крыльца вилы)*. Я тебе покажу привидение, таракан балаклавский. *(Бежит к клумбе.)*

Н е щ е п а *(загораживая дорогу)*. Та що вы, диду? Белены обкушались?

С т а в р и д и. Не машите вилочкой, дедушка,— рассыплетесь. А собрать вас обратно нельзя будет, поскольку у нас вашего чертежика не имеется.

Д з ю б е н к о *(вырываясь)*. Я тебя сам на части разберу...

Быстро входит С а г а й д а ч н ы й.

С а г а й д а ч н ы й. Что тут происходит?

Н е щ е п а. Разрешите...

Д з ю б е н к о *(перебивая)*. Гражданин командир, обратите внимание. Разбой! В государственную клумбу влезли, как слоны топают.

С а г а й д а ч н ы й. Ставриди! Уйди с клумбы! А вы кто, старина?

Д з ю б е н к о. Страж!.. По правительственному полномочию, на страже исторических примечательностей.

С а г а й д а ч н ы й. Это каких же?

Д з ю б е н к о *(торжественно)*. Видимого здесь гранитного столпа в воздаяние доблести российских войск при обороне сего места в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом и пятом годах, а равно кладбища воинов, убиенных на посту.

С а г а й д а ч н ы й *(сдерживая улыбку)*. Серьезная должность!.. А что вас так разгневало?

Д з ю б е н к о. Помилуйте! Цветы потоптали.

С а г а й д а ч н ы й. А вы цветы жалеете?

Д з ю б е н к о. А кто ж их не жалеет? Цветы — что дети. Я, гражданин командир, потому на фашиста киплю, что он, сукин сын, деревянная душа, ни цветка, ни дитяти не жалеет. Цветок походя сапожищем сомнет, дитя, не глянув, задавит. Так на то он и фашист!.. А тут свои безобразят.

С а г а й д а ч н ы й. Так!.. Цветы жалеете и детей любите? Это хорошо! Значит, хотите, чтоб они у вас росли-цвели под солнышком, без помехи? Так вот для этого

бывает нужно и клумбой пожертвовать. И не клумбой только... Хатка ваша?

Д з ю б е н к о. Нет! Ну да! Народная!.. А живу я, это точно...

С а г а й д а ч н ы й. И хатку кинуть придется. Фронт подошел, старина. И завтра всякое может случиться.

Д з ю б е н к о. Это я понимаю, гражданин командир. Война не пытает, чего человеку хочется. Надо дом кинуть — кину. Когда выбираться прикажете?

С а г а й д а ч н ы й. Лучше поскорее. Нам строиться надо.

Д з ю б е н к о. Пойду укладываться... А цветы губить не дело. Им и так недолгий срок положен. Пусть живут!

С а г а й д а ч н ы й. Согласен! Пусть живут... Товарищ старшина, клумбу не трогать!

Н е щ е п а. Есть не трогать!

Д з ю б е н к о. Премного благодарен. *(Уходит в домик.)*

С а г а й д а ч н ы й. Товарищ Нещепа, продолжайте разбивку, а я посмотрю, где тут вода имеется. *(Уходит за домик.)*

Н е щ е п а. Пошли, хлопцы! Блиндаж пока оставим, начнем с площадки под дальномер. Ставриди, останься тут, приглянь, щоб старый чего не выкинул. Але сам не чуди!

Нещепа, Горячкин и Брилев уходят. Ставриди садится на ступеньку обелиска и, пощипывая струны, напевает романс «Уймитесь, волнения страсти...». Все больше вечереет. Небо потемнело, море за кустами стало лиловым. Из домика выскакивает растерянный Д з ю б е н к о. За ним М а т р е н а М а т в е е в н а — маленькая энергичная старушка.

М а т р е н а М а т в е е в н а. Где он, твой командир? Да я сама ему выкажу! Да как это можно? Жили, жили — и нате, вытряхивайся. Кто ж такой разор допускает?

Д з ю б е н к о *(мрачно)*. Скачите, Матрена Матвеевна, до Берлина, спросите Гитлера. Он вас просветит.

М а т р е н а М а т в е е в н а. Ты мне, Роман Михайлыч, глаз-то не запыливай. Все равно не сдвинусь! Так ему и объяви! Ну, иди!

Д з ю б е н к о. Пойду, пойду!.. Ох ты, горе мое! *(Уходит.)*

Матрена Матвеевна садится на крылечко и шумно вздыхает.

Ставриди *(на мотив романса)*. Я слышу тяжелые вздохи... Чье сердце порвалось на части?

Матрена Матвеевна. Ты еще откуда взялся?

Ставриди. Кто вас изобидел, мамуля?

Матрена Матвеевна *(обернулась и посмотрела на Ставриди)*. Какая я тебе мамуля?

Ставриди. Извиняюсь... Но из уважения к вашему преклонному возрасту...

Матрена Матвеевна. Чихать мне на твое уважение!

Ставриди. Это ж, мамуля, некультурно. При помощи чихания переносятся инфекционные заболевания.

Матрена Матвеевна. Вот я тебя приласкаю лопатой, так не обрадуешься, сыночек самозванный.

Ставриди. Папаша — вилами, мамаша — лопатой... Замечаю в вашем семействе склонность к употреблению садовых инструментов не по назначению.

Матрена Матвеевна. Помолчи, говорю!

Ставриди *(поет)*. «Уймитесь, волнения страсти, усни, непокорное сердце...» А петь, извиняюсь, можно?

Матрена Матвеевна не отвечает.

Пение даже дельфины уважают. Еще как я на катерах служил, шли мы как-то из Сочей в Севастополь. Командир патефон на мостик вытащил, пластинку завел. Слыхали, верно, Лемешева... «Метелица». Я вам сейчас напою. *(Поет «Метелицу».)* Так дельфины от радости просто очумели. Сплылись к катеру, пляшут, чуть на палубу не прыгают, рыла скалят — до того понравилось.

Матрена Матвеевна. Сделай милость, пой, только не ври!

Ставриди *(поет)*. «Ты постой, постой, красавица моя...»

Возвращается Дзюбенко.

Матрена Матвеевна. Нет, теперь уж ты постой!.. *(Мужу)*. Ну, сказал командиру?

Дзюбенко. Не видать командира нигде.

Матрена Матвеевна. Где хочешь ищи.

Из-за камней выходит Сагайдачный.

Сагайдачный. Старина! А где у вас колодец?

Дзюбенко *(хмуро)*. Колодезя тут нема! Не рыли по причине запрещения от начальства, поскольку рядом погребено множество павших воинов.

Сагайдачный. А откуда же воду берете?

Дзюбенко. На сивке из балочки возил. Там криница.

Матрена Матвеевна *(сходит с крыльца и решительно идет к Сагайдачному)*. Вы, что ль, главный командир?

Сагайдачный *(весело)*. Определенно я...

Дзюбенко делает жене предупредительные знаки, но Матрена Матвеевна отмахивается.

Матрена Матвеевна. Так я вам напрямки скажу, что я с этого места шагу не сделаю. Ногами вперед меня вынесут, а раньше — ни-ни. Где ж это видано так людей выгонять?

Сагайдачный. Как вас зовут?

Матрена Матвеевна *(опешив)*. Меня?.. Матреной Матвеевной люди кличут.

Сагайдачный. Кто же вас гонит, Матрена Матвеевна? Вы только примите во внимание, что вам лучше в город уйти. Завтра сюда бомбы посыплются.

Матрена Матвеевна. Испугалась я ваших бомбов! Полгода вокруг падают. А я тут тридцать годов прожила и дожить хочу. Все моими руками делано. Чтоб я это кинула? Ни в жизнь!

Дзюбенко *(виновато)*. Гражданин командир, не замечайте. Старая — что с нее возьмешь? И скопидомством ушибленная. «Мое» да «мое»! Известно, женское неразумие.

Матрена Матвеевна. Ты об ком это? На кого сычишь? Тоже, мужчина нашелся. Толку с вас, мужчин, как с козла молока. Вы свою землю отстоять не можете, а из-за того народ дома лишайся?

Дзюбенко. Да вы сбесились, Матрена Матвеевна. При командире — и такие слова! Кого ругаете?

Сагайдачный. Правильно ругаете, Матрена Матвеевна. Плохо мы еще свою землю защищаем. Плохо! Но сейчас не до спора. Дом все-таки нам занять придется. Чтоб не пятиться дальше, стать накрепко.

Дзюбенко. Одну минуточку! Вы возьмите ж в толк, Матрена Матвеевна. Домик-то не наш — государственный... Коли государству надо...

Матрена Матвеевна. Да отвяжись! А я про дом не прошу. А садика своего, малинника своего не по-

кину. Я женщина простая, я и в сарайчике проживу. И тут и помру, где моя жизнь прожитая.

Сагайдачный. Ну, тогда все в порядке. Садиком не интересуемся. Если не страшно, живите!

Дзюбенко. Одну минутку! Матрена Матвеевна! Да вы сообразите. Ведь тут до смертного боя дойдет.

Матрена Матвеевна. А я что? Честной смерти недостойна? Воинский конец лучше принимать, чем от хворости кончаться.

Дзюбенко. Ну, а я? Ах ты ж, господи Гражданин командир! Дозвольте и мне в таком обороте при супруге остаться. Сам я цусимский инвалид, сверхсрочной службы боцманмат. Срожденный севастополец. К данной должности определен по увечью, но душой до флота остался привержен. Тельняшки по гроб не скину. Не откажите, чтоб еще родной земле послужить. До оружия мои руки уже несправные, так хоть воду вам возить буду. Дайте согласие!

Сагайдачный. Вот как! Значит, и вы моряцкого закала?

Дзюбенко. А как же! С броненосца «Князь Суворов». Может, слыхали про прапорщика Курселя?

Сагайдачный. Не припомню.

Дзюбенко. Боевой был, хоть и не из кадровых. В ту пору, как адмирал Рожественский, извините за такое слово, от нас сбежал, а броненосец вдрызг расшибли, остались мы с прапорщиком вдвоем при кормовой семидесятипяти... Гвоздили по японским миноноскам, пока «Суворов» не опрокинулся. Смелый был, герой, постоял за Россию, вечная ему память.

Сагайдачный. А вы как же?

Дзюбенко. Выплыл, хоть ногу перешибло. Японцы подняли.

Сагайдачный. Хорошо, боцман. Вижу, вы и Матрена Матвеевна — пара дружная... Оставайтесь!

Дзюбенко. Премного благодарю. *(Вдруг командным тоном.)* А ну, Матрена Матвеевна, хватит лясы точить! Пошли до хаты, сберем, что надо, в сарайчик перетащим... Живо! *(Уходит с Матреной Матвеевной в дом.)*

Ставриди. Стойкий элемент, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Коренные севастопольцы! А у них характеры прочные. От камня! Камень кругом! И ка-

кой камень! Озаренный славой, спаянный кровью. Вот они этой славой живут, в сердце ее носят. И их не сломить!

Уже совсем стемнело. Небо заливается оранжевым светом восходящей луны. На гряде камней появляются фигуры бойцов с лопатами и кирками.

Голос. Где тут товарищ старшина со второго взвода?

Сагайдачный. Ставриди! Проводите людей к старшине!

Ставриди. Пошли, товарищи!

Сагайдачный отходит в глубину, взбирается на камни. Море озарено лунным блеском. Дрожит на нем золотая дорожка.

Сагайдачный. Эх, как закат пылает! Червонным золотом! *(Пауза.)* «Прощай, свободная стихия! В последний раз передо мной...»

Лунную дорожку пересекает темный силуэт корабля.

Нет, Черное море, не прощаюсь с тобой! Еще встретимся. Не будет враг твою волну поганить! Не будет!

Сильный орудийный удар.

Говори! Крепче говори, Севастополь! Чтоб весь мир тебя слышал!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Блиндаж. Тяжелые бревна паката, обшитые досками стены. На гвоздях висят плащи, шинели, автоматы. В левом углу две походные койки. Стол из двери, положенной на ящики. Ящики вместо стульев. В правом углу уходящие вверх ступени. На одной из коек лежит Каменецкий. Он читает газету, держа у глаз черепаховый лорнет. Другие газеты разбросаны по всей койке и покрывают Каменецкого, как бумажное одеяло. У стола, опершись коленом на ящик, нагнулся над разостланной картой Сагайдачный. Аккумуляторная лампочка бросает круг света на карту.

Сагайдачный *(в телефон)*. Есть, есть, товарищ генерал. Вчера птичек четыре. Всего семнадцать. Списки послал, товарищ генерал! Служу Советскому Сою-

зу! *(Кладет трубку, наклоняется над картой, делает несколько отметок и вдруг декламирует.)* «Война! Подъяты наконец, шумят знамена бранной чести...» А? Здорово сказано? Знамена бранной чести! Жаль, старик, что мы разучились торжественно говорить.

Каменецкий. То есть?

Сагайдачный. Я вот нашему боцману цусимскому позавидовал.

Каменецкий. По какому случаю?

Сагайдачный. В тот день, когда мы его домик под командный пункт занимали, я его спросил, какая у него тут должность. А он в ответ: «Страж по охране видимого здесь гранитного столпа в воздаяние доблести российских войск»... Заметь, не сторож какой-нибудь, а именно страж. Не столб, а столп. С «п» на конце, как у Пушкина: «Александрийского столпа». Вот такую высокую русскую речь хранить бы надо. Трудные у нас дни. Нужно, чтобы командирское слово солдату в сердце западало и огнем жгло. «Глаголом жги сердца людей». А мы часто по стандарту, дохлыми канцелярскими словесами лепим.

Каменецкий. Ну, высокопарно разглагольствовать тоже не след.

Сагайдачный. Высокопарно не надо. А высоко нужно. Вот я вчера тебя слушал на политчасе. Дельно говорил, и мысли у тебя нужные, но, уж извини за откровенность, слова скучные. Из газеты понатаскал, да еще в кашу разжевал. Ну, и дохнут на лету, до солдатской души не долетев.

Каменецкий. Спасибо!

Сагайдачный. А я не в обиду. В человеке главное — речь. Речью он выше всего живого встал. Так у него речь и должна быть живой и прекрасной.

Каменецкий. А это ты точно сказал. Не думал, что ты такой поэт. Кстати, о поэтах. *(Берет телефонную трубку.)* Пятнадцатый! Как связь с седьмым? Что, нет связи? Наладить и доложить! *(Положил трубку.)* Ты что, нашего поэта решил насмерть заучить?

Сагайдачный. А что?

Каменецкий. Утром вылезаю из блиндажа — вижу, сидят они с Нещепой под деревом. Вид у поэта обалделый, и глаза на лоб. Спрашиваю: в чем дело? Нещепа объясняет, что по твоему приказанию проходит с ним материальную часть. «Только, говорит, товарищ

письменник нияк не визьме у толк действия компрессорного приспособления». А с поэта пот градом.

Сагайдачный хохочет.

Что тебе вздумалось его мучить?

С а г а й д а ч н ы й. Пусть попотеет. Злей будет... А то приехал отражать. Тоже мне отсечка-отражатель на своих двоих.

К а м е н е ц к и й. Чего ты на него взъелся? Мне сдается, он хороший парень.

С а г а й д а ч н ы й. Сам вижу!.. Потому и приучаю к делу. Иначе выгнал бы в два приема. Хочет быть у нас — пусть работает. Каждая рука на счету. И мне не зрители нужны, а товарищи... бойцы.

К а м е н е ц к и й. Ах ты, хитрюга!

С а г а й д а ч н ы й. А ты думал! *(Делает еще несколько отметок на карте, кладет карандаш, выпрямляется, несколько раз разводит руками, как на зарядке. Берет телефонную трубку.)* Дайте одиннадцатый! Что у вас? Хорошо! *(Кладет трубку.)* Ф-фу! Спину свело!.. Что в газетах нового?

К а м е н е ц к и й. Союзники восхищаются героизмом защитников Севастополя...

С а г а й д а ч н ы й. Восхищаются? Пусть восхищаются! Им полезно. Их дедушки тут уже восхищались однажды. Внуки не прочь были бы пойти по их следам, да Гитлер дорогу перебежал. *(Поднимает с полу газету, упавшую с койки, бегло проглядывает, вдруг оживляется и быстро отрывает кусок.)*

К а м е н е ц к и й *(привскочил)*. Стой! Ты что делаешь? Газеты к бойцам спустить надо, а ты рвешь.

С а г а й д а ч н ы й. А здесь как раз то, что одному бойцу очень нужно. Для воспитательной работы... *(Расхохотался.)* До чего же ты, старик, хорош с лорнетом! Прямо великосветская дама в брюках.

К а м е н е ц к и й. Смейся, смейся! А я рад, что хоть лорнет добыл. Посмотри, настоящий черепаховый!

С а г а й д а ч н ы й. Сам ты черепаха!.. *(Пауза, прислушался.)* Молчат? Чего это фрицы молчат? *(Прячет в карман обрывок.)* Да, слушай, старик. Я все забываю спросить — ты до войны где жил?

К а м е н е ц к и й. В Ленинграде.

С а г а й д а ч н ы й. Да ну! На какой улице?

Каменецкий. Маяковского. Бывшая Надеждинская.

Сагайдачный. Что ты говоришь? Так мы почти земляки. Я по твоей улице часто бродил, будучи курсантом. Девушка там жила. Надеждой звали. Вот я всю Надеждинскую и истопал в несбыточных надеждах.

Каменецкий. Несбыточных?

Сагайдачный. Да!.. Красивая была. Рыжая!

Каменецкий. А разве это препятствие?

Сагайдачный. Я рыжих боюсь. Меня в детстве рыжая кошка подрала.

Каменецкий *(засмеялся)*. Фантазер!

Сагайдачный. Это во мне есть... А работал где?

Каменецкий. В разных местах. Последние годы в Тэжэ.

Сагайдачный. По какой специальности?

Каменецкий. Составитель букетов.

Сагайдачный *(изумленно)*. Как?

Каменецкий. Не понимаешь?.. Я новые духи изобретал. Я химик по ароматическим веществам.

Сагайдачный *(мрачно)*. Духи-и! Кому нужно?

Каменецкий. Не скажи! Вот ты за своей девушкой бегал и, наверное, до сих пор запах ее духов не забыл?

Сагайдачный. Представь, даже не знал, душилась ли она.

Каменецкий. Тогда, значит, не всерьез любил. А во-вторых, она не моими душилась. Моих не забывают. Вот подумай: я немолодой, седеющий, некрасивый...

Сагайдачный. Врешь! Ты вполне в женихи...

Каменецкий. Не утешай! Не в том суть. А пойми, что я, такой как видишь, был для влюбленных незримым чародеем. Я околдовывал волшебными ароматами, пьянил, соединял сердца...

Сагайдачный. Фью-ю! Никак не думал, что ты такой социально опасный тип.

Каменецкий. А сам оставался невидимкой... А между тем «Красный мак» — это я, Каменецкий, «Белая ночь» — тоже я. И «Роза Риона» — я... И мечтаю теперь после войны создать такой букет... И название есть: «Заря Победы».

Сагайдачный *(подумав)*. Звучит!

Сверху в блиндаж спускается Королев. Сагайдачный обернулся.

Королев. Добрый вечер!

С а г а й д а ч н ы й. А, вы! Вас мне и нужно.

К о р о л е в. А что такое?

С а г а й д а ч н ы й. А то, что вы мне бросьте фокусы выкидывать. Иначе я вас вмиг обратно в Пуфлот. Заказной бандеролью! Ясно?

К о р о л е в. Какие фокусы?

С а г а й д а ч н ы й. Кого вчера понесло во время бомбежки на валик? Кто торчал на виду, как скворечня?

К о р о л е в. Но мне было интересно. Я впервые видел бомбежку. Мне хотелось все видеть.

С а г а й д а ч н ы й. Храбрость хвалю тогда, когда она умная. А такой не признаю. Угробят вас попусту, а мне донесение придется писать о гибели юного дарования. А это хуже любой поэмы. Извольте без толку не лезть.

К о р о л е в. Что же мне, в норы забиваться? Так я ничего не увижу. И перед людьми стыдно.

С а г а й д а ч н ы й. А вообще объясните — кой черт вас сюда, в кашу, понесло? Ну, мы солдаты. Нам по штату положено. А вы? Могли бы дома сидеть да стишки пописывать.

К о р о л е в *(пристально посмотрел на Сагайдачного)*. Знаете, я ведь уверен, что в душе вы хороший и чуткий человек. И не понимаю — чего ради вы притворяетесь бурбоном?

К а м е н е ц к и й *(расхохотался)*. Вот это сразил! Молодец!

С а г а й д а ч н ы й. Меня пока оставим в покое. Вы на мой вопрос отвечайте. Что вас сюда привело?

К о р о л е в. Если вас интересует, пожалуйста.

С а г а й д а ч н ы й. Валяйте!.. Люблю в человека вкапываться. Занимательный механизм! Рассказывайте!

К о р о л е в. Жил до войны обычно, как все люди. Писал, меня печатали. Но чем дальше, тем больше росло внутри беспокойство. Трудно передать это.

Запищал зуммер телефона.

С а г а й д а ч н ы й *(взял трубку)*. Да... да... Так... Так... Ну, и что же? Ага! А, собственно, объясните мне, товарищ техник-интендант: кто у нас начальник связи — вы или я? Оч-чень приятно! Так какого дьявола вы каждые полчаса суетесь ко мне за советами по вашей технике? Желаете перестраховаться или смыслите в своем деле, как римский папа в таблицах стрельбы? Что?.. Хватит языком вертеть! Мне не нужны командиры, которые на

буксире ползают... *(Кладет трубку.)* Вот же послал бог ихтиозавра!.. Продолжайте, поэт!

Королев. Вот я говорю — трудно передать это... Летит на крыльях большая жизнь, а я со стороны смотрю на нее, вижу кусочки и целого беглым взглядом не могу охватить. Я пишу, меня печатают, я пишу, меня печатают, а в глазах людей стал замечать: без дела путаешься, мир с великим трудом и великими радостями от тебя уходит. Так мутно стало в последнее время, что прямо хоть людям в глаза не смотри: словно приговор в этих глазах — и суровый.

Сагайдачный. За что же приговор? Не вижу преступления.

Королев. Возможно. Но так казалось. И вот понял я, что, не участвуя в жизни и труде людей, нельзя их работу стихами славить.

Каменецкий. Так стихи ваши — это ж тоже работа. Всякому свое.

Королев. Нет, неверно! Глаголом жечь сердца людей можно только тогда, когда знаешь, чем и как люди живут, не понаслышке... И вот пришла война. Вспомнилось, что в былые времена много русских писателей кровно были с армией связаны, шли в солдатских рядах. Державин, Денис Давыдов, Лермонтов, Гаршин. Лев Толстой здесь, в Севастополе, воевал и писал. Шли вместе с народом. И душу народа через солдата знали. А душа народная для писателя как живая вода.

Сагайдачный *(внимательно слушавший)*. Постойте! Наплели вы, мой друг, романтики. Но, в общем, честно. *(Вдруг хлопнул Королева по плечу.)* Знаешь, поэт, вижу, что из тебя толк может выйти.

Королев. Если бы так. Я уж сомневаться стал. Путаюсь в трех соснах — и выкарабкаться не могу. Но сюда ехал с большой надеждой. И рад... Ведь прав Толстой, что тут проникает в душу чувство мужества, гордости и кровь быстрее обращается в жилах. Сколько раз до войны через Севастополь на пляжи ездил. А только сейчас понял, что это не просто город, а символ величия народного духа и славы. *(Декламирует.)*

Сквозь огненный град
Не проложит дорогу
К священным камням
Севастополя враг...

Сагайдачный. Правильно! Только, если уж в тебе так военная косточка зашевелилась, надо было прямо в школу лейтенантов.

Королев. Просился!.. Отказали. Сказали, что у меня военно-учетная категория культурно-просветительного профиля.

Сагайдачный. Да, профиль для тебя неподходящий, как погляжу. Но не скучай. Если хочешь, мы из тебя офицера сделаем. Настоящего.

Королев. Я был бы очень благодарен.

Сагайдачный. Тогда вот что... Хоть ты малость и подпорченный самоанализом, но дружба у нас вполне может получиться. Так запомни, что я друзьям всегда «ты» говорю и от друзей того же требую.

Королев. Хорошо! *(Засмеялся.)* Видишь, я же угадал, что ты душевный человек. Ты мне сразу понравился. С первого слова. Хоть и встретил так...

Сагайдачный. Невежливо?

Королев. Нет! По-деловому. Так вот, и дай мне работу скорей, чтобы я без дела не слонялся... Приставь снаряды подавать, что ли.

Сагайдачный. Зачем? Ты человек образованный. Найдем занятие умней. Ты, кроме поэзии, в чем силен?

Королев. То есть как?

Сагайдачный. Да просто. Вот взгляни на Каменецкого. У него в миру была такая вредная специальность — влюбленных духами одурял.

Каменецкий. Не дашь мне теперь житья.

Сагайдачный. Так у тебя какой-нибудь такой второй профессии не имеется?

Королев *(растерянно)*. Н-нет! Право, не знаю... Разве спортом занимался. Могу быть инструктором по лыжам.

Сагайдачный. Весной в Крыму несвоевременно.

Королев. Еще радиолюбительством занимался. В школе председателем кружка коротковолновиков был. Сколько приемников понастроил... Каких передатчиков не делал! Соберу — опять разберу... С Австралией связь держал. Приз на слете...

Сагайдачный *(радостно)*. Стоп!.. Что же ты, черт, вокруг да около, а о главном молчок? Ты же мне, как деве архангел, послан! Мне начальника связи подсу-

нули — редкое ископаемое. Слышал сейчас, как я его по телефону ласкал? Займешься связью!

Королев. А вдруг я тоже плох буду?

Сагайдачный. Не смеешь! Будешь плох — душу вывинчу. Согласен?

Королев. Попробую.

Сагайдачный *(снимает телефонную трубку)*. Соедините с пятнадцатым. Пятнадцатый?.. Говорит первый... Да! Слушать! Сейчас к вам прибудет инженер *(угрожающе машет кулаком на протестующий жест Королева)* ...инженер-коротковолновик, товарищ Королев. Сдавайте ему связь, он вас сменяет. *(Кладет трубку.)*

Королев. Ты в уме? Какой же я инженер?

Сагайдачный. Ничего! Пусть сразу уважает. И ты с ним пожестче, решительно. Понял? Отправляйся принимать связь.

Королев *(вздохнул)*. Есть принимать связь... Ну, темпы! *(Уходит.)*

Каменецкий *(смеется)*. Совсем загнал парня.

Сагайдачный. Я тебе говорю, из него толк будет. Искра есть. А в остальном поможем.

Наверху слышны голоса, и по ступенькам в блиндаж скатываются Шарабанов и Горячкин в маскировочных халатах, с автоматами.

Горячкин. Разрешите, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Следопыты?.. Ну, как у вас?

Горячкин. Разрешите доложить? Задание выполнено. *(Подает бумагу.)*

Сагайдачный *(разворачивает)*. Правильно точки нанес? Не наврал?

Горячкин. Все в точности сходится, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Добро! Разберусь! Можете идти!

Горячкин. Разрешите обратиться к товарищу лейтенанту?

Сагайдачный. Обращайтесь.

Горячкин и Шарабанов мнутся, переглядываясь.

Шарабанов. Ты говори, Сережа.

Горячкин. Ладно, Миша! *(Достает из-под маскировочного халата сверток.)* Товарищ лейтенант, не

откажите принять. Мы от чистого сердца. Неделю старались.

Каменецкий. Что такое? *(Развертывает бумагу и вынимает пару за парой очки.)* Очки?.. Откуда?.. И зачем столько? Сколько, по-вашему, у меня глаз?

Горячкин. Тут четыре пары, товарищ лейтенант. Пятую Миша поломал нечаянно. Мы б одну принесли, да не знаем, какого калибра вам надо. Взяли, сколько могли. Вы сами подберете.

Сагайдачный *(заинтересовался)*. Да где ж вы их добыли? *(Разглядывает пару очков.)* Ну, Шарабанов?

Горячкин и Шарабанов молча переглянулись.

Горячкин *(кашлянув)*. Миша очень застенчивый, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Зато Горячкин этой болезнью не страдает?.. Так откуда очки?

Горячкин. С Учкуевки. Аптека разбита, конечно, но аптекарь у Миши знакомый. Успел товар дома припрятать. По знакомству.

Сагайдачный. По знакомству?.. Ага! Какой случай! В учкуевской аптеке очки с дрезденским клеймом. Что ж вы, черти, думаете, лейтенанту очки достали, а мне вотрете? Каменецкий, знаешь, откуда очки?.. Это они, жулье, с фрицев понасдирали... Что, не так?

Горячкин. Отрицать невозможно, товарищ старший лейтенант. Конечно, пришлось повозиться. Не каждую ночь фриц с очками попадается. И в темноте не углядишь — с очками или без. А нынче повезло. Двоих сразу очкастых взяли. В общем, справились. Извините, что вам сперва не докладывали.

Шарабанов *(хмуро)*. Боялись: скажем, а вы в разведку не пустите.

Сагайдачный. Здорово! Большие успехи делаете. Значит, больше ничего не боитесь.

Шарабанов. А чего бояться?

Сагайдачный. Одобряю! А теперь жмите отсюда во все тяжкие, пока я не успел рассердиться... Быстро!

Шарабанов и Горячкин *(весело)*. Есть быстро. *(Убегают наверх.)*

Сагайдачный. Ну, видал? С такими не то что врага бить, а сквозь земной шарик без сверла пролезть можно. Прячь теперь лорнет для невесты.

К а м е н е ц к и й. Нет... Это что же! Ты только подумай: ради дрянных стекляшек... А я и спасибо сказать не успел.

С а г а й д а ч н ы й. Не ради стекляшек. Ради тебя! Ради своего командира! Советского командира! И ни в какой другой армии этого быть не может.

Слышны быстрые шаги по ступенькам.

Н е щ е п а *(сбегая)*. Товарищ командир батареи! На переднем краю фашисты до черта ракет жгут. Чисто фейерверк перед зарею. Мабуть, щось буде.

С а г а й д а ч н ы й. Так вот почему они молчали. Поглядим... Кстати... *(Вынимает спрятанный обрывок газеты.)* Возьмите, старшина. Будете беседовать с бойцами — прочтите при случае. И обязательно при Шарабанове. Будто невзначай. Понятно?

Н е щ е п а. Так точно.

С а г а й д а ч н ы й. А к чему — сами поймете. Идем, Каменецкий. Надевай очки, какие надо, а то все сразу. Сейчас увидишь небо в алмазах.

Все идут наверх. Слышен грохот орудийной стрельбы.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Обстановка третьей картины, но значительно изменившаяся. На домике Дзюбенко вместо черепичной крыши тройной бревенчатый накат, покрытый землей и маскировочной сетью. У гряды камней в глубине вход в блиндаж с козырьком над ним. Рядом зенитный пулемет. Обелиск разбит, куски гранита лежат у подножия. Цела только клумба, и по-прежнему ярки цветы на ней. У домика на опрокинутой табуретке стоит корыто, и М а т р е н а М а т в е е в н а, засучив рукава, стирает в нем. Возле пулемета — Ш а р а б а н о в, Г о р я ч к и н и Н е щ е п а. Беспокойный, огненно-красный закат.

Н е щ е п а. Щось молчат сегодня. Мабуть, после вчерашней бани. Подождить тут! Горячкин! *(Что-то говорит Горячкину и уходит в домик.)*

Горячкин усаживается с Шарабановым на скамейку.

Г о р я ч к и н. Так как, Миша, у тебя с оформлением? А?.. А то просто неловко выходит: лучший годок у меня, а беспартийный.

Шарабанов. А ты этим, Сережа, не шути. Для меня это такое дело в жизни, что не рассказать. Я, брат, теперь обдумал, что́ есть партия. Без партии кто бы мы были? Без партии нас бы и в помине не было. Мы и тут держимся потому, что партия нас ведет.

Горячкин. Тем более, Миша, тебе в партию надо.

Шарабанов *(хмуро)*. Недостоин еще, Сережа... На глазах у всех оробел. Заслужить мне надо. Как сделаю что-нибудь такое, ну, тогда...

Горячкин. Да про это никто уже и не помнит. Со всяким может быть.

Шарабанов. Может. Да не должно.

Из-за домика выходит Дзюбенко. На голове у него лихо примятая старая бескозырка с надписью «Князь Суворов». В руках громадный медный чайник. Он идет через сцену.

Матрена Матвеевна. Опять туда тащишься, Роман Михайлович?

Дзюбенко. И что это у вас за привычка, Матрена Матвеевна, лишние слова говорить? Абы сказать, чтобы язык без работы не завял. Тащусь?! Вот и тащусь. Что ж, по-вашему, людям на наблюдательном сутки томиться, чайком не побаловавшись? Вас бы туда, что б вы запели?

Матрена Матвеевна. Подшибут ведь.

Дзюбенко. Что?.. А ну, сплюньте! Сей же час сплюньте!

Матрена Матвеевна сплевывает.

То-то! Эк, угораздило под руку сляпать! Подшибут!.. Не отлита еще пуля на боцмана Дзюбенко. Заместо лишней болтовни обобрали бы червяка со своего кружовника... Весь обсыпал!

Матрена Матвеевна. Ах, треклятый! Сейчас побегу... А ты, Роман Михайлович, все-таки поберегся бы.

Дзюбенко. Я с умом хожу. Сам знаю: береженого пуля бережет. *(Уходит.)*

Вытерев руки фартуком, Матрена Матвеевна семенит за домик.

Горячкин *(поглядел вслед и поднялся. Таинственно)*. Миша!

Шарабанов. Чего?

Горячкин. Старуха ушла... Будет теперь в крыжовнике копаться, червяков шарить... Постой на посту!

Шарабанов. На каком посту? Ты что затеял?

Г о р я ч к и н. Пока ее нет, тельняшку простирну. По матросскому обычаю, на случай помирать — так в чистой. А она такая уксусная старушенция, ни за что корыта не даст. Старшина вчера кастрюльку на час просил — так нет... «Спортится! Пропадет!»

Ш а р а б а н о в. Ладно, постерегу... Только все моторы включай на полный, а то застукает — она тебе в карбюратор горючего поддаст! *(Отходит к краю сцены, куда ушла Матрена Матвеевна.)*

Горячкин быстро срывает тельняшку и начинает торопливо тереть ее в корыте. Из-за обломков обелиска выходит С а г а й д а ч н ы й.

С а г а й д а ч н ы й. Орлы, старшину не видели?

Ш а р а б а н о в. Он на КП пошел, товарищ старший лейтенант.

С а г а й д а ч н ы й. Понятно. *(Уходит.)*

Шарабанов смотрит вслед Сагайдачному.

Г о р я ч к и н. Ты на что засмотрелся, Миша? Смотри, прозеваешь старуху.

Ш а р а б а н о в. Знаешь, что я тебе скажу? Если мне за нашего командира помереть нужно будет — помру, воскресну и снова помру. Сколько раз нужно, столько и помру.

Г о р я ч к и н. Это, браток, не выйдет. Больше раза не удастся. Смертной нормы больше нам не положено.

Ш а р а б а н о в. Помнишь, когда я в ту бомбежку сомлел, чем он меня выправил? Не грозой, не наскоком — тихим словом. Объяснил мне, чтоб я себя верно повести мог. И после не оставил. Вот третьего дня старшина с нами беседу проводил. И читал про того геройского моряка, что, насквозь пораненный, от пушки не отошел. И я вижу, у старшины газета не целая, а так, вырвачок маленький. Я и смекнул, что тот вырвачок командир нарочно старшине дал, чтоб лишний раз меня душой подкрепить. Вот какая у него о бойце дума!

Г о р я ч к и н. Это он, безусловно, такой. И храбрости — сверх понимания. Ты ж подумай, как он на сторожевике на торпеду пошел. Торпеда летит, воду роет, пенится — сама смерть идет. А он не моргнув на ту торпеду корабль повел. «Полный вперед!» Себя не пожалел, чтоб товарищей выручить.

В начале реплики Горячкина возвращается не замеченная обоими М а т р е н а М а т в е е в н а. Она остановилась и смотрит на Горячкина.

Ш а р а б а н о в *(испуганно оглянулся)*. Сережа!

Г о р я ч к и н *(увидел и замер, прижав тельняшку к груди)*. Эх! А еще часовой!

М а т р е н а М а т в е е в н а *(подошла)*. Ты что ж это, мальчишка, своевольничаешь?

Г о р я ч к и н. Я ничего... я только тельняшку...

М а т р е н а М а т в е е в н а. Дурень ты косорукий! Разве так стирают? Грязь размазал... *(Бросает тельняшку в корыто и трет.)*

Г о р я ч к и н. Так она уже чистая.

М а т р е н а М а т в е е в н а. Много ты понимаешь. И скажи: чего ты передо мной хвостом юлишь? Съем тебя, что ли?

Г о р я ч к и н. Характер у вас строгий, Матрена Матвеевна. Все ругаетесь! А у нас и без того сердце болит, как горчицей намазанное. Нас пожалеть надо.

М а т р е н а М а т в е е в н а. А я, думаешь, не жалею?.. Говоришь, характер. А у меня вовсе строгости нет, и напрасно вы меня за бабу-ягу считаете. Я только порядок люблю. Век в порядке прожила, поздно переделывать. Ты возьми, что надо, да только на место положь чистенько, аккуратненько. А вы, молодые, до порядка не приучены. Иной раз нагляжусь на вас за день — и ночь всю плачу.

Ш а р а б а н о в. Плачете?

М а т р е н а М а т в е е в н а. Плачу!.. Растили вас отцы-матери на молодую радость, на честный труд. А что вышло? Вперся разбойник этот, гадюка фашистская, прости господи! Бомбами кидается, огнем пышет, жжет вашу молодость. Как же не плакать?

Ш а р а б а н о в. Всех не пожжет! Сам золой станет.

М а т р е н а М а т в е е в н а. А сколько вас до того поляжет, деточки вы мои! Смотрю на вас, думаю: лучше бы мне, старой, в землю, а вам радоваться! *(Вдруг закрыла лицо фартуком и всхлипнула.)*

Г о р я ч к и н *(тихо Шарабанову)*. Смотри, Миша, как расстроилась.

Появляется С т а в р и д и с гитарой.

С т а в р и д и *(увидев плачущую Матрену Матвеевну)*. Мамаша! Кто посмел расстроить? Кому жизни дать?

М а т р е н а М а т в е е в н а *(вытирая слезы)*. Никто не расстраивал... так... *(Подает тельняшку Горячкину.)* Тельняшечку возьми, сынок!

Горячкин. Спасибо, Матрена Матвеевна!

Матрена Матвеевна уходит.

Шарабанов. Поди ж ты... Думали, зверская старушонка, а она вон как за нас разболелась.

Из-за камней появляется Дзюбенко, встрепанный и разъяренный.

Дзюбенко. Чертяка б вас взяла и в три рога скрутила! Подавиться вам, стрюкачи тонконогие!

Ставриди. Кому это вы, товарищ боцман, здоровья желаете?

Дзюбенко. Фашистам, сучьему племени! Не дали к ребятам дойти. Как чиканули из пулемета, слышу: «дзень» — и ногу, как углем, пришпарило. Думаю: подбили. Глянул, а это из чайника кипяток бьет. Чайник испортили, анциферовы дети. В чем теперь чай носить? А все Матрена Матвеевна накаркала: «Подшибут, подшибут»... Вот и подшибли! *(Уходит.)*

Нещепа *(входя)*. Пошли, хлопцы! Надо подготовить новую площадку под дальномер.

Горячкин и Шарабанов уходят с Нещепой.

Ставриди *(садится на крылечке домика, трогает струны и напевает)*.

Глядя на луч пурпурного заката,
Вздыхал подбитый нашей пулей фриц:
«Майн гот, майн гот, умчался без возврата
Тот сладкий миг, когда я начал блиц...»

Вышедший из-за обелиска Королев прислушивается.

Королев *(расхохотался)*. Что за ерунду вы поете, товарищ Ставриди!

Ставриди. А, это вы, товарищ писатель! Да вот старые песни надоели, новые выдумываю. А таланта на это мне не выдано. *(После паузы.)* Вы бы, товарищ писатель, сочинили песню про нашу батарею... Такую песню, чтоб от нее снаряды сами в пушки прыгали. И без промаха били. А мотив я подобрал бы. На музыку я способный.

Королев. Это не просто — хорошую песню написать.

Ставриди. А вы потрудитесь. Возьмите карандашик и пострадайте. Зато потом здорово будет. Пойдет

гулять песня по Севастополю, над немцами через фронт ласточкой пролетит, всю Россию обойдет. Девушки петь станут. Спросит народ: о ком песня? О непобедимой зенитной батарее Сагайдачного. А кто ж написал эту чудную песню? Товарищ писатель Королев, который сам с той батареи.

Королев. Вы так увлекательно рассказываете, что надо попробовать.

Ставриди. Обязательно должна выйти!

Из-за домика выходит Сагайдачный.

Сагайдачный. Ставриди!.. Немедленно разыщите Горячкина и приведите.

Ставриди. Есть привести Горячкина! *(Убегает.)*

Сагайдачный *(Королеву)*. Подымаю тебе сигнал с выражением особого удовольствия.

Королев. По какому случаю?

Сагайдачный. Разговариваю сейчас по телефону с начартом, он мне и говорит: «Наконец у вас, Сагайдачный, связь в порядке. А то раньше кровью изойдешь, пока с вами свяжешься». Это в твой огород! Спасибо! Даже не ждал такой прыти. Представил тебя на младшего лейтенанта.

Королев. Да что ты!

Сагайдачный. За дело не жалко!.. О чем ты тут со Ставриди толковал?

Королев. Он меня упрашивал песню о батарее написать.

Сагайдачный. Смотри!.. Балаболка, а толково придумал. В самом деле, напиши. Ты представить не можешь, как хорошая песня в бою помогает.

Королев. Извини, но, по-моему, ты о Ставриди не совсем правильно думаешь. Он мастер потрепаться, но и настоящее в нем есть. Одной удали на троих.

Сагайдачный. Не люблю такой удали! Психующая! Выдержки у него нет. Ничего доверить нельзя без опаски.

Входят Ставриди и Горячкин.

Ставриди. Товарищ старший лейтенант, ваше приказание выполнено.

Горячкин. Товарищ старший лейтенант, старший краснофлотец Горячкин по вашему приказанию прибыл.

Сагайдачный. Горячкин! Сегодня ночью пойдете на одно дело.

Горячкин. Есть пойти на одно дело.

Сагайдачный. Задача, видите ли, не легкая. Добраться до фашистского наблюдательного пункта в Инкерманском массиве. Они, прохвосты, там в пещере обосновались. Нас им, как с неба, видно, а нам их из скал никак не выковырять. Нужно влезть на обрыв, пощекотать их гранатами и, если можно, прихватить языка. Подберите еще двоих. Лучше из здешних, чтоб местность знали.

Горячкин. Понятно.

Ставриди. Значит, первым делом Ставриди.

Сагайдачный. Нет! Ставриди не годится.

Ставриди *(озадаченно)*. Товарищ старший лейтенант! Если Ставриди не годится, так кто ж тогда годится?

Сагайдачный. Не разрешаю. Для этого дела нужны серьезные, выдержанные бойцы, а у вас голова ветром набита, и черт знает, что вы можете выкинуть. Вас не пущу.

Ставриди. Товарищ старший лейтенант, за что же?

Сагайдачный. За то, что вы клоуна всегда валяете. Мне стыдно на вас смотреть. Комсомолец, а ни на грош серьезности и ответственности. Только умеете язык запускать. Шуточки да шуточки — и ничего больше.

Ставриди. Разрешите объяснить?

Сагайдачный. Ну, что вы мне можете объяснить? Что?

Ставриди. Товарищ старший лейтенант! Прямо обидно, как вы меня понимаете. Вы думаете, мне легко трепаться, как конферансье какому? Да меня самого от моих шуточек травить тянет.

Сагайдачный. Так зачем же вы?

Ставриди. Так я ж, товарищ старший лейтенант, из кожи вон лезу, чтоб ребят веселить. Самому скучно, а потешаю. Какая обстановка, сами знаете. Если не посмеяться, совсем гроб. Вот и надрываюсь... но только, если вы меня на дело не пустите,— это будет, как если бы вы на меня перед всей батареей плюнули. На меня пальцем будут показывать: «Вон идет Костя Ставриди, командир его за последнюю сволочь считает, дела не доверяет».

Сагайдачный. А вам можно доверять?

Ставриди. Я доверие оправдаю. И если вы меня так обидите, так лучше в первом бою крышка. А трепаться

больше не буду, честное комсомольское. До победы молчать буду, как запаянный.

Сагайдачный. Это уж ни к чему. В меру все хорошо. Отлично!.. Даю вам экзамен на зрелость. Не выдержите — на глаза не показывайтесь...

Звук самолета.

Еще кого возьмете, Горячкин?

Горячкин. Есть мысль на примете, да не знаю — сказать ли?

Сагайдачный. А вы возьмите за правило: если не знаете, всегда говорите. Два ума лучше.

Горячкин. Я про боцмана Дзюбенко подумал.

Сагайдачный *(изумленно)*. Про Дзюбенко?

Горячкин. Ага!

Сагайдачный. Дайте, я вам лоб пощупаю. Никак, жар?

Горячкин. Погодите, товарищ старший лейтенант, потом против скажете, а то я мыслями перепутаюсь. Первое: он хоть и стар, а бодрость еще большую имеет. Потом же на этих горках сколько ходил. Знает, где какая птичка след оставила. А сверх того — ему только и дела будет, что до места довести.

Сагайдачный. Но как его с вами послать, подумал? Он же не боец!

Горячкин. Да ему только сказать. Старик в раж вошел, сам думает, как бы ему с фашистами нос к носу сойтись. Зол на них! И вполне еще может показать, как старый матрос драке обучен. Так на такой случай старик — клад. Все тропки прошел.

Сагайдачный *(задумался)*. А может, и в самом деле? Ступайте пока готовьтесь, а Романа Михайловича попросите ко мне.

Ставриди и Горячкин. Есть. *(Уходят.)*

Совсем стемнело. Небо озаряется мерцающим красным отблеском, на фоне которого видна фигура Королева, стоящего на каменной гряде.

Королев. Смотри! Опять горит в Севастополе. Вон зарево какое!

Сагайдачный. Да, горит!.. Каждый день жгут и рушат... Вот *(показывает)* памятник разбили. Нашим дедам памятник... Сколько лет памятник стоял, о героях рассказывал... И еще стоял бы... *(Пауза.)* «Я памятник

себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...» И к этому своя тропка была проложена.

Королев. Помнишь, ты мне при первом знакомстве сказал, что в поэзии ничего не смыслишь. А сам Пушкина наизусть знаешь.

Сагайдачный. Соврал тогда... Думал, смеяться будешь, что солдат стихами бредит. А я поэзию очень люблю. И всего больше Пушкина... Да, нерукотворна наша народная слава, поэт! И пусть фашисты из кожи вылезают, чтоб ее с нами вместе выжечь,— не выйдет! Века протекут, а наша слава стоять будет!

Появляется Дзюбенко.

Дзюбенко. Кликали, товарищ командир?

Сагайдачный. Да, боцман! Простите за беспокойство.

Дзюбенко. Какое же тут беспокойство? Для вас всегда...

Сагайдачный. Не для меня на этот раз, Роман Михайлович. Для всех. Для Севастополя!.. Я своих орлов на одно дело шлю. Рискованное дело, боцман! Голову оставить можно. Нужно пробраться тихо, незаметно. И надо, такого человека надо, чтобы мог в дороге каждый листик по имени окликнуть. Так орлы сами о вас вспомнили. Что скажете? Можете сразу сказать «нет». Вы не на службе, да и годами...

Дзюбенко *(перебивает)*. Извините, товарищ командир. Может, не по уставу-положению скажу, не взыщите, а только вам обо мне так полагать стыдно.

Сагайдачный. Роман Михайлович, да я...

Дзюбенко. Нет, уж дайте досказать, я вам в отцы гожусь... Коли вы меня к себе приняли, то надо меня и понимать. Русский человек, он, товарищ командир, перед другими народами особую душу имеет. Раз родная земля его на подмогу кличет — ничто его не удержит. Стар не стар, без рук, без ног, а пойдет и дойдет. Так-то.

Сагайдачный. Точка, Роман Михайлович! Сглупил я по молодости. Прошу простить. Все ясно! К полуночи будьте в блиндаже. Разъясню задание.

Дзюбенко. Не сомневайтесь. Дело сполню! Есть еще малость силенок! *(Уходит.)*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Внутренность пещеры, высеченной в незапамятные времена в инкерманской скале. Низко нависший закопченный свод. На песчаниковых стенах грубо высеченный византийский орнамент, греческие имена. На одной стене висит электрический фонарь, который бросает из круга рефлектора вниз яркий луч света. Этот свет падает на сидящих, прислонившихся к стене Дзюбенко и Ставриди. Одежда на них изорвана, руки связаны за спиной. Полукруглое отверстие выхода из пещеры открывается прямо в темно-синее звездное небо... На фоне его неподвижный силуэт немца-часового в каске. Поблескивает штык его винтовки. В левой стене чернеет ниша, в ней видны ведущие наверх выщербленные каменные ступени. Тишина.

Дзюбенко. Костя!

Ставриди. Что?

Дзюбенко. Виноват я, Костя! Все сгубил. Вас подвел и перед командиром себя осрамил.

Ставриди. Не канючьте, боцман! Какая ваша вина! Из-под всякого камень мог вывернуться. Земля тут какая — все ползет, только тронь. Худо было б, если б задания не выполнили... А раз фашистам наделали грому, о своих волосах плакать нечего.

Дзюбенко. Я не о себе беспокоюсь, Костя. Не хочу я, чтоб о нас плохо подумали.

Ставриди. А зачем им плохо думать? От них в тайне не останется.

Дзюбенко. Думаешь, Сережа вырвался?

Ставриди. Безусловно. Сережа Горячкин — это парень. Его спроста не взять. Он либо за подмогой ушел, а то где поблизости хоронится, наблюдает.

Часовой. Рус, нихт шпрехен! [1] Молчать!..

Ставриди. А пошел ты к чертовой бабушке, обезьяна! Без тебя дышать гадко.

Часовой. Их верде шиссен! [2] *(Вскидывает винтовку.)*

Дзюбенко *(шепотом)*. Молчи, Костя! Не торопи смерть!

Пауза. Из ниши по ступенькам спускается Шауфельд в сопровождении Линке. Шауфельд — высокий, худой, с лицом заурядного немецкого обывателя. Левая рука у него подвязана, сквозь бинт проступило свежее красное пятно. Линке — квадратный, красномордый, стрижен бобриком.

---

[1] не разговаривать!

[2] Я буду стрелять!

Л и н к е. Пленные, встать!

Ставриди медленно поднимается. Дзюбенко остается сидеть.

Я сказал — встать!

С т а в р и д и *(зло)*. Не может старик! Нога у него разбита!

Л и н к е. Пленные — больные или здоровые — должны стоять перед германским офицером. *(Поднимает ногу, собираясь толкнуть Дзюбенко.)*

Ш а у ф е л ь д. Линке!.. Это что? Отставить! Пусть старик сидит. Он потерял много сил в схватке. Ему нужно отдохнуть... И развяжите обоим руки.

Л и н к е. Осмелюсь...

Ш а у ф е л ь д. Я напоминаю вам, Линке, что в моем присутствии ваш голос может звучать лишь тогда, когда я этого захочу.

Л и н к е. Виноват, герр обер-лейтенант.

Ш а у ф е л ь д. Развязать!

Линке распускает веревки на связанных руках Дзюбенко и Ставриди. Дзюбенко с усилием встает, прислоняясь к стене и держа ногу на весу.

Вы напрасно встали. Я позволяю вам сидеть.

Д з ю б е н к о *(с усмешкой)*. Я уж лучше постою.

Ш а у ф е л ь д *(Ставриди)*. Я должен объективно похвалить вас. Вы показали себя превосходными солдатами. Так разгромить наш наблюдательный пункт, как вы умудрились это сделать,— это могло бы сделать честь даже немецким солдатам.

С т а в р и д и. Вашим слабо! А нам как приказано, так и сделано. У нас такой порядок!

Ш а у ф е л ь д. Отличный порядок! Досадно только, что не удалось посмотреть вблизи на вашего третьего компаньона, который так мастерски бросает гранаты.

Д з ю б е н к о *(шепотом Ставриди)*. Ушел, значит, Сережа!

Ш а у ф е л ь д. Вы можете говорить громче, меня это не беспокоит. Да, он, к сожалению, ушел. Но тем приятнее видеть вас двоих.

С т а в р и д и. Насчет удовольствия — сомневаюсь.

Ш а у ф е л ь д. Почему же? Не каждый день удается видеть людей, которые десять минут назад чуть не отправили тебя самого на тот свет.

С т а в р и д и. Если б вы попали на тот свет, я бы вас там не разыскивал.

Ш а у ф е л ь д. Вероятно! Но на этом свете я вас нашел... Линке!

Л и н к е. Да, герр обер-лейтенант!

Ш а у ф е л ь д. Дайте на чем-нибудь сесть. Голова кружится.

Линке придвигает ящик.

И уберите этого болвана! *(Кивает на часового.)*

Л и н к е *(часовому)*. Аугуст, ду канст хераус геен! [1]

Часовой отходит от выхода и подымается в нишу.

Ш а у ф е л ь д. Итак, господа моряки, приступим к деловому разговору. Вы, вероятно, полагаете, наслушавшись комиссарских сказок, что вас сейчас будут пытать, резать на куски и прочее? Вздор! Я скажу вам несколько простых слов. Если вы окажетесь способны здраво понять их, вы будете в полной безопасности. Если нет, я вынужден буду убить вас. Вы меня понимаете?

С т а в р и д и. На сто процентов! Это же понятно, что вы будете убивать нас по принуждению. Если б вас не принуждали к убийству, вы накормили бы нас шоколадками и спели бы нам колыбельную песенку.

Ш а у ф е л ь д. Я вижу, вы не унываете! Превосходно! Начнем. От вас требуются прямые и точные ответы на некоторые вопросы. Я буду убеждать вас в полезности разумного поведения не столько рассказом, сколько показом. Так рекомендовал учить русских солдат ваш генерал Драгомиров в «Солдатской памятке». Линке!

Л и н к е. Я, герр обер-лейтенант!

Ш а у ф е л ь д. Взгляните на Линке!

С т а в р и д и. Паскудный пейзаж!

Ш а у ф е л ь д. Кто такой Линке?.. До войны он считался советским гражданином. Он служил в ваших советских учреждениях и имел репутацию образцового чиновника. Правда, Линке?

Л и н к е. Да, герр обер-лейтенант.

Ш а у ф е л ь д. Но в душе Линке всегда хранил верность своему настоящему отечеству — Германии. Верно, Линке?

---

[1] ты можешь выйти!

Л и н к е. С позволения герр обер-лейтенанта.

Ш а у ф е л ь д. Именно с позволения. Ничего без нашего позволения. Двадцать три года Линке ждал Германию, которая уже была здесь, в Крыму, в прошлую войну и которая вернулась теперь навсегда.

С т а в р и д и. Надвое бабушка сказала. Выкатится отсюда ваша Германия с музыкой.

Ш а у ф е л ь д. Мы оставили тогда Линке на этой земле ждать Германию. И он дождался. И награжден. Он имеет чин обер-ефрейтора, а это высокий чин в германской армии... После войны он будет иметь еще больше... Что вы будете иметь, Линке?

Л и н к е. С позволения герр обер-лейтенанта, фюрер даст мне землю в Крыму.

Ш а у ф е л ь д. О! Землю!.. Землю на берегу этого прекрасного моря... Линке будет помещиком. Он был верен Германии и фюреру — и выиграл. Я предлагаю вам решить: хотите вы выиграть, как Линке, или проиграть?

С т а в р и д и. Частный вопрос! Что я выиграю, если захочу проиграть?

Ш а у ф е л ь д *(взглянув на часы)*. Сейчас два часа пятнадцать минут... Если через пять минут вы еще будете хотеть проиграть, вы сыграете в гроб... ин ден грабен!

С т а в р и д и. Уяснил вполне! Поспешите позвонить в похоронное бюро, а то мне не успеют сколотить гробик с розовой обшивкой. На другой я не согласен.

Ш а у ф е л ь д. Ваш ответ мне ясен... А вы, старый человек? Хотите выиграть или проиграть?.. Подумайте! Старая голова не кидает на ветер слова.

Д з ю б е н к о. Очень здорово по-нашему говорите, господин офицер.

Ш а у ф е л ь д. Я работал консультантом на одном из советских строительств, а русскому языку учился у вдовы русского попа.

Д з ю б е н к о. Если вы так с нашим языком справляетесь, то должны вполне меня понять... Вы когда-нибудь флотского киселя отведывали?

Ш а у ф е л ь д. Кисель — это немецкое блюдо. В особенности овсяный кисель... Его едят в немецких семьях с молитвой. Но я ел кисель и в России. Однако что такое флотский кисель, не знаю. Вероятно, какой-нибудь особенный?

Д з ю б е н к о. Так точно!.. И хотите, не спробовав флотского киселя, купить флотского боцмана? Так раньше спробуйте! *(Делает шаг вперед и плюет в лицо Шауфельду.)*

С т а в р и д и. Хорошо, боцман!.. Морская душа!

Л и н к е *(кидаясь на Дзюбенко)*. Паршивая свинья!

Ш а у ф е л ь д *(спокойно)*. Отставить, Линке! *(Достает платок и медленно вытирает лицо.)* Я хотел испытать вас, старик. Вы хороший подданный вашей страны. Я уважаю вашу твердость... Но флотский кисель — плохое блюдо! Вы, русские, привыкли питаться дрянью!.. Однако у меня правило — сполна платить за угощение. *(Опускает руку в карман и, быстрым движением вырвав пистолет, в упор стреляет в Дзюбенко. Тот падает.)*

С т а в р и д и *(рванулся)*. Гад!.. Подлюга! Что делаешь?.. Старика...

Д з ю б е н к о. Костя! Держись! Не сдавай!.. Россия всегда... *(Умирает.)*

Линке сзади хватает Ставриди за локти.

Ш а у ф е л ь д. Не вырывайтесь!.. Линке, отведите моряка к обрыву... Так! Поставьте у края. Я предпочитаю стрелять в него издали, чтобы не рисковать вторично русским хлебосольством... Отойдите! Моряк, вы можете выбирать свою смерть! За спиной у вас десять метров обрыва и внизу острые скалы. Перед глазами мой пистолет... Линке, отойдите в сторону... Итак, выбирайте. Может быть, вам больше нравится прыжок вниз?.. Это больше в природе дикаря!

С т а в р и д и *(тихо, с уничтожающим презрением)*. Ты называешь меня дикарем, фашистская сволочь! Посмотри сюда! *(Указывает на высеченные в стене надписи.)* Две тысячи лет назад здесь жили мои предки! У них было знание, которое они несли всему миру. А твои предки...

Ш а у ф е л ь д *(наводит пистолет на Ставриди)*. Раз! Два!

С т а в р и д и *(одним взмахом раздирает на груди гимнастерку)*. На! Стреляй! Чего ты хочешь, фашист? Я лучше прыгнул бы вниз, чтоб меня не тронула твоя вонючая пуля... Но чтоб я, Костя Ставриди, балаклавский рыбалка, комсомолец, матрос, струсил принять ее грудью?.. Чтоб ты мог похвастать, что советский моряк сам покончил свою жизнь от страха?.. Стреляй, гнилая медуза!

Ш а у ф е л ь д. Три!.. Четыре!..

Ставриди. Быстрей считай, стерва!.. Арифметику забыл!

Шауфельд. Пять!.. Шесть!..

Внезапно за отверстием пещеры раскатывается автоматная очередь. Шауфельд роняет пистолет, хватается за голову и ничком падает на землю.

Голос Горячкина? «Костя, тикай!.. Поддержу огоньком!»

Линке *(остолбенев)*. Майн гот! [1]

Ставриди *(в восторге)*. Сережа! Дружок! Поддай огоньку!

Линке *(бросается к Ставриди, расстегивая кобуру)*. Молчать, скот!

Ставриди *(прыжком налетает на Линке; одной рукой стискивает горло, другой хватает за руку)*. Стой! Телка двумастная! Двух маток сосать захотел? Земли тебе нашей занадобилось! Иуда!.. Гайда на землю!

На краю обрыва жестокая молчаливая борьба. Несколько немецких солдат, выскочивших из ниши, застывают в остолбенении. Отпустив горло Линке, Ставриди выдергивает висящий на поясе Линке нож и ударяет его в бок, Линке оседает.

Получай, фрицы, свое барахло!

Солдаты бросились к нему. В то же время в отверстии пещеры на фоне ночного неба появляются черные силуэты бойцов. Среди них Горячкин. За распахнутыми воротами гимнастерок видны тельняшки, на головах бескозырки.

Солдат. Гот мит унс!.. Дер шварце тод!.. [2]

Горячкин. Тот, да не тот! Крой, ребята!

Треск автоматных очередей. Два гитлеровца упали. Остальные бросились в нишу.

Ставриди *(бросился на шею Горячкину)*. За выручку, Сережа, в долгу не останусь!

Горячкин. А боцман?

Ставриди *(мрачно)*. Не дожил боцман! *(Показывает на тело.)*

Бойцы снимают бескозырки. Мгновение молчания.

Горячкин. Наш старик был... А ну, ребятки!

Бойцы поднимают Дзюбенко на плечи и направляются к выходу.

Занавес

---

[1] Боже мой!

[2] С нами бог!.. Черная смерть!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обстановка четвертой картины — блиндаж. У стола в тельняшке сидит Королев. На коленях у него китель. Он делает последние стежки иглой, пришивая полоску нашивки младшего лейтенанта. На столе ящик полевой рации с открытой задней стенкой. Тут же лежат мотки проволоки, лампы, плоскогубцы, отвертки.

Королев *(отставив рукав, любуется нашивкой)*. Вот это красота! Глаза слепит! *(Встает и помахивает в воздухе кителем.)* Поздравляю, товарищ младший лейтенант! *(Декламирует.)*

Идут на море флота лейтенанты,
Советского Союза сыновья!

(Надевает китель и поглаживает рукой нашивку.)

По ступенькам спускается Каменецкий.

Каменецкий. Доброе утро, товарищ поэт!

Королев *(засмеялся)*. Неправильно обращаетесь, товарищ лейтенант. *(Протягивает руки, показывая нашивки.)*

Каменецкий *(тоже смеется)*. Прошу прощения! Слона не приметил. Зравствуйте, товарищ младший лейтенант. Поздравляю! Душевно поздравляю. Вижу, готовы козликом прыгать.

Королев. А вы не смейтесь. Я действительно черт знает как рад. Раз в жизни еще так радовался, когда мне на день рождения отец велосипед подарил.

Каменецкий. А что же! Если всерьез: для вас поворот жизни на новый курс. Приехали вы к нам — как бы выразиться?..— фигурой неизвестного назначения, что ли.

Королев. Это чудесно! Именно: фигура неизвестного назначения.

Каменецкий. А теперь совсем нашим стали. И дело есть, и место в строю.

Королев. Но нужно еще заслужить и оправдать. Какая ведь честь! Офицер Советского флота! Член славной черноморской семьи Нахимова, Лазарева, Истомина.

Каменецкий. Ишь каких вы дедушек себе сразу прихватываете. А впрочем, это хорошо. Чувствуете ответственность за наследство. Командир не заходил?

К о р о л е в. Нет! Он с вечера по орудиям ходит с Нещепой, проверяет материальную часть.

К а м е н е ц к и й. Если спросит, скажите, что я тоже пошел по хозяйству. Скоро вернусь. *(Поднимается наверх.)*

К о р о л е в *(присаживается к столу и начинает копаться в приемнике, вполголоса декламируя)*.

И если ты, о партия, велела
Громить врагов, рожденных силой тьмы,—
Нет на морях для нас такого дела,
Которого б не выполнили мы.

Пищит зуммер.

(Берет трубку.) Первый слушает. У аппарата младший лейтенант Королев... Так! По выполнении задания вернуть обратно. Есть передать командиру! *(Кладет трубку.)*

Наверху слышен голос Сагайдачного: «Списки, товарищ старшина, отправьте сейчас же в отдел артснабжения». Голос Нещепы: «Есть отправить!» С а г а й д а ч н ы й спускается в блиндаж. Он похудел, почернел, глаза горят острым блеском.

(Встал.) Товарищ командир батареи! Докладывает младший лейтенант Королев. Лейтенант Каменецкий приказал сообщить, что он пошел по хозяйству. Скоро будет.

С а г а й д а ч н ы й *(подошел и шутливо взъерошил волосы Королеву)*. Петух!.. Докладываешь по всякому поводу? Обрадовался?

К о р о л е в. Для практики, товарищ старший лейтенант.

С а г а й д а ч н ы й. Практикуйся, практикуйся, пока время есть... Что делаешь?

К о р о л е в. Трофейную рацию налаживаю. Пригодится в запас.

С а г а й д а ч н ы й. Дельно! *(Садится на койку, достает из-под подушки книгу и углубляется в чтение.)*

Снова углубившись в возню с приемником, Королев начинает насвистывать мотив: «Прощай, любимый город!»

(Прислушивается, вдруг нервно кричит.) К черту!.. Не надо!

К о р о л е в *(удивленно)*. Что не надо?

С а г а й д а ч н ы й. Этой песни! Рано еще с Севастополем прощаться.

Королев. Что ты?.. Я и не думал. Просто мотив подвернулся.

Сагайдачный. Перемени пластинку! Ставь другую! Веселей!

Королев. Да, звонили из штаба дивизии. Приказали передать, что к нам направлен снайпер, которого ты вчера запросил. Ты в самом деле просил? Зачем?

Сагайдачный. Вчера на передовом наблюдательном немецкий снайпер снял двоих наблюдателей и разбил стереотрубку. Надо убрать к чертовой матери.

Королев. Так он скоро должен прибыть.

Сагайдачный. Добре! *(Продолжает читать.)*

Королев. Ты что читаешь?

Сагайдачный. Полезную книжку... В разбитом доме среди кирпичей нашел. Про ту оборону... прежнюю... Ты послушай! Я тебе прочту донесение лейтенанта Тимирязева, который командовал на Камчатском люнете. Он оставил его почти без чувств после французского штурма... Вот! *(Читает.)* «Последним покинул редут двадцать третьего флотского экипажа квартирмейстер Панкрат Трофимов, впереди которого шел я, поддерживаемый двумя матросами. Кровь из раны ручьем поливала редут и омывала срам моего отступления. Божья милость и картечь с Корнилова бастиона спасли меня от плену. Меня вели до казармы, где и положили на носилки. Донесение это не есть оправдание, которое я приношу, но описание дела, как было. Покорно предаюсь воле начальства и прошу судить меня или оправдать. Честь, которой мы, моряки, пользуемся, дорога мне, я лучше умру, чем понесу позорное нарекание...» *(Отложил книгу.)* Ты подумай! Если тогда офицеры так дрались и уходили последними, нам шагу назад ступить нельзя. Мы и после смерти должны стоять как вкопанные...

Королев *(встал, подошел к Сагайдачному)*. Николай!

Сагайдачный. Что ты на меня уставился?

Королев. Ты можешь смеяться, но я должен тебе сказать... Я так рад, что жизнь свела с тобой, что мы стали друзьями, что...

Сагайдачный *(с усталой усмешкой)*. Чудак! Что ты мне, как девушке, в любви объясняешься?.. Смеяться мне нечего. Я тоже рад, что ты настоя-

щий парень. И рад, что ты стал офицером. И, верю, хорошим.

Королев. Не подведу! Вот рука!

Крепкое рукопожатие. В блиндаж спускаются Каменецкий и Полосухин. Полосухин — небольшого роста, широкоплеч, по виду здоровяк, но лицо у него какое-то равнодушно-вялое.

Сагайдачный. А, сосед!.. Каким ветром занесло?

Полосухин. Зашел проведать, как живете.

Сагайдачный. Живем обыкновенно... С кем незнакомы — знакомьтесь.

Полосухин *(Королеву)*. Командир двадцать второй зенитной старший лейтенант Полосухин.

Королев. Младший лейтенант Королев.

Сагайдачный. Присаживайтесь. На угощении не обессудьте. Угощать нечем.

Полосухин. Какое тут к черту угощение? Кусок в горло не идет. При таком положении не до еды.

Сагайдачный. А какое такое особенное положение? По-моему, обычное. Как на войне.

Полосухин. Обычное?.. Ну, не знаю. На мой взгляд, наоборот... Все не так!.. Бестолковщина! Бессмыслица! Так не воюют!

Сагайдачный. Вот как! А как же надо воевать?.. Если вы выдумали новый способ, поделитесь. Просветите нас, грешных.

Полосухин. Бросьте шутки! Ведь действительно черт знает что творится.

Сагайдачный. А именно?

Полосухин. Скажите откровенно: вы считаете, что наши батареи представляют сейчас нормальные воинские подразделения?

Сагайдачный. Смотря что вы подразумеваете под нормальным?

Полосухин. Я считаю, что ни моей, ни вашей батареи уже нет!.. Ерунда! Расстрелянные пушки, засыпанные щебнем, едва не перевязанные веревочками... Не батареи — склад утиля. Связи нет!

Королев. Извините, товарищ старший лейтенант. Если у вас нет, не распространяйте свои грехи на других.

Полосухин. А вы помолчите, младший лейтенант. Не с вами говорят. Да, склад утиля... Дезорганизация и развал. Что, не правда?

С а г а й д а ч н ы й. Говорите, говорите! Я потом.

П о л о с у х и н. Мы торчим чуть ли не впереди пехотных позиций... Прикрытия нет. Противник уже с трех сторон. Мы зенитчики, а бьем по танкам. Это наше дело? Где иптапы? *(Срывается на крик.)* Безобразие! Вопреки элементарным нормам уставов.

С а г а й д а ч н ы й. Что из этого? Многое в Севастополе сегодня не соответствует букве устава. А несмотря на это, немцы седьмой месяц разбивают лбы о Севастополь.

П о л о с у х и н. Так дальше воевать нельзя! Нельзя! Бессмысленно!.. Глупо губим людей и материальную часть. И нечего играть в молчанку. Нужно прямо и честно сказать командованию: сделано все, что было в человеческих силах, больше сделать нельзя.

К а м е н е ц к и й. Вы считаете это честным?

П о л о с у х и н. Да, считаю. Отступили из Одессы, когда поняли, что дальше держаться нет возможности? Отступили — и правильно! Надо же понимать, что в ряде случаев отступление есть разумный элемент тактики.

К а м е н е ц к и й. Замолчите! Как вам не стыдно!

С а г а й д а ч н ы й. Нет! Пусть говорит до конца!

П о л о с у х и н *(срываясь в истерику)*. И скажу!.. Довольно!.. Я не могу смотреть, как гибнут люди! Без смысла! Без пользы! На другом фронте мы можем сделать больше, чем в этой разбитой дыре...

С а г а й д а ч н ы й *(вдруг, бешено)*. Молчать!.. Шкурник!

П о л о с у х и н *(вскочив)*. Как вы смеете?

С а г а й д а ч н ы й. Вон, мерзавец! Вон, или я тебя... *(Рвет из кобуры пистолет.)*

К а м е н е ц к и й *(хватает его за руки)*. Что ты делаешь? Брось!

Полосухин пятится и, наткнувшись на ступеньки, не поворачиваясь, задом уходит из блиндажа, прикрываясь растопыренными руками.

С а г а й д а ч н ы й. Пусти! Пусти, говорю!

К а м е н е ц к и й. Не пущу!

С а г а й д а ч н ы й. Пусти!.. Не трону!

Каменецкий отпускает.

К о р о л е в. Жаль! Следовало бы грохнуть!

С а г а й д а ч н ы й *(повернулся к нему, резко)*. Дурак!.. *(Каменецкому.)* Спасибо, старик, что удержал!

Я должен был помнить, что я офицер. *(Опять впадая в ярость.)* А вот он не офицер! Дрянь!

Каменецкий. Не волнуйся. Не стоит он.

Сагайдачный. Нет, извините! Буду волноваться! Что я, чурбан? Уходить?.. Куда?.. Мы Севастополь защищаем, а не безымянную высоту. Не по уставам? Тяжело?.. Да, тяжело! Но будь в сто раз тяжелее — стой! Пушки веревками перевязаны? Да! Из таких будем бить, пока держат, потому что так нужно родине. Потому что другим, целым, жить и драться помогаем... Батарея впереди пехоты?.. Ах, против прописей? Окружение?... Захват?.. Чушь! В Бородинском бою Кутайсов приказал артиллеристам держаться до последнего картечного залпа и не бояться потерять пушку, когда она свое дело сделала... Кто воевать умеет и хочет, тому окружение — тьфу! Суворова в Швейцарии в дырку от бублика загнали, а он не только вырвался, но еще Массене рожу набок свернул, потому что драться умел и русской славой дорожил больше жизни.

Королев. Верно!.. Никуда не уйдем!

Сагайдачный. «Отступление — разумный элемент тактики»! Ах ты, тля сушеная! Бывают минуты, когда честная смерть равна победе. Это знает каждый защитник Севастополя. Мы, военные люди, должны уметь драться и уметь умирать, если нужно. Народ отрывал у себя кусок хлеба, чтобы мы научились его защищать. Народ дал нам военные звания не для того, чтоб мы их марали... Ты командир — так будь командиром до последнего вздоха, чтоб и враг не мог о тебе плохого слова сказать... *(Задохнувшись, сел.)*

Каменецкий. Что же с этим делать?

Сагайдачный. Поезжай сейчас в трибунал и доложи о разговоре. Там разберутся — паникер или хуже. Ступай!

Каменецкий. Иду! *(Уходит.)*

Сагайдачный нервно ходит взад-вперед. Останавливается, берет фляжку, наливает полный стакан и залпом выпивает.

Королев *(наблюдавший за ним)*. Не много ли будет, Коля?

Сагайдачный. В тетях не нуждаюсь. Свою мерку знаю! *(Садится к столу и сидит, опустив голову на руки.)*

К о р о л е в *(молча постоял возле него, покачал головой с сочувственным видом)*. Н-да!..

В блиндаж сбегает девушка в расстегнутой шинели и пилотке, из-под которой выбивается прядка огненно-рыжих волос. Это снайпер Т к а ч у к.

Т к а ч у к *(взяв под козырек, Королеву)*. Товарищ командир батареи...

К о р о л е в *(прерывая)*. Обратитесь к старшему лейтенанту.

Услышав голос, Сагайдачный встает. Удивленно смотрит на пришедшую.

Т к а ч у к. Товарищ командир батареи... Сержант...

С а г а й д а ч н ы й *(прерывая)*. В каком виде вы являетесь докладывать командиру? Что это за раздерганный халат? Где пояс?

Т к а ч у к. Разрешите....

С а г а й д а ч н ы й. Кто вас учил дисциплине? Куда вы пришли, товарищ сержант? На Приморский бульвар пленять своими кудрями! Убрать завитушки!

Ткачук спокойно заправляет прядь волос под пилотку.

Привыкли гулять по тылам, товарищ сержант? Сердца покорять?

Т к а ч у к. Товарищ старший лейтенант!..

С а г а й д а ч н ы й. Думаете, военная форма — маскарадный наряд. Погнать вас в огонь, чтоб вы знали...

Т к а ч у к *(спокойно)*. Я в огне бывала не раз, товарищ старший лейтенант. И, верно, не меньше вас!

С а г а й д а ч н ы й. Что такое?

Т к а ч у к. Разрешите представиться? Сержант отдельной команды снайперов, Герой Советского Союза Ткачук! *(Резким жестом распахивает шинель, открывая на гимнастерке орден Ленина и Золотую Звезду.)*

Немая сцена. Пауза.

С командой снайперов прибыла по вашему вызову. Прошу указать позицию и разъяснить боевое задание.

Продолжение немой сцены. Зажимая рот рукой, Королев отвернулся. Спина его дрожит от сдерживаемого хохота. Сагайдачный во все глаза смотрит на Ткачук.

Жду указаний.

Сагайдачный. Застегнитесь!

Ткачук с едва заметной улыбкой застегивает шинель.

Явитесь с командой к старшине батареи. Задание дам лично потом... Можете быть свободны.

Ткачук. Есть быть свободной! *(Делает лихой поворот кругом и уходит наверх.)*

Как только Ткачук скрылась, Королев валится па койку и хохочет.

Сагайдачный *(яростно)*. Товарищ младший лейтенант! Что за смех? Встать!

Королев *(вскакивает, стараясь удержать смех, но, взглянув на Сагайдачного, снова закатывается хохотом. Сквозь хохот)*. Не могу!.. Ой, не могу!.. Это номер! Нашла коса на камень... Влип!

Сагайдачный *(ударив кулаком по столу)*. Замолчи, черт!

Королев. Что ж ты на меня кричишь? Кричи на себя... Ой, не могу!.. Ха-ха-ха!

Сагайдачный *(вдруг улыбнулся)*. Ну, хватит!.. Признаюсь: налетел на мель. Первый раз в жизни.

Королев. Да! Посадка отменная... Не горюй, тебе холодный душ как раз кстати. Добела раскалился, на всех кидаешься.

Сверху спускается Каменецкий.

Каменецкий *(с недоумением смотрит на хохочущего Королева, на растерянное лицо Сагайдачного)*. Срочный пакет из штаба... Да что тут у вас стряслось?

Королев *(показывая на Сагайдачного)*. Спроси у него... Его только что второй раз в жизни рыжая кошка подрала. Вдребезги!

Сагайдачный *(разорвав пакет)*. Шутки в сторону!.. Хватит!.. Немцы готовят атаку. Каменецкий! В четыре утра проведешь открытое партсобрание, разъяснишь обстановку. Всех собрать нельзя. Расчетам не отходить от орудий. Каждый взвод высылает делегатов. Действуй!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Обстановка пятой картины. Время перед рассветом. Еще темно, но на востоке небо уже наливается лимонной желтизной летней крымской зари. В нем еще вспыхивают бледные огни ракет. Изредка постукивают отдельные орудийные удары, протрещит вдали пулеметная очередь. Под козырьком блиндажа сидит Матрена Мат-

веевна с санитарной сумкой через плечо. На коленях у нее чья-то гимнастерка, на которую она кладет латку. Рядом сержант Ткачук. Она сняла пилотку, и ее волосы горят, как пламя. На площадке появляются Нещепа, Ставриди, Горячкин, Шарабанов, еще несколько батарейцев, Королев.

Ставриди *(Королеву)*. Помните, мы с вами про песню говорили... Как у вас? Может, вышла уже?.. Песня ох как нужна!

Матрена Матвеевна. Сынок, налить?

Ставриди. Спасибо, мамаша.

Королев. Песня идет, товарищ Ставриди. И будто не плохо получается. Вот слушайте начало: «Заря на востоке встает, розовея. Бьет море о берег свободной волной... Споемте, друзья, о морской батарее, о нашей солдатской страде боевой...» Как?

Ставриди. Хорошо! Хорошо. Как только кончите, так сразу скажите.

Матрена Матвеевна *(Ткачук)*. Тебе налить?

Ткачук. Нет, спасибо.

Матрена Матвеевна. Ты откуда такая, дочка?

Ткачук. С Корабельной. Отец на Морзаводе цеховой мастер, а я тоже слесарила.

Матрена Матвеевна. А где ж стрелять научилась?

Ткачук. До войны в стрелковом кружке. Страсть это дело полюбила. Не думала, что так сгодится. А с войной прошла курсы снайперов.

Матрена Матвеевна. И хорошо гадов бьешь?

Ткачук. Говорят, не плохо. Дальше буду лучше.

Матрена Матвеевна. И не боишься?

Ткачук. Сперва страшно бывало. Теперь привыкла.

Матрена Матвеевна. Надолго к нам?

Ткачук. Не знаю. Задание выполнила. А дальше — как начальство... Только не нравится...

Входит Сагайдачный.

Королев. Встать! Смирно! Товарищ старший лейтенант, делегаты...

Сагайдачный. Вольно! Товарищ сержант!

Ткачук. Слушаю, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. Мне доложили о выполнении вами поставленной задачи. Отлично действовали, товарищ сержант.

Т к а ч у к. Служу Советскому Союзу.

С а г а й д а ч н ы й. Молодцом!.. А первую встречу не поминайте лихом... Разозлили меня — я и вас сгоряча огрел... Хоть вы и не растерялись.

Т к а ч у к. Мне теряться не полагается.

С а г а й д а ч н ы й. Верно... Мир?

Т к а ч у к. Не стоит вспоминать, товарищ старший лейтенант.

С а г а й д а ч н ы й. А теперь в дорогу, сержант. Вас отзывает штаб. Вас в другом месте ждут. Желаю успеха.

Т к а ч у к. Счастливо оставаться. До свидания, товарищи!

М а т р е н а М а т в е е в н а. Пойдем, касатка, я тебя провожу! *(Уходит с Ткачук.)*

С а г а й д а ч н ы й. Внимание, товарищи! Садиться! Быстро! Начинай, Каменецкий.

К а м е н е ц к и й. Товарищи, открытое партсобрание батареи начинаем. На повестке один вопрос: наши задачи в предстоящем бою... Вы знаете: положение стало трудным. Враг впереди! Враг слева и справа! Завтра враг может быть и сзади. Так что же, товарищи! Чем ближе враг, тем легче его достать. Так учит нас история, и мы знаем, что русский боец всегда любил сходиться вплотную с врагом. Мы на переднем крае! За нами родной Севастополь, за нами большая, родная наша страна... Есть гордое, высокое слово: честь! Честь солдата, советского воина. Мы ценим ее больше жизни. Мы ею клянемся стоять до конца! Будем так биться, чтоб смерть от нас на карачках в страхе ползла. Скажите об этом товарищам, не смогшим оставить своих боевых постов... Мы знаем, что на нас смотрит родина. Мы знаем, что партия помнит о нас... Мы черноморцы. И имени своего не уроним!

Тишина. Легкий шум одобрения.

С а г а й д а ч н ы й *(тихо Каменецкому)*. Одобряю, старик! Помнишь, мы с тобой говорили о высокой русской речи! Вот они и есть, живые слова!

Н е щ е п а. Дозвольте слово сказать, товарищ старший лейтенант.

С а г а й д а ч н ы й. Говорите! По существу, товарищ Нещепа! Не тянуть!

Н е щ е п а. А що ж тут тягнуть?.. Все, як скло, ясно!.. Маю до вас просто слово, други! *(Вынимает из-за пазухи*

бумагу и разворачивает ее. В предутреннем свете виден портрет Ленина.) Було це ще в перши дни, як Гитлер начав свой вовчий скок по нашей витчизне. Гирко мне стало. Иде и иде фашист, и нема ему останову. Дума мене загрызает: як же то можно, шоб отдать ворогу нашу землю?.. Не то щось. Може, измена, а може, що друге... Прийшов раз до кубрика, стою, со злости зубами скриплю. Пидняв очи, а со стенки товарищ Ленин глядит с насмешкой, мов каже: «Дурный ты, дурный, все одно наше визьме»... Сняв я портрет и написав тут... *(Поворачивает портрет оборотной стороной.)* «Батько наш!.. Тоби, мудрому, вирю!... Клянуся тоби назад не ступать, лечь у поли, а ворога не пустить»... То и предлагаю усим подписаты, передать командиру як присягу...

Гул одобрения.

Сагайдачный. Есть против?

Молчание.

Нещепа. Товарищ командир батареи, починайте своим подписом.

Сагайдачный кладет портрет на снарядный ящик и подписывает. За ним — остальные. Нещепа стоит рядом, наблюдая за подписями.

Сагайдачный. Кто подписался — по боевым постам!

Подписавшиеся бойцы расходятся.

Нещепа. Яснише пидписувайте! Щоб кажна буква видна... Ты що, Брилев, шкрябаешь, як та кура лапами? Четко пиши! О, так добре! Товарищ командир батареи, визьмить клятву.

Сагайдачный. Прибьете на стенке командного пункта. Чтоб все видели.

Каменецкий. Товарищи! Прошу внимания!

Вбегает боец.

Боец. Товарищ командир батареи! Командующий приехал. Наш генерал!

Опираясь на свою палочку, входит Иванов.

Сагайдачный. Батарея, смирно! *(Идет к Иванову.)* Товарищ генерал! Двадцать первая батарея старшего лейтенанта Сагайдачного...

Иванов *(опускает его поднятую к козырьку руку)*. Не надо! Некогда!.. Вольно, товарищи! Здравствуйте!

Все. Здрассте, товарищ генерал!

Иванов. Ну, друзья мои дорогие, поздравляю с большой честью. Ваша батарея стала гвардейской! Ура новым гвардейцам!

Дружное, веселое «ура!».

Вам передают привет севастопольцы. Все, чью жизнь и работу оберегают ваши пушки, ваше беззаветное мужество. Шлют вам поклон рабочие Севастополя, дни и ночи работающие для фронта. Женщины и дети, которым боевая ваша работа дала возможность уйти на Большую землю. Шлет вам спасибо Военный совет!

Все. Служим Советскому Союзу!

Иванов. Занимайтесь своими делами. Товарищ командир батареи! Прошу ко мне. *(Отходит в сторону с Сагайдачным.)* Слушайте меня внимательно. И держитесь, чтобы никто не заметил... *(Пауза.)* Выслушайте, что я вам скажу, и постарайтесь трезво понять. Как мне ни горько сказать это... но наши часы здесь сочтены. В силу сложившихся факторов Верховное командование приказывает оставить Севастополь.

Сагайдачный *(отшатнулся)*. Оставить Севастополь?!

Иванов. Тише!.. Да, оставить!

Сагайдачный. Отступать? Уходить?.. Я не уйду!

Иванов. Погодите!.. Я уже знаю о том, что произошло между вами и вашим соседом! Одобряю вас целиком за то, что достойно ответили шкурнику. Но мы, солдаты, должны мыслить ясно и понимать, что на войне бывает разное. Отступление, мой друг, является все же разумным, когда полководец прозревает за ним свет конечной победы. А он уже виден нам сквозь боевой дым. Мы сделали свое дело. Привязали на восемь месяцев крупные силы врага, сорвав весь план его наступления. Верховный Главнокомандующий высоко оценил наше дело. Мы уходим отсюда, но уходим с поднятой головой. И вы уйдете, если таков будет приказ. Вы дисциплинированный командир — и исполните приказ. Не так ли?

Сагайдачный *(смущенно)*. Исполню, товарищ генерал.

Иванов. Иначе я и не мог думать. Но дело как

раз в обратном. Наш отход надо прикрывать до последней возможности, чтоб спасти как можно больше живой силы, техники, наших советских людей, женщин, ребят. Пока их не вывезем на Большую землю, враг не может, не должен прорваться к городу. Для этого мы оставляем на переднем крае несколько точек. Они должны бить врага до последнего патрона и последнего человека. На вашем участке я доверяю эту задачу вам, потому что верю в вашу доблесть, в вашу офицерскую честь.

С а г а й д а ч н ы й. Спасибо, товарищ генерал.

И в а н о в. Конечно, мы примем все меры, чтоб дать возможность и вам...

С а г а й д а ч н ы й. Об этом не нужно, товарищ генерал. Враг пройдет тут только по мертвым. *(Пауза.)* У меня к вам одна только просьба... Если моя мать жива и спросит обо мне, скажите ей...

И в а н о в. Я скажу ей, что считал бы счастьем иметь такого сына! До свидания, товарищ Сагайдачный. Надеюсь на вас. Приказ получите дополнительно. До свидания, друзья!

В с е. Счастливо, товарищ генерал!

Иванов уходит в сопровождении Сагайдачного.

К а м е н е ц к и й. Товарищи, партийное собрание считаю закрытым. Прошу сообщить подразделениям все, о чем здесь говорили!

С т а в р и д и *(Каменецкому)*. Товарищ лейтенант, а как же теперь со значками?

К а м е н е ц к и й. Какими значками?

С т а в р и д и. А гвардейскими! Без них нам теперь как-то неудобно... Обязательно значки надо. Пусть видят гады, с кем дело имеют, с гвардейцами!

К а м е н е ц к и й. Пока обойдемся. Пожалуй, значков сейчас и в штабе армии нет. Потом добудем. Важно гвардейское звание в сердце нести, Ставриди.

С т а в р и д и. Это понятно. А все ж и снаружи не мешает.

К а м е н е ц к и й. Успеете! Еще до Берлина времени много.

Возвращается С а г а й д а ч н ы й.

С а г а й д а ч н ы й *(взволнован, но старательно сдерживает волнение)*. Каменецкий!.. Что с боезапасом? Подвезли?

К а м е н е ц к и й. Звонил. Жду с минуты на минуту.

С а г а й д а ч н ы й. Нечего ждать!.. Королев!

К о р о л е в. Есть Королев!

С а г а й д а ч н ы й. Хватай мотоцикл, лети к начальнику боепитания! Шуми! Требуй! Без боезапаса на глаза не показывайся. Что ж они там думают? Что я, мясными консервами пушки заряжать буду? Несись! Не теряй секунды!

К о р о л е в. Ясно!.. Лечу! *(Убегает.)*

Под козырьком блиндажа запищал телефон.

С т а в р и д и *(берет трубку)*. «Русалка» слушает... Есть! Вас, товарищ командир батареи.

С а г а й д а ч н ы й *(берет трубку у Ставриди)*. Да, Сагайдачный... Что? Прорвали?.. Слева? Понятно, товарищ майор... Рад бы от сердца, но у меня положение — ни одного снаряда. Не подвезли, дьяволы... Людьми?.. Добро. Хоть у самого в обрез, но, что могу, сделаю. Да-да... понятно. Не задержу! *(Кладет трубку.)* Каменецкий!

К а м е н е ц к и й. Есть!

С а г а й д а ч н ы й. На левом фланге батальона прорыв. Майор просит поддержки. Бери, сколько можешь, бойцов. Всем — ручное оружие. Забирай расчеты, все равно орудиям пока стрелять нечем. И мигом к высотке с тополем! Поможешь выбить противника из наших окопов любой ценой. Хоть всем лечь, а выбить. Задача ясна?

К а м е н е ц к и й. Проще простого.

С а г а й д а ч н ы й. Выполняй! Но толково. Дуром не лезь!

К а м е н е ц к и й. Есть. *(Убегает.)*

С т а в р и д и *(смотрит из-за камней)*. Пятый раз сегодня на пехоту наваливаются, товарищ старший лейтенант... Я до войны сдуру, от морского форса, пехоту не уважал. А теперь, как насмотрелся, в ножки ей готов кланяться. Вот уж многострадальная царица полей.

С а г а й д а ч н ы й. В вас, Ставриди, и сейчас еще лишнего форса много.

С т а в р и д и. Нет, товарищ старший лейтенант. Форс весь вышел. А вот гордость осталась. Советская боевая гордость. И я ее хранить буду до последней минуты.

С а г а й д а ч н ы й. Если так — хорошо!

За сценой голос Каменецкого: «За мной, товарищи! Быстро!» Через сцену бегут вооруженные автоматами и винтовками б о й ц ы и с ними К а м е н е ц к и й.

Каменецкий. Скорей! Скорей!.. Не отставать! *(Пробегает мимо Сагайдачного.)* До скорого свидания! Сейчас мы их накормим горячей крупой.

Сагайдачный *(вдогонку)*. Очки не потеряй. Больше добыть негде будет.

Каменецкий. Была б голова, а очки найдутся! *(Скрывается.)*

Все расходятся на посты. На сцене остаются Сагайдачный, Нещепа, Ставриди, Горячкин, Шарабанов.

Сагайдачный *(оглядев всех)*. Вот, товарищи, мы и остались с вами в прикрытии батареи. Невелик, конечно, гарнизон, но пять севастопольцев — сила, если подумать. Правда?

Горячкин. Все равно что батальон.

Сагайдачный. Ну, это перехватил, Сережа. Батальон не батальон, но за пятьдесят человек в бою сойдем. Так, что ли?

Горячкин. Все это безусловно.

Внезапно вверху резкий разрыв шрапнели. От неожиданности все пригнулись. Как частым градом хлестнуло по земле, и висящая под козырьком гитара Ставриди издала жалобный звон. Ставриди бросился к козырьку.

Сагайдачный. Ложись!

Ставриди *(схватив гитару)*. У, гады ползучие!

Сагайдачный. Что с тобой, Ставриди?

Ставриди *(придушенным от ярости голосом)*. Гитару мою насмерть, гады, поранили... Ну, держись теперь!.. Стал наш счет нерасчетный.

Нещепа. Зашли бы все-таки под козырык, товарищ старший лейтенант. Шрапнелью бьют. Не ровен час...

Сагайдачный. Не время под козырьки лезть. А за заботу спасибо, старшина!

Из-за сцены, куда пробежал Каменецкий с бойцами, показываются два бойца. На скрещенных руках у них беспомощно обвис Каменецкий.

Горячкин *(взволнованно)*. Товарищ командир батареи!

Сагайдачный оглянулся и вдруг бросился к несущим Каменецкого бойцам.

Сагайдачный. Что?.. Что такое?

Боец. Лейтенанта подшибли.

Сагайдачный *(заглядывая в склоненное на плечо*

бойца лицо Каменецкого). Каменецкий... Петруша!.. Друг мой милый, сердечный... Ты меня слышишь?.. А? Как же это?

Каменецкий *(приподнимает голову, слабым голосом)*. Слышу, Коля! Слышу... Ты не волнуйся... Не страшно! Заживет!

Сагайдачный. Конечно... конечно, заживет... *(Шепотом бойцу.)* Куда его?

Боец *(тоже шепотом)*. Шрапнельными в живот.

Сагайдачный. Немедленно в госпиталь.

Каменецкого уносят. Грохот танков.

Нещепа. Товарищ командир! Фашистский танк!

Сагайдачный. По местам! Гранаты к бою!

Шарабанов *(хватая связку гранат)*. Товарищ командир батареи, прошу считать меня коммунистом! *(Одним прыжком исчезает.)*

Грохот взрыва. Тишина.

Ставриди. Тихий был Миша!.. Слова лишнего не скажет... А что сделал?!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Внутренность КП батареи в бывшем домике Дзюбенко. Странная смесь прежнего жилья с военным разрушением. На стене еще висят семейные фотографии, увеличенный портрет Дзюбенко, окаймленный вышитым полотенцем. На уцелевшем комоде узорная скатерка, Стоит посуда. Но в другом углу разбитый шкаф с вывалившейся дверцей. В стенах красные кирпичные латки на месте выбитых окон. Пол завален грудами битого кирпича. В стене дверь в соседнюю комнату. Над портретом Дзюбенко на прибитом к стене полотнище красного шелка портрет Ленина — тот, на котором батарейцы подписывали клятву. На груде сваленных в углу шинелей вповалку спят человек десять моряков. На многих перевязки. Среди них Брилев. Ближе к рампе лежит на походной койке раненый Горячкин. Возле него на табурете дремлет Матрена Матвеевна. На кадке сидит Ставриди, заделывает дырку в деке гитары. В стене налево большая пробоина от снаряда, в которую выставлен пулемет. У пробоины, прижавшись к стене, стоит Нещепа, изредка выглядывая наружу. Кругом оружие, патронные ящики. «Летучая мышь» тускло освещает эту картину. Внизу, у разрушенной стены, сидит с надетыми наушниками Королев. Сверху на стене Сагайдачный. Королев работает ключом. Ключ сухо постукивает под его пальцами. Сагайдачный напряженно ждет.

Королев. Есть связь.

Сагайдачный. Наконец!.. Давай... *(Диктует.)* «Батарея отрезана. Остатки личного состава занимают

оборону на командном пункте. Ведем непрерывный бой... Отбили восемь атак противника. Не мог дать информацию раньше повреждением рации». Передал?.. Подпишись... «Сагайдачный». Точка!

Королев *(снял наушники)*. Все?

Сагайдачный. Все! *(Повернулся к Нещепе.)* Товарищ Нещепа, что у вас видно?

Нещепа. А ничего, товарищ командир батареи. Ни зги не видать, ночка темна, як та гитлеровска душа!

Сагайдачный *(подходит к лежащему Горячкину)*. Ну, как?

Матрена Матвеевна. Спит!

Горячкин. Жжет! Пить!

Матрена Матвеевна. Сейчас, сынок! *(Дает ему воды.)* На-ка, попей холодной!

Сагайдачный *(подходит к Королеву)*. Слушай меня!.. Сейчас три тридцать. В три сорок пять нужно отправить нашу старуху. Оставаться ей нельзя. Эта фортеция не продержится долго, сам понимаешь. Восемь атак отбили — а что дальше? Она крахнет вместе с нами. А с меня хватит, что боцман на моей душе грузом. Есть возможность вывести ее крытым ходом, пока немец его не перехватил. И нужно ее проводить.

Королев. Есть! Кого послать?

Сагайдачный *(после паузы)*. Пойдешь ты!

Королев *(изумленно)*. Что?!

Сагайдачный *(указывая глазами на Матрену Матвеевну)*. Тихо!.. Товарищ младший лейтенант, выполняйте!

Королев *(шепотом)*. С ума сошел! Ни за что!

Сагайдачный. Ты ее выведешь. Понял?

Королев. Можно послать с ней любого краснофлотца... Может пойти Ставриди... Брилев...

Брилев. Я...

Сагайдачный *(заметил, что лежащий на шинели Брилев поднял голову, услыхав свою фамилию)*. Говори тише!.. Брилев, почему не спите?

Брилев. Не спится. Все про жизнь думаю, товарищ старший лейтенант.

Сагайдачный. А вы про нее не думайте. Пусть лучше она про вас думает. Спите! Выспавшись, жить приятней и драться веселей.

Брилев. Есть выспаться! *(Укладывается.)*

С а г а й д а ч н ы й *(берет Королева под руку и отводит к рампе)*. Словом, приказываю тебе доставить старуху в безопасное место.

К о р о л е в *(выпрямился и взглянул в глаза Сагайдачному)*. Я тебя понимаю. Но ты не имеешь права.

С а г а й д а ч н ы й. Здесь не дискуссия, и здесь все права у меня, потому что я командир.

К о р о л е в *(продолжая смотреть в упор)*. Не думал, что в права командира входит заставлять других дезертировать.

С а г а й д а ч н ы й *(спокойно)*. Не думал, что дисциплинированный командир может так отвечать старшему. Мог бы с меня пример взять.

К о р о л е в. Прости, но ты сам виноват. Ты мог подумать, что я способен оставить товарищей? Что я трус и прохвост? Я знаю, что ты хочешь дать мне возможность спасти мою жизнь, но позволь мне самому распоряжаться ею.

С а г а й д а ч н ы й. Товарищ младший лейтенант! Прекратить пререкания! Выполняйте приказание, или я расстреляю вас.

К о р о л е в. Испугал!

С а г а й д а ч н ы й *(отвернулся от него)*. Матрена Матвеевна! Пойдите сюда!

Матрена Матвеевна встает и подходит.

Вот какое дело! Быстро соберите, что вам нужно из платья, свяжите в узелок — и в путь-дорогу.

М а т р е н а М а т в е е в н а *(настороженно)*. Это куда же?

С а г а й д а ч н ы й. Будем говорить прямо. Нам приходит конец. Пока можно, вам нужно уходить!

М а т р е н а М а т в е е в н а *(решительно)*. Нет уж, товарищ командир! Я и мужу покойному сказала, и вам повторю: никуда я отсюда не двинусь!

С а г а й д а ч н ы й. Да вы понимаете, наконец, что здесь смерть!

М а т р е н а М а т в е е в н а. А мне хоть бы две! Все одно! А только с вами всеми я здесь жила, с вами и помереть желаю. Я тут сыновьям нужна в тяжкий час — и их не покину. Я хоть женщина темная, грамоты не одолела, а понимаю, что срам на человека класть не позволено. Спасибо за заботу, но уж я останусь. *(Поклонившись, отходит и поправляет одеяло на Горячкине.)*

Королев *(иронически).* Что? Сорвалось?.. Может, и старуху расстреляешь?

Сагайдачный. Если все вы упрямые дураки...

Королев. А ведь в глубине души ты нами доволен.

Сагайдачный *(усмехнулся).* Какой сообразительный! *(Пауза.)* Товарищ Нещепа, что там видно?

Нещепа. Трохи рассвитляе. А видно все то ж. Мы стоимо, а фашисты лежать на холму, ноги задрали. Молчать, як мертвые. А живых не бачу.

Сагайдачный. Не скучайте, скоро увидим живых больше, чем надо.

Взрыв.

Все!.. Отрезаны! Последний ход завалили! Ставриди, а что же песня? Так и не услышу нашу песню? Не вышла?

Ставриди. Как не вышла, товарищ старший лейтенант? Вышла, да хор наш расстроился. Миши уже нет! Сережка вон в инвалидах. Один я пока бодрый.

Сагайдачный. Ну и спой соло.

Ставриди. Гитара хрипит, и голос у меня злой стал.

Сагайдачный. А это и лучше! Спой!

Ставриди. Есть спеть! *(Трогает струны и тихонько запевает.)*

Заря на востоке
Встает, розовея,
Бьет море о берег свободной волной.
Споемте, друзья,
О морской батарее,
О нашей солдатской страде боевой.

Спящие на шинелях батарейцы поднимают головы и прислушиваются.

Лети, наша песня,
Лети над волнами,
Лети над полями,
Над мирной землей.
Гвардейское знамя, почетное знамя,
Свети и сияй золотою звездой.
Горнисты уже протрубили тревогу,
Расчеты на месте, снаряды в стволах.
Сквозь огненный град
Не проложит дорогу к священным камням
Севастополя враг...

Все, товарищ старший лейтенант!

Сагайдачный. Славная песня!

Ставриди. Товарищ младший лейтенант от души написал... Ребята, нет ли у кого табачку на закурочку заслуженному тенору?

Матрос. Спросил... Третьи сутки один порох палим, дымом затягиваемся.

Другой матрос. Хоть подметки на курево кроши!

Сагайдачный, сев на ящик, вынимает из кармана коробку «Северной Пальмиры» и нарочито медленно подрезает ногтем заклейку. Глаза моряков неудержимо приковываются к коробке.

Сагайдачный *(улыбаясь)*. Покурим, орлы?

Ставриди. Глазам не верю! Это не обман зрения?

Сагайдачный. Хватай, тенор!

Ставриди. При всей стойкости характера, не выдерживаю.

Сагайдачный. Разбирайте!

Со всех сторон к коробке потянулись руки. Папиросы берут осторожно, как драгоценность.

Нещепа. Костя! Захвати на мою долю, а то с поста сбегу.

Смех. Ставриди передает папироску Нещепе. Все закуривают, кроме Ставриди и Брилева.

Сагайдачный. Брилев, а вы?

Брилев. Некурящий! Для здоровья вредно.

Ставриди. Он только едящий. Поднесли бы ему три кило сала, он бы показал скорость.

Смех.

Сагайдачный. А сам почему не куришь?

Ставриди. Жалко! Перед самой смертью закурю.

Сагайдачный. Так эту припрячь, а пока бери другую.

Нещепа. Ох же ж, хитра лиса! Смозговав на лишнюю!

Снаружи доносится крик: «Эй, рус, слушай!»

Сагайдачный *(встал)*. По местам!

Моряки хватают винтовки и становятся у стен, просовывая дула в бойницы.

Голос снаружи: «Рус не стреляй!.. Слушай!»

Королев. По местам!

Ставриди. Наверно, мое пение понравилось. Хотят обратно нам Штрауса сыграть.

Голос снаружи (выговаривает по-русски чисто, но мертво, по-книжному): «Защитники Севастополя! Вы — побежденные! Германское командование предлагает сдавать оружие без сражения. Вам гарантируется целость жизни. Вы будете накормлены и старательно лечены. Имеете думать десять минут, после каковых начнется истребление с безжалостью. Кто принимает условие, выходит через имеемое в стене отверстие с поднятыми руками...»

Нещепа *(протягивает руку)*. Костя, гранату! Скорийше!

Ставриди. А что там интересного?

Нещепа. А то ж самый оратор, що вносил вышеозначенное предложение. В кусту сидит... Хочу на ём проголосовать против... *(Кидает гранату.)*

Слышен глухой взрыв.

Ставриди. Бюллетень бесшумно скользнул в урну.

Хохот.

Голос снаружи: «Безумные, вас ждет погибание!»

Нещепа *(обескураженно)*. Тю! Знов завел. Невже ж я промазал?

Ставриди. Нет! Это у них смена дикторской вахты.

Нещепа *(взглянув)*. Держись, хлопцы! Пушка!

Тяжелый удар в стену. Посыпались кирпичи. Неожиданно Брилев, который напряженно слушал речь гитлеровца, блудливо бегая глазами, бросает винтовку и, оттолкнув Нещепу, рвется в пробоину.

Брилев *(истерически)*. Сдаюсь!.. Сдаюсь!..

Ставриди *(хватает Брилева за пояс и рывком втаскивает назад)*. Тпру, гнедой!.. *(Швыряет Брилева на пол.)* Так!.. Вот он где налицо оказался... Проявлен без передержки.

Все молча смотрят на Брилева, и в глазах он читает такую ненависть, что в ужасе отползает к стене.

Брилев *(кричит)*. Что вы, ребята!.. Что вы!.. Я ж ничего... я так...

Все молчат, и это молчание обманывает Брилева. Ему кажется, что они колеблются и их можно убедить.

Вы же прикиньте. Их все одно сила! А нас по пальцам... Мы ж, что могли, сделали... Что ж жизнь без толку губить?.. Молодые мы!

Горячкин *(поднимаясь на койке)*. Задавите гадину! А то я его последней рукой своей задавлю.

Ставриди. Спокойно, Сережа! Твоя рука чистая, не пачкай!

Нещепа *(Брилеву)*. А ну, кажи, де твое слово? *(Показывает на портрет Ленина.)* Чей тут подпис? Кому ты присягу подписувал? Родине!.. Кого ты обманув, гад? Товарищ старший лейтенант, що с ним робить зараз?

Сагайдачный. Сами знаете, товарищ старшина.

Брилев. Ребята! Мамаша!

Матрена Матвеевна. Не сын ты мне!

Нещепа. Иди! *(Выталкивает Брилева в соседнюю комнату. Уходит туда же.)*

Напряженная тишина разрывается выстрелом. Входит Нещепа.

Нещепа. Товарищ старший лейтенант! Народный суд сполнен!

Сагайдачный. Ясно!

Ставриди *(взглянув на часы)*. Так!.. В три сорок пять второго июля командный пункт батареи от человечьего хлама очищен.

Пулеметная очередь.

Сагайдачный. Товарищ старшина! Я приказал вам спрятать партийные и комсомольские документы личного состава. Вы исполнили?

Нещепа. Так точно. Усе закопано мною в снарядном погребе второго орудия.

Сагайдачный. Приказываю, пока еще темно, проберитесь в погреб и уничтожьте комсомольский билет Брилева. Оставьте записку о расстреле предателя... Да осторожно, не напоритесь.

Нещепа. Есть! Зараз кошкою проползу по каменьям, никто не побачит.

Сагайдачный. Выполняйте.

Выстрел. Сагайдачный падает.

Королев. Коля!..

Матрена Матвеевна. Неужто убили?

Сагайдачный. Нет... Я еще жив.

К о р о л е в. Пехота противника подымается для атаки. По фашистам огонь!

С т а в р и д и. Товарищ младший лейтенант, патронов у нас на бога осталось. Крыть нечем!

К о р о л е в. Все ясно! *(Подходит к Сагайдачному.)* Коля!.. Ты меня слышишь?

Сагайдачный кивнул.

Боеприпасы кончаются... что делать?

Сагайдачный притянул его к себе и что-то говорит на ухо.

Ясно!.. *(Встает.)* Товарищи матросы! Мы поклялись не уходить! Пока были патроны, мы думали, как уложить побольше врагов. И сейчас должны думать о том же. На вашей родной батарее, где каждая пядь полита кровью братьев, хозяйничают враги.

Немецкая речь по радио.

Вы слышите их?

Снаружи доносятся выстрелы и крики.

Командир предлагает просить командный пункт артиллерии главного калибра открыть огонь по нашему пункту.

Тишина. Долгая пауза.

С т а в р и д и. Товарищ младший лейтенант! Вы не смотрите, что мы молчим. Это как раз тот случай, когда молчание — знак согласия.

К о р о л е в. Все так думают?

Д р у ж н ы й о т в е т. Все!

К о р о л е в. Командир был уверен в этом... *(Подходит к Сагайдачному.)* Коля, все в порядке!..

М а т р е н а М а т в е е в н а *(сурово)*. Не услышит! *(Накрывает лицо Сагайдачного платком.)*

К о р о л е в *(выпрямляется)*. Шапки долой! Командир умер!

Все снимают бескозырки. Пауза.

Но он с нами, товарищи! Он нас слышит! *(Подходит к рации и берется за ключ.)* Вызываю командный пункт артиллерии главного калибра.

В полной тишине слышно только сухое постукивание ключа, выбивающего сообщение. Все напряженно слушают. Ставриди шевелит губами, про себя повторяя то, что передает Королев.
Стук ключа обрывается.

(Поворачивается лицом к бойцам.) Товарищи матросы! На этой земле сражались наши предки — бессмертные герои. Когда мы встали на эту позицию, тут стоял памятник им... Гитлеровцы разбили памятник, но не могут они убить память о героях! Герои бессмертны! Мы с вами тоже не умрем в нашем народе. Пройдут годы! Встанет прекрасная родина наша в новом блеске и силе! Опять поплывут по Черному морю корабли! И счастливые люди еще издалека будут видеть на этой скале новый памятник — памятник нашему командиру! Памятник нам! Они принесут к его подножию обрызганные росой цветы, прочтут наши имена на сверкающем камне, постоят, погрустят и широко понесут по родной земле прекрасную песню о нас! Головы выше, товарищи!

Все стоят выпрямившись. Высоко вверху рождается ворчащий гул снарядов большого калибра.

1943 г.

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ

Драма в трех действиях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Х а р и т о н о в, капитан 2-го ранга, командир дивизиона морских охотников, 40 лет.

Ш у б и н, капитан 3-го ранга, начальник штаба дивизиона, 33 лет.

М а к с и м о в, командир первого отряда морских охотников, капитан-лейтенант, 29 лет.

Б о р о в с к и й, командир второго отряда морских охотников, капитан-лейтенант, 31 года.

К л о б у к о в, инженер, капитан-лейтенант, дивизионный механик, 31 года.

Л и ш е в, старший лейтенант, командир катера № 113, 38 лет, из запаса.

Р е к а л о, старший лейтенант, командир катера № 101, 27 лет.

Ж у р а в л е в, лейтенант, 25 лет.

Б у д к о в, мичман, боцман катера № 101, 52 лет.

Л а б и н с к и й, старшина 1-й статьи, 26 лет.

Б о й к о, старшина 2-й статьи, 26 лет.

А п а н а с е н к о, матрос-радист, 23 лет.

Х а р и т о н о в а, мать комдива, 62 лет.

Ш а б у н и н а, капитан медицинской службы, жена Боровского, 28 лет.

Г о р е л о в а, актриса Театра флота, 35 лет.

О л е н ь к а, официантка Дома флота, 18 лет.

О ф и ц е р ы и м а т р о с ы.

Место действия — база дивизиона морских охотников на одном из флотов.

Время действия — зима и весна 1944 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В угрюмой тьме зимней ночи свистит злой ветер, порой заволакивая бухту зарядами снежного шквала. Пройдет шквал — и видна черная беспокойная вода, массивы дальних скал с резкими пятнами снега. На пирсе, за наваленными ящиками, кучкой жмутся матросы-десантники, укрываясь от ветра. За срезом пирса тяжело раскачиваются мачты катеров. Темно, холодно. Только в маленькой деревянной дежурке, выстроенной на пирсе, тепло и свет. На столе — большой медный чайник, кружки. Рекало, в боевом комбинезоне, пьет чай. Он смуглый, курчавый, с горячими, быстрыми глазами. У двери, прислонившись спиной к стене, стоит Лабинский, щеголеватый, в отлично пригнанной форменке, на рукаве которой две золотые тесемочки ранений. У железной печки на корточках сидит Максимов, тоже в боевом комбинезоне и резиновых сапогах. Он подкидывает в печку чурки. Его обветренное, бронзовое лицо кажется грубоватым, но это впечатление исчезает, как только видны его глаза — ясные, серые, внимательные.
И улыбка у него белозубая, широкая, русская.

Рекало *(прихлебывая чай, напевает хорошим баритоном на мотив «Славное море...»)*.

Чертово море — штормовый котел,
Бурь и туманов бездонная бочка.
Штурман, зри в оба, куда б ты ни шел,—
Чуть зазеваешься... точка!

Лабинский. Извините, товарищ старший лейтенант, чье такое сочинение?

Рекало. Нравится?

Лабинский. Потому и интересуюсь.

Рекало *(удовлетворенно)*. В таком случае — мое.

Лабинский *(восхищенно)*. И ловко ж у вас выходит!

Рекало *(деланно небрежно)*. Привычка! *(Продолжает петь.)*

Плаваем в холод, в кромешную тьму,
В море и мокро, и тошно, и скверно...
Норд — это норд... а где зюйд — не пойму,
Черти украли, наверно.

Максимов *(усмехнулся)*. Так! Доплавался старший лейтенант до чертиков. *(Мешает кочережкой в печи.)* Ух, славно угольки пышут!

Лабинский. Любите огонь, товарищ капитан-лейтенант?

Максимов. Люблю. Он живой... А я все живое люблю.

Рекало. А холод?

Максимов. И холод люблю.

Лабинский. Я вот тоже, товарищ капитан-лейтенант, предпочитаю мороз, хотя родом сам из южных краев. Но очень мне крепкий морозец по душе. Не знаю сам отчего. Это, верно, вроде того, как брюнеты чаще в блондинок влюбляются... Единство противоположностей!

Максимов *(захохотал)*. Ай да диалектик!

Рекало *(с ехидцей)*. Насчет блондинок — это по личному опыту, товарищ Лабинский?

Лабинский *(вдруг хмуро)*. У меня, товарищ старший лейтенант, один только опыт был, и от того опыта мне до сей поры смутно.

Рекало *(смутился)*. Ей-богу, без умысла... *(Переводит разговор.)* А я холода не терплю. Люблю купаться в тихую погоду, чтобы солнышко грело и без стрельбы.

Максимов. Вот ты сейчас пел: «Чертово море...» Понятно, в шутку. А все же ни к чему. Море надо всерьез понимать. И уважать. У меня это в крови. Я еще на свет не явился, а уже морячил.

Рекало. Это как же?

Максимов. Отец у меня — штурман дальнего плавания. В ту пору на Дальнем Востоке пароходом командовал. И мать с ним плавала. Беременная! Родился я в Тихом океане под Новый год. Отец рассказывал: страшный штормяга был. Валяло их вовсю. Только доктор меня принял — волна на мостик, каютную дверь в щепы, и обмыло младенца в океанской купели... Так меня море почтило! Вот и я его чту.

Рекало. Красиво родился!

Пауза. На пирсе появляется коренастый, широкоплечий, с седоватыми усами Будков.

Будков *(командует)*. Становись!.. Равняйся!

Десантники, укрывавшиеся за ящиками, быстро встают в строй.

Стоять вольно! Сейчас доложу капитан-лейтенанту.

В дежурке задребезжал телефон.

Лабинский *(берет трубку)*. Дежурный по пирсу старшина первой статьи Лабинский слушает... Коман-

дир первого отряда? Так точно, здесь. Есть передать трубку. *(Максимову.)* Начальник штаба.

Максимов *(взяв трубку)*. Капитан-лейтенант Максимов. Да, десантники уже на пирсе, товарищ капитан третьего ранга... Как? Отменить выход? Виноват, но я имею приказание комдива сняться в двадцать два ноль-ноль... Уважаю ваши соображения, но прошу отмены от самого комдива. Отлично, согласуйте, но учтите, что осталось десять минут... Есть, жду... *(Раздраженно вешает трубку.)*

Рекало. Почему шум? Отчего гам?

Максимов. Начальнику штаба кажется, что погодка неуютная. Мальчики ножки могут промочить! Винтит спираль!

Рекало. Из-за чего паника? Не в такой ветерок ходили.

В дежурку протискивается Будков.

Будков. Разрешите войти, товарищ капитан-лейтенант?

Максимов. Влезайте!

Будков. Мичман Будков прибыл по вашему приказанию.

Максимов. Погодка шумная, Степан Васильевич?

Будков. Очень пригожая.

Максимов. Так что, по-вашему, выходить можно?

Будков. А как же!.. Самое раздолье молодых высшей практике учить.

Максимов. Приятно слышать... Десантники готовы?

Будков. Построены.

Максимов. Ступайте!

Будков уходит. Максимов ходит по дежурке, прищелкивая пальцами. Рекало следит за ним.

Рекало. Высокое давление? Что вскипятился?

Максимов. Знаешь, кто схлопотал отмену выхода?

Рекало. Сашка?

Максимов. Ага.

Рекало *(засмеялся)*. Силен товарищ тепло пожить! Оно и приятней дома с женой чайку попить, чем в море беду хлебать.

Максимов. Товарищ Лабинский! Если опять будут звонить из штаба, доложите, что я уже отвалил.

Л а б и н с к и й. Есть доложить!

М а к с и м о в. Тронулись! *(Выходит с Рекало на пирс.)*

Б у д к о в *(командует)*. Смирно! Равнение направо! *(Подходит к Максимову.)* Товарищ капитан-лейтенант, десантная группа в составе двадцати бойцов построена по вашему приказанию.

М а к с и м о в. Здравствуйте, товарищи краснофлотцы!

Д е с а н т н и к и. Здравия желаем, товарищ капитан-лейтенант!

Максимов проходит, оглядывая бойцов. В дежурке снова дребезжит телефон.

Л а б и н с к и й. Дежурный по пирсу... Разрешите доложить: только что отвалили... Вот самую чуточку не застали... Так точно! *(Лукаво улыбнулся, повесив трубку.)* Да, догонишь нашего капитан-лейтенанта! Скорострельный характер! *(Прикуривает от печки, садится, придвигает книгу и погружается в чтение.)*

М а к с и м о в *(остановился)*. Товарищ мичман! Почему Бойко в бушлате?

Б о й к о. Разрешите объяснить? Ватник не по росту всучили. Болтается, как юбка на собаке. А ушить не успел.

М а к с и м о в. Во-первых, я не разрешал вам разговаривать. А во-вторых, чепуху несете. Время ушить было. Значит, лентяйничали. Не по росту! Ватник — не мундир, и вы — не на бал. Подвернул рукава, подтянулся потуже — и все... Товарищ мичман! Отставить от похода!

Б о й к о. Да мне же тепло...

М а к с и м о в. Прекратить разговоры! Старшина второй статьи, а с дисциплиной до сих пор в разладе... Не раз предупреждал, что не допущу расхлябанности. Не в игрушки играем. Небрежность в ученье — гибель в бою. Выйти из строя, остаться!

Б о й к о *(мрачно)*. Есть выйти и остаться. *(Выходит.)*

М а к с и м о в. Товарищ мичман, примите замечание за невнимательный осмотр. И впредь представлять мне людей в таком виде, чтобы не приходилось выводить из строя. Ясно?.. Разводите по катерам!

Б у д к о в. Напра-во! Шагом марш!

Десантники уходят.

Максимов. Давай и мы ходу!

Рекало и Максимов уходят. Оставшийся на пирсе Бойко делает нерешительное движение к дежурке. Одновременно с гулом заведенных моторов на пирсе вновь появляется Будков.

Будков *(яростно)*. Бойко!

Бойко. Есть Бойко.

Будко. Ну, спасибо тебе, товарищ Бойко! Удружил... По такому случаю возьми на память три наряда вне очереди!

Бойко. За что, товарищ мичман?

Будков. Он еще спрашивает!.. Ночей не сплю, сил не жалею, тридцать лет флоту служу, чтоб из вас настоящих матросов растить. А ты что? Что ты? В бушлатике вылез?.. Петуховину разводишь?

Бойко. Да бросьте, товарищ мичман...

Будков *(обрывает)*. Смирно!

Бойко вытягивается.

(Через мгновение, насмешливо.) Вольно! Можете идти, товарищ Бойко! *(Стремительно убегает.)*

Гул моторов за пирсом сильней.

Лабинский *(в дежурке, поднял голову от книги, прислушался)*. Теперь в самом деле пошли. А, чертова ночка! Хватят хлопцы соли!

Дверь дежурки открывается, входит Бойко.

Кого вижу! Морской орел!

Бойко *(сердито)*. Курить есть?

Лабинский. За этим не станет. *(Дает кисет.)* Угощайтесь! А что это морской орел на мокрую ворону смахивает?

Бойко. А ну их в болото! Буду проситься на второй отряд перевестись. *(Садится.)*

Лабинский. Как? Я не ослышался?

Бойко. А что, в самом деле? Не жизнь — ящик! Что ни сделай — все не так. Вот на втором отряде капитан-лейтенант Боровский — это командир. Проштрафишься в чем — отругает, а обиды не сделает. Сам веселый, и людям с ним весело. А наш ходит сычом. Зажал — дохнуть некуда. Нет у него душевного подхода до моряка.

Лабинский. Отговорился! И такому умнику я табак одалживал? Давай назад!

Бойко. Ну-ну!

Лабинский. На сивку свою нукай, единоличник! Много ты в нашем капитан-лейтенанте понимаешь. Он прочной службы требует, и ему не интересно, чтоб его раззявы обожали. Он настоящего склада офицер. А хочешь от нас смываться — плыви на полный, все равно с такого моряка на шкерт пеньки не надерешь...

Бойко. Да ты что за командир нашелся!

Лабинский. Встать, товарищ старшина второй статьи!

Бойко вскочил с табурета.

Давай кисет!

Бойко *(оскорбленно)*. На! Не нуждаюсь! Проживем! *(Уходит.)*

Лабинский. Хорош! Ему такого командира нужно, чтоб по утрам какао в койку подавал... Растяпа! *(Берет книгу, читает вслух.)* «...Ночь лимоном и лавром пахнет, яркая луна блестит на синеве густой и темной...» Как описано! Что ни слово — на ощупь взять можно... Помню — идешь, бывало, с подружкой батумским парком у моря, луна вовсю жмет, а сердце от лаврового духа так и замирает... *(Опять садится к столу.)*

На пирсе появляются две фигуры: одна — маленькая, в шинели, в офицерской ушанке, вторая — высокая, в кожаном пальто и шведских валенках. Это Шабунина и Боровский.

Шабунина *(подбежав к срезу пирса)*. Ну вот! Конечно, опоздала! Как неприятно! Подумают, струсила. Я же говорила тебе, Саша, что они не станут ждать, а ты, словно нарочно, тянул.

Боровский *(весело)*. Не отрицаю.

Шабунина. Ты шутишь?

Боровский. Не думаю... Пришлось схитрить, чтобы удержать тебя от сумасбродства... Ты видишь, что в море?

Шабунина. Однако Максимов ушел.

Боровский. Вольному воля! Борису всегда море по колено. Но зачем тебе лезть в такую передрягу?

Шабунина. Скверная шутка, Саша. Я не ребенок, а врач дивизиона. И хотела пойти с людьми именно в бурную погоду, чтобы видеть, как они переносят...

Боровский *(засмеялся)*. Романтика, Женя! Людям в такую погоду очень плохо. Чтобы понять, не нужно быть врачом. Борис же часто забывает о людях... У меня нет охоты видеть тебя инвалидом.

Шабунина. Ты так бережешь меня?

Боровский. Тебя это удивляет?

Шабунина. Почти... За последний год я стала в этом сомневаться. И даже сомневаюсь, замечаешь ли ты, что я существую.

Боровский. Ах, фантазерка! Ну, скажи, пожалуйста, кто виноват в том, что сломалась прежняя жизнь, что у нас не стало времени для хороших, ласковых бесед вечерком, которые мы так любили?.. Ведь не я же... Война! Я занят делом, за которое отвечаю головой. Ты тоже.

Шабунина. Я понимаю это, Саша. Но близость может сохраниться, если даже жизнь совсем разлучает людей. Вот этой близости я не чувствую. Ты стал очень далеким.

Боровский *(мягко)*. Ты заблуждаешься, Женя. Раньше нам очень хорошо жилось в нашей уютной, тесной скорлупке. Сейчас уже нельзя оставаться в ней. Жизнь изменилась... Кем я был тогда? Незаметным лейтенантом, каких сотни. Война вырастила меня. Выдвинула вперед и вверх. Не случайно, а по праву способностей. Я стал хорошим командиром. За мной немалый боевой путь. И я хочу идти дальше, добиться большего. И добьюсь. Меня уже знают на флоте, обо мне говорят, пишут... Я на виду!

Шабунина. На виду?

Боровский. Да! И не скрываю — это приятно. Это как вино. Бодрит, придает размах, энергию. Я вышел на большой путь. А ты тянешь меня назад, на проселочек.

Шабунина. Нет!.. Я не хочу мешать тебе. Но порой боюсь за тебя. Мне кажется, что ты начинаешь раздваиваться.

Боровский. Объясни.

Шабунина. Дома ты остаешься прежним, хотя и далеким. А на людях ты стал играть...

Боровский. Играть? Кого?

Шабунина *(горячо)*. Придуманного тобой героя! Капитан-лейтенанта Боровского, Героя Советского Союза, которым ты еще не стал. Я знаю, это твоя мечта... Не слишком ли она тебя пьянит?

Боровский *(шутливо)*. Ой-ой, какие страхи! Я не так легко пьянею, Женя. И разве это плохо — вложить всю волю в достижение большой цели?

Шабунина. Не знаю... Мне кажется, что эта цель заслонила для тебя все.

Боровский. Ерунда! Иди домой, отдыхай. А я на катера...

Шабунина. Значит, ты выходишь? Тогда я с тобой...

Боровский. Нет! Я доложил начальнику штаба о состоянии погоды, и он отменил выход... Спокойной ночи! *(Уходит.)*

Шабунина *(внезапно делает порывистое движение за ним)*. Саша! Ушел!.. *(Пауза.)* «На виду»... Зачем он так сказал? Какое страшное слово!

На пирсе появляется Клобуков. Он внешне мешковат, рассеян, как люди, целиком захваченные своими мыслями. Когда разговор задевает его, он легко воспламеняется, становится порывистым.

(Увидя Клобукова, быстро идет к нему.) Андрюша!

Клобуков *(вглядывается)*. Это вы, Женя?

Шабунина. Я... я, Андрюша! Как хорошо, что вы пришли!

Клобуков *(удивленно)*. Почему хорошо?

Шабунина *(овладев собой)*. Ну... просто хорошо. Я вышла поглядеть на море. И вдруг стало так тоскливо...

Клобуков. Но с вами как будто был кто-то?

Шабунина. Саша. Он ушел на катера. Может быть, потому и тоскливо. *(Меняет тему.)* А вы зачем?

Клобуков. Гуляю... Всегда гуляю, когда зол.

Шабунина. Вы злы? На кого?

Клобуков. На бюрократов. Подумайте! Второй месяц не могу провертеть в катере эту несчастную дырку.

Шабунина *(изумленно)*. Какую?

Клобуков. Ах, вы не знаете! Прислан для испытания образец нового лага. А испытать нельзя!.. Чтобы провертеть в днище катера дырку диаметром в полдюйма для установки вертушки, я должен испрашивать разрешения десяти высочайших инстанций, потому что это, видите ли, нарушение установленных чертежей... Черти собачьи! Каждый день войны опрокидывает устаревшие нормы, а они живут законами царя Гороха...

Шабунина. Но зачем же так раздражаться?

Клобуков. А вы бы не раздражались, если б на вырезку аппендицита вам пришлось просить санкции высшего медицинского совета, потому что разрез на животе тоже нарушает установленный богом чертеж человека?.. А тут та же нелепость, только в технике. И так всё. Сколько бьюсь, чтобы добиться признания моего предложения о замене бакаута в дейдвудах самшитом...

Ш а б у н и н а *(переводя разговор).* А шторм крепнет. Максимов ушел в море... Не случится беды?

К л о б у к о в. С какой стати? У наших катеров исключительная плавучесть и выносливость для любой погоды... Разве шуга... И то... Угол встречи, площадь и плотность образований льда, скорость хода... Если применить формулу...

Ш а б у н и н а. Андрюша, вы не можете ответить без математики? Я же вас по-человечески, о живых людях, о друзьях-товарищах, а вы формулами...

К л о б у к о в *(сконфуженно).* Простите, я так привык математически мыслить... Александр тоже уходит?

Ш а б у н и н а. Нет! Он считает, что в такую погоду незачем.

К л о б у к о в. Ну и прав! Умница! Бережет корабли...

Пауза.

Ш а б у н и н а. Андрюша, скажите откровенно — что вы думаете об Александре?

К л о б у к о в. А что?

Ш а б у н и н а. Да ничего... Можно жене знать, что думают о муже товарищи?

К л о б у к о в. А... Что ж! Превосходный офицер! Талантлив, инициативен, сам идет вперед и других тянет.

Ш а б у н и н а. Это аттестация командира — а что скажете о товарище?

К л о б у к о в. Да что вы меня допрашиваете?.. Бывает иногда резковат. Но в нашей жизни это хорошо. По крайней мере, на ногу ему не наступят. А путь перед ним большой.

Ш а б у н и н а *(задумчиво).* Да... путь большой... *(Засмеялась.)* Спасибо, Андрюша. Вы меня развеселили.

На пирсе появляются Х а р и т о н о в и Ш у б и н. Харитонов — высок, худощав, большенос, резок и быстр в движениях. Шубин — невелик, гладок, ровен.

Ш у б и н. Извольте полюбоваться! Абсолютный самостийник! Ушел!.. А ведь мог подождать лишние десять минут. Какой смысл в этом упрямстве? К чему бесцельно рисковать катерами и людьми? Не боевая же операция, а учебный выход... И ничего бы...

Х а р и т о н о в. Погодите! Кто это здесь?

К л о б у к о в. Я, товарищ капитан второго ранга. И капитан Шабунина.

Харитонов. О!.. Что вас носит в эту собачью пору?

Шабунина. Вышли подышать. А попутно Андрей Николаевич читал мне лекцию о лагах и дейдвудах.

Харитонов *(со смешком)*. Увлекательный, черт побери, собеседник для молодой женщины... Что? *(Шубину.)* Ладно! Вернется, я его отшлифую за дурь и самоуправство... А насчет операций... Говорите, «не боевая»... Что? Так позвольте полюбопытствовать: бывают вообще во время войны не боевые операции?

Шубин. Я только хотел указать...

Харитонов. Раз война — так война... Чихать и то надо по-боевому! Что?.. Пошли в штаб. *(Шабуниной.)* Продолжайте вашу поэтическую командирскую учебу, если не замерзли. Доброй ночи!

Клобуков. Михаил Михайлович, а вы не забыли, что завтра праздник?

Харитонов. Что? Какой еще праздник?

Клобуков. Вот тебе на! Ваш же день рождения.

Харитонов. Ну, не велик праздник, когда человеку тычут в нос, что он пересек сороковой меридиан.

Клобуков. Но как же? Мы готовимся...

Харитонов. Только без шума! Если все будет тихо, соберемся дома вечером на часок. И то ради матери. Неохота старуху огорчить... Да, кстати, дивмех, у меня к вам два срочных вопроса. Так что вынужден отлучить вас от капитана Шабуниной.

Клобуков. Есть!

Харитонов. Прошу не взыскать, Евгения Сергеевна. Служба!

Клобуков. До свидания, Женя!

Харитонов, Шубин и Клобуков уходят. Шабунина медленно идет к дежурке.

Лабинский *(поднялся и с пафосом читает)*. «Дай руку. Вот она... О, тяжело пожатье каменной его десницы! Оставь меня, пусти — пусти мне руку... Я гибну — кончено — о Дона Анна!..» *(Переходя на мрачный шепот, произносит ремарку.)* «Проваливаются»! *(Обычным голосом.)* Вот и кончилось! Жаль! Если б можно было хорошую книжку без конца читать!

Входит Шабунина.

Шабунина. Добрый вечер!

Лабинский. Добрый вечер, товарищ капитан! *(Придвигает табурет.)* Садитесь, товарищ капитан!

Шабунина. Я на минутку... К телефону.

Лабинский. Кружечку чаю желаете?

Шабунина. Нет! Тороплюсь! *(Берет трубку.)* Базовая? Ноль тридцать. Товарищ Мурский? Да... я. Осталась. Не ушла в море, осталась и буду дома. Если что-нибудь срочное — звоните. И не забудьте дать Полухину кардиазол... До свидания! *(Кладет трубку.)* А вы всегда за книгой... Что читали?

Лабинский. «Каменного гостя», товарищ капитан.

Шабунина. Понравилось?

Лабинский. Я его раз в десятый перечитываю. Мирово написано! Старший лейтенант Рекало толково стихи сочиняет, но куда там... Люблю я книгу, товарищ капитан. Мечтаю после войны все хорошие книжки перечитать.

Шабунина *(улыбнулась)*. Желаю исполнения мечты и счастливого дежурства.

Лабинский. А вам хорошо отдохнуть, товарищ капитан.

Шабунина уходит.

Эх, хороший человек! Для всякого у нее душевное слово найдется. Нрав нежный! Ей бы и мужа тихого... А попала к ветру в переплет. Уж он и туда и сюда крутит... Я-то знаю... Ничего! Докрутит! Найдется и на него статуя! Жмякнет за руку — и ваших нет!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Освещенный сверху лампой стол в большой комнате. Остальное пространство в полутени. Над широкой тахтой поясной портрет П. С. Нахимова. Через открытую дверь видна часть другой комнаты. За столом офицеры, празднующие день рождения комдива, сам Харитонов, его мать, такая же большеносая, энергичная старуха. Боровский, Максимов, Шабунина, сменившая форму на вечернее платье, Рекало, Клобуков и Горелова — видная, красивая уже немного отяжелевающей красотой. Слышен смех. У стола с бокалом стоит Лишев, продолжая тост. По его груди широким веером распласталась «макаровская» борода, делающая его значительно старше.

Лишев. ...сдвинем бокалы, осушим их разом за виновницу торжества, дорогую родительницу новорожденного и нашу любимейшую и несравненную общую маму Соню!

Х а р и т о н о в а. Врешь, врешь, Юрка! Чья мама — только не твоя. Не могла я родить такого бородатого урода.

Л и ш е в. Ай-ай! Как нехорошо забывать лучшие мгновения, мама Соня! Я родился два года назад именно здесь, в вашем доме, и именно сразу с бородой. Товарищ комдив, подтвердите.

Х а р и т о н о в. Верно! Родился... на мое горе.

Л и ш е в. Свидетельство налицо! Итак, друзья, выпьем! *(Чокается с Харитоновой, которая слегка пригубливает вино.)* О нет! Не годится! До дна! Дети, умоляйте вашу мамочку.

М а к с и м о в, Л и ш е в и Р е к а л о *(со смехом окружают Харитонову и поют хором)*. Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

Х а р и т о н о в а *(выпивает)*. Ах вы, жулики мои милые! Ведь правда, подумаешь, до того я с вами сжилась, что все вы мне как дети.

Л и ш е в. Позднее признание — лучшее признание... Однако разрешите удалиться для оформления художественной части. Миша, в поход! *(Уходит с Рекало.)*

М а к с и м о в *(вдогонку)*. Не осрамись, дед!

Г о р е л о в а. Какой забавный! Его за бороду дедом прозвали?

М а к с и м о в. Определенно... А краснофлотцы еще хлеще — банным веником... Он к нам из запаса пришел. В миру редактировал газету водников. По ночам, как положено, гранки читал. На них типографская краска. Пальцы марает. Он и завел бороду ради экономии, чтобы полотенец не портить.

Г о р е л о в а. Вы шутите, а я не перестаю удивляться, как меняются люди в войне. Казалось бы, самый мирный труженик — редактор. И вдруг моряк... командир.

Х а р и т о н о в. Еще какой! Лишева на десять кадровых не сменяю. Что?.. Хладнокровный, настойчивый! Вцепится в фашиста — его, как бульдога, не оторвешь.

Г о р е л о в а. Больше всего меня поражает: сколько во всех вас веселья, задора!.. Мне казалось, на войне смеху нет места.

Х а р и т о н о в. Что вы! Без смеха не выдержишь. Это большие полководцы понимали. Недаром Суворов любил солдата смешить.

Г о р е л о в а. Неужели?

Х а р и т о н о в. Хорошая шутка иной раз сильней дивизии... Да вот, расскажи, Максимов, как ты с сахаром начудил.

М а к с и м о в. Товарищ капитан второго ранга! Не надо!

Б о р о в с к и й *(иронически)*. Тоже, сахарные подвиги!

Х а р и т о н о в. А что?.. Ну, сам расскажу. Было такое дело в первые дни, когда еще фрицы на блицы базировались. Застопорили мы их в одной бухточке неподалеку. На одном бережку наши моряки, на другом фрицы, посредине ничья вода, а на воде причал. Причал старый, дрянцо, но на нем забыли в горячке двести мешков сахару. Понимаете, какой товар? Что?.. А не подступишься. Они сунутся — мы их по зубам. Мы полезем — они нас. Но раз все же они ухитрились... Под шумок мешков с полста слизнули.

Х а р и т о н о в а. Знали, с кем дело имеют...

Х а р и т о н ов. Молчи, мать! Утром, глядим, на том берегу плакат: «Иван, прощай сахар!» Нас за жабры взяло. Максимов ко мне: «Разрешите поквитаться?» Отчего ж? Как раз туманная ночка подоспела. Пошел он на катерке малым ходом, повозился там — и назад. Пришел — палубы за мешками не видно.

Х а р и т о н о в а. Целый месяц от мала до велика на яичном порошке гоголь-моголь вертели. Вспомнить тошно!

Х а р и т о н о в. Мы, конечно, тоже плакат: «Фриц, цукер капут». Фрицы озверели и в ту же ночь на причал. Нам слышно, они там шебаршат... И вдруг как ахнет! Думаю, в Москве обсерватория землетрясение засчитала. Рассвело — ни причала, ни сахара, одни щепки плавают. Неделю весь флот за животы держался... Помнишь, Максимов?

М а к с и м о в *(улыбнулся)*. Припоминаю.

Г о р е л о в а. Но ведь катер мог погибнуть. И люди! Из-за сахара!

Х а р и т о н о в. Дело не в сахаре. В настроении! Приуныли люди от отступления и окопной скуки. А после этой сахарной кутерьмы вскоре фрицев так двинули, что двадцать километров догнать не могли. Выходит, не врет наука, что сахар необходим для бодрости.

Г о р е л о в а *(засмеялась)*. Нет! Очевидно, я никогда не пойму своеобразия военной психологии.

М а к с и м о в. Поживете — свыкнетесь.

Х а р и т о н о в. Вчера с удовольствием смотрел вас в спектакле, Елена Васильевна. Сочно играли!

Г о р е л о в а. Правда? Вам понравилось? Я в самом деле была в настроении. Нет зрителя восприимчивей моряков. Все время ощущаешь душу зала. А это так подымает... Я очень благодарна за прием.

Х а р и т о н о в. Это нам надо благодарить. Вы чудом слетели к нам из большого мира и столько принесли в нашу маленькую семью...

Резкий звук гонга. В дверях появляется Л и ш е в, колотя ложкой по медному подносу.

Л и ш е в. Внимание! Внимание! Неподражаемая гастроль лейб-солиста «Непобедимой армады», конокрада Гаврилы... Маэстро, прошу!

Пропускает Р е к а л о, загримированного старым цыганом и одетого в красную рубаху, бархатный жилет, с гитарой в руках.

Г о р е л о в а. Браво! Браво!

Л и ш е в. Прошу соблюдать тишину! Великий артист слаб нервами. Не выносит аплодисментов и стрельбы. *(Снимает с подставки в углу вазон с фикусом и ставит стул.)* Гаврила, вперед!

Р е к а л о *(садится)*. Современную или классическую?

Ш а б у н и н а. Классическую!

Л и ш е в. Гей, чавалы! Начали!

Рекало поет старую цыганскую песню. Кончив, передает гитару Лишеву, тот играет плясовую. Рекало, соскочив с подставки, лихо проходит в пляске по-цыгански. Аплодисменты.

Г о р е л о в а. Превосходно! Но у вас изумительный голос! Вам надо учиться. Жаль, если такой талант пропадет.

Р е к а л о. А зачем ему пропадать? Он и тут расцветает.

Г о р е л о в а. Самое удивительное, что у вас настоящая цыганская манера. Откуда?

Р е к а л о. А я и есть цыган.

Г о р е л о в а. Как?

Р е к а л о. Обыкновенно. Давно это было. Жил-был тощий, ободранный цыганенок. Но с детства был порченый с точки зрения национальных традиций. Скучал от цыганской воли. Ну, и сбежал под конец.

Горелова. Но как же вы в моряки попали?

Рекало. Нормально. Сперва детдом, фабзавуч, все как нужно. А в море? Верно, кровь потянула. Моряк — тот же кочевник...

Шабунина. Спойте еще, Миша.

Рекало. Погодя... Отдохну.

Харитонов. Слушай, Гаврила. Поешь ты хорошо,— а где сядешь, если экстренный случай? Не пришлось бы на катер бежать в балахоне и жилетке.

Рекало. Так я же, товарищ комдив, сегодня в инвалидах. Катер на стапеле. Флаг-механик у него какой-то бронхит лечит. Только завтра на воду вернуть грозится...

Клобуков. Определенно, не раньше. У тебя там донку перебрать надо... потом в рубашке цилиндра в левом моторе...

Лишев *(отчаянно)*. Андрюша! Андрюша! Технические подробности пошли заказной бандеролью в «Морской сборник».

Клобуков *(осекся, потом вспылил)*. В конце концов, я не понимаю этого вашего вечного свинства. Когда вы научитесь уважать технику? Что вы без техники? Нули!

Лишев. Верно, Андрюша! Докажи это теоремой, а мы потанцуем. Похищайте дам! *(Уходит в соседнюю комнату, откуда доносятся звуки патефона.)*

Харитонов *(встает)*. Евгения Сергеевна, удостойте! *(Приглашает Шабунину и, танцуя, направляется с ней в соседнюю комнату, разговаривая в танце.)* Кстати, я вас прямо не узнаю сегодня... Что? Привык видеть капитана медицинской службы — и вдруг красавица! Румянец... глаза горят... Боровский! Берегите такое сокровище!

Харитонов и Шабунина скрываются за дверью.

Боровский *(шагнув к Гореловой)*. Елена...

Максимов *(опередив его)*. ...Васильевна... прошу вас.

Горелова. С удовольствием! *(Дает руку Максимову и уходит, оглянувшись на Боровского.)*

Рекало. Разобрали дам по чинам... Софья Петровна! А мы чем хуже?

Харитонова. Да ты ошалел, Миша! Сыну сегодня сорок стукнуло. Оттанцевала я свое. Стара!

Рекало. Так и я старый конокрад. Пара подходящая!

Харитонова. Отвяжись, шальной!

Рекало. Софья Петровна! На коленях умоляю... *(Становится на колени.)*

Харитонова. Вставай, вставай! Уговорил. Только ноги не оттопчи. *(Уходит с Рекало.)*

В комнате остаются Боровский, усевшийся на тахту, и Клобуков у стола.

Клобуков. Остались два бобыля. Пойдешь, Саша, за даму?

Боровский *(неожиданно грубо)*. Не выйдет! Какой ты кавалер! Логарифм ходячий!

Клобуков *(удивленно взглянул, пожал плечами)*. Черт с тобой! Оставайся один. *(Уходит.)*

Небольшая пауза. Боровский нервно курит. Входит Максимов, берет со стола оставленную Гореловой сумочку и направляется обратно.

Максимов. А ты, Саша, что киснешь?

Боровский *(вскочив)*. Постой!

Максимов. Что?

Боровский *(подойдя вплотную)*. А вот что... Коротко! Сходи с дороги! Не болтайся мне поперек курса.

Максимов *(спокойно)*. Не пойму, о чем...

Боровский. О том самом... Одерживай в сторону, а то большой бой выйдет.

Максимов. Не загадывай загадок. Ты о Елене Васильевне?

Боровский. Ага, значит, понял? И точка!

Максимов. Теперь ясно. Так запомни, что я твоим курсом не интересуюсь. У меня совсем другой. Но какой бы ни был, ты меня боем не пугай! Оборвешься!

Боровский. Воевать хочешь?

Максимов *(раздельно)*. Ты, Сашка, эти шутки брось! Не к месту! Мне с фашистами впору воевать. А на психов времени не хватает.

Боровский. Смотри, пожалеешь.

Максимов *(взорвался)*. А пошел ты, знаешь, к черту! И коли так поглупел, можно дружбу врозь.

Бесись на здоровье! *(Идет и оборачивается в дверях.)* Поумнеешь — доложишь. *(Уходит.)*

Боровский *(вдогонку)*. Не дождешься! *(Подходит к столу и залпом выпивает бокал.)*

Из соседней комнаты слышны звуки гитары и голос Рекало, запевающего «Мой костер». Секунду спустя входит Горелова, закрывая за собой дверь.

Горелова *(подходя)*. Наконец хоть на секунду одни... Ты хмуришься?

Боровский. Не вижу, чтоб ты очень стремилась побыть со мной.

Горелова. Я так и знала... И тебе не стыдно! Не могу же говорить только с тобой, танцевать только с тобой. Не будь мальчишкой!

Боровский. Пойми... я не могу... Когда ты шутишь, смеешься, улыбаешься другим...

Горелова *(серьезно)*. ...я думаю тогда только о тебе. Я не девочка, Алек... Если полюбила, то не стану шутить ни словом, ни чувством. Я очень ждала сегодняшней встречи. И хотела сказать тебе много. Но скажу только главное: пора кончить игру в прятки, это волнует и оскорбляет меня. Ты должен все сказать жене. Я не хочу притворства и лжи.

Боровский. Я знаю сам... Но нельзя же так... сразу.

Горелова. Понимаю... Однако нужно. Я не хочу, чтобы наши отношения были дешевеньким романчиком. Я очень дорожу своим чувством... Я устала от одиночества, но предпочту одиночество, если... Ты знаешь, я долго боролась с собой, мне было страшно, но теперь корабли сожжены. Ты стал для меня всем... Ведь ты любишь?

Боровский. Лена, что за вопрос!

Горелова. Для меня вопрос жизни.

Боровский. Здесь не место для такого разговора. Я приду к тебе позже, и тогда...

Горелова. Придешь ко мне?

Боровский. Да... Провожу Женю домой и приду. В этом нет ничего. Я всегда могу неожиданно уйти на отряд...

Горелова. О нет!

Боровский. Нет?

Горелова. Значит, ты меня не понял. Я сказала,

что больше не хочу лжи. Ты придешь ко мне только тогда, когда кончится эта путаница и узел будет разрублен... Слышишь?

Горелова подходит к Боровскому, подымает руку и гладит его по голове. Он берет ее руку и целует. В пролете двери показывается Шабунина. Делает невольное движение вперед, но, справившись с собой, бесшумно исчезает. Горелова освобождает свою руку.

Довольно! Довольно же! Могут войти!

Боровский. Мне все равно!

Горелова. Лучше идем танцевать.

Боровский и Горелова идут к двери и возле нее сталкиваются с танцующими вальс Шабуниной и Рекало. Они кружатся в быстром темпе. У Шабуниной возбужденно-веселый вид, она хохочет и, сделав круг, падает в кресло.

Шабунина. Вы совсем меня закружили, Миша.

Рекало. Что с вами, Женя? Вы как будто расцвели сегодня.

Шабунина. Да? Очень хорошо! Очень хорошо! Это называется, Миша, бабье лето. Оно лучше обыкновенного. Короче, безоблачней, беззаботней. Оно... должно быть веселым. Вы сейчас чудесно рассказывали мне о вашем детстве. Вы думали, как интересно сложилась ваша судьба?

Рекало. Конечно, думал. Я очень люблю думать.

Шабунина. А о чем вы думаете?... Обо мне думали?

Рекало *(улыбается)*. Не раз.

Шабунина. А что вы обо мне думали?

Пауза.

Миша, отвечайте прямо: вы в меня влюблены?

Рекало *(продолжает улыбаться)*. Напрямик?.. Влюблен ли?.. Немножко!

Шабунина. Только немножко?.. Ну, хорошо. Будьте «немножко». Не сердитесь. У меня сегодня шалое настроение. Хочется всем кружить головы. Это пройдет. Значит, «немножко»?

Рекало. Мне трудно вам объяснить. Вы — милая, светлая русская женщина. Вы — надежный товарищ. Когда я смотрю на вас, мне всегда кажется, что я вхожу в зеленую весеннюю рощу и вокруг такая чистота и свежесть, какая бывает только в русской весне и русском воздухе. За эту вот чистоту я и с немцами дерусь. За это мы все деремся... Вы сказали о моей судьбе — интересная...

Да! А кто мне ее подарил? В нашем таборе не было фей, которые приходили с подарками к колыбели. Я сам сделал свою судьбу. А помогла мне большая, теплая, любимая земля, на которой я живу, вы живете. И кто эту землю тронул, тому не жить...

Шабунина. Вы славный, Миша. Станем друзьями! Мне очень нужен хороший друг.

Рекало. По рукам! *(Шутя хлопает ладонью о ладонь Шабуниной.)*

Из соседней комнаты входят Харитонов и остальные, кроме Харитоновой.

Харитонов. Ну-с, товарищи, повеселились, и пора за дело. Сердечно благодарю за любовь и внимание. Много было сказано хорошего. Выпьем по прощальной и закончим хорошим словом... Боровский!

Боровский. Я.

Харитонов. Вы сегодня молчали. А говорить умеете. Так за вами последнее слово. Что-нибудь с огоньком!

Боровский. Слушаю, товарищ капитан второго ранга. *(Берет бокал.)* О чем же сказать?.. Давайте выпьем за славу! Да! За нашу офицерскую, боевую славу. Чудесная вещь военная слава, товарищи! Нет ничего величавей ее на свете, и нет трудней подвига, чем тот, что ведет к славе воина... Тысячи проползают в войне ужами, и лишь немногим дано взлететь соколом! Слава капризна! За ней надо гнаться дерзко, упорно, уметь схватить за блестящие крылья, не осыпать с них радугу, не отдать никому... Зато в славе бессмертие! Я умираю — имя мое живет... Это я понимаю! За славу!

Максимов *(резко)*. Чепуха!

Харитонов. Что так?

Боровский. Однако...

Максимов. Чепуха, говорю! Вредная чушь! Не наше дело гоняться за личной славой! Не для того нас растили, не этому учили... Делай свое дело, трепли фашистскую погань, чтоб пух летел. А кто треплет — Петров или Сидоров,— какой мне интерес... Все навалимся. Весь народ! И расшибем! Потом разберут, кто герой, кто не герой, кто сокол, кто курица.

Рекало. Верно!

Клобуков *(тихо, но взволнованно)*. Постой! Постой, Саша! Что ты в самом деле сказал? Слава? Наша

офицерская слава! Да, это хорошо... Но что дальше? Что ж, нам носиться за ней и хватать за крылышки, как ты говоришь? А потом прятать в рундучок? Нет! Что-то не так. И не знаю, станешь ли ты соколом, Саша, но мы-то здесь не ужи!

Б о р о в с к и й. Все против? А ты, дед?

Л и ш е в *(хмуро)*. И я против.

Ш а б у н и н а. Присоединяюсь!

Х а р и т о н о в. А ну, подождите. Раз такой разнобой вышел, дайте и мне слово вставить... Слава! Что она такое, наша офицерская слава? Послушаем умного человека, доброго русского патриота. *(Поворачивается к портрету Нахимова.)* Лучше Павла Степановича у нас, моряков, учителя нет. Так вот, когда после Синопа друзья и ученики поздравляли его с бессмертной славой, обретенной в бою, он сказал: «О собственной славе не тщусь, мысля прежде всего о славе России и родного флота. Но поскольку душой не отделяю себя от флота, горжусь, что в славе его частица принадлежит и мне». Вот как он думал, и вполне правильно... Личная слава нам не заказана, но в одном вы, Боровский, скажу прямо, заврались. Славу не ловить надо, а добывать большим трудом. Тогда в ней почет! На том и кончим.

Х а р и т о н о в а *(в дверях)*. Комдив! Старшина с пакетом пришел.

Х а р и т о н о в. Давайте сюда!

Входит с т а р ш и н а.

С т а р ш и н а. Товарищ капитан второго ранга. Пакет от начальника штаба.

Х а р и т о н о в *(берет пакет, расписывается, вскрывает, читает. Все выжидают)*. Добро! Скажите, через десять минут буду.

С т а р ш и н а. Разрешите идти?

Х а р и т о н о в. Идите.

Старшина уходит.

(Взглянув на часы). Товарищи! Прошу по домам и к службе... Капитан-лейтенантам Боровскому и Максимову остаться!

Все выходят, кроме Харитонова и обоих командиров отрядов.

Товарищи командиры отрядов! Слушать задачу! Авиацией обнаружена в море крупная подлодка противника. Квадрат двести восемьдесят восемь. Курс сто тридцать

пять. Обоим отрядам сняться в три ноль-ноль, идти на поиск, атаковать и уничтожить. Поиск вести каждому автономно. По обнаружении врага немедленно вызывать соседа на соединение и действовать совместно. Лодка уйти не должна... Задача ясна?

Боровский. Ясна, товарищ капитан второго ранга!

Харитонов. Подробности у начальника штаба. Действуйте!

Максимов. Разрешите идти?

Харитонов. Можете!

Боровский и Максимов выходят. В тот же миг в отдалении возникает вой сирены. Голос из репродуктора вещает: «Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Из открытой двери слышны голоса и смех. Харитонов выходит туда. Слышен его голос: «Все в бомбоубежище! Живо! Мать, когда кончится, позвони на командный, чтобы не беспокоиться».

Становится тихо. Секунду спустя входят Харитонова с вязаньем в руках и Шабунина.

Харитонова. Садись, Женя, в уголок! Тепло и не дует. Отсидимся! А в бомбоубежище я не ходок. Мокро, жабами воняет, и не могу я, чтобы меня фашистский паскуда, как крысу в подполье, гонял. *(Взглянула на Шабунину)*. Ты только не линяй!.. Раз ползет, не склеишь.

Шабунина. Я и не хочу клеить, Софья Петровна. Много пережито и передумано с тех пор, как замуж вышла. Что я тогда в жизни понимала! Мне восемнадцати не было. Явился на глаза молодой, красивый, удачливый. Только и света было, что в его окошке.

Харитонова. Все мы так, моя милая.

Шабунина. Мне не жаль, если он уйдет от меня, только б он честного имени не потерял. Я ему плохого не хочу. Если полюбил другую — крылья не свяжешь...

Харитонова. Слыхано! Говорят — поэзия. А по-моему, пакость.

Шабунина. Но не верю, что он полюбить может. Вот у него с Гореловой теперь... Думаете, любит? Не верю! Забавляется новой победой. Лестно! Есть чем на миру похвалиться... Пустой стал. И я уважение к нему теряю. А без этого жить не стоит... Жаль... Моряк он хороший. И я рада буду, если сын сможет отцом гордиться... но боюсь...

Вдалеке возникают удары зениток.

Летят!

Харитонова *(равнодушно)*. А пусть их!.. Я ведь тоже про Александра неладные слова слыхала... Придется комдива на него напустить... Пусть его пошерстит.

В соседней комнате тихий звук гитары.

Шабунина. Что такое?

Харитонова. Миша! Тоже не ушел!.. *(Кричит.)* Иди сюда, цыганок!

Входит Рекало с гитарой, уже опять в форме.

Ты что же, Мишенька? С нами домовничать решил?

Рекало. Я при вас, Софья Петровна, вроде конвоя. На всякий случай. Катер мой все равно в пяти милях. *(Садится, трогает струны и тихонько запевает.)*

Вечер! В море катерки!
Дальняя дорога!
Не робейте, моряки!
Ва-а-здушна-а-я тре-во-о-о-га!

Харитонова. Не хулигань! Пой по-хорошему!

Рекало.

Песня, чайкою лети
На знакомые пути
Да к земле родимой,
Под окно к любимой.
Эх, раз да про нас
Заводи, струна, рассказ!

Глухой, тяжелый раскат вдалеке и усиливающийся треск зениток.

Шабунина. Близко!

Харитонова. Да не в нас! Пой, Миша!

Рекало.

Налетел девятый вал,
Буря ведьмой злится....
Тот, кто в море побывал,
Смерти не боится!

Внезапный нарастающий воющий свист. Рекало вскинул голову, Шабунина прижалась в угол тахты. Харитонова спокойно вяжет. Грохот. Мигнуло электричество, закачалась лампа, зазвенело где-то битое стекло. Потом тишина.

Эх, раз! Еще раз!
Еще мимо много раз!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Командный пункт дивизиона. Низкое сводчатое помещение, выбитое в скале. Стены понизу забраны деревянной панелью, выше крашены белым риполином, отчего на всем отпечаток чистоты и нарядности. У одной стены письменный стол с несколькими телефонами на нем, у другой — штурманский стол с картами. Над ним большая карта района с нанесенными данными операции. Посреди комнаты стоит Л и ш е в. Левая рука у него на перевязи, забинтована. Через лоб полоска пластыря. Он ждет. Входят Х а р и т о н о в и Ш у б и н.

Л и ш е в. Товарищ капитан второго ранга! Старший лейтенант Лишев прибыл по вашему приказанию.

Х а р и т о н о в. Вижу! Как самочувствие?

Л и ш е в. Голова уже в порядке... Рука еще мозжит. И лихорадит.

Х а р и т о н о в. Но разговаривать можете?

Л и ш е в. Безусловно.

Х а р и т о н о в. Добро! Тогда давайте! По порядку, коротко, толково, без лишних слов.

Л и ш е в. Есть без лишних слов. Прикажете с начала или с момента встречи с противником?

Х а р и т о н о в. Сразу за рога! Нам нужно знать, кто виноват в гибели катера и людей.

Л и ш е в. Есть!.. В семь сорок восемь, находясь в квадрате двести тридцать девять и следуя курсом вест, наблюдатели на сто семнадцатом обнаружили рубку большой лодки, идущей в позиционном положении.

Ш у б и н *(стоящий у карты, обернулся)*. В это время первый отряд был в пределах видимости?

Л и ш е в. Откуда же видимость? Оба отряда разошлись еще часом ранее, чтобы охватить район поиска с обеих сторон.

Ш у б и н. На каком расстоянии от вас находился Максимов?

Л и ш е в. По сообщенному им незадолго своему месту, он был в восемнадцати милях к норд-осту.

Х а р и т о н о в. Ясно! Продолжайте!

Л и ш е в. Сто семнадцатый сигнализировал о противнике. Капитан-лейтенант Боровский приказал ворочать на пересечку лодке. В момент поворота было замечено, что лодка срочно погружается. Катера открыли огонь. Второй залп накрыл, но лодка уже ушла под воду.

Разойдясь фронтом, мы пробомбили место погружения. Потом остановили моторы и стали прослушивать. По звуку, лодка уходила на норд.

Ш у б и н. Могла она иметь повреждения после бомбежки?

Л и ш е в. Уверенно не скажу. Моторы работали чисто. Мы легли на курс погони, и я попросил у капитан-лейтенанта разрешения дать вызов Максимову. Он ответил, что сам спустится в рубку к радисту, что и сделал. Я продолжал идти за лодкой, периодически бомбя. В исходе часа справа, из облаков, вывалилась девятка «мессершмиттов».

Х а р и т о н о в. В этот момент Боровский был на мостике или в рубке?

Л и ш е в. На мостике. Он пробыл в рубке не более десяти минут.

Ш у б и н. Как, по-вашему: самолеты появились независимо или были наведены лодкой?

Л и ш е в. Не сомневаюсь, что наведены.

Х а р и т о н о в. Почему так уверены?

Л и ш е в. Они вышли прямо на нас и немедля пошли в атаку тремя звеньями — по звену на катер. В эту минуту из рубки сообщили, что Максимов просит нас вторично показать место, так как не может нас обнаружить.

Ш у б и н. Вы показали?

Л и ш е в. Не успели... В это время бой был в разгаре. Три «мессера» пикировали на катер, и на первом же заходе осколками снаряда, разбившего аппаратуру, был тяжело ранен радист.

Х а р и т о н о в. Так! Дальше!

Л и ш е в. В горячке боя лодка неожиданно всплыла и открыла из обеих пушек огонь по сто пятнадцатому, который сразу получил несколько попаданий и мгновенно пошел ко дну. Я повернулся с намерением таранить, но тотчас же «мессер» из низкого пике положил бомбу в корму катера. Скользнув рикошетом по борту, она разорвалась в воде под самыми винтами. На мгновение катер буквально взлетел в воздух. Воздушной волной смело кормовой расчет и пулеметчиков. Меня оглушило и бросило на палубу. Когда я пришел в себя, сто семнадцатый вылавливал из воды моих людей. Лодка и самолеты скрылись. Минут через двенадцать с оста появились катера Максимова... Все, товарищ капитан второго ранга!

Ш у б и н. Что предпринял Максимов?

Л и ш е в. Спросив, не нуждаемся ли мы в помощи, и получив отрицательный ответ, он отвернул и погнался за лодкой. Как мы узнали позже, он ее потопил.

Х а р и т о н о в. Потопить потопил, да поздно!

Ш у б и н. Вы уверены в точности прокладки в течение всей операции?

Л и ш е в. Прокладка велась помощником в рубке, и, кроме того, я лично прокладывал на мостике по своей карте, для контроля. На глазок, конечно, но, полагаю, с достаточной приблизительностью. К сожалению, нельзя сверить. Мою карту смыло.

Ш у б и н. Компасы не могли врать?

Л и ш е в. Установить нельзя. Вышли из строя от сотрясения. Но до похода работали нормально.

Ш у б и н. Как же вы объясняете себе, что Максимов не мог вас обнаружить?

Л и ш е в. Ума не приложу, товарищ капитан третьего ранга. *(Протягивает руку к графину.)* Разрешите воды?

Х а р и т о н о в. Устали?

Л и ш е в. Голова закружилась.

Х а р и т о н о в *(Шубину)*. Понимаете что-нибудь?

Ш у б и н. Чем дальше, тем туманней. Все-таки непонятна причина несвоевременного подхода Максимова к месту боя.

Х а р и т о н о в. Да! Скверно! Что?.. Жаль катера! А еще хуже, что так позорно провели бой. Немцы поди хихикают. Стыдно!

Л и ш е в *(зло)*. Некому хихикать! Лодка-то накрылась!

Х а р и т о н о в. А сто пятнадцатый где?.. То-то. Воинство святого разини! *(Шубину.)* Так как, по-вашему?

Ш у б и н. Трибунал разберет.

Х а р и т о н о в *(вскипев)*. Что? Черта мне в трибунале! Не чужие люди, а наши с вами офицеры. И если их будут судить, я буду себя чувствовать на скамье подсудимых. *(Пауза.)* Что, этот пленный фриц, штурман с их лодки... он еще там? *(Жест на дверь.)*

Ш у б и н. Так точно... Я на всякий случай задержал отправку.

Х а р и т о н о в. Спросим его. Может, он помнит место боя по их счислению. Чтоб добраться до истины, надо и в навозе копаться. *(Выходит.)*

Шубин выходит за ним.

Л и ш е в. Эхма! Дело, дед, выходит, дрянь! Хоть бороду снимай от срама. Главное — понять не могу, как Борис опростоволосился.

Стук в дверь. Лишев оборачивается. Стук повторяется. В дверь просовывается голова Б о р о в с к о г о.

Б о р о в с к и й. Разрешите войти?

Л и ш е в. Хозяина нет.

Б о р о в с к и й *(входит)*. Ну как?

Л и ш е в. Сижу на эшафоте.

Б о р о в с к и й. Очень зол?

Л и ш е в. Говорящая акула. Схарчит, выплюнет и обратно схарчит.

Б о р о в с к и й. За что же нас харчить? Вина не наша!

Л и ш е в. Ты в этом уверен, Александр Ильич? *(Задумчиво.)* Наша... не наша... черт ее знает чья, но факт налицо и на Бориса целится.

Б о р о в с к и й. Что ж... раз намазал...

Л и ш е в. Ой ли! Мазали-то вместе, а как шкуру снимать, так мы до лясу?

Б о р о в с к и й. Не считаю, что мы мазали.

Л и ш е в. Все равно. Беда общая — общий ответ. Так по-моряцки. Если и промазал, так без умысла.

Б о р о в с к и й *(внезапно резко)*. Не наше дело об этом рассуждать.

Л и ш е в *(удивился)*. На то и голова, чтоб думать. Дело путаное. Назад не вернешься и по вешкам не разметишь.

Б о р о в с к и й. Без нас разметят.

Х а р и т о н о в и Ш у б и н возвращаются.

Х а р и т о н о в *(раздраженно)*. Тоже... штурман называется. Сволочь, бактерия сушеная! Со страху медвежьей болезнью захворал. Не то что дела, а где фатермутер жили, и то не вспомнит. Тьфу! *(Увидел Боровского.)* А, вы уже здесь?

Б о р о в с к и й. Как вы приказали, в тринадцать.

Х а р и т о н о в. Правильно! *(Лишеву.)* Можете идти! И не занимайтесь сегодня ничем. Отлеживайтесь.

Л и ш е в. Есть отлеживаться. *(Идет к двери, взглянул на Боровского и вышел.)*

Х а р и т о н о в. Садитесь! Значит, положение та-

кое... Обстановка ясна из рассказа Лишева. Что же, по-вашему, произошло?

Боровский. Я не составил определенного мнения.

Харитонов *(недовольно)*. Что так? Вы не первогодок. У командира отряда должно быть свое мнение.

Шубин. Чем могло быть вызвано опоздание Максимова?

Боровский. Для меня полная загадка.

Шубин. Вы могли ошибиться в прокладке и счислении?

Боровский. Полагаю, что нет... Я все время наблюдал за прокладкой, которую вел на мостике Лишев.

Харитонов. Постойте! Лишев говорил, что вы спускались в рубку лично дать радисту шифровку для Максимова... Ваши карты, к сожалению, смыло. Но, случайно, вы не сверяли в рубке ваши данные с данными помощника?

Боровский. Именно сверил... Заполняя шифровку, я спросил у помощника координаты, которые совпали с нашими. Только после этого я внес их в бланк.

Шубин. Ну, а у Максимова могли ошибиться?

Боровский. Не знаю...

Харитонов. Вы у него не спрашивали?

Боровский *(нехотя)*. Нет! Максимов избегает говорить со мной.

Харитонов *(удивлен)*. Что? Толковей!

Боровский *(еще неохотней)*. У нас произошел позавчера резкий разговор. Максимов наговорил мне лишнего... ну, и дружба врозь.

Шубин *(подчеркивая)*. Любопытно!

Харитонов. Что? Этого не хватало! Из-за чего?

Боровский *(встал)*. Ссора, товарищ капитан второго ранга, произошла по чисто личным мотивам, и я прошу разрешения их не излагать.

Харитонов *(сдерживаясь)*. Как угодно! Но прошу учесть, что я не допускаю в военное время деления жизни офицера на личные и служебные клеточки. И предлагаю склоку немедленно кончить... Безобразие! Ясно?

Боровский. Так точно!

Харитонов. Пока можете быть свободны! *(Снимает телефонную трубку.)* Дежурного по дивизиону! Передайте мое приказание всему наличному офицерско-

му составу явиться в тринадцать тридцать на компункт... *(Кладет трубку. Боровскому.)* Вам тоже. Сейчас идите.

Боровский стоит в нерешительности. В его лице, фигуре колебание.

(Взглянув на него.) У вас еще что-нибудь?

Боровский *(словно разбуженный)*. Нет! Ничего!

Стук в дверь.

Харитонов. Входите.

Максимов *(входя)*. Разрешите?

Харитонов. Ага!

У двери Боровский сходится с Максимовым.

Боровский *(решительно)*. Борис! Вчера мы погорячились и повздорили. Не стоит! Оба были не правы... Давай кончим! *(Протягивает руку.)*

Максимов *(хмуро)*. Не прав был не я... Ну, да что там! Давай! *(Пожимает руку Боровского.)*

Боровский уходит.

Харитонов *(взглянув на часы.)* Закругляемся! Уже все более или менее ясно; кроме того — как можно заблудиться в трех соснах? Можете объяснить?

Максимов *(угрюмо)*. Пока нет.

Харитонов. Пока? А когда же?

Максимов. Я ничего не могу сказать, товарищ капитан второго ранга, кроме того, что изложил в рапорте. Черт знает, как это вышло. Я был уверен, что выйду на указанное место.

Харитонов *(насмешливо)*. Черт, конечно, знает. А что командир отряда не знает — это не находка... Какое место вам было дано?

Максимов. Тридцать четыре ноль пять... ост.

Шубин. Вы уверены, что вышли точно?

Максимов. Ни в чем нельзя быть уверенным абсолютно. До сих пор не ошибался. Но не поручусь...

Шубин. Но нам важно знать, кто именно ошибся. Вы допускаете возможность ошибки Боровского?

Максимов *(твердо и резко)*. Исключаю! Боровский слишком опытен, чтобы ошибиться в условиях, где мог бы определиться и сосунок.

Шубин. В чем же дело? Остается предположить вашу ошибку?

Максимов *(раздраженно)*. Я уже сказал, что это возможно.

Харитонов. Чушь! Вы не менее опытный командир!

Максимов. Моя оплошность в том, что я лично не контролировал прокладки командира катера, привыкнув полагаться вполне на старшего лейтенанта Рекало. Но вчера я шел на катере Журавлева, а он молодой офицер.

Шубин. Да, это упущение. Боровский следил за прокладкой.

Максимов *(дерзко)*. Ну и поздравьте его.

Шубин. Товарищ капитан-лейтенант! Что за тон?

Харитонов *(внимательно взглянул на Максимова, встал)*. Добро! Подведем итоги... Во-первых, невзирая на прочее, отмечаю отрадный факт, что лодка все же потоплена. Но остальное из рук вон. Объективно как-никак получается, товарищ капитан-лейтенант, что ответственность ложится на вас. Место вам было дано. Вы на него не вышли. В результате второму отряду в сложных условиях боя не была оказана своевременная поддержка. Последствия вам известны... В этом смысле я вынужден доложить контр-адмиралу. А там пусть раскапывают досконально... До решения... приказываю сдать отряд старшему лейтенанту Лишеву.

Тяжелая пауза.

Максимов *(медленно подымается)*. Сдать отряд?

Харитонов *(яростно)*. А вы что же думали? Что вас после этого попросят от меня дивизион принять?! *(Внезапно горько.)* Эх, Максимов, Максимов! Никогда не думал, что придется мне тебе такое сказать. Надеялся тебя за этот бой... Э, да что говорить!

Максимов *(овладев собой)*. Спасибо за доброе слово, товарищ капитан второго ранга. Сейчас оно мне вдвойне дорого... Когда прикажете сдать командование?

Харитонов. Вечером. Дайте Лишеву отоспаться.

Максимов. Есть! Разрешите быть свободным?

Харитонов. Можете остаться. Сейчас офицеры соберутся.

Максимов. Позвольте несколько минут побыть одному.

Харитонов. Ступайте! Держите себя в руках!

Максимов уходит.

Ш у б и н *(уверенно)*. Теперь у меня сложилось определенное представление.

Х а р и т о н о в *(удивленно)*. Да? Какое?

Ш у б и н *(увлекаясь)*. Вы представляете, что произошло? Перед операцией разыгралась ссора. Вы как-то характеризовали в разговоре Максимова как быстрого на обиду, несдержанного... Ну, Боровский обнаруживает лодку и вызывает Максимова, а тот решает не торопиться. Пусть обидчик повозится в одиночку. Может быть, упустит лодку, а тогда подоспеет он, Максимов, и довершит дело... Так сказать, укол по самолюбию. Но в бой вступает непредвиденный фактор — авиация. Теперь Максимов вынужден спешить, но все-таки опаздывает и приходит уже к катастрофе... Этого он не учел... Вы же видели, как он подавлен, раздражен.

Х а р и т о н о в *(очень спокойно)*. Кончили?

Ш у б и н. В основном.

Х а р и т о н о в *(грохнув кулаком по столу)*. Что? Враки!.. Никогда не поверю... Да как вы до этого додумались? Чтоб Максимов ждал, пока противник товарища громить будет?.. Если бы это его злейший враг был, и то он минуты не упустил бы... Понимаете? А то... ссора! Что? Два индюка расшипелись после рюмки, и наверняка из-за бабья... Всего и дела! А вы прелую философию разводите... Тоже! Достоевский!

Ш у б и н. Но что же вы сами предполагаете?

Х а р и т о н о в *(снова очень спокойно)*. Ничего не предполагаю.

Стук в дверь.

Кто еще?

К л о б у к о в *(в дверях)*. Товарищ капитан второго ранга! Офицерский состав собрался по вашему приказанию.

Х а р и т о н о в. Есть!.. Зовите!

Клобуков направляется к выходу.

А как у вас с ремонтом?

К л о б у к о в *(остановился)*. Сто тринадцатый на осушке. Корпус цел. Латку на палубе заканчиваем — и опять в море... Но до чего поучительно! Первый и единственный случай за войну!

Х а р и т о н о в. Вы о чем?

К л о б у к о в. Бомба рвется под самым корпусом — и в катере ни щелинки, ни капли течи... Металлический

корпус лопнул бы, как яичная скорлупа! Все дело в дереве! Вот что значит упругость!

Х а р и т о н о в. Да вы, механик, что? Сдурели? Чему радуетесь? Один катер угробили, другой покалечили, а у него рот до ушей.

К л о б у к о в. Зато какое доказательство! Какое сопротивление прогибу! Крышка металлу... Я в Научно-технический комитет такую докладную пишу!

Х а р и т о н о в. А вот я вам пропишу пять суток за пляс на похоронах, так у вас мозги разом на якорь станут... Нашел повод для радости!.. Тьфу!.. Зовите офицеров!

К л о б у к о в *(открывает дверь)*. Товарищи!

Входят о ф и ц е р ы, среди них Б о р о в с к и й, М а к с и м о в, Р е к а л о.

Х а р и т о н о в. Садитесь! *(Пауза.)* Я собрал вас на обычный разбор операции. К сожалению, сама операция необычна, постыдна для нашего соединения... За такую операцию стоит у нас орден отнять... И в связи с этим хочу сказать, что последние события мне не нравятся. Усматриваю кой у кого зазнайство, самоуверенность, легкомыслие... Каким чертом вы людей воспитаете, если себя не умеете? Что? Офицер должен быть безупречен во всем. Кто в быту над собой контроль потерял, тому и на корабле не быть настоящим моряком. Я говорю не о нашем дивизионе. Но, к примеру, пришлось на днях услышать плохие новости об одном офицере... Был боевой, дельный — словом, правильный. Пока в гору не пошел. Нахватал наград — по заслугам или по везенью, это дело другое. И вознесся. С цепи сорвался. Были друзья — друзей побоку. Есть жена — одной мало... Свинство!

Боровский, слушая Харитонова, опускает глаза и бледнеет.

Повторяю, я говорю не о нашем офицере. У нас таких нет на дивизионе и быть не может. А если б завелся, я б его, как погань, голиком вымел... У нас есть святыня — честь боевой семьи. Надеюсь, всем понятно?

Г о л о с а. Понятно!

— Вполне ясно!

Х а р и т о н о в. Рад, что говорим на общем языке и живем одним сердцем... А теперь разберем прискорбное происшествие... Начальник штаба, докладывайте!

Ш у б и н *(подходит к карте)*. Оперативная обстановка на двадцать четыре ноль-ноль сложилась следующим образом...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В каюте командира первого отряда. До войны это была каюта «люкс» пассажирского теплохода, отделанная полированным деревом, роскошно обставленная мягкой кожаной мебелью. Теперь ее изящная обстановка подчеркивается суровостью военных атрибутов: висящим над койкой кортиком, пистолетом в кобуре, автоматом, картами. Отделяющая спальню от салона синяя бархатная завеса отдернута. Видна койка, на которой, заложив руки за голову, лежит М а к с и м о в. Он осунулся, хмур, его взгляд рассеянно блуждает по потолку. На диванчике в салоне полулежит Р е к а л о в расстегнутом кителе и тихо бренчит на гитаре.

Р е к а л о. Слушай, Борис, я тебе расскажу. У Новодворского вчера потеха была. Помнишь, у него сигнальщик Кайнис? Из Латвии. Тихий такой, в неделю две буквы выговаривает. Вышли они в море. Новодворский — на мостике, Кайнис — рядышком. И вдруг докладывает: «Товарищ лейтенант, справа курсовой тридцать тельфин плавает». Новодворский посмотрел — не видно. «Дельфин? Куда ж он девался?» А тот: «Не снаю, товарищ лейтенант, верно, кута-то торопился...» *(Хохочет, но, взглянув на Максимова, обрывает смех.)* Фу, черт! Ну, хоть разок улыбнись!

М а к с и м о в. Ты не старайся, Миша, меня веселить. Лучше спой! Я голос твой люблю.

Р е к а л о. Песня наружу не идет, как глянешь на твое бледное клише... *(Наигрывает и поет.)*

Полыхает в печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...
Про улыбку...

(Кладет гитару.) Нет! Не поется! И песни лезут унылые. Может, подкрепимся? У меня в шкафчике осталось полбаллончика пикирующего, марки «Ю-88». Крепость нормальная, только запах загробный... Хочешь?

М а к с и м о в. Я в веселые дни пить не любил, а в беде и подавно.

Р е к а л о. Тоскуешь?

Максимов. Тоскую.

Рекало. Плюнь! Переживем!

Максимов *(сел на койке)*. Знаешь, о чем моя тоска?

Рекало. Интересно.

Максимов. Тоскую по морю... походам... работе... А больше всего по мостику... По командирским моим правам...

Рекало. Да ну! Вот не думал, что у тебя эта жилка играет.

Максимов. Играет! И еще как! Много она мне стоила. Три года назад мы все влезли в войну мальчишками. Все — от краснофлотцев до адмиралов. Я не о возрасте. О знании! О понимании большой войны! Я думал, что, отмотав четыре года в училище, имею право называться командиром. А когда впервые встретил в море врага, понял, что еще далеко мне до командира... Сколько я себе синяков набил, пока на войне ходить научился. Мозоли на мозгах натер. Но зато вправду стал военным человеком. Раз бью — бью насмерть!

Рекало. Вот так ты мне нравишься... На живого похож!

Максимов. И когда уже думал, что шагаю крепко, вдруг поломал ногу на ровном месте... Ладно! Заживет. А вот от вас уходить мне очень трудно.

Рекало *(изумленно)*. Ты? Уходить?

Максимов. А ты что же думал — у меня самолюбия нет? Я на ваших глазах рос, с вами вместе все ступеньки прошел. От соски до зрелости. Горжусь этим! Горжусь, что многих перерос и завоевал право на свой мостик. Мой мостик — моя воинская честь. И если я ее потерял, пойду снова наживать туда, где меня не знают. Тут в обозе таскаться не стану...

Рекало. А с нами расстаться не жаль?

Максимов. Жаль! Врать не стану...

Стук в дверь.

Входите!

Входит Будков.

Будков. Разрешите обратиться, товарищ капитан-лейтенант!

Максимов. Слушаю!

Будков. Прошу дозволения лечь в госпиталь.

Максимов. Что случилось? Заболели, Степан Васильевич?

Будков. Душой, товарищ капитан-лейтенант.

Максимов. Неясно.

Будков. За службу болею. При вас служба была, а теперь одно расстройство. Давеча ходил в базовый склад якорцепи требовать — не дали. Еще обругались. «Раньше, говорят, катера научитесь не топить, а тогда за цепями ходите!»

Максимов *(схватил телефонную трубку)*. Какой сукин сын сказал? *(Вспомнив, кладет трубку.)* Нет, доложите, Степан Васильевич, старшему лейтенанту Лишеву. Теперь он хозяин.

Будков *(безнадежно)*. Так у них характер мягкий, Борис Иваныч!

Максимов. Что ж поделаешь?

Будков. Вот и говорю про то... Так что позвольте на леченье. Я ненадолго. Денька три отлежусь — душе покой дам. Разрешите идти?

Максимов. Раз больны — какой разговор. Идите!

Будков уходит.

Рекало *(с хохотом повалился на диван)*. Видал? А уйдешь — старик на месте помрет.

Максимов. Переживет. Старый закал! А я не останусь!

Рекало. Да я гитару поломаю, если уйдешь.

Максимов. Побереги! Пригодится!.. Труднейвсего мне от комдива уйти. Я ему всем обязан. Знаю, что он в меня верил. Он всех нас, как щенков, мордой тыкал, пока научил воевать. Зато и любил. Вот погляди! *(Обводит рукой по воздуху.)* Остряки языки чешут, что у катерников не база, а чайный домик с перинами. Нам самим первое время от этой роскоши смутно было. А он знал, что делал, когда этот дворец для нас вырвал. Служба наша зверская — на катере ни вздохнуть, ни повернуться, ни согреться. Он об нашем отдыхе думал. Хорошо отдохнешь — злей воюешь!

Рекало. А с отряда он тебя все-таки напрасно снял.

Максимов. Правильно снял! Я бы на его месте то же сделал. И ты!

Рекало. Нет! Я бы Сашку снял.

Максимов. За что?

Рекало. Лодку упустил? Катер потерял?

Максимов. Ты войны без потерь хочешь? Он дрался. В драке убыток. Подмоги вовремя не получил. Кто в этом виноват? Крути не крути, а я...

Пауза.

Рекало. Вот что! Ты тоже, Борис, не крути. Я тебя спрошу, а ты отвечай без оглядки на что бы ни было... По чести — ты не думаешь, что напутал сам Сашка?

Максимов. Как сказать... Данных нет... Но в свою ошибку я не верю... А раз так... остается...

Рекало *(вспыльчиво)*. Так какого же ты черта комдиву прямо не скажешь? Зачем на свою шею чужой хомут?..

Максимов *(прерывая)*. Тпру, цыганский барон! Страви пар! Есть у меня реальные доказательства?.. То-то! Ляпну, а подтвердить нечем. И выйдет клевета. А особенно не хочу об этом заикаться потому, что, сам знаешь, накануне мы с ним сцепились. Подумает, мщу.

Рекало. Понятно! Хав ду ю ду!..[1] По-английски — джентльмен, по-нашему — благородный дурак.

Максимов. Однако, Мишка... ты легче!

Рекало. В тяжелых случаях легкие слова не помогают... Так и будешь воду во рту держать?

Максимов. Так и буду. Пусть ищут виноватого, а я кивать не стану.

Рекало. Вдвойне глупо! Не стоит он твоего джентльменства.

Максимов. А что ты против него имеешь?

Рекало. Пижонов не люблю! А Сашка чистокровный пижон! Сам себе зеркалом служит и собой в себе же любуется. Форс в нем бродит! Будто свалился он к нам с гусарского бала... Да ну его к черту! Пойдем в Дом флота. Концерт, говорят, хороший.

Максимов. Не пойду!

Рекало. Пойдешь! *(Пытается силой тащить Максимова, тот отбивается.)*

Дверь открывается без стука. На пороге — Харитонов. Максимов и Рекало вскочили; Рекало поспешно застегивает китель.

Харитонов. Не помешал?

Рекало. Прошу прощения, товарищ капитан второго ранга. Мы по-домашнему.

---

[1] Привет!

Харитонов. Да и я не по-официальному. Выбрал свободную минутку, зашел навестить.

Максимов. Меня навестить?

Харитонов. А что удивительного? Или не вовремя? *(Шагнув к двери.)*

Максимов *(овладев собой)*. Я всегда рад вас видеть. *(Придвигая кресло.)* Прошу присесть!

Харитонов. Спасибо!

Рекало. Разрешите быть свободным?

Харитонов. А вы куда же? Или меня испугались?

Рекало. Я на концерт, товарищ капитан второго ранга. Еще переодеться надо.

Харитонов. В добрый час!

Рекало уходит.

А вы почему не хотите развлечься?

Максимов. Нет настроения.

Харитонов. Напрасно! Что?.. Невесело сидеть взаперти, когда товарищи веселятся. Не такой уж старик, чтобы превращаться в бирюка.

Максимов. Успею! Мне жить долго!

Харитонов. Что так думаете — хорошо! И впереди еще много хорошего.

Максимов. Для меня самое лучшее то, что я сейчас вижу вас у себя, товарищ капитан второго ранга.

Харитонов *(посмотрел в глаза Максимову, улыбнулся и потрепал его по плечу)*. Чудак! Бросим китайские церемонии! Давай начистоту! Я знаю, что я капитан второго ранга, ты знаешь, что ты капитан-лейтенант. И крышка! Когда-нибудь адмиралами будем. Но я к тебе не титуловаться пришел. Ты что же думал? Что я тебя сразу забыл?

Максимов. Нет, но я...

Харитонов. Мог бы лучше обо мне полагать. Не первый год рядом живем. И я тебя знаю. Что ж пустые слова по воздуху катать? Вижу, сказать что-то хочешь. Так говори!

Максимов *(с волнением)*. Разрешите спросить... вы прочли мою записку?

Харитонов. Прочел! Потому и пришел. Ты мне ответь: зачем ты мне ее дал?

Максимов. А что? Неужели так плохо?

Х а р и т о н о в. Прочел в первый раз и, признаюсь, хотел бежать с ведром и вылить тебе воды на макушку.

М а к с и м о в. Да?

Х а р и т о н о в. Прочел вторично — остыл. В третий — сел разбирать по пунктикам с карандашом. И с головой увяз... Захватило! Что?.. Скажу прямо: дерзко до нахальства, но умно, талантливо. Такое использование торпедного оружия против берега и боновых заграждений — смелая мысль. Вижу, недаром учился.

М а к с и м о в. Значит, вы считаете реальным?

Х а р и т о н о в. Не все! Кое в чем путаешь и заносишься. Но с некоторыми поправками — абсолютно реально, хотя и рискованно. Можно обеспечить успех, если до конца проработать элемент внезапности... Учти береговую радиолокацию.

М а к с и м о в. Да, я сейчас это разрабатываю.

Х а р и т о н о в. Молодец! Порадовал! *(Вынимает из внутреннего кармана кителя сложенную бумагу.)* Держи! Береги на будущее. На этом можно себе большую честь заслужить!

М а к с и м о в. Зачем вы возвращаете?

Х а р и т о н о в. Твое же.

М а к с и м о в *(отстраняя)*. Нет! Если вы считаете, что нельзя осуществить сейчас, бросьте в огонь!

Х а р и т о н о в. Стой! Стой! Как в огонь? Ты что? Разработал блестящий метод атаки и прорыва в закрытую гавань... и в огонь? Да ты в уме? Я сам бы гордился, если бы такое выдумал.

М а к с и м о в. Разрешите сказать... Я сутками сидел над этим планом. Отдал ему много порыва, труда... волнения. Отдал все, чему научился в войне. Мечтал, что мне самому удастся осуществить... Но вышло так, что мне не придется идти вместе с вами за победой, не придется вести мой отряд...

Х а р и т о н о в. Вот что... Понятно!

М а к с и м о в. Нет, я хочу, чтобы вы поняли меня до конца. Если вы находите мой план осуществимым, прошу доложить его командующему со всеми коррективами, которые подскажет ваш опыт. Если командующий найдет возможным согласиться с вашей оценкой и разрешит, это будет для меня высшей наградой. А то, что этот план будет выполнять другой, а не я... Не стану кривляться — мне это больно. Я был бы счастлив ввести в бой свою идею сам. Но раз это невозможно...

Харитонов. И ты отдаешь все, что выносил умом и сердцем, в чужие руки?

Максимов. Чужие?.. В ваши руки.. в руки моих товарищей.

Пауза. Харитонов порывисто обнял Максимова.

Харитонов. За меня... за всех... за флот. И довольно киснуть! Идем на концерт!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Уголок в фойе Дома флота. Справа у стены два столика. За одним из них читает газету Лишев. Перед ним на столе пустой стакан, вазочка с вареньем и пачка газет. Посредине сцена пересекается колоннами с балюстрадой. За колоннами проход к залу, откуда доносятся музыка, пение и порой аплодисменты. За колоннами — дверь в маленькую актерскую уборную. В ней столик с зеркалом-тройчаткой, диван. На диване брошена женская шубка. Свет в уборной погашен, в сумраке чуть блестит зеркало. Из правой двери, ведущей в фойе, выходит Оленька.

Оленька *(подходя к Лишеву)*. Еще стакан чаю, товарищ старший лейтенант?

Лишев. Нет, Олечка, сыт... Благодарю! Получите! *(Расплачивается.)*

Оленька. А что же вы в зал не идете?

Лишев. А я люблю читать и слушать одновременно. Вот и сижу у вас. Отсюда все слышно и вместе уютно.

Оленька собирает посуду и уходит. В проходе показывается Рекало.

Рекало. Дед!.. А я тебя в зале искал. С ног сбился.

Лишев. Зачем искал?

Рекало. Угадай.

Лишев. Уволь! Гаданье — твоя цыганская специальность.

Рекало подходит. В руке у него зажато между пальцами письмо. Он поднимает руку и помахивает письмом.

(Вскакивает.) Давай!

Рекало. Не так просто! Потанцуй — отдам.

Лишев *(выхватывает письмо)*. Где взял?

Рекало. Почтаря нашего встретил. Гляжу — тебе. Ну и прихватил, чтобы порадовать. Знаю — вторую неделю стонешь, что писем нет.

Лишев прячет письмо в карман.

Ты что же!.. Я сломя голову бежал, а ты и прочесть не хочешь.

Л и ш е в *(усмехнулся)*. Я, брат, письма от Ириши только наедине с собой читаю.

Р е к а л о. Идиллия! Да ты сколько лет как женат?

Л и ш е в. Мне в этом году за пятнадцатилетнюю брачную выслугу награда полагается.

Р е к а л о. И до сих пор влюблен?

Л и ш е в. А ты не скаль зубы на то, чего не смыслишь. Мы с Иришей — счастливая семья. А семья — большое дело. Без семьи на земле скучно. Я вашу породу — холостяков — не терплю. Вас уничтожать надо.

Р е к а л о *(хохочет)*. А кто же тогда жениться будет?

Л и ш е в. Со страху переженитесь... Пожалуй, и впрямь пора тебя женить, Миша. А то отбился ты от рук. Красивый брюнет, а живешь одиноко, бестолково.

Р е к а л о. Экая бородатая сваха! Идем лучше в зал... Сейчас Четвертая симфония пойдет.

Л и ш е в. Мерси, сэр! Здесь тише и от начальства дальше.

Рекало уходит. Лишев посмотрел вслед, оглянулся, вытащил из кармана письмо, разорвал конверт и читает. Из двери, ведущей в зрительный зал, появляется Л а б и н с к и й. На рукаве форменки у него повязка дежурного. Он подходит к двери уборной, открывает ее и зажигает свет. За ним идет Г о р е л о в а в вечернем платье.

Л а б и н с к и й. Пожалуйте, товарищ Горелова! Большое спасибо от всех. Почаще б вы к нам приезжали.

Г о р е л о в а. Я с удовольствием...

Л а б и н с к и й. Я вот про что у вас хотел спросить, если разрешите.

Г о р е л о в а. Пожалуйста.

Л а б и н с к и й. Отчего это и в книгах и в театре все больше несчастную любовь показывают?

Г о р е л о в а. Как?

Л а б и н с к и й. Вы вот сейчас из «Анны Карениной» читали... Ее любовь под колеса бросила... Возьмем у Островского: Катерина, Лариса; у Тургенева, у других. Все смертью или бедой кончается. Что ж она, любовь,— несчастье? Нет счастливой?

Г о р е л о в а. Почему? Есть, конечно. Но редко.

Л а б и н с к и й. И как она иной раз оборачивается — понять невозможно. Я из-за нее чуть вовсе себя не потерял.

Г о р е л о в а. Каким образом?

Л а б и н с к и й. Под суд угодил. В штрафниках со смертью под ручку гулял.

Г о р е л о в а. Вы?.. Вы же лучший отличник службы.

Л а б и н с к и й. Выправился... А такое было.

Г о р е л о в а. Да что же? Расскажите!

Л а б и н с к и й. Не знаю, как и сказать... Была у меня девушка. На Балтике еще. До войны она мне полюбилась. А война разлучила. Я на корабле — она в Ленинграде. Близко, а не дотянешься. Очень я мучился: как она там живет? Плохо было в городе. Наконец схлопотал командировку. Приехал, забежал в продмаг, где она работала, условились вечерком встретиться. Кончил дела — и к ней. Сижу, она чаек кипятит. Подошла к шкафчику чего-то достать и по неловкости ящик бряк на пол. Я подскочил помочь, а на полу... одно золото. Кольца, часы, брошки... «Откуда?» Она на меня с усмешкой глянула: «Дурной! Наменяла... с голодухи за хлебную корку что хочешь бери»... Вот от той ее усмешки у меня все в глазах поплыло... Опомнился, когда уже соседи у меня пистолет отымали.

Г о р е л о в а. Боже!.. Неужели убили?

Л а б и н с к и й. Сам не знаю, как вышло.

Г о р е л о в а. Как, наверно, жалеете теперь...

Л а б и н с к и й. Нет!.. Неправильно, что сам.. а только жить ей, такой, не надо было... Она для народа вредная была... Извините, может, некстати рассказал.

Г о р е л о в а. Нет, что вы!

Л а б и н с к и й *(изменив тон)*. Разрешите узнать, товарищ капитан второго ранга интересовался, когда вам машину подать?

Г о р е л о в а. Я буду готова минут через пятнадцать.

Л а б и н с к и й. Есть через пятнадцать. Разрешите идти?

Г о р е л о в а. Да!

Л а б и н с к и й. Счастливо оставаться! *(Уходит.)*

Г о р е л о в а. «Жить ей, такой, не надо было»... Как страшно! *(Садится у столика, облокотясь на руку, и глубоко задумывается)*.

В фойе входит Б о р о в с к и й. Походка у него беспокойная, и весь он как-то внутренне напряжен. Лишев, услыхав шаги, быстро сунул письмо в карман и взялся за газету.

Б о р о в с к и й *(увидел Лишева)*. Что делаешь, дед?

Л и ш е в. Штудирую газету. Старая редакторская привычка.

Б о р о в с к и й. Штудируй. Но имей в виду — в пять в море.

Л и ш е в. Имею.

Боровский хочет идти.

А у меня к тебе тоже кое-что есть.

Б о р о в с к и й. А именно?

Л и ш е в. Прости, если не понравится, но я человек прямой. Совесть у тебя, по-моему, замутилась, Александр Ильич!

Б о р о в с к и й *(пораженный)*. Что?

Л и ш е в. Совесть, говорю, замутилась. В прежнее время тебе бы на исповедь сходить, покаяться. А нынче — побеседуй со своей жизнью. Спроси — не по косой ли тропке ходит?

Б о р о в с к и й. Прости, если не понравится, но расчесывай свою бороду, а в мою жизнь не путайся. Она моя!

Л и ш е в. До поры до времени. Не в лесу живешь!

Б о р о в с к и й *(резко)*. Товарищ старший лейтенант! Я не желаю выслушивать нравоучения.

Л и ш е в. Напрасно! От комдива тебе уже пришлось кой-что послушать. Послушай и меня. Неладно живешь. С человеческой и офицерской честью в раздоре.

Б о р о в с к и й. Что такое?.. Да вы-то кто? Вы офицер без году неделя, товарищ Лишев. Из газетки пришли, в газетку уйдете. И не вам рассуждать о нашей чести. Черта вы в ней понимаете!

Л и ш е в *(встает)*. Вот что я тебе скажу, Александр Ильич! Правда, что я пришел в офицерскую семью из-за редакторского стола, правда и то, что после войны вернусь к любимому делу... Но правда и то, что ты забыл, где живешь. Это тридцать лет назад думали, что понятия о чести выдаются только в юнкерском училище с парой погон... У нас понятие чести крепко в каждом... а мы, работники печати, берегли свою честь, когда ты еще не знал, что она такое и с каким соусом...

Б о р о в с к и й. Я приказываю вам замолчать, товарищ Лишев!

Л и ш е в *(вспылив)*. Уйди от греха, Александр Ильич! Я не конюх, а ты не помещик. Сердце у меня горячее, а рука — тяжелая. Рассержусь — не шутя удавлю бородой.

Б о р о в с к и й. Вы угрожаете старшему? Вам придется объясняться с комдивом.

Лишев. Хоть с дьяволом! *(Швыряет газету и уходит.)*

Боровский стоит мгновение неподвижно, потом широким шагом идет к уборной и, не постучав, рывком распахивает дверь.

Горелова *(вскакивает)*. Кто?.. Нельзя! *(Узнает Боровского.)* Это ты! Как ты меня напугал! Ворвался, как вихрь!

Боровский. Прости! Очень спешу... Скоро ухожу в море... Ты получила мою записку?

Горелова. Да... Она меня огорчила. Холодная, странная... Ты хочешь говорить со мной? О чем?

Боровский. Об очень серьезном.

Горелова. Что случилось?.. У тебя такое лицо... Ты меня пугаешь. Садись!

Боровский. Не могу. Очень тороплюсь... *(Пауза.)* Лена! Нам придется расстаться.

Горелова *(поражена)*. Нам расстаться? Почему?

Боровский. Только не пойми неверно... Я попрежнему люблю... Я бесконечно благодарен...

Горелова. Любишь? Благодарен?.. Странные слова... И хочешь расстаться. Что-то сложно!

Боровский. Я не хочу... Но обстоятельства сложились так, что... Словом, все стало известно комдиву, и он прозрачно намекнул мне, что ему это не нравится. При всех... с угрозой.

Горелова *(удивленно)*. Ты подчиняешься в вопросах чувства командирскому приказу?

Боровский. Я знаю, что это дико. В другое время я, конечно, взбунтовался бы. Но если я теперь пойду ему наперекор, он мне поломает жизнь. Он крут и ветхозаветен. Считает своим долгом сохранять семейные очаги офицеров... А я еще не вполне стою на своих ногах. Целиком завишу от него. От любого его каприза. И сейчас у меня нет выхода.

Горелова. Почему сейчас?

Боровский. Я не могу сказать. Это личное.

Горелова. Я думала, мы настолько близки, что твое личное — это и мое.

Боровский. Но это касается только службы. Я не имею права рассказать. Но все мое будущее на волоске.

Пауза.

Горелова. Так! Иначе говоря, моя любовь угрожает твоему жизненному благополучию... твоей блестящей будущности? Не так сложно, как мне показалось.

Боровский. Лена!

Горелова. Ну что же! Если так нужно для твоего счастья... Я не так эгоистична, чтобы погубить будущее близкого человека.

Боровский. Мне очень больно!.. Поверь! И я рад, что ты понимаешь...

Горелова. Понимаю? Что?

Боровский. Сложность моего положения.

Горелова. А ты сомневался? Мало же ты меня знаешь. Я не скрывала от тебя ничего, что было в моей душе. Я все открыла тебе. И ты знаешь, что я потеряла в войне все, что было мне дорого. Мать... мужа... ребенка. Их убили враги. Война стала для меня кровным делом. Я не могу держать оружие. У меня слабые женские руки. Мое единственное оружие — слово и чувство. Я ушла с большой сцены в ваш маленький боевой театр, чтобы хоть так встать в один ряд с бойцами. Мне стал дорог всякий, кто бьется за нашу правду. Я и тебя полюбила потому, что ты показался мне героем.

Боровский. Но я...

Горелова. И ошиблась... Ты не герой! У тебя даже нет мужества сказать женщине, другу, что гнетет тебя...

Боровский. Гнетет меня?.. Откуда?..

Горелова. Скажешь, не правда? Моя профессия развивает обостренное восприятие человека. Ты не был таким прежде, когда тебя не давила эта тяжесть...

Боровский. О какой тяжести... У меня есть неприятности. Но они не касаются наших отношений... Это дело моей профессии.

Горелова. Военная тайна? .. Все, чем ты живешь, касается и тревожит меня. Что случилось?

Боровский. Но, в конце концов, тебе это даже неинтересно... *(Момент колебания.)* Я совершил одну ошибку... Нет, все равно ты этого не поймешь.

Горелова. Вполне возможно. *(Пристально взглянула.)* Но, может быть, твои товарищи могут понять... и помочь тебе. Они знают об этой ошибке?

Боровский *(вспыхнув)*. Что это?.. Допрос?

Горелова. Я не имею никакого права допраши-

вать тебя... Но, я знаю — в дивизионе что-то случилось. Все ходят подавленные. Максимов...

Боровский *(нервно)*. Я не желаю об этом...

Горелова *(не сводя с него взгляда)*. Ты нервничаешь! *(Пауза.)* Неужели ты хочешь выиграть свое будущее не только за мой счет, но и за счет своих товарищей?

Боровский. Что это значит?

Горелова. Мне вспомнилась история, которую рассказал старшина, провожавший меня со сцены. История девушки, которая погибла оттого, что хотела строить свое счастье на чужом горе.

Боровский. Какое отношение?

Горелова. Мне вдруг показалось, что между ней и тобой есть общее...

Боровский. Это чересчур... Я не позволю...

Горелова. Почему?.. Я же позволила тебе уверять меня в вечной любви... Но если не хочешь... Мне осталось немного сказать... Постараюсь забыть тебя, как дурной сон. Живи! Успевай! Не хочу быть пятном на твоем безупречном кителе! Но на прощание прими дружеский совет... Ты потерял душу! Постарайся найти ее. Без души человек слепнет и может разбиться... А теперь уходи!

Боровский. Лена!

Горелова. Нет! *(Открывает дверь.)* Молчи! Уходи, уходи!

Боровский опускает голову, потом поворачивается и с окаменелым лицом выходит. Горелова захлопывает дверь, опускается на колени у дивана и зарывает лицо в воротник шубки. Выйдя, Боровский задерживается у двери.

Боровский *(мертвым голосом)*. Сказать? *(Нерешительно подымает руку и касается двери, но сейчас же отдергивает пальцы.)* Нет! *(Отдаляется от двери и идет, прямой, застывший, через балюстраду к столикам.)*

Навстречу Боровскому идут Харитонов и Максимов.

Харитонов. А, Боровский! Куда направляетесь?

Боровский *(вздрогнул, уставился на Харитонова отсутствующим взглядом, но через мгновение справился с собой, деланно улыбнулся)*. На корабли, товарищ капитан второго ранга. Проверить оружие перед походом. А потом хочу зайти к жене. Она на дежурстве в госпитале. Хочу побыть с ней последние минуты.

Харитонов. Похвально! Наше дело такое. В море уйти — просто, а вернешься ли — бабка надвое га-

дала. Что?.. Ясно, тянет к родной душе... Ступайте! Привет Евгении Сергеевне!

Боровский двинулся.

Завтра, как придете с моря, прошу ко мне. Командующий утвердил план большой операции. Поскольку я буду занят другими делами, дивизион придется вести вам. Обговорим...

Б о р о в с к и й *(резко повернулся)*. Нет! Нет!

Х а р и т о н о в *(удивленно)*. Что значит нет? Вопрос решен командующим.

Б о р о в с к и й. Я не могу... Не чувствую себя в силах... Я болен.

Х а р и т о н о в. Ерунда!.. Чего вдруг болен? Завтра жду. Ясно?

М а к с и м о в. Не дури, Саша!.. Если не я, так только ты. Больше некому. Лучше тебя никто не сделает.

Б о р о в с к и й *(с внезапным порывом)*. Спасибо, Борис!.. Но это твое дело.

М а к с и м о в. Это наше дело, Саша!

Б о р о в с к и й. Мне надо о многом с тобой поговорить.

М а к с и м о в. Ну что же... Приходи! Счастливой дороги!

Максимов и Боровский пожимают друг другу руки. Боровский уходит.

Х а р и т о н о в *(посмотрел вслед, покачал головой)*. Н-да! Плох!

М а к с и м о в. Что с ним творится последние дни? Не узнаю. Вы обратили внимание, какие у него глаза были, когда мы вошли? Как слепой шел!

Х а р и т о н о в. А вот я его продеру с наждаком — сразу прозреет... Ты подожди минутку, Борис! *(Проходит к двери уборной и стучит.)*

Горелова не отвечает.

(Стучит вторично и осторожно приоткрывает дверь.) Елена Васильевна!

Горелова молчит.

Елена Васильевна, что вы? *(Наклоняется и трогает Горелову за плечо.)*

Г о р е л о в а *(подымая голову)*. Не тронь меня!.. Уходи! *(Поняв, что перед ней Харитонов.)* Ради бога,

простите! Я сама не понимаю, что говорю. Мне нехорошо! *(Хватает Харитонова за руку.)* Уведите меня!

Харитонов *(подымает ее)*. Успокойтесь! *(Кричит.)* Максимов!

Входит Максимов.

Максимов. Есть!

Харитонов. Отвезешь Елену Васильевну домой и побудь с ней, пока я приеду.

Горелова. Нет, нет! Не надо! Я сама...

Харитонов. Что?.. Извините, но здесь уж я пока командую... Действуй, Максимов.

Максимов берет шубку и подает Гореловой.

Горелова *(двинулась к двери, повернулась, снова схватила руку Харитонова, сказала шепотом, задыхаясь)*. Помогите! Помогите ему... Неужели вы ничего не видите? *(Быстро уходит, сопровождаемая Максимовым.)*

Харитонов *(выходит на авансцену. Задумчиво)*. Помогите?.. *(Пауза.)* Так!.. Выходит сложнее, чем я думал... *(Решительно.)* Ну, хорошо же! Держись! *(Быстро уходит.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Перед поднятием занавеса склянки отбивают двадцать три часа. Госпитальная палата на базе дивизиона — бывшая каюта третьего класса теплохода. Кремовые эмалированные стены, такая же деревянная мебель: столик-шифоньер у койки, два стула. Круглый иллюминатор в двери. За дверью — угол коридора и небольшое помещение, в котором стоит столик и белый эмалированный шкафчик с застекленными дверцами. На полках видны склянки лекарств, медицинские приборы. В палате — яркий свет подволочной лампы. В соседнем помещении — голубоватая дымка от синей лампочки. В палате на койке лежит в пижаме Апанасенко, левая рука у него на перевязи. На койке, в ногах у него, сидит Бойко в халате. К спинке койки приставлен костыль. На стуле сидит, тоже в халате, Будков.

Апанасенко *(протягивает Будкову коробку)*. Угощайтесь, товарищ мичман. Хороший шоколад. С «Красного Октября» девушки прислали.

Будков. Сам кушай, товарищ Апанасенко. Тебе для здоровья нужно. А мне здоровей перекурку сделать. Бойко! Зарядить орудие!

Бойко *(берет из рук Будкова трубку и набивает)*. Есть зарядить, товарищ мичман! *(Подает.)*

Будков *(взял трубку в зубы)*. Товсь!

Бойко подносит зажигалку.

Залп!

Чиркнула зажигалка, и Будков выпустил клубы дыма.

Апанасенко *(смеется)*. Здорово у вас табачная артиллерия организована, товарищ мичман!

Будков. По-корабельному... Только б не накрыли нас.

Апанасенко. Обход уже был... Второй раз товарищ капитан вряд ли зайдет.

Будков. Так что ж, ребятки. Рассказать на сон сказочку?

Апанасенко. Расскажите, товарищ мичман, занятно у вас получается.

Будков. Про что ж только? Кажись, все рассказал... Разве про господа бога и тресковую уху? Ну ладно!.. Было еще это до того, как бог людей склепал. Уж и твердь по спискам числилась и вода. В воде рыба плавала, в лесу зверь бегал. А человека еще не было. Только близ Териберки одна поморская артель рыбачила...

Бойко. Как же так, товарищ мичман? Говорите — людей не было, а поморы уже жили.

Будков. Такой проворный народ. Самого бога опрыгали, понимаешь. Вот как-то бог и облетает свое творение. Глядит — внизу шалаш, близ него костер, и на козелке тресковая уха закипает. Нюхнул господь — вкусно. Спустился, здоровается. Поморы видят — гражданин почтенный, борода до пупа, вроде нашего старшего лейтенанта Лишева. Одежка справная. Принимают честно, сажают до себя уху хлебать.

Апанасенко. Вкусно рассказываете, товарищ мичман.

Будков. Не перебивай!.. Похлебал бог, бороду облизал, благодарит, а между прочим, спрашивает со строгостью: «Отколь вы такие взялись?» Поморы, однако, отвечают: «Завелись, ваше степенство, автономно».— «Ну, коли завелись, так петух с вами, хоть меня и не спросились,

а я вроде как господь всего мира. Но так вы сытно живете и такие сами добротные, что желаю я теперь создать народ не по своему, а по вашему подобию и поселить рядышком. На вашей пище откормятся, землю населят». Поморы, как услыхали такое, переглянулись — и за багры. «Иди, говорят, ваше степенство, откуда пришел. Много вас таких — на чужой каравай пасть разевать. Иди, пока в багры не приняли, и сели своих хлюпиков от нас подалей». Пришлось господу без мотора свечкой взлететь. А поморы так и остались и трески никому не отдали. И до сих пор кормятся. Вот какие дела!

Апанасенко. Веселая сказка. Лучше лекарства действует.

Будков. На то и рассказываю, чтоб не скучали. В болезни главное, ребята, не заскучать человеку.

Бойко. Завидно мне на вас глядеть, товарищ мичман. Три дня поболели — и на волю. А я когда еще выйду... Наши скоро в наступление пойдут, а я сохни тут... Тоска!

Будков. Ну, до боя еще долго. Оправишься. А помнишь, Бойко, как ты с нашего отряда уходить задумал?

Бойко. Вы про это не поминайте! Глуп был. Не разобрался в капитан-лейтенанте, товарище Максимове. Полагал, что мало душевности имеет. А теперь вижу... Что ни день, меня навещал. И всегда у него для меня подпорное слово найдется.

Апанасенко. Точно! И мне всякий раз шуточку подкинет. *(Небольшая пауза.)* А капитан-лейтенант Боровский и не заглянул. Словно меня уже на свете нет.

Будков *(отводя опасную тему)*. Дела у него много. Корабли надо готовить.

Бойко. А неужели товарищ Максимов с нами больше плавать не пойдет?

Будков. Это ты откуда взял? Кто тебе такую петуховину нашептал?.. Не пойдет! Обязательно пойдет! Я тебе говорю... И отряд ему вернут и возвысят...

Дверь внезапно открывается. Входит Шабунина.

Шабунина. Вы это что? Полуночничаете? Не годится! По койкам! Спать!

Будков и Бойко поднялись.

(Втянула воздух.) Опять в палате курили?

Б у д к о в. Кто? Мы?..

Б о й к о. Кто? Я?..

Б у д к о в, Б о й к о *(хором, негодующе)*. Товарищ капитан!

Ш а б у н и н а. Идите, идите! *(Берет со столика листок.)* Как у нас температура? *(Просматривает листок.)*

Бойко и Будков выходят в соседнее помещение.

Б у д к о в *(страшным шепотом)*. Нарезались!.. Прихвати, Бойко, шахматную доску. Я еще тебе в курилке мат врежу.

Бойко захватывает со стола доску и исчезает вместе с Будковым.

Ш а б у н и н а *(присаживается на койку)*. Так... посмотрим руку. *(Берет руку Апанасенко, сгибает и разгибает ее.)* Ну, совсем хорошо. Еще недельку помассируем, и будет как прежде.

А п а н а с е н к о. Потрудились вы надо мной, товарищ капитан.

Ш а б у н и н а. Рада, что так легко обошлось. За руку я не боялась. А вот осколок в почке тревожил. Сомневалась, вытянете ли.

А п а н а с е н к о. Я умереть не робел, товарищ капитан. Жизнь моя перед товарищами чистая. Фашиста бил, в бою не плоховал... Но жить, конечно, хотелось.

Ш а б у н и н а. Вот это и вывезло.

А п а н а с е н к о. Раз я уже здоров, товарищ капитан, хочу просить разъяснить мне одно сомнение.

Ш а б у н и н а *(улыбаясь)*. Может, отложим сомнения на завтра?

А п а н а с е н к о. Так я опять спать не буду. С тех пор как голова в ясность пришла, все об этом думаю. А не разберусь...

Ш а б у н и н а. Ну, рассказывайте!

А п а н а с е н к о. Было в тот самый поход. Сидел за передатчиком, вдруг, чувствую, накренило катер. Значит, ворочаем куда-то. И сразу на палубе пушки забили. Дело ясное — бой! Спускается с мостика командир отряда. Кладет шифровку, торопит: «Духом передай капитан-лейтенанту Максимову». Я отстукал, квитанцию принял. Тут как тряхнет катер — все посыпалось. Это когда бомба под кормой рванула. *(Закашлялся.)*

Ш а б у н и н а. Не спешите... спокойней...

Апанасенко. Размело все мои бланки. Нагнулся, подобрал, сложил в папочку. И в тот миг точно каленым штырем под ребро сунули — и рука занемела. Прежде чем в глазах стемнело, увидел, как опять мои бумажки разлетелись... Очнулся — надо мной командир стоит и сам папочку на место кладет. Меня боцман перевязал. Примостился я на разножке, мутит от боли. Взял папочку посмотреть — не затерялось ли что... Раскрыл — как раз сверху эта шифровка... Смотрю... что такое?

Шабунина *(схватив руку Апанасенко)*. Что? Говорите!

Апанасенко. Устали, наверно, сегодня, товарищ капитан. Вон как рука у вас дрожит.

Шабунина *(нетерпеливо)*. Да говорите же!

Апанасенко. Как будто я еще соображения не потерял, передачу свою помню, а в шифровке не то...

Шабунина *(нервно)*. Что не то?

Апанасенко. Место!.. Широта та же, а долгота... Помню, передавал: «тридцать четыре ноль пять», а на бланке: «пятьдесят пять». У меня ролики в голове завертелись... Пятьдесят минут разница!! Но в ту секунду опять свалился без памяти, а очнулся уже тут... Так и не знаю... Не то мне почудилось, не то... Неужели я в передаче спутал, неверно с шифровки считал, и оттого несчастье вышло и люди погибли?... Очень мне от этого беспокойно... Как вы думаете?

Шабунина *(медленно подымается)*. Пустяки, милый... Ну конечно, это вам от потери крови и слабости почудилось... Ложитесь! *(Поправляет подушку, накрывает Апанасенко одеялом.)* Спите спокойно! *(Гасит верхний свет, оставляя только ночничок у изголовья.)* Спите! *(Выходит в коридор, зажигает свет. Движения у нее спокойные, видно, что она старается сдержать себя. Подходит к шкафчику, открывает дверцу, машинально захлопывает ее.)* Не верю!.. Не хочу!.. Не может быть!.. Что же мне делать? *(Отходит от шкафчика и видит стремительно вошедшего Боровского.)* Ты?.. Зачем ты сюда пришел?

Боровский *(видимо, взволнован, но старается быть спокойным)*. Милая встреча, Женя! Можно подумать, я страшный призрак... Пришел к тебе перед походом. *(Делает шаг к ней.)* Последнее время неладно шла у нас жизнь... Знаю, что виноват я. Я и пришел с повинной. Помоги вернуть наше хорошее прошлое!

Шабунина. Ты пришел возвращать хорошее прошлое? Сюда?

Боровский. Почему это тебя удивляет? Я не раз приходил...

Шабунина *(шагнула к нему)*. Ты пришел возвращать прошлое сюда, где за стеной краснофлотец, который чуть не заплатил жизнью за твое преступление?

Боровский *(отшатнулся)*. Ты бредишь? Какое преступление?

Шабунина. Не притворяйся! Я все знаю!

Боровский. Что ты знаешь?

Шабунина. Все!.. Помнишь, однажды ты сказал мне, что ты «на виду». Ты сам не знал, какая страшная для тебя правда была в этом слове... Сейчас ты действительно весь на виду... отвратительный...

Боровский. Женя, опомнись!

Шабунина. Не смей называть меня так! Между нами нет ничего общего... Навсегда! Я поняла все... Ты решил отомстить Борису из-за мелкой, дрянной ссоры...

Боровский делает протестующий жест.

Не лги! Ты нарочно дал ему ложные координаты, чтобы лишить возможности помочь тебе в бою и потом обвинить в этом его же... погубить его... Ты не остановился перед гибелью людей для успеха своей затеи... Пошел на подлог, заметая следы... И если бы не этот краснофлотец, который, не смея сомневаться в чести своего командира, мучится, что вина лежит на нем, ты так бы и вышел сухим из воды ценой чужих жизней и чужой репутации!

Боровский *(ошеломленный, слушает, опустив голову, но на последней фразе резко выпрямляется)*. Хватит!... Я не стану отрицать!

Шабунина *(отступив)*. Так, значит, правда?

Боровский *(как будто бросает камень)*. Правда! *(Пауза.)* Не стоит дальше барахтаться. Только что я получил тяжелый урок. Шел к тебе со смутной и бесполезной надеждой... Напрасно! От себя не уйдешь... Да... Я виноват! Но не думай обо мне хуже, чем я заслужил... Я хотел соколом виться в небе, а свалился в канаву... Но как бы я ни был плох, я никогда не дошел бы до такой низости, какую ты мне приписала... Мстить Борису?... Губить его репутацию? Как это могло прийти тебе в голову? Я никого не хотел губить и погубил только себя... Когда комдив приказал атаковать эту проклятую лодку, я сра-

зу решил, что должен покончить с ней баш на баш. Я хотел один взять весь выигрыш! Если бы я утопил этого колбасника, я добился бы всего, к чему рвался, не разбирая дороги... *(Замолчал, опустился на стул у стола, положив на стол судорожно стиснутые кулаки.)*

В этот момент в глубине коридора появляется Харитонов.

Я дал Борису неточные координаты лишь для того, чтобы лишить его доли в победе... Вышло наоборот. Для меня победа обернулась позором, а он вопреки всему вышел из боя победителем... Тогда.. я... скрыл... Я знал, что Борису не поставят в большую вину возможный случайный промах... Я надеялся...

Харитонов останавливается у поворота коридора.

Шабунина *(дотрагивается до плеча Боровского)*. Как ты мог? Подвести под удар товарища?... Ты подумал о сыне, у которого ты отнял чистое будущее? Подумал, наконец, о себе?

Боровский *(устало)*. Я не прошу пощады... Если б можно было жить сызнова, я прожил бы иначе... Но... остается...

Шабунина. Что?

Боровский. Поставить честную точку.

Шабунина. Нет, это не выход!.. Надо жить и ответить за сделанное...

Пауза.

Или ты боишься?

Боровский *(вскочил)*. Боюсь?.. Я никогда ничего не боялся и не боюсь, кроме встречи... *(Резко поворачивается и видит вышедшего из-за поворота Харитонова.)*

Харитонов *(подходит. Лицо потемнело, но голос ровен)*. Вот и встретились!.. Не ждали? Что?.. Боитесь меня? Правильно боитесь! *(Повышает голос.)* А ну, посмотрите в глаза! Не смеете? А придется взглянуть. Всем! Товарищам!... Народу! *(Вдруг бешено.)* Как вы ответите? Как, я вас спрашиваю?

Боровский. Умоляю...

Харитонов. Не меня... Русскую землю просите, чтоб она дала вам в ней место... Сдать оружие!

Боровский дрожащими руками отстегивает пояс с кортиком и протягивает Харитонову. Тот брезгливо отстраняется и поворачивается к Шабуниной, которая, застыв, стоит у шкафа.

Товарищ капитан!

Шабунина вздрогнула.

Примите оружие у арестованного!

Боровский, потрясенный, отступает. Шабунина умоляюще взглянула на Харитонова, выпрямилась и протянула руку к кортику.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Тот же пирс, что в первом действии. Дежурка закрыта от зрителя деревянным щитом с нанесенным на нем девиационным знаком. Ночь. Она не похожа на ночь первого действия. Она дышит мягкой весенней тишиной. Чуть вздрагивает синий лак воды в бухте. Скалы, уже лишенные снеговых пятен, тонут в дымке. Порой сквозь облака прорывается огромная белая луна, и тогда все на пирсе заливается фосфорическим зеленоватым блеском, а на воде трепещет мерцающая тропинка. К трапу у среза пирса, за которым видны мачты катеров, бесшумно проходят один за другим матросы с ящиками боеприпасов на плечах. Их движение длится в продолжение всей первой сцены. При поднятии занавеса перед щитом, закрывающим дежурку, стоят Харитонов и Шабунина. Между ними идет быстрый и острый разговор.

Шабунина. ...я, наконец, просто не понимаю. Почему вы запрещаете? Это нехорошо. И жестоко!

Харитонов *(иронически)*. Я в этих тонкостях не разбираюсь. Лишь бы разумно.

Шабунина. А вы считаете разумным?

Харитонов. Да! Вы свое сделали — и хвала вам. А хирургу в бою на катере делать нечего. Здесь больше пользы принесете. Бой тяжелый, и раненых тяжелых тоже хватит... Ясно?

Шабунина. Совсем не в этом дело. Я ведь знаю, почему не пускаете!

Харитонов *(опять иронически)*. Да ну?

Шабунина. Да! Знаю... Большой, умный человек, а от нелепой морской приметы отвязаться не можете!... Баба на корабле!

Харитонов. Плохой вы отгадчик! Зато я вас насквозь вижу!

Шабунина *(подражая его тону)*. Да ну?

Харитонов. Вот и ну!.. Нервы раскисли, жизнь в тягость стала, так дай на рожон полезу. Авось какой-нибудь осколочек на мою долю выпадет — и сразу конец мучениям? *(Иронически цитирует.)* «Быть или не быть? Умереть... уснуть...» Да вы кто, моя милая? Принц

датский или капитан медицинской службы? Что? Вы мне эти драмы оставьте, не то заработаете суток десять полного отдыха.

Шабунина. Идеальное лекарство на все случаи жизни?

Харитонов. Неплохое! *(Пауза. Внезапно берет Шабунину за руку и говорит с отеческой лаской.)* Ну что вы, дружок! Не стыдно? А я еще вас всегда уважал за твердость, за характер небабский.

Шабунина *(от неожиданной ласки растерялась)*. Михаил Михайлович! Скажите — как же мне жить теперь? Как мне жить?

Харитонов. Как жили! Поменьше терзаться, побольше работать. Вы-то при чем?

Шабунина. Вот и вы теперь от нас уедете... Возьмите меня с собой! На новом месте мне легче будет.

Харитонов. А это вовсе напрасно. Поверьте, некуда вам и незачем.

Шабунина. Пока вы здесь, у меня есть опора. А теперь...

Харитонов. Я ухожу — Борис остается. Он в обиду не даст.

Шабунина. От меня, как от чумы, шарахаются.

Харитонов. Вздор! Бредни!.. Не замечал. Если кто и глянул косо, так либо чужой, либо дурак. А от нас вы ничего, кроме хорошего, не видели... Так ведь? А уедете — хуже будет. Там друзей пока найдешь, а слушок вслед за вами гадюкой ползет. Оставайтесь!

Шабунина. Не знаю...

Харитонов. Разве самой вам легко покинуть людей, которым столько отдано? Слово старого солдата: нехорошо вам уходить. *(Пауза.)* Ему ваше присутствие нужно...

Шабунина *(резко)*. Не надо об этом. Это кончено!

Харитонов. Что? Так и кончено? Чиркнули — и десять лет жизни, как строчку в канцелярской бумажке, долой?! Суд ему хорошего прошлого не забыл, жизнь подарил, чтоб мог отработать... А вы?.. Не выпал же он у вас из сердца, вижу. Иначе не мучились бы...

Шабунина. Зачем вы меня...

Харитонов *(прерывая)*. Отдохнуть вам надо! Заработались, а завтра еще больше работы будет. Идемте,

я вас отведу! *(Властно и в то же время бережно берет Шабунину под руку и уводит.)*

С другой стороны выходит Максимов в высоких сапогах.

Максимов *(громко)*. Товарищ мичман!

Будков *(выходит из-за дежурки)*. Есть мичман!

Максимов. Как с погрузкой, Степан Васильевич?... Долго возитесь! Поторапливайтесь!

Будков. В порядке, Борис Иваныч! Последние эресы догружаем.

Максимов. Вызвать с кораблей офицеров на пирс!

Будков. Есть офицеров на пирс! *(Спускается по трапу.)*

Максимов садится на бухту троса у дежурки, вынимает из кармана карту и, разложив на колене, рассматривает ее, освещая узким лучиком карманного фонаря. Последние матросы с ящиками проходят на трап. За ними на пирс выходит Рекало, подходит к срезу и задумчиво смотрит на море, не замечая Максимова.

Максимов *(поднял голову)*. Мечтаешь, Миша?

Рекало *(повернулся)*. Ты здесь? *(Улыбнулся.)* Ага, мечтаю.

Максимов. О чем?

Рекало. О нашей старости.

Максимов. Что?

Рекало. Ты не смейся... Я думаю, какая у нас будет трудная старость.

Максимов. Непонятно...

Рекало. Подумай только! Пройдут годы. Побелеют наши головы, выпадут зубы, а вокруг, как молодой лес, шумит новая, буйная юность. Внуки и правнуки. Счастливые... жадные к жизни... любопытные. Хочется им знать, как добывалось их счастье. В каких трудах и боях. И нужно им рассказать. А кто, кроме нас, сможет? Живые свидетели! Но нас с каждым годом все меньше и меньше. Редеет старая гвардия. И вот остаемся мы с тобой — последние два гренадера. А нужно рассказывать. Успеть надо, Борис... О горестях наших и радостях. Про солдатскую нашу дружбу. Про нее особенно, потому что никогда еще не было и больше не будет такой чистой и верной, опаленной огнем... И о победе! Как шли к ней, спотыкаясь, истекая кровью, роняя друзей... Шли и дошли! И хорошо рассказать надо. Красиво и честно! Разве не трудно?

М а к с и м о в. Рано забеспокоился. Долго еще до старости топать.

Р е к а л о. Сейчас надо думать. Потом поздно будет.

На пирс поднимаются о ф и ц е р ы катеров, среди них Л и ш е в, К л о б у к о в, Ж у р а в л е в.

Думать о будущем и жить для победы... Эх, хорошо!

М а к с и м о в. Чудишь, Миша! Пожалуй, не стоит тебя в поход брать. Помечтай на бережку.

Р е к а л о *(весело)*. Врешь! Без меня не пойдешь!

М а к с и м о в *(так же)*. Верно!.. Представить не могу поход без тебя.

Л и ш е в *(подойдя)*. Товарищ капитан-лейтенант! Офицеры в сборе.

М а к с и м о в. Добро! Ждать комдива!.. Что ж, дед, завтра бороду долой по случаю победы, как договорено.

Л и ш е в. Это как бабушка наворожит.

М а к с и м о в. А ты ее спрашивал?

Л и ш е в. Завтра сама скажет.

Ж у р а в л е в *(громко)*. Внимание, товарищи офицеры!

Максимов быстро поднялся. На пирс входит Х а р и т о н о в.

М а к с и м о в *(идет ему навстречу. Офицерам)*. Смирно! *(Рапортует.)* Товарищ капитан второго ранга! Личный состав Краснознаменного дивизиона морских охотников к походу готов.

Х а р и т о н о в. Вольно!.. Прошу поближе, товарищи офицеры.

Офицеры окружают Харитонова.

Много слов тратить не стану. Не впервой мне отправлять вас на трудное и славное дело! Но сегодня мое сердце бьется особенно сильно. Пришел наш большой день. Мы идем навсегда вышибать врага из нашего моря, которое он мутил и гадил так долго... Поздравляю! Поход будет жаркий! Огонька придется хлебнуть!

Ж у р а в л е в. Огонька никогда не боялись, товарищ капитан второго ранга.

Р е к а л о. Смоленые, печеные и копченые!

Х а р и т о н о в. Хвалиться будете, с боя идучи!.. А уходя в бой, запомните: больше внимания и строгости к себе и другим! Крепче чувство локтя! Помните наш старый моряцкий завет: все за одного — один за всех. С ним

нам и черт не страшен! Жалею, что не могу идти с вами, но отдаю вас в верные руки... *(Повернулся к Максимову.)* Два дюйма под килем и счастливого плавания! А теперь по кораблям! Ступайте, друзья!

Офицеры один за другим прощаются с Харитоновым и спускаются по трапу. Последним к Харитонову подходит Клобуков.

Клобуков. До свидания, товарищ капитан второго ранга.

Харитонов. До встречи, механик! Технику наладили? Не подведет?

Клобуков. Проверено все... Только вы ему *(указывает на Максимова)* прикажите ходы не форсировать. Моторы тоже жалеть надо. Чуть дышат.

Харитонов *(засмеялся)*. Неисправим!.. Уберите, братцы, от меня этого кочегарного духа, а то, не ровен час, изуродую. *(Клобукову.)* Нет, милый мой! Уж сегодня такой день — всё на кон! И корабли, и моторы, и нас всех! Идите!

Клобуков уходит. С Харитоновым на пирсе остаются Максимов и Рекало.

(Максимову.) Ну, Борис! Оправдай! Помнишь наш разговор у тебя в каюте? Вот ты своего и дождался. Небось рад?

Максимов. Конечно! Но был бы еще больше рад, если бы шел в этот бой, как прежде, рядом с Сашей.

Харитонов. Да!.. Что ж поделаешь! Вот оглядываюсь мысленно на него, как Тарас на Андрия: «Чем бы не казак был? А пропал, пропал бесславно...» Почему пропал? По своей вине, скажешь? Только ли по своей? Все виноваты! И я прежде всех, и от ответа отпираться не стану... Столько времени шли рядом, а ослепли, не видели, не сумели вовремя подать руку, чтоб удержать товарища на гибельном склоне... Как считали? Боевой, дельный, храбрый... и все хорошо? Нет! В драке и петух храбр, а мы люди, да еще советские люди!

Рекало. А напрасно все же помиловали. Не стоило!

Харитонов *(круто повернулся и мгновение в упор смотрит на Рекало)*. Всерьез так думаете?

Рекало. Совершенно серьезно, товарищ капитан второго ранга.

Харитонов. Худо! Не ждал!.. Глубоко надо думать и дальше смотреть!

Р е к а л о. Не понимаю...

Х а р и т о н о в *(прерывая)*. Тут понимать нечего! Сердцем надо почуять. Не жалеть должны, что пощадили, а радоваться.

Р е к а л о. Я не жалею, но считаю...

Х а р и т о н о в *(вдруг резко)*. Да вы где служите? Офицер вы или не офицер?

Р е к а л о *(опешив)*. Офицер.

Х а р и т о н о в. Дивизион, в котором служите, дорог вам или нет?

Р е к а л о. Дорог!

Х а р и т о н о в. Так какого же черта вам его честь не дорога?

Р е к а л о. Мне?

Х а р и т о н о в. Да, вам! Офицера вашей части пустят в расход, на весь мир срам, а вам как с гуся?

Р е к а л о. Срам остается срамом, безразлично от того, расстреляют или нет.

Х а р и т о н о в *(сердито)*. Врете! Не подумав, режете! Что? Мертв человек — и всему крышка. Хоть пемзой три, а дел его не вытрешь... А жив, так и сам может выправиться, и с других тяжесть снять... Если другие не чурбанами будут, а поймут... Поймут и помогут по-настоящему... Поняли?

Рекало молчит.

Раскиньте-ка мозгами над этим. А то ходите и свои перышки чистите, а о других заботы нет... *(Взглянув на часы.)* Однако мне пора к адмиралу. *(Максимову.)* Плыви, капитан третьего ранга! *(Подносит руку к козырьку и направляется к выходу, сопровождаемый Максимовым.)*

М а к с и м о в. Спасибо за хорошее пожелание, Михаил Михайлович! Только что ж вы оговорились и вдруг звание мне прибавили?

Х а р и т о н о в. Нет, не оговорился! Третьи сутки приказ за пазухой маринуя. Вот на дорогу поздравил!

М а к с и м о в. Мне? Звание?

Х а р и т о н о в. Твой план — тебе и честь. Значит, заслужил. Будь здоров! *(Отходит к кулисе, останавливается и высоко подымает руку.)* Ну!.. За тех, кто в море!

М а к с и м о в и Р е к а л о *(повторяют жест)*. За тех, кто в море!

Харитонов уходит.

Р е к а л о *(преувеличенно вытянулся, взял под козырек)*. Дозвольте поздравить, товарищ капитан третьего ранга, по случаю служебного продвижения. На сто граммов боевого пайка с вашей милости...

М а к с и м о в *(шутливо встряхнул его)*. Сперва заслужи, марсофлот!

Р е к а л о *(басом)*. Рад стараться, вась-сясь!.. Ох, и прыгаешь же, Борька. Этак, гляди, из боя адмиралом выскочишь. Беру слово обратно — старость у тебя легкая будет.

М а к с и м о в. Зато у тебя молодость тяжелая. Попало от отца? Я думал, он тебя с сапогами глотнет.

Р е к а л о. Доля наша — лейтенантская. Справа бьют, слева колотят, вперед ходу нет, назад по уставу не положено... Пойду от греха на катер, а то больно много начальства развелось... *(Спускается по трапу.)*

Б у д к о в *(подходит)*. Товарищ капитан-лейтенант! Старший лейтенант Лишев приказал доложить: все готово!

М а к с и м о в. Отлично, Степан Васильевич! Минут десяток у нас еще есть. Закурим по сему поводу отвальную! *(Достает портсигар, протягивает Будкову.)*

Б у д к о в. Благодарствую... Легким не балуюсь! Если желательно, моего?

М а к с и м о в. Нет, старшина! Ваш мухобой страшен! С ног валит!

Б у д к о в. Зато душу прочищает до дна. Разрешите закурить?

М а к с и м о в. Курите!.. Присядем!

Садятся на бухту троса и курят.

Луна!

Б у д к о в. Чего?

М а к с и м о в. Луна, говорю! Черт принес! Как бы не нагадила!

Б у д к о в. Не должно, Борис Иваныч! Солнце нынче в тучку садилось. Закат сердитый был. К утру облаками накроет, волну разведет...

М а к с и м о в. На руку... За волной легче укроемся... *(Пауза.)* Как думаете: выйдет у нас, Степан Васильевич?

Б у д к о в. А когда ж у нас не выходило, Борис Иваныч!

Максимов. И я думаю — выйдет... *(Задумался.)* А немало мы с вами повидали, Степан Васильевич! Прошли сквозь беды и победы! Вы, пожалуй, забыли, а я до сих пор помню, как с вами в первый мой командирский поход ходил. *(Усмехнулся.)* Загрустили вы тогда, что стоит на мостике такой невинный балбес.

Будков. Вот уж нет! Как глянул на вас, так и сказал: «Из этого морячина выйдет!» Бывало, я вас учил, а нынче вы вон куда ушли. Сами меня учите. Иной раз так вздраите...

Максимов. Не обижайтесь, Степан Васильевич!

Будков. Что вы! Да я радуюсь, как мой птенчик вырос, если уже меня в оборот берет. *(Небольшая пауза.)* Вот что я сказать хотел, Борис Иваныч! Мне уж немного плавать осталось. Хочу вам думку передать — кого наместо меня боцманом взять...

Максимов. Стоп! А с чего вы об этом заговорили?

Будков. К слову пришлось... Так возьмите моторного старшину Лабинского. Серьезный моряк!

Максимов. Больно молод.

Будков. Молодость — не попрек. Сами сейчас свою поминали. А стариков-то на флоте, почитай, и не осталось.

Максимов *(встал, засмеялся)*. Да что ж это мы, Степан Васильевич, при живом боцмане на другого загадываем?

Будков. В лес идя, топорик бери, товарищ капитан-лейтенант! *(Меняет тему.)* Прикажете на корабль?

Максимов. Ступайте! Я тоже сейчас...

В конце пирса появляется Бойко. Он, заметно хромая, пробирается к трапу, стараясь проскользнуть незамеченным.

Товарищ Бойко!

Бойко *(испуганно замер на месте)*. Есть Бойко!

Максимов. Вы куда?

Бойко *(деланно небрежно)*. На корабль, товарищ капитан-лейтенант!

Максимов. На корабль! А каким образом вы из госпиталя? Направление есть?

Бойко. А зачем мне направление, когда я здоровый. Нога сама ходит.

Максимов. Вижу, как она ходит!.. Не туда заворачивает. Без направления не пущу.

Бойко. Позвольте сказать.

Максимов. Позволяю.

Бойко. В прошлом месяце вы меня раз от похода отставили за неформенный вид. Конечно, досадовал, но понимал, что правильно. А сегодня я совсем аккуратный: и по форме одет, и душа у меня настроенная...

Максимов. К чему настроенная?

Бойко. К бою, товарищ капитан-лейтенант. Не откажите!

Максимов. Не имею права.

Бойко *(внезапно разъярясь)*. Да как же так можно! Душа в вас есть?

Максимов. Ого!.. Степан Васильевич, как по-вашему? Есть у меня душа?

Будков. Определенно! И командует она мне: «Отведи, боцман, морячка на корабль».

Максимов *(засмеялся)*. Обошли, караси! Сдаюсь!

Бойко *(обрадованно)*. Ох, и драться буду, товарищ капитан-лейтенант! С луны фрицев зубами стащу...

Будков. Но-но, наперед не хвастай. Опять петуховину понес. Идем!

Будков и Бойко уходят. Максимов взглянул на часы. Из-за пирса слышны выхлопы мотора. Потом молодой сильный голос командует: «Боцман! Пулеметы опробовать!» Другой голос отвечает: «Есть опробовать!» Команда: «Левый борт, огонь!» Короткий грохот очереди, тишина, и снова команда: «Правый борт, огонь!» Новая очередь. Максимов сделал несколько шагов, остановился, вынул папиросу, закурил. Опять взглянул на часы. В конце пирса показывается фигура. Максимов отошел в сторону. Высокого роста матрос направляется к трапу.

Максимов. Товарищ краснофлотец!

Идущий четко повернулся, вскинул руку к виску. Луна осветила лицо Боровского.

Боровский *(отчетливо)*. Товарищ капитан-лейтенант! Краснофлотец подрывной команды штрафной роты Боровский явился в ваше распоряжение!

Максимов *(после паузы, спокойно)*. Здравствуйте! Подойдите!

Боровский подошел строевым шагом.

Знаете, зачем направлены?

Боровский. Нет.

Максимов. Пойдете с нами в операцию.

Боровский. Я?!

М а к с и м о в. Почему удивляетесь? Или недовольны? Не хотите в бой?

Б о р о в с к и й. Товарищ капитан-лейтенант, чем я подал повод к такому предположению?

М а к с и м о в. Вы так удивились...

Б о р о в с к и й. Разрешите говорить откровенно?

М а к с и м о в. А иначе и разговаривать не стоит.

Б о р о в с к и й. Вы за меня просили?

М а к с и м о в. Почему вы думаете?

Б о р о в с к и й. Рота в поход не идет... Вызван только я...

М а к с и м о в. Вы правы!.. За вас просили я и старший лейтенант Лишев... У нас были на это свои основания. Вы стали причиной нашего общего горя. Людям надо смывать в бою пятно, виной которого вы... Так почему вам оставаться в стороне?

Б о р о в с к и й. Я обещаю сделать все, что могу.

М а к с и м о в. Пожалуй, мало.

Б о р о в с к и й. Что же я еще могу... *(Пауза.)* Нищего, товарищ капитан-лейтенант, поймет только нищий.

М а к с и м о в. А вы нищий?

Б о р о в с к и й. Да!

М а к с и м о в. Так! *(Швырнул папиросу и так порывисто шагнул к Боровскому, что тот невольно подался назад.)* Нищий! Так ты все еще хочешь играть оскорбленного и непонятого героя?.. А я думал... Хорошо! Я буду сейчас говорить с тобой так, словно ничего не было и мы снова сидим на одной скамье в училище, где просидели друзьями четыре года... Ты нищий? Тебе больно?.. А ты подумал, как нам... Нам больней... потому что, помимо всего, мы потеряли тебя... А ты нам не чужой!.. В один час ты пустил на ветер свою честь... Это твое дело!.. Но в тот же час ты пустил на ветер и нашу общую честь, честь товарищей...

Б о р о в с к и й. Я...

М а к с и м о в. Молчи!.. Ты гонялся за славой. Но она не живет рядом с эгоизмом и себялюбием. Этого ты не понял... И обманул себя... обманул нас... обманул родину....

Б о р о в с к и й. Борис!

М а к с и м о в. Да... обманул! Кончится война — с чем ты придешь к ней? Сможешь сказать: «Я чист перед тобой, родина?»

Боровский. Нет!

Максимов. Честно... но неверно!.. Сможешь! Если захочешь. Если вырвешь из себя свою мелкую гордость. Ты назвался нищим? Даже этим хочешь гордиться?! Тебе унизительно набирать утраченное по крохам. Хочешь, чтобы оно вернулось так же легко, как было нажито? Не выйдет! Только шаг за шагом и в поте лица... Мы все брали и берем с боя... Поймешь это — встанешь.

Боровский *(после паузы)*. Я понял, Борис... Но мне очень трудно...

Максимов. Знаю!.. Но ты солдат, Саша. А когда солдат боялся труда?

Боровский *(дрогнувшим голосом)*. Мне ничего не надо... Меня мучит одно — моя вина перед тобой... Если б...

Максимов *(перебивая)*. Брось! Между нами нет и не может быть личного. Мы были и останемся друзьями. В этом даю руку! *(Крепкое пожатие.)* И баста! Пора! *(Выпрямился.)* Товарищ Боровский! Предлагаю явиться к старшему лейтенанту Лишеву! Идите!

Боровский. Есть! *(Четкий поворот. Идет к трапу и спускается.)*

Максимов *(подходит к трапу вслед за ним, мгновение стоит, смотря в море, и потом полным голосом вниз)*. На кораблях!.. Заводить моторы, с швартовов сниматься!

Мгновенный резкий, как нарастающая фуга, рев заведенных моторов, и под эту боевую музыку Максимов медленно сходит по трапу.

Занавес

1945 г.

ГОЛОС АМЕРИКИ

Драма в четырех действиях, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Капитан Вальтер Кидд.
Миссис Кидд, его мать.
Синтия Кидд, его жена.
Мэрриель Кидд, его сестра.
Полковник Хаустон, командир полка.
Сержант Макдональд.
Сенатор Герберт Д. Уилер.
Эрл X. Скундрелл, уполномоченный комиссии по расследованию антиамериканской деятельности при конгрессе США.
О'Лири, директор предприятия «Организованная гарантия».
Брэстэд, постовой полисмен.
Перси С. Бутлер, жених Мэрриель Кидд.
Дороти, старуха мулатка, нянька в семье Киддов.
Салли, девушка из вспомогательного женского корпуса.
Паркинс.
Первый, Второй, Третий, Четвертый — солдаты 45-го Пенсакольского полка.
Ординарец.
Рядовые 45-го Пенсакольского полка.
Люди в масках.

Действия происходят: первое — в Европе в июне 1945 года, остальные — в Америке в 1948 году.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На усыпанной желтым песком площадке под цветущими каштанами расставлены четыре столика, за которыми на легких плетеных стульях сидят одиннадцать рядовых 45-го полка и сержант Макдональд. Справа площадка переходит в ступени широкой террасы перед фасадом уютной виллы в среднегерманском стиле. По обеим сторонам стеклянной двери виллы вьется плющ. Над дверью на кронштейне небольшой флаг США. Солдаты, видимо, провели порядочно времени за столиками. Они навеселе, и языки у них развязались. Они шумно разговаривают, заигрывают с Салли, сменяющей бутылки на столиках, и, отбивая ногами такт, поют песню.

Мы сорок пятого солдаты!
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
Мы превосходные ребята!
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
Дрибль-крибль, хэй-хо!
Дрались без страха мы с врагами!
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
И в Штатах все гордятся нами!
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
Дрибль-крибль, хэй-хо!

Паркинс. Стоп, парни!.. А ведь это даже неплохо, что нас осталось так мало от славной третьей роты. Всего дюжина, считая с сержантом. Когда я подумаю, сколько девок будет вешаться на шею каждому в каждом из сорока восьми штатов, меня заранее кидает в жар.

Первый солдат. У вас, Паркинс, только девки на уме. Провались они пропадом! Я о них и не думаю. Я думаю о том, как нас вообще будут принимать дома. Парады, фейерверки, цветы, оркестры, общее обожание!

Второй солдат. Вы так рассчитываете на обожание, Боб?

Первый солдат. А как же иначе? Мы первые герои Америки! Непобедимые чемпионы европейского чертова регби. Салли, детка, шлепните мне еще пойла.

Салли наполняет его кружку.

Спасибо!.. В конце концов, мы все же можем похвастаться, что мы единственная воинская часть, имевшая настоящий зверский бой. Остальные просто прокатились на джипах от океана до Эльбы!

Второй солдат. И все же не советую вам рассчитывать на продолжительность восхищения соотечественников... Хотите, я расскажу вам сказочку про моего отца? Он дрался в ту войну в составе знаменитого взвода лейтенанта Ферргюссона, который шесть суток удерживал ферму Ля-Бассе против целой дивизии немцев. Какой-то сумасшедший художник даже намалевал картину об этом происшествии стеклянными красками для окна церкви в Питсбурге... От взвода осталось еще меньше, чем от нашей роты. Лейтенант и три рядовых. На четверых у них было семь ног и шесть рук.

Четвертый солдат *(мрачно)*. Некомплектное армейское имущество.

Второй солдат. Вроде того... Из Европы их везли домой в каютах «люкс», чуть ли не укутанными в шелковую вату. Их таскали по Штатам в салон-вагоне президента. После встречи в Бирмингеме у них осталось семь глаз на четверых, потому что лейтенанту вышибли один букетом...

Четвертый солдат *(мрачно)*. Убийственный энтузиазм.

Второй солдат. Их поили и кормили так, что отец до гроба мучился кишечными коликами. Им навешали столько лавровых венков, что можно было открыть оптовую лавочку... Через месяц их демобилизовали, и они пошли околачивать пороги в поисках работы. Когда они козыряли своей боевой репутацией, им отвечали, что ферма Ля-Бассе не имеет значения в американской промышленности.

Паркинс *(значительно)*. И что же следует из вашей сказочки?

Второй солдат. То, что папаша наконец свернул оставшейся левой рукой петлю из старой вожжи и предоставил нам самостоятельно выкарабкиваться. То же будет и теперь!

Паркинс. Слушайте вы, плакучая ива! Я давно уже замечаю, что вы при всяком случае разводите панихиды... Эти песни с голоса красных мне надоели. Нажмите тормоза! А то как бы вам не охрипнуть.

Первый солдат. Паркинсу, видно, мало доходов от продажи немцам награбленного у немцев же. Ему хочется подработать еще на доносе.

Паркинс *(угрожающе)*. Что вы сказали?

Третий солдат. Эй, парни, бросьте эти мате-

рии. Поговорим о них дома, когда будем стоять в очередях за супом для безработных. Мы американская армия, а не Армия спасения. О чем спорить?.. Я вот просто свински радуюсь, что живу, дышу, пью и жру и все кости и мясо у меня на месте. А когда вспомню день атаки этого проклятого брода, который прославил нас, начинаю трястись, как в лихорадке. Страшное было дело!.. Как вы находите, сержант?

Макдональд. Я думаю, парни, у вас никогда не было повода упрекнуть меня в трусости, но в этот день мне казалось, что воздух превратился в стену из стали и свинца, которая прет нам навстречу... И в ней нет такой щелочки, куда могла бы проскочить даже мышь.

Третий солдат. Но мы все же проскочили.

Четвертый солдат *(мрачно)*. А остальных стенка придавила начисто!

Собравшая со столиков пустую посуду Салли несет ее на подносе к террасе. Но когда она проходит мимо Паркинса, тот ударом ноги снизу выбивает у нее поднос. Груда посуды со звоном летит на землю.

Первый солдат *(вскочив)*. Что за чертовщина?

Паркинс *(хохочет)*. Го-го-го! Небольшая бомбежка, но опасности нет! Противник уже отбомбился!

Салли. Скотина!.. Бандит!..

Паркинс. Но, потише... ротная тряпка!

Четвертый солдат *(мрачно)*. Хоть это не идет к торжественному дню, но меня тянет свернуть вам рожу на сторону, Паркинс!

Паркинс. Не горячитесь! Примите душ! *(Хватает кружку и выплескивает ее в лицо четвертому солдату.)*

Четвертый солдат *(неторопливо встает)*. Держитесь! *(Засучивает рукава.)*

Паркинс *(выхватывая нож)*. Давайте!.. Я обрежу вам уши и продам их голодающей немчуре.

Солдаты бросаются разнимать противников.

Макдональд. Паркинс! Нож в карман!.. Пять секунд сроку, или я всажу вам пулю в живот. Понятно?

Паркинс прячет нож.

Вот так! И после церемонии десять суток карцера.

Паркинс *(вызывающе)*. Осмелюсь спросить — за что?

М а к д о н а л ь д. Если вам не ясно, я попрошу капитана растолковать вам. Тогда вы не отделаетесь десятью сутками.

П а р к и н с. В карцер за эту шлюху?.. Черт вас возьми!

М а к д о н а л ь д. Еще пять суток за ругань. И если не замолчите, пойдете под суд за оскорбление старшего.

П а р к и н с. Не пугайте! У меня дядя — вице-президент «Американского легиона» в Дакоте. Вам придется иметь дело с ним.

Ч е т в е р т ы й с о л д а т *(мрачно)*. Каков дядя, таков и племянник.

Смех.

П а р к и н с. Можете скалить зубы! Недолго вам веселиться! В Америке вас подтянут, красная рвань! *(Плюнув, уходит.)*

В т о р о й с о л д а т *(втянув воздух носом)*. Замечаете, парни, что воздух стал чище?

Общий смех. Прислонившись к дереву, Салли плачет, закрыв лицо руками.

Т р е т и й с о л д а т. Салли, крошка! Что за фонтан брызжет из ваших глазок? Закройте кран!

С а л л и *(сквозь слезы, сердито)*. Подите в ад! Вам только бы ржать!

П е р в ы й с о л д а т. Не впадайте в панику, Салли. С вас не взыщут! Посуда немецкая!

С а л л и. Плевать я хотела на посуду! Стала бы я реветь из-за хлама!

П е р в ы й с о л д а т. А в чем дело?

С а л л и *(разъяренно)*. Вы, черти гладкие, разъедетесь по домам, к своим бабам. А я куда денусь с ребенком?

Ч е т в е р т ы й с о л д а т *(мрачно)*. Откуда у вас ребенок?

С а л л и. Подумаешь, вы не знаете! Что я стану делать? Родители прибьют меня и выставят за дверь.

В т о р о й с о л д а т. Прижмите отца ребенка.

С а л л и *(отчаянно)*. Прижмите! Вы прекрасно знаете, что Джим получил осколок в череп, когда шел рядом с вами в атаку... Или вы прикажете мне продать в музей его скелет?

Солдаты смеются.

Стыдно вам смеяться надо мной! Это к лицу такому хулигану, как Паркинс, а вы же хорошие ребята, и мы немало съели вместе соли на этой проклятой войне.

Смех стихает.

Второй солдат. Не сердитесь, Салли! Никто не хотел обидеть вас. Мы отлично знаем, что Паркинс заедает вас потому, что вы отшили его, когда он подкатывался к вам... Мы не дадим вас в обиду!

Солдаты снова затягивают песню.

Макдональд. Салли!
Салли *(хмуро)*. Что вам?
Макдональд. Подите сюда!

Салли нехотя подходит.

Быстрее, когда начальство зовет... И вытрите физиономию! Вы похожи на скалу, из которой Моисей извлекает источник.

Салли *(оробев)*. Слушаю, сержант! *(Вытирает слезы.)*

Макдональд. Достукались?.. Дьявол таскал вас, девчонок, на войну! Без вас не обошлось бы... Что же вы намерены делать теперь?

Салли. Не знаю... Мне нечего думать показываться домой. У моего отца такие кулаки, что он уложит меня с первого удара.

Макдональд. Плохо ваше дело!

Салли. Хоть камень на шею — да в воду!

Макдональд. Только попробуйте! Я достану вас со дна и спущу с вас шкуру так, как вашему отцу и не снилось... Не распускайте нюни! Влезли в армию, так и держитесь как солдат.

Салли. Но я же подохну с ребенком... без гроша...

Пауза.

Макдональд *(вынимает бумажник и берет Салли за руку)*. Растопырьте лапу! *(Разгибает пальцы Салли и кладет ей в ладонь бумажник.)* Вот вам, дурочка! С этим вы сможете продержаться некоторое время.

Салли *(отталкивает бумажник)*. Вы с ума сошли! С какой стати? Зачем я возьму ваши деньги?

Макдональд. Я накопил их за войну, а на какого черта — сам не знаю. Я один как перст, и мне ни

к чему. Я проживу со своей головой и руками. А у вас в голове ветер, а на руках в проекте малыш.

Салли. Нет, я не могу...

Макдональд *(вдруг свирепо)*. Взять без разговоров, не то я так стукну вас по башке, что в ней сразу прояснится... *(Очень мягко и ласково.)* Ну, Салли!

Салли *(ошеломленно)*. Спасибо, Мак! Какой вы добрый. А я всегда так боялась вас! Мне казалось...

Макдональд. Хватит точить язык! Бегите и положите ваш капитал в банк Моргана... Марш!

Салли уходит в виллу. Сквозь песню солдат прорывается чья-то фраза: «...Я вам говорю, что без русских мы скрипели бы еще пять лет».

Первый солдат. Забавные парни эти русские! Чудаки!.. Совершенно не ценят денег. Когда мы встретились с ними на берегу, я попросил одного русского продать мне на память звездочку с пилотки. Показываю ему на звездочку и сую доллар. Что же вы думаете?.. Он полез в сумку, вытащил картонку, на которой эти звездочки были нашиты, как пуговицы, и сунул мне. А потом показал рукой на наших ребят, которые были вместе со мной, и жестами объяснил, что я должен раздать их всем. И начисто отказался от денег. Тиснул мне лапу, засмеялся и сказал: «Гитлер капут, капитал капут...»

Второй солдат. И вы роздали?

Первый солдат. За кого вы меня принимаете? За дурака?.. Я распродал эти звездочки тыловым офицерикам, сынкам богачей. Болваны платили по двадцать пять долларов за штуку. Продолжай мы встречаться с русскими, я заработал бы на этих подарках хороший куш.

Третий солдат. Да, русские чудной, но славный народ.

Второй солдат. Скажите, Мак, почему нас так быстро развели с русскими? Нам очень хотелось узнать их ближе. Мы надеялись подружиться и поближе узнать людей, которые так трепали немцев. А вместо этого нас засадили в карантин, как вшивых иммигрантов на Лонг-Айленде...

Макдональд. Приказ командования.

Второй солдат. Но какой в нем смысл?

Макдональд. Не доискивайтесь смысла в приказах. Это почти всегда вредно для солдатского здоровья. Приказы исполняются — и все!

Четвертый солдат *(мрачно)*. Наверно, у русских чума.

Макдональд. Это почти точная догадка, и на этом кончим.

Первый солдат. А наш капитан родился в сорочке. Получает сразу два ордена: наш и русский.

Третий солдат. Какая ему радость в русском ордене?

Первый солдат. Не скажите!.. Я слыхал, что русские дают к ордену ферму, несколько акров земли в любом месте страны, автомобиль и пожизненную пенсию.

Третий солдат. Враки!.. У русских не полагается собственных ферм и земли. А орден у них большая честь для человека. Говорят...

Макдональд. Парни! Прекратить лишние толки!

Четвертый солдат *(мрачно)*. Как говорится на похоронах, выпьем и помолчим. Ваше здоровье, сержант!

На террасу выходит Кидд. На нем форма капитана пехоты США. Ему лет тридцать, он высок, худощав. Из-под пилотки выбивается на лоб прядка волос бронзового оттенка. Моложавое волевое лицо и чудесная, открытая, белозубая улыбка.

Кидд. С хорошим днем, люди!

Солдаты. С хорошим днем, сэр!

Кидд. Макдональд!

Макдональд. Слушаю, сэр!

Кидд. Все налицо?

Макдональд. Да, сэр! Собрать нашу роту в ее теперешнем составе не представляет особого затруднения, сэр. Это имеет положительную сторону.

Кидд. Какую?

Макдональд. В торжественных случаях интендантские мулы выписывают по инерции угощение на роту штатного состава, а угощается дюжина.

Кидд. Вас хорошо угощали?

Макдональд. Отлично!.. Извольте взглянуть, сэр!

Кидд. Вижу!.. Только я предпочел бы, чтобы угощение состоялось после церемонии. Опасаюсь, что некоторые не смогут достаточно твердо стоять в строю.

Четвертый солдат *(мрачно)*. Мы, сэр, будем

недвижимы, как дубы Национального парка. Мы не подведем вас.

Кидд. Хорошо!.. Я не вижу Паркинса! Где он?

Первый солдат. Он пошел проветриться. *(Кричит.)* Хэлло, Паркинс! К капитану!

Паркинс выходит из-за деревьев.

Кидд. Мак, распорядитесь уборкой столов. Сейчас выйдет полковник!

Макдональд. Ребята! За работу!

Солдаты поднимают столик и стулья и уносят в глубь сада, распевая.

Со славой мы пришли к победе.
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
Любая нас полюбит леди!
Дадли-падли, тирлири-бири, ол-лохо!
Дрибль-крибль, хэй-хо!

Кидд. Паркинс!.. На вас новая жалоба. Вы опять вломились с оружием в немецкий дом и очистили платяные шкафы.

Паркинс. Я, сэр...

Кидд. Молчать! Если я еще услышу что-нибудь подобное, вы будете отправлены в Штаты в гробу с этикеткой «мародер». Сегодня к вечеру верните все, что взяли... Кругом марш!

Паркинс поворачивается и отходит. Кидд взглядывает на часы и уходит в дом. Солдаты, убрав столики и стулья, возвращаются и группируются кучкой под каштанами. На террасу выходит Уилер. Он в генеральской форме, небольшого роста, очень тучный. Бурачного цвета щеки свисают на воротник. Выражение свирепо-брюзгливое. В зубах трубка. Заложив руки в карманы, он останавливается у края террасы, раскачиваясь на столбообразных ногах.

Уилер. Мерзкая страна! Отвратительная страна! Предстоит много работы, чтобы сделать ее похожей на Америку. Хваленая немецкая организованность — блеф! Эрзацы в промышленности, эрзацы в политике, плохое пиво! Дешевка! Придется помочь им встать на ноги и усвоить трезвый образ мыслей... Дрянная страна! Наглый обман!.. Как они хвастались, что в два месяца покончат с русскими. И мы имели неосторожность поверить этой болтовне... Наглое шарлатанство! Они за это поплатятся! Мы заставим их заплатить. Из-за них придется начинать все сначала! Мерзость! *(Шагает по террасе, продол-*

жая бурчать и не обращая внимания на солдат, с интересом разглядывающих его.)

Первый солдат. Что это за гнилой пузырь?

Четвертый солдат *(мрачно)*. Дыня, фаршированная дерьмом!

Третий солдат. Парни! Я его знаю... Это мой сенатор, мистер Уилер.

Второй солдат. Ваш сенатор? Вы такой важный босс, что имеете собственного сенатора?

Третий солдат. Дерево! Он сенатор нашего штата. Из Алабамы... Но какого черта он напялил генеральский мундир? Он в жизни не имел отношения к армии. Он глава южных демократов, председатель разных компаний и, пожалуй, один из крупнейших жуликов Америки.

Макдональд. Убавьте голос! Вы слишком орете!

Четвертый солдат *(мрачно)*. У него уши заплыли жиром.

Из дома снова выходит Кидд и сходит с террасы, на ходу натягивая перчатки. Козыряет Уилеру, тот отвечает небрежным кивком.

Первый солдат. Глядите, он еще не научился отдавать честь.

Второй солдат. Трудно отдавать то, чего не имеешь.

Кидд. Макдональд! Построить роту!

Макдональд. В строй!

Солдаты строятся шеренгой.

Равняйсь! Смирно!.. Рота построена, сэр! *(Становится на правый фланг.)*

На террасу выходит Хаустон, сопровождаемый ординарцем. Кидд идет ему навстречу.

Кидд *(рапортует)*. Сэр! Личный состав третьей роты построен для церемонии вручения наград!

Хаустон и Кидд берут под козырек. Уилер по-прежнему стоит раскачиваясь, не вынув рук из карманов и трубки из зубов. Окончив рапорт, Кидд становится перед фронтом солдат.

Хаустон *(сойдя с террасы)*. Солдаты! Объявляю приказ президента! По представлению командования армии Соединенных Штатов в Европе президент прика-

зал наградить военными медалями одиннадцать рядовых третьей роты сорок пятого Пенсакольского полка за доблестную атаку брода на реке Ним, где рота ликвидировала прорыв противника, угрожавший развитию успеха операции «Оверлорд», и, понеся тяжкие потери, отбросила врага... Ура президенту!

Солдаты. Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!

Хаустон. Справа по одному ко мне!

Солдаты поочередно подходят к Хаустону, который раздает им медали из коробки, поданной ординарцем. Получив медаль, каждый солдат возвращается в строй.

Сержант Макдональд за тот же бой награждается военным крестом третьего класса. *(Вручает орден Макдональду.)* Капитан Кидд за тот же бой — военным крестом первого класса, и, кроме того, командование союзной русской армии, осведомленное о его подвиге, вручает капитану Кидду русский орден Красного Знамени... Ура капитану!

Солдаты *(дружно)*. Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!

Хаустон прикалывает к куртке Кидда оба ордена и жмет ему руку.

Кидд. Благодарю, сэр!

Хаустон. Как командир сорок пятого горжусь вами и уверен, что всегда и везде вы будете хорошими солдатами. Поздравляю вас, люди! Кидд, можете распустить роту!

Прежде чем Кидд подаст команду, Уилер делает шаг к краю террасы.

Уилер. Минуту, полковник!

Хаустон. Да, сэр!

Уилер. Я скажу парням несколько слов.

Хаустон. Прошу вас, сэр!

Уилер *(навалившись животом на перила)*. Американцы! Поздравляю вас от имени нашего старого сената!.. Мы свернули голову немцам!.. В Европе будут восстановлены законность и порядок. Ни фашисты, ни коммунисты не смогут больше угнетать народы! Об этом позаботимся мы!.. Отныне на всем земном шаре нигде и ничто не будет совершаться без нашего ведома и согласия. Мы имеем на это право потому, что американский образ жизни самый разумный в мире...

Из дома выбегает Салли.

Салли *(Хаустону)*. Сэр, вас на провод! Главный штаб! *(Скрывается.)*

Хаустон уходит с ординарцем.

Уилер. Мы победили с помощью англичан. Но мы победили бы и без них, потому что у нас больше денег и лучшая армия. Мы переучим и англичан по нашему образцу... Вам, солдаты, скоро придется вернуться в Штаты. Запомните, что это было бы гораздо раньше и мы победили бы скорее, если б человек, сидевший в Белом доме, и его либеральные советники не душили деловых людей несправедливыми налогами и не потакали бы красным профсоюзным бунтовщикам, которые мешали воевать, в то время как вы отдавали жизни за Америку.

Кидд поворачивается к Уилеру и с удивлением смотрит на него.

Солдаты, не забывайте об этом! Расправляйтесь дома с изменниками, получившими приказы из Москвы. Нам, американцам, предназначено спасти землю от коммунизма. Мы выполним это дело!.. Мы сломаем железный занавес, опущенный коммунистами над Восточной Европой. Мы должны немедленно готовиться к войне с русскими. Они главные враги Америки, и мы уничтожим их... Мы...

По шеренге солдат проходит движение. На лицах недоумение. Кидд делает шаг вперед.

Кидд. Прошу прощения, сэр!

Уилер. Что такое!.. Почему вы перебиваете меня?

Кидд *(солдатам)*. Напра-во! Шагом... марш!.. Сержант Макдональд, ведите людей на занятия!

Макдональд. Слушаю, сэр!

Макдональд уводит солдат.

Уилер *(наливаясь кровью)*. Что это значит?

Кидд. Очень досадно, сэр, но сейчас уже десять сорок пять, а в одиннадцать ноль-ноль у роты учебные занятия. Как вам известно, армия еще на боевом положении, а генерал Брэдли — человек неприятного характера и требует неуклонного исполнения расписания... Я в отчаянии, что мои люди не смогли дослушать вас, но если вы продолжите для меня, я охотно перескажу им.

Уилер *(захлебнувшись яростью)*. Вот как? Я вижу, вы очень ревностный к службе офицер. Я вижу, чем

вы дышите и какой дух внушаете вашим солдатам... Я позабочусь о вашей дальнейшей карьере. К сожалению, я не могу тратить время на вас одного, хотя вам было бы очень полезно послушать до конца... Но я утешаю себя надеждой, что мы еще встретимся.

Кидд. Представьте, сэр, я тоже надеюсь на это.

Уилер. Безусловно! До встречи, капитан! *(Стремительно уходит в дом.)*

Кидд *(разражается беззаботным ребяческим хохотом)*. Ой-ой-ой! Кажется, я насквозь прошпиговал его тухлое сало... Но разве можно было позволить людям слушать ослиный рев... Русские — наш главный враг?! У него мозги завернулись! *(Закуривает.)*

Хаустон *(поспешно выходит из дома)*. Что вы натворили, Кидд?

Кидд. А что?

Хаустон. Сенатор промчался через дом, как бешеный слон. Он рычал на ходу: «Ваш полк заражен коммунизмом, ваш капитан красный!.. Я вырву с корнем эту заразу!..» — и исчез с быстротой ракеты. Какую штуку вы выкинули?

Кидд. Когда вас вызвали на провод, сэр, он заявил солдатам, что мы должны немедленно готовиться к войне с русскими.

Хаустон. Идиот!

Кидд. Я просто обомлел, сэр, и прикончил его болтовню, приказав Макдональду увести людей под предлогом неотложных учебных занятий... Уилер взбеленился и...

Хаустон. Но как же вы осмелились?

Кидд. Что же мне было делать, сэр? Он нарушил приказ, воспрещающий враждебную союзникам пропаганду среди солдат. Я не мог допустить этого, особенно после того, как только что на глазах солдат получил из ваших рук награду, данную мне русскими... Призывать к войне с ними мог только идиот, как вы сами сказали.

Хаустон. Он идиот, потому что сейчас не время разглагольствовать об этом прямолинейно. Солдаты еще во власти роковых иллюзий военного периода, и нужно обрабатывать их головы в этом направлении постепенно и осторожно.

Кидд. Боюсь, что я не совсем понимаю, сэр... в каком направлении? В направлении войны с русскими?

Хаустон. Да... Что вы пялите на меня глаза?

К и д д. Я удивлен, сэр! По какому поводу нам воевать с русскими? Я полагал, что теперь, после нашей общей победы, наш союз и наша дружба с русскими будут крепнуть.

Х а у с т о н. Чем вы занимались до войны? Ваша профессия?

К и д д. Я археолог, сэр.

Х а у с т о н. Тогда понятно! Возня со старой рухлядью наложила явственный отпечаток на ваши умственные способности. У вас допотопные мысли.

К и д д. Почему, сэр?

Х а у с т о н. Вы что же думаете? Что мы вели эту войну на стороне русских потому, что питаем нежную любовь и чрезвычайные симпатии к их политическому строю и взглядам?

К и д д. Нет, сэр! Но я полагаю, что нас объединяла идея защиты демократии против фашизма.

Х а у с т о н. Однако вы не многим умнее Уилера, только в другую сторону... Вздор! Мы стали на сторону русских потому, что расценивали Германию как более опасного соперника на мировой арене. Мы рассчитывали, что в драке Германия и Россия взаимно истощат друг друга и свалятся нам в руки обе, как яблоки с дерева. К сожалению, наши предположения не оправдались. Россия вышла из войны мощнее, чем была... И в мире нет более грозной силы сегодня.

К и д д. Я, должно быть, действительно бестолков, сэр. Неужели мы недостаточно сильны, чтобы никого не бояться? Нашу силу знают все, в том числе и русские... И почему они могут стать нашими врагами? Раз покончено с фашизмом, что может нас поссорить?

Х а у с т о н. Щенок!.. Мы кончили не с фашизмом, а с германской империей, которая стояла нам на дороге. Фашизм внес немало ценного в структуру современного государства, и нам придется перенять у него многое для укрепления наших позиций и спасения Америки.

К и д д. Я не думаю, чтобы Америка нуждалась в этом, сэр. Ей нужно другое.

Х а у с т о н. Что?

К и д д. Честная и добросовестная демократия наших предков, сэр. Мы знаем, что наша страна не идеал.

Х а у с т о н. Кто «мы»? Говорите в единственном числе. Я доволен Америкой. И не мое дело критиковать.

К и д д. Мы оба американцы, сэр. И все, что касает-

ся чести Америки,— наше дело... А такие субъекты, как Уилер, бесчестят Америку... Вы ведь знаете, что даже в среде мошенников он один из самых гнусных.

Х а у с т о н. Боже мой!.. Вы были отличным боевым офицером, Кидд, но вы абсолютный чурбан в политике.

К и д д. Вполне вероятно, сэр. Я никогда не занимался серьезной политикой.

Х а у с т о н. И лучше не пытайтесь. Иначе вы плохо кончите.

К и д д. Но скажите по совести, сэр, неужели вам нравится порядок, при котором наверх вылезают уилеры?

Х а у с т о н. Это не мое дело! Я солдат!

К и д д. Я тоже, сэр! И вы не откажетесь признать, что я честный солдат. Поэтому я не позволю Уилеру поносить честных солдат и верных союзников — русских.

Х а у с т о н. Вы опять о русских?! А вы знаете, зачем меня вызывали сейчас на провод?

К и д д. Нет, сэр.

Х а у с т о н. Директива привести части в полную боевую готовность. Управление стратегических служб сообщает, что русские накапливают на том берегу в огромных количествах танки и авиацию.

К и д д. Чепуха, сэр!.. Вы знаете, что это УСС имеет более популярное обозначение: не управление стратегических служб, а управление сумасшедших сплетен.

Х а у с т о н. Возможно!.. *(Пауза.)* Ну, а если бы это оказалось правдой? Если бы русские, нарушив союзные обязательства, внезапно обрушились на нас?

К и д д. Я не верю в это, сэр! Я знаю русских только понаслышке, но уверен, что в их характере нет вероломства и подлости. Они честно и вовремя выполняли все свои обещания, в то время как мы...

Х а у с т о н. Я спрашиваю вас не о психологии русских... Если бы вопреки рассудку и логике это все же случилось бы, что стали бы вы делать, Кидд?

К и д д *(решительно)*. Если бы стала возможной такая черная измена, я дрался бы против русских, как дрался против немцев. Я американец!

Х а у с т о н. Благодарение богу! Я вижу, что вы юродивый, но не красный. Это уже лучше... *(Пауза.)* Скажите, вам хочется в Америку?

К и д д *(возбужденно)*. Я каждую ночь вижу во сне Америку... мой дом... жену... Ведь я женился за два меся-

ца до войны и лишь два раза был в отпуску. По две недели... это очень мало...

Х а у с т о н. Да, не много!.. Но вы можете немедленно и навсегда уехать в Америку.

К и д д. Каким образом, сэр?

Х а у с т о н. Давайте напрямик! Ваши понятия не соответствуют сегодняшним задачам нашей политики. Поэтому вам лучше своевременно покинуть мой полк. Я не хочу попадать в историю из-за вас.

К и д д. Благодарю за откровенность, сэр!

Х а у с т о н. Вчера генерал Вулдридж спрашивал меня, могу ли я рекомендовать ему знающего офицера. Он получил задачу реорганизовать оборону нашего Атлантического побережья на основе опыта войны. Я подумал о вас. Но вчера я еще не назвал вас. Сегодня я убедился, что вам следует принять такое предложение. Вам лучше убраться не только из полка, но и из Европы. Здешний климат вызывает у вас злокачественную мозговую лихорадку. А чистый океанский ветер на наших берегах остудит вам голову. И генерал Вулдридж умеет внушать правильные мысли. Советую согласиться!

К и д д. Советуете или приказываете, сэр?

Х а у с т о н. И то и другое!

К и д д. Видите ли, сэр, мне очень хочется попасть в Америку, но я хотел бы вернуться одновременно с моими солдатами. Я сжился с ними, и мне грустно разлучаться...

Х а у с т о н. Вам лучше уехать скорей. Если вы вляпаетесь в историю, подобную сегодняшней, за вас возьмутся всерьез. А тогда не рассчитывайте на меня. Мне дорога моя собственная шкура и не по нутру ваши нелепые идеи... Итак?

К и д д. Я дам ответ вечером, сэр!

Х а у с т он. Хорошо!.. До вечера! *(Уходит.)*

К и д д *(в раздумье подходит к каштану, рассеянно срывает цветок и задумчиво вертит в пальцах. Потом достает из кармана бумажник и вынимает фотокарточку)*. Что вы скажете на это, моя любовь?! Я очень хочу скорее увидеть вас... Мне кажется, вы одобряете?.. Спасибо, Синтия! Я привезу вам в подарок этот цветок. Он распустился на земле, выжженной металлом и политой американской кровью, которая, я верю, пролилась все же не напрасно. *(Кладет цветок и карточку в бумажник.)*

Входит М а к д о н а л ь д.

М а к д о н а л ь д. Приказ исполнен, сэр. Люди в казарме!

К и д д. Благодарю вас, Мак!

М а к д о н а л ь д. Не могу умолчать, сэр, что парни в телячьем восторге от плюхи, которую вы закатили сенатору. Они хохочут как резаные!

К и д д. Прекрасно!

М а к д о н а л ь д. Не совсем прекрасно, сэр... Нашлась паршивая флейта, которая портит оркестр.

К и д д. Да?.. Кто же?

М а к д о н а л ь д. Паркинс, сэр! Он при всех ребятах назвал вас агентом красных и грозился, что сведет с вами счеты в контрразведке.

К и д д. И что же?

М а к д о н а л ь д. Я думаю, сэр, что он, по крайней мере, в течение недели не сможет добраться до контрразведки. Его немного помяли, сэр, и я не успел удержать ребят.

К и д д. Печальное происшествие для вашего авторитета, Мак!

М а к д о н а л ь д. Что же делать, сэр?

К и д д. Скажите, Мак: если бы вам предложили завтра вернуться в Америку, как бы вы к этому отнеслись?

М а к д о н а л ь д. Я?.. Если бы мне сказали, что для этого я должен переплыть нагишом океан на водяных лыжах, я — прошу извинения, сэр,— я сразу стал бы снимать штаны, даже в вашем присутствии.

К и д д. И расстались бы с боевыми друзьями?

М а к д о н а л ь д. Что же, сэр!.. В конце концов, жизнь построена на расставаниях.

К и д д. Вы философ, Мак! Последую вашему принципу.

М а к д о н а л ь д *(ошеломлен)*. Вы, сэр?.. Вы оставите свою роту?

К и д д. Но вы же сами сказали, что жизнь...

М а к д о н а л ь д. Простите, сэр, но я не имел в виду вас и нашу роту.

К и д д. Вы еще и хитрец, Мак... Но я хочу утешить вас тем, что жизнь, кроме расставаний, построена и на встречах... Всех нас свела в войне случайность, а сблизила хорошая солдатская дружба. Нам не вычеркнуть из наших сердец эти незабываемые годы. Расставаясь, мы должны хотеть встретиться... Как братья! Где бы я ни был, знайте, Мак, что у вас и у остальных наших ребят

есть брат. Вы не смеете забывать меня! Когда вам будет трудно, приходите в мой дом. И если даже мне самому будет трудно, я сделаю все, чтобы вам стало легче. И уверен, что каждый из вас сделает то же для меня... Дайте на этом руку, Мак!

М а к д о н а л ь д. Охотно, сэр!

Крепкое мужское рукопожатие,

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Веранда в доме Киддов, служащая летней столовой. Она в стиле старых гациенд американского Юга. За ее аркадами, опирающимися на витые мавританские колонки, зеленеют деревья сада, сквозь просветы которых сверкает море. Небо тяжелое, знойное. Блики солнца дрожат в хрустале и серебре на столе, накрытом для парадного обеда. В вазах цветы. Д о р о т и, в клетчатом платье с передником, в наколке на голове, раскладывает салфетки у приборов. На перилах веранды, прислонившись к колонке и свесив ноги в сад, сидит С и н т и я в легком спортивном платье. Рядом с ней К и д д. Он стоит за верандой, и видна только его голова. Опершись подбородком на колени Синтии, он снизу смотрит ей в лицо. Она гладит его волосы.

К и д д. Прошло два года с моего возвращения, и я все еще не могу насмотреться на вас, не могу привыкнуть к вашему лицу. Каждый день мне открываются в нем новые милые черточки, которых я не замечал до сих пор.

С и н т и я. Это очень радует меня, Кидд. Я хотела бы всегда быть новой для вас, чтобы вы никогда не смогли привыкнуть ко мне.

К и д д. Ведь семь лет назад, после нашей свадьбы, нам так мало пришлось быть вместе, что я даже не успел как следует полюбить вас.

С и н т и я. Что вы говорите, милый? Вот это меня огорчает. Я всегда думала, что еще до свадьбы вы уже любили меня по-настоящему.

К и д д. Конечно, я сказал глупость... Мои слова нужно понимать в том смысле, что я не успел как следует узнать вас.

С и н т и я. А сейчас вы меня знаете? Вы в этом уверены?

Кидд *(целует ей руку)*. Уверен! Вполне!

Дороти *(кончает укладку салфеток и, сложив руки на груди, умиленно смотрит на Синтию и Кидда)*. Боже мой! Душа радуется смотреть на мою милую парочку. Всё воркуют, как голубки. *(Уходит в дом.)*

Синтия *(сжимает ладонями лицо Кидда)*. Мой ненаглядный Кидд! Я очень... очень люблю вас. Как хорошо, что вы мой!

Кидд. А почему вы говорите это с такой странной грустью? И почему ваши глаза затянулись влажным облачком? *(Тревожно.)* Синтия!.. Слезы?.. Родная, что с вами? В такой счастливый день? В годовщину нашей свадьбы?

Синтия. Простите, мне взгрустнулось.

Кидд. Отчего? Разве вы не счастливы, дорогая?

Синтия. Вы не рассердитесь, если я скажу правду?

Кидд. Конечно, нет!

Синтия. Я счастлива, Кидд, но не вполне. Я боюсь. Я боюсь будущего.

Кидд. Вы фантазерка, дорогая! Боитесь будущего? Я понимаю, это было естественно в дни войны, когда вы ждали меня и жили в постоянной тревоге за меня... Но сейчас! У вас нет никаких оснований для страха... Наш дом — полная чаша счастья и благополучия. Мне не грозят ни банкротство, ни кризис. Я не делец, зависящий от капризов судьбы. Я завоевал свое место в жизни. Бури проходят мимо, не задевая меня, и я стою прочно, как старый вяз, который посадил мой дед вон там, у пруда. Его корни глубоко в нашей земле, и когда ураган валит другие деревья, он лишь слегка пошатывается.

Синтия. Но все же пошатывается... Значит, и вы...

Кидд *(беспечно)*. Бывает!.. О, но это не должно вас тревожить... Я честно служу Америке и имею свой кусок хлеба...

Синтия. О, я не этого боюсь, Кидд. Вы говорите о материальных лишениях? Это такой вздор, о котором я стыдилась бы думать... Меня страшит другое. Я боюсь, что вас могут отнять у меня.

Кидд *(шутливо)*. Кто же посмеет?

Синтия. Вы сейчас вспомнили о войне... Да, тогда я не знала покоя и не было минуты, когда я не молилась бы за вас. Но вы вернулись и сказали, что это навсегда, что с войной покончено. Почему же снова все чаще звучит это отвратительное слово?.. Неужели опять?.. Нет! Я не хочу отдавать... я не отдам вас войне!

К и д д. Что с вами? Зачем эти мысли? Успокойтесь! Через месяц я получу отпуск. Мы уедем в горы, в тихий, заброшенный уголок, где мы будем только вдвоем. Будем жить в палатке у ручья, ловить форелей, по ночам смотреть на огромные близкие звезды. Там я буду носить вас на руках.

С и н т и я. Я верю вам, мой муж, но мне как раз не хочется этого.

К и д д. Я не понимаю вас.

С и н т и я. Не сердитесь!.. Я рада каждому проявлению вашей любви. Я знаю, что у вас сильные мужские руки. Знаю, что они могут пронести меня даже сквозь ад так, что ни один язык адского пламени не коснется краешка моего платья... Но я не хочу быть бессильной и слабой в нашей любви и дружбе. Не хочу, чтобы вы любили, нежили и баюкали меня, как очень дорогую для вас, но все-таки игрушку.

К и д д. Вы не игрушка, Синтия! Вы моя драгоценность!

С и н т и я. Но драгоценность — тоже игрушка, Кидд. А я хочу быть вам другом, товарищем, человеком. Это не принято у нас в Америке. Но я этого хочу. В семье меня всегда считали взбалмошной. Уродом среди «приличных» детей. Я хотела жить по-своему и делала все наоборот.

К и д д. За это я и полюбил вас.

С и н т и я. Да!.. Вы говорили мне, что я слишком много думаю для обыкновенной американской девушки. И я не избавилась от этого недостатка.

К и д д *(с улыбкой)*. О чем же вы думаете?

С и н т и я. Вы смеетесь? А это не смешно. Я рада, что впервые за два года вы спросили, о чем я думаю.

К и д д *(обиженно)*. Синтия!

С и н т и я. Я не упрекаю вас, дорогой. Обычай требует, чтобы в семье за всех думал мужчина. А мне так хочется, чтобы мы думали вместе и вы помогали бы мне думать... Я думаю, как мне сберечь наше счастье, наш милый старый дом, нашу радость и покой, которые я стараюсь создать для вас моими слабыми руками. Как защитить его от черной тени войны?

К и д д. Да откуда у вас эта смешная тревога?

С и н т и я. Но этим полны газеты. В каждом доме только и слышишь, что война близко, что русские угрожают Америке.

К и д д. Вздор, вздор! Трижды вздор! Русские —

мирные люди и не угрожают никому. Они, так же как мы, простые американцы, хотят жить в мире со всеми. Но в Америке есть грязные люди, для которых война дело наживы. Они хотят превратить Америку в пугало для других народов. И в первую очередь для русских.

Синтия. Но почему? Что им сделали русские?

Кидд. Ничего!.. Но Россия — очень богатая страна. Наши дельцы не прочь поживиться за ее счет. Но Россия и очень сильная страна. Сильная и оружием и большими идеями о мире и счастье для всех людей. Наши дельцы знают, что именно Россия может сломать им шею. И они раздувают панический страх перед «красной» опасностью. Они стараются вызвать у американцев ненависть к русским.

Синтия. Но это подло, Кидд!

Кидд. В политике нет этого слова, дорогая!

Синтия. И вы можете это терпеть?

Кидд. Мне с каждым днем противней слушать назойливое и глупое вранье. Когда я уезжал с фронта в Америку, мой полковой командир советовал мне не заниматься политикой, потому что это плохо кончится для меня. Я старался следовать этому совету, но это все трудней и трудней. Так же трудно, как выплыть из водоворота. И я думаю, что это действительно может плохо кончиться.

Синтия. Спасибо, что вы сказали мне, Кидд. Всегда говорите мне все. Я все хочу знать, мой дорогой.

Кидд. Охотно!.. Но сейчас оставим серьезные разговоры. Взгляните — какой день! Он похож на тот, в который вы впервые сказали мне слова любви... Помните, мы тогда ушли от всех, сидели на берегу и пели простую песенку. Вы не забыли ее?

Синтия *(улыбаясь)*. О нет!.. Разве ее можно забыть? *(Начинает напевать.)*

Мятой и имбирем
Пахнет весенний луг.
В воздухе золотом
Носится майский жук.

Кидд подхватывает, и они напевают вдвоем.

Ласковым огоньком
Наша зажглась звезда.
Нам хорошо вдвоем —
Это любовь навсегда!
Это любовь навсегда!

(Повторяет.) Это любовь навсегда!.. Я так счастлива, Кидд! И в наш радостный день я хочу принести вам клятву. *(Поднимает руку и медленно говорит.)* Я клянусь вам, мой любимый человек, мой муж, в том, что если наша звезда закроется тучами, если горе войдет под наш кров, я всегда и везде буду с вами, согрею вас всем теплом моего сердца, я помогу вам перенести все испытания, как бы они ни были тяжелы, и я никогда, никогда не покину вас.

Кидд *(взволнованно)*. Синтия!

Синтия. Да, мой Кидд! Обещаю вам это!

Кидд. С этой минуты вы еще дороже мне, если это только возможно. Я надеюсь, что горе будет ходить мимо нашего дома, не заглядывая в его окна, но принимаю вашу присягу... А теперь я все-таки возьму вас на руки и унесу в сад. Мы нарвем еще цветов. Я нахожу, что на столе их мало для свадебного пира... Гопля!..

Кидд расставляет руки, и Синтия прыгает в его объятия. Слышно, как они со смехом бегут в глубь сада. На веранду выходят миссис Кидд и Дороти.

Миссис Кидд. Где же они?

Дороти. Только что были тут, мэм! Женушка капитана сидела вон там, а он стоял в саду и любовался на нее. У него было такое лицо, как в детстве, когда ваш покойный супруг, мэм, открывал дверь в комнату, где стоит дерево Санта-Клауса.

Миссис Кидд. Наверное, они ушли в сад. Пусть погуляют. Это их день! У вас все готово, Дороти?

Дороти. Да, мэм! Только должны еще прислать паштет от Митчелла.

Миссис Кидд. Присмотрите, чтобы все было в порядке. Ведь сегодня двойное торжество. Мэрриель тоже нашла свое счастье и скоро улетит из нашего гнезда. Девушке не так легко найти мужа, особенно хорошего. А мистер Бутлер — очень приличный молодой джентльмен с прекрасным будущим.

Дороти. Если мэм позволит старой няньке ее детей сказать слово, то я ждала лучшего для сестры нашего капитана.

Миссис Кидд. Вы говорите вздор, Дороти! Чем плох мистер Бутлер?

Дороти. Мистер Бутлер — недобрый человек. У мистера Бутлера вместо сердца та машинка, которая стоит на столе у капитана и сама делает сложение и вычита-

ние. Дай бог, чтобы крошка Мэрриель не проливала слез из-за этого человека. Его душу делал плохой столяр. Мистер Бутлер может думать только о кошельке.

М и с с и с К и д д. Это не так плохо. Он должен заботиться о своей семье. Теперь молодые люди стали иными, чем в наше время. Жизнь труднее, и больше забот. Нужно думать о заработке.

Д о р о т и. Покойный мистер Кидд, мэм, тоже много думал, как заработать, чтобы мэм и детям жилось хорошо. Но он любил своих близких и умел говорить о любви.

М и с с и с К и д д. Довольно болтовни, Дороти! Займитесь делом и позвоните к Митчеллу, чтобы они не запоздали с паштетом.

Д о р о т и. Дороти займется делом, но Дороти и говорит дело. Я старая. Я очень много видела и умею рассмотреть, что у человека внутри, хотя бы он носил одежду из шкуры бегемота. *(Уходит.)*

М и с с и с К и д д *(подойдя к краю веранды)*. Вальтер! Синтия! Идите сюда!

Голос Кидда: «Идем, мама!»

За этих я спокойна... Но что говорила Дороти о Бутлере?.. Чем он так плох? Сух, расчетлив, грубоват, но таковы они все сейчас. Вальтер находит, что он круглый дурак, но, боже мой, откуда же набраться умных для всех девушек на возрасте?

Из сада подымаются на веранду С и н т и я и К и д д. Кидд в летней форме из белой фланели, с нарукавным знаком береговой обороны США, в руках у него цветы.

К и д д. Вот и мы, мама!

М и с с и с К и д д. Куда же вы убежали, проказники? Скоро приедут гости и будем садиться за стол.

Синтия вставляет в вазы принесенные цветы.

К и д д. Гости?.. Какие гости? Кажется, мама, мы условились, что сегодня за столом не будет никого, кроме своих. Я не желаю чужих в мой день!

М и с с и с К и д д. Но это день и вашей сестры, мальчик! И Перси просил разрешения приехать со своим новым патроном. Он стал работать у него всего неделю назад, и хозяин был так любезен, что захотел лично поздравить Мэрриель. Она очень польщена таким вниманием.

Важный джентльмен, сенатор, богач бросает все свои дела и едет из Вашингтона, чтобы оказать честь...

Кидд. Черт бы его взял с его честью и важностью. Но раз уж он едет, ничего не поделаешь... Синтия! Пройдите, дорогая, в вашу комнату. Вы найдете на столе маленький сюрприз.

Синтия. Иду, Кидд! *(Уходит.)*

Кидд. Я хотел бы, чтобы Мэрриель не распоряжалась в моем доме. Я вкладываю в него все, что имею, и это мой дом. Дом моего отца! И мне не так легко!

Миссис Кидд. Не сердитесь, Вальтер!

Кидд. Отец трудился всю жизнь и оставил нам кое-что. Но этого не хватит на век, и вы знаете это, мама. Я делаю все, чтобы Мэрриель могла жить как подобает дочери Ричарда Кидда. И я вправе требовать, чтобы она хоть уважала мои желания и привычки. Когда у нее будет свой дом, она сможет по своему усмотрению приглашать таких же кретинов, как ее будущий повелитель.

Миссис Кидд. Извините ее, Вальтер. Девочка старается устроить свое будущее.

Кидд. Не завидую ее будущему с этим телеграфным столбом. Впрочем, похоже, что они будут достойной парой.

Миссис Кидд. Что же делать, Вальтер? Не всем бывает удача в браке. Но она надеется быть счастливой.

Кидд. Дай бог! *(Уходит.)*

Миссис Кидд. Скорей бы Мэрриель вышла замуж и уехала. Вальтер обвиняет меня, что я не смогла сделать из Мэрриель человека. Но чем же я виновата? В такое трудное время девочка росла без отца. А Вальтер был на войне, и все шло вверх дном...

Из дома слышится насвистывание легкой мелодии, и на веранду выходит Мэрриель. Она идет ленивой, томной походкой, в облипающем ее красном бархатном платье, отчего она кажется раздетой. Черные волосы гладко зачесаны кверху и блестят, как крышка рояля. В большой пучок на макушке воткнут цветок безлиственной магнолии. В улыбке ее крупного рта есть что-то общее с улыбкой брата, но это — сходство карикатуры, и в этой улыбке неуверенная наигранность; кажется, что она в любую минуту может превратиться в оскал зверька, готового укусить.

Мэрриель. Их еще нет?.. Самолет из Вашингтона прошел к аэродрому уже минут двадцать.

Миссис Кидд. Значит, будут с минуты на минуту. Поберегите ваши нервы, Мэрриель.

М э р р и е л ь. Я стану беречь их тогда, когда Перси окончательно будет в моих руках вместе с брачным контрактом. *(Поворачивается перед матерью.)* Как я сегодня выгляжу, мама?

М и с с и с К и д д. Вы хороши, как всегда, но ваше платье... В мое время девушки одевались...

М э р р и е л ь. Вы, может быть, вспомните, как одевались девушки во время войны Севера с Югом? Это время прошло. Выхожу замуж я, а не вы. И в наше время, чтобы получить мужа, нужны наряды, которые показывают вас наглядно и целиком.

М и с с и с К и д д. Вероятно, вы правы, Мэрриель. Но наши девичьи платья мне нравились больше. В них мы были похожи на девушек.

М э р р и е л ь. В ваше время Америка была задворками Европы. Глухой провинцией, перенимавшей все из Парижа. Сейчас мы даем тон всему миру, во всем... Где Кидд?

М и с с и с К и д д. Он только что ушел к себе.

М э р р и е л ь. Он меня страшно раздражает. За этот год, что я жила в Вашингтоне, он стал еще хуже.

М и с с и с К и д д. Не забудьте, что возможностью жить в Вашингтоне и учиться вы обязаны вашему брату. А вы так враждебны к нему.

М э р р и е л ь. Что же, я должна молиться на него? Он становится совершенно захолустным дикарем. Ничего не желает знать, кроме своей сломанной лилии.

М и с с и с К и д д. Зачем вы так отзываетесь о Синтии? Она прекрасный человек, и Вальтер очень счастлив с ней.

М э р р и е л ь. Сентиментальная ящерица!.. Впрочем, это его личное дело. Он стал нелюдимом, медведем, мужланом... Ни с кем не хочет считаться!

М и с с и с К и д д. Вы знаете, что ему пришлось перенести много тяжелого на войне. Теперь весь дом у него на руках. И за стенами дома большая работа и большая ответственность. Он охраняет берег Америки и всех нас.

М э р р и е л ь. Ха!.. От кого охраняет?.. От акул? Он может спокойно заменить пушки на своих фортах пульверизаторами для истребления тараканов, и Америка не будет от этого в большей опасности. Перси говорит, что никакие враги не смогут приблизиться к Америке ближе, чем на пять тысяч миль... что нападать будем мы!

М и с с и с К и д д. Я предпочитаю, чтобы никто не нападал.

М э р р и е л ь. А мне это совершенно безразлично. Я желаю, чтобы Кидд ни на кого не бросался дома, как собака. Сегодня с Перси приедет его хозяин. Очень большой человек!.. Одно из деловых и политических светил Америки. Будущее Перси, а значит, и мое, целиком зависит от него. У него правильный американский образ мыслей, а я боюсь, что Кидд начнет развивать за столом свои квакерские...

За домом три резких гудка автомобильной сирены.

(Злая гримаска на ее лице мгновенно сменяется соблазнительно-нежной улыбкой, скопированной с киноэкрана.) Это Перси! Он всегда так гудит, подъезжая. Его условный сигнал! *(Идет к двери.)*

Из дома выходит Б у т л е р в утрированно модном светло-бежевом костюме. У него гладкое, румяное лицо с «злодейскими» усиками. В руках огромный портфель светлой кожи.

Б у т л е р. Хола!.. Падаю на мирный вигвам, как молния!

М э р р и е л ь *(воркующим голосом)*. Ах, Перси!.. Это же безбожно, так терзать меня ожиданием. У меня сердце едва не вырвалось из груди...

Б у т л е р. Стоп, лошадка! *(Подбегает к миссис Кидд, страшно таращит глаза, морщит лоб и, схватив ее за руки, подпрыгивает с диким воплем.)* Хи-хэй!

М и с с и с К и д д *(отшатнувшись)*. Боже мой! Что с вами, мистер Бутлер?

Б у т л е р. Новинка, почтенная миссис Кидд!.. Новинка!.. Клубы молодых людей, входящие в ассоциацию «Американское действие», провели конкурс между штатами на новые способы приветствий... Три штата премированы. Я здоровался с вами по-висконсински... Вторая премия! Первую получил Денвер. Там таскают друг друга за уши и наступают на ноги, но дамы почему-то протестуют против этой невинной шутки... Ха-ха!.. Мэрриель, лошадка моя! Я привез вам превосходную штучку! *(Раскрывает портфель и достает патефонную пластинку.)* Громовой удар джаза Биля Хезлинга!.. Исполнено впервые только позавчера. Бешеный успех! Румба: «Мой попугай голосует против Ла Гардиа». А?.. Каково?.. Даже попугаи голосуют против красных... Ха-ха!

М э р р и е л ь. Вы так внимательны, Перси! Я очень тронута. Мы проиграем ее сейчас на радиоле... Да, постойте! *(С тревогой.)* А где же ваш патрон?

Б у т л е р. Будет буквально через минуту... Он заехал по дороге к вашему шерифу. Они вместе шалили на дорогах Запада в дни юности.

М э р р и е л ь *(идет в дом томной походкой)*. Как вы находите мое платье?

Б у т л е р *(следует за ней, топоча ногами, и ржет)*. Иго-го, моя лошадка!

М и с с и с К и д д *(одна, с покорной печалью)*. Вальтер прав... Феноменальный глупец! Но, в конце концов, Мэрриель легче будет держать его в руках. *(Уходит в дом.)*

Минуту спустя из дома доносится бойкий ритм румбы. Из своей двери выходит К и д д, прислушивается, пожимает плечами, закуривает и садится в кресло. Из дома показываются, танцуя, Б у т л е р и М э р р и е л ь.

Б у т л е р *(напевая в такт)*. Бам-ба-ба... трит-ти-тит-там! Быстрее, лошадка! *(Замечает Кидда и останавливается.)* Хелло, капитан! Рад вас видеть! Как поживает береговая оборона Флориды? Много подводных лодок Советов утопили за эту неделю?

К и д д. Мои наблюдатели не обладают гипертрофией зрения. Чтобы увидеть в океане подводные лодки Советов, нужны дальномерщики вашей квалификации.

Б у т л е р. Ха-ха! Вы все такой же шутник!.. Кстати, почему вас до сих пор маринуют в чине капитана? На месте генерала Вулдриджа я давно дал бы вам подполковника.

К и д д. Садитесь на место генерала. Я думаю, что при теперешних порядках в армии это вполне возможно. Тогда мое производство не задержится.

Музыка в доме обрывается.

М э р р и е л ь. Превосходная инструментовка! Я пущу еще раз пластинку, Перси. Она мне очень нравится! *(Уходит.)*

Б у т л е р. Хотите, я в самом деле замолвлю за вас словечко?

К и д д. Спасибо, но я не заинтересован в чинах. Я делаю свое дело по возможности хорошо, и с меня достаточно... А как ваши жизненные успехи? Как бизнес?

Б у т л е р. Великолепно!.. Я преуспеваю с тех пор, как развязался с юридической конторой и перешел к но-

вому хозяину... Лоббизм — золотое дно. Разве можно сравнить с сидением в прокуренной конуре и тасканьем по судам для мелких дрязг мелких людишек? За последние дни я уломал семерых сенаторов голосовать за нашу поправку к закону о квартирной плате. И, представьте, без излишних затрат. Сэкономил шесть тысяч долларов против сметы хозяина.

Кидд. Где же эти доллары?

Бутлер *(хлопнув по карману)*. Тут! Половина у хозяина, половина у меня.

Кидд. Пожалуй, стоит вечером прижать вас в темном переулке.

Бутлер. Ха-ха! Не выйдет! Доллары уже в банке! Тут чековая книжка. Но шелест чеков тоже вполне современная и приятная музыка.

Из дома снова раздается мотив румбы.

Кидд. Судя по вашим успехам, я вижу, что совесть сенаторов продолжает падать в цене.

Бутлер. Она валится, как цены на кукурузу.

Кидд. Но эти цены можно удержать на хорошем уровне, если сжечь излишки кукурузы. Как досадно, что нельзя удержать высокий курс на сенаторов таким же способом.

Синтия *(входя)*. Ваш сюрприз прелестен, мой дорогой! Вы балуете меня!

Бутлер. Миссис Синтия! Вы ослепительны и, как всегда, похожи на цветок.

Синтия *(иронически)*. А вы, как всегда, любезны и всегда поэт.

Бутлер. Кстати, о поэзии. Вы знаете, Кидд, что я обрел новую статью дохода. Я сочиняю сценарии.

Кидд. Вы?.. Теперь я понимаю, почему Голливуд завоевывает мир.

Бутлер. О, что вы!.. Нельзя же так льстить! Голливуд слишком сложен для меня. Я сочиняю сценарии не для кино... В нашем клубе я познакомился с очаровательным русским... Нет, не пугайтесь, не с красным... Настоящий русский аристократ, родственник бывшего царя, мистер Александр Назаров... Консультант русских передач «Голоса Америки»... Феноменально остроумен! На днях замечательно срезал большевиков. Их пресса кричала, что американская молодежь развращается гангстерскими романами и превращается в банди-

тов... Вы знаете, что он сказал в очередной передаче?.. Ха-ха! Удар наповал!.. Он сказал: «Смешно делать такие умозаключения. Ведь если человек ест баранину, он же не делается от этого бараном...» Ха-ха! Нокаут!

К и д д. Действительно!.. Но ваш друг, видимо, перехватил, питаясь бараньими мозгами, и это отразилось на его мышлении.

Б у т л е р. Не острите! Он пригласил меня работать для русских передач. Интереснейшее дело! Рассказы о трудовых конфликтах в Америке... Показывать русским, как наша демократия охраняет права американского рабочего.

К и д д. Сложная задача!

Б у т л е р. Ничего подобного! Чертовски просто!.. Радиокорпорация входит в контакт с мелким предпринимателем. Он нанимает безработного. По нашему указанию... Затем между ним и рабочим происходит конфликт. По разработанному нами плану. Конфликт разбирается в трудовой камере... Публично! Вход открытый! Могут присутствовать даже большевики из посольства... Факт неоспорим! Судья тоже в контакте с нами... Дело решается в пользу рабочего. Затем безработный снова становится безработным. Он, предприниматель и судья получают условленный гонорар... И все! А я, как юрист, придумываю варианты конфликтов... Тысяча долларов в неделю! А? Каково?!

К и д д. Вы далеко пойдете, Бутлер! Кстати, кто ваш новый хозяин?

Б у т л е р. О! Большая шишка! Столп национальной ассоциации промышленников. Держит контрольный пакет акций «Стандарт-Ойл оф Нью-Джерси», деловой бог, мистер...

Из дома выходят м и с с и с К и д д и М э р р и е л ь.

М э р р и е л ь *(перебивая Бутлера)*. Перси!.. Ну, что же ваш патрон?.. Нам уже пора за стол.

Б у т л е р. Ради бога, не стесняйтесь, моя лошадка! Патрон просил передать, что если он немного задержится, мы бы не церемонились.

М и с с и с К и д д. Тогда прошу за стол!

Все рассаживаются.

К и д д *(наполнив бокалы)*. По семейной традиции, первый тост за вами, мама!

Миссис Кидд. Вы знаете, Вальтер, что я не умею произносить речи. Особенно в такое трудное время, как сейчас, когда моя бедная старая голова перестает понимать, что делается вокруг. Я только мать. И я хочу, чтобы ваша жизнь, мой мальчик, и жизнь Синтии, так же как жизнь Перси и Мэрриель, были всегда так же ясны и безоблачны, как этот чудесный день.

Бутлер. Превосходно, миссис Кидд. Вы могли бы выступать в конгрессе!..

Все встают и сближают бокалы. В этот момент в дверях дома появляется Уилер. Теперь он в штатском, что делает его еще более безобразно тучным. Лицо багровое от жары, и он вытирает его платком.

Уилер. Хелло!.. Тут уже пьют?.. Не знаю, за что, но присоединяюсь.

На его голос все оборачиваются. Кидд приподнимается с места, вглядываясь, словно не веря глазам.

Бутлер. Мой патрон, мистер Уилер.

Уилер. Рад познакомиться! *(Подходит к столу.)*

Миссис Кидд. Извините, мистер Уилер, что мы сели за стол без вас, но Перси сказал, что вы...

Уилер *(не давая договорить)*. Дела!.. Дела!.. *(Еще не обратив внимания на Кидда, смотрит на Синтию.)* Вы, как я полагаю, прелестная невеста моего многообещающего молодого друга?

Кидд *(овладев собой)*. Прошу извинить, сэр! Это моя жена, миссис Синтия Кидд!

Уилер поворачивается к Кидду. Мгновение оба смотрят друг на друга.

Уилер *(с жестом удивления)*. Это вы?

Кидд *(с насмешкой)*. Безусловно! Я — это я!

Уилер. Не ожидал. Мы ведь старые знакомые.

Кидд. Как же, сенатор! Не только знакомые. Почти фронтовые друзья! Вместе проливали кровь за Америку. Не правда ли?

Уилер *(приняв слова Кидда за чистую монету)*. Конечно! О, какие это были славные боевые деньки! Каким шикарным маршем мы прошлись по Европе! Помните?

Кидд. Как же не помнить! И как приятно встречать в мирные времена бывших боевых соратников.

Миссис Кидд. Мы никак не предполагали, мистер Уилер, что вы встречались с Вальтером. Это неожиданный и приятный сюрприз для нас.

Уилер. Мы не только встречались, миссис Кидд! Однажды мы даже немного повздорили с капитаном.

Миссис Кидд. Неужели?

Уилер. О, совершенные пустяки! Капитан был в ту пору горячим малым и имел кое-какие неправильные понятия... Молодость.

Кидд *(смеется)*. Это было так давно! Я даже не совсем помню, в чем было дело. *(С чуть заметной иронией.)* Мало ли что происходит между друзьями.

Почувствовав в тоне Кидда странный оттенок, Синтия внимательно смотрит на него.

Уилер. Безусловно!.. Что делаете сейчас, капитан? Как вижу, вы не захотели стать штафиркой и по-прежнему в славных рядах армии?

Кидд. Да! Я командую береговой обороной на участке Майэми-Джексонвилль.

Уилер. Превосходно. В наше сложное время нам, как никогда, нужны опытные офицеры с твердым характером и здоровыми мыслями. Я очень доволен, что мой друг Бутлер входит в такую почтенную семью.

Кидд. Благодарю вас. Однако прошу занять место, мистер Уилер. Продолжим нашу приятную беседу за столом.

Уилер тяжело садится.

Синтия *(шепотом)*. Кидд, дорогой, что с вами? Вы так побледнели! Кто этот человек?

Кидд *(тоже шепотом)*. Ничего, Синтия! Возможно, мне скоро потребуется ваша присяга... Я не ждал, что так скоро. А пока — спокойно! *(Уилеру.)* Разрешите наполнить ваш бокал? *(Наливает.)*

Уилер. Так за что же пили сейчас?

Миссис Кидд. Сегодня седьмая годовщина свадьбы Вальтера и помолвка Мэрриель с вашим сотрудником мистером Бутлером. И мы...

Уилер *(опять не давая договорить)*. О, значит, необыкновенный день! Надо выпить за будущее! *(Берет бокал.)* Ваше здоровье, нареченные! *(Кидду.)* За ваше будущее, капитан!

Кидд *(чокается)*. Очень хорошо, сенатор! Также за ваше! И за будущее Америки!

Уилер. Вот это правильный тост!.. Вижу, капитан, что у вас выработался здоровый государственный взгляд на вещи. Будущее Америки!.. О, оно грандиозно!

М э р р и е л ь. Мистер Уилер, я так счастлива, что вы согласились разделить с нами нашу скромную семейную радость... Вы такой большой человек!.. Вы так добры к Перси!.. Я надеюсь, что смогу также заслужить вашу благосклонность!

У и л е р. Можете рассчитывать на меня, мисс!

К и д д. Отрадно видеть ваше доброе расположение к моей семье, сенатор. Вы, к сожалению, несколько запоздали к первому тосту, который, по нашим семейным традициям, принадлежит главе семьи. Мама уже провозгласила его. Но за вами, как за почетным гостем, следующий. Вы сказали сейчас о грандиозном будущем Америки. Может быть, вы не откажете шире развернуть тему и раскрыть перспективы этого будущего.

У и л е р. Охотно, капитан! Эти мысли не для широкого оглашения, но мы здесь в своем тесном кругу. Мы живем в замечательную эпоху. Перед Америкой встает гигантская проблема: взять под свое крепкое моральное руководство расшатанный и развращенный мир! Его расшатали и развратили красные... Мы с нашими здоровыми нервами, с нашим трезвым умом, с нашей демократией, установленной нашими предками и богом, должны стать духовной полицией мира, очищающей его от скверны и греха. В этой роли мы отказываемся от гнилых предрассудков, от архаического уважения к так называемому суверенитету народов и к неприкосновенности границ. Идея порядка не признает границ!.. И западная граница Америки лежит сегодня на Енисее, а восточная на Оби... Но чтобы выполнить нашу священную миссию, мы должны прежде всего очистить нашу страну. На пороге решающей схватки с силами разрушения мы не можем терпеть в нашей промышленности, в нашем государственном аппарате, в нашей армии — особенно в армии! — людей, зараженных неамериканским образом мыслей, людей, отравленных ядом коммунизма. Мы не доверим оружия таким людям! В руках изменников наше оружие может обратиться против нас. Мы закроем для таких людей все двери, кроме одной — в смерть! В эту дверь мы загоним всех, кто против нас... Я пью за Америку, прошедшую социальную дезинфекцию!

Б у т л е р. Гип-гип-ура!

К и д д *(аплодируя)*. Браво, сэр! Великолепно! Но почему вы остановились на полдороге? Одной социальной дезинфекции мало! Понадобится еще принудитель-

ная стерилизация неполноценных элементов, ибо нужно устранить опасность передачи потомству генов коммунизма.

У и л е р *(не замечая иронического оттенка фразы)*. О, если понадобится, мы не остановимся и перед этим, капитан!

К и д д. Не сомневаюсь! Можно прибегнуть еще к резекции мозговых центров, и после этого останется только пришить американцам хвосты и превратить Америку в универсальный обезьянник.

У и л е р *(внезапно поняв)*. Что?.. Оставьте глупые шутки!

К и д д. Почему? В Америке издавна любят крепкую шутку. И, кроме того, сенатор, вы можете быть спокойны, что к вам ни одна из этих операций не будет применена, потому что вы с рождения лишены признаков, отличающих человека от обезьяны.

У и л е р *(ошеломленный, встает, опрокидывает стул)*. Как? Как?.. Что вы сказали? Вы...

К и д д *(спокойно)*. Я сказал, что из всех павианов, которых мне приходилось видеть, вы самый совершенный образец этой породы.

М и с с и с К и д д. Вальтер! Вальтер!.. Что вы говорите? Ради бога, успокойтесь, прошу вас! Мистер Уилер, не обращайте внимания. Это недоразумение!

У и л е р. Да, миссис, недоразумение. Недоразумение, что ваш достойный сын называется американцем, недоразумение, что он служит в американской армии и живет в Америке. Теперь это недоразумение вполне разъяснилось... Даю вам слово исправить его!

К и д д. Вы уйдете сами или прикажете помочь вам найти выход?

С и н т и я. Вальтер! Держите себя в руках!

У и л е р. Я знаю дорогу! И не только выйду сам, но и вам покажу дорогу к черту... И сотру вас с лица земли! *(Отбрасывает ногой упавший стул и идет к выходу.)*

К и д д. Старая песня, Уилер. Нацисты недавно грозили этим самым всему миру. Они действительно стерли с лица земли несколько миллионов людей. И сами кончили виселицей. Подумайте об этом конце, Уилер, в свободную минуту, когда вас не будет мучить изжога.

У и л е р *(обернувшись в дверях)*. Вам я не оставлю времени даже подумать о вашем конце. *(Скрывается.)*

М и с с и с К и д д *(в отчаянии)*. Что вы наделали, Вальтер?

М э р р и е л ь *(на ее лице не улыбка, а оскал)*. Он с ума сошел! Его нужно связать! Он не понимает, что говорит! *(Кидду.)* Вы негодяй! Вы губите меня! Психопат!

Б у т л е р. Хи-хэй! Какая сенсация!

К и д д. Я нормален! Сумасшедший — вот! *(Указывает на дверь, куда вышел Уилер.)* В любом сумасшедшем доме есть такие экземпляры. Везде их сажают в клетки. В Америке они бродят на свободе и пытаются править страной.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Синтии в доме Киддов. Вся в светлых зеленоватых тонах. Легкая деревянная мебель в современном стиле, обтянутая материей травяного цвета и окрашенная фисташковой эмалью. На окнах такие же фисташковые шторы. Много цветов. С и н т и я лежит на диване с книгой, но глаза ее смотрят мимо страниц, и в лице тревожная напряженность ожидания. Д о р о т и с метелкой из перьев ходит по комнате, смахивая пыль с мебели. Спустя несколько секунд за окном слышен автомобильный гудок. Бросив книгу, Синтия бежит к окну, выглядывает.

С и н т и я. Опять не он! Что же это такое? Почему он так запоздал? Что могло его задержать?

Д о р о т и. Не расстраивайтесь так, миссис Синтия. У вас даже губки дрожат. Разве масса Вальтер никогда не опаздывал к обеду? С ним это бывает нередко. И вы шутя корили его и грозили, что оставите его без сладкого.

С и н т и я. Ах, прежде я не беспокоилась из-за этого, Дороти. Но теперь совсем другое... После того, что произошло за обедом в этот несчастный день...

Д о р о т и. Не придавайте этому такого значения, моя голубка! Между мужчинами часто бывает такое. Распустят крылья, закукарекают, поклюют друг друга, а через минуту рядком копаются в земле, ищут зернышки.

С и н т и я. Нет!.. Если этот человек угрожал Вальтеру, так, как он это сделал, — это враг, Дороти. Злой враг!

Д о р о т и. Масса Вальтер не боится врагов. Он храбро воевал с врагами на войне.

С и н т и я. На войне были другие враги, Дороти. Там он всегда видел, где враг, а тут на него могут напасть из-за угла.

Д о р о т и. Это так, мэм. Такие люди, как этот толстый или как мистер Бутлер, никогда не нападают прямо. Они трусливы и хитры, как койоты. Но масса Вальтер и их не испугается.

В дверь стучат.

С и н т и я. Войдите!

М и с с и с К и д д *(входит)*. Можно к вам, Синтия?

С и н т и я. Пожалуйста, мама... Я беспокоюсь, что Кидда до сих пор нет.

М и с с и с К и д д. Может быть, будем обедать без него?

С и н т и я. О нет!.. Я прошу вас, подождем еще.

М и с с и с К и д д. Конечно. *(Пауза.)* Мне нужно поговорить с вами, Синтия.

С и н т и я. Прошу вас, мама. Дороти, вы можете кончить приборку позже.

Д о р о т и. Слушаю, мэм. *(Выходит.)*

М и с с и с К и д д. Это по поводу позавчерашнего. Мне думается, что Вальтер поступил несколько необдуманно, обойдясь так резко с мистером Уилером. Это может повлечь за собой неприятности для него.

С и н т и я. Я не могу осуждать Кидда. Он не мог поступить иначе, мама. Вы же знаете его не хуже меня. Он не способен притворяться и надевать маску. Его возмутили разглагольствования мистера Уилера, и он высказал, что думал.

М и с с и с К и д д. Но ему же не десять лет, девочка. Только в ребячьем возрасте можно так непосредственно и несдержанно реагировать на все, что услышишь. Вальтер взрослый и должен уметь сдерживаться. Все-таки мистер Уилер был у нас в гостях. Жизнь требует компромиссов, как бы они ни были неприятны и тяжелы.

С и н т и я. Кидд никогда не пойдет на компромисс.

М и с с и с К и д д. Но я все же хотела бы, чтобы вы поговорили с ним по-дружески, дорогая, и убедили его ликвидировать инцидент. Тем более что он угрожает осложнениями не столько Вальтеру, сколько Мэрриель.

С и н т и я. Мэрриель?.. Какое отношение?

М и с с и с К и д д. Мистер Бутлер был чрезвычайно оскорблен за своего патрона и очень холодно простился с Мэрриель. Он сказал, что удручен открытием, что брат его невесты оказался не чудаком, как он считал, а явно красным.

С и н т и я. Как смеет этот идиот так говорить о Кидде.

М и с с и с К и д д. И он добавил, что поступок Кидда вынуждает его задуматься: не совершит ли он ошибки, женясь на сестре такого человека?

С и н т и я. Мерзавец!

М и с с и с К и д д. Он опасается за свою карьеру, дитя мое. Это вполне естественно для него.

С и н т и я. Конечно! Для него естественна любая гадость.

М и с с и с К и д д. Но вы понимаете, что Мэрриель в отчаянии? Ее счастье может расстроиться, она потеряет такую выгодную партию. Стать снова необеспеченной студенткой, зависящей от брата, с убогой перспективой получить жалкое место дактило или стенографистки и прожить жизнь старой девой. Это безотрадное будущее. И Вальтер не захочет сделать сестру несчастной. Убедите его выразить мистеру Уилеру сожаление о происшедшем, и, я уверена, все уладится. Мистер Уилер не злой человек.

За окном гудок автомобиля.

С и н т и я *(опять бросается к окну)*. Вот!.. Наконец он!.. Теперь я спокойна. *(Миссис Кидд.)* Извините меня, мама, но я не стану говорить об этом с Киддом. Я не убеждена, что могу повлиять на него. Я могу утратить его уважение, а этого я не хочу. Поговорите с ним сами. Вам будет легче убедить его материнским авторитетом, если он признает правоту ваших доводов.

М и с с и с К и д д. Хорошо!.. Я сделаю это после обеда. *(Выходит.)*

С и н т и я *(одна)*. Убеждать Кидда, чтобы он унижался перед горой сала?! Мой гордый мальчик, мой Кидд будет извиняться перед гнилым мешком. Даже если бы это грозило бедой — никогда!

Дверь широко распахивается, входит К и д д.

К и д д *(весело)*. Вот я, дорогая! Дороти сказала мне, что вы в тревоге.

С и н т и я *(обнимает Кидда)*. Я очень волновалась, Кидд. Очень! Почему вы так долго сегодня?

К и д д. Вы напрасно терзаете себя, Синтия. Ничего страшного не случилось. Я заехал в бюро воздушных сообщений заказать билет и немного заболтался с директором. Это Роб Клиффорд, мой соученик по университету.

С и н т и я. Билет? Вы куда-нибудь летите?

К и д д. Завтра в Вашингтон.

С и н т и я. В Вашингтон? Зачем?

К и д д *(со смехом)*. Меня хотят запечь там в духовке и подать на стол Уилеру с фаршем из земляных орехов.

С и н т и я. Не шутите так! Что случилось?

К и д д *(продолжая смеяться)*. Я получил прелестный пригласительный билет. *(Вынимает конверт и достает из него бумагу.)*

С и н т и я *(тревожно)*. Что это?

К и д д. Не падайте в обморок! Не страшно, а смешно! Меня приглашают в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, к некоему мистеру Скундреллу.

С и н т и я. Боже мой! Я так и знала. Недаром я не находила себе места.

К и д д *(привлекая ее к себе)*. Что вы, дорогая? Перестаньте! Я добрый час хохотал, получив эту бумажонку.

С и н т и я. Это не смешно... Об этой комиссии ходят страшные слухи.

К и д д. Слухи правильны, но со мной там ничего не сделают. Прежде всего, я подчинен только военному министерству. Во-вторых, у меня безупречный послужной список. Я один из немногих офицеров, имеющих высокий боевой орден. Моя служебная репутация вне подозрений. Я коренной американец. Мои предки высадились на этих берегах четыреста лет назад, в числе первых пионеров. С тех пор Кидды честно служили Америке, и наше имя не раз встречается в ее истории на почетных местах.

С и н т и я. Но если вспомнят вашу выходку против Уилера в Германии...

К и д д. Коротки руки! Покрыто пылью давности, и никто не позволит ворошить древнюю историю. Мне даже не могут поставить ее в вину. Уилер не имел военного чина и генеральскую форму напялил для маскарада. Я мог бы вообще наплевать на это приглашение, но я еду, чтобы отделать их так, как им не снится.

С и н т и я. Не слишком ли легко вы смотрите на это, дорогой? Уилер не остановится ни перед чем, чтобы досадить вам. У него страшное лицо.

К и д д *(смеется)*. Морда разложившейся свиньи.

С и н т и я. Нет!.. Лицо убийцы!

К и д д. На мне он сломает свой нож. В Америке есть демократия и закон. А закон даже Уилер не может затоптать. Наконец, у меня есть против него тоже нож, которым я сразу выпущу из него дух.

С и н т и я. Как?

К и д д. Мне известны все его грязные и преступные махинации с валютой в нашей зоне оккупации и его подлая игра с немцами во время войны. Я найду свидетелей и документы, которые заставят его нырнуть в нору и не высовывать носа.

С и н т и я. Не преувеличиваете ли вы свою силу, Кидд?

К и д д. На войне я научился рассчитывать свои возможности в бою. Уилер — не мелкий враг, но и не такая страшная сила...

Стук в дверь.

Кто?

Д о р о т и *(в дверях)*. Извините, масса Вальтер, но вас спрашивает какой-то человек.

К и д д. Гоните его к чертям! Я не желаю никого видеть сейчас.

Д о р о т и. Я сказала, что масса Вальтер занят, но он так просил доложить... Такой бледный, худой, хромает... Он говорит: «Скажите капитану, что я из его роты».

К и д д. Что?.. Тащите его сюда, Дороти! Немедленно!

Дороти уходит.

Боже мой! Неужели кто-то из ребят наконец вспомнил обо мне? Но кто же?

С и н т и я. Может быть, мне уйти?

К и д д. Ни в коем случае, дорогая. Если это кто-нибудь из моих солдат, вы обязательно должны с ним познакомиться.

С и н т и я. Я буду рада.

Д о р о т и открывает дверь и впускает человека в потертой куртке и старых брюках «гольф». Он сильно хромает и, войдя, останавливается, стиснув в руках смятую шляпу. В нем почти невозможно узнать сержанта М а к д о н а л ь д а. Закрыв дверь, Дороти уходит.

Макдональд. Здравствуйте, сэр! Не сердитесь, что отнимаю у вас время, но мне хотелось хоть глазком взглянуть на вас.

Кидд. Постойте! Я помню всех моих ребят, но... Кто вы?

Макдональд. Да, сэр! Я тоже теперь не сразу узнаю себя в зеркале. Сержант Макдональд к вашим услугам.

Кидд *(пораженный)*. Мак? Старина Мак? *(Стискивает Макдональда в объятиях.)* Но что с вами стряслось? Вы не похожи даже на свою тень.

Макдональд. Как видите, сэр.

Кидд. Да вы еле держитесь на ногах. Садитесь! *(Усаживает Макдональда в кресло.)* Синтия! Идите сюда!.. Это мой Мак! Я рассказывал вам о нем. Он дважды спас мне жизнь. Надеюсь, вы будете ему другом!

Синтия. Конечно, Кидд... Считайте, что вы в своем доме, мистер Макдональд.

Макдональд *(пытаясь встать)*. Спасибо, миссис!

Синтия. Сидите! Сидите! Вы, наверно, голодны. Я скажу Дороти...

Макдональд. Не беспокойтесь, миссис! Мне ничего не нужно!

Кидд. Стойте, дорогая! Мак будет обедать с нами. А пока поговорим. Почему вы в таком виде, Мак? Что с ногой? Помню, с фронта вы унесли ее целой.

Макдональд *(нерешительно)*. Я могу откровенно говорить при вашей супруге, сэр?

Кидд. Все, что вы хотите сказать мне, можете сказать и Синтии.

Макдональд. Обычная история, сэр! И не такая веселая, как те, что мы рассказывали на фронте... После возвращения в Америку мне сперва повезло. Я устроился, как и прежде, фрезеровщиком на завод «Бетлеем Стил» с хорошим заработком. Я даже смог жениться.

Кидд. Хорошая девушка?

Макдональд. Вы знаете ее, сэр. Помните Салли? Я встретил ее вскоре после того, как нашел работу. Родители выгнали ее из-за ребенка, которого она приобрела в армии. Она осталась без гроша, на улице. Ребенок умер. А она славная женщина, сэр, хоть ей и не повезло на войне. Но разве она виновата? Я и взял ее за себя. И не ошибся, сэр.

Кидд. Рад за вас, Мак. Я всегда считал Салли достойным человеком.

Макдональд. Мы прожили первый год припеваючи. Но скоро пришли худые дни. Компания стала резать плату и набирать от ворот шушеру из бродяг и этих... «перемещенных лиц». Они шли на любые условия, чтоб не сдохнуть с голоду. Их не приходится обвинять, сэр. Забитые, бессознательные людишки. Но мы запротестовали против нарушения договора. Я уже был профсоюзным организатором, и, по соглашению с руководством союза, мы объявили стачку. Тогда желтые прохвосты из руководства, сорвав с хозяев отступного, предали нас. Нас подвели под закон Тафта — Хартли. У завода начались драки с штрейкбрехерами и полицией. Это было как на фронте, сэр. Мне влепили две пули из кольта в бедро. Я попал в больницу, а оттуда переехал бы за решетку, но меня вовремя вывезли коммунисты.

Кидд. Коммунисты?

Макдональд. Да!.. Вы против коммунистов, сэр?

Кидд. Я далек от коммунистов, Мак. Мне кажется, они большие фантазеры и чрезмерно прямолинейны. Я думаю, что настоящую демократию в Америке нельзя установить их методами. Они бьют в лоб, а я научился на фронте преимуществу фланговых обходов... Но я не против коммунистов. Я не считаю их врагами Америки. Думаю, что они по-своему честно любят нашу страну.

Макдональд. Это правильно, сэр, и я подтверждаю это честным словом.

Кидд. Вы коммунист, Мак?

Макдональд. Вы не спрашивали меня об этом на фронте, сэр. Если вам это удобно, не спрашивайте и теперь. Я, как и вы, американец, сэр.

Кидд. Хорошо, Мак!.. Извините меня! Продолжайте!

Макдональд. На время меня спрятали в пригороде. Долечивали домашними средствами, чтобы не привлечь полиции. Нога срослась неправильно. Потом мне достали чистые документы, и я пробираюсь к брату Салли. Тут неподалеку есть рыбачий поселок.

Кидд. Барнеби?

Макдональд. Вы знаете это место, сэр?

Кидд. Оно входит в мой район. Двенадцать миль к северу от Майэми.

Макдональд. Верно!.. У брата Салли моторный бот, и я половлю с ним тунцов, пока полиция потеряет след... А потом...

Кидд. Мы обсудим вместе... Постараюсь помочь вам, Мак, хотя я тоже становлюсь подозрительным американцем.

Макдональд. Вы, сэр?

Кидд. Я!.. Помните скандал, который я учинил Уилеру?

Макдональд. Как же! Я часто рассказывал друзьям, и они одобряли вас.

Кидд. Но Уилер не одобрил. И не забыл. Два года я не имел удовольствия попасться ему на глаза, но на днях случай свел нас. И я подбавил жару. Теперь он решил намять мне бока в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Завтра лечу в Вашингтон на небольшой раунд.

Макдональд *(встревоженно)*. Это серьезное дело, сэр.

Кидд. Абсолютная ерунда, Мак!.. Ничего они от меня не добьются.

Макдональд. Боюсь, сэр, что вы ошибаетесь. Там давят людей, как мух.

Кидд. Если есть серьезные обвинения, основанные на фактах. А против меня — ничего, кроме схватки с Уилером. На моей стороне право и демократия, Мак. Все-таки мы живем в стране, которая первой в мире создала демократический строй.

Макдональд. ...чтобы задушить его в когтях уилеров, сэр. Вы напрасно так полагаетесь на американскую демократию. Вот она! *(Хлопает по ноге.)* Двадцать восемь граммов свинца в никелевой оболочке. Наглядный пример! *(Пауза.)* На вашем месте, сэр, я постарался бы заранее обеспечить себе хорошие документы на имя какого-нибудь Боба Джонсона, вроде тех, что в моем кармане.

Кидд. Вы в своем уме, Мак? Мне кажется, что жизненные неприятности попортили вам мозги. Мне, офицеру американской армии, кавалеру военного креста первого класса и русского Красного Знамени, отмеченному в приказах, запасаться фальшивыми документами?.. Господь с вами!

Макдональд *(с усмешкой)*. Может быть, вы вспомните, сэр, что в один день с вами я тоже получил военный крест третьего класса. Это не помешало мне стать

тем, чем я стал сегодня. Что же касается русского ордена,— вы помните, сэр, мишени, которые выдавались нам для учебных стрельб?

Кидд. Помню, но не понимаю...

Макдональд. Там в середине листа было красное яблочко, в которое и требовалось загнать пулю. Опасаюсь, сэр, что русский орден будет таким яблочком для комиссии.

Кидд *(хохочет)*. Ха-ха-ха!.. Я вижу, что вы действительно немножко повредились, Мак... Выпьете виски за обедом и восстановите рассудок. Я уверен, что мы еще спляшем боевой танец индейцев вокруг надгробного монумента Уилера.

Макдональд. Я хотел бы, сэр, заразиться вашим весельем, но сомневаюсь, что у меня выйдет. Во всяком случае, помните, что я близко от вас и что Барнеби — тихое местечко, где хорошо пережидать грозу.

Кидд. Мне оно не понадобится.

Дороти *(открывая дверь)*. Масса Вальтер! Миссис просит к столу.

Кидд. Чудесно!.. Но нужно вас приодеть к обеду, Мак. Мы почти одного роста. Синтия, сведите Мака ко мне и покажите в гардеробе мой серый костюм...

Макдональд. Благодарю, сэр, но я обойдусь...

Кидд. Никаких «но», Мак!.. Я хочу показать вас маме блестящим героем. Вставайте! *(Подымает Макдональда.)* Ведите его, Синтия!

Макдональд и Синтия выходят.

(Некоторое время ходит по комнате, потом останавливается.) До чего могут довести человека житейские неудачи! Мак, который лез в огонь, на проволоку, под танки, скаля зубы и плюя на смерть, стал бояться воздуха... Какая чепуха!

Синтия *(возвращается)*. Кидд! Я хочу сказать, что мне не нравится ваш разговор с Макдональдом.

Кидд. Почему?

Синтия. Он только укрепил мои опасения за вас. Вы легкомысленно относитесь к себе...

Кидд. Давайте не будем говорить об этом до тех пор, пока ваши опасения не обретут реальности.

Синтия. Хорошо! Позвольте тогда сказать о другом.

Кидд. О чем?

Синтия *(кладет руку ему на плечо)*. С вами будет говорить мама.

Кидд. Мама?.. По какому поводу?

Синтия. Она тоже боится за вас, за меня, но главным образом за Мэрриель. Бутлер готов увильнуть от женитьбы на вашей сестре, потому что боится утратить благосклонность Уилера.

Кидд. Я буду только рад такому обороту.

Синтия. Я разделяю вашу точку зрения, но мама думает иначе, потому что она мать и у нее свои взгляды на счастье ее дочери. Я уверена, что мама будет заклинать вас подумать обо всех нас, особенно обо мне, и просить для нашего блага уладить вашу ссору с Уилером... Так вот, я хочу сказать вам: как бы ни оборачивалось дело, чем бы оно ни грозило, я прошу вас, принимая решение, не думать обо мне. Думайте только о своей чести и поступайте, как подскажут вам совесть и долг. И помните, что я ничего не страшусь и перенесу все, кроме вашего отступления от долга совести, если даже оно будет продиктовано любовью ко мне.

Кидд *(после минутной паузы)*. Позавчера вы спросили меня, Синтия, знаю ли я вас. Я самоуверенно ответил, что вполне... Я был дураком! Только сейчас я узнал вас до конца... *(Подходит к Синтии и, обняв, целует ее в глаза.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Скундрелла в здании конгресса США. Высокая угрюмая комната в староамериканском стиле. Стены и потолок из резного черного дуба. Такая же тяжелая, неуютная мебель. Огромный письменный стол, на нем книги, папки с делами. За столом в готическом кресле с высокой спинкой Скундрелл. Ему лет пятьдесят пять, он худ, прям, словно проглотил палку. Напоминает президента США периода первой мировой войны Вудро Вильсона — узкий лоб с залысинами, толстые стекла очков закрывают глаза, щеки впалые, острая нижняя челюсть. Цвет лица пепельно-серый, рот — бесцветная щель, прорезанная ножом. Перед столом в глубоком кожаном кресле раскорячился, как жаба, Уилер. На коленях у него раскрытый портфель, из которого он вынимает бумагу и передает Скундреллу.

Уилер. Вот приказ об увольнении из армии. Я получил его час назад. Его удалось провести без лишних затяжек и формальностей. Помогло весьма любезное со-

действие генерал-майора Хаустона, из отдела кадров. Он сам докладывал министру... Дело в том, что эта красная ехидна во время войны служила в полку Хаустона. После скандала, о котором вы знаете, Хаустон сам выставил его из полка и выслал из Европы. Кстати, Эрл, отметьте себе этого генерал-майора. Он очень охотно пошел мне навстречу, и в разговоре я установил, что он человек вполне благонадежный и могущий быть полезным и впредь...

Скундрелл записывает в блокнот.

Ну, все!... Можете, Эрл, не церемониться с этим паршивцем Киддом, поскольку он уже не под защитой военного министерства.

Скундрелл. Это значительно удобнее.

Уилер *(выкарабкиваясь из кресла)*. Я буду в читальне. Когда кончите с ним, позвоните.

Скундрелл. Конечно!

Уилер выходит в дверь направо.

(Придвигает стоящий на столе микрофон.) Алло!.. Сайкс! Магнитофон включите немедленно после двух звонков. Понятно?.. Да... да... Ладно! *(Берет со стола папку и перелистывает бумаги.)*

В дверь слева стучат. Скундрелл не реагирует. Проходит несколько секунд, дверь отворяется, входит Кидд, в военной форме. На куртке оба ордена — американский и Красного Знамени.

Кидд. Вы мистер Скундрелл?

Скундрелл перелистывает дело, не отвечая. Долгая пауза.

(Решительно идет к столу.) Вы мистер Скундрелл?.. Я решительно протестую против вызова, который, очевидно, подписали вы. Я не считаю себя обязанным исполнять ваши предписания. Я военный и подчиняюсь только военным властям.

Пауза.

Скундрелл *(медленно поворачивает голову и оглядывает Кидда; ледяным голосом)*. Кто вы такой?

Кидд *(кладет бумагу на стол)*. Вы подписали это?

Скундрелл *(тем же тоном)*. Я спрашиваю: кто вы такой?

Кидд. Кидд! Капитан Вальтер Кидд. Начальник шестого района обороны побережья Атлантики.

Скундрелл. Почему вы не добавляете: «бывший»?

Кидд. Не понимаю... Кто «бывший»?

Скундрелл. Вы!.. Бывший начальник! Теперь понятно?

Кидд. Нет! Для того чтобы я стал «бывшим», нужен приказ министерства!

Скундрелл. Он есть... Вот!

Кидд (*берет приказ, явно ошеломлен*). Что за вздор! Как меня могли уволить из армии без объяснения причин, без предъявления обвинения, без...

Скундрелл. Вас уволили. И это все.

Кидд. Я опротестую этот приказ. Это беззаконие и произвол!

Скундрелл (*дважды нажимает звонок*). Произвол? Вы называете приказ военного министра Америки произволом?

Кидд. Как всякий приказ, нарушающий закон и устав армии.

Скундрелл. Обратите претензии к министру. Я слушать не буду. Я буду допрашивать вас.

Кидд. А я не стану вам отвечать. Повторяю: я вам не подчинен.

Скундрелл. Так было до десяти утра. С десяти и одна минута вы только обыкновенный подданный Соединенных Штатов и за отказ отвечать будете судиться, как за оскорбление конгресса.

Кидд. Вот что!.. Ловкая работа!

Скундрелл. Что такое?

Кидд. Я говорю, чисто сделано! Понятно?

Скундрелл. Да, вполне!.. Ваше собственное и родовое имя?

Кидд. Вам это известно!

Скундрелл. Да!.. Когда вы и ваша семья прибыли в Америку из России?

Кидд. К вашему сведению: моя семья прибыла из Шотландии четыреста лет назад. Разрешите спросить, мистер: а когда вы изволили осчастливить Америку своим появлением?

Скундрелл (*не отвечая на вопрос*). Я спрашиваю: когда вы прибыли из России в Америку после войны?

Кидд. Я сожалею об этом, но я никогда не был в России.

Скундрелл. Не говорите неправды. Ваш полк находился в зоне, которая впоследствии была оставлена нами русским. Следовательно, вы были на территории России.

Кидд *(смеется)*. Из вас вышел бы чудный преподаватель географии для умалишенных.

Скундрелл *(невозмутимо)*. Что вы делали в Европе?

Кидд. Дрался за дело Америки и ее союзников.

Скундрелл. Кого вы считаете союзниками Америки?

Кидд. Великобританию и Советский Союз.

Скундрелл. Как? Повторите!

Кидд. Достаточно и одного раза. Я не попугай!

Скундрелл. Да, достаточно... *(Листает дело.)*

Кидд ждет с подчеркнутым спокойствием.

В показаниях одного вашего сослуживца утверждается, что ваше лицо освещалось радостью при известиях об успехах Красной Армии. Вы можете опровергнуть это?

Кидд. Я подтверждаю это. Думаю, что любой честный американский офицер должен был радоваться успеху общего дела.

Скундрелл. Дело американской армии и дело красных — общее дело?

Кидд. Во время войны — безусловно. Мы дрались против одного врага.

Скундрелл. Однажды в офицерском клубе восьмого корпуса производился сбор пожертвований на подарки для русских. Правда ли, что вы пожертвовали пятьдесят долларов?

Кидд. Да. К сожалению, это было в конце месяца и у меня не было большей суммы.

Скундрелл. Ясно... Ваш подчиненный с форта номер девять лейтенант Барнс некоторое время назад имел с вами разговор о недостатках общественной морали, и вы советовали ему, если он желает иметь представление о разложении так называемого общества, читать Свифта и *(смотрит дело)*... и Тик... Тук.. Тиккури. Кто эти Свифт и Тиккури? Коммунисты? Где они живут?

Кидд *(разражается смехом)*. Их зовут: Свифт и Теккерей! Это величайшие сатирики мира... Они не коммунисты! Они сейчас живут в могилах на лондонских кладбищах... Уже более ста лет! *(Прекращает смех.)* Мне надоела эта чепуха! Какого черта вам надо от меня?

Скундрелл. Здесь спрашиваю я... Вы отвечаете!

Кидд. Мне противно отвечать на идиотские вопросы.

Скундрелл. И, однако, вы будете отвечать. Иначе вас передадут немедленно в распоряжение федерального бюро расследования.

Кидд. Благодарю! Вы очень любезны! Продолжайте спрашивать!

Скундрелл. Вы исповедуете какую-нибудь религию?

Кидд. Я евангелист.

Скундрелл. Мистер Бутлер, знающий вашу семью, свидетельствует, что вы не посещаете церкви.

Кидд. Я не имею времени. Военная служба требует всего дня.

Скундрелл. Вы молитесь дома?

Кидд. Иногда.

Скундрелл. За кого вы молитесь? Молитесь за членов конгресса?

Кидд *(после паузы)*. Нет!.. Когда я вижу некоторых членов конгресса, я молюсь, чтобы бог избавил от них Америку.

Скундрелл. Вы воспитываете вашу жену в симпатиях к красным?

Кидд *(встает, с негодованием)*. Ни слова о моей жене! Вы недостойны даже произнести ее имя.

Скундрелл. Вы сами разделяете преступные заблуждения коммунистов?

Кидд. Когда я подходил к порогу вашего кабинета, я был очень далек от коммунизма. Сейчас я значительно приблизился к нему.

Скундрелл. Это видно! *(Неожиданно встает и тычет пальцем в грудь Кидда.)* Это что?

Кидд. Мои боевые награды за службу Америке.

Скундрелл *(повышая голос)*. Эта русская побрякушка тоже за службу Америке?.. Или за измену?

Кидд *(сжав кулаки)*. Что такое!! Я посоветовал бы вам быть осторожней. Я могу нечаянно сломать вам че-

люсть, если вы осмелитесь еще что-нибудь сказать о моем русском ордене.

Скундрелл *(спокойно)*. Если вы сделаете еще шаг, полисмены обратят вас в мешок с костями.

Кидд. О, предусмотрительно! Вижу, что вас не раз уже били здесь.

Скундрелл. Я больше не имею к вам вопросов, мистер Кидд. Все ясно. Вы красный. Вы предатель Америки... И с вами поступят как с красным. Вы погибнете медленной смертью. От голода и нищеты! Вам нигде не будет работы в Америке.

Кидд. Стоит ли вам беспокоиться об этом?.. Как-нибудь проживу.

Скундрелл. Нам известно, что ваш почтенный отец, федеральный судья Ричард Кидд,— да будет милостив к нему господь — оставил вам некоторое состояние. Вы рассчитываете на него? Но нам известно, что при вашем образе жизни вы уже израсходовали большую часть капитала, и остатка вам хватит ненадолго. Кроме того, у нас есть способы сократить и этот срок... Но вы еще можете избежать этой участи. Мы знаем, что вы были храбрым офицером и ваше имя не раз упоминалось в приказах. Многие в Америке еще помнят вашу славу... Вы должны сделать...

Кидд. Что?

Скундрелл. Немного! Вы выступите по радио. Пять минут разговора со слушателями всего мира. Вы скажете, что вы, американский офицер, убедились в агрессивных намерениях русских. Вы скажете, что русские хотят захватить Америку и истребить американцев. И что поэтому вы с презрением возвращаете красным их орден, позорный для американца... И больше ничего. При вашем уходе из радиостудии приказ о вашем увольнении будет уничтожен и все будет забыто.

Кидд *(с усмешкой)*. Мак угадал насчет красного яблочка.

Скундрелл. Что?

Кидд. Ничего! Частное замечание... *(Пауза.)* А если я ничего не стану говорить?

Скундрелл. Тогда вы будете предоставлены вашей судьбе.

Кидд. Я должен ответить немедленно?

Скундрелл. Прежде чем выйдете из этой комнаты.

Кидд. Что ж! Хорошо! *(Снимает с куртки американский военный крест, целует и кладет на стол.)* Чтоб не задерживать дело, я возвращаю эту награду. Я приму ее вновь только тогда, когда ее будут давать честные руки и я смогу носить ее без стыда. А русский орден я оставляю себе. Больше ничего не имею сказать.

Скундрелл. Вот как?! Вы хорошо обдумали?

Кидд. Способность думать — это как раз то, что отличает меня от вас. Но это еще не все. Я знаю, чьих рук дело то, что происходит со мной. Я не ошибусь, если скажу, что в самых гнусных притонах Америки не найти пары рук грязнее, чем руки Уилера... Я не собираюсь позволить задушить меня такими руками... Я буду драться... Я расскажу все Америке...

Скундрелл. Это вам не удастся.

Кидд. Посмотрим! Скажите Уилеру, что его биография может заинтересовать американцев, и я приложу все силы, чтобы подать ее в самом ярком виде. Я раскрою глаза американцам на мошенничества с валютой в оккупационной зоне, на его связь с немецкими фирмами во время войны, гнусное предательство интересов Америки и жизней американских солдат. Вы думаете, у меня не хватит для этого сил? К счастью для меня, ваша собственная пресса любит грязь и сенсации ради грязи и сенсаций. В Америке найдутся газеты вашего же лагеря, которые ради бума утопят Уилера в помоях. И я дам им все, что нужно для этого. Прощайте! *(Поворачивается и стремительно уходит.)*

Скундрелл *(после паузы)*. Однако он крепкий парень!.. Кажется, Герберт дал осечку, рассчитывая прикончить его одним махом. *(Берет телефонную трубку.)* Мисс, дайте читальный зал, кабина семнадцать... Герберт? Приходите немедленно. *(Кладет трубку и вытирает лоб платком.)* Ф-фу! Я чувствую себя так, словно целый день таскал мешки на пристани.

Входит Уилер.

Уилер. Кончили, Эрл?

Скундрелл. Боюсь, что нет. Это человек не робкого десятка, Герберт.

Уилер. Что?

Скундрелл. Мы, конечно, прижали его, но для вас дело оборачивается не блестяще. Он задумал острый

ход. Он грозит разворошить ваши старые валютные дела и ваши коммерческие связи с гитлеровцами. Он здраво предполагает, что найдутся газеты, которые ради скандала возьмутся утопить вас в помоях вне зависимости от вашего политического кредо. Надо отдать ему справедливость, он в курсе газетных нравов.

Уилер. Так, значит, он не хочет сдаваться! Что же дальше?

Скундрелл. Остается действовать радикально. *(Пауза.)* Я недавно видел в кулуарах О'Лири. Хотите, я сейчас пошлю его к вам?

Уилер. Так серьезно?

Скундрелл. Считаю, что да.

Уилер. Отлично... Гоните его сюда!

Скундрелл уходит.

(Набивает трубку и закуривает.) Ну что ж! Я сказал этому красному, что сотру его с лица земли. Придется сделать это в прямом смысле. Он в самом деле опасен!

Входит О'Лири. Это огромный рыжий детина с низким лбом, нависшим над беспощадными, кабаньими глазками. Пол-лица занимает нижняя челюсть, круглая и тяжелая, как колено.

О'Лири. Хелло! Я вам нужен, Уилер?

Уилер. Добрый день! Как успехи «Организованной гарантии»?

О'Лири. Не могу похвастать. Последнее время работа — мелочь. Едва окупаю расходы. У вас есть дело?

Уилер. А вы думаете, я позвал вас, чтобы любоваться вами?

О'Лири. Кто объект? Имя?

Уилер. Капитан Вальтер Кидд... Майэми... Палм-Бич авеню, сорок.

О'Лири. Погодите! Это не тот капитан Кидд, которого во время войны газеты называли «Гектором Америки»?

Уилер. Он!

О'Лири. Тогда это станет вам в копеечку... *(Задумывается, подняв глаза к потолку, и потом быстро.)* Пятьдесят!

Уилер. Половина!

О'Лири. За половину я не стану гоняться даже за пуделем вашей жены. Будьте здоровы! У меня разработанная такса на обычных людей и на людей выдающихся, и я скидок не делаю. *(Идет к двери.)*

Уилер. Тридцать!

О'Лири. Сорок пять и ни цента меньше!

Уилер. Бандит!

О'Лири. Если вам не нравятся бандиты, постарайтесь устроить ваше дельце с ангелами. Мне некогда.

Уилер. Сорок — и никаких разговоров.

О'Лири. Дьявол с вами! Пишите чек.

Уилер. Срок три дня! Никаких ошибок и неудач... Не то...

О'Лири. Если бы я строил дело в расчете на неудачи, я назвал бы его не «Организованная гарантия», а «Дамская шкатулка», или вроде этого. Если покойник вам дорог, можете уже заказывать место на кладбище. Свидетельствую почтение. *(Насмешливо кланяется Уилеру и выходит.)*

Мгновение спустя вновь входит Скундрелл.

Скундрелл. На чем закончилась беседа, Герберт?

Уилер. Мы достигли полного взаимопонимания.

Скундрелл. Превосходно!.. Вы позволите мне продолжать работу?

Уилер. Пожалуйста... Всего доброго! *(Уходит.)*

Скундрелл *(садится за стол и придвигает микрофон)*. Алло, Сайкс!.. Давайте ко мне следующего.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Холл-гостиная в доме Киддов. В задней стене большое окно. Слева входная дверь, справа, под уходящей витком на второй этаж деревянной лестницей, другая дверь — в глубь квартиры. Под окном длинный, во всю стену, диван, перед ним круглый стол и несколько кресел. Сквозь окно виден угасающий закат, который быстро сменяется глубокой синевой ночи, усыпанной колючими искрами звезд. Возле входной двери стоят Бутлер, в песочном летнем пальто, и Мэрриель, в домашнем цветистом халате.

Мэрриель *(сквозь злые слезы)*. Это гнусно! Это отвратительно с вашей стороны, Перси! Это трусливая низость!

Б у т л е р. Не нужно сцен, моя лошадка! Я не рыцарь! Я скромный американец, живущий в паскудную эпоху. Я не одарен талантами. Я должен делать свое будущее любыми средствами и не пожертвую этим будущим даже за глаза королевы красоты.

М э р р и е л ь. Но почему я должна стать несчастной из-за брата? Почему я должна отвечать за его дурацкое поведение? У меня нет ничего общего с ним. Я ненавижу его! Ненавижу больше, чем вы и Уилер, вместе взятые.

Б у т л е р. Совершенно лишнее, лошадка! Каждый живет по-своему. Мне наплевать, во что верит Кидд: в звездный флаг Америки или в серп и молот. Я оцениваю вещи со стороны экономической выгодности. Мне выгоднее верить в звездный флаг. Если бы я думал обратное, я пристроился бы к серпу и молоту. Но, пока красные убеждения не дают дивидендов в Америке, я плыву в другой лодке. Я человек дела, а не убеждений.

М э р р и е л ь. Но вы говорили, что любите меня.

Б у т л е р. Но так делают все, моя лошадка, когда женщина нравится. А вы были подходящей для меня женщиной. Вас было приятно иметь в квартире, и вы могли бы отлично помогать моей карьере, потому что большие деловые люди любят между делом полюбоваться на хорошеньких женщин и переносить симпатию на их мужей.

М э р р и е л ь *(вспыхнув)*. Так я была для вас только средством успеха вашей карьеры?

Б у т л е р. Почему вы так беситесь?.. Я не торговец живым товаром и не собирался продавать вас в Аргентину. Но вы не такой ребенок и знаете, что благополучие домашнего очага и жизненный успех часто зависят от женщины: вовремя брошенный обещающий взгляд, откровенная улыбка очень размягчают пожилых джентльменов, и они уступают сто долларов там, где без женщины не уступили бы и полцента.

М э р р и е л ь. Мои улыбки — разменная монета?

Б у т л е р. Бросьте фразы! Я считал вас современной. Впрочем, все женщины от огорчения становятся старомодными. Одним словом, поймите, что при создавшемся положении для меня невозможно выполнить мое обещание жениться на вас... Я заинтересован в работе с Уилером... А мой брак с вами угрожает мне потерей этой возможности и крупными убытками.

Мэрриель. А вы думали, чем грозит мне ваш отказ от женитьбы?

Бутлер *(берет ее за руку)*. Не плачьте, Мэрриель! Честное слово, вы мне действительно нравитесь. Я говорю вам это вне всяких материальных соображений. Вы как раз женщина, способная приятно волновать меня и давать острые ощущения, так необходимые для украшения деловой обыденности.

Мэрриель *(с затаенной надеждой)*. О Перси! Ведь вы тоже нравитесь мне. Вы тип мужчины, о котором я мечтала.

Бутлер. Тем лучше, лошадка! Тогда мы можем договориться. Собственно говоря, зачем нам жениться!

Мэрриель. То есть?

Бутлер *(гладит ее обнаженную руку)*. Я иду в гору! Мои успехи превзошли мои надежды. Моя чековая книжка распухает с каждым часом. Я уже не боюсь завтрашнего дня и следующего месяца. Я даже не беспокоюсь за будущий год... Мы могли бы устроиться с вами без забот, но если обстоятельства не позволяют нам брака, то это не может мешать нам любить друг друга. Я совью вам уютное гнездышко в Вашингтоне и буду отдыхать у ваших ног. Это даже интересней брачных уз.

Мэрриель *(странно безразличным тоном)*. И я буду вашей усладой после деловых будней?

Бутлер. Вы сообразительны, лошадка! Пока мы устроимся так, а позже...

Мэрриель *(размахнувшись, бьет Бутлера по лицу)*. Негодяй! Вон!

Бутлер *(хватается за щеку, пауза)*. Однако, мисс Кидд, я вижу, что вы похожи на вашего брата больше, чем мне хотелось бы... Прощайте! *(Уходит.)*

Мэрриель мгновение стоит в оцепенении. За окном звук запущенного мотора автомобиля.

Мэрриель *(кидается к двери, распахивает ее и в отчаянии кричит)*. Перси!.. Перси!.. Вернитесь! Вернитесь, я прошу вас! Простите меня! Я поступила необдуманно. Я согласна на все, только не оставляйте меня.

Снаружи доносятся три коротких веселых гудка машины, звучащие издевательски. Потом тишина. Еле видной в наплывшей темноте тенью Мэрриель идет к дивану.

Уехал!.. Все кончено!.. Боже мой! *(Падает на диван и плачет, захлебываясь слезами.)*

На площадке лестницы наверху появляется белая тень. Щелкает выключатель, и под потолком вспыхивает люстра. Синтия наклоняется через перила.

Синтия. Кто тут? *(Видит рыдающую Мэрриель, быстро сбегает вниз и, подойдя, кладет руку ей на плечо.)* Мэрриель, милая! Что с вами?

Мэрриель *(вскакивает и отбрасывает руку Синтии)*. Не троньте меня! Убирайтесь к дьяволу!

Синтия *(изумленно)*. Опомнитесь, Мэрриель! Я только хотела...

Мэрриель. Я говорю вам, убирайтесь!.. Вы... дохлая лягушка!

Синтия. Мэрриель!

Мэрриель *(в полном исступлении)*. Я ненавижу вас... ненавижу вас с вашим проклятым эгоизмом...

Синтия. Моим эгоизмом?.. Вы понимаете, что говорите?

Мэрриель. Отлично понимаю... И вы тоже понимаете. Перестаньте кривляться! Вы, вы во всем виноваты!

Синтия. Я?.. В чем?

Мэрриель. Вы виноваты в том, что потакаете всем безумным выходкам Вальтера, вместо того чтобы удержать его и напомнить ему, что у него есть обязанности по отношению к семье. Если он не хочет беречь себя, черт с ним! Но под вашим влиянием он не желает думать о нас, и вы тоже не желаете думать о нас, хотя живете в нашем доме...

Синтия. Это наш общий дом.

Мэрриель. Нет!.. Это дом Киддов! Вы пришли в него с улицы!

Синтия. Вы не смеете!..

Мэрриель. Смею!.. Вы лицемерная втируша, ханжа, тряпка! Вы даже свое счастье не сумели удержать с вашими допотопными понятиями о совести, благородстве и всякой другой дряни... Чего вы добились этим? Вы погубили Вальтера вашей собачьей покорностью его заносчивости и нетерпимости. Из-за вас его выбросили из армии и обрекли на нищету. Из-за вас он еще попадет в тюрьму. Из-за вас должны будем голодать мама и я... Вы причиной того, что мой жених бросил меня и предлагает мне роль

содержанки... Мы гибнем, а вы продолжаете ходить с лицом невинной овечки. Я не могу видеть вас... Если вы останетесь в этом доме, я не ручаюсь, что не зарежу вас! *(Стремительно уходит.)*

Синтия *(одна)*. Несчастная девочка! Она потеряла рассудок от злобы. Бедняжка! Только бы она не наговорила таких же гадостей Вальтеру. Он может выгнать ее из дому, и она окончательно погибнет. Нужно предупредить маму, чтобы она не допустила ее объяснения с Вальтером. Мой эгоизм?.. Может быть, я действительно не права и мне следовало... Нет!.. Нет!.. Я не могу, я не хочу жить и думать иначе.

Звонок. Слева выходит Дороти, идет к входной двери и открывает ее, впуская Макдональда и Салли.

Макдональд. Добрый вечер, миссис Кидд! Капитан дома?

Синтия. Здравствуйте, мистер Макдональд. Кидд ушел на почтамт отправить пакет в Чикаго, но скоро должен вернуться.

Макдональд. Досадно! Простите, что мы в такое позднее время, но я пришел с моей Салли. Ей хотелось обязательно повидать капитана. Она ведь тоже не видала его с Германии.

Синтия. Пожалуйста, мистер Макдональд. Я рада познакомиться с вами, миссис Макдональд. Кидд рассказывал мне о вас. Я знаю всех его фронтовых друзей и желала бы повидать каждого. *(Подает руку Салли.)*

Салли. Называйте меня просто Салли. Когда меня называют миссис Макдональд, я чувствую себя так, как будто я вышла в воскресенье погулять в очень тесных ботинках и не могу ступать.

Синтия *(улыбаясь)*. Хорошо, я буду звать вас Салли, чтобы вы чувствовали себя свободней... Садитесь, мистер Макдональд! Садитесь, Салли! Кидд, наверное, возвратится через несколько минут.

Макдональд и Салли садятся.

Дороти *(подходит к Синтии)*. Миссис Синтия, миссис Кидд нет дома, и я прошу у вас разрешения отлучиться на десять минут. У моего кума, который живет за углом под железной лавкой, заболела девочка, и я снесу ей лекарство.

С и н т и я. Конечно, ступайте, Дороти! Мы обойдемся сами!

Д о р о т и. Спасибо, мэм. *(Выходит.)*

М а к д о н а л ь д. Как дела капитана?

С и н т и я. Радостного мало, мистер Макдональд.

М а к д о н а л ь д. Если уж вы согласились называть мою Салли — Салли, то выбросьте за борт и мистера Макдональда. Пусть я буду тоже просто Мак... А что, капитан уже написал жалобу в федеральный суд?

С и н т и я. Нет... Он завтра должен пойти к адвокату, чтобы вместе обсудить жалобу и подкрепить ее ссылками на законы.

М а к д о н а л ь д. Эх, отговорите его от этого, миссис Синтия.

С и н т и я. Почему, Мак?

М а к д о н а л ь д. Сейчас у капитана долгое время будет негусто с финансами. Пусть лучше побережет их на нужные вещи. Адвокаты только будут перекачивать доллары в свои карманы без всякой пользы. Жаловаться нашему суду — это все равно что жаловаться богу. Бог не дает ответов даже через радиоприемник патера Кофлина.

С и н т и я. Вы ни во что не верите, Мак?

М а к д о н а л ь д. Нет, миссис Синтия. Я верю во многое, но только не в наши законы, не в конгресс, не в судей.

С и н т и я. Ваш муж, Салли, твердый человек.

С а л л и. Он всегда был таким. Я узнала его еще на фронте, когда я только на него и смотрела, а он на меня ни разу не взглянул, потому что в его голову засело, что на войне женщины — последнее дело. И такой он всегда. Если ему что-нибудь втемяшится, он уж доведет до точки, будьте спокойны.

С и н т и я. Вы надолго приехали?

С а л л и. Нет! Разве мне можно бросить работу, когда теперь на двоих могут работать только мои руки? Я отпросилась у хозяина на три дня взглянуть, как Мак устроился у моего брата и не грызутся ли они. Но они отлично спелись и без меня, так что послезавтра я еду обратно.

За окном внезапно раздаются два слабых, потом один громкий выстрел, и снова тишина.

С и н т и я *(тревожно)*. Вы слышали? Что это, Мак?

М а к д о н а л ь д *(сделав знак глазами Салли)*. Мальчишки балуются, миссис Синтия.

С а л л и *(подхватывает)*. Уж это верно!.. После этой проклятой войны все мальчики словно свихнулись. Только и знают стрелять из чего попало. У нас в городе целый день пальба стоит, как под Шербуром в день высадки. А неделю назад сынишке нашего соседа влепили из самодельного пистолета в брюхо гвоздь в четыре дюйма длиной... Так мучился.

Макдональд сжимает кулак и за спиной Синтии показывает Салли.

(Мгновенно соображая.) На следующий день, представьте, миссис Синтия, сразу выздоровел, как ни в чем не бывало.

С и н т и я. Выздоровел в один день? С такой раной?

Внезапно входная дверь с шумом распахивается. Все оборачиваются. На пороге появляется К и д д, опирающийся на Д о р о т и. Правой рукой он поддерживает левую. С его пояса, свисая на ремешке до колена, болтается крупнокалиберный кольт.

(Вскочив, кидается к нему.) Кидд!.. Кидд!.. Что случилось?

К и д д *(выпрямляется)*. Тсс, Синтия!.. Ни звука! Мама не должна ничего знать... Ничего страшного!

С и н т и я. Мамы нет!

К и д д. Тем лучше...

М а к д о н а л ь д *(подбегает и подхватывает Кидда с другой стороны)*. Кто стрелял, сэр?

К и д д *(с трудом выговаривая)*. Не зн-аю... Посадите меня, Мак.

Салли придвигает кресло. Кидд мешком опускается на него и откидывается на спинку, закрыв глаза. Теперь видно пятно крови на его левом плече.

С и н т и я *(в ужасе)*. Кидд!.. Мак, он не отвечает! Они убили его! Убили!

М а к д о н а л ь д *(схватывает ее и зажимает ей рот)*. Тише, миссис Синтия! Салли, скорее нюхательную соль! Вы всегда таскаете эту дрянь!

С а л л и. Совсем не дрянь, Мак! *(Достает из сумочки флакон.)* Она всегда нужна! *(Дает Кидду нюхать.)*

Синтия, оцепенев, смотрит на Кидда, поддерживаемая Макдональдом.

М а к д о н а л ь д *(Дороти)*. Как это случилось? Где вы подобрали его?

Д о р о т и. Я отдала лекарство для девочки и торопилась домой. Подошла к нашему забору и увидела, что впереди к калитке приближается масса Вальтер. Только он взялся за щеколду, я увидела, как из-за пальмы

выскочил человек. И я услышала: «Пак!.. Пак!..» Масса Вальтер повернулся, вытянул руку, и я услышала: «Бум!» А масса Вальтер сел на землю. Я подбежала, и он сказал мне: «Дороти, помогите войти в дом». Я чуть не упала сама, но все-таки...

Макдональд. А человек, который сделал «пак-пак»?

Дороти. Я больше ничего не слышала, не видела. Я чуть не умерла на месте от страха.

Кидд *(открывая глаза)*. Мак!

Макдональд. Да, сэр!

Синтия. Кидд!.. Вы живы? Живы, мой дорогой!.. Что же мы стоим? Дороти! Бегом за доктором Хизнером!.. Он живет напротив...

Дороти убегает.

Кидд. Синтия, подойдите ко мне!

Синтия подходит, опускается на колени и берет руку Кидда.

Когда я услыхал первый выстрел и меня укололо в плечо, я больше всего испугался, что не смогу еще раз увидеть вас...

Синтия. Я знаю все... Не говорите! Вам нельзя!

Кидд. Потом меня пронзила страшная злоба на того, кто хотел лишить меня жизни и радости быть с вами...

Макдональд. Куда вам попало, сэр?

Кидд. Первым выстрелом он пробил мне верхушку плеча... Плохой стрелок, Мак! Я стоял под фонарем, весь на виду, в десяти шагах от него... Вторым он вовсе промазал.

Макдональд. А вы, сэр?

Кидд. Вы обижаете меня таким вопросом, Мак! С десяти шагов?

Макдональд. Значит, он...

Кидд. Лег под пальму и не шевельнулся.

Синтия. Кидд, перестаньте разговаривать. Дайте мы перевяжем вам плечо, чтобы остановить кровь до прихода врача.

Кидд *(подымается)*. Мак, отведите меня наверх.

Макдональд поддерживает его.

(Делает два шага и видит Салли.) Господи! Неужели я начинаю бредить от такой царапины? Салли! Вы ли это?

Салли. Я, сэр.

К и д д. Здорово, Салли! Счастлив вас видеть, но извините за чертовски неудачный момент для встречи.

С а л л и. Я думаю, наоборот, сэр! Очень удачно, что мы оказались тут.

К и д д. Вы правы! Пойдем, Мак! *(Медленно всходит по лестнице, поддерживаемый Макдональдом и Синтией.)* Ничего, Мак. Помните, как мы брели с вами во Франции по краю изгородей. Только тогда я поддерживал вас.

М а к д о н а л ь д. Круг замыкается, сэр!

К и д д. Нет, Мак!.. Круг начинает разворачиваться в прямую.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка третьей картины — комната Синтии. Ночь. В открытое окно льется серебряный лунный блеск. На столике у окна горит небольшая лампа. В кресле сидит К и д д с подвязанной левой рукой. На его куртке поблескивает, отражая огонь лампы, орден Красного Знамени. С и н т и я подкладывает под спину Кидда подушки. В другом кресле сидит и курит М а к д о н а л ь д.

С и н т и я. Так удобно, Кидд?

К и д д. Все, что делают ваши руки, дорогая, все хорошо для меня. *(Целует ей руку.)*

С и н т и я. Плечо меньше болит?

К и д д. Я уже забыл о нем... Теперь хочу попросить вас, дорогая, немного погулять по саду. Смотрите, какая чудная луна! А нам нужно поговорить с Маком. У меня нет тайн от вас, но это очень мужской разговор.

С и н т и я. Не нужно объяснений, Кидд. Я иду! *(Выходит.)*

К и д д. Мак, дайте мне сигарету!

Макдональд подает.

(Закуривает.) Я хочу исповедаться вам, Мак. Начистоту, как брату и товарищу... Я чуть не стал негодяем, Мак!

М а к д о н а л ь д. Не говорите чепухи, сэр!

К и д д. Это не чепуха... Я колебался, Мак! Я очень колебался. Меня просила мать, умоляла сестра. Я сам, наконец, стал думать: имею ли я право разрушать не только свою жизнь, но и жизнь близких, жизнь моей жены? Не поступаю ли я слишком по-мальчишески? Не плюнуть ли на все, не сходить ли на поклон к Уилеру и сказать, что я перехватил виски перед обедом и намолол спьяна лишнего... ну, и все такое... Отказаться от своих мыслей

и зажить, как все, чтобы сохранить свое положение в этом мире, чтобы не задумываться, где найти крышу завтра и чем кормить семью... И клянусь вам, Мак, что, может быть, я поднял бы постыдный белый флаг сдачи, если бы не Синтия... В эти дни она стала моей совестью, моим маяком.

Макдональд. Миссис Синтия — хорошая женщина!

Кидд. Ах вы, гнусная, бесчувственная деревяшка! Синтия — необыкновенная женщина. У нее сердце героя!

Макдональд. Я точно такого же мнения, сэр. Я не позволил себе слишком восторгаться миссис Синтией, не зная, как вы к этому отнесетесь.

Кидд. Дуралей! Мне это только приятно!

Макдональд. Слушаю, сэр! Теперь я не буду стесняться.

Кидд. Слушайте дальше... Когда я попал к Скундреллу и когда этот серый дьявол, вышедший из доисторической могилы, стал допрашивать меня, мне показалось, что перед входом в здание конгресса меня хватил солнечный удар и я просто мучаюсь кошмаром. Я стал щипать себя за ухо и убедился, что это не бред. Тогда я услышал, как мои иллюзии, мои сладенькие иллюзии лопнули с таким треском, как лопается на полной скорости автомобильная камера.

Макдональд. Это могло бы произойти без такого болезненного шума, сэр, если бы вы раньше прислушивались к моим замечаниям об американской демократии и законе.

Кидд. Прошу без колючек, Мак! Я и так сижу на иголках... Поймите, что все это обрушилось на меня, как лавина. Если бы накануне кто-нибудь сказал мне, что в Америке возможны такие допросы, я назвал бы его бесстыдным клеветником.

Макдональд. Жизнь познается опытом, сэр.

Кидд. Я помню, что вы еще на фронте были философом, Мак. Но сейчас не до философии, и философом я никогда не буду. И если то, что происходит со мной, называется американской действительностью, то будь она проклята!

Макдональд. Наконец вы пришли к разумному выводу, сэр.

Кидд. Я не труслив, Мак. Но сейчас меня охватывает страх. Я цепенею при мысли о том, как выглядела бы Америка, если бы ее населяли только уилеры и скунд-

реллы. Я когда-то учился археологии, Мак. Вы знаете, что это такое?

Макдональд. До некоторой степени, сэр... Что-то о развалинах...

Кидд. Не только! В систему археологии входит и палеонтология. Наука о чудовищах, Мак! О вымерших чудовищах. Была такая эпоха на нашей земле, когда она вся была во власти самых невероятных чудовищ, каких только можно вообразить. Каждое имело размеры среднего миноносца, но величина мозга у них не превышала куриного яйца. Никакого разума! Только челюсти, когти и брюхо. И ненасытная звериная жадность и ненависть ко всему живому. Они только и делали, что жрали слабейших и друг друга. Уилеры и скундреллы — потомки этих чудовищ. Они мечтают воскресить в двадцатом веке эру своих предков, чтобы, чавкая, рвать живое мясо и захлебываться кровью. Это было бы очень страшно, Мак. И всякий, в ком бьется человеческое сердце, кто верит в жизнь, должен протестовать против этого.

Макдональд. И как вы думаете протестовать, сэр?

Кидд. Еще не знаю, Мак. Когда мы дрались с нацистами в Германии, это было просто. Нажимаешь гашетку пулемета, винтовки или автомата, и враг отправляется в небытие... Тут сложней и трудней. Но я буду протестовать, Мак! Я снова поеду в Вашингтон. Я добьюсь приема в Белом доме, я раскрою глаза президенту на то, что творится в одном ярде от его резиденции.

Макдональд. И вы думаете, сэр, что президент возьмет в одну руку молнию закона, а в другую меч правосудия и поведет вас на борьбу за попранную демократию?

Кидд. Оставьте шутки, Мак. Все это слишком серьезно.

Макдональд. Вы правы! И поэтому я позволю себе заняться с вами, как с учеником воскресной школы. Им все объясняют наглядно, на опытах. *(Достает из кармана коробок и вынимает спичку.)* Я покажу вам сейчас соотношение сил. Смотрите внимательно. Вот я зажигаю спичку. Это президент, олицетворяющий права человека, закон, свободу и прочее. Вообразите теперь, что я американский капитал, его картели и монополии, его уилеры, скундреллы и другие... И вот... Фук!.. *(Сильным выдохом гасит спичку.)* Президент—спичка!.. Он загорается, гаснет, дымит и тлеет так, как угодно капиталу и его архангелам.

К и д д. Однако, Мак, вы заговорили совсем языком коммунистов...

М а к д о н а л ь д. Видите ли...

Дверь отворяется, входит С и н т и я.

С и н т и я *(взволнованно)*. Кидд, вас хочет видеть полисмен Брэстэд!

К и д д. Не слишком вовремя, но власть не считается со временем... Попросите его подождать минутку, пока я приведу себя в порядок.

Синтия выходит.

Мак!

М а к д о н а л ь д. Да, сэр!

К и д д. Я думаю, что вам не стоит встречаться лицом к лицу с представителем полиции, хотя бы ваши документы и были чище горного снега. Но мне хочется, чтобы вы были под рукой на всякий случай. *(Оглядывает комнату.)* Вы не против того, чтобы посидеть там в уголке за ширмой?

М а к д о н а л ь д. Охотно, сэр, если это не продлится больше суток.

К и д д. Я постараюсь кончить разговор в десять минут.

Макдональд уходит за экран у кровати.

(Встает, подходит к двери и открывает.) Прошу вас, полисмен!

Входят С и н т и я и Б р э с т э д. Брэстэд — худой дылда в полицейском мундире. У него вытянутое лицо борзой, длинный нос и пронзительные, остренькие, шмыгающие, крысиные глазки.

Б р э с т э д. Извините, капитан, за неурочное посещение, но мне необходимо срочно побеседовать с вами.

К и д д. Ничего не может быть приятней ночной беседы с друзьями, особенно если при этом распить рюмочку. Не так ли?

Б р э с т э д. Не откажусь, капитан.

Кидд усаживается в кресло у столика. Брэстэд — напротив.

К и д д *(наливает ему и себе из стоящей на столе бутылки)*. Ваше, Брэстэд!

Б р э с т э д. И ваше!

Оба выпивают.

Канадское!

К и д д. Настоящий «Сигрэм».

Брэстэд. Отличное качество. Канадцы — доки по части напитков.

Кидд. Несомненно!.. Итак, я готов вас слушать.

Брэстэд. Пожалуй, капитан, было бы удобнее наедине.

Кидд. Почему?.. Если речь идет о моих преступлениях, то миссис Синтия в одной шайке со мной и знает все мои кровавые тайны.

Брэстэд. Ладно!.. Вы знаете, капитан, что я помогал инспектору Блуди вести следствие по этому печальному происшествию у вашего дома, поскольку оно случилось в районе моего поста, на котором я торчу уже двенадцать лет? Могу засвидетельствовать, что инспектор старался вести его объективно и пришел к выводу, что ваши действия можно квалифицировать как «оправданное убийство в состоянии необходимости».

Кидд. Да, это достаточно объективно, как мне кажется... Кстати, куда я попал этому...

Брэстэд. В самую переносицу, капитан. Превосходный выстрел!

Кидд. Приятно слышать ваше лестное мнение! А кто он такой?

Брэстэд. При нем не было никаких документов, кроме абонемента на посещение игорного клуба на имя Паркинса. Таким образом, капитан, заключение инспектора должно было полностью гарантировать вас от всяких неприятностей. Час тому назад он отнес рапорт шерифу. Я тоже был с ним и видел, как шериф прочел рапорт, разодрал его и швырнул клочки в физиономию инспектору.

Кидд. Неужели?

Брэстэд. Да!.. Он затопал ногами и заорал, что Блуди болван. Он кричал, что вы гнусный убийца, действующий по приказам красных, и что если бы он мог обнаружить в вас хоть каплю негритянской крови, он не стал бы тянуть дело и устроил бы вам сегодня же ночью подвесную беседку на большой сосне за Золотым ручьем. Потом он приказал инспектору переписать рапорт в том смысле, что установлено злодейское, преднамеренное убийство американского гражданина из политической мести. И как только рапорт будет готов, он отдаст приказ о вашем аресте.

Синтия. Этого не может быть!

Кидд. Сохраняйте спокойствие, дорогая! Что же ответил Блуди?

Б р э с т э д. Что он мог ответить, капитан? Он на службе и зависит от шерифа. Он напишет такой рапорт.

К и д д. Ясно!

Б р э с т э д. Инспектор очень обозлился. И когда мы вышли, он сказал мне: «Брэстэд, эта чертова история мне не нравится. Я пойду писать новый рапорт, а вы отправляйтесь к дому капитана и смотрите за ним в оба». Я пошел.

Пауза.

К и д д *(задумчиво)*. В таком случае объясните мне, Брэстэд: почему вы пришли предупредить меня? Ведь это может помешать шерифу и инспектору выполнить их долг перед американским законом, а следовательно, повредить и вам?

Б р э с т э д. Видите ли, капитан, это только кажется непонятным, но вы быстро поймете, если я вам объясню.

К и д д. Я буду очень признателен.

Б р э с т э д. Я подумал так: «Капитану все равно сбежать некуда, да и не такой он человек». Все равно утром мы заберем вас и я надену вам наручники. Это уж как пить дать. Раз я получу приказ арестовать человека, я сделаю это, будь это даже моя мамаша. Пока я служу в полиции, я орудие закона. Правильный закон или нет — не мое дело. Раз закон требует посадить человека за решетку, я глух и слеп, хоть бы меня умоляли все жены и матери Америки. Но я прекрасно понимаю, что человеку очень неудобно, если его забирают так сразу, здорово живешь. Может быть, ему надо успеть сделать кое-какие дела, кое-что спрятать. На это нужно время. И я решил, что закон я завтра исполню, а сегодня предупрежу капитана и заработаю на выпивку... Ведь вы не пожалеете поблагодарить меня, капитан?

К и д д. Вы удивительно толково объяснили все, Брэстэд. И я с удовольствием вознагражу вас. Правда, в связи с неважными материальными делами я не могу быть слишком щедрым сегодня... *(Вынимает из кармана кредитку.)* Двадцать пять долларов вас устроит?

Б р э с т э д. Конечно, это маловато, капитан, но так и быть. Ведь все еще может кончиться благополучно, тогда вы подбросите еще.

К и д д. Безусловно! Выпьем по третьей и пожелаем друг другу спокойной ночи.

Выпивают.

Брэстэд. Делайте что хотите, капитан, до завтра. Клянусь, что до девяти утра я не высуну носа из кабака. До завтра! *(Выходит.)*

Синтия с ужасом смотрит ему вслед. Из-за ширмы появляется Макдональд.

Кидд. Вы слышали, Мак? Какой превосходный экземпляр, не правда ли?

Макдональд. Так или иначе, но вы все же предупреждены. Между прочим, вы не обратили внимания на одну деталь.

Кидд. Какую?

Макдональд. На фамилию типа, которого вы ухлопали.

Кидд. Что в ней особенного?

Макдональд. Вы забыли, что между нашими ребятами был один молодчик, который носил ту же фамилию.

Кидд. И вы думаете...

Макдональд. Он был негодяем и шел по дороге негодяев. И я не удивлюсь, если это именно он. Тем более что он хорошо знал вас в лицо и был удобен для такого дела. А если мое предположение правильно, то дело оборачивается для вас еще хуже, потому что он состоял в банде «Американского легиона». Убийство легионера! Из этого можно сделать бум.

Синтия. Неужели это возможно, Мак? Неужели они могут арестовать Кидда? Против всех божеских и человеческих законов?

Макдональд. По всем нечеловеческим законам Америки это произойдет завтра утром, если только... *(Пауза, потом решительно.)* Ваш муж, миссис Синтия, только что исповедовался мне. Теперь моя очередь!.. Сэр, полисмен Брэстэд прервал наш разговор на самом крутом подъеме. Вы сказали, что я заговорил языком коммунистов. Вы не ошиблись! Я и думаю, что пришло время разговаривать на этом языке, потому что для меня он родной язык. Я коммунист, сэр!.. Это первое!.. Второе: я не совсем точно изложил вам действительные причины моей прогулки в Барнеби. Я не собираюсь нежиться на солнышке и ловить рыбку. Барнеби для меня лишь этап... Брат Салли — лихой моряк и знает дорогу до Кубы в обход морских патрулей. А мне необходимо съездить на несколько дней на Кубу. Я не могу открыть вам мотивы этого путешествия. Но поймите, сэр, насколько я вам доверяю, если решился сказать и это.

К и д д. Я ценю ваше доверие, Мак!

М а к д о н а л ь д. Я отплываю перед рассветом, сэр. Салли приехала проводить меня перед разлукой, которая, может быть, не обещает встречи... Путь не легок...

К и д д. Стойте, Мак! *(Пауза.)* Вы можете познакомить меня с братом Салли?

М а к д о н а л ь д. Вполне своевременный вопрос, сэр!.. Значит, вы окончательно простились с иллюзиями?

К и д д. Да, Мак! Простился!

М а к д о н а л ь д. И решили переждать грозу в тихой гавани?

К и д д. На этот раз вы плохой отгадчик. Меньше всего я думаю о тихой гавани. Я ищу места, где смогу установить свою батарею и открыть огонь. Ведь я уже сказал, что начинаю битву за Америку. Я хочу начать ее без промедления.

М а к д о н а л ь д. Отлично, капитан! Узнаю вас таким, каким знал на фронте.

С и н т и я. Вы хотите покинуть Америку, Кидд?

К и д д. Да, моя дорогая! Покинуть на время, чтобы потом вернуться в нее и вернуть ее себе, вам, Маку и многим американцам. Нашему народу!

С и н т и я. Но разве этого нельзя сделать, оставаясь в Америке?

К и д д *(подходит и кладет руку ей на плечо)*. Вы хотите, чтобы я остался вести битву за Америку здесь?.. Нет, Синтия! Я люблю Америку! Мне дорога каждая пядь ее земли, потому что мое тело из этой земли. Для меня нет страны прекрасней, просторов шире, лесов зеленей и вод чище, чем в наших озерах и реках. И нет народа родней, чем наш простой, честный, миролюбивый народ. Я не могу разлюбить Америку оттого, что в ней беснуется стадо диких буйволов, которые топчут все, что дорого человеку... Но я не хочу сидеть тут и ждать, пока сквозь звериный рев прорвется голос моей Америки. Ей крепко забили рот, и она еще не скоро выбьет этот кляп.

С и н т и я. Что же вы хотите делать?

К и д д. Отдать мою жизнь честному делу... Я хочу, чтобы во всех концах земли люди увидели невыразимый позор, которым покрыли Америку ее властители. Чтобы все ясно поняли природу револьвера, пуля которого пробила мне плечо. Это тот же револьвер, который гулял по Берлину в руке гитлеровца!.. Который раскраивал лица польских и русских детей и женщин в концлагерях и про-

ламывал им черепа. Сейчас этот револьвер разгуливает в нашем собственном доме, в Америке! И нужно сделать все, чтобы человечество скорее вырвало его из преступных рук. Это долг каждого честного человека. Это мой долг!.. За это я буду сражаться и хочу, Мак, чтобы в этом бою мы были рядом, как прежде.

Макдональд. Я был бы рад, но не имею права, капитан.

Кидд. Почему?

Макдональд. Я сказал вам, что я коммунист. Я в боевом строю моей партии, которая уже ведет здесь бой. Тяжелый бой! И я не могу уйти с переднего края.

Кидд. Значит, вы считаете, что и мне нужно остаться?

Макдональд. Вы свободны располагать собой. Но бесспорно одно: вам нельзя оставаться в этом доме... даже в этом штате. Это будет бесцельная жертва.

Быстро входит Салли. Она очень взволнована.

Салли. Мак!.. Мак!

Макдональд. Что с вами, Салли?

Салли. На улице у дома много людей!

Кидд. Много людей?.. А что это за люди, Салли?

Салли. Не знаю. Но это плохие люди. Они прячутся в темноте. Я заметила, что некоторые в масках.

Синтия. Боже мой! Что это значит, Мак?

Макдональд. Это не полисмены, Салли?

Салли. Нет, Мак!

Макдональд. Так!.. Это худшее из всего, что можно было ждать. Это сволочь «Американского легиона». Они решили, капитан, не ждать, пока начнет действовать законная власть, и хотят разделаться с вами за своего молодца без проволочек.

Синтия *(в волнении)*. Мак!.. Мак, вы не допустите этого. Спасите его, Мак! Вы должны это сделать!

Макдональд. Тсс, миссис Синтия... Теперь нужно подумать о спасении всех...

Кидд *(перебивает)*. Есть одно только решение, Мак! Уходите через сад, не медля ни минуты, и уводите женщин. *(Вынимает из кармана пистолет.)* Я придержу их. Они возьмут меня не раньше, чем у меня кончатся патроны...

Синтия *(бросаясь к нему)*. Я не позволю вам этого, Кидд!

Макдональд *(подходит и властно берет у Кидда пистолет)*. Оставьте это, капитан. Здесь не тот фронт,

где дело решается количеством боеприпасов и меткостью стрелков. Это совсем иной фронт, и на нем вы новобранец... С вашего разрешения, я принимаю командование.

К и д д. Однако...

С и н т и я. Мак прав, мой дорогой! Вы должны подчиниться! Я прошу вас!

К и д д. Это явный бунт, Мак!

М а к д о н а л ь д. Нет!.. Это восстание, капитан!.. После вы можете посадить меня за него под арест. А сейчас не будем терять время... Салли, марш в сад! Осмотритесь, есть ли люди у стены, выходящей к берегу. Если там свободно, дайте сигнал.

Салли быстро выходит.

Приготовиться, капитан!

К и д д *(подходит к Синтии)*. Дорогая!.. Будьте спокойны!.. Я вернусь! Непременно! И мы снова будем вместе. Уже навсегда!

С и н т и я *(отступая)*. Вы хотите оставить меня, Кидд?

К и д д. Синтия...

С и н т и я *(перебивая)*. Неужели вы хоть на миг могли подумать, что у меня не хватит мужества разделить вашу судьбу? Что я могу нарушить свою присягу? Вы все еще не вполне знаете меня, Кидд. Иначе вы не оскорбили бы меня так!

К и д д. Но это война, Синтия... И, может быть...

С и н т и я. Что бы ни было, я буду с вами до вашего последнего часа.

К и д д. Что вы думаете об этом, Мак?

М а к д о н а л ь д. Раз вы разрешили мне хвалить миссис Синтию, как мне хочется, я позволю сказать, что не желал бы лучшего бойца в моем взводе.

К и д д. Это большая похвала, Мак... Я видел вас в бою.

М а к д о н а л ь д. И еще увидите, капитан!

Внезапно за сценой раздается грохот тяжелых ударов по железу. Все прислушиваются. Через сцену к выходной двери бежит Д о р о т и.

Д о р о т и. Помилуй бог! Что это такое?

К и д д. Стоп, Дороти!.. Не ходите туда! Пусть они повозятся. Нашу калитку делали при Аврааме Линкольне, когда не жалели железа на запоры.

Слышен легкий свист.

М а к д о н а л ь д. Путь свободен! Пора, капитан!

К и д д. Идем, Мак!.. Мы отдадим все силы, чтобы разорвать петлю, затянутую на горле Америки, и дать ее голосу зазвучать, как звучал он в дни наших предков. А если враги Америки в последней злобе пустят в ход когти и зубы войны, мы позовем наших боевых товарищей, простых американских парней, которые шли с нами против фашизма. Многие услышат наш зов! И позовут других!

Грохот ударов в калитку сильнее, слышны крики.

Солдат за солдатом, взвод за взводом, рота за ротой, она будет расти — армия новой Америки!.. И мы будем насмерть стоять за эту Америку здесь, на нашей земле... Командуйте, Мак!

М а к д о н а л ь д. В поход, капитан!

Макдональд, Кидд и Синтия быстро выходят.

Д о р о т и *(одна)*. Волки идут за добычей!.. Волки идут!

Слышен треск, потом топот бегущих.

(Распахивает парадную дверь и становится на пороге.) Идите, волки!

В дом врываются н е с к о л ь к о ч е л о в е к в м а с к а х, с пистолетами. Впереди верзила, взмахом руки отшвыривающий Дороти, которая падает на пол и сидит, опираясь на руки.

В е р з и л а. Где хозяин, черная сука?

Дороти молча вытягивает руку и показывает на дверь второго этажа, над лестницей.

За мной! Стрелять без церемоний!

С гиком и топотом банда бежит за верзилой наверх и скрывается за дверью. Оттуда слышен треск ломаемой мебели и крики.

Д о р о т и *(поднимаясь на колени)*. Ищите, волки! Ищите! Вы останетесь голодны сегодня. Вы никого не найдете. Но скоро мы начнем искать вас... Мы — простые белые, черные, желтые люди! Нас много! Нас очень много! И от нас вы не спрячетесь! Нет!

З а н а в е с

1949 г.

ЛЕРМОНТОВ

Драма в четырех действиях, двенадцати сценах

Светлой памяти сына и друга —
Андрея Лавренева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лермонтов Михаил Юрьевич.

Арсеньева Елизавета Алексеевна, его бабка.

Жуковский Василий Андреевич, Белинский Виссарион Григорьевич, Краевский Андрей Александрович, Одоевский Владимир Федорович, Соллогуб Владимир Александрович — литераторы.

Раевский Святослав Афанасьевич, родственник и друг Лермонтова.

Браницкий Ксаверий Владиславович, граф, поручик лейб-гвардии гусарского полка.

Одоевский Александр Иванович, Лихарев Владимир Николаевич, Лорер Николай Иванович — ссыльные декабристы, солдаты Кавказского корпуса.

Глебов Михаил Павлович, корнет лейб-гвардии конного полка, носит правую руку на черной повязке.

Васильчиков Александр Илларионович, князь.

Трубецкой Сергей Васильевич, князь, поручик лейб-гвардии гусарского полка.

Пушкин Лев Сергеевич, майор, брат А. С. Пушкина.

Карамзина Софья Николаевна, дочь Н. М. Карамзина.

Щербатова Мария Алексеевна, княгиня.

Клингенберг Эмилия Александровна, падчерица генерала Верзилина.

Тимофеев, старослуживый солдат.

Вакхов, больной солдат.
Соколов Иван, слуга Лермонтова.
Саникидзе Христофор, слуга Лермонтова.
Кригер, мичман гвардейского экипажа, караульный начальник на гауптвахте.
Мигунов, матрос гвардейского экипажа, часовой на гауптвахте.
Штабс-капитан, содержащийся под арестом на гауптвахте.
Николай I, император.
Михаил Павлович, великий князь.
Бенкендорф Александр Христофорович, граф, шеф корпуса жандармов и начальник III Отделения.
Дубельт Леонтий Васильевич, начальник штаба корпуса жандармов.
Барант Эрнест, сын посла Франции.
Д'Англесс Рауль, атташе французского посольства.
Столыпин Николай Аркадьевич, двоюродный брат Лермонтова, чиновник Министерства иностранных дел.
Мартынов Николай Соломонович, соученик Лермонтова по Школе кавалерийских юнкеров, ротмистр-кавалергард, впоследствии отставной.
Лисаневич, прапорщик.
Плаутин, генерал-майор, командир лейб-гвардии гусарского полка.
Кушинников, подполковник.
Флигель-адъютант.
Адъютант Бенкендорфа.
Плац-адъютант.
Офицер.
Валуев.
Дама в красном платье.
Сановник со звездой.
Фельдфебель.
Толстый игрок.
Игрок с коком.
Игрок с баками.
Желчный игрок.
Слуга в ресторации Найтаки.
Служанка у Верзилиных.

Гости у Карамзиных и Верзилиных и другие эпизодические лица без речей.

Действие — в Петербурге и на Кавказе в 1837—1841 годах. Открывается занавес. За ним второй — тюлевый. На сцене темно. На тюле в рамке из черного флера цифра
1837

Под ней текст:
«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в средине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невознаградимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано».

Спустя минуту сцена освещается.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Февраль 1837 года. Комната в доме Арсеньевой в Петербурге. Вечер. За окнами, затканными морозным узором, бесится метель. Снег с сухим шорохом бьется в стекла. Полумрак. На столике возле большого «павловского» дивана горят две свечи в шандале. Рядом с шандалом аптекарская склянка и ложка на тарелке. На диване лицом к стене лежит Лермонтов, в зеленом шелковом халате с лисьей опушкой по вороту и рукавам. Его ноги прикрыты пуховым одеялом. В вольтеровском кресле у стола сидит, читая книгу, Раевский. У одного из окон стоит Арсеньева, в наброшенной на плечи турецкой шали, в чепце с лентами, прислушиваясь к вою метели.

Арсеньева. Мга!.. Крутит! Не унимается... Воет, словно отпевает. Угораздило царя Петра поставить стольный град на гиблом месте... *(Пауза.)*

За стеной часы медленно отбивают восемь ударов.

Вот и ночь подошла. Пора Мишеньке лекарство давать... *(Идет к Лермонтову.)* Мишенька! *(Щупает лоб Лермонтова.)* Вон как пышет... Мишенька!

Лермонтов поворачивается.

Это я, голубчик. Время лекарство принять.

Лермонтов. Не могу, бабинька... Душа не принимает.

Арсеньева. Не упрямься, дружок. Арендт велел по часам принимать. *(Наливает лекарство в ложку.)* Выпей, не мучь меня! Одно ведь ты у меня утешение в горькой старости. *(Дает лекарство.)*

Лермонтов *(морщась, пьет)*. Брр... мерзость!

Арсеньева. Потерпи для здоровья. *(Трогает повязку на горле Лермонтова.)* И повязка высохла. Дай сменю!

Лермонтов *(слабым голосом)*. После, бабинька! *(Целует руку Арсеньевой.)* Погодите... Мне дремлется.

Арсеньева. Дремли, дремли, Христос с тобой. Я к ночи еще наведаюсь. *(Поправляет одеяло.)*

Лермонтов опять повернулся к стене.

(Отошла к Раевскому, шепотом.) Присмотри за ним, Святослав. Разговаривать не давай. От разговору кровь в голову кидается. Уж он с утра наговорился. Все о Пушкине да про Пушкина... Сам не свой. И что он вам дался, этот Пушкин, царствие ему небесное... *(Выходит.)*

Едва дверь закрывается за ней, Лермонтов садится и срывает с горла повязку.

Раевский *(встревоженно)*. Миша! Что ты делаешь? Сейчас же изволь лечь, не то верну бабушку.

Лермонтов. Оставь, пожалуйста... Не могу я валяться в такие дни, как нервическая девица. До хвори ли тут?

Раевский. Ты убьешь бабушку непослушанием. Она ведь только тобой дышит.

Лермонтов. Ах, знаю... Извела меня заботами. Все за маленького считает. *(Пауза.)* Ну, досказывай, не томи... Все равно не отстану.

Раевский *(оглянулся на дверь, вполголоса)*. ...Таково было высочайшее повеление: схоронить втихомолку. Переполошились небывалого скопления народа на отпевании. Царь испугался, как бы мертвый Пушкин не вывел снова столицу на Сенатскую площадь... С вечера всю Конюшенную жандармами обставили. В полночь подкатило двое саней... Впереди дровни, сзади крытый возок, а за ним жандарм о конь... Вынесли гроб, прикрутили к дровням и умчали под конвоем.

Лермонтов. На дровнях!.. С жандармом!.. Как казненного разбойника!.. Пушкина! *(Пауза. Прислушался.)* Подло как метелица воет. Бабинька права — словно отпевает. Плачет русская земля!.. Подлец Дантеска! Не упрячь его царь под караул, вытащил бы я беглого французишку на барьер... Ох! *(Бьет кулаком в подушку.)*

Раевский. Перестань! Опять жар нагонишь.

Лермонтов. К черту жар!.. Все к черту!.. Проспали! Проглядели!.. *(Пытается встать.)*

Раевский *(удерживая)*. Миша!.. Право, безумный! Подушка не Дантес! Не отбивай рук попусту. Лучше послушай, что с твоими стихами делается.

Лермонтов. А что?.. Ты много списков роздал?

Раевский. И не упомню. Повсюду разлетелись. Особо много через моих университетских однокашников... Уж я всех наделил. А они по всему городу... Краевский снес Жуковскому, Вяземскому, Одоевскому... Из рук рвали. Вяземский сказал: «Эти стихи залог того, что не заглохнет в поэзии пушкинский посев».

Лермонтов. Правда?

Раевский. Клянусь! Повсюду друг у друга списывают. Даже простой народ!.. В кофейных вслух читают. Представить не можешь! Намедни у Дюме кто-то высказался, что впервые поэзия на Руси заговорила голосом общего мнения... Все твердят твое имя... Это слава, Миша!

Лермонтов. Я не для славы...

Раевский. Знаю... И не думай, что радуюсь этой славе. Труден подвиг русского поэта. За него платят не только карьерой, но и головой. Вспомни Рылеева.

Лермонтов. Что ж... славная смерть!

Раевский. Тише!.. Не дай тебе бог такой славы! Я и то опасаюсь... Уж очень ты прошумел по столице.

Лермонтов. Пустой шум!

Раевский. Нет!.. Боюсь, как бы наша знать не озлилась!

Лермонтов. Чепуха!.. Тебе пришла отличная мысль — поставить в эпиграф обращение к государю. Мы просим царя, как верноподданные, судить убийцу... «Отмщенья, государь, отмщенья! Будь справедлив и...»

Раевский *(прерывая)*. Верно! Но не нашлось бы среди небесных мундиров кого-нибудь не глупее нас... Бенкендорф мудрый змий. И не вышло бы худа...

В приоткрывшейся двери появляется голова Соколова.

Соколов. К вам Николай Аркадьич Столыпин. Прикажете допустить али сказать, что хворы?

Лермонтов. Вот уж не вовремя! Нелюб мне этот преуспевающий кузен. Но ничего не поделаешь... Зови!

Соколов скрывается.

Раевский. Я пройду пока в зало.

Лермонтов. Останься! Скорее уберется.

Входит Николай Столыпин. Он в камер-юнкерском мундире, в атласных бальных панталонах с шелковыми чулками и в бальных туфлях.

Столыпин. Bonsoir, Michel! Алексис m'a dit ce matin [1] о твоем нездоровье. Не в пору, mon cher [2]. Самый разгар балов. Но, надеюсь, ничего опасного? Bonsoir, мсье Раевский.

Раевский молча кланяется.

Лермонтов. А ты почему таким павлином?

Столыпин. Скачу к Нессельроде. Soirée de clôture [3]. Соберется весь свет, и сам государь обещал быть.

Лермонтов *(после паузы)*. Да!.. Пушкина нет — свет танцует.

Столыпин. Ah, mon cher! Несчастный Пушкин... Ужасная потеря... A propos [4], по Петербургу бежит молва о твоих стихах. Мне показывали... Очень милы, но, знаешь, mon ami [5], ты не прав.

Лермонтов. Не прав?.. Объяснись!

Столыпин. Нет сдержанности чувств, беспристрастия... Ты возвел Пушкина в чрезмерную апофеозу и слишком напал на бедного Дантеса.

Лермонтов. Ты жалеешь... убийцу Пушкина?

Столыпин. Mais non [6], я его не оправдываю. Гибель Пушкина прискорбна, но согласись, что он вел себя непозволительно avec sa jalousie brutale [7]. Так оскорбить посланника Нидерландов!.. Дантес, как офицер гвардии и человек чести, должен был вступиться за своего приемного отца и решить дело кровью.

Лермонтов. Офицер гвардии? Дезертир и распутник? Как он смел поднять руку на Пушкина? Всякий порядочный человек простил бы Пушкину вспышку гнева, вызванную грязным пасквилем.

Столыпин. Но, mon cher, Дантес не русский! От него нельзя требовать уважения к русской поэзии.

Лермонтов. Поэзию чтут, как божий дар, даже дикие народы. А твоего Дантеса четвертовать надо, чтобы другим неповадно...

---

[1] Здравствуй, Мишель! Алексис сказал мне сегодня утром *(фр.)*.

[2] мой дорогой *(фр.)*.

[3] Заключительный вечер *(фр.)*.

[4] кстати *(фр.)*.

[5] мой друг *(фр.)*.

[6] Ах, нет *(фр.)*.

[7] со своей бешеной ревностью *(фр.)*.

С т о л ы п и н. По действующим законам он не подлежит нашему суду.

Л е р м о н т о в. Значит, законы дрянь!.. Не подлежит? Отлично! Но, кроме земного суда, есть еще божий суд... Есть! Есть!

С т о л ы п и н. Что же ты на меня кричишь? Будь справедлив и признай, что, в конце концов, Пушкин сам напросился на пулю.

Л е р м о н т о в. Что?! Что ты сказал? Ты осмелился?.. *(Приподнялся.)* Ты тоже из шайки клеветников и ненавистников Пушкина?.. Нам не о чем говорить... Вон!

Р а е в с к и й. Миша! Опомнись!

С т о л ы п и н. Это дико!

Р а е в с к и й *(тихо)*. Не спорьте с ним, Николай Аркадьевич! Он болен и возбужден... Вам лучше уйти!

С т о л ы п и н. Конечно, уйду... Но это неслыханно! Он буйный сумасшедший... Его связать надо... *(Поспешно уходит.)*

Вдогонку ему в дверь летит и шлепается о филенку кожаная подушка с дивана, пущенная Лермонтовым.

Р а е в с к и й *(подымая подушку)*. Ты действительно помешался.

Л е р м о н т о в. Если бы он не ушел, я пустил бы ему в голову шандал. Каков молодчик!.. Что же ты молчишь?

Р а е в с к и й. Молчу, пока ты не придешь в себя.

Л е р м о н т о в. Да?.. Ну и молчи! Молчи! Не зли меня! Точно сговорились все.

Пожав плечами, Раевский углубляется в книжку. Лермонтов сидит, устремив взгляд на пламя свечей. Потом быстро вытаскивает из-под подушки тетрадь, раскрывает и читает что-то, беззвучно шевеля губами. Хватает со стола карандаш и, зачеркнув какие-то слова, вписывает другие.

Р а е в с к и й *(улыбаясь)*. Муза мучается родами?

Л е р м о н т о в. Молчи!.. Прошу, не мешай!

Тишина. Плачет за окнами вьюга. Сквозь ее унылый визг возникает чуть слышный барабанный бой. По мере его приближения к нему присоединяется унылый, как напев вьюги, посвист гвардейских флейт. Раевский подходит к окну, дышит на стекло и вглядывается.

Р а е в с к и й. Лейб-гренадеры!.. Даже в такую пургу гоняют. *(Оборачивается к Лермонтову, который, положив тетрадь на колени и закрыв глаза, что-то шепчет.)* Как ребенок? Здоров?

Л е р м о н т о в *(не слушая)*. Отлично!.. Этому стаду мало одной пощечины? Хочется еще?.. Извольте!

Р а е в с к и й *(обеспокоенно)*. Миша, ты бредишь?

Л е р м о н т о в *(открыв глаза, с жесткой усмешкой)*. Нет!.. Эти думы два дня терзали мне голову... Я записал их вчера... Теперь все! Слушай!

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

По мере чтения Раевский, охваченный волнением, подходит к Лермонтову, прижав руки к груди и смотря на поэта с восторженным удивлением. Лермонтов бросает тетрадь на стол. Раевский проводит рукой по лбу, как бы отгоняя оцепенение.

Ну, что же ты молчишь, Святослав?

Р а е в с к и й *(придя в себя)*. Боже! Ты понимаешь, что ты написал?

Л е р м о н т о в. Спиши и раздай!

Р а е в с к и й *(с испугом)*. Нет, нет! Нельзя!

Л е р м о н т о в. Что?.. Разве плохо?

Р а е в с к и й. Бесподобно... но ни в коем случае нельзя... Эти стихи можно показать только немногим. Тем, кто связан с Пушкиным теснейшей дружбой.

Л е р м о н т о в. Ты страшишься?

Р а е в с к и й. Не за себя! Если эти строки широко разойдутся, тебе несдобровать.

Л е р м о н т о в *(на миг задумался)*. Э! Семь бед — один ответ!.. Не все ли равно — каземат с решеткой или без решетки. От судьбы не уйдешь! *(Берет со стола тетрадь и подает Раевскому.)* Бери!

З а н а в е с

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет Бенкендорфа в III Отделении. Хмурое зимнее утро. Хотя шторы на окнах отдернуты, в кабинете угрюмо и мрачно. Этого мрака не могут рассеять даже многочисленные свечи, пылающие в канделябрах, и горящий камин. Посреди кабинета большой стол на бронзовых львиных лапах. За ним сидит, перелистывая папку с делом, Бенкендорф. Отблески свечей трепещут на его впалых щеках, на бесцветных тонких усах, мерцают в серебре эполет и аксельбантов. Против Бенкендорфа в кресле Дуббельт.

Бенкендорф. Будь что будет, любезнейший Леонтий Васильевич, но после того, как эти стихи попали в когти мадам Хитрово, мне не остается ничего больше, как немедленно доложить о них государю. Проклятая язва уже раззвонила о них по всем салонам. При всем желании не могу замолчать.

Дуббельт. Примите лишь во внимание, Александр Христофорович, что поступок совершен Лермонтовым по крайней молодости и неразумию.

Бенкендорф. Молодость не извиняет. Политический разврат не имеет возраста. *(Усмехнулся.)* Но в нынешних обстоятельствах было бы неразумно уделять слишком большое внимание этой выходке... Кстати, кажется, этот безусый обличитель родня вам?

Дуббельт. Седьмая вода... Скорее свойство. По Столыпиным.

Бенкендорф. Не поздравляю... С такой родней, любезнейший Леонтий Васильевич, вы тоже рискуете угодить в мятежники.

Дуббельт *(улыбаясь)*. Приятно видеть вас, Александр Христофорович, в хорошем расположении духа. Изволите шутить?

Бенкендорф. До шуток ли? В другое время ваш корнетишка насиделся бы у меня в каземате и до смерти потаскал бы солдатскую лямку... Говорите — неразумен? Ерунда-с! Он не по возрасту умен! Он знал, что делал! И это опаснее, чем сотня крикунов, которые вылезут на площадь размахивать шпагами и кричать: «Ура, конституция!» Тех можно разогнать картечью. А что прикажете делать со стихами? За несколько дней они уже расползлись по России, как зараза... Сей стихоплет по духу прямой наследник Пестеля и его шайки. *(Берет со стола листок.)* Только подумайте! *(Читает.)* «Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи...» Каналья! Но ему повезло. Смерть Пушкина произвела

невиданную смуту в умах. Время не для крутых мер. На месте государя я нагнал бы страху на Нессельродшу, госпожу Полетику и их берлоги. Они хватили через край в травле Пушкина! Они вырвали его у меня. Я не имел нужды в его смерти. Она сделала его великомучеником и вызвала общее сожаление о нем. Он был мне нужен живой. Имея сведения о возрожденном им тайном обществе...

Д у б б е л ь т. Но ведь Булгарин попросту наврал, выслуживаясь. И тайное общество — нелепая сказка.

Б е н к е н д о р ф. Пусть сказка!.. Но она давала возможность справиться с Пушкиным так, чтобы мы оказались победителями. Уронив его репутацию в глазах благомыслящего общества, сделав его жупелом мятежа, я заслал бы его подальше, чем покойный государь Александр. В такие места, перед которыми кишиневская ссылка показалась бы ему раем. И тем самым надолго утихомирил бы всех либеральных болтунов во главе с Жуковским... Теперь же Пушкин мертв, Нессельродша умыла руки, а молва шипит: «Бенкендорф — убийца!»

Д у б б е л ь т. Но ведь это явная клевета!

Б е н к е н д о р ф. А как вы уверите в этом? Подлинные пружины остаются в тайне. А то, что Третье отделение — я... вы — палачи Пушкина, об этом кричат даже кучера на улицах... И в заключение всего эта мерзкая лермонтовская прокламация в стишонках.

В раскрывшейся двери показывается а д ъ ю т а н т.

А д ъ ю т а н т. Ваше сиятельство! Камергер двора его величества Василий Андреевич Жуковский!

Б е н к е н д о р ф. Изволите видеть! Легок на помине, чувствительный пастушок и сердечный друг Пушкина. Не в добрый час!.. Оставьте меня наедине с ним, Леонтий Васильевич. Проси.

Дуббельт выходит в маленькую дверь позади стола. Спустя мгновение входит Ж у к о в с к и й, в камергерском мундире.

(Поднявшись, Бенкендорф идет навстречу с обворожительной улыбкой, протягивая руки.) Василий Андреевич! Милости прошу... Чему обязан удовольствием видеть вас в «пыточном приказе», как именуют мой скромный кабинет ваши друзья литераторы? Располагайтесь!

Жуковский грузно садится, достает фуляр и вытирает лоб.

(Отойдя за стол, Бенкендорф наблюдает за ним. Дальнейший разговор он ведет стоя, все время любезно склоняясь к Жуковскому.) Вы будто взволнованы? Что такое?

Жуковский. Александр Христофорович! Я в недоумении!... Больше того, я в негодовании. Это ни на что не похоже!

Бенкендорф. Вы негодуете, Василий Андреевич? С вашим незлобивым сердцем? За что? На кого?

Жуковский. Возмутительно!.. Кажется, мое положение и моя репутация дают право быть избавленным от подобных оскорблений. Государь доверил мне воспитание наследника цесаревича, я пользуюсь дружеским расположением царской семьи, уважением общества, а меня считают вором. Ко мне приставляют соглядатаев.

Бенкендорф *(прерывая)*. Помилуйте, Василий Андреевич! Что вы говорите?! Кто мог осмелиться?

Жуковский *(нервно)*. Вам это превосходно известно... Семейство покойного Пушкина оказало мне высокую честь разбора рукописей, оставшихся после него... И вот, по чьему-то подлому навету, приказанием вашего сиятельства назначен чин вверенного вам корпуса для наблюдения за мной. Причина та, что якобы я тайно вынес из дома Пушкина три пакета рукописей опасного направления, чтобы скрыть их от правительства. Какая низость!

Бенкендорф. Вы в заблуждении, дражайший Василий Андреевич! В совершенном заблуждении. Я не отдавал подобного приказания. Да и не посмел бы... *(Подчеркивает.)* Го-су-да-рю импе-ра-тору лично благоугодно было дать вам помощника не для наблюдения, а для избавления вас от нареканий. В бумагах Пушкина могут найтись сочинения, вредные для общественного спокойствия. Вы поэт! Поэты не умеют, да им и не пристало, разбираться в политической кухне...

Жуковский. Я достаточно разбираюсь, чтобы...

Внезапно перегнувшись через стол и в упор смотря на собеседника, Бенкендорф наносит неожиданный удар.

Бенкендорф. ...чтобы понимать, что Пушкин был вожаком демагогической партии?

Жуковский *(растерянно отшатнулся)*. Что? *(Пауза.)* Это неправда!.. Клевета, преследующая Пушкина и в гробу.

Бенкендорф. Это правда, Василий Андреевич! Да-с!.. Мятежный дух Пушкина и из могилы продолжает вредно действовать на умы.

Ж у к о в с к и й. Поверьте мне...

Б е н к е н д о р ф *(с ласковой беспощадностью)*. Я не обязан ничему верить, Василий Андреевич! Я обязан проверять. *(Пауза. Берет со стола листок и дает Жуковскому.)* Вам знакомы эти стихи?

Ж у к о в с к и й. Да! Стихи Лермонтова на смерть Александра Сергеевича.

Б е н к е н д о р ф. Так вот, сегодня я проверял донесения, что многие лица в городе получили списки этих стихов от вас... Надеюсь, вы не станете отрицать?

Ж у к о в с к и й *(после паузы)*. Не собираюсь!.. Я не отказывал лицам, просившим у меня списать стихи. Они плод искреннего вдохновения, рожденного скорбью о почившем гении. Это благородный голос!

Б е н к е н д о р ф. Вы утверждаете меня, Василий Андреевич, во мнении, что поэты витают в облаках, далеко от земных дел... Эти стихи — голос мятежа, Василий Андреевич! Это всходы из злого семени, посеянного Пушкиным и его единомышленниками...

Ж у к о в с к и й *(возмущенно)*. Это ложное представление о Пушкине, Александр Христофорович! Да, в юности Пушкин бывал невоздержанно вольнодумен. Но он давно отрекся от заблуждений и стал верноподданным.

Б е н к е н д о р ф. Вы утверждаете это, Василий Андреевич? Государя уверяют, что Пушкин умер нераскаянным.

Ж у к о в с к и й. Это ложь, ложь и ложь!

Б е н к е н д о р ф. Я очень рад слышать это. *(Вкрадчиво.)* Поймите, Василий Андреевич, наш общий долг — оберегать Россию от потрясений. Смута снова подымает голову. Стихи Лермонтова возбуждают недовольство, и, я думаю, государь был бы очень огорчен, узнав, что вы являетесь одним из распространителей этого мятежного воззвания.

Ж у к о в с к и й *(подавленно)*. Вы преувеличиваете, Александр Христофорович. Неужели несколько строк, горячность которых искупается сердечной болью об утрате Пушкина, могут поколебать крепость престола?

Б е н к е н д о р ф. Вы дитя, Василий Андреевич! В обществе, особенно среди этих разночинных демократов, царит убеждение в мятежности Пушкина. Беспокойные элементы тщатся сделать его знаменем противуправительственных замыслов. Нужно рассеять эти мерзкие выдумки. Кому же сделать это, как не вам, учителю и другу Алексан-

дра Сергеевича? На ком же, как не на вас, лежит святой долг доказать, что Пушкин не был лицом политическим? Убеждайте государя в лояльности Пушкина. Устраните из сочинений Пушкина опасные для общественного спокойствия строки. Этим вы очистите его память в потомстве и укрепите устои трона.

Ж у к о в с к и й. Я всегда защищал Пушкина от клеветы и буду делать это и впредь в беседах с его величеством.

Б е н к е н д о р ф. И позвольте посоветовать вам не принимать участия в распространении опасных стихов.

Ж у к о в с к и й. Я обращаюсь к сердцу вашего сиятельства. Пощадите юношу, который, может быть, станет достойным наследником Пушкина. Неужели нужна еще жертва?!

Б е н к е н д о р ф *(изображая колебание)*. Не знаю, Василий Андреевич! Не обещаю. Вы знаете, как нетерпим государь к проявлениям либеральной отравы.

Ж у к о в с к и й. Вы можете убедить государя. Он прислушивается к вам.

Б е н к е н д о р ф *(после паузы)*. Хорошо! Не могу отказать вам, Василий Андреевич.

Ж у к о в с к и й. Благодарю вас.

Б е н к е н д о р ф. А вас я прошу подумать над предметом нашей беседы.

Ж у к о в с к и й *(встал)*. Не смею более утруждать ваше сиятельство.

Б е н к е н д о р ф *(чрезвычайно любезно)*. Я получил истинное удовлетворение от нашей чистосердечной беседы. Желаю здравствовать, Василий Андреевич!

Бенкендорф провожает Жуковского до двери. Когда он остается один, маска любезности сменяется холодной усмешкой. Он возвращается к столу, берет колокольчик, звонит. Входит а д ъ ю т а н т.

Леонтия Васильевича!

Адъютант уходит в дверь позади стола, откуда через минуту появляется Д у б б е л ь т.

Сожалительно, любезнейший Леонтий Васильевич, что вы не имели удовольствия полюбоваться испугом прелестной Светланы.

Д у б б е л ь т. Разрешите полюбопытствовать о предмете разговора?

Бенкендорф. Он явился выразить неудовольствие наблюдением за его деятельностью по разбору пушкинских рукописей. Но я быстро успокоил его, дав понять, что его роль в распространении списков лермонтовских стихов не составляет для меня секрета. Пока он был в смятении, я воспользовался этим и направил его душу на путь спасения.

Дуббельт. Не вполне разумею, Александр Христофорович.

Бенкендорф *(с ледяной улыбкой)*. Я внушил ему мысль о его священном долге очистить репутацию Пушкина от упреков политических. В расстройстве чувств он ухватился за нее. А я обещал ему смягчение кары вашему протеже.

Дуббельт. Следовательно, я могу обнадежить госпожу Арсеньеву возможностью снисхождения к ее внуку?

Бенкендорф. На этот раз можете, любезнейший Леонтий Васильевич. Но предупредите, что он на дурной дороге и в другой раз пощады не будет.

Шумно распахивается дверь. Влетает возбужденный адъютант.

Адъютант. Его императорское величество!

Бенкендорф делает знак Дуббельту. Тот поспешно выходит. Бенкендорф спешит к двери. В шинели с бобровым воротником, в кавалергардской каске, входит Николай. Резким жестом сбрасывает на руки адъютанта шинель, отдает каску. Адъютант уходит с одеждой.

Бенкендорф *(с глубоким поклоном)*. Ваше величество!

Николай. Мое величество, Александр Христофорович! Собственной персоной. По дороге с развода заехал проведать.

Бенкендорф. Я безмерно счастлив, ваше величество!

Николай. Не спеши!.. Не думаю, что будешь очень счастлив моим визитом. *(Вынимает из-за обшлага бумагу.)* Изволь, полюбуйся. Сегодня получил городской почтой, как простой смертный... Стишки!.. Надпись: «Воззвание к революции»... Недурно? Чья проделка?

Бенкендорф. Я уже осведомлен, ваше величество. Стишки лейб-гусара Лермонтова. Мы только что говорили о них с Леонтием Васильевичем, и я собирался нынче же доложить вашему величеству.

Николай. О чем докладывать?.. В солдаты мерзавца! Без выслуги! Сгноить в строю!

Бенкендорф. Позвольте сказать, ваше величество...

Николай. Что сказать?.. Распустились, подлецы! Узнаю дух моих друзей с Сенатской площади... Не унимаются!

Бенкендорф. Ваше величество! Удостойте выслушать старого и преданного слугу.

Николай. Так и быть, говори!

Бенкендорф. Ваше величество! Дело мной исследовано. Стихи — дерзкая болтовня недоросля. Однако он написал их без дурного умысла, уверенный, что ваше величество, в безграничном милосердии к вашим подданным, столь же огорчены смертью Пушкина, как и все общество... Он полагал, что высказывает чувства, совпадающие с чувствами монарха...

Николай *(опешив)*. А? Как?.. Гм... ну да, конечно, я, как человек и христианин, не могу не скорбеть сердечно о кончине Пушкина.

Бенкендорф. Кто посмеет усомниться в этом, ваше величество? Не сомневался и корнет Лермонтов. Но его благие помыслы по недоумию выражены невоздержанно. Это стоило бы примерного наказания. Но, ваше величество, смерть Пушкина вызвала во всех слоях общества возбуждение непредвиденное. Наказание молодого человека, пытавшегося выразить общую печаль, еще более потрясет умы. Я не могу, ваше величество, ручаться за спокойствие столицы.

Николай *(испуганно)*. Ты с ума сошел?

Бенкендорф. Никак нет, ваше величество. Вы не изволили видеть толпы народа на отпевании Пушкина. Я принужден был поставить под ружье гарнизон столицы и не допустить похорон в Петербурге.

Николай. Бунт?

Бенкендорф. Слава богу, до этого не дошло, ваше величество... Наконец, есть обстоятельство, о котором я едва смею...

Николай. Что за обстоятельство? Начал, так говори все!

Бенкендорф. Есть негодяи, которые осмеливаются устремлять жало клеветы против священной особы...

Николай *(грозно)*. Что-о?

Бенкендорф. Вы позволили говорить все, ваше величество... Дерзкие языки связывают ваше имя с именем жены Пушки...

Николай *(в ярости)*. Замолчи!

Бенкендорф. Молчу, ваше величество! *(Пауза.)* Но позволю заметить, что стихи Лермонтова называют виновниками драмы лиц из знати, la crème de noblesse [1], и таким образом ставят преграду клевете на помазанника.

Николай *(успокаиваясь)*. Ты думаешь?

Бенкендорф. Уверен, ваше величество. Поэтому корнет Лермонтов заслуживает снисхождения... И последнее, ваше величество... Европа! Ее общественное мнение и печать на стороне Пушкина.

Николай. Проклятые якобинцы!

Бенкендорф. Они задают там тон, ваше величество... Поэтому главная моя забота сейчас — отнять Пушкина у либералов и представить России, а более того — Европе, как верного почитателя вашего величества, пламенного сына вашей державы.

Николай. А ты здоров ли, Александр Христофорович? Хоть ты у меня волшебник, но боюсь, что такой фокус и тебе не по плечу.

Бенкендорф. Я и не берусь, ваше величество. *(Усмехнулся.)* Это должны сделать и сделают друзья Пушкина. И в первую очередь — Жуковский.

Николай. Что-то чересчур мудрено, Александр Христофорович!

Бенкендорф. Меня только что посетил Василий Андреевич. Мы с любовью поговорили о Пушкине. Василий Андреевич с убедительностью доказывал, что легенда о мятежности Пушкина придумана неблагонамеренными элементами, использующими в своих целях славное имя поэта... Василий Андреевич ручался за Пушкина.

Николай. Ручался?! Он?.. Подумаешь! А кто мне за него самого может поручиться? Угорь! Вьюн! Турецкая лиса!.. Я давно каюсь, что доверил ему душу сына. Ему не самодержца воспитывать, а гаремных девок. Евнух!

Бенкендорф. Не смею судить, ваше величество. Но Василий Андреевич обещал мне приложить все силы, чтобы утвердить лояльность и преданность Пушкина

[1] сливки дворянства (*фр.*).

вашему августейшему дому... Мне Россия не поверит, но ему...

Н и к о л а й *(смотрит в глаза Бенкендорфу)*. Умен! Ох, умен! Знаю, ты верный друг. Хвалю! Спасибо! Дай обниму! *(Обнял.)* Прощай!

Б е н к е н д о р ф. Касательно же стихов Лермонтова, ваше величество, я полагал бы выдержать сочинителя, а равно и главного распространителя — чиновника Раевского — в крепости... Но...

Н и к о л а й. Раевского — в службу в отдаленные местности. Лермонтова — из гвардии тем же чином в нижегородские драгуны. Авось на Кавказе поумнеет! *(Идет к двери, сопровождаемый Бенкендорфом.)*

З а н а в е с

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Обстановка первой сцены. Комната Лермонтова. В окна бьет яркий свет зимнего солнца. Над крышами Петербурга глубокое, зеленое, как льдина, небо. На крышах сверкает снег. В комнате предотъездный беспорядок. На столе разбросанные книги, на полу ворох смятых и разорванных бумаг, веревки. На ручку кресла брошена шинель, на сиденье барашковый кивер нижегородских драгун и кавказская шашка в серебряных ножнах. Посреди комнаты дорожный сундук с полукруглой крышкой, обитой телячьей кожей. И в а н С о к о л о в и я м щ и к затягивают на нем ремни. У окна стоит и смотрит вдаль Л е р м о н т о в.

Л е р м о н т о в. Прощай, немытая, чухонская столица! Увижу ли тебя еще — бог весть. А не увижу — не заплачу.

С о к о л о в. Михаил Юрьевич... Выносить?

Л е р м о н т о в *(обернулся)*. Что?

С о к о л о в. Можно, говорю, выносить?

Л е р м о н т о в. Ага!.. Тащите!..

Ямщик поднимает сундук с одного бока.

Я м щ и к. Гляди — на глаз велик, а весу почти не тянет.

С о к о л о в. А много ли у нас добра? Хозяйство холостое. Две плошки, три ложки — и вся недолга. *(Берется с другого бока.)* Давай!

Л е р м о н т о в *(подбегая)*. Стой! Стой! *(Со смехом влезает верхом на сундук.)* Выносите со мной вместе. Ехать так ехать!

Ямщик. Чудишь, ваше благородие.

Соколов. Эх, Михаил Юрьевич, все бы вам баловаться. Вот и добаловались, что приходится к нехристям под пули отправляться. И самому плохо, и бабушку измучили. Глазоньки выплакала.

Лермонтов. Не ворчи, Ваня! Погуляем на Кавказе и вернемся! А тебя я там женю. Черкешенку высватаю, красавицу.

Соколов. Это басурманку-то? Не дай господи!

Лермонтов. Ну, эскадрон... шагом марш!

Соколов и ямщик поднимают ящик с Лермонтовым и направляются к дверям. Лермонтов наигрывает губами кавалерийский марш. У дверей шествие наталкивается на вошедшего Краевского.

Краевский *(в недоумении)*. Это что же значит?

Лермонтов. Не смущайся, Андрей Александрович! Опальный драгун отправляется на погибельный Кавказ. На дохлом теляти! *(Соскочив с сундука, обнимает Краевского.)*

Соколов и ямщик уходят с сундуком.

Краевский. Все дурачишься?.. Не пойму: талант... ума палата — и эти мальчишеские эскапады.

Лермонтов. Не брюзжи, Краевский... Я и есть мальчишка. Ты сочти, сколько мне лет. И не читай проповеди... Затерзали проповедями. Добро бы только бабушка. Так нет!.. Дядюшки, тетушки, полковой командир, немецкий черт Клейнмихель... даже чинушка, который подорожную выписывал. Все охают, жалеют... Карьеру загубил! А я, ей-богу, счастлив.

Краевский. Уж это врешь! Чему радоваться?

Лермонтов. На Кавказ попаду. С детства его, как обетованную землю, люблю. Ты и вообразить не можешь такой красы. Стоят великаны в снеговых шапках, в ущельях ревут потоки, по склонам леса, каких в сказке не увидишь... А небо! Синий бархат, не чета вашей питерской портянке. Живых людей увижу, свежим воздухом подышу... И вообще — Восток, страна чудес. Наполеон недаром говорил, что великие репутации делаются на Востоке.

Краевский. То-то он и потерял свою в Москве. А тебе пора перестать куролесить. Не юнкер!

Лермонтов. А когда и покуролесить, как не в молодости, пока еще кипят жизненные силы?

Краевский. Так хоть дурил бы умно... А то безобразишь по-солдафонски.

Лермонтов. Умно?.. Покорно благодарю, братец. Попробовал — едва крепости миновал... Да и ты отслужи молебен. Я думал, и тебя потянут за раздачу моих стихов... *(Задумался.)* Эх, Андрей! Мучит меня, что Святослав за меня пострадал. Я еще хоть на Кавказ, а его в болота, в Олонец загнали. Коли увидишь его раньше меня — обними крепко и скажи — прошу прощенья.

Краевский. Да он тебя и не винит... Но, послушай, я на минуту забежал, проститься. Спешу в типографию. Счастливого пути, милый!.. Не лезь там в драку без толку... Ждем от тебя стихов... Много! Хороших!

Лермонтов. Подожди, Андрей!.. Чуть не забыл... Ночью что-то не спалось, потянуло к столу. Была у меня одна вещь. Давно еще написалась, да чувствовал — неладно. Вот переписал наново. Вышло ли — не знаю.

Краевский. Сейчас же давай! Хорош мальчик! С тебя станется, что в дороге стихами трубку раскуришь!

Лермонтов берет со стола дорожный портфель и достает из него листок.

(Заглядывает в листок.) «Бородино»... Что это тебя в историю повлекло?! *(Читает и, кончив, поворачивается к Лермонтову.)* Михаил Юрьич!

Лермонтов *(быстро)*. Как?

Краевский. Ну, знаешь!! *(Развел руками.)* В семимильных сапогах шагаешь... *(Читает вслух, выделяя каждое слово.)*

«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой!

Лермонтов. Годится?

Краевский. Чудовище! Он еще спрашивает! Да это сам народ разговаривает. Я всю нынешнюю поэзию за этот листок продам. Ах, если б мог видеть Пушкин! Вот спасибо! *(Прячет листок.)* Прощай же, душа Михаил

Юрьич!.. Главное — присылай стихи. Для тебя «Современник» открыт порто-франко. Дай тебе бог счастья.

Обнимаются. Проводив Краевского, Лермонтов возвращается к столу и кладет портфель. Берет с кресла кивер и вертит его в руках. Внезапно его лицо искажается. Он яростно швыряет кивер об пол и отбрасывает ногой в угол.

Лермонтов. Зачем?.. Зачем я влез с человеческой душой под дурацкий колпак?.. За что променял свободу на эту барабанную шкуру? *(Сбрасывает на пол шинель и бешено топчет.)* Душно! Силы нет... Только бы бабушка выпросила прощенье, а там бежать... В отставку! В пустыню!.. К черту на рога!.. Только не быть ученым пуделем... Не тянуть носков! Не таскаться в караулы и разводы... Жить по-людски... Довольно! *(Рвет крючки воротника.)* К дьяволу!

В дверь стучат. Лермонтов опомнился, поднял шинель, достал платок, вытер глаза. Стук повторяется сильнее.

Кто?.. Войдите!

Входит Ксаверий Браницкий, в шинели, запорошенной снегом. У него суховатое, умное, недоброе лицо, небольшие подстриженные усы над тонкими губами. Говорит с едва уловимым мягким польским акцентом.

Браницкий. День добрый, коханый!

Лермонтов *(радостно)*. Ксаверий Браницкий... Ужели ты? Из Царского? Да ты весь в снегу!

Браницкий. Чуть тройку не загнал. Торопился застать... От всего гусарства тебе трижды виват и доброго пути!

Лермонтов. Вот это радость! А я думал, что уж в полку меня забыли.

Браницкий. Помнят, Михась!.. Сердечно помнят! *(Вглядывается.)* Однако что то с тобой? *(Подошел вплотную.)* Пан Езус! Что то — слезы? Зачем?

Лермонтов *(отвернулся)*. Вздор! Нервы!

Браницкий *(берет его за руку)*. Так!.. Вижу, я вовремя! *(Оглянулся.)* Нас никто не услышит?

Лермонтов. Нет!.. Но что за тайна?

Браницкий. Михась! Не езди на Кавказ!

Лермонтов. Почему? Что случилось?

Браницкий. Еще не случилось... *(Значительно.)* Но случится, если ты поедешь на гибельную судьбу. Тебе нужно бежать!

Лермонтов. Не понимаю... Куда? Зачем?

Браницкий. В тебе великие возможности! Ты поэт милостью бога!.. Но разве поэты нужны здесь? Ты прославишь свое имя там, где есть свобода для разума...

Лермонтов. Не возьму в толк, Ксаверий...

Браницкий. Послушай! Есть способ вырваться из тюрьмы. Через два дня моя мать едет в Париж. С ней отправляется один компатриот, поляк. Компонист! Паспорт для него выправлен... Я говорил с матерью. Она согласна. Выезжай сейчас в Тауроген и дождись там матери. Переедешь границу, как тот человек. А там ты волен. Во Франции польские братья примут тебя как родного. Мы увидимся там позже. Я вскоре навсегда покину Россию, как только кончится наше дело о майорате... Решайся, Михась!

Долгая пауза.

Лермонтов. Ценю твою дружбу, Ксаверий. Благодарю тебя, но... нет!

Браницкий. Матка боска! Для чего... Послушай! Ты рожден не для России, не для этого мундира тем более. Здесь не отечество для талантов. Царь задушит тебя, как Пушкина, как чуть не задушил нашего Мицкевича... Пушкин рвался из России. Я знаю это от Елизы Воронцовой. Он проклинал судьбу, что его угораздило, с умом и талантом, родиться в этой стране. Если б ему удалось вырваться, он жил бы и сейчас... Беги!.

Лермонтов. Пойми!.. Будь я тобой, я не задумался бы покинуть это царство парадов, палок и муштровки. Ты поляк!.. Родина твоя в угнетении, разорвана на части. Права твоего народа попраны, государственность отнята... Ты здесь на чужбине. А мне тут отчизна!

Браницкий. Но она и тебе не матка, а мачеха! Ты не вольнее любого хлопа!.. Рабство!

Лермонтов. Да! А все же отчизна! И тем, что она в рабстве, она мне еще дороже. Ты сказал о Пушкине... Его счастье, что он не смог или не захотел вверить свою судьбу ветрилу чужого корабля. Как знать, остался бы он Пушкиным на чужой земле, которую мог бы полюбить, но за которую не смог бы страдать? В детстве я слышал песню крестьянки: «Лучше смерть на родной сторонушке, чем постылая жизнь на чужбинушке».

Браницкий. Шаную [1] благородство твоего сердца,

[1] Уважаю.

Михась, но боюсь за тебя. Русский мрак одной свечой не осветишь.

Лермонтов. Но и больше одной смерти не бывает. Оставим это!.. Дай руку, и спасибо тебе за порыв сердца и дружбу.

Браницкий. Жаль, Михась!.. Жаль!

Лермонтов. Каждому своя судьба, Ксаверий... Но... тс! Слышу, сюда идут. Это бабушка! Ей ни слова!

Входит Арсеньева, расстроенная, вытирая глаза платком.

Арсеньева. Неужто пора, Мишенька? Все не могу поверить. Как же мне с тобой расстаться? *(Увидев Браницкого.)* Граф?.. Здравствуй, голубчик!

Браницкий. Падам до ног, пани! *(Целует руку Арсеньевой.)*

Арсеньева. Приехал Мишеньку проводить? Вот спасибо, дружок. Такое у меня несчастье. А все от стихов... Простить себе не могу, что еще нанимала, старая дура, профессора Мерзлякова преподавать Мишеньке словесность. Вот и доучился до беды.

Браницкий. До беды, пани Елиза Алексеевна, и без профессора недалеко. Все кончится счастливо.

Лермонтов. Не горюйте, бабинька. Только выхлопатывайте скорее прощение начальства и отставку.

Арсеньева. Отставку?.. Нет, родной! Дуббельт мне давеча говорил, что про отставку и думать нечего сейчас. Нужно тебе послужить исправно, загладить грех.

Лермонтов. Какой грех? Я греха за собой не знаю.

Арсеньева. Тебе бы только противоречить. Смирись! И братец Афанасий мне отписал, что тебе должно стараться в службе ретивей быть, чтоб государь перестал на тебя гневаться. А еще пишет, что в военной службе благородней служить отечеству, чем бумагу марать.

Лермонтов. Надоели мне дядюшкины и тетушкины указы. Я своим умом живу.

Арсеньева. Ну вот! Усовести хоть ты его, граф. Ты постарше... Вот какова благодарность. Я на него всю жизнь положила, в люди вывела, а он дерзит. Родную бабку ни во что не ставит!

Браницкий *(усмехается)*. Я ему только что мудрые советы давал, да он и меня не слушает.

Арсеньева. Вот... вот! Никого не слушает и сломит себе голову. А что со мной станет, о том не думает.

Всех близких я потеряла, думала в нем опору на старости найти, а он... бессердечный... *(Плачет.)*

Лермонтов и Браницкий переглянулись. Лермонтов безнадежно махнул рукой и бросился к Арсеньевой.

Л е р м о н т о в. Бабинька! Ну что вы? Ведь вы же знаете, что я вас люблю, покорен вам всегда... Все сделаю, как хотите, только не плачьте... Бабинька! *(Обнимает и целует Арсеньеву.)*

А р с е н ь е в а. Пожалей меня, Мишенька! Один ты у меня, ненаглядный.

С о к о л о в *(показываясь в дверях)*. Михаил Юрьевич, пора трогать. Кони застоялись.

Л е р м о н т о в. Сейчас!.. Ступай!

Соколов выходит.

(Освобождается из объятий Арсеньевой.) Благословите в дорогу, бабинька.

А р с е н ь е в а *(берет со стола иконку на цепочке)*. Уже? О господи! Когда ж я тебя увижу, Мишенька? И увижу ли? Смерть уже за спиной стоит.

Л е р м о н т о в. Полно, бабинька! Увидимся!

Арсеньева крестит его и надевает на шею иконку.

А р с е н ь е в а. Господь с тобой!

Сели. Встали.

Л е р м о н т о в. Прощайте... На улицу, бабинька, не ходите... Мороз, а у вас еще кашель не прошел. Да и долгие проводы — лишние слезы. Простимся здесь. *(Долгое объятие. Лермонтов вырывается.)* Идем, Ксаверий! *(Быстро выходит с Браницким.)*

А р с е н ь е в а *(крестит вслед)*. Храни тебя Христос! *(Подходит к окну, смотрит.)*

Слышен звон колокольчиков.

Боже мой! Уехал! *(Отходит и опускается на колени перед иконой в углу.)* Господи сил и спасения нашего! Силою твоей и благодатью спаси и сохрани путешествующего раба твоего, болярина Михаила! *(Бьет земной поклон и остается распростертой на полу.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Поляна на холмистом склоне, заросшем по гребню чащей кустарника. За гребнем виднеется далекая горная цепь с пятнами вечного снега на вершинах. На переднем плане слева небольшая палатка. Справа под густой кроной кряжистого горного дуба, низко распластавшего ветки, разведен костер. На железной треноге над огнем висит чугунок. К стволу дуба прислонены два ружья. На штыках висят ранцы и патронные сумы. Перед огнем на камне сидит, накинув на плечи шинель от утреннего холодка, седоусый, с седыми бачками старослуживый Тимофеев. Рядом лежит, укрытый кошмой, положив под голову свернутую шинель, болезненного вида солдат — Вакхов. Облокотясь на руку, он слушает рассказ Тимофеева. Солнце еще не взошло. Очень раннее утро, и только на горных снегах постепенно усиливается розовый блеск зари...

Тимофеев *(помешивая шомполом в чугунке)*. ...приводят, следственно, энтого узденя пред полковника. С лица кровь бегит, бороденкой рыж, сам худ, что переярок по весне, одначе стоит гордо, шапки не ломает. «Ты что ж, такой-сякой,— говорит полковник,— разбойничаешь, под белого царя не замиряешься?» А он зырк глазом, что твой ястреб, да как закричит: «Яман твой царь, собака! Свой народ на цепи держит и нас хочет... Шайтан! Плюю на могилу его отца!» Затрясся весь... Полковник шашку вон... вжик... и распластал его впоперек...

Вакхов. Боже ты мой!.. За что?

Тимофеев. А ты думал!.. Как-никак, а помазанник. Про себя думку о нем держи какую хошь, а на людях не пробалтывайся. *(Пауза.)* Ты из чьих будешь, Вакхов?

Вакхов. Князей Юсуповых. Под Москвой, в архангельском театре, у них за теноре ди грациа пел. Меня мальчонкой из деревни за голос взяли. Голос был — соловьям в зависть. Князь мной перед всей Москвой чванился. Фамилия моя от рождения Фуфырин. А эту дали для благозвучия, в честь бога вина и веселья — Вакха. Ездил я в Италию обучаться бельканто. Там в оперу звали. В шелках ходил. Синьоры цветами забрасывали.

Тимофеев. А к нам как же угодил?

Вакхов. Маладетта [1] Фортуна! В княжеские именины новую оперу давали. А я накануне горло простудил

[1] Проклятая.

и в главной арии верхнее «ля» сорвал... ноту такую... Князя перед гостями осрамил. Наутро приказ — в солдаты!

Т и м о ф е е в. Н-да! Выходит, не повезло, брат!.. Не ходи за горем, оно не за морем. Само найдет. Тяжко небось?

В а к х о в. Сперва руки на себя хотел наложить. А теперь привык... Грудь вот только болит. И, видно, недолго мне терпеть осталось.

Т и м о ф е е в. Жаль, да с жалости сапог не сошьешь. Гляжу, скучаешь ты. Там к умственному разговору приобык, а здесь словом не с кем перемолвиться... Мы-то больше по-матерну.

В а к х о в. Я, дядька Тимофеич, на солдат не обижаюсь. Душевно приняли и обиды не делали... Вот из господ офицеров прапорщику Лермонтову много обязан. С той поры, как он в отряде, мне полегче. Песни мои ему полюбились. А особо старинные. Я их много знаю. Велит петь и все в тетрадку записывает... И у ротного мне облегчение выспрашивает.

Т и м о ф е е в. Слыхано, его на Кавказ из гвардии за продерзость шибанули.

В а к х о в. Про Пушкина слыхал? Про стихотворца?

Т и м о ф е е в. Где мне... Грамоте не учен.

В а к х о в. Был такой, в русской словесности первый. Прошедшей зимой застрелил его заезжий француз на поединке. Француза враги подговорили. Знали — царь Пушкина не любит. Вот и услужили. А его благородие прапорщик Лермонтов стихи написал на его кончину и дело раскрыл. Чуть не угодил, как я, под солдатскую долю. Послали в наказанье сюда служить.

Т и м о ф е е в. Хрен редьки не слаще. Либо на пулю наскочит, либо лихоманка сгноит, как Лександра Иваныча Одоевского. У нас это запросто... Пригляди, друг, за огоньком, а я к ребятам схожу.

Взяв ружье, Тимофеев уходит. Вакхов садится, подбрасывает хворост в огонь и разбитым тенорком тихо напевает.

Расступись-ка, ты, мать сыра-земля,
Ты верни, отдай волю-волюшку,
Что в тебе лежит захоронена,
Черным ворогом в гроб уложена.

Уложил ее православный царь,
Схоронил ее в стужу зимнюю
На Петровской широкой площади,
Отпевал ее громом пушечным...

С первыми словами песни из-за дуба появляются Лермонтов и Александр Одоевский. Лермонтов в расстегнутом сюртуке с отогнутым воротом. На голове белая фуражка. Одоевский в солдатской форме, с ружьем. Услыхав пение, Лермонтов делает предостерегающий жест, и оба, остановясь у дуба, слушают. Не заметив их, Вакхов обрывает песню и ворошит угли.

Лермонтов *(выходя)*. Что ж ты остановился, Вакхов? Продолжай!

Вакхов *(испуганно вскочил)*. Ваше благородие!

Лермонтов. Пой!.. Дальше пой!

Вакхов. Ваше благородие! *(Вдруг падает на колени.)* Не губите! Сам не знаю, как запелось... Не выдавайте!

Лермонтов *(бросается к нему)*. Вакхов! Ты с ума сошел! Встань сейчас же!.. Слышишь... Саша, да помоги же поднять!

Вместе с Одоевским подымают Вакхова.

Вакхов *(вне себя)*. Христом-богом клянусь, больше никогда... Узнает начальство — запорют.

Лермонтов. Опомнись... Я не доносчик. Не теряй достоинства, Вакхов! Ты же артист!

Вакхов. Был, ваше благородие. А нынче унижен сверх меры и гордость потерял. А то, что вы благодетель мой, по гроб не забуду.

Лермонтов. Оставь это!.. А песню допой.

Вакхов. Нет!.. И не просите! Хоть убейте!

Лермонтов. Напрасно! Хорошая песня!.. А ты знаешь, о чем она?!

Вакхов *(вдруг взглянул в упор)*. Знаю, ваше благородие! Как не знать, когда мной сложена. *(Надрывно закашлялся.)*

Лермонтов. Забудем эту песню, коли не хочешь. А вот вчера ты мне старую донскую пел. Не кончил — тревогу забили... Может, сейчас докончишь? Этой бояться нечего.

Вакхов. С охотой, ваше благородие.

Лермонтов. Ты прервал на том, как Разин завещал похоронить себя на распутье... Одоевский, послушай! Это чудесно!

Вакхов. Там всего несколько стихов и осталось. *(Начинает распевом.)*

Схороните меня, братцы, между трех дорог,
Меж Казанской, Астраханской, славной Киевской,
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах моих положьте саблю вострую,
Кто пройдет али проедет — остановится,
Моему животворному кресту помолится,
Моей вострой, вострой сабли испужается...

Все, ваше благородие! *(Опять закашлялся.)*

Лермонтов. Ох, как хорошо! Спасибо, Вакхов! Чудный дар для меня твои песни... Ступай! Отдыхай!

Вакхов. Благодарствую, ваше благородие. Скоро уж я на вечный отдых. А вы песен этих не забывайте. Они дедами сложены — пусть для внуков живут.

Вакхов укладывается, укутываясь кошмой. Одоевский и Лермонтов идут к палатке и садятся на пни. Лермонтов вынимает записную книжку и пишет.

Лермонтов. Какой клад народной поэзии у этого несчастного! Я слушаю его с наслаждением. Хотя бы конец этой песни о Разине. Ведь прямая находка для моих замыслов... Но ты не слушаешь, Саша! Ты чем-то озабочен?

Одоевский. Меня взволновала подслушанная нами песня. Ожило прошлое. Припомнились друзья — мертвые и те, что еще мерзнут в Сибири. Словно наяву пережил вновь страшный день, когда Николай отпел пушечным громом первые ростки свободы... Но неужели мы напрасно жертвовали собой, чтобы вывести Россию из могильного сна?!

Лермонтов. Не тоскуй, Саша! Одним этим воспоминанием ты счастливее нас. Никогда не будет у нас такой полной восторга минуты, которая заставила тебя воскликнуть накануне рокового дня: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» Мы и умирать не умеем. Вянем, как трава. Ничто не волнует умы, не трогает чувств. Коснеет в бесплодии мысль. Нынешнее поколение живет не пылом благородных страстей, а холодом ожесточенного рассудка и безотрадным скепсисом.

Одоевский. Ты рисуешь печальную картину. Пусть мы только призраки, живые мертвецы, но не мо-

жет же быть, чтобы совсем бесследно погасла искра, зароненная нами!

Лермонтов. Нет! Как ты можешь так думать?! Если царь гноит вас в острогах, если близкие отвернулись от вас, как от прокаженных, то народ благословил вас. Он не забудет. И разве песня, которую сложил этот бедняк, не голос народного сердца? Нет!.. Верь, в свое время Россия проснется. Сбудутся твои слова: «Мечи скуем мы из цепей и вновь зажжем огонь свободы».

Одоевский. Не напоминай! Давно поэзия стала для меня лишь прекрасной мечтой. Руки мои отвыкли от пера... Поговорим о другом. Я так счастлив, что вижу в тебе одного из продолжателей нашего дела. Но беспокоит меня, что мало в России таких людей, с чувством и сердцем. Недавно попала мне в руки старая «Молва», тридцать четвертого года. Я нашел в ней статью «Литературные мечтания». И прочел с волнением. Неведомый автор отрицает, что цель искусства в изображении только идеи вечно прекрасного. Он утверждает, что литература черпает силу лишь в изображении жизни и живет народными интересами. Какая честная мысль! Фамилия литератора — Белинский. Не знаешь?

Лермонтов. Знаю. Он тоже из Московского университета. Там мне пришлось узнать его. Надеюсь, что нам еще удастся встретиться.

Одоевский. Как бы ни было, но эта статья — свидетельство, что русская мысль пробуждается и ищет правды.

Лермонтов. Без сомнения!.. Ах, Саша, только бы мне выйти в отставку. Бросил бы все и писал бы... Я раньше не верил в себя, но действие, произведенное в обществе стихами на смерть Пушкина, укрепило меня в намерении посвятить жизнь литературе... Хочу работать так, чтобы сделать каждый свой день бессмертным.

Одоевский. Твое будущее на поле словесности, а не брани.

Лермонтов. Но пока не скину эту обезьянью ливрею, я не встречу открытых сердец среди мыслящих людей. *(Показывает на свой сюртук.)* Царь сделал все, чтобы мундир русского офицера утерял честь, приобретенную на поле Бородина и под стенами Парижа, и стал предметом презрения. И дернуло же меня сдаться на советы дорогих родственников и бросить науку для шагистики. Оставил университет ради казармы... Мечтаю вырваться,

но бабушка и слышать не хочет о литературных занятиях.

Одоевский. И все же ты обязан посвятить себя служению музе. А оно требует жертв.

Лермонтов. Жертв не боюсь, но думаю, что многого не свершу. И кончу плохо. *(Засмеялся.)* Цыганка нагадала мне скорую смерть от злой женки.

Из-за дуба на поляну выходят Лорер и Лихарев, в солдатской форме, с ружьями. В руках у Лихарева большой штоф с красным вином.

Лихарев. Одоевский, ау! Ты здесь?

Одоевский. Дома... дома! Идите, друзья!

Лихарев. Привет дорогому отшельнику! Как здоровье, Саша?

Одоевский. Худо! Лихорадка кости на дыбе растягивает.

Лихарев. Ободрись! Мы принесли чудное лекарство на погибель твоей хвори. *(Показывает штоф.)* Отменный чихирь!

Одоевский. Миша, тащи погребец!

Лихарев. С нарочным от гребенских казачков... Здравствуйте, Лермонтов! Вы не знакомы? *(Представляет Лорера.)* Николай Иванович Лорер, бывший каторжанин, как и мы, грешные, а ныне солдат по мундиру и непоколебимый идеалист в душе.

Лорер. Рад, что довелось встретиться, Михаил Юрьевич. Не только стихи ваши знаю, но и о вас много наслышан по письмам племянницы моей Александры Осиповны Смирновой.

Лермонтов. О, в таком случае, я, должно быть, рекомендован вам плохо. Александра Осиповна считает меня вертопрахом.

Лорер. Напротив! Ее отзывы о вас лестны, и она пророчит вам славную будущность.

Лермонтов. Если считать славной будущностью носимый вами наряд, то пророчица, пожалуй, права, и мне его не миновать.

Лихарев. Ну, вот еще! Что за мрачные мысли! Не будем терять бодрости и времени. Взгляните, чихирь закипает от нетерпения.

Одоевский. В самом деле. Садитесь, друзья.

Лорер и Лихарев усаживаются на траве. Лермонтов вытаскивает из палатки погребец и раздает серебряные чарочки. Лихарев разливает чихирь.

Л и х а р е в. Твое здоровье, Одоевский!

О д о е в с к и й. Нет! Нет!.. Предлагаю другое. Ведь нынче девятнадцатое октября?

Л и х а р е в. Да!.. И что же?

О д о е в с к и й. Значит, годовщина первого лицейского выпуска. Счастливый день, друзья! Он подарил России ее народного гения. Вспомните, друзья: «Куда бы нас ни бросила судьбина и счастие куда б ни повело, всё те же мы: нам целый мир чужбина; отечество нам Царское Село». Кому-нибудь из нас сегодня должно улыбнуться счастье... Выпьем же первую за вечно живого Пушкина, за нашу любовь!

Все выпивают.

Л о р е р. Расскажите, Лермонтов, что делается там, в России? Что в Петербурге? Мы так дорожим каждой весточкой оттуда.

Л и х а р е в *(с притворным испугом.)* Бегите, Лермонтов! Бегите, пока Николай Иванович не растерзал вас расспросами. Он на это мастер.

Л е р м о н т о в. Я ведь тоже давно оттуда. А впрочем, что могло измениться? Те же балы, похожие на плац-парады, и плац-парады, похожие на балы. Царь меняет выпушки и петлички, Булгарин подличает, остальное во мраке.

Л о р е р. Но разве нет никаких явлений прогресса? Не слишком ли мрачно вы смотрите?

Л е р м о н т о в. Прогресс? В чем? Не в том ли, что по высочайшему повелению на два вершка удлинили шпицрутены?

Л о р е р. Но говорят же, истребляется неправда в судах, смягчились нравы. Слыхать, что поговаривают насчет освобождения крестьян, будто сам царь учредил комитет...

Л е р м о н т о в. В таком случае, вы знаете о России больше меня или баюкаете себя бабушкиными сказками. Лихарев прав — вы неисправимый идеалист.

Л о р е р. Сибирский острог посеребрил мою голову, но не отнял веры в торжество добрых начал.

Л е р м о н т о в. Блаженны верующие!

Л о р е р. Вы так молоды и так озлоблены на жизнь! Вы не видите в ней ничего светлого? Не питаете надежд?

Л и х а р е в. И, брось, Николай Иваныч! У нас одна

надежда — на могилку без креста, если не сожрут шакалы.

Л о р е р. Нет, друзья, вы не разубедите меня в том, что Россия обновляется и мероприятия правительства направлены к общему благу.

Л е р м о н т о в *(зло)*. Нет спору, в Мещанской прибавилось непотребных домов.

Л о р е р. Напрасно вы бравируете цинизмом. Смею думать, что это болезнь молодости и в зрелые годы вы излечитесь. Знаю по себе. Испытанные мною несчастья заставили меня отказаться от преувеличений юности и смириться.

Л е р м о н т о в *(встает)*. Вы называете преувеличениями юности мысли и дела, которыми должен гордиться всякий русский? За которые целое поколение заплатило цепями и кровью? Вы отрекаетесь от самого себя и предаете забвению предсмертный завет Рылеева: «И мне ль стыдиться сих цепей, когда ношу их за отчизну?» Я могу понять смирение, но не прощаю рабского прекраснодушия. Вы не только смирились, Николай Иванович, вы примирились с мерзкой действительностью да еще стараетесь откопать в ее навозной куче жемчужное зерно...

Л о р е р. Позвольте!.. Вы слишком строго судите!

Л и х а р е в. Да перестаньте спорить! Все равно пользы нет ни для сердца, ни для разума! Выпьем, Лермонтов, за разум!

Л е р м о н т о в. Вот это лучше. *(Чокается с Лихаревым.)*

Л о р е р. Однако странные люди вы, нынешнее поколение, и горько...

Внезапно за сценой выстрел.

Л и х а р е в *(поднялся)*. Тревога!.. Видно, абреки из лесу налетели... Идем, Николай Иванович!

Лихарев и Лорер быстро уходят. Лермонтов тоже вскочил.

Л е р м о н т о в. Саша, твое ружье!.. Пойду обменяюсь выстрелами.

О д о е в с к и й. Постой!.. Обойдутся без тебя. *(Берет Лермонтова за руку.)* Сядь! И послушай меня! Зачем ты так обидел нашего милого Лорера? Какая муха тебя укусила? Ты же сам не веришь в то, что наговорил.

Л е р м о н т о в. Не терплю блаженных и юродивых.

Одоевский. Он уже не молод! И что остается ему, кроме этих детских надежд на лучшее? А ты отнимаешь их... Как старший, как много вынесший от судьбы, как друг, хочу сказать: будь мягче к людям. Я опасаюсь за тебя. За резкость твоего нрава. Ты уже пострадал за него. Или тебе мало? Тоже хочешь солдатского ранца? Или оков, какие носил я в Сибири? Оглянись на судьбу Бестужева, мою, нас всех. К чему лишняя жертва? Ты обязан беречь себя!

Лермонтов. Не обещаю! Душно в клетке, Саша! *(Пауза.)* Пойду все же, взгляну, что там за тамаша. *(Идет к дубу.)*

Навстречу выходит Тимофеев, таща на спине Вакхова.

Кого зацепило, братец?

Тимофеев *(опуская тело у костра)*. Да нашего болезного, ваше благородие. Только в цепь вскочил, его и ударило.. Под сердце... Дохнуть не успел.

Лермонтов. Эх, Вакхов! *(Подошел, снял фуражку.)* Не допел мне песен.

Тимофеев. Уж так жалко, ваше благородие. Святой души паренек!

Подходит Одоевский.

Одоевский. Вот лицо нашей судьбы, Миша! Пуля... шашка... горячка... лихорадка — наши верные провожатые к могиле!

Офицер *(за сценой)*. Лермонтов!.. Лермонтов!.. Где вы? *(Вбегает.)* Ф-фу, наконец, нашел... Я к вам с такой вестью...

Лермонтов *(указывая на Вакхова)*. Тише!

Офицер *(понизив голос)*. Генерал приказал вам тотчас быть к нему.

Лермонтов. Что за спешка?

Офицер. Чудак!.. Летите сломя голову. Фельдъегерь из Тифлиса с приказом. Его величество повелеть соизволил перевести вас в лейб-гвардии гродненский... Поздравляю!

Лермонтов *(рванулся к нему)*. Что?.. Что?.. Правда?

Офицер. Своими глазами читал.

Лермонтов. Саша? Слышишь?

Одоевский. Вот лицейская годовщина и принесла счастье. Я счастлив, словно меня помиловали. Не теряй минуты! Спеши!

Лермонтов. Неужели свобода? Эх, были бы крылья, я... *(Взглянув на Одоевского, осекся.)* Сашенька! Друг! Прости мою радость! Подл человек в эгоизме. Я прощен... еду к близким, а ты...

Одоевский. Обо мне не надо. Я давно схоронил себя. Я тень!.. Но там, в Петербурге, вспоминай иногда и о тени.

Лермонтов. Могу ли не вспоминать тебя, друг бесценный!

Одоевский. Увидишь братца моего, чудака, мага и алхимика, Владимира Федоровича, передай от меня, чтобы бросил туман заоблачных умствований и на жизнь смотрел бы не сквозь розовые стекла иллюзий. Поклонись дому, где проводил я пылкие дни юности с дорогим моим Грибоедовым... *(Пауза. Тихо.)* И крови святой на Сенатской площади поклонись. Не забудь!

Лермонтов. Не забуду! Прощай, Александр! *(Обнимаются.)*

Занавес

СЦЕНА ПЯТАЯ

Уголок гостиной в доме Лавалей. Справа глубокая, полукруглая ниша в стене, в которую, по ее форме, вделан диван, крытый голубым штофом с вышитыми розами. По бокам ниши статуи Аполлона и Дианы Гудона. У пьедесталов мирты в кадках. Перед диваном овальный столик и два кресла. На столе вазы с фруктами. Слева арка, завешенная занавесом из того же штофа, которым обит диван. В глубине, в задней стене, распахнутая дверь во внутренние комнаты. Оттуда все время доносятся гул голосов и звуки оркестра, попеременно играющего мазурку, польский, вальсы. На диване Владимир Федорович Одоевский и Лермонтов.

Лермонтов. Да! Тяжелая утрата, дорогой Владимир Федорович! Вы потеряли брата, я — друга!

Одоевский. Его дружба была радостью для всех, кто его знал. Он был благороднейшим рыцарем свободы... Какой рок, милый Лермонтов! За краткое время от нас ушли в иной мир лучшие из лучших. Четыре Александра! Грибоедов... Пушкин... Марлинский... и вот мой добрый Саша Одоевский. В кого еще ударит стрела судьбы?

Лермонтов. Кто мог думать, что конец так близок? Я оставил его больным, но дух его был бодр, ум ясен.

Одоевский. Я не могу примириться с его смертью. Хотя жизнь давно разлучила нас, но я будто утратил с ним половину себя.

Лермонтов. Для меня он был не только другом, но учителем правды и чести. Я не смогу забыть его никогда. Я бесконечно обязан ему.

Одоевский. А мы обязаны вам стихами о нем. Полными любви и истинного чувства... Как это хорошо!

> Я знал его: мы странствовали с ним
> В горах востока, и тоску изгнанья
> Делили дружно...

Боже, боже! И вот его нет!

> В могилу он унес летучий рой
> Еще незрелых, темных вдохновений,
> Обманутых надежд и горьких сожалений!

Да, Лермонтов, мы все влачим груз разбитых надежд, как бессловесные рабы. Сохраняйте же пламенный жар души. Жалею, что мы встретились так поздно. И если я могу надеяться занять в вашем сердце хоть частицу Сашиной дружбы, я почту за счастье.

Лермонтов. Я глубоко признателен вам, дорогой Владимир Федорович!

Одоевский. Мы все последние рыцари духа в царстве мрака. И должны высоко поднять факел хранителей храма поэзии.

Лермонтов *(внезапно зло)*. А не лучше ли, Владимир Федорович, взять в руки хорошую дубину?

Из дверей в глубине показывается Карамзина. Она в бальном платье из белого бархата, украшенном ветками плюща.

Карамзина *(подходя)*. Вот каковы нынешние кавалеры! В разгаре бала философствуют в укромном уголке, оставив дамам скуку. Прекрасно! Наверное, ваша затея, любезный князь. Вы чернокнижник и схимник!

Одоевский. Смените гнев на милость. Мы выбрали минуту поговорить о бедном Александре Одоевском.

Карамзина. На светском бале? Отличная выдумка — помянуть поэта в толчее бездушной толпы!.. Нет, нет! Решительно прерываю вашу беседу, тем более что я искала Михаила Юрьевича. Нам нужно поговорить о серьезных вещах.

Одоевский. Вы противоречите себе, Софья Николаевна! Нам запрещаете беседу, а сами...

Карамзина. Не спорьте... Наш разговор годится и на бале. Вы извините меня, князь?

Одоевский. Охотно! И без всякой охоты отправляюсь отбывать бальную каторгу.

Одоевский уходит. Карамзина садится на диван рядом с Лермонтовым.

Карамзина. Мой бог, какая духота!

Лермонтов. Вот лимонад! Позволите? *(Наливает.)*

Карамзина. О нет! Боюсь, вы всыплете в него яд, как Арбенин, особенно если угадаете предмет нашего разговора.

Лермонтов. Однако какого вы мнения обо мне!

Карамзина. Самого плохого. Сядьте. Вы ведете себя ужасно. Во-первых, совершенно вскружили голову Машеньке Щербатовой стихами и признаниями. И если это ваши обычные фарсы, я вам их не прощу. Машенька не из тех пустых кукол, которыми можно забавляться, не жалея их тряпичного сердца. Она прекрасная женщина, прекрасный человек и достойна любви.

Лермонтов. Есть не много женщин, которых я уважаю. Среди них вы первая, и я беспрекословно снесу от вас обиды. Итак — во-первых, я ловелас... Во-вторых?

Карамзина. Во-вторых, бездельник. Ну, как вам не стыдно вести такую бессмысленную жизнь? Вы благополучно выпутались из скверной истории, прощены, вернулись в столицу, достигли новых успехов. От вас ждут перлов поэзии... А вы? Растрачиваете себя на беготню по балам. Только за эту неделю я встречаю вас на четвертом бале.

Лермонтов *(смеясь)*. Неужели? Да покарает меня небо!

Карамзина. Не паясничайте! Зачем вы расточаете лучшие годы на пошлую суетню? Ушедшее время не вернете никакими сожалениями. Что тянет вас к ложным огням света? Здесь нет пищи вдохновению. Вы закоченеете в этой ледяной атмосфере. В ней уже задохнулся Пушкин.

Лермонтов. Вы в самом деле устраиваете мне Страшный суд. Но и самому презренному грешнику дают сказать слово в оправдание... Зачем я таскаюсь в свет?..

Но куда же прикажете мне деваться? В один прекрасный день я имел несчастье родиться, чтобы жить в кругу, которому обречен рождением. Я всей душой ненавижу это общество, его ничтожество и подлость, и все же я здесь...

Карамзина. Да разве нет общества, более достойного вас?

Лермонтов. Где? Укажите! Не идти же мне к василеостровским будочникам или департаментским канцеляристам?

Карамзина. О господи! Вас встречают как желанного гостя в лучших домах Петербурга, где царят ум и талант. У Виельгорских, у Одоевских... Ваше место там! Но вы туда не идете. Вас тянет в эту пустыню.

Лермонтов. Беда в том, что там, где ум и талант, я чувствую себя ни павой ни вороной.

Карамзина. Но почему?

Лермонтов. Мой наряд — плохой билет для входа в общество людей ума и таланта.

Карамзина. Самоуничижение? Не похоже на вас.

Лермонтов. И тем не менее так. Вот мне и остается одна дорожка — в эти салоны, где мне хочется выть волком и кусаться. Но отсюда я извлекаю и пользу.

Карамзина. Какую?

Лермонтов. Я намерен писать роман нравов. Мне нужны сюжеты,— а где же найдешь столько нравственных уродов, как не в нашем свете! И, наконец, меня толкает сюда еще болезнь раздраженного самолюбия.

Карамзина. Боже мой, что вы говорите, Михаил Юрьевич!

Лермонтов. Мне забавно унижать тех, кто пренебрегал мной. Мне льстит заискивание мужчин. Мне нравится, когда светские львицы вымаливают у меня строчку в альбом и счастливы, читая дерзости, которые я им пишу.

Карамзина. Какое недостойное, мелочное тщеславие! Оно пригодно для гусарского поручика Лермонтова, но унизительно для Лермонтова-поэта... Если это не шутка, вас нужно сечь, как мальчишку.

Лермонтов *(встав, с шутливым поклоном)*. Секите! Вы дочь Карамзина. Из уважения к нему я снесу от вас даже розги.

Целует руку Карамзиной. Из глубины показываются великий князь Михаил Павлович и генерал Плаутин.

Михаил Павлович. Ха-ха! Полюбуйтесь, генерал, каков ваш сорванец! Похитил даму и любезничает втихомолку. Здорово, ар-рнаут!

Лермонтов выпрямляется и мгновенно преображается. На лице маска нарочитой лихой преданности.

Лермонтов. Здравия желаю, ваше императорское высочество! Поступаю по славной традиции! Гусары всегда похищают красавиц.

Михаил Павлович. Ах, ар-рнаут! На бале — лихой гусар, в строю — курица. И, наверное, удрал, мошенник, из Царского без отпуска? Как, генерал?

Плаутин. Никак нет, ваше высочество. Поручик Лермонтов отпущен мною сегодня в Петербург на законном основании.

Михаил Павлович. Редкий случай! В таком разе веселись! Как твоя поэзия? Чего доброго скоро начнешь взводу в стихах командовать? Ну, уж тогда я тебе пропишу карачун!

Карамзина. Позвольте вступиться за Лермонтова, ваше высочество. Он поэт, а поэты плохие служаки Марса.

Михаил Павлович. И больше склонны к алтарю Венеры?.. Так? Гуляй, ар-рнаут! Прошу прощения, сударыня! *(Уходит с Плаутиным в арку.)*

Карамзина. Михаил Юрьевич! Может быть, вам льстят и такие встречи в свете? И нравится стоять навытяжку перед августейшим ничтожеством?

Лермонтов. Вы беспощадны! Какого еще удара мне ждать?

Карамзина. Ударов больше не будет. Напротив. Я хочу остеречь вас.

Лермонтов. От чего?

Карамзина. От Эрнеста Баранта. Мне известно, что он намерен потребовать от вас объяснения.

Лермонтов. Старая новость. С этим уже покончено. Александр Иванович Тургенев по просьбе посла Франции доставил ему список моих стихов на смерть Пушкина, и посол убедился, что резкости в них относятся не к французской нации, а к лжефранцузу Дантесу.

Карамзина. Но мне известно, что Барант-сын не удовлетворен. Что он нашел другие ваши стихи, с оскорбительными для французов строками.

Лермонтов. И пусть его! По крайней мере, лоботряс познакомится таким образом с русской поэзией.

Карамзина. Смотрите, будьте осторожны! Барант грозится проучить вас. Я опасаюсь...

Лермонтов. Не принимайте близко к сердцу. Я не Пушкин, а этот петиметр не Дантес. Я отважу его от угроз.

Карамзина *(кладет руку на руку Лермонтова)*. Тише!

Из глубины показывается Щербатова в глубоко декольтированном черном платье. За ней кавалер в голубом фраке и палевых панталонах — Валуев. Увидев входящих, Лермонтов вскакивает с кресла с выражением комического испуга.

Лермонтов. Тысяча извинений, Софья Николаевна.

Карамзина. Что такое? Куда вы?

Лермонтов. Я совершенно забыл, что пригласил на третий вальс мадемуазель Ланскую. Клянусь, что после вальса...

Карамзина *(шепотом)*. Вы останетесь!.. Если уйдете, я рассержусь, и серьезно.

Щербатова *(подходя)*. Вы здесь, Софи? А мы ищем вас повсюду. Мсье Валуев утверждает, что вы обещали ему последнюю мазурку.

Карамзина. Не отрицаю. Правда, у меня разболелась голова от духоты, но данное слово есть слово.

Валуев. Весьма польщен!

Щербатова внимательно взглянула на Лермонтова, который с притворной небрежностью отвернулся, делая вид, что рассматривает картину на стене. Щербатова садится рядом с Карамзиной на диван.

Щербатова. Какая скука! Наши балы похожи один на другой, как близнецы. Я устала и хочу домой.

Из арки показывается под руку с дамой в красном Мартынов. Он в кавалергардском мундире и длинных парадных брюках. Выступая с нарочитой торжественностью, он ведет даму к двери в глубине. Лермонтов бросается ему навстречу.

Мартынов. Вы спрашивали, моя очаровательница, о Лермонтове? Любуйтесь! Вот он сам!

Дама в красном *(шепотом)*. Так это и есть хваленый поэт Лермонтов? Этот коротышка? Мон дье [1], какая ничтожная личность!

---

[1] Мой бог.

Лермонтов *(весело)*. Мартышка!.. Рад видеть тебя... Но что ты так поздно, мой друг? Уже бал к концу.

Мартынов. Здравствуй, Мишель!.. Ничего! Еще успею на последнюю мазурку... Как живешь?

Лермонтов. Помираю от зависти, глядя на тебя. Красив, как Нарцисс, по службе преуспеваешь. Смотри, были однокашники, ан, глядь, ты уже ротмистр, а я едва до поручика доскакал.

Мартынов *(наставительно)*. Служи порядочно — и будешь взыскан начальством. Стихами чинов не выслужишь. *(Проходит к двери.)*

Лермонтов следует за ним с явным намерением исчезнуть.

Карамзина *(тихо разговаривавшая со Щербатовой, не спускает глаз с Лермонтова)*. Михаил Юрьевич!

Лермонтов с жестом безнадежной покорности подходит. Дама Мартынова в дверях обернулась.

Михаил Юрьевич. Кто этот кавалергард?

Лермонтов. Как? Вы не знаете? Первый кавалер столицы Николай Мартынов. Мы вместе учились в Школе кавалерийских юнкеров. Славный малый, не правда ли?

Карамзина. Красив, но неприятен. И, должно быть, пуст, спесив и зол.

Лермонтов *(смеется)*. О боже! От вас сегодня нет милости никому.

За сценой звуки мазурки. Валуев склоняется в поклоне.

Валуев. Позвольте руку, Софья Николаевна.

Карамзина *(вставая)*. Я оставляю вас на попечение Лермонтова, Мари! Он превосходный танцор. *(Уходит с Валуевым.)*

Лермонтов. Удостойте, княгиня!

Щербатова. Нет!.. Мне не до танцев. Налейте мне лимонаду... Благодарю. *(Пауза.)* Я должна объясниться с вами, Михаил Юрьевич! Мне трудно говорить, но это необходимо... Я не понимаю вашего поведения. В течение месяца вы следуете за мной, как тень, говорите мне тысячи нежностей, клянетесь, что не можете жить без меня, и... вдруг исчезаете. Больше того! Явно избегаете меня, уклоняетесь от встреч. А если мы и встречаемся, вы напускаете на себя вид холодности, почти пренебрежения. Чем я заслужила это?.. Простите, может быть, мне не сле-

довало говорить об этом, но я не хочу считаться с предрассудками. Для меня это очень важно... Объясните!

Лермонтов. Вы застаете меня врасплох, княгиня. Я, право...

Щербатова *(прерывая)*. Может быть, я чем-нибудь оскорбила вас? Какая-нибудь неловкость, нечаянное слово? Клянусь вам, я не знаю, и если чем-нибудь виновата перед вами...

Лермонтов. Вы виноваты передо мной? Боже, какая мысль! Я!.. Я сотню, тысячу раз виновен перед вами. Мне нет оправдания!

Щербатова. Тогда как понять вас? Я не могу не думать о вас. Я сама не знаю, что говорю. Я робею перед вами, как девочка. Мои дни полны тревоги. Ночи проходят без сна. Я и смеюсь и плачу... Что вы сделали со мной? Вы не смеялись надо мной? Ваши клятвы не злая шутка?

Лермонтов. Смел ли я смеяться над вами?.. Вам нужна правда?.. Я люблю вас!

Щербатова. Но как же...

Лермонтов. Умоляю, выслушайте меня. Я люблю вас! Знаю, мое поведение противоречит этому признанию. Но поймите, что я люблю и страшусь любви. Вы удивлены? Согласен — это странно... Может быть... Я, видно, странный человек. Этому есть причины. Я любил. Любил дважды... Жертвовал любви всем, отнимал для нее лучшие часы у вдохновенья. И дважды был обманут... Равнодушно... жестоко...

Щербатова. Но неужели вы думаете...

Лермонтов. Ради бога, дайте досказать, а потом судите... Я стал бояться любви. Перестал верить в нее... В жизни я мало знал счастья. В младенчестве смерть лишила меня материнской любви. Бабушка отняла у меня любовь отца. Я всегда был сиротой в любви... И вот встретил вас. Во мне началась борьба между надеждой и отчаянием. Я страшился еще одного обмана. Стал избегать вас. Но не могу! Пусть будет что будет... Я хочу быть любимым, хочу счастья... Я смотрю в ваши глаза. В ваши милые глаза. Они ведь не лгут? Скажите!

Щербатова встает и кладет руку на плечо Лермонтова.

Щербатова. Бедный мой, бедный! И вы могли так подумать обо мне? Я не играю любовью. Если я полюблю, полюблю не легко и не легко разлюблю... И я полюбила! Слышите?!

Л е р м о н т о в *(схватывает ее руки)*. Машенька!

Щ е р б а т о в а. Нет, нет! Не сейчас!.. Не будем продолжать этот разговор здесь. Прошу вас, Миша! Я буду ждать вас завтра у себя. Прощайте!

Щербатова освобождает руки и быстро уходит. Лермонтов остается один, замечает оставленный Щербатовой веер, берет его, прижимает к щеке.

Л е р м о н т о в. Машенька!.. Неужели?!

Из-под арки появляются Б а р а н т и Д'А н г л е с с.

Б а р а н т. Вот он.

Д'А н г л е с с. Прошу вас, будьте хладнокровны, Эрнест.

Б а р а н т. Конечно!

Д'А н г л е с с. Мне остаться?

Б а р а н т. Нет! Оставьте нас, Рауль. Разговор с глазу на глаз.

Д'А н г л е с с. Желаю вам удачи. *(Уходит.)*

Б а р а н т. Мсье Лермонтов!

Лермонтов обернулся. Выражение нежной задумчивости сменилось настороженно-холодным.

Л е р м о н т о в. А, барон! Чем могу служить?

Б а р а н т *(подходит)*. Мсье Лермонтов! Я хотел бы получить от вас объяснение. В вашей поэзии есть места, несносные для французской чести. Вы избрали Францию мишенью клеветы. Это дурное поведение.

Л е р м о н т о в *(спокойно)*. Вы заблуждаетесь, барон. Я уважаю Францию и ее народ. Но не уважаю беглецов без роду и племени, как Дантес... Если вы противного мнения, это дело вашего вкуса. Но имейте в виду, что советов и выговоров ни от кого не принимаю и нахожу вашу выходку смешной и дерзкой.

Б а р а н т. Вы пользуетесь тем, что мы находимся в стране, где запрещены дуэли. У нас во Франции я знал бы, как кончить дело.

Л е р м о н т о в. У вас превратное понятие о русских правилах чести... *(Холодно чеканит слова.)* Мы меньше других позволяем оскорблять себя заезжим нахалам. И доказали вам это на бородинских редутах и в пылающей Москве... Я в вашем распоряжении, барон.

Б а р а н т. Я понимаю ваши слова как принятие вызова?

Лермонтов. Совершенно верно!.. Но... одно условие.

Барант. Какое?

Лермонтов. Наши разногласия имеют политический характер, барон. Вы неподсудны русскому суду, а для меня политическая причина дуэли будет иметь отягчающий характер при любом исходе. И я настаиваю, чтобы эта причина осталась тайной для общества Иначе я драться не буду.

Барант. Если вам так угодно... Но что же будет причиной?

Лермонтов. Женщина! Вы согласны?

Барант. Превосходно! Это мне нравится.

Лермонтов. Отлично! Завтра я извещу вас о моем секунданте. Имею честь!

Оба расходятся с поклоном: Лермонтов — в глубь сцены, Барант — в арку. Из зала продолжает греметь музыка.

Занавес

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Обстановка первой сцены. Комната Лермонтова. Из угла в угол шагает Краевский. Иван Соколов отдергивает портьеры, гасит свечи, берет метелку и начинает меланхолически смахивать пыль с мебели. За окнами мутный зимний рассвет. Падает медленный, густой, тяжелый снег.

Краевский. Куда он мог умчаться в такую рань?

Соколов. Бог знает... Рази они мне скажут? Сорвались — и вон со двора. Вам характер Михал Юрьича ведом, небось приятели.

Краевский. Да скажи хоть толком: в котором часу уехал? Один или с кем? И не говорил ли чего?

Соколов. Затемно уехали. Почитай, семи не было, как подъехали в санях барин Алексей Аркадьич Столыпин, а Михал Юрьич уж в шинели их ждали. Скок на крыльцо — и прости-прощай!

Краевский. Ничего не понимаю... Бог знает что! Послушай, любезный! Дай перо и бумаги.

Соколов. Да вон на столе сколь угодно, берите вволю.

Краевский садится за стол и пишет.

Краевский. Отдай тотчас, как вернется. Да скажи...

Дверь шумно распахивается, и вваливается Лермонтов в шинели и треуголке с султаном, весь засыпанный снегом.

Где тебя носит ни свет ни заря? Из рук вон!

Лермонтов *(швыряет на пол шинель и шляпу)*. Здравствуй, Андрей!.. Иван! Горячей воды, таз! Да холстины чистой! Слышал? Живо!

Соколов. Господи, твоя воля! *(Уходит.)*

Краевский. Да что с тобой! Скажи толком!

Лермонтов. С Черной речки! Дрался!

Краевский *(в изумлении)*. Как?.. С кем?

Лермонтов. С французом! С Барантом!

Краевский. Этого только не хватало! Чего ради? Какой повод?

Лермонтов. Самый пустой. Француз приревновал и обошелся со мной невежливо. Я дал ему урок приличий... Нет, но ты послушай, Андрей, какое утро. Лес в серебряном пуху, ветки повисли от снега. Тишина... Хлопья падают, белые, тяжелые. Такой русской прелестью дышит... На березе синичка прыгает...

Краевский. Да погоди!.. Я тебя про дуэль, а ты поэзию разводишь.

Лермонтов. Не приставай!... Дуэль — прямая фарса! Сперва на шпагах сошлись. Снегу по колено! Стою столбом, а француз вокруг, как журавль, танцует и шпагой тычет. Тут у моей шпаги конец обломился, и он мне в локоть ткнул. Нас развели... Взялись за пистолеты. Француз промазал... Навел я пистолет — вижу, он побелел, будто рожу мукой обсыпали. Смешно стало! Поднял дуло— и в воздух бац! На том и кончилось! *(Снимает доломан и закатывает рукав рубахи.)* Вот!.. Едва кожу оцарапал.

Краевский. Бешеный! Ей-богу, бешеный!

Лермонтов. А ты бы видел, как от выстрелов снег с веток падал... Так мягко — бух!..

Входит Соколов с тазом и холстом.

Сюда ставь, Иван!

Соколов *(пятится к дверям)*. С нами крестная сила!

Подхватив с полу шинель и шляпу, Соколов выскальзывает из комнаты.

Лермонтов. Завяжи, Андрей.

К р а е в с к и й *(перевязывает руку)*. Что ж теперь будет?

Л е р м о н т о в. Да ничего! Дело без последствий, все живы, здоровы. Француз от стыда болтать не будет... Крепче стяни! Вот так! Спасибо!.. Ну, концы в воду! А что ты ко мне притащился не в пору? *(Надевает доломан.)*

К р а е в с к и й. Да я насчет вчерашних стихов. Но тебе не до стихов!

Л е р м о н т о в. Почему?.. Вздор? Говори!

К р а е в с к и й. Дивная вещь! Превосходно, но в одном стихе грамматическая неправильность...

Л е р м о н т о в. Что такое?

К р а е в с к и й *(дает листок)*. Вот!.. У тебя: «из пламя и света рожденное слово». Так по-русски нельзя. По грамматике надо: «из пламени».

Л е р м о н т о в. Знаю... Да «пламень» не укладывался в стих. Это, милый мой, не велика важность! Поэтам разрешаются вольности. И Пушкин грешен... Однако дай-ка, попробую переиначить. *(Берет листок, садится, взял перо, задумался. Черкнул, написал другое. Скривился и вымарал. Бросил перо.)* Нет! Ничего путного не идет в голову. Печатай, как есть! Сойдет с рук! *(Отдает листок.)* Знаешь, Андрей...

Дверь распахивается. В комнату вбегает А р с е н ь е в а, в пеньюаре, со сбившимся набок чепцом, и кидается к Лермонтову.

А р с е н ь е в а. Мишенька!

Л е р м о н т о в. Что с вами, бабинька?

А р с е н ь е в а *(сжимая его в объятиях)*. Голубчик ты мой! Что с тобой приключилось? Ох, как я напугалась! Сама не своя!

Л е р м о н т о в. Да что такое, бабинька? Не пойму!

А р с е н ь е в а. Да как же... Сижу, делаю туалет. Вбегает Ванька, кричит: «Идите скорее, там Михал Юрьич приехали, весь в крови, чуть живой...» Не помню, как и сорвалась...

Л е р м о н т о в *(делает знак Краевскому)*. Да что он, болван? Пьян с утра, что ли?.. Чудеса мерещатся?.. Со мной, бабинька, как видите, ничего. Весел, жив, здоров. Только что с Андреем Александровичем с Невского, из книжной лавки.

А р с е н ь е в а. А зачем же Ванька таз принес? Говорит, руку ты обмывал.

Л е р м о н т о в. Ах, дурень! Да это, когда мы из лавки выходили, я локтем на гвоздь наткнулся. Какая-то скотина в дверь гвоздь вбила. Торчал на вершок. Поцарапал локоть... Ваньке спьяна бог весть что почудилось.

А р с е н ь е в а. Господи, как напугал, подлый!.. Да я его сейчас по щекам нахлещу, негодяя!

Л е р м о н т о в *(удерживая)*. Что вы, бабинька! Что с пьяного взять!.. Он ведь от преданности... Вы лучше послушайте... Я вас в последний раз просить хочу. Выхлопочите отставку. И немедля.

А р с е н ь е в а. Опять ты, Мишенька свое.

Л е р м о н т о в. Я, бабинька, вполне серьезно. У меня теперь такие дела складываются, что служить я больше не в силах. Или в отставку, или хоть пулю в лоб. Вы такого хотите?

А р с е н ь е в а. Бог с тобой, Мишенька! Что ты?! Как не стыдно меня так пугать.

Л е р м о н т о в. Я не пугаю. Но поймите, жизнь у меня так поворачивается, что если прежде служба была мне в тягость, то нынче вовсе нестерпима. И лучше смерть, чем фронтовую канитель тянуть. Обещайте!.. Или вы меня погубить хотите?

А р с е н ь е в а. Да что ты говоришь?.. Не по сердцу мне твоя прихоть, но коли так хочешь, господь тебе судья, а я тебе зла не желаю... Нынче ж поеду к Чернышеву просить. *(Уходит.)*

Л е р м о н т о в. Понимаешь, Андрей, я, кажется, буду счастлив. Впрочем, я уже счастлив. Я на небе!

К р а е в с к и й. Опять влюбился?

Л е р м о н т о в. Нет! На этот раз люблю... И любим... Да что ты в этом смыслишь, ученый сморчок! *(Валит Краевского на диван и тискает.)* Вот тебе! Вот!.. Вот!..

К р а е в с к и й *(барахтается)*. Пусти же... шальной!

В дверях появляется п л а ц - а д ъ ю т а н т. Лермонтов, увидя его, оставляет Краевского. Тот поднимается.

П л а ц - а д ъ ю т а н т. Имею честь видеть поручика Лермонтова?

Л е р м о н т о в. Да... Чем могу?

П л а ц - а д ъ ю т а н т. Весьма сожалею! По приказу его высочества генерал-инспектора кавалерии должен арестовать вас за учиненную дуэль и недонесение о ней по начальству... Вашу саблю, поручик!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Комната арестованных офицеров на Арсенальной гауптвахте. Убогая обстановка: круглый стол, разнокалиберные кресла и стулья, два продавленных дивана. Стены в рост выкрашены уныло-серой казенной краской. Высокое окно забрано решеткой. Слева дверь в коридор, уходящий в глубину. В коридоре, у двери, часовой, матрос гвардейского экипажа М и г у н о в, в полной амуниции. На одном из диванов лежит ф и г у р а, с головой накрытая шинелью. Из-под шинели торчат голые пятки. Л е р м о н т о в в расстегнутом доломане стоит у окна и, улыбаясь, объясняется жестами с кем-то за окном. Эта немая сцена завершается воздушным поцелуем, и Лермонтов со смехом отходит от окна.

Л е р м о н т о в. Спугнул!.. Улетела пташка. *(Потянулся, развел руки в стороны.)* Боже! Что за тоска! Не будь этой прелестной соседки в окошке напротив — впору в петлю полезть. *(Остановился у стола и задумчиво постукивает по нему пальцами, словно стараясь уловить какой-то рождающийся ритм, и говорит, скандируя.)* Удавиться б с тоски в заключенье... Нет, не то... Умереть бы теперь в этой клетке! А, черт, опять не то... *(Пауза.)* Стоп! Кажется, складывается... *(Хватает карандаш и, облокотившись, пишет на столе.)* ...в клетке... кабы не было милой соседки... Ага! Вот напротив окошечко — стук, занавеска подымется вдруг...

Внезапно с дивана раздается громовой храп. Лермонтов оборачивается. Храп повторяется с удвоенной силой.

Штабс-капитан!

Храп сильнее.

Эй! Пехота!

Из-под шинели высовывается всклокоченная голова с малиновым носом и измятыми усами.

Ш т а б с - к а п и т а н. А? Чего тебе, м-мамочка?

Л е р м о н т о в. Пехота, не шуми! Казенный дом развалишь!

Ш т а б с - к а п и т а н. Не могу, м-мамочка! Привычка-с! Который час?

Л е р м о н т о в. Полдень.

Ш т а б с - к а п и т а н. Рановато!.. Ох, башка трещит. Сосну еще. А за храп не взыщи, м-мамочка! *(Опять накрывается шинелью.)*

Л е р м о н т о в. Спи, доблестный прах, до утреннего барабана.

В глубине коридора показывается Б е л и н с к и й в сопровождении мичмана К р и г е р а, белокурого румяного юнца. Часовой делает «на караул» по-ефрейторски. Кригер открывает дверь.

К р и г е р. К вам гость, Михаил Юрьевич! *(Пропускает Белинского.)* Пожалуйте!

Л е р м о н т о в *(бросил карандаш, выпрямился)*. Кого еще?.. *(Увидел Белинского. Сперва на лице удивление, потом радость. Протянул руки навстречу.)* Белинский! Вы ли?.. Вот не ждал!

Кригер уходит.

Б е л и н с к и й *(беря руки Лермонтова, смущенно)*. Простите навязчивость, но меня неудержимо тянуло навестить вас... Может быть, не ко времени? Я неловок, не привык к обществу...

Л е р м о н т о в. Что вы?.. Удивительно удачно, что это пришло вам на ум. Я дохну от тоски. Ни одного человечьего лица... Садитесь. Не обессудьте за обстановку.

Белинский присаживается на край стула. Лермонтов садится в кресло. Пауза, во время которой оба с открытым внимательным любопытством разглядывают один другого, и вдруг Лермонтов разражается смехом.

Знаете, Белинский, на кого мы похожи сейчас? На двух крокодилов, посаженных в одну клетку и приглядывающихся друг к другу.

Б е л и н с к и й *(с улыбкой)*. Что же!... Отличное сравнение! Вы крокодил в поэзии, я — в критике... *(Оглянулся.)* Однако экая казенная мерзость!.. Как вам, должно быть, душно здесь.

Л е р м о н т о в. Разве только здесь душно?

Б е л и н с к и й. Но ведь это же недолго продлится, надеюсь... В городе говорят, будто даже начальство одобряет, что вы вступились за честь русского перед иностранцем.

Л е р м о н т о в. Бенкендорф думает иначе. Похоже, что он намерен припомнить мне «Смерть поэта» и свести счеты разом за все.

Б е л и н с к и й. Каким образом?

Л е р м о н т о в. Эрнест Барант фланирует в салонах и распускает сплетню, что я солгал и оскорбил его, показав на следствии о намеренном выстреле в воздух. Бенкендорф требует от меня извинительного письма с отказом от этого показания... Меня хотят представить лжецом и лишить честного имени... Я написал великому князю, прося защиты.

Б е л и н с к и й. Нашли кому!.. Что же дальше?

Л е р м о н т о в. Если Барант не прекратит свои выдумки, придется выйти на барьер вторично. Постараюсь не промахнуться.

Б е л и н с к и й. Какая глупость! Что за бессмысленное бретерство! Снова лезть под пулю заезжего шалопая? Вы... и ничтожный Барант!

Л е р м о н т о в. Но войдите в мое положение. Какой выход? Остаться с репутацией лжеца в глазах однополчан, во мнении света?

Б е л и н с к и й *(взорвался)*. Да провались ваш дурацкий свет! Сами же вы обзывали его последними словами. Ваш свет — худшая сторона общества... Все эти бредни лезут вам в голову от вынужденного безделья. В таком застенке можно одуреть! По крайней мере, у вас хоть есть что читать? *(Берет со стола книгу.)* А... Купер?.. Превосходный талант! И «Путеводитель в пустыне» — совершеннейшее произведение.

Л е р м о н т о в. Я зачитываюсь им. Он сильнее и выше Вальтера Скотта.

Б е л и н с к и й *(живо)*. И я того же мнения. Какая шекспировская мощь драматического начала в его романах! А как он описывает хваленое американское общество! Какая мерзость! Гнусные добродетельные ханжи! Торгаши! Шейлоки! Чистенько одеться, расчесать козлиную бородку, походя убить индейца и потом погнусавить псалмы в церкви — вот их идеал... Страшное уродство может вырасти из американского зародыша... Еще Пушкин писал об этом.

Л е р м о н т о в. А чем лучше наше общество? Заучить несколько анекдотов, высечь кучера, обменять дворовую девку на борзую, а вечером болтать по-французски о галантных чувствах! Царство кнута и подлости!

Б е л и н с к и й. Ого!.. Мне кажется...

С дивана раздается новый раскат храпа. Белинский растерянно обернулся.

Что это?

Лермонтов *(со смехом)*. Не тревожьтесь! Сотоварищ по службе. Православный воин из медвежьего угла. Приехал в Питер судиться за наследство. Измотался по канцеляриям, растряс карман на взятки, не выдержал наконец и отхлестал по щекам какое-то крапивное семя. Ну и ввергли в узилище. Сейчас я его уберу! *(Теребит спящего.)* Штабс-капитан! Вставай, душенька!

Штабс-капитан *(отдернув шинель)*. Ну, что ты пристал, м-мамочка?

Лермонтов. Судьбу проспишь! У соседей майор банк заложил. Сходи прокинь карту.

Штабс-капитан. Смеешься, гусар? С чем пойду? Вчера последнюю копейку ребром прокатил.

Лермонтов *(вынимает из кармана пачку ассигнаций)*. Бери! Поставь за меня!.. Сочтемся!

Штабс-капитан. Хоть ты и гвардеец, а душа в тебе есть. Мерси боку! *(Встал, запахнул полы неожиданно роскошного персидского халата, влез ногами в стоящие у дивана туфли.)* Гряду... и покоряйтеся, языцы! *(Уходит.)*

Белинский. И с такими людьми вам приходится проводить время?!

Лермонтов *(расхохотался)*. Вот угоди на вас!.. В свет не ходи, с доблестной armée russe[1] не знайся... А между прочим, этот забулдыга лучше многих, кому мне приходилось пожимать руки на воле. Ума небольшого, но чистейшей души... Однако вернемся к Куперу...

Белинский *(вдруг дотронулся до колена Лермонтова)*. Погодите! Мы найдем другой час для Купера. Не для этого я выпросил у коменданта допуск к вам... Признаюсь, я сомневался, смогу ли сказать вам, что хочу... но все равно, когда-нибудь... Э, да что там! Давайте напрямик! Согласны?

Лермонтов. Согласен, но...

Белинский *(горячо)*. Вы сказали сейчас о высеченном кучере и девке, обмененной на собаку. Хотя или не хотя, вы коснулись самой страшной болезни нашей действительности, проклятого рабства... Ведь это не случайно! Вы, как всякий русский с умом, должны гореть от стыда за это зло, ненавидеть его... Ведь правда?

Лермонтов. Конечно... но я не совсем понимаю...

---

[1] русской армией (*фр.*).

Белинский. Постойте же, дайте досказать... Вот, собираясь к вам, я перечел ночью список «Демона» — и вновь был очарован. Какое незрелое, но могучее создание. И как оно пронизано идеей борьбы со злом, мыслью о победе светлого начала...

Лермонтов. Знаете, Белинский, для меня «Демон» уже в дымке прошлого. В нем бурный, но беспорядочный бунт юности против неба и его неправедных законов. В те дни ум пленялся младенческими снами, таинственными образами. Что осталось от них? Утомление, как после битвы с ночными призраками, да смутная печаль... Сражаться с небом! Не донкихотство ли? Махание картонным мечом в пустоте...

Белинский. Можно ли понять ваши слова как признание того, что есть достаточно земных богов, которых нужно свергнуть?

Лермонтов. Если вам так хочется — пожалуй.

Белинский. Отлично! Об этом я и хотел поговорить. Вспомните: еще в юные годы вы заклеймили гневом и ненавистью земное рабство в «Вадиме» и «Странном человеке». Это было написано молодостью, а молодость не лжет. Все живое в России должно встать беспощадной войной на чуму крепостничества. Искусство, наука, поэзия — все против этой постыдной язвы. Нынче поэзия не может быть погремушкой. Она обязана греметь набатом. Нужен могучий голос! Кто же после Пушкина достоин этого высокого жребия? Вы!.. Вы его наследник и преемник!

Лермонтов. Лестно, но едва ли справедливо.

Белинский. Я не способен к пустым похвалам, особенно в такую минуту. Я зову вас к тяжкому, но славному призванию... Или вы не любите Россию? Не хотите ее пробуждения? *(Пауза. Яростно.)* Отвечайте же, черт возьми!

Лермонтов. Признаюсь, вы ошеломили меня внезапностью... Война против общественного зла?.. С кем? Где армия? После львиного порыва двадцать пятого года, удушенного в петле, мы впали в мертвый сон. И в сонной лени бессильно ждем прекрасного принца, который разбудит нас поцелуем. Но вместо принца нас расталкивает пьяный будочник и тащит на съезжую. Принц может отозваться лишь на страстный призыв. А мы молчим. Молчит литература! Поэзия со смертью Рылеева утратила голос мужества.

Белинский. Вздор! Вздор и еще раз вздор! Вы просто далеки от жизни. Люди нашего времени полны жаждой желаний, сокрушительной тоской высоких порывов и стремлений. Нужен только толчок...

Лермонтов *(с горечью)*. Желания без исполнений? Что пользы напрасно и вечно желать?

Белинский *(зло)*. Перестаньте рядиться в плащ байронизма. Вы уже не дитя, а этот заемный наряд проеден молью. Вы молоды! Вы не можете не любить жизнь!

Лермонтов. Я люблю жизнь как непрестанную бурю страстей и волнений... Но где они? Вокруг запустение!.. Нужен гром, чтобы всколыхнуть болото... Нужно дело!

Белинский. Наконец! И от вас ли я это слышу?

Лермонтов. Вас это удивляет? Но не ваши ли статьи и ваши слова сейчас убеждали меня, что в этом назначение поэта в наше время и в нашем обществе?

Белинский. Радуюсь, что мой голос дошел до вашего сердца. И еще более тому, что и в вас пробуждается жажда деятельности, борьбы, тревога за судьбы России.

Лермонтов *(задумчиво)*. Россия!.. *(Пауза.)* Послушайте, Белинский! Я ехал с Кавказа, и была в пути встреча... Мы задержались у придорожной кузни подковать пристяжную. Поблизости, под ветлами, горел костер. Подгулявшие мужички с присвистом, с топаньем отплясывали удалую русскую. А кругом лежала снежная глухомань, забитая, бессловесная Россия. И вдруг мысль поразила меня: если в тяжкой доле раба народ сберег живую душу, веселье и бодрость, то каков же он станет, когда сбросит оковы? Как не любить такой народ? Как не стыдиться, что мы так далеки от него? Постыдно равнодушны!

Белинский. Не все! Не все далеки, Лермонтов! Ваша «Дума» — жестокий и справедливый приговор обществу. Но в России нарождаются новые люди, сердца которых бьются для народа. Вы не видите их, вращаясь в душном кругу светской черни. Вам грустно, что некому подать руку в минуту душевной невзгоды? *(Встает, взволнованно.)* Да стоит вам протянуть ее, и она встретит множество дружеских, горячих рук... И первую мою! От всего сердца! *(Протягивает руку Лермонтову.)* Вот она! *(Лермонтов, молча и пристально смотря в глаза Белинскому, подает свою.)* Вы должны быть с передовыми силами общества, Лермонтов! Не смеете быть чуждым народу!

Ваша поэзия истинно народна. Она волнует каждое русское сердце — и в светской гостиной и в курной избе! Несите же свет народу!

Лермонтов. Хватит ли сил?

Белинский. У вас? *(Засмеялся.)* Да вы великан, черт вас возьми совсем!.. Наша сегодняшняя встреча действительно нечаянная радость для меня. Если б вы знали, как я робел заговорить с вами от души. Вы сами виновны в этом. Помните нашу первую встречу в Пятигорске, когда мою попытку завести серьезный разговор вы обратили в балаган и вывели меня из терпения своими софизмами? И сколько мы ни встречались после, я никак не мог понять вас. Кроме гусарских шуточек, не слыхал от вас путного слова. И как же рад, что вижу вас в настоящем свете, что разгадал в вашем сердце начало глубокой веры в человека, в его достоинство... Сознайтесь, что это так?

Лермонтов *(улыбаясь)*. Дай бог!

Белинский *(вынул часы)*. А теперь позвольте откланяться. До следующей встречи, надеюсь,— уже на свободе. У нас еще много предметов для разговора.

Лермонтов. Уже? Вы уходите?

Белинский. Меня ждут рукописи. Я ведь зарабатываю копейку горбом. Прощайте.

Лермонтов провожает его к двери. Белинский уходит. Лермонтов остается в задумчивости. В коридоре показывается Кригер.

Лермонтов *(один)*. Странно! Кажется, мы действительно сможем подружиться. Я думал, что уже не способен к порыву чувства.

Кригер *(прикрыв дверь)*. Извините, Михаил Юрьевич, но я сгораю от любопытства. Это сейчас у вас был тот самый господин Белинский, который печатается в «Отечественных записках»?

Лермонтов. Да!.. А что?

Кригер. Как бы мне хотелось пожать ему руку. У нас на флоте упиваются его статьями... Огненное перо! У нас и ваши стихи, Михаил Юрьевич, ужасно как любят. Переписывают каждую строчку... Дороже золота ценят!.. Право. *(Смутившись.)* Простите, не смею утруждать!

Лермонтов. Минуточку, мичман! Могу я просить вас об услуге?

Кригер *(прижав руки к груди)*. Да я в огонь и в воду...

Лермонтов *(усмехнулся)*. Это слишком... Сейчас ко мне должен приехать еще посетитель. У него нет разрешения плац-майора. Однако мне совершенно необходимо свидеться с ним. Чтобы никто не знал... Предупреждаю: если откроется, для вас могут произойти неприятности.

Кригер. Хоть тысячу штормов!

Лермонтов. Спасибо, мичман!

Кригер *(закрыл дверь, часовому)*. Мигунов!

Мигунов. Есть Мигунов, ваше высокоблагородие.

Кригер. Слушай и запомни! Сейчас к поручику Лермонтову зайдет посетитель... Так ты его не видел и не слышал. Станут снимать допрос — отрекайся. Понял?

Мигунов. Так точно.

Кригер. Хоть бы каторгой грозили — молчок!

Мигунов. Понятно.

Кригер. Иначе поручика подведешь. Ты знаешь, кто такой поручик Лермонтов?

Мигунов. Так точно! Знаменитый песельник, ваше высокоблагородие... Мы у лейтенанта Непенина ихнюю песню списали «Спи, младенец» и распеваем в казарме... Душестрадательная!

Кригер. То-то же!

В коридоре показывается закутанный в шубу, в низко надвинутой на глаза шляпе Эрнест Барант.

Барант. Господин офицер!

Кригер. Вы к поручику Лермонтову? Прошу сюда! *(Открывает дверь, пропуская Баранта.)* Смотри же, Мигунов. *(Уходит в глубь коридора.)*

Лермонтов обернулся к вошедшему Баранту. Взаимный холодный поклон.

Барант. Я получил ваше приглашение и счел себя обязанным явиться. Что вы желаете мне сообщить?

Лермонтов *(садится, не предлагая сесть Баранту)*. До моего сведения дошло, что вы, господин барон, рассказываете в свете, будто я ложно показываю, что намеренно выстрелил не в вас, а в воздух, и вы оскорблены этим?

Барант. Я не знаю, почему вы так изображаете дело, и хотел бы...

Лермонтов *(прерывает)*. Если так, я предлагаю

вам по моем выходе из-под ареста новую встречу в любое время. Условия: шесть шагов, стреляться насмерть.

Барант ошеломлен. Пауза.

Итак?

Б а р а н т *(растерянно)*. Господин Лермонтов! Слухи, дошедшие до вас, неверны... я не имею к вам никаких претензий. Надеюсь, этого достаточно?

Л е р м о н т о в. Вполне! Не задерживаю вас, барон!

Б а р а н т. Au revoir! [1] *(Быстро уходит.)*

Л е р м о н т о в *(один)*. «Гарун бежал быстрее лани...» *(Хохочет и весело кружится, напевая.)*

В коридоре появляется ш т а б с-к а п и т а н. Входит и видит веселящегося Лермонтова.

Ш т а б с-к а п и т а н *(хриплым басом)*.

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — обман!

Л е р м о н т о в *(обернулся, удивленно)*. Ты откуда это знаешь, пехота?

Ш т а б с-к а п и т а н. Списал, м-мамочка, из альбома у полкового адъютанта. Он у нас кавалер и любитель стишков. Сказывал, что сочинил ваш брат, кавалерист... Вот только, как звать, я забыл. Лерментинов, что ли?

Л е р м о н т о в *(расхохотавшись)*. Вот именно!.. Ну, как в картишки прокинулся? Можно поздравить?

Ш т а б с-к а п и т а н. Э, братец!.. Судьба-индейка! Майор карту бьет наповал. Вдрызг профершпилился. Хотел напоследок халат загнуть онером, да вспомнил *(шепотом)*... исподнее прохудилось до срамоты. *(Вынимает из кармана халата фляжку.)* Хлебнем, гусар! *(Наливает стаканы.)* За что только? Выпил бы за Русь-матушку, да ее, м-мамочка, давно взятка съела. Остались от Руси рожки да ножки.

Л е р м о н т о в *(весело)*. Врешь, с дула заряжающийся брат мой во Христе и мундире... Жива Русь! Вот встанет, как Еруслан, возьмет дубину, пойдет на царей и богатырей и всех уложит... Выпьем за то, чтобы твоим внукам это увидеть! *(Чокаются.)*

З а н а в е с

---

[1] До свидания! (*фр.*)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Кабинет Николая в Зимнем дворце. Низкий, сводчатый, он больше похож на казарму или тюрьму, чем на кабинет царя. В маленькие, подслеповатые окна проникает слабый свет зимнего дня. На стенах батальные полотна и множество рисунков, изображающих солдат и офицеров в формах русской армии. Огромный письменный стол, на котором, как солдаты, выстроены книги в кожаных переплетах. Строгая ампирная мебель. В углу киот с иконами. Под ним железная солдатская кровать, накрытая серым суконным одеялом. Заложив руки за спину, Николай в мундире Преображенского полка, в ботфортах, раздраженно ходит размашистым шагом из угла в угол. В кресле у стола сидит великий князь Михаил Павлович.

Михаил. Твоя воля, Никс... Но я, как генерал-инспектор кавалерии, разделяю мнение генерала Кнорринга. Бенкендорф перестарался, требуя от Лермонтова извинения. Письмо Лермонтова ко мне свидетельствует о его порядочности. И его поведение в этой истории благородно. Вот и Кнорринг пишет... *(Берет со стола листок.)* «После сего поручик Лермонтов, как российский гвардейский офицер, весьма естественным образом мог уже не быть в состоянии сохранить далее хладнокровие и вынужден был уступить место усилию чувств, решаясь доказать сему иностранцу, что русский офицер честь всему предпочитает...» *(Кладет листок.)* Кроме того, имея шанс распластать француза, ар-рнаут поступил великодушно, пустив заряд в воздух.

Николай. Абракадабра!.. Дрянной офицеришка! И стрелять не умеет! Пропуделял, а врет, что свеликодушничал... Неисправим! К фронту негоден, видом гнусен. Гвардию срамит!

Михаил. Плоховат, не спорю... Но мне уши о нем прожужжали Воронцовы, Вяземские, Фикельмоны, Карамзины... Вопли со всех сторон: «Талант! Преемник Пушкина! Гордость России!» Может быть, Никс, просто выгнать его в отставку? Тем более сам просится.

Николай. Гордость России — моя армия, а не писаки. Чем меньше писак, тем спокойнее. А я перед богом отвечаю за спокойствие России. Потому и не дам отставки. Его только выпусти — он такое разведет. И так Петр Долгоруков сообщил Третьему отделению, что сей щелкопер намеревается вкупе со всякой шушерой издавать либеральный журнал.

Михаил. Долгорукову не очень верь! От Рюрика и до днесь на Руси подобного мерзавца не бывало...

Я, брат, во всех этих писаниях аза не смыслю, но кое-какие лермонтовские стишонки знаю. Вредного не замечал. А строчит ар-рнаут лихо!

Н и к о л а й. А я вот читал его роман «Герой нашего времени» и нахожу его отвратительным. Только характер старого капитана удачен. Я полагал, что он-то и будет героем нашего времени. В Кавказском корпусе много таких служак, и жаль, что их мало знают. Но автор оказался не способен представить благородный характер и заменил его жалкими, мало привлекательными личностями, которые действуют из отвратительных и фальшивых побуждений... Пусть господин Лермонтов отправляется подальше и набирается ума в среде людей, стоящих изображения, если он вообще в состоянии схватить и изобразить что-нибудь порядочное. Счастливого пути!

М и х а и л. Жаль старуху Арсеньеву! Ревет, как выпь, и обивает пороги просьбами.

Н и к о л а й. Что посеяла, то и пожала! Каково воспитала внучка! Слыхал, что выкинул негодяй на новогоднем маскараде? Там были мои дочери — Маша и Ольга. Конечно, в домино, но всем было ведомо, кто эти домино. Они заговорили с ним, и наглец осмелился гоняться за моими дочерьми, как за гулящими девками... Неслыханная дерзость!

М и х а и л *(вдруг залился смехом)*. Ха-ха-ха! Ох-ох-ох! Вот фунт изюму, не угодно ли стакан лафиту?.. Яблочки, Никс, недалеко от яблони падают. Сам любишь, помазанник божий, по углам за юбками шмыгать, так что ж и диво, что дочки по машкарадам, как охтенские девки, скачут... Хо-хо-хо...

Н и к о л а й *(круто остановился и бешено выкатил глаза на брата)*. Мишка!

М и х а и л *(сдерживая смех)*. Не пучь глаза! Стращай ими своих истуканов. А я, брат, к твоим фокусам с детства привык. Не проймешь! Хлебни лучше кваску со льдом на сон... Прощай! *(Идет к выходу, провожаемый яростным взглядом Николая, и на пороге со смехом оборачивается.)* Ха-ха-ха... А?.. Молодец ар-рнаут! Племянниц заманежил! Ох-ох-хо! *(Уходит.)*

Николай в бешенстве шагнул к столу, отшвырнул ногой подвернувшийся стул. Схватил колокольчик и неистово зазвонил. Влетел всполошенный ф л и г е л ь - а д ъ ю т а н т.

Ф л и г е л ь - а д ъ ю т а н т. Изволили звонить, ваше величество?

Н и к о л а й. Дурак!.. Оглох? Бенкендорф здесь?

Ф л и г е л ь-а д ъ ю т а н т. Так точно, ваше величество. Уж с полчаса.

Н и к о л а й. Зови!

Адъютант, отступив, пропускает в дверь Бенкендорфа.

Б е н к е н д о р ф. Добрый вечер, ваше величество!

Н и к о л а й. Спасибо, Александр Христофорович. Как здоровье?

Б е н к е н д о р ф. Старый конь, ваше величество, до смерти тянет. Хоть стар и устал, рад служить, пока сами не отпустите инвалида.

Н и к о л а й. Рано, рано в инвалиды просишься. Еще нужен мне и России. Что у тебя сегодня?

Б е н к е н д о р ф. Не могу порадовать, ваше величество. В здешнем университете открыто злоумышленное сообщество. Читали и обсуждали европейские политические сочинения и хулили правительство. Главные учредители взяты под стражу.

Н и к о л а й. Опять университет! Ну что мне с ними делать, Александр Христофорович? Может, закрыть, а всю студенческую братию под солдатский ранец?

Б е н к е н д о р ф. Желательно, ваше величество, но невозможно. Подобная мера вызовет осуждение во всем мире. Кроме того, при нынешнем движении наук нельзя без людей с образованием. Подьячими уже не обойдемся.

Н и к о л а й. Жаль!.. Что еще?

Б е н к е н д о р ф. Сентенция военного суда, ваше величество, по делу о дуэли, учиненной поручиком Лермонтовым.

Н и к о л а й. А!.. Какова сентенция?

Б е н к е н д о р ф. По строгости законов, лишение чинов и дворянства и написание в рядовые.

Н и к о л а й. Давай подпишу.

Б е н к е н д о р ф. Но судьи повергают участь подсудимого на воззрение вашего величества, ходатайствуя о смягчении, с тем чтобы, выдержав три месяца на гауптвахте, выписать в армию тем же чином.

Н и к о л а й. Слюнтяи! Не согласен!

Б е н к е н д о р ф. Осмелюсь доложить вашему величеству, что лермонтовская история, помимо прочего, вызывает неприятные последствия в дипломатических сферах.

Н и к о л а й. Это еще что?

Б е н к е н д о р ф. Я имел нынче разговор с графом Карлом Васильевичем Нессельроде. Он рассказал о своей встрече с Барантом-отцом. Посол заявил, что эта дуэль породила недовольство во Франции. Посол выразил удивление тем, что русские поэты словно задались целью создавать политические конфликты. Пушкин оскорбил посланника Нидерландов, Лермонтов затевает поединок с чинами французского посольства. Это воспринято в Париже как лишнее доказательство русского недружелюбия к Франции и ее законной династии.

Н и к о л а й *(перебивая)*. Объясни мне хоть ты, Александр Христофорович: почему в других странах поэты приличные люди? Вот Гете!.. Провел всю жизнь при дворе, тайный советник... Клопшток... Уланд! А наши?! Да они только и мечтают, как бы меня зарезать...Да и тебя тоже! А?

Б е н к е н д о р ф. Трудно сказать, ваше величество. Думаю, это от дурного воспитания в нашем дворянстве. С раннего возраста дети в обществе мужичья. Няньки, лакеи, конюхи... Господин посол просил графа Нессельроде обезопасить его сына от нового вызова Лермонтова.

Н и к о л а й. В солдаты! В глушь, куда ворон не летает. Чтоб не токмо писать — думать отвык.

Б е н к е н д о р ф. Позвольте доложить вашему величеству. Долголетним моим служением убежден в том, что такая мера не приносит пользы. Преступный ум и в пустыне останется преступным. Касательно же Лермонтова я утвердился в мнении, что он опасен по своему направлению. Я сам был склонен отнестись к его стихам на смерть Пушкина как к греху молодости. Но его деятельность в литературе показывает, что он не оценил милосердия вашего величества и усилил свои заблуждения... Вот, ваше величество!.. *(Достает из внутреннего кармана бумагу.)* Мне доставлен список его возмутительных стихов. Он осмеливается, страшно сказать, предрекать гибель династии. Извольте только послушать: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...»

Н и к о л а й *(обрывая)*. Что-о? Мерзавец!

Б е н к е н д о р ф. Неисправим, ваше величество! Сверх того, не в меру дерзок. На поданный мной благой совет для облегчения его участи отозвался жалобой на меня его высочеству, в которой чернит меня, будто желающего невинно лишить его чести...

Н и к о л а й. Знаю! Брат только что был у меня и просил за этого негодника.

Б е н к е н д о р ф. Его высочество чрезмерно потворствует лейб-гусарам. Полк распущен, офицеры прямые разбойники.

Н и к о л а й. Дай время, я до них доберусь. Что же ты полагаешь с Лермонтовым?

Б е н к е н д о р ф. Полагаю, ваше величество, самым разумным высылку на Кавказ с непременным безотлучным нахождением во фронте. Это смирит его буйный нрав.

Н и к о л а й. А в какой полк?

Б е н к е н д о р ф. В Тенгинский, ваше величество! Как изволите знать, тенгинцы отправляются в Чечню. Полк все время будет в опасных стычках с горцами.

Н и к о л а й. А пуля может найти виноватого, Александр Христофорович? Не так ли?

Б е н к е н д о р ф. Как будет угодно вашему величеству...

Н и к о л а й. Давай. *(Подписывает поданную бумагу.)* Вот! Перевесть в Тенгинский полк... Исполнить сегодня же... Начальству Кавказского корпуса предпиши моим именем никак не увольнять из фронта.

Б е н к е н д о р ф. Не найдете ли полезным, ваше величество, послать вверенного мне корпуса подполковника Кушинникова для наблюдения за исполнением?

Н и к о л а й. Как хочешь!.. Ну, прощай! Я устал сегодня!

Б е н к е н д о р ф. Спокойного сна, ваше величество! *(Уходит.)*

Н и к о л а й *(подходит к киоту, крестится, отвешивает поклон)*. Господи! Пошли недостойному рабу силы на благо державы моей и прости прегрешения...

Дверь приоткрывается, показывается голова флигель-адъютанта. Николай раздраженно обернулся.

Тебе чего?

Ф л и г е л ь - а д ъ ю т а н т *(вполголоса)*. Ваше величество! Известная вашему величеству воспитанница Смольного института девица Никонова прибыла согласно высочайшего повеления и находится в опочивальне вашего величества.

Н и к о л а й. Хорошо!.. Ступай!

Флигель-адъютант скрывается. Николай, высоко подняв плечи и выпятив грудь, подходит к зеркалу, подкручивает усы и величественно уходит в боковую дверь.

З а н а в е с

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

У Карамзиных. Зал разделен надвое колоннами. На переднем плане слева рояль. Возле него диван, перед которым стол красного дерева на толстой ножке и два кресла. На столе канделябр с зажженными свечами, ваза с фруктами, книги, альбомы. Справа в стене большое окно арочной формы. В него видны начинающие зеленеть деревья Летнего сада и над ними сиреневое небо петербургской весенней ночи. По нему проплывают озаренные снизу отблеском ушедшего за горизонт солнца розовые облака. В задней части зала, за колоннами, группами сидят гости. Лакеи разносят чай и десерт. Перед поднятием занавеса слышатся последние аккорды увертюры «Руслана и Людмилы», обрывающиеся с открытием сцены. На переднем плане группа: стоящая у рояля К а р а м з и н а, за роялем В. Ф. О д о е в с к и й, рядом на диване Щ е р б а т о в а. В одном из кресел С о л л о г у б, перелистывающий страницы альбома. Одоевский встает и кланяется аплодирующим гостям.

К а р а м з и н а. Примите дань общего восхищения, дорогой Владимир Федорович. Вы доставили нам огромное наслаждение этой прекрасной новинкой.

О д о е в с к и й. Я очень тронут! Глинка — подлинный русский гений. Я с робостью играю его вещи. Невозможно передать мощь его музыки.

К а р а м з и н а. Вы скромничаете, князь. Ваше исполнение великолепно.

Из задней половины зала выходит с у х о й с т а р е ц с геморроидальным лицом, в гофмейстерском мундире со звездой Александра Невского.

С а н о в н и к. Позвольте откланяться, уважаемая Софья Николаевна.

К а р а м з и н а. Так рано? Останьтесь, Петр Андреевич! С минуты на минуту мы ждем Лермонтова. Он завтра едет на Кавказ и заедет проститься. Я надеюсь, что он порадует нас новыми стихами.

С а н о в н и к. Увольте, матушка!.. Что за удовольствие! Мужицкая музыка, доморощенные вирши. Не любитель я рифмачества, да и не понимаю, что так носятся с этим Лермонтовым? Препустой малый, плохой офицер, да и поэт неважный. Все мы, будучи молодыми, марали бумагу такими стихами... Нет, нет! Покорно благодарю, избавьте! Прощайте, матушка! *(Уходит.)*

К а р а м з и н а. Слыхали, Владимир Федорович? Каков ценитель!

О д о е в с к и й. Несть пророка в своем отечестве, или, как говорят французы, лакей никогда не признает таланта в барине.

Соллогуб. А знаете, господа, что же удивительного, если его превосходительство так отзывается о таланте Лермонтова, когда сам Михаил Юрьевич не верит в свой поэтический дар.

Одоевский. Что за мысль?

Карамзина. Из чего вы заключаете это, Владимир Александрович?

Соллогуб. Да вот вам недавний случай. На бале у графа Ивана. Уже дело к разъезду, четвертый час утра. Вдруг подходит ко мне Лермонтов. «Скажи, Соллогуб, ты куда едешь отсюда?» — «Помилуй, говорю, время какое... конечно, домой». Он опять: «Я к тебе... хочу поговорить!» Помолчал. И с пылом: «Владимир, ты мне друг, ты честный человек... Скажи правду, только правду! Есть у меня талант или нет?» Я даже озлился. «Да как ты смеешь об этом спрашивать, Лермонтов?! Ты, который написал...» Он не дает мне договорить, на глазах слезы. «Благодарю тебя... верю... Вот простит меня государь, вернусь, и будем вместе издавать журнал».

Во время рассказа Соллогуба Одоевский с Карамзиной отходят к роялю. Одоевский тихо наигрывает одним пальцем, о чем-то говоря Карамзиной. Щербатова внезапно прерывает Соллогуба.

Щербатова. Послушайте, Владимир Александрович, зачем вы рассказываете этот хлестаковский вздор?

Соллогуб *(озадаченно)*. То есть?.. Не понимаю вас, княгиня.

Щербатова. Отлично понимаете! Неужели вы надеетесь уверить нас в своей дружбе с Лермонтовым? В том, что он просит признания своего таланта у вас? У человека, который оклеветал его в пасквильной повести в угоду злости великой княжны Марии?.. Постыдитесь!

Соллогуб *(оскорбленно)*. У вас сегодня нервическое раздражение, ваше сиятельство. Не смею усиливать его своим присутствием. *(Уходит в глубину зала.)*

Щербатова. Шут!

Карамзина *(садится и обнимает Щербатову за талию)*. Вы в самом деле расстроены, Мари! Soyez tranquille, chérie! [1] Он унизил автора, а не поэта.

Щербатова. Все же это гнусно!

Карамзина. Успокойтесь... Все будет хороошо... Он скоро возвратится. Я не устану просить, пока не

---

[1] Не волнуйтесь, дорогая! (*фр.*)

добьюсь прощения. Великий князь Михаил Павлович обещал помочь.

Щербатова. Ах, Софи! У меня так тревожно на сердце. Я предчувствую неизбежное большое несчастье.

Карамзина. Ну что вы!.. Отбросьте мрачные мысли. Причина вашей тревоги — разлука, и ничто больше. Признайтесь — вы очень любите его?

Щербатова. Да!

Карамзина. Мне кажется, он тоже глубоко любит. Я знаю его неровный и странный характер, его непоследовательность. Но когда он говорит о вас, я вижу в его прекрасных глазах истинное чувство. С вами он может быть счастлив, Мари!

Щербатова. Я на все готова для его счастья! Даже на горе!

В задней половине зала оживление. Возгласы: «Ну, наконец!», «Мы заждались вас, Михаил Юрьевич!», «Неужели вы завтра покидаете нас?» Кланяясь на ходу, в переднюю половину проходит Лермонтов.

Лермонтов *(подходит к Карамзиной и Щербатовой)*. Вот и я! Простите, что запоздал. Так рад, что последние минуты могу провести у вас.

Щербатова. Вы действительно едете завтра? Это бесповоротно? И нельзя отсрочить?

Лермонтов. Никак! Если не выеду сам, вывезут с жандармом. Бенкендорф проявляет исключительную заботу обо мне.

Щербатова. И вы веселы?

Лермонтов. По иной причине. Краевский развеселил меня персидской притчей. Сейчас я заезжал к нему проститься и жаловался на свою судьбу. Он в утешение рассказал мне о бедняке Мустафе, который украл у знатного бека курицу, чтобы сварить суп для больной жены, и сознался на смертном одре мулле в своем преступлении. Мулла пригрозил ему адом, где его будут жарить на сковороде. Мустафа пришел в ужас и горько зарыдал. «Не плачь, сын мой,— сказал мулла, благословляя беднягу,— ведь сковороды у шайтана из чистого золота». Не правда ли, чудесная сказка?

Карамзина. Прелестно! И я думаю, что вы, Миша, не преминете сделать из этого сюжета такую же чудесную сказочку, как «Ашик-Кериб». Но пока это случится, нам хотелось бы послушать вас.

Л е р м о н т о в. Ценю ваше внимание, Софья Николаевна, но, право, не хочется читать. Мне что-то очень грустно сегодня.

К а р а м з и н а. Ну вот, прочтете — и развеете грусть. А нас обрадуете! Не упрямьтесь! *(Обращается ко всем.)* Давайте вместе просить Михаила Юрьевича порадовать нас стихами.

О б щ и й г у л г о л о с о в. Пожалуйста! Просим! Умоляем, Михаил Юрьевич!

Кто-то восторженно крикнул: «Ура Лермонтову!» Тишина. Гости выходят в переднюю половину, окружая поэта.

Л е р м о н т о в *(отходит к окну. Смотрит на плывущие за окном облачка и, не оборачиваясь, начинает читать.)*

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Голос звучит глуховато, тоскливо, такой печалью, что по окончании все молчат, как завороженные. Лермонтов обернулся, глаза полны слез.

К а р а м з и н а *(после паузы)*. Еще, Миша!

Л е р м о н т о в *(провел рукой по лицу)*. Нет!.. Не просите! Не стану!

О д о е в с к и й *(подходит)*. Господа, поблагодарим Михаила Юрьевича за вдохновенные стихи. А я хочу сделать ему скромный подарок. *(Подает книжечку в кожаном переплете.)* Это моя любимая записная книжка. Дарю ее поэту Лермонтову, с тем чтобы он вернул ее мне всю исписанную новыми стихами.

Гул одобрения. Одоевский обнимает Лермонтова. Из задней половины выходит А р с е н ь е в а в теплом капоре, с муфтой. Проходит вперед. Карамзина увидела ее.

Карамзина. Елизавета Алексеевна! Вот радость!.. Как хорошо, что пожаловали. Мы справляем Мише отвальную.

Арсеньева. Мое почтение, любезнейшая Софья Николаевна.

Карамзина. Чем прикажете угостить? Чайку со сливками? Есть любимое ваше ананасное варенье.

Арсеньева *(сухо)*. Благодарствуйте, душенька! Не буду! Я мимоездом. За Мишенькой.

Карамзина. Но ведь он только что приехал. Неужели вы хотите отнять его у нас в последний вечер?

Арсеньева. Потому и отымаю, что последний. Я ему всю жизнь отдала, так ему и следует последний вечер со мной провесть. Не взыщите со старой. Честь имею кланяться! Мишенька, я тебя в карете подожду. Простись, и поедем! *(Кланяется и уходит.)*

Щербатова *(Одоевскому)*. Своенравная старуха!

Одоевский. Столыпинская кровь! Откупщики! Что в руки попало, не выпустят! Она и Мишу у отца отняла, как на откуп.

Карамзина. Миша! Уговорите бабушку.

Лермонтов *(пожав плечами)*. Не выйдет! Придется ехать!

Гости расходятся в заднюю половину.

Простимся, дорогая Софья Николаевна. От души благодарен вам, моему ангелу-хранителю, за ласку и заботу. Где бы ни был, всегда буду помнить, что в петербургском леднике есть для меня теплый угол. *(Целует руку Карамзиной.)*

Карамзина *(притягивает Лермонтова и целует в лоб)*. Благослови вас господь, Миша. Я желаю мира вашей мятежной душе. Берегите себя для нас!

Лермонтов. Прощайте, милый Владимир Федорович! *(Подходит к Щербатовой.)*

Карамзина глазами делает знак Одоевскому и уходит с ним в заднюю половину.

(Смотря в глаза Щербатовой.) Что же? Нужно проститься, Машенька?

Щербатова. О нет! Подождите еще минуту, Миша! Неужели завтра вас не будет уже с нами? Не могу примириться. Не могу поверить. Все это кажется дурным сном.

Лермонтов. Такова судьба, Машенька!

Щербатова. Только... дайте мне слово... я хочу просить вас: не отчаивайтесь, не делайте никаких безумств... Мы с Софи сделаем все, чтобы скорее вернуть вас. Если понадобится, мы взбунтуем Петербург. Обещайте мне хранить себя для будущего.

Лермонтов. Еще недавно мне казалось, что у меня нет будущего. Вы вернули мне его, Машенька, и я готов повторить за Демоном: «Хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру». Своим воскресением я обязан вам.

Щербатова. Верьте, Миша,— и все будет хорошо. У вас все впереди.

Лермонтов. Если бы вы знали, Машенька, как мне вдруг захотелось жить. У меня была на гауптвахте встреча с человеком, который так приветствовал меня в литературе. Он на многое открыл мне глаза, подал руку дружбы, и если мне суждено вернуться, жизнь станет иной, полной смысла и цели... Я думаю...

В дверях появляется Соколов.

Соколов. Михаил Юрьевич! Бабушка ждут и гневаются!

Лермонтов *(обернулся)*. Убирайся с глаз!

Соколов исчезает.

Вот видите! Одна из самых несносных тягот моей жизни — эта незрячая, злая любовь бабиньки. *(Подходит вплотную.)* Прощайте же, Машенька!

Щербатова *(сдерживая волнение)*. Счастливого пути, Миша!

Лермонтов целует ее руки.

(Внезапно Щербатова теряет сдержанность. У нее вырывается почти стоном.) Не уезжай!

Лермонтов. Что ты?

Щербатова. Мне вдруг стало страшно... Останься!

Лермонтов. Но это невозможно! Ты же понимаешь, Машенька. Что я? Казенная вещь! Раб в мундире!

Щербатова. Я так боюсь за тебя. У тебя столько врагов. Я знаю, Бенкендорф ненавидит тебя... Царь тоже!

Лермонтов. Царя бояться — на Руси не жить! Будь спокойна, Машенька! Любишь?

Щербатова. Люблю! Буду ждать! Буду молиться за тебя каждый день. И если мы не вернем тебя к

будущей весне, еду к тебе. Увезу тебя на Украину, к солнцу, к счастью. Мне нет жизни без тебя!

Лермонтов делает движение обнять ее.

Что ты? Увидят!

Лермонтов. А, все равно! Ты сердце мое, Машенька! Радость, любовь, последняя и единственная моя надежда! Прощай! *(Жадно, быстро целует Щербатову в глаза, щеки, губы. Отрывается и с искаженным лицом почти бегом уходит.)*

Щербатова, закрыв лицо веером, опускается на банкетку.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Комната в пятигорской ресторации грека Найтаки. Вечер. В распахнутые окна видны деревья и между их листвой огоньки в домах города. Комната освещена свечами в стенных бра и в канделябрах на круглом столе, крытом зеленым сукном. С левой стороны низкая арка отделяет от основного помещения каморку, в которой стоит тахта и перед ней восточный шестигранный столик. Стены завешаны коврами. Здесь полутемно — на столике горит одна свеча. В большой комнате за столом сидят Глебов, Васильчиков, Лермонтов, Трубецкой и еще несколько офицеров и штатских. Лев Пушкин стоя мечет банк. За сценой музыка. Играют восточные мелодии на восточных инструментах.

Пушкин. В банке полторы тысячи ассигнациями! Faites vos jeux, messieurs! [1] Кому угодно?

Лермонтов. Ва-банк!

Пушкин. Споловиньте, Михаил Юрьевич! Профукаетесь! Меня сегодня карта прилюбила.

Лермонтов. Не люблю половинок, Лев Сергеевич! Все!

Пушкин. Воля ваша! Называйте!

Лермонтов. Трефовая дама!

Толстый игрок. Ставили бы лучше на бубнового туза.

Лермонтов *(ядовито)*. Ставьте вы на бубнового туза, дражайший. С вашим подрядом на постройку кисловодских ванн вам не миновать знакомства с этим тузом!

---

[1] Ставьте, господа! *(фр.)*

Толстый игрок. Однако!..

Лермонтов *(смотря ему в глаза)*. Что однако? Вы, кажется, хотите ссориться?

Игрок умолкает, ворча что-то.

Пушкин. Игра сделана! Даю! *(Мечет карты. Все ждут.)*

Васильчиков *(тихо Глебову)*. Лермонтов нынче бесится. Не было бы худа... С чего он?

Глебов *(так же тихо)*. Рвет и мечет. Получил письмо из Петербурга. В отставке окончательный отказ и из представления к награде царь вымарал. Вот и кипит... Вчера весь день допекал насмешками Мартынова.

Пушкин. Ваша дама бита!

Лермонтов *(засмеялся)*. Как в «Пиковой даме»... Уж не узнали ли вы, Лев Сергеевич, от брата тайну трех карт? Ну и что ж! Несчастлив в игре — буду счастлив в любви. Получите, Лев Сергеевич!

Пушкин. Хотите еще рискнуть?

Лермонтов. Хватит!. Хватит!.. Я не граф Вронченко, казенных финансов не ворую.

Игрок с баками *(другому)*. Слыхали! До чего дерзок! Такие слова о его сиятельстве!

Игрок с коком. Прыгает, прыгает, да и споткнется...

Входит Лисаневич, очень юный, в тесно обтянутом мундире с преувеличенно огромными новенькими эполетами, с ним подполковник Кушинников в блекло-голубом жандармском мундире, сам белесый и блеклый.

Лермонтов *(увидя вошедших, весело)*. Ба-ба! Нашего полку прибыло! Взгляните, господа, прелестная картинка из кипсека — амурчик с золотыми крылышками в сопровождении голубого ангела.

Общий смех.

Лисаневич, милая крошка, что ты вырядился, как на маскарад!.. В рай, что ли, собрался?

Лисаневич *(тоже весело)*. Угадали, Михаил Юрьевич! Только что сделал предложение моей Оленьке и осчастливлен согласием.

Лермонтов *(иронически скандирует)*. Не женися, молодец, слушайся меня. На те деньги, молодец, ты купи коня... Не изменит верный конь... а с самой лучшей

женой можешь заработать это украшение. *(Делает пальцами рожки над головой.)*

Лисаневич. Нет, Михаил Юрьевич, моя Оленька по гроб будет мне верна.

Лермонтов. Дай тебе бог! Будь счастлив, малютка!

Пушкин. Игра продолжается. В банке три тысячи.

Желчный игрок. Ставлю тысячу... Десятка пик!

Игрок с баками. Пятьсот!

Пушкин. Даю! *(Мечет.)*

Кушинников берет Лисаневича под руку и отводит.

Кушинников. Что же, прапорщик? Как вы сносите безответно выходки господина Лермонтова? Он при всех оскорбил клеветой вашу невесту, а вы смолчали?

Лисаневич. Да ведь он шутит.

Кушинников. Непозволительно-с!.. Честь офицера обязывает вас потребовать удовлетворения... Вы должны вызвать его!

Лисаневич *(резко высвободил руку)*. Как вам не стыдно, господин полковник! Чтобы у меня поднялась рука на такого человека? Лермонтов великий поэт! Я мизинца его не стою. Прошу избавить меня от ваших пошлых советов. *(Отходит.)*

Кушинников *(про себя)*. Безмозглый щенок!

Пушкин *(выбрасывает карту)*. Дама!.. Ну, кажется, ветреница Фортуна начинает показывать мне спину... Передаю банк! Кому желательно?

Игрок с баками. Попытаю счастья! *(Берет у Пушкина карты.)* Держу банк!

Пушкин отходит. Оглянулся, увидел Лермонтова, который уселся на кресло в углу, облокотился на руку и с брезгливой усмешкой смотрит на игроков глазами, полными тоскливой ярости. Пушкин подошел к нему.

Пушкин. Михаил Юрьевич!.. Что с вами?

Лермонтов *(обернулся, смотрит, не понимая)*. Простите? Что вы сказали?

Пушкин *(присаживается на ручку кресла)*. Э, милый! Да вы вовсе расклеились. И глаза как у раненой газели. Что случилось?

Лермонтов. Опротивел Пятигорск... И эти людишки. Гнусный сброд со всей России. Казнокрады, воры, взяточники! Слетелись на воды, как вороны на падаль.

Взгляните на этого, с бакенбардами. На того, с петушиным коком, на толстяка. Едва ли меж них есть один, доживший до морщин без преступления и подлости.

П у ш к и н *(погладил его по руке)*. Плюньте! Не терзайте себя колючими мыслями. И поболе пейте кахетинское.

Л е р м о н т о в. Завидую вашему лучезарному эпикурейству. *(Пауза.)* Устал я, Лев Сергеевич! Все чаще вспоминаю вашего брата. Помните: «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит».

П у ш к и н. Рановато, голубчик! Вам еще полвека писать.

Л е р м о н т о в. Я здесь, как путник, отставший в пустыне от каравана, издыхаю от духовной жажды. Все осталось там, в Петербурге. Там Одоевский, Белинский. Там жизнь... А здесь мой стих ржавеет, как брошенный нерадивым хозяином клинок. Да и жить, чувствую, осталось немного.

П у ш к и н. Чепуха! Чепуха! Уже если вспомнить брата Александра, то лучше повторяйте утром, днем и ввечеру: «Что же сухо в чаше дно? Наливай мне, мальчик резвый...» Не так ли?

Л е р м о н т о в *(печально улыбнулся)*. Что ни вспомнишь у Александра Сергеевича — все хорошо!

В дверях показывается М а р т ы н о в. Одет с вызывающей экстравагантностью. Снежно-белая черкеска и такая же папаха. Черный бархатный бешмет подбит алым шелком. На наборном поясе огромный, доходящий почти до колен кинжал в ножнах с золотой насечкой. Выражение лица мрачно и надменно.

П у ш к и н. Ура! Вот и Мартынов! Вся bande joyeuse [1] в сборе. Садись, Николай Соломонович! Попробуем вас ощипать.

М а р т ы н о в *(надменно)*. Не играю! Карты обманчивы, как жизнь. Не верю ни тем, ни другой.

Г л е б о в. Господа!.. Мартынов впал в демонический сплин.

Л е р м о н т о в. Мартышка, ангел мой, сделай одолжение, повернись!

М а р т ы н о в. Зачем?.. Опять какая-нибудь глупость?

Л е р м о н т о в. Ну, Мартышечка! Прошу как друга! На один миг повернись спиной. Очень нужно.

---

[1] веселая компания *(фр.)*.

Мартынов *(пожал плечами)*. Пожалуй! *(Поворачивается.)*

Лермонтов *(всплеснув руками)*. Ай-ай! Какая досада!

Мартынов *(опять повернулся лицом)*. Что такое?

Лермонтов. Я думал, ты и сзади вооружен таким же страшным кинжалом. Тогда ты был бы совсем похож на двух черкесов!

Смех.

Мартынов *(раздраженно)*. Да брось свои шутки, Лермонтов! Ей-богу, ты назойлив, как оса. Тошно слушать! *(Поворачивается и идет в каморку.)* Человек!

Слуга *(подбегает)*. Чаго изволите, барин?

Мартынов. Подай вина! Да скажи хозяину, чтобы не пробовал воды подливать.

Слуга. Как можно, барин?.. У нас без обману. Сей миг! *(Убегает.)*

За столом продолжается игра. Мартынов сидит на тахте насупясь, покручивая ус.

Васильчиков *(тихо Глебову)*. Надо бы увести Лермонтова. Он вне себя. И Мартышка тоже не в своей тарелке. Зол, как барс. А Михаил не преминет опять привязаться.

Трубецкой *(так же тихо)*. Что с ним творится? Со всеми перегрызся, никому прохода не дает... Саша прав, нужно вытащить его отсюда. Не то кончится скандалом.

Глебов *(встал)*. А что, господа? Не кончить ли игру? Пойдемте лучше к Верзилиным. Помузицируем, потанцуем... Ты как, Миша?

Лермонтов. А что ж? Кстати немножко подразню Эмилию в отместку за проигранное пари.

Трубецкой. Какое?

Лермонтов. Вчера делали верхами partie de plaisir [1] в колонку, и я поспорил à discrétion [2], что буду ехать неотступно подле нее. И, понимаешь, коварная дева провела меня. Заставила Зельмица и младшего Бенкендорфа держаться рядом с ней с обеих сторон, а я волокся сзади и злился. Нынче послал ей проигранный букет, а сейчас отыграюсь и доведу ее до белого каления.

[1] прогулку (*фр.*).

[2] на исполнение желания (*фр.*).

Глебов. Ну, к чему, Миша?.. Мальчишество! Лучше прочтешь последние стихи. Трубецкой, ты только послушай, что он на днях написал... «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит...» Да нет! Нужно слушать, как он сам читает... Чудесно до слез!

Лермонтов. Если идти, так идти! Лев Сергеевич, а вы?

Пушкин. От компании не отстану.

Лермонтов, Глебов, Васильчиков, Трубецкой и Пушкин уходят. Остальные продолжают игру. Слуга вносит на подносе бутылку и бокал и ставит на столик перед Мартыновым. Слуга уходит. Кушинников издали наблюдает за Мартыновым, который медленно пьет вино. Двое игроков тоже оглянулись на Мартынова.

Игрок с коком. Что за мрачная фигура?

Желчный игрок. Я знавал его в Петербурге кавалергардом. И не узнаю нынче. Был весельчак, душа общества, по службе шел исправно. За пять лет от корнета до ротмистра дошел. Потом решил делать фортуну на Кавказе. Прикомандировался к Гребенскому казачьему. Был полон надежд, мечтал вернуться в столицу в генеральском чине... И вдруг неожиданная отставка, без прошения. Какова причина — неведомо. Сам, естественно, молчит. И ходит этаким бриганом. Смотрит волком. Ну, да папаша вывезет. Богат очень!

Игрок с коком. Жаль! Всем взял — красив, богат. Хорош был бы жених для моей дурищи.

Игрок с баками. Не отвлекайтесь, судари! В банке две тысячи.

Игрок с коком. Идет! Червонный валет!

Игрок с баками. Даю! *(Мечет.)*

Кушинников скользящей походкой идет в каморку.

Кушинников *(вкрадчиво)*. Скучаете, Николай Соломонович?

Мартынов *(резко)*. А вам что до того? Откуда вы меня знаете? Не имею чести быть знакомым.

Кушинников *(смиренно)*. Служба-с обязывает, Николай Соломонович! Мы должны всех знать.

Мартынов. Что вам угодно от меня?

Кушинников *(присаживается на тахту)*. Напрасно вы со мной так, сердясь. А я соболезную вам от всего сердца.

Мартынов взглянул с удивлением.

Да-с! Имею честь знавать вашего батюшку. Почтеннейший человек. И все семейство ваше достойно уважения... И что же? Какова ваша участь? Не смею напоминать о несчастных обстоятельствах, повлекших вашу отставку.

Мартынов взглянул злобно.

Нет-с, не беспокойтесь! Тайны храню свято. На то была воля его величества, и не нам...

Мартынов. Я попрошу вас...

Кушинников. Да не гневайтесь! Видит бог, искренне желаю вам лучшего. Взгляните вокруг! Все живут, успевают, радуются... А вы? Даже какой-нибудь сосланный, вроде господина Лермонтова, и тот чувствует себя вольготней. Да еще и насмехается над вашим несчастьем. Верное слово-с! Разве хорошо-с? Товарищ в беде, а он вас повсюду на смех подымает. Карикатуры рисует. Стишки обидные по Пятигорску распускает.

Мартынов. Я решительно не понимаю вас.

Кушинников. Удивляюсь, Николай Соломонович, как вы терпите его насмешки и комеражи [1]. *(Придвигается к Мартынову, доверительно.)* Вам известно-с, что господин Лермонтов человек дурного, противуправительственного направления и у государя и графа Бенкендорфа на самом плохом счету-с? Его и сюда послали, по секрету скажу, чтоб, буде воля господня, сложил голову в драке с чеченами. А он от фронта увильнул и куролесит тут... Лучшим обществом неглижирует. О доме почтеннейшей генеральши Мерлини так выражается, что не повторишь. Князя Владимира Сергеевича Голицына третирует... Надо бы обуздать!

Мартынов. Все же не пойму, к чему этот разговор?

Кушинников. От души хочу вам добро сделать, Николай Соломонович! Ежели б вы господина Лермонтова приструнили, в Петербурге вас весьма бы одобрили. Вся судьба бы ваша переменилась, и опять бы в гору пошли... С вашим именем да с вашими средствами вам любым полком гвардии командовать, а там, глядишь, и дивизией.

Мартынов *(резко встал)*. Попрошу вас немедля выйти вон!

Кушинников неторопливо встает и той же скользящей походкой уходит к игрокам. Останавливается у стола и искоса наблюдает за Мартыновым. Тот садится, стискивает голову руками, потом наливает бокал, выпивает и сейчас же наливает второй.

---

[1] Болтовню, сплетни.

Игрок с коком. Подсаживайтесь, полковник. Стоите, как красная девица, и слюнки пускаете... Желаете, карту?

Кушинников. Нет-с! По службе не имею права играть в публичных местах.

Игрок с баками. Плюньте! Никто не донесет.

Кушинников. Сам на себя обязан донести, коли так случится. Служебный долг-с!

Мартынов выпивает второй бокал. На его лице борьба противоположных чувств, глаза устремлены в пространство. Он встает, надвигает на брови папаху и, медленно пройдя мимо игроков с потупленной головой, исчезает в дверях. Кушинников неотрывно следит за ним. На его губах удовлетворенная усмешка. Он подходит к столу.

Ну что ж, согрешу разок! На счастье!

Игрок с коком. Вот это по-нашему! Faites vos juex, messeieurs. В банке тысяча двести.

Занавес

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

В доме Верзилиных. Левая половина сцены — небольшая низкая зальца провинциального дома. Стены оклеены голубыми обоями с золотыми веночками. Под потолком люстра — ободком. На переднем плане, клавиатурой в зрительный зал, старинный рояль, за которым спиной к зрителям Трубецкой. Справа у рампы длинный диван, на котором расположились Лев Пушкин, Лермонтов и Васильчиков. Остальная мебель — стулья и кресла красного дерева. В задней стене открытая дверь во внутренние комнаты. Виден накрытый стол с самоваром. За роялем дверь, выходящая на открытую веранду, ступени которой спускаются в залитый лунным светом садик. Перед открытием занавеса звуки вальса. Под вальс кружатся гости — кавалеры и дамы, среди которых Эмилия Клингенберг и Глебов. Она в розовом тарлатановом платье с пышными буфами у открытых плеч. Разговор начинается, когда Эмилия и Глебов, танцуя, движутся вдоль стены направо.

Пушкин *(в минуту, когда Эмилия проносится мимо)*. Нет, что ни говорите, а «Роза Кавказа» все-таки хороша. Какие плечи! Стан! А глаза! Васильковые огоньки.

Лермонтов. Увы, Лев Сергеевич! Последнее цветение. Еще годик, два — облетят лепестки, и останется голая ветка с шипами, о которые будет колоться до конца жизни законный супруг.

Пушкин *(хохочет)*. Ну, скорее вас можно сего-

дня сравнить с такой веткой, дорогой Лермонтов. Вы так и колетесь во все стороны. Даже страшно сидеть подле вас.

Лермонтов. Вы в безопасности. Как брат Пушкина и добрейший из людей.

Пушкин. Мерси!... Кстати, вы ведь давний завсегдатай Верзилиных и должны быть au courant de tous les bruits à propos de ses aventures [1]. Ходят слухи, что у «розы» были бурные увлечения?

Лермонтов. Молниеносный роман с Владимиром Барятинским. Он рассказал мне сам. Были даже последствия... Но таинственно исчезли.

Васильчиков. Да перестаньте злословить! Могут услышать!... И потом, что бы ни было, все же Эмилия лучший цветок пятигорского общества.

Лермонтов *(смеясь)*. Женись, князинька Ксандр! Ты достаточно юн, и она сможет нянчить тебя.

Вальс обрывается. Кавалеры и дамы рассаживаются. Эмилия подходит к дивану. Глебов остается у рояля, разговаривая с Трубецким.

Эмилия. О чем вы беседовали? Наверное, разбирали по косточкам нас всех?

Пушкин. До дамских косточек нынче не доберешься из-за корсетных костей.

Эмилия. Ну вот! Ах, противные злоязычники!.. Да, Михаил Юрьевич, взгляните, какой прелестный подарок сделала мне Катерина Ивановна Мерлини. *(Показывает привешенный к поясу платья крошечный кинжальчик в серебре.)* Совсем как настоящий! Попробуйте, какой острый. *(Вынимает из ножен и дает Лермонтову.)*

Лермонтов. Несомненный внучек мартыновского кинжала. *(Щупает лезвие.)* Да... Превосходен! Вероятно, им особо удобно колоть незаконнорожденных младенцев!

Эмилия *(вспыхнув, вырывает кинжальчик у Лермонтова)*. Михаил Юрьевич, вы просто несносны! С вами нельзя разговаривать. *(Быстро отходит к роялю.)*

Васильчиков. Что вы наделали?! Ведь это же прямой намек?

Лермонтов. Я вывел ее из себя, что и требовалось. А теперь будем мириться и просить прощения. *(Встает с дивана и идет к роялю; говорит Трубецкому.)* Милый Трубецкой! Еще вальс!... Для меня! *(Становится на одно колено перед Эмилией.)* Дорогая mademoiselle Эмили! Смиренно прошу прощения. Умоляю, тур вальса!

---

[1] в курсе всех слухов, касающихся ее похождений *(фр.)*.

Э м и л и я. Нет!

Л е р м о н т о в. В последний раз в жизни.

Э м и л и я. Почему в последний?

Л е р м о н т о в. С завтрашнего дня я остепеняюсь, делаюсь старцем и больше не танцую. Буду ходить с клюкой.

Э м и л и я. На вас невозможно сердиться... Так и быть, последний тур.

Трубецкой снова играет вальс. Лермонтов подхватывает и кружит Эмилию. Кричит Трубецкому.

Л е р м о н т о в. Серж! Быстрее!.. Темп... Темп...

Трубецкой ускоряет темп. В эту минуту в садике появляется Мартынов, поднимается на веранду, входит в зал, снимает папаху, кладет на рояль и, облокотясь, прислоняется к нему в картинной позе, с тем же надменно-угрюмым выражением.

Э м и л и я *(кружась)*. Михаил Юрьевич, что вы делаете? Я не могу в таком темпе. Вы меня уроните!

Л е р м о н т о в. Не в моих правилах ронять попавшие в мои руки сокровища... Быстрее, Серж!

Несется с Эмилией в бешеном темпе, так что другие пары шарахаются от них. Трубецкой обрывает игру.

Э м и л и я. Боже мой, вы совершенно завертели меня. Все кружится!

Л е р м о н т о в *(взяв ее под руку и ведя к дивану)*. Зато уверен, что вы никогда не забудете этого тура и меня.

Эмилия и Лермонтов садятся на диван. Мартынов, не меняя позы, мрачно смотрит в пространство, словно не замечая никого.

(Вполголоса). Посмотрите, Эмили! Сейчас из Мартышки брызнет молния и грянет гром.

Э м и л и я. Оставьте его в покое, Михаил Юрьевич! Он и так злится на вас... Он мне ужасно неприятен. Даже боязно на него смотреть.

В а с и л ь ч и к о в *(Трубецкому)*. Сыграйте что-нибудь бравурное, Сергей Васильевич. А то что-то невесело становится.

Т р у б е ц к о й. Хорошо! *(Заиграл арию из «Свадьбы Фигаро» — «Мальчик резвый...».)*

Под музыку Лермонтов оживленно разговаривает с Эмилией, смеется и несколько раз указывает глазами на Мартынова. Тот наконец замечает это, нахмуривается еще больше и, выпрямившись, делает шаг в сторону дивана.

Л е р м о н т о в *(Эмилии)*. Осторожно, Эмили! Берегитесь! Приближается дикий горец резать вас страшным кинжалом.

На слове «приближается» Трубецкой прекращает игру, и последняя часть фразы Лермонтова громко звучит на весь зал. Мартынов вздрогнул, глаза сверкнули. Он быстро подошел к дивану.

М а р т ы н о в. Сколько раз я просил вас, Лермонтов, воздерживаться от шуток на мой счет, хотя бы при дамах. *(Не дав Лермонтову ответить, мгновенно отходит на прежнее место, к роялю.)*

Э м и л и я *(Лермонтову)*. Дошутились?! Ведь я же просила вас...

Л е р м о н т о в. Пустяки!... Мартышка перезлится, и завтра мы будем опять добрыми друзьями.

Г о р н и ч н а я *(в дверях)*. Марья Ивановна просит пожаловать к столу.

Все направляются в столовую. Лев Пушкин предлагает руку Эмилии и уводит ее. Лермонтов идет за ними. Мартынов пересекает ему дорогу.

М а р т ы н о в. Нам нужно поговорить... Выйдем на веранду.

Они выходят на веранду. В дверях столовой остановился и беспокойно оглянулся В а с и л ь ч и к о в.

(На веранде.) Я неоднократно говорил тебе, что не люблю выслушивать твои насмешки и раз навсегда прошу прекратить их. Иначе я заставлю тебя.

Л е р м о н т о в. Ой, как страшно! Что ж ты заставишь меня сделать? Выпить бурдюк кахетинского?

М а р т ы н о в. На этот раз не думай отделаться шутками. Я тебя серьезно предупреждаю.

Л е р м о н т о в *(презрительно)*. Вот как? Уж не хочешь ли ты вызвать меня на дуэль?

М а р т ы н о в *(нервно)*. Да!.. Я вызываю тебя! Довольно!... *(Стремительно поворачивается, сбегает по ступенькам в садик и исчезает.)*

Лермонтов с пренебрежительной усмешкой смотрит ему вслед. Потом пожимает плечами и направляется в дом, напевая без слов игранную Трубецким арию.

Лермонтов. Та-ра-ра, та-ра-ри, ти-ра-рам-пам, ти-ра-рам, та-ра-ти, трам-ти-рам-там.
(Легкая пауза заканчивается уже словами.)

Не довольно ль вертеться, кружиться?
Не пора ли мужчиною стать?

(Быстро уходит.)

За кулисами взрыв смеха.

Занавес

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Уголок сада при доме Чилясва в Пятигорске. Под низко распластавшим ветки кленом врыт в землю некрашеный столик, такая же скамья. Через ее спинку перекинут офицерский сюртук Глебова. Сам Глебов, в рубашке с расстегнутым воротом, сидит на скамье. На столе перед ним кувшин и кружка. Слева видна стена одноэтажного домика-мазанки, крытого тесом, часть забора и калитка на улицу. За домом, забором и садом подымается огромная зеленая шапка Машука, на вершине которого задремало заблудившееся облачко. Над всем этим пейзажем необъятное, неправдоподобно синее, знойное небо. Листва деревьев лучится зеленым блеском. На крылечке дома пристроился Саникидзе, который орудует иглой, чинит лежащее у него на коленях седло. Рядом с Глебовым стоит Васильчиков в легком летнем сюртучке песочного цвета и в серых клетчатых брюках. Прислонившись к стволу клена в эффектной позе, Мартынов играет своим огромным кинжалом.

Глебов *(Мартынову)*. Ну, рассуди здраво, Николай! Какой смысл затевать этакую кутерьму? Повздорили, и помиритесь. Не впервой!

Мартынов. Именно потому, что не впервой! Я не намерен ни часу более терпеть бесконечные насмешки и глупые выходки.

Глебов. Да не со зла же Мишка шутит. Сообрази, как ему живется,— без шутки пропадешь. Да и что за беда в шутке? И Грибоедов сказал: «Смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно».

Мартынов. Я полагаю, что во мне ничего смешного нет. И выставлять себя перед обществом в смешном свете не позволю.

Глебов. Лезть на рожон из-за острого словца?.. Дурь! Наконец, подумай, с кем хочешь драться. Для нас он друг-приятель, Маешка, а для России поэт божьего дара. Или тебя пленяет репутация твоего однополчанина Дантеса?.. Плохая слава!

М а р т ы н о в. Он сам вынудил меня на вызов. Пусть извинится. Без этого речи нет о мире.

Г л е б о в. Ты же знаешь, что этого не дождешься. Даже сказать ему нельзя — только пуще взъерепенится.

М а р т ы н о в. Тогда пусть решают пули!

Г л е б о в. Это твое последнее слово?

М а р т ы н о в. Да!.. И другого не будет *(Вытаскивает до половины кинжал из ножен, с силой вгоняет его обратно и уходит картинной походкой.)*

Г л е б о в. Постой!

Мартынов скрылся.

Ф-фу, черт!

В а с и л ь ч и к о в. Вот видите! Все средства к примирению тщетны... По чести говоря, Мартынов прав, что Лермонтов навязал ему вызов. Михаил весь вечер бесился и привязывался ко всем. Кого угодно мог довести до кипения.

Г л е б о в. Да, нехорошо!.. Господи, что за жара! *(Наливает кружку и жадно пьет.)* Не хотите ли освежиться кумысом?

В а с и л ь ч и к о в. Ах, до этого ли? Так чудесно жили, собирались повеселиться в Кисловодске, и вдруг эта нелепая дуэль. Единственно, что меня успокаивает,— вера в благополучный исход.

Г л е б о в *(покачал головой)*. Бог его знает, чем кончится. Мне Мартынов не нравится. Уж очень зол... Мне даже мысль приходит — не сообщить ли коменданту? Выслал бы к Машуку плац-адъютанта и отвел бы всех на гауптвахту.

В а с и л ь ч и к о в. Что вы? Нельзя! Вы уроните свою репутацию на всю жизнь. Это тяжкое нарушение дуэльного кодекса. Секунданты должны хранить тайну.

Г л е б о в. До чего все это глупо, черт побери!

В а с и л ь ч и к о в. Завязали узелок! *(Вынул часы.)* О, уже четвертый час. Пойду собираться. *(Уходит.)*

Г л е б о в *(один)*. Все от жары! Давно такой жары не было. Не то что собаки — люди бесятся. Эх, в Петербург бы сейчас. Съездить на острова. Рай! Прохлада, с Лахты морским ветерком продувает. *(Опять наливает кумыс, пьет.)* Да... с этой дуэлью вместо Петербурга угодишь, пожалуй, к чертям на кулички... Тьфу!

В окошке домика показывается Л е р м о н т о в в расстегнутом сюртуке, под которым красная канаусовая рубашка. Белая фуражка сдвинута на затылок. В руках кулек. Он ест вишни, прицеливается,

швыряет вишню Глебову в спину и приседает. Глебов обернулся, не видит никого. Вторая вишня попадает ему в затылок. Опять обернулся, увидел Лермонтова.

А, это ты? Упражняешься в стрельбе? В самом деле, не зарядить ли ваши пистолеты вишнями?!

Лермонтов выпрыгивает из окна и подходит.

Лермонтов. Жарко!

Глебов. И жарко и глупо! Угораздило же вас не вовремя свару затеять.

Лермонтов *(садится)*. Что у тебя? Кумыс?.. Налей! *(Залпом выпивает налитый Глебовым стакан.)* Не зуди!.. Сам жалею, что так вышло. Зол был на весь мир, а привязался зря к Мартышке... Но какова судьба дура?.. Не терплю дуэлей, за подлую глупость считаю, а вот уже во вторую ввязываюсь.

Глебов. Знаешь, что? Извинись ты для виду. Потешь Мартышкино дурацкое самолюбие и...

Лермонтов *(энергично)*. Нет! Только не это!.. Они только и ждут, этот лакейский сброд, чтоб распустить еще новую клевету, что я струсил... На радость Бенкендорфу... Ни за что! *(Пауза.)* Да ты не тревожься. Бахнем в небо, и финита ля комедиа! [1] Неужели у меня рука сможет подняться на Мартышку?!

Глебов. Дай бог!.. А с тебя хочу взять слово, что ты перестанешь беситься.

Лермонтов. Даю!.. Завтра начинаю новую жизнь. Черт с ними всеми: с царем, с Третьим отделением, со всей российской дрянью. Сяду за работу!

Глебов. Давно бы так! Душа полна сокровищ, а он их прячет. Ленивец и скряга! Досада берет!.. Прочтика, милый, еще разок это последнее... Наслушаться не могу.

Лермонтов. Ты, кажется, впрямь влюбился в эти стихи? Изволь! *(Встает, прислоняется к дереву и, опустив голову, читает.)*

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

[1] комедия окончена.

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —
Но не тем холодным сном могилы...
Я б же...

По мере чтения голос Лермонтова начинает дрожать. Не договорив слов, он обрывает чтение. Пауза.

Глебов. Волшебство!... Небесная гармония, Миша!

Лермонтов *(подняв голову, посмотрел на Машук, улыбнулся)*. Ночевала тучка золотая!.. Взгляни, до чего Машук сегодня хорош. Мохнатый, кудрявый, зеленый! И небо без края... без дна... Что перед ним наши страсти, желания, сожаления?.. *(Задумался.)* Глебов, послушай!

Глебов. Да, Миша!

Лермонтов. Я чувствую, как у меня крылья растут.

Глебов *(засмеялся)*. В ангелы готовишься?

Лермонтов. Нет, не шути... Я большое задумал. В прошлом году, едучи в отпуск, заехал я к Алексею Петровичу Ермолову.

Глебов. Да ну? К самому?

Лермонтов. Да!.. Сердечно он меня принял и целый вечер пробеседовал. Великий старец! Сколько он мне рассказал про двенадцатый год. Ты подумай, ведь он сподвижник Кутузова. Какое время было! Время народной славы, гордости русской!

Глебов. Да, Миша! Жаль, что в это время мы с тобой еще соски сосали.

Лермонтов. Скажу тебе, меня и прежде увлекала история... Казалось, что прошлое отчизны есть отрадное убежище от мерзкой действительности наших дней. Но теперь стал думать иначе. Учиться у истории и постигать характер исторических сил надо для того, чтобы примером славных дел предков подымать людей из нынешнего гнусного усыпления, звать к возвышению России. На первое место!.. Мы молодой народ! У нас все впереди! Об этом и хочу писать.

Глебов. Славный замысел! Но не оставляй стихов. Ими ты уже заслужил признание. И стихи твои — сама музыка.

Лермонтов. Стихов не оставлю. Но сейчас влечет проза. Есть план на три романа. Первый — Отечественная война. Смертельный бой двух наций. Петербург... Россия... Париж. Второй — кавказская страда. Ермолов, его диктатура и кровавое усмирение горцев. Персидская война. Грибоедов и его славная смерть от рук персов, возмущенных английским золотом.

Глебов. Да ведь это же прекрасно. Завтра же ты должен сесть за перо.

Лермонтов *(понизив голос)*. Есть еще дума... Но между нами. Дни униженья и безвременья. Аракчеев. Каторга военных поселений. Подвиг отцов и братьев четырнадцатого декабря, удушенных в петле... Но этот придется писать только для себя. *(Умолк и задумался.)*

Саникидзе, окончив работу, положил седло на ступеньку и любуется. Закрывает глаза и вполголоса затягивает печальную грузинскую мелодию. Глебов и Лермонтов прислушиваются.

Люблю грузинские песни. Сколько в них души и поэзии. И Грузию люблю. Многим ей обязан. Из грузинских легенд родились «Мцыри» и «Демон». И народ Грузии люблю. Простодушный, верный в дружбе, живой, поэтический. Сколько друзей приобрел я в Тифлисе. Думаю снова съездить в Грузию. Хочу еще побеседовать с ученым мусульманином Ахундовым. Славный знаток восточной поэзии и сам великий поэт. Пушкин его высоко ставил.

Во время разговора синева неба тускнеет. Надвигается темная свинцовая туча. Слышен отдаленный рокот грома.

Глебов. Слава богу, кажется, гроза наплывает. Сгонит зной. *(Взглянул на часы.)* Однако, Миша, пора!

Лермонтов. Ах, правда!.. Я так увлекся, что забыл обо всем. Едем, кончим это — и завтра за перо... Работать, работать, работать! Христо, скажи, чтоб подавали лошадей.

Глебов. Я сам распоряжусь. *(Уходит за дом.)*

Саникидзе *(встал, подошел)*. Куда едешь, батоно Миха?

Лермонтов. На прогулку! Проедемся к Машуку!

Саникидзе. Ой, не говори неправду! Знаю, куда... Тавады Васильчик говорил. Драться едешь... Тебя этот обидел... клоха кация, плохой человек, глаз дурной. Белой черкеске ходит — душа черный... Не надо ехать! Скажи слово — сам его зарежу!

Л е р м о н т о в *(засмеялся)*. Спасибо за дружбу, Христо! Не бойся... Как-нибудь один справлюсь.

Сильная вспышка молнии и близкий громовой раскат.

Г л е б о в *(выходит)*. Готово, Миша! Лошади у калитки!

Л е р м о н т о в *(посмотрел на небо)*. Гроза будет!.. И большая! Едем!

Быстро уходит с Глебовым в калитку. Спустя секунду слышен цокот копыт, постепенно удаляющийся.

С а н и к и д з е. Гроза будет... Плохо будет... Зачем поехал? *(Садится на крыльцо и снова заводит ту же мелодию. Потом внезапно срывается с места и выбегает в калитку. Слышен его отчаянный крик.)* Батоно Миха!.. Вер-ни-и-ись!

Ослепительная молния и потрясающий громовой удар.
Темнота. На опущенном тюлевом занавесе проступает текст:
Высочайший приказ

Августа 12 дня 1841 года
по пехоте:

Умерший Тенгинского пехотного полка
поручик Лермонтов
исключается из списков.

З а н а в е с

1952

ПРИМЕЧАНИЯ

Б. А. Лавренев начало своего пути в драматургии относит к 1925 году: «...с 1917 по 1925 год я работал над прозой, над беллетристикой, и только в 1925 году мною была написана первая пьеса «Мятеж...» (сб. «Как мы пишем», Л., 1930, с. 75). Однако существуют косвенные данные, свидетельствующие о том, что Б. Лавренев пробовал свои силы в драматургии еще задолго до «Мятежа»: в 1921 году им была написана пьеса «Разрыв-трава», получившая первую премию на конкурсе Госиздата Туркестана (см. примеч. к 1 т. наст. Собр. соч., с. 639—640).

Войдя впервые в литературу как поэт, утвердившись в ней профессионально как прозаик, Б. Лавренев уже в 1930 году говорил: «Область, которая больше всего занимала меня последние годы — театр» (сб. «Как мы пишем», Л., 1930, с. 75). На протяжении всей своей жизни до самых последних дней Б. Лавренев неутомимо работает для театра и кино, и наиболее широкую известность он заслужил именно как драматург — автор «Разлома», «За тех, кто в море» и других пьес.

Любовь к острому сюжету и умение его строить, напряженный и отточенный диалог, живописная картинность и лаконичность описаний — эти черты стиля не только сделали органичным самый переход писателя от прозы к пьесам, но и позволили легко и успешно инсценировать многие его повести и рассказы. Впервые возникнув как произведения прозаические, они впоследствии приобрели долгую сценическую и кинематографическую судьбу («Ветер», «Сорок первый»,«Рассказ о простой вещи» и др.).

Донести до самого широкого читателя и зрителя смысл своих произведений, захватить их увлекательным сюжетом, заставить думать над прочитанным и переживать полученные в театре впечатления — это постоянное и осознанное стремление Лавренева.

Высказывая свои взгляды на драматургию, Б. Лавренев неизменно отстаивал ведущую роль реализма на сцене. Он говорил: «Как только на сцене начинается расхождение с жизненной правдой, как только драматург порывает с реализмом и пытается

подменить живое изображение действительности искусственными и ложными построениями, мгновенно разрывается незримая связь зрительного зала и сцены, и зритель остается холодным и не заинтересованным в действии. Правдивое реалистическое искусство всегда было путеводной звездой театра» («Театр», 1951, № 8, с. 24).

Теоретические принципы Лавренева-драматурга определили и главные особенности его пьес: их реалистическую полнокровность и четкость, насыщенность действием и стройность композиции, простоту и доступность языка. Лавренев считал, что драматургия — наиболее трудный вид литературного творчества в силу того, что пьеса предъявляет писателю «требования такого точного, почти математического расчета использования материала, каких не предъявляет ни проза, ни поэзия».

«Требования театра,— говорил Б. Лавренев,— железный закон. Театральное зрелище должно укладываться по времени в три с половиной часа. Если спектакль, начинаясь в восемь, затягивается до полуночи — это уже плохо; если он переползает на следующие сутки,— это катастрофа» (там же).

Лучшие пьесы Б. Лавренева подчинены этим «железным законам» классических канонов драматургии.

Один из популярнейших драматургов, Б. Лавренев принимал активное участие в общественной жизни Союза советских писателей. Эта деятельность нашла выражение в обширных обобщающих докладах по самым разнообразным проблемам современной драматургии. К тому же с годами все чаще приходит к писателю потребность подвести итоги собственному творческому пути. Выступлениям Б. А. Лавренева с докладами о драматургии и его беседам с литературной молодежью мы обязаны тем, что имеем подробные авторские свидетельства об истории создания его пьес «Разлом», «За тех, кто в море», «Голос Америки» и «Лермонтов».

В шестой том настоящего Собрания сочинений включен целый ряд статей и выступлений писателя по вопросам драматургии: «Как я работаю», «Путь пьесы», «Разговор о профессии», «О состоянии и задачах современной советской драматургии» и др.

ДЫМ (МЯТЕЖ)

Пьеса написана в марте 1925 года. В октябре 1925 года была поставлена под названием «Мятеж» Ленинградским Большим драматическим театром. Впервые опубликована: Б. Лавренев. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 3. Харьков, 1928.

Темой для этой пьесы послужил неудавшийся белогвардейский мятеж, поднятый в 1919 году в Ташкенте против Советской власти. О событиях тех дней Б. Лавренев писал в статье «Борьба за город»,

опубликованной в 1923 году во втором номере ташкентского журнала «Военный работник Туркестана».

В беседе со студентами ВГИК в 1955 году Б. Лавренев рассказывал об истории создания «Мятежа»: «Тогда еще были свежи воспоминания гражданской войны, тема гражданской войны волновала и писателей, и читателей, и меня привлекла одна история, случившаяся в Средней Азии — там, где я провел в основном годы гражданской войны, будучи заместителем редактора фронтовой газеты «Красная звезда», выходившей в Ташкенте. В январе 1919 года там вспыхнуло восстание наркомвоена Осипова против Советской власти. Восстание было подавлено в течение трех дней силами коммунистических отрядов и рабочих Ташкента. Часть участников восстания была захвачена, часть успела бежать через Бухару в Афганистан. Ход и обстановка разгрома восстания и его сюжетный разворот были необычайно увлекательны, и я попробовал свои силы в драматургии впервые на этом материале» («Беседа со студентами ВГИК». Стенограмма. Архив писателя).

В пьесе нашли продолжение темы, волновавшие в двадцатые годы Лавренева-прозаика,— изображение морального распада буржуазной и офицерской среды, матросская партизанская вольница, революционный дух Красной Армии. По своим художественным достоинствам пьеса оказалась ниже лавреневской прозы тех лет («Ветра», «Сорок первого» и др.). Б. Лавренев говорил впоследствии: «Две пьесы — «Мятеж» (Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде, 1925) и «Кинжал» (Театр МОСПС) — не принесли мне особой радости, но многому научили» (наст. Собр. соч., т. 1, с. 49—50). *...сартский богач.*— Сартами до Октябрьской революции и в первые годы после нее называли оседлых жителей юго-восточного Туркестана. В наши дни это название считается оскорбительным и не употребляется. *...свикжелили* — то есть проявили непоследовательность. Викжель — сокращенное название Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (июнь 1917 г.— август 1918 г.), возглавлявшегося эсерами и меньшевиками, известного своей тактикой «нейтралитета» во время Октябрьской революции. Комитет опирался на верхушку железнодорожных чиновников. Рядовые железнодорожники шли за большевиками.

Печатается по тексту: Б. Лавренев. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 2. М.—Л., ГИХЛ, 1931.

РАЗЛОМ

Пьеса написана в 1927 году. Впервые опубликована в журнале «Военный вестник», 1928 (отдельное издание).

«Сюжетом «Разлома»,— определял сам Б. Лавренев,— является борьба за крейсер «Аврору» между революционной матросской

массой и реакционными силами, борьба, развертывающаяся одновременно на палубе корабля и в квартире его командира, ограниченная кратким сроком июль — октябрь 1917 г.» (Б. Лавренев. Заявление в Союз писателей.— ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, Рукописный отдел, ф. 68, оп. 1, № 5).

Вспоминая о работе над «Разломом» через двадцать лет, Б. Лавренев в статье «Два поколения» так определил значение пьесы для своего творчества: «... начиная работу над пьесой, я поставил себе задачу написать о моих современниках, с которыми я жил и проходил путями моей родины,— без лукавства и ужимок, с максимальной простотой и жизненной правдой, сочетая в работе романтическую приподнятость эпохи с трезвым, реалистическим изображением людей и характеров. Так был написан «Разлом», пьеса о героическом поколении моряков 1917 года» («Литературная газета», 22 февраля 1947 г.).

Впоследствии критика связывала успех «Разлома» и его новаторское значение для советской драматургии как раз с тем, что Лавренев сумел преодолеть инерцию ставшей к тому времени традиционно-стандартной революционной хроники и батальной мелодрамы и создал на материале острых классовых столкновений психологическую драму, построенную по строгим классическим канонам.

Решив написать пьесу «обобщенного порядка», Б. Лавренев тем не менее изучает громадное количество материалов и тщательно собирает исторические факты. «...Я начал наводить справки, писал направо и налево, расспрашивал...» — вспоминал Б. Лавренев в своей статье (сб. «Как мы пишем», Л., 1930, с. 81). В частности, писателю удалось узнать подробности о выдаче белогвардейского заговора женой одного из офицеров.

«Сведения о заговоре офицерской организации напечатаны... в книге, изданной «Прибоем», называющейся «Поход «Авроры»,— сообщает Б. Лавренев в 1928 году. Однако, добавляет он: «Из голого факта заговора — театрального зрелища сделать было нельзя. Я обратился за помощью к участникам событий. П. Е. Дыбенко, принимавший в событиях во флоте активное участие, в личном разговоре с артистом Куза не только подтвердил историю заговора, но дал любопытнейшие сведения о том, что заговор был раскрыт благодаря сообщению жены одного из заговорщиков-офицеров, мстившей мужу на почве ревности. Это сообщение было кладом, так как помимо блестящей по существу интриги оно давало возможность сразу ввести в пьесу женские роли, без чего она рисковала обратиться в скучный протокол митингов на крейсере. Опросом целого ряда очевидцев мне удалось выяснить ряд других, не менее интересных деталей, и после этого я приступил к развертыванию фабулы пьесы...» (Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 68, оп. 1, № 5).

Существуют авторские свидетельства о реальных прототипах героев «Разлома» и об отдельных фактах и обстоятельствах, послуживших толчком к созданию некоторых образов. Так, в феврале 1928 года Б. Лавренев сообщает: «Годун назван мною... действительной фамилией служащего и посейчас на «Авроре» военмора Годуна. Эта фамилия чрезвычайно поразила меня какой-то краткой и энергичной выразительностью» (там же).

«Изображая семью Берсеневых,— вспоминал в 1957 году Лавренев,— я списал с натуры семью моих дальних родственников, сохранив даже имена обеих дочерей — Татьяны и Ксении, поскольку, когда я писал пьесу, их уже не было в живых. Татьяна умерла в Самаре во время гражданской войны, заразившись тифом в красноармейском госпитале, где работала врачом, а Ксения покончила с собой в январе 1919 года. Татьяна еще летом 1917 года разошлась из-за резкого разногласия в политических взглядах с мужем — поручиком лейб-гвардии конного полка, который вскоре бежал к белым. Он и послужил для меня прототипом Леопольда Штубе. Ксения в начале войны была прелестным подростком — ей было 15 лет. И вот в ее восприятии жизнь начала «разламываться», суровые революционные события развеяли многие девичьи грезы и надломили неокрепшую душу. В семнадцатом году я не узнал прежней чистой Ксении. Это была подчеркнуто циничная полудева, она нюхала кокаин, пила водку. Но под этой личиной развязности можно было разглядеть трагедию, которая и закончилась самоубийством» («Театр», 1957, № 12, с. 119—120).

Драматург подчеркивает обобщенное и типичное в изображаемых им людях: «В образе Евгения Ивановича Берсенева, командира «Зари», отражены черты многих кадровых офицеров старого флота, с открытым сердцем принявших революцию. Создавая образ Берсенева, я думал о бывшем штурмане прославленного «Варяга», одном из первых командующих морскими силами Советской Республики Евгении Андреевиче Беренсе...» (там же, с. 120). Так же широко трактует автор образ Годуна: «Думая о чертах его характера, я вспоминал суровых и отважных большевиков кораблей Балтики, Кронштадтского ревкома и Центробалта... В характер Годуна вошли черты многих характеров матросов военного флота: отвага и прямодушие, чувство собственного достоинства, острый природный ум, честность, чистота, принципиальность» (там же, с. 119).

Интересно отметить, что некоторые факты действительности, которые были первоначально встречены драматургом с радостью, как благодарный материал для театрального зрелища, в ходе работы над революционной пьесой были отброшены, так как они затемняли политический смысл событий. Впоследствии Б. Лавренев объяснял, что он сознательно пожертвовал эффектными подробно-

стями, сопутствовавшими в действительности раскрытию офицерского заговора на «Авроре», как «снижающими» ее сурово-романтическую установку: «Как видно из текста пьесы, эта романтическая интрига занимает в ней совершенно незначительное место... Точно так же был устранен из пьесы... и момент ревности». «Татьяна с самого начала дана в резком политическом разрыве с мужем, и к концу пьесы этот разрыв, обусловленный политическими причинами, доходит до ненависти и решимости обречь некогда близкого человека на смерть для спасения сотен жизней, отца и человека, становящегося близким» (Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 68, оп. 1, № 4, 5).

Раскрывая смысл пьесы, Б. Лавренев усиленно подчеркивает роль матросской массы как главного действующего лица: «...в ней основа спектакля,— говорит драматург.— Берсенев, Татьяна, Годун занимают в пьесе не больше четверти текста» (т а м ж е, № 5).

Пьеса «Разлом» тесно связана со всем предыдущим творчеством писателя, продолжая и развивая на новой идейной основе социальные и психологические конфликты, волновавшие ее автора с самого начала его литературного пути. Б. Лавренев совершенно отчетливо осознавал эту связь и не раз указывал, в каких именно ранних произведениях нужно искать корни его драмы. Так, в 1928 году он писал: «Коллизия... отношений Татьяны и Годуна выросла целиком из моих собственных вещей... В этом случае я применил, может быть, даже излишне излюбленный мною прием романтического столкновения людей разных классовых слоев, имеющийся в моих повестях и рассказах «Сорок первый», «Марина», «Кровный узел», «Таракан» и т. д. ...Треугольник: Татьяна — Штубе — Годун — имеет своим прообразом такой же точно треугольник в моей пьесе «Кинжал»...» (Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 68, оп. 1, № 4). При всех своих качественных различиях, «Разлом» многими нитями — и в сюжетном и в типологическом отношении — связан с пьесой «Мятеж».

«Разлом» имел большую театральную судьбу. Поставленный в октябре 1927 года одновременно в двух крупных театрах — в Театре имени Вахтангова в Москве и Большом драматическом театре в Ленинграде, он уже в 1928 году, по свидетельству самого Б. Лавренева, «прошел в сорока двух городах республики» (т а м ж е, № 5).

Колоссальный успех «Разлома» на советской сцене критика объясняла новаторскими для того времени чертами пьесы Б. Лавренева — как по содержанию, так и по форме: пьеса ставила перед театром ряд проблем, которые до того не находили своего сценического воплощения. Лавренев органически соединил семейную драму с темой революционной и героической; он показал психологию офицера, переходящего на сторону революционных матросов; в образе Годуна он, в отличие от ставшего уже традиционным сти-

хийного матроса-бунтаря, показал сознательного, идейного и дисциплинированного коммуниста; наконец драматург осмелился, вопреки моде времени, сохранить четкую классическую структуру в построении пьесы.

Текст последних изданий пьесы существенно отличается от первоначальных редакций произведения. В 1943 году Б. Лавренев значительно переработал пьесу. При сравнении редакции пьесы 1927 и 1943 годов становится очевидным, что работа писателя в основном сводилась к очищению текста от большого количества жаргонных выражений (особенно это касалось речи Годуна). В последней авторской редакции появились новые персонажи, показывающие анархические настроения среди матросов; был введен рассказ Годуна о его встрече с Лениным. *Были Бестужевы, Суханов, Шмидт, и были Вирены с Дубасовыми.*— Бестужевы — четыре брата, декабристы: Александр (писатель, литературный псевдоним — Марлинский (1797—1837), Николай (1791—1855), Михаил (1800—1871) и Петр (год рожд. неизв., ум. 1840). Суханов Н. Е. (1851—1882) — морской офицер, народоволец. Осужденный по процессу 20-ти, расстрелян в Кронштадте. Шмидт П. П. (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, один из руководителей восстания в Севастополе в 1905 году. После подавления восстания расстрел. Вирен — вице-адмирал, военный губернатор Кронштадта. Известен зверскими расправами с матросами. Дубасов — адмирал, в 1905 году московский генерал-губернатор, жестоко расправившийся с участниками декабрьского восстания в Москве.

Печатается по тексту: Б. Лавренев. Избранные произведения в двух томах, т. 2, М., 1958. В дальнейшем для краткости называем его Двухтомник 1958 г.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ!

Пьеса написана в 1930 году. Впервые опубликована: Б. Лавренев. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4. Л., 1931.

В начале 30-х годов Б. А. Лавренев несколько раз обращался в своих произведениях к теме труда врачей (см. рассказы «Адрес судьбы», «Жизнь продолжается» во 2 т. наст. изд.). Есть предположение, что у писателя существовал замысел большого произведения о работе медиков, но он не был реализован. По всей вероятности, пьеса «Мы будем жить!» вобрала в себя часть задуманного писателем произведения. Этим можно объяснить и тот факт, что главные герои вышеназванных рассказов и пьесы имеют одинаковые фамилии.

Печатается по тексту книги: Б. Лавренев. Пьесы. М., 1954.

ПЕСНЬ О ЧЕРНОМОРЦАХ

Пьеса написана в 1942 году. Впервые опубликована в 1943 году отделом распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав.

Основой сюжета пьесы послужила подлинная история подвига севастопольской 365-й батареи, которая в течение 250 дней отбивала атаки врага и, будучи окруженной фашистами, вызвала на себя огонь нашей артиллерии. Имена героев изменены писателем.

В годы Великой Отечественной войны пьеса шла на сценах многих флотских театров. Осенью 1944 года «Песнь о черноморцах» была показана Харьковским Русским драматическим театром. В 1952 году пьеса поставлена на сцене Центрального театра Советской Армии в Москве.

Критика единодушно отмечала широкий этический смысл пьесы. Так, А. Марьямов писал: «Важнейшее достоинство пьесы заключается в том, что Б. Лавренев стремится показать в ней не только картину событий, но и истоки подвига, таящиеся в духовном мире советского человека» («Литературная газета», 17 февраля 1953 г.).

Печатается по тексту Двухтомника 1958 г.

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ

Пьеса впервые опубликована в журнале «Звезда», Л., 1945, № 12, под названием «За тех, кто в море!». В некоторых отдельных изданиях 1945 и 1946 годов печаталась также под названием «Дальняя дорога».

Летом 1942 года в качестве военного корреспондента газеты «Красный флот» Б. Лавренев уехал на длительный срок за Полярный круг. «Из поездки на Север,— вспоминает писатель А. Штейн,— Лавренев привез не только множество деталей щедрого военно-морского фольклора, но и нечто более важное и серьезное. Он встречался с матросами и офицерами торпедных катеров, ходивших в конвое, в боевом охранении транспортов, шедших в Заполярье из Англии, участвовавших в смелых морских атаках. Жил на базе флота, присматривался, приглядывался, прислушивался. И — привез в столицу с Севера «За тех, кто в море» («Знамя», 1964, № 4, с. 97).

«Пьесу «За тех, кто в море» я написал в счет оплаты моего грандиозного долга моим современникам, принесшим в мой творческий мир неисчислимые сокровища»,— говорил Б. Лавренев, подразумевая на этот раз под «современниками» «замечательное второе поколение Октября». «Я ставил себе задачу,— рассказывал драма-

тург,— показать среду советских военных моряков такой, какой мне пришлось ее видеть в боевые дни, чтобы донести до зрителя все очарование этой среды, своеобразность и свежесть человеческих характеров, воспитанных морем и морской службой, характеров прямых, гордых, упорных, полных широты и простоты. Мне хотелось показать атмосферу дружного коллектива людей, которых самые условия их профессии скрепляют прочной братской и товарищеской связью, людей прочной морали и беспощадной к себе и другим этической требовательности. Показать в условиях их тяжелого, но полного романтики боевого труда. И показать, как эта семья воспитывает своих сочленов, как разрешаются в ней большие принципиальные конфликты» («Литературная газета», 22 февраля 1947 г.).

Но значение пьесы не ограничивалось показом чисто морского колорита и коллизий военного времени: «Работая над пьесой о моряках,— рассказывал Б. Лавренев,— я старался разрешить ее так, чтобы она вышла за узкие грани профессиональной «морской темы», чтобы ее события могли заинтересовать и заставить задуматься любого советского человека, независимо от положения, возраста и пола. Ибо основное в пьесе — не «морская специфика», а ее общие и близкие всем советским людям моральные и этические проблемы» (там же).

В январе 1947 года пьеса «За тех, кто в море» почти одновременно была показана в двух московских театрах: в Малом театре и в Театре имени Ленинского комсомола.

Оба спектакля вызвали большую прессу. Сравнительный анализ игры различных актеров в пьесе «За тех, кто в море» дал возможность критике раскрыть глубокий современный смысл и богатство психологических оттенков, заключенных в характерах героев.

По сравнению с первым журнальным вариантом последующие редакции пьесы отличаются некоторыми изменениями отдельных сюжетных положений.

Печатается по тексту Двухтомника 1958 г.

ГОЛОС АМЕРИКИ

Пьеса впервые опубликована в журнале «Звезда», Л., 1949, № 8. Премьера спектакля состоялась 29 ноября 1949 года в Центральном театре Советской Армии.

Пьеса «Голос Америки» заняла заметное место среди публицистических пьес начала 50-х годов.

В беседе со студентами ВГИК писатель рассказал историю создания этой пьесы: «Подготовительная работа к пьесе продолжалась примерно месяцев восемь, причем я был снабжен всеми материалами, включительно до того, что я получил доступ к ряду доку-

ментов Министерства иностранных дел... Все это были очень интересные материалы, которые открывали глаза на многое...» («Беседа со студентами ВГИК». Стенограмма. Архив писателя).

Тщательное знакомство с официальными документами и книгами экономического, исторического и публицистического характера не могло удовлетворить писателя. «Стал я обращаться к другим источникам и прежде всего ухватился за американские журналы типа «Лайф», «Дайджест мэгэзин» и другие...» («Моя работа над пьесой «Голос Америки». Стенограмма беседы со студентами Литинститута. Архив писателя). Но и этого было «...очень мало,— рассказывает драматург,— потому что все это, может быть, было хорошо для публицистической статьи, для какого-то научного труда, но не для драматургии, где все-таки, в основном, вопрос решают люди, человеческие образы, характеры и обстановка — правдивая, жизненная, бытовая обстановка. Изучение этой обстановки было самым трудным в работе над пьесой... Мне пришлось прочесть в течение этих восьми месяцев груду американских повестей, рассказов, романов последнего времени, которые постепенно втаскивали меня в эту американскую атмосферу, в этот быт, в стиль их жизни, манеру разговора, в человеческие взаимоотношения, в те чувствования и мысли, которыми живет средний американец наших дней» («Беседа со студентами ВГИК»).

Когда окончился этот длительный подготовительный период, «встал вопрос о сюжете, о фабуле». «Я долго не мог нащупать,— вспоминал впоследствии Лавренев,— от чего танцевать, пока, перебирая свои материалы, не натолкнулся на совершенно незначительную заметку, которую я читал до этого несколько раз, но она как-то не входила по-настоящему в мое сознание. Это была заметка такого рода: в американской армии во время войны служил в одном из полков молодой офицер, капитан. Настоящее имя его — Сид Райтер. Он был левых убеждений, во время войны был очень хорошим командиром, отмечался в приказах, был награжден. После войны он вернулся в Америку. Когда он вернулся и, вступив в прогрессивный союз ветеранов войны, продавал на улицах газеты, издававшиеся этим объединением, он был жестоко избит куклуксклановцами и изгнан со службы... Долгое время преследовался и, в конце концов, обратился в бездомного люмпен-пролетария, которому деваться было некуда. Эта заметка... стала той отправной точкой, от которой я начал танцевать, приступив вплотную к литературному оформлению замысла» («Моя работа над пьесой «Голос Америки»).

Легкость, с которой давалась драматургу работа над первым действием пьесы, объяснялась в большой мере личными впечатлениями писателя, близко видевшего американских солдат весной 1945 года в Вене, где находился тогда Б. Лавренев.

В дальнейшей работе над пьесой перед драматургом возник целый ряд трудностей. «Для меня,— рассказывал Б. Лавренев,— встал еще один вопрос... как показывать Америку?.. Воспоминание о «Разломе» убедило меня в том, что, пожалуй, и для этой моей пьесы лучше всего применить тот же принцип — отражение больших событий в малом масштабе какой-то очень резко очерченной маленькой ячейки... И я решился показать современную Америку через семью капитана Вальтера Кидда» (т а м ж е).

Особенно трудно давался драматургу образ коммуниста Макдональда, которого писатель называл «вторым героем пьесы», «политической совестью капитана Кидда». «Он был самой сложной для меня задачей в пьесе,— рассказывал Б. Лавренев.— Мне порой кажется, что я все же до конца эту фигуру не вылепил» (т а м ж е).

Главному герою пьесы Б. Лавренев дал следующую характеристику: «Кидд — представитель высокого слоя американской интеллигенции. Но вместе с тем он наивный идеалист, взрослый ребенок, экспансивный, горячий, блуждающий в иллюзиях, неуравновешенный. С одной стороны, ему требуется политическое руководство... С другой стороны — внутренняя моральная опора в лице Синтии» (т а м ж е).

Впоследствии Б. Лавренев критически отзывался о своей пьесе: «...я моментами чрезвычайно увлекался этим «кулер локаль» — местным американским колоритом, и уже старался не столько освоить американский материал и перевести на русскую структуру речи, сколько механически подражал американской манере разговора, стилю, словечкам и проч. Это, конечно, был большой недостаток пьесы» («Беседа со студентами ВГИК»). *Лоббизм* — система подкупа членов конгресса США агентами (лобби) крупных банков и монополий для проведения законов и назначений в интересах монополистического капитала. *...закон Тафта — Хартли.*— Закон, принятый конгрессом США в июне 1947 года, по которому любая забастовка может быть отсрочена или запрещена.

Печатается по тексту Двухтомника 1958 г.

ЛЕРМОНТОВ

Пьеса впервые опубликована в журнале «Театр», 1953, № 4.

Любовь к Лермонтову и мечта воплотить образ поэта сопровождали творчество Б. Лавренева на всем его протяжении, начиная с того времени, когда в 1925 году он в связи с работой над пьесой «Кинжал» и сценарием «Южное общество» впервые обращается к эпохе декабристов. Во всяком случае, уже в 1927 году, рассказывая о своей работе над «Разломом», Б. Лавренев одновременно сообщает: «Осенью предполагаю закончить повесть о Лермонтове, над ко-

торой работаю второй год» (журнал «На литературном посту», 1927, № 137, с. 81). Повесть, или роман, как впоследствии называет задуманное произведение Б. Лавренев, закончена не была (в архиве писателя сохранилась незавершенная рукопись), но писатель в течение долгих лет не оставляет надежды вернуться к образу любимого поэта. Замысел пьесы о Лермонтове окончательно оформился только в 1950 году. «В предстоящем году,— делится Б. Лавренев своими новогодними планами с читателями «Литературной газеты»,— я буду занят работой над двумя пьесами. Первая из них посвящена Лермонтову. Действие ее начинается в дни дуэли и смерти Пушкина и заканчивается гибелью Лермонтова, то есть относится к последним четырем годам его жизни» («Литературная газета», 31 декабря 1950 г.).

Делясь своим опытом драматурга со студентами ВГИК в 1955 году, Б. Лавренев рассказывает о большой предварительной работе, которой требует от писателя его труд, и ссылается при этом на историю создания пьесы «Лермонтов»: «Я... работал над Лермонтовым в течение 15 лет (вероятно, ошибка в стенограмме.— *Е. С.*), работал не как писатель пока еще, а как исследователь. У меня нет ни звания кандидата филологических наук, ни звания доктора, но я должен сказать прямо, что работал над биографией Лермонтова настолько серьезно, что в ходе этой работы я пришел к некоторым совершенно самостоятельным выводам чисто исследовательского порядка...» Однако свою концепцию образа Лермонтова и обстоятельств его гибели Б. Лавренев все-таки ставит в зависимость от достижений советского литературоведения: «Я поставил себе основную задачу — показать образ М. Ю. Лермонтова на основе новых материалов, разработанных советским литературоведением, резко отлично от ряда имеющихся пьес и прозаических произведений, посвященных поэту, написанных по устаревшим и во многом неверным биографиям Лермонтова, созданным буржуазным литературоведением. В этих пьесах и повестях Лермонтова изображали то в виде «гордого Демона», презирающего весь мир, то в виде разухабистого гусарского офицера, волокиты и легкомысленного мальчишки. В действительности, ни та, ни другая трактовка не имеет ничего общего с Лермонтовым, прямым идейным преемником декабризма, выразителем передовых идей своего времени, гениальным художником и мыслителем, в котором Белинский видел наследника Пушкинского гения» («Труд», 15 декабря 1954 г.).

Основные усилия драматурга были сосредоточены на образе самого поэта. «...Роль Лермонтова,— говорил писатель,— проходит главной ролью во всем спектакле. За исключением двух картин, в которых Лермонтов не участвует, из двенадцати в десяти картинах это — главенствующая фигура в пьесе. Для этой роли

требуется актер огромнейшего опыта...» («Беседа со студентами ВГИК»). Такое построение пьесы создавало громадные трудности для драматурга, которому нужно было в разнообразнейших обстоятельствах — и в обыденной жизни, и трагических коллизиях — показать противоречивого человека, гениального поэта, историческую личность, о которой, по словам Б. Лавренева, «у каждого есть свое представление». Студентам ВГИК он рассказывал о собственном понимании и ощущении образа Лермонтова: «Лермонтов — необычайно сложная фигура по своему характеру. В этом человеке, в двадцать семь лет кончившем свою жизнь и опередившем по уровню мышления свою эпоху, по крайней мере, на полвека, человеке, которого, если бы он прожил еще десять лет, мы имели бы в рядах великолепной когорты демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, потому что он шел к связи с этой группой,— в нем, с другой стороны, было очень много от баловня семьи, единственного внука, барича, отравленного ужасными нравами николаевской казармы, школы кавалерийских юнкеров, в которой учились лоботрясы из всех аристократических семей и которая наложила огромный отпечаток на характер этого юноши...» (т а м ж е).

В 1953 году пьеса «Лермонтов» была принята к постановке Художественным театром. Премьера состоялась в декабре 1954 года.

Спектакль «Лермонтов» вызвал большую прессу. В целом, пьеса была хорошо принята литературной и театральной общественностью, хотя образ Лермонтова и подвергся некоторой критике.

Развернутую и объективную характеристику пьесе дал А. Фадеев в «Заметках о литературе» 1955 года. Высоко оценивая пьесу «Лермонтов» в целом, А. Фадеев соглашался с критическими замечаниями в адрес его главного героя: «Образ Лермонтова, как он дан в пьесе Лавренева, подвергся в известной мере справедливой критике. Автору действительно не удалось с достаточной полнотой выразить глубокое общественно-историческое содержание образа русского поэта, которому выпало на долю после разгрома декабристов и после смерти Пушкина ...пронести в условиях мрачного и подлого режима... огонь гражданской поэзии... Но было бы неверным утверждать, что драматургу вовсе не удалось передать существенных черт этого сложного характера, противоречивого, своенравного и обаятельного... По глубине исторической эта вспашка не так глубока, как нам хотелось бы, но пласт, поднятый драматургом, обработан со всем искусством» («Литературная газета», 22 сентября 1955 г.).

Печатается по тексту Двухтомника 1958 г.

Е. Старикова

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Лавренев Б. А.

Л13 Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 5. Пьесы/ Подгот. текста А. Лавренева; Примеч. Е. Стариковой. М.: Худож. лит., 1984.— 511 с.

В том включены широко известные драматические произведения Б. Лавренева—пьесы «Разлом», «За тех, кто в море», «Голос Америки» и др.

Л $\frac{4702010200-027}{028(01)-84}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

БОРИС АНДРЕЕВИЧ
ЛАВРЕНЕВ

Собрание сочинений
том 5

Редактор В. Буланова

Художественный редактор Е. Ененко

Технический редактор О. Ярославцева

Корректоры
Л. Овчинникова, Т. Филиппова

ИБ № 2424

Сдано в набор 05.08.83. Подписано к печати А10541 28.03.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 26,88. Уч.-изд. л. 27,94. Тираж 100 000 экз. Изд. № III-839. Заказ №4-118. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28, отпечатано на Киевской книжной фабрике, 252054, Киев, ул. Воровского, 24.

